И. Е. Суриков

Античная Греция:

ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

На пороге нового мира

Университет Дмитрия Пожарского

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
УНИВЕРСИТЕТ ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

И.Е. Суриков

Античная Греция: политики в контексте эпохи

На пороге нового мира

Москва
Университет Дмитрия Пожарского
2015

Утверждено к печати Ученым советом Института всеобщей истории
Российской Академии наук
Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского

Ответственный редактор:
доктор исторических наук С.Г. Карпюк
Рецензенты:
доктор исторических наук А.А. Завойкин,
кандидат исторических наук А.Л. Смышляев

Суриков И.Е.
Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 392 с.

ISBN 978-5-91244-140-0

Книга представляет собой четвертую и последнюю часть цикла биографий выдающихся политических деятелей архаической и классической Греции. Опираясь на данные античных источников и результаты работ современных исследователей, автор реконструирует основные события яркого, зачастую противоречивого и насыщенного разнообразными перипетиями жизненного пути этих политиков. Особое внимание уделяется историческому контексту, выходу на ключевые проблемы, связанные с развитием древнегреческой цивилизации. Прежде всего в данной книге ставится проблема предэллиниистических тенденций в IV в. до н.э. Соответственно, главными героями книги являются именно видные исторические персонажи этого столетия: спартанский царь Агесилай Великий, фиванский полководец Эпаминонд, афинский оратор Демосфен, отчасти также Александр Македонский.

Книга предназначена для историков-антиковедов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов и всех, кто интересуется историей Древней Греции.

© Суриков И.Е., текст, 2015
ISBN 978-5-91244-140-0
© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015

Оглавление

От автора ▫ 4
Введение ▫ 6
Глава I. Предэллинизм, как мы его понимаем ▫ 19
Глава II. Агесилай Великий: блеск и нищета Спарты ▫ 71
Глава III. Эпаминонд: лучший из лучших ▫ 157
Глава IV. Демосфен: оратор у руля государства ▫ 207
Вместо заключения. Александр Македонский
и конец классической Греции ▫ 319
Эпилог к циклу книг
«Античная Греция: политики в контексте эпохи» ▫ 357
Библиография ▫ 360
Список сокращений ▫ 389

Светлой памяти отца
Евгения Петровича Сурикова
(1935–2012)

От автора

Первую книгу завершающейся тетралогии я как-то не удосужился никому посвятить. Вторую посвятил памяти деда, третью – недавно родившемуся сыну. Когда начинал писать эту, четвертую, твердо планировал поставить на ней посвящение «Дорогим родителям». Увы, человек предполагает, а Бог располагает. Не сложилось. Одного из родителей уже нет.

Отец так и не возьмет в руки эту монографию. А ведь он – хотя и был инженером, человеком далеким от гуманитарных дисциплин, – с огромным интересом прочитывал мои предыдущие книги, ждал выхода новых, говорил: «Я горжусь тобой». Даже в последние дни своей смертельной болезни с энтузиазмом рассказывал – мне передавали – сотоварищам по больничной палате в Нижнем Новгороде: «А у меня сын – ученый в Москве, в Академии наук, древними греками занимается...». Папа, дорогой папка, как мне не хватает тебя!

Еще летом 2012-го ты был, в свои 77, здоров и бодр. Мы с тобой сидели за столом в нашем родовом деревенском доме, пили водку, вокруг бегал мой пятилетний Сева, ужасно интересовавшийся (детище мегаполиса!) реалиями сельской жизни, и ты спрашивал меня: «Над чем сейчас работаешь?». – «Да вот, новую книжку пишу», – уклончиво отвечал я. Мы трескали выращенные тобой на огороде огурцы, помидоры, морковь, ели пойманную тобой в реке рыбу, лопали прямо из сот мёд, что принесли пчелы в твои ульи... Ты вёл образцово активную жизнь.

А прошло лишь несколько месяцев – и я сидел у твоего гроба. Отец, ты даже не дожил до возвращения Крыма. Но, конечно, ты всё это видишь *оттуда*, и душа твоя радуется.

* * *

Считаю своим приятным долгом поблагодарить коллег – сотрудников отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН. Они взяли на себя труд прочесть книгу в рукописи, на обсуждении вы-

сказали ряд ценных советов, предложений, замечаний. Многие из этих замечаний были мной учтены при дальнейшей работе над текстом; в то же время в каких-то случаях я предпочел остаться при своем мнении. Как бы то ни было, коллеги, разумеется, не несут никакой ответственности за недостатки, которые могут обнаружиться в книге: таковые следует относить всецело на счет автора.

Отдельная благодарность – С.Г. Карпюку, любезно согласившемуся стать ответственным редактором монографии, а также А.А. Завойкину и А.Л. Смышляеву, взявшим на себя труд дать внешнюю и внутреннюю рецензии. Спасибо и друзьям, помогавшим с поиском литературы! В их числе primus inter pares – Ю.Н. Кузьмин.

Введение

Данная книга является четвертой и, несомненно, последней в цикле наших монографий, объединенных общим заголовком «Античная Греция: политики в контексте эпохи». В предыдущих трех[1] у нас было более чем достаточно случаев говорить об общих принципах анализа, изложения, структурирования материала, принятых автором этих строк для всего цикла; поэтому вряд ли имеет смысл повторяться и заново останавливаться на тех же предметах. Пожалуй, следует акцентировать не то, в чём настоящая работа имеет сходство со своими «предшественницами» (это для читателя и так будет очевидно), а лишь то, чем она от них отличается.

1. Разумеется, иными будут хронологические рамки исследования. Коль скоро о них зашла речь, то уместно тут же сразу и попытаться определить их. Говоря в самом грубом приближении, это – IV в. до н.э. Если же конкретизировать, то, наверное, наиболее точным будет сказать, что изложение начнется с конца Пелопоннесской войны (404 г. до н.э.)[2], а завершится смертью Александра Македонского, Демосфена и концом афинской демократии, то есть событиями 323–322 гг. до н.э.

Иными словами, имеется в виду, если посмотреть уже с точки зрения не хронологии, а периодизации, конец классической эпохи или период поздней классики. Разумеется, любая периодизация несет в себе тот или иной элемент субъективного, условного; наверное, не все согласятся, что временные границы

[1] АГ-1; АГ-2; АГ-3.

[2] Впрочем, бывают случаи, когда чрезмерная точность и вряд ли достижима, и не особо то нужна. С тем же успехом можно было сказать, что мы начинаем рассказ от времени «около 400 г. до н.э.» или от «рубежа V–IV вв. до н.э.», и никакой ошибки всё равно не было бы. С другой стороны, необходимо оговорить, что неизбежны некоторые хронологические пересечения с книгой АГ-3. Они минимальны (в связи с деятельностью Фрасибула пришлось вкратце затронуть проблемы Коринфской войны, а в данной монографии мы на этом конфликте остановимся подробнее), но совсем обойтись без них было никак нельзя.

поздней классики именно таковы. Чему и когда именно она приходит на смену, что и когда именно приходит на смену ей?

Но всё это, в конечном счете, «спор о словах», а не о сущности предмета, и мы будем исходить из традиционного, «школьного» представления о делении античной истории на периоды, тем более что оно не вступает в сколько-нибудь серьезное противоречие с действительностью. Более того, с исторической периодизацией совпадает в данном случае, например, искусствоведческая[3] (рубеж V–IV вв. до н.э. – переход от высокой классики к поздней), а это, очевидно, всё же о чем-то говорит.

Любая же иная периодизация, альтернативная общепринятой, сразу начинает обнаруживать вполне очевидные «минусы». Так, для А.Ф. Лосева[4] ранняя классика – это натурфилософы-досократики, средняя классика – софисты и Сократ, зрелая или высокая классика – Платон, поздняя классика – Аристотель. Не столь уж принципиально, что периодизируется здесь не древнегреческая история, а история античной философии; главное, что бросается в глаза, – наличие определенных несообразностей. Ранняя классика отсчитывается у Лосева с Фалеса, хотя этот мудрец очевидным образом принадлежит к архаике, да еще и не самой поздней; зачем-то отдельно выделяется «средняя» и отдельно «зрелая» классика, хотя трудно понять разницу между этими двумя терминами (то, что лежит между «ранним» и «поздним», равным образом может быть названо – в зависимости от вкуса автора – и «средним», и «зрелым»); наконец, поздняя классика у выдающегося нашего философа начинается как-то уж слишком поздно (Платон умер в 347 г. до н.э.; сохранившиеся произведения Аристотеля относятся в основном к 340-м – 320-м гг. до н.э.).

Сказанное имело целью только продемонстрировать, что традиционная периодизационная схема, пусть и не чуждая некоторых недостатков, не просто имеет право на существование, но и продолжает оставаться предпочтительной перед другими. Кажется, осталось упомянуть еще вот о чем. Время деятельности Александра Македонского, согласно тем же общепринятым представлениям, чаще включается уже в эпоху эллинизма (как известно, начиная с Дройзена, который, собственно, эллинизм и «открыл»). В мировом масштабе начало эллинизма, бесспорно, следует связывать с Александром. Однако у нас речь идет о Греции, «старой Элладе», а в ней в годы правления и походов великого македонянина эллинизм явным образом еще не наступил. Соответственно, для Греции вполне оправдано и этот хронологический отрезок (336–323 гг. до н.э.) рассматривать в контексте поздней классики, что мы и делаем. По сути дела, основные события указанных лет – установление македонской гегемонии, факти-

[3] *Borbein A.H.* Die bildende Kunst Athens im 5. und 4. Jahrhundert v.Chr. // AD. S. 429–467.

[4] Например: *Лосев А.Ф.* История античной философии в конспективном изложении. М., 1989. С. 47 слл.

ческий конец независимости полисной Греции, крушение классической демократии в Афинах – являются политическими перипетиями, которые для греков завершают классическую эпоху и начинают эпоху эллинизма. Иными словами, речь следует вести о переходном периоде. А особенность любого переходного периода – в том, что он может быть при желании включен в состав и предшествующей и последующей эпох, поскольку относится к ним обеим.

2. Неизбежны перемены и в круге используемых источников: он применительно к IV в. до н.э. довольно существенно разнится по сравнению с предшествующим столетием. Увы, нас покидает Фукидид (как несколько ранее покинул Геродот), и из историков, чьи труды сохранились полностью, приходится довольствоваться Ксенофонтом, а он, при всём к нему уважении, не работал, как прекрасно знает любой специалист, на столь же высоком уровне. Привлекаться будет, естественно, в первую очередь основной исторический трактат Ксенофонта – «Греческая история», в котором, хотя изложение и начинается с 411 г. до н.э., но главное внимание уделено делам первых четырех десятилетий IV в. до н.э. (до битвы при Мантинее). Коль скоро мы заговорили о Ксенофонте, укажем также: небольшой трактат-энкомий «Агесилай», принадлежащий перу этого же автора, заслуживает того, чтобы быть специально отмеченным. Ведь это, во-первых, самый ранний из созданных в античной Греции памятников биографического жанра (во всяком случае, если иметь в виду дошедшие до нас)[5]; во-вторых, что еще более важно, рассказывается в нем о человеке, который и на страницах данной книги займет значимое место.

Что же касается четырех десятилетий после Мантинеи – «эпохи Демосфена», как часто называют в это время, – здесь источниковая ситуация серьезно усложняется. К глубочайшему сожалению, не сохранились в целостном виде труды, написанные историками, которые жили в эту эпоху. Мы имеем в виду прежде всего сочинения Эфора и Феопомпа, утрата которых является, безусловно, очень болезненной. Ведь оба названных автора (каковы бы ни были присущие им недостатки[6]) являлись выдающимися представителями позднеклассической

[5] Пожалуй, необходима всё-таки оговорка: рядом с «Агесилаем» Ксенофонта обязательно должен упоминаться и «Евагор» Исократа. Ведь, строго говоря, нельзя сказать с точностью, какой из этих двух памятников появился раньше (и, пожалуй, «Евагор» все-таки предшествует «Агесилаю»). Однако, в отличие от Агесилая, Евагор не входит в число «героев» нашей книги; соответственно, и обращаться к его биографии нам практически не придется. В связи с этой интересной фигурой см. в отечественной историографии недавнюю работу: *Антонов В.В.* Античная традиция о рождении и смерти Эвагора I // ИИАО. Вып. 13. Нижний Новгород, 2010. С. 93–105.

[6] Об их недостатках и достоинствах см., например: *Christ M.R.* Theopompus and Herodotus: A Reassessment // ClQ. 1993. Vol. 43. No. 1. P. 47–52; *Marincola J.* Universal History from Ephorus to Diodorus // CGRH. Vol. 1. P. 171–179; *Махлаюк А.В., Суриков И.Е.* Античная историческая мысль и историография. М., 2008. С. 100–101.

историографии (на наш личный взгляд, более крупными, чем тот же Ксенофонт), их произведения имеют первоклассную историческую ценность. Разумеется, от них сохранились фрагменты в цитатах более поздних античных писателей, плюс есть еще повествование Диодора, которое для IV в. до н.э. в весьма значительной степени зиждется именно на данных Эфора и Феопомпа. Но, поскольку Диодор ссылается на свои источники редко, вопрос о том, что́ он заимствует у Эфора и что́ у Феопомпа, относится к категории очень непростых, – пожалуй, таких, которые никогда не будут однозначно решены. Нам тоже здесь вряд ли уместно специально обращаться к рассмотрению этого вопроса[7].

Для описания и изучения фактов, имевших место на обозначенном хронологическом отрезке (362–322 гг. до н.э.), приходится, таким образом, прибегать к помощи сочинений иных жанров, но также современных событиям. Воистину огромное место в корпусе источников начинают занимать политические и судебно-политические речи афинских ораторов. С подобной ситуацией нам не приходилось или почти не приходилось сталкиваться в предыдущих книгах этого цикла[8]. А теперь от нее никуда не уйти: ведь нельзя же, например, написать биографию Демосфена, не базируясь в очень значительной степени на материале его собственных речей, а также речей его соратников и соперников: Эсхина, Гиперида, Динарха и др.

И тут необходимо отдавать себе отчет в специфике памятников политического красноречия античности как исторических источников. Подробно говорить об этом не приходится, поскольку речь идет, в общем-то, о вещах достаточно очевидных. Конечно, мало какой древнегреческий исторический трактат выдержит строгую проверку на предмет предельно тщательного следования автора принципу sine ira et studio; и все-таки на фоне ораторских речей труды историков предстают просто-таки образцами объективности. У Демосфена, Эсхина и их «коллег» вопиющая, нескрываемая тенденциозность так и бьет через край, они нимало не смущаются самыми грубыми искажениями фактов и даже их прямым изобретением[9]. Это всегда нужно иметь в виду.

Далее, в отличие от исторических произведений, в которых изложение идет в целом по хронологическому принципу (естественно, встречаются и отклонения от него, но в данном случае исключения как раз подтверждают правило), у ораторов мы этого чаще всего не встретим. Расположение ими материала дик-

[7] Каждый обратит внимание на то, что мы мало пользуемся данными Диодора. Это в какой-то мере сознательная позиция. Мы невысоко ценим названного автора. В этом плане нам близки, скажем, высказывания в работе: *Gray V.J.* The Value of Diodorus Siculus for the Years 411–386 B.C. // Hermes. 1987. Bd. 115. Ht. 2. S. 72–89.

[8] Впрочем, в АГ-3 для некоторых событий доводилось уже привлекать данные из речей самых ранних ораторов – Антифонта, Андокида, Лисия.

[9] См. в данной связи: *Кудрявцева Т.В.* Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. С. 224 слл.

товалось не его реальной временной последовательностью, а требованиями риторического жанра.

Наверное, с тем, что сказано здесь о речах, в теории согласятся все или почти все. На практике, однако, слишком часто к этим источникам всё же подходят с чрезмерной прямолинейностью, не учитывая всю трудность работы с ними. Сплошь и рядом, например, приходится натыкаться на доводы в том духе, что оратор имярек не мог бы пойти на откровенную фальсификацию и измышление несуществующих фактов, а разве что мог их, допустим, слегка «передернуть». Ведь он выступал в суде, где на ставке стоял выигрыш или проигрыш дела, и грубый обман присяжных, если бы он вскрылся, пошел бы говорящему только во вред. Увы, подобная аргументация «не работает» по той простой причине, что в действительности на судебных процессах ораторами (в том числе и прославленным Демосфеном) нередко изрекалась самая наглая ложь.

Дабы не показалось, что столь ответственный тезис декларируется нами голословно, приведем один, но в высшей степени показательный пример. Взят он из очень нашумевшего процесса о венке (330 г. до н.э.), на котором обменялись направленными друг против друга речами Эсхин и Демосфен. Соответственно, в биографии последнего о данном процессе будет подробно говориться; а пока только вкратце[10] рассмотрим, как Демосфен в своем выступлении изображает родителей оппонента и насколько это изображение соответствует действительности.

Отцом Эсхина был Атромет. Всё, что достоверно известно об этом афинянине[11], рисует его как человека достойного и почтенного. Он был достаточно знатен (имел какое-то отношение к древнейшему роду Этеобутадов), но небогат, почему и посвятил себя скромной профессии школьного учителя[12]. Пройдя почти столетний жизненный путь (437–342 гг. до н.э.), он во всём разделил судьбу родного полиса: разорился в Пелопоннесскую войну, бежал от преследований «Тридцати тиранов» в 404 г. до н.э., принял участие в свержении этого режима и установлении демократии в следующем году...

Что же говорит на процессе о венке Демосфен об Атромете, а также о его супруге Главкофее, матери Эсхина? В это сложно поверить, но он рассказывает *совершенно другую* историю, не имеющую *ничего общего* с действительностью.

---

[10] Подробнее см.: *Суриков И.Е.* Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // ДБ. 2009. Т. 13. С. 393–413.

[11] Сводку данных см. *Kirchner J.* Atrometos // RE. Bd. 2. Stuttgart, 1896. Sp. 2149.

[12] Возможно, моральные установки отца перенял по наследству Эсхин. Во всяком случае, отмечается (*Mossé C.* La classe politique à Athènes au IVème siècle // AD. S. 76), что последний – единственный из крупных афинских политиков IV в. до н.э., который никак не был связан с тогдашними «бизнесменами» – трапезитами и эмпорами. Об эмпорах в целом см.: *Reed C.M.* Maritime Traders in the Ancient Greek World. Cambridge, 2003.

«Хотя я не вижу трудности относительно того, что мне сказать про тебя и про твоих, – обращается Демосфен к Эсхину, – но я затрудняюсь на счет того, о чем упомянуть в первую очередь – о том ли, что твой отец Тромет был рабом у Эльпия, державшего школу грамоты возле храма Тесея, и носил толстые колодки и деревянный ошейник, или о том, что мать твоя, занимавшаяся среди бела дня развратными делами в лачужке возле героя Каламита, воспитала из тебя хорошенького кукленка и превосходного... тритагониста? Но об этом все знают, если даже я не буду говорить. Или, может быть, сказать о том, как флейтист с триеры Фермион, раб Диона, фреаррийца, дал ей подняться от этого прекрасного ремесла?.. Ведь он был сыном не обыкновенных людей, а таких, которых народ предает проклятию. Он когда-то поздно – поздно, говорю я? – да нет, всего только вчера, совсем недавно, сделался сразу и афинским гражданином, и оратором и, прибавив два слога, отца своего из Тромета сделал Атрометом[13], а мать очень торжественно назвал Главкофеей – ту, которую все знают под именем Эмпусы; это прозвище ей дали, очевидно, потому, что она всё делала, и всё позволяла с собой делать, становилась чем угодно – иначе от чего же другого?» (Demosth. XVIII. 129–130).

Всё сказанное здесь просто нельзя назвать иначе, как самой гнуснейшей ложью. Но что особенно обращает на себя внимание? Самоуверенность, с какой эта ложь изрекается. Демосфен ничтоже сумняшеся (фактически «делая хорошую мину при плохой игре») заявляет, будто бы все присутствующие и так хорошо знают факты, которые он приводит (хотя эти факты он сам же и выдумал), а, кроме того, обрушивает на аудиторию массу конкретных подробностей – имя хозяина «раба Тромета», место, где находилась школа этого хозяина, место, где занималась проституцией мать Эсхина, имя человека, помогшего ей (видимо, субсидировав какую-то относительно крупную сумму) покончить с этим позорным занятием...

Иными словами, рассказ настолько детален, что производит впечатление абсолютно достоверного. Не будь об Атромете и Главкофее иной информации, кроме этой, все исследователи, без сомнения, были бы уверены в том, что она вполне соответствует действительности: разве можно было бы такое выдумать, так живо и сочно описать?

Но в том-то всё и дело, что живое и сочное описание в данном (далеко не единственном) случае скрывает-таки под собой выдумку самой чистой воды. Как говорится, чем более чудовищной и наглой будет ложь, тем скорее ей поверят. Во всяком случае, поверят исследователи, отделенные от событий двумя с лишним тысячелетиями. На то Демосфен с Эсхином и были подлинными гран-

[13] По-древнегречески в имени Тромет (Τρόμης) два слога, в имени Атромет (Ἀτρόμητος) – четыре. Важнее совершенная здесь смысловая подмена: якобы отец Эсхина из «Трепещущего» стал «Бестрепетным».

дами риторического искусства, преуспевшими в любых его тонкостях; ничто не мешало им использовать это мощное оружие в неблаговидных целях введения в заблуждение – если не современников, то хотя бы потомков.

Сопоставим вариант рассказа Демосфена о родителях Эсхина, представленный на суд публики в 330 г. до н.э., с тем вариантом, который прозвучал из демосфеновских же (!) уст тринадцатью годами ранее, на процессе о преступном посольстве: «...ну, а как же вы отнесетесь к сыну Атромета, учителя грамоты, и Главкофеи, собиравшей сонмища, из-за которых была казнена другая жрица?» (Demosth. XIX. 281). В этом пассаже Демосфен Эсхина тоже, мягко говоря, «по головке не гладит»; однако же тут не появляются ни «раб Тромет», ни «проститутка Эмпуса».

Иными словами, в двух образчиках судебного красноречия, принадлежащих *одному и тому же* человеку и повествующих об *одних и тех же* людях, – жизнь этих людей изображена в принципиально разном свете. Здесь нужно учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, на момент произнесения речи «О преступном посольстве» отец Эсхина был еще жив, а ко времени процесса о венке уже скончался, что благоприятствовало сочинению разных небылиц о нем и его супруге. Во-вторых, за годы, прошедшие между двумя заседаниями дикастерия, отношения между двумя ораторами и политиками резко накалились, их нападки друг на друга стали гораздо более ожесточенными и менее сдержанными.

Приведенный пример, подчеркнем, имел скорее иллюстративный характер. Но многие, думается, согласятся, что перед нашими глазами предстала яркая, а главное – характерная картинка того, как классические афинские ораторы относились к пресловутой истине. В целом же сказанного здесь об источниковой базе исследования пока достаточно, тем более что конкретный набор важнейших источников о жизни и деятельности каждого из интересующих нас политиков будет, по традиции, подробнее характеризоваться во вступительных частях соответствующих глав.

3. Вернемся к специфике данной книги по сравнению с предыдущими тремя. Еще один аспект, в котором она проявляется, – «географическое распределение» политических деятелей, о которых пойдет речь. В прежних монографиях цикла наблюдался (и это во многом было обусловлено объективными причинами) решительный перевес в сторону Афин. В книге АГ-1 появился только один не-афинянин (спартанский царь Клеомен I), в книгах АГ-2 и АГ-3 таких исключений не было вообще, в них фигурировали *только* афинские граждане.

Не можем не заметить, что в связи с этим со стороны некоторых коллег-читателей по нашему адресу поступали вопросы и даже нарекания, на что мы всегда отвечали контрпредложением: пусть те, кто считает, что при имеющемся состоянии источников можно написать полноценную биографию кого-либо из

крупных политиков V в. до н.э., действовавших вне Афин, попытаются это сделать, – и они сразу столкнутся с неимоверной сложностью задачи[14].

В настоящей работе, напротив, афиняне – в решительном меньшинстве (и это впервые на протяжении всего цикла). Собственно, только одна ее глава будет посвящена афинянину (разумеется, Демосфену). И вообще все герои книги – выходцы из разных эллинских государств. Опять-таки, элемент произвольного выбора здесь если и есть, то минимален, а в целом выбор отражает реальную специфику изменившейся исторической ситуации. Суть изменений подробно характеризовать здесь, в рамках краткого предисловия, вряд ли уместно; о них, надеемся, составится более или менее адекватное впечатление по итогам всей монографии. Пока приведем только представляющееся нам вполне резонным суждение одного из виднейших современных антиковедов[15]: в IV в. до н.э. многие другие полисы как бы «догнали» Афины, которые ранее шли в безусловном авангарде развития эллинского мира, а теперь утратили былые темпы роста (хотя и сохранили социально-политическую стабильность).

Часть рассматриваемого нами хронологического отрезка прошла под знаком гегемонии Спарты, другая часть – под знаком гегемонии Фив. Поэтому вполне закономерно, что среди политиков, рассматриваемых в книге, не могли не появиться спартанец и фиванец. Лучших кандидатов на эти роли, чем Агесилай и Эпаминонд (по их характерности для соответствующего контекста), кажется, просто не отыскать.

Что же касается Александра, мы естественно, не настолько самонадеянны, чтобы предпринять попытку хоть в сколько-нибудь приближенной степени написать его биографию. Что нам здесь делать после десятков, если не сотен ученых, подвизавшихся на этой стезе? Но в то же время представлялось совершенно необходимым сказать хоть несколько слов (и хоть в качестве заключения, а не главы как таковой) о нем, как о человеке, ставшем в полном смысле слова символом того самого переходного периода.

---

[14] Строго говоря, можно было бы попробовать для книги, охватывающей хронологический отрезок Пелопоннесской войны, написать биографию Лисандра. Такая попытка, скорее всего, оказалась бы в целом успешной. Мы, однако, этого не сделали, и, признаемся честно, вот тут как раз сыграл определенную роль субъективный фактор. Фигура Лисандра нам глубоко антипатична, и мы просто не смогли заставить себя сделать его главным действующим лицом одной из глав (ради этого пришлось бы в известной степени «увлечься» своим героем, а для такого насилия над собой у нас нет ни моральных сил, ни желания). Разумеется, «на заднем плане» Лисандр неоднократно появлялся в различных контекстах в книге АГ-3, да и в той, которую мы сейчас начинаем, тоже неизбежно будет появляться (в первую очередь в связи с карьерой Агесилая). Всё-таки, что ни говорить, реальное историческое значение этого спартанца очень велико.

[15] *Davies J.K.* The Fourth Century Crisis: What Crisis? // AD. S. 35.

4. Теперь, пожалуй, о самом главном: достаточно серьезно меняется ракурс как исследования, так и изложения, во всяком случае, по сравнению с непосредственно предшествующей монографией данного цикла (АГ-3). Теперь нам предстоит взгляд не «из прошлого», а «из будущего». Поясним, что мы имеем в виду.

Вводная теоретическая глава только что упомянутой книги была посвящена, как явствовало уже из ее заголовка, кризису классического греческого полиса (это «кризис IV в. до н.э.», как его обычно называют, или «кризис конца V – IV в. до н.э., как его предпочитаем обозначать мы). Иными словами, речь шла о закате некой исторической эпохи. Но в том-то и суть переходного периода (снова и снова повторяем это значимое для нас словосочетание), что он сочетает в себе черты заката одной эпохи и восхода другой. Опять же, не думаем, что мы говорим здесь что-либо очень далекое от простой банальности. Но тривиальным суждениям не отказано в праве быть истинными[16], и не порок – иной раз их напомнить, особенно в ситуации, когда даже не всякий специалист эксплицитно задумывается над тем, что представляется на первый взгляд вполне естественной «диалектикой», а на деле оказывается коллизией.

К чему мы ведем? Еще до гибели некоего старого социокультурного «мира» в нем начинают пробиваться ростки нового (это суждение – пока еще из ряда тех же банальностей, напоминающих набивший оскомину марксизм, но просим чуть-чуть подождать, пока мы не доведем до конца начатый ход мысли). То новое, о котором здесь идет речь (а это, естественно, эллинизм, знаменовавший конец традиционного полиса), у автора этих строк по ряду причин не вызывает ровно никакого восхищения[17], но фиксировать эту новизну совершенно необходимо – с того самого момента, когда она начинает обнаруживаться.

Иначе говоря, если во вводной главе книги АГ-3 мы преимущественно сосредоточились на том, чем была вызвана, порождена общая обстановка в греческом мире IV в. до н.э., теперь в аналогичной вводной главе наша задача будет заключаться в том, чтобы посмотреть на проблему под противоположным углом: что (и почему) сама эта обстановка вызвала, породила?

Привело же развитие событий, как известно, к эллинизму. И закономерно поэтому, что применительно к IV в. до н.э. часто вводят категорию «пред-

[16] Мы все смеемся над чеховским учителем Ипполитом Ипполитовичем, изрекавшим «максимы» вроде «Волга впадает в Каспийское море», «Лошади кушают овес и сено»... Наш смех, однако, никоим образом не означает (и все это понимают), что Волга в один прекрасный момент будет впадать в Карибское море, а лошади начнут есть, допустим, бычков в томате.

[17] Почему это так – ясным будет, надеемся, из следующих наших высказываний: *Суриков И.Е.* Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008. С. 304 слл.; *он же.* Греческий полис архаической и классической эпох // АП. С. 22 сл.

эллинизм»[18]. Мы убеждены, что эта категория правомерна и имеет право на существование, поскольку несет определенное реальное содержание (в книге АГ-3 мы об этом писали, но предельно кратко, «мимоходом», а теперь настало время поговорить о сем предмете подробнее). Но какое именно – вот с этим связано немалое количество неясностей. Порой, как нам кажется, данным термином несколько злоупотребляют; с другой стороны, раздаются призывы вовсе от него отказаться, поскольку он не имеет никакой эвристической ценности и не соответствует какому-либо реальному явлению[19]. С последней точкой зрения, как ясно из вышесказанного, мы не можем согласиться, но и чрезмерно расширительное, расплывчатое употребление понятия «предэллинизм» нам не близко.

На наш взгляд, причина недоразумения – терминологическая нечеткость (как часто бывает). Когда речь заходит о терминах и понятиях, первое и самое главное – дать им по возможности исчерпывающее, сущностное определение, исключающее неясности. Попытке такого определения, выявления сущности феномена применительно к категории «предэллинизм» и будет посвящена вводная глава этой книги. А в следующих далее главах-биографиях можно будет увидеть, в каком отношении к реальности предэллинизма находилась деятельность крупных политиков IV в. до н.э.

[18] Этой категорией, например, активно пользуются авторы одного из лучших, классических отечественных обобщающих коллективных трудов по истории древнего мира: *Вейнберг И.П.* Предэллинизм на Востоке // История древнего мира. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ. 3 изд. М., 1989. С. 183–197; *Глускина Л.М.* Предэллинизм на Западе: Греция и Македония в IV в. до н.э. // Там же. С. 218–244; *Фролов Э.Д.* Предэллинизм на Западе: кризис полисной демократии и «младшая тирания» в греческих полисах // Там же. С. 245–260. См. также: *Фролов Э.Д.* Исторические предпосылки эллинизма // ЭЭПК. С. 14 слл.

[19] *Габелко О.Л.* Еще раз о проблеме «предэллинизма» // ПИИРЭМ. С. 171–181.

Глава I

Предэллинизм, как мы его понимаем

Шаг первый. Прежде чем толковать о понятии производном, совершенно необходимо хоть как-то разобраться с понятием, от которого оно произведено. В данном конкретном случае это означает, что любому разговору о *пред*эллинизме должен предшествовать экскурс об эллинизме как таковом.

Отечественная историография выгодно отличается от всех прочих в том отношении, что в ней уже с довольно давних пор проявился углубленный интерес к теоретическому осмыслению феномена эллинизма и, соответственно, стал на серьезном уровне подниматься вопрос о значении самого термина «эллинизм» (термина, как все знают, введенного Дройзеном в известной степени случайно и в чем-то даже, строго говоря, некорректно, что само собой, ни в малейшей мере не отменяет реальность самого явления). Ключевой стала (да и по сей день остается) дискуссия конца 1940-х – начала 1950-х гг.[1], протагонистами которой выступили А.Б. Ранович[2] и К.К. Зельин[3].

Первый считал эллинизм определенным закономерным этапом в развитии рабовладельческого общества. Его точка зрения, бесспорно, страдавшая бросавшимся в глаза схематизмом (в чем-то характерным для тогдашнего уровня советского антиковедения), не выдержала проверку временем, и ныне вряд ли найдется хоть один антиковед, который открыто объявил бы себя сторонником концепции Рановича.

---

[1] Она, разумеется, получила определенное освещение, в числе прочего, и в учебной литературе (из которой когда-то мы, еще будучи студентами, и получали первые сведения об этой дискуссии). См., в частности: *Кузищин В.И.* Советская историография античности // Историография античной истории. М., 1980. С. 344–345; *он же.* Историография истории Древней Греции // История Древней Греции. М., 1986. С. 31.

[2] *Ранович А.Б.* Эллинизм и его историческая роль. М., 1950.

[3] *Зельин К.К.* Основные черты эллинизма (социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в период эллинизма) // ВДИ. 1947. № 4. С. 145–156.

Позиция же Зельина (ученого, в отличие от Рановича резко возвышавшегося над средним уровнем тогдашней нашей науки об античности) была выигрышной в первую очередь благодаря исключительно удачно найденной формулировке: «эллинизм – понятие не отвлеченно-социологическое, а *конкретно-историческое* и не совпадает с понятием этапа в развитии рабовладельческого общества»[4].

Курсив в цитате принадлежит не нам, а самому К.К. Зельину[5]. Тем самым он подчеркнул главное в своей системе взглядов: эллинизм – не этап, а *конкретно-историческое явление*. Именно так обычно его концепцию и формулируют те, кто на него ссылается. В такой своей форме мнение Зельина восторжествовало и на сегодняшний день, в общем, является у нас общепринятым.

Однако не обойтись без оговорок. Прежде всего, подчас некоторые весьма авторитетные ученые, на словах вроде бы не возражая против формулировки К.К. Зельина, на деле строят ход своих рассуждений так, как если бы они фактически придерживались концепции А.Б. Рановича и считали, что эллинизм есть некий неизбежный этап, «его же не прейдеши». Так, С.Ю. Сапрыкин в важной монографии о Боспорском царстве[6] приходит к выводу о том, что реально эллинизм на Боспоре наступает гораздо позже, чем в Восточном Средиземноморье, а именно со времен Митридата Евпатора. Под всем этим прочитывается не высказываемая прямо[7] презумпция, согласно которой эллинизм – это именно этап, который рано или поздно должен же был наступить в рассматриваемом автором регионе[8]. Налицо, таким образом, некое внутреннее противоречие.

Далее, заметим, что есть ведь, по большому счету, и еще одна, третья, возможность понимания термина «эллинизм». Теоретически она не сформулирована, а по существу заключается в том, что эллинизм – это попросту категория из арсенала периодизации, то есть определенный период древней истории Восточного Средиземноморья, и не более того. А именно – тот самый период, который принято датировать, грубо говоря, концом IV – I в. до н.э., а если говорить более точно – то 336–30 (или 334–30, или 323–30, ad libitum) гг. до н.э. Собственно, в западной историографии по большей части именно так эллинизм и понимается, без лишних слов и без дальнейшей рефлексии[9].

---

[4] Там же. С. 146.

[5] Точнее, это место в его статье выделено «разрядкой», ныне редко употребляющейся.

[6] *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.

[7] Напротив, С.Ю. Сапрыкин (Там же. С. 266) характеризует себя в целом как сторонник взглядов К.К. Зельина.

[8] Критику подобных представлений см.: *Завойкин А.А.* Эллинизм и Боспор // ПИИРЭМ. С. 227–236.

[9] См. к этому вопросу: *Жигунин В.Д.* Эллинизм и общие проблемы древней истории // АВ. Вып. 4–5. Омск, 1999. С. 4–26.

Нередко эксцессы подобного словоупотребления встречаются и у нас: иными словами, что лежит в рамках вышеуказанного хронологического отрезка, – то и следует считать эллинизмом. Во всяком случае, в областях, прилегающих к восточной части средиземноморской акватории. Впрочем, порой и не только в них. Даже выражение «эллинизм в Риме» (??!) становится заглавием работы, принадлежащей перу виднейшего антиковеда[10]. В факте сильнейших греческих влияний на римскую цивилизацию не усомнится, думается, никто; однако является ли это поводом употреблять в данной связи термин «эллинизм», если мы хотим придать самому термину хоть какую-то конкретность? Если с терминологией обращаться столь вольно и расширительно, то какой тогда вообще смысл в терминологии?[11]

[10] *Штаерман Е.М.* Эллинизм в Риме // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 140–176.

[11] Не можем удержаться от того, чтобы – пусть хотя бы в сноске – коснуться одной терминологической параллели, пожалуй, более масштабной во всемирно-историческом смысле. Речь идет о термине «феодализм». Еще в школе нас учили, что социально-правовой строй Древней Руси был феодальным. Позже, в вузе, мы узнали, что так же обстояло дело и, например, в Византии. Подобные тезисы, которых и ныне придерживаются традиционно мыслящие историки, аргументируются, в сущности, лишь посредством достаточно серьезных натяжек. Где в Древней Руси или в Византии можно увидеть всю эту строго и четко выстроенную, прекрасно фиксирующуюся в Западной Европе систему феодальных отношений – с присущими ей феодами и аллодами, связями сюзеренитета-вассалитета (доходивших до таких тонкостей, как «вассал моего вассала – не мой вассал»)? Повторим, встретим ли мы на Руси хоть что-нибудь подобное? Весь тип отношений был совершенно иным. Но фетиш «русского феодализма» (не случайно употребляем слово «фетиш», как относящееся к сфере религии, да и то довольно примитивной, а отнюдь не науки) постулировался вновь и вновь. А то ведь получалось, что у нас было не так, как в Европе, коей мы так стремимся быть... Конфуз какой-то выходил. Термин «феодализм» корректно может употребляться в двух смыслах: либо применительно к конкретно-историческому явлению, встречающемуся в чистом виде в эпоху западноевропейского средневековья, либо в смысле типологическом, когда в целях обобщения схожие (подчеркнем, именно схожие!) явления объединяются в единый тип, невзирая на частные различия и (не менее важно!) на хронологию. В этом последнем случае вполне уместно, например, говорить о «парфянском феодализме». Но для советской марксистской науки «парфянский феодализм» – ересь, а «русский феодализм» (или «византийский феодализм») – нечто само собой разумеющееся. Почему? А потому, что в рамках данной системы идеологических координат феодализм понимается не в одном из двух вышеуказанных корректных смыслов, а в третьем, некорректном: «феодализм» – это то, что лежит между «рабовладельческой формацией» (или «первобытнообщинной», в связи с известным марксистским же положением о возможности «пропуска» отдельных формаций в истории некоторых обществ) и капиталистической. По этой логике в Древней Руси обязательно должен был быть феодализм, а в Парфии – современнице Рима – этого строя быть никак не могло; иначе всё красивое строение марксистской «пятичленки» превращается в карточный домик. В пресловутую «пятичленку» (можно было бы отдельно и не без интереса поговорить о том, как она родилась в уме гегельянца Маркса путем транс-

Заметим, наконец, что, солидаризируясь с данным К.К. Зельиным определением эллинизма как конкретно-исторического явления, мы должны при этом принципиально подчеркнуть: не следует путать конкретно-историческое явление с исторической случайностью, с чем-то, наступившим вдруг и неизвестно почему. Возникновение эллинизма, разумеется, имело свои предпосылки; в этой-то связи и уместно введение категории «предэллинизма». Иными словами, предэллинизм (вариант: протоэллинизм) – это и есть некий процесс закладывания предпосылок для эллинизма.

* * *

О каких предпосылках идет речь? Это зависит от того, что мы выдвигаем как главное в эллинизме. О.Л. Габелко, недавно посвятивший специальную работу проблеме предэллинизма и в целом весьма скептически относящийся к самому этому понятию (оно «не является адекватным средством, способствующим концептуальному осмыслению феномена эллинизма»[12]), считает «реальным показателем существования эллинизма... в том или ином регионе *греко-варварский синтез*»[13].

Однако бросается в глаза то обстоятельство, что здесь в качестве черты, основополагающей для эллинизма как такового, выдвигается особенность, на деле характерная лишь для обществ эллинистического Востока. Попробуем оспорить ключевой тезис О.Л. Габелко путем reductio ad absurdum.

Следуя логике исследователя, получается: если в каком-либо регионе античного мира рассматриваемой эпохи вообще не фиксируется вышеупомянутый греко-варварский синтез, то, стало быть, в этом регионе не было и эллинизма.

Так ли это? Но в подобном случае мы должны решительно отказаться от таких, например, словосочетаний, как «эллинистическая Греция» и «элли-

формации излюбленной гегелевской триады, но уж точно не в рамках этой книги) ныне вряд ли уже кто-нибудь всерьез верит, и вся умозрительность этой конструкции – налицо; однако вот же – она, уйдя, оставила свой тяжелый след на воззрениях профессиональных ученых-историков. Ответственно заявляем, что ни в одном обществе не наблюдался переход «рабовладельческого строя» в феодальный.

[12] *Габелко О.Л.* Еще раз о проблеме «предэллинизма» // ПИИРЭМ. С. 171.

[13] Там же. Курсив принадлежит О.Л. Габелко. Автор указывает, что следует в данном вопросе мнению К.К. Зельина, но почему-то не приводит ссылок на последнего – ни в этом месте своей работы, ни в каком-либо другом. Что же касается самого Зельина, то он, насколько можно судить, старался избегать этого чрезмерно прямолинейного (и, честно говоря, не очень понятного) выражения «греко-варварский синтез», предпочитая формулировки более тонкие (например: «Эллинизм представлял собою сочетание и взаимодействие эллинских и местных элементов экономического строя, социальных и политических отношений, учреждений, обычаев, представлений и верований»: *Зельин К.К.* Ук.соч. С. 147).

нистическая Македония». Если, конечно, не считать, что взаимоотношения греков и македонян – это тоже вариант «греко-варварского синтеза». Но так, разумеется, никто не думает, и когда говорят о пресловутом синтезе (будь то О.Л. Габелко или любой другой исследователь), имеют в виду, конечно, взаимоотношения эллинов с восточными «варварами» – в основном жителями бывшей Ахеменидской державы.

А синтеза в этом духе Балканская Греция, разумеется, не знала, это всем известно[14]. И тем не менее выражения «эллинистическая Греция», «эллинистическая Македония» – вполне общепринятые, от них не отказываются и не откажутся, ибо нет в этом никакого резона. Названные регионы были неотъемлемой частью эллинистического мира как системы.

Таким образом, если мы хотим найти действительно ключевую черту, общую для всех эллинистических государств при их пестром разнообразии (в том числе имея в виду и Грецию, которая нам наиболее интересна), приходится признать, что греко-варварский синтез такой чертой не является (эллинизм мог существовать и независимо от такого синтеза)[15], и, стало быть, необходимо продолжать поиск, но в каком-то ином направлении.

Вкратце изложим нашу собственную точку зрения на эту проблему. Насколько можно судить, между полисным, доэллинистическим этапом древнегреческой истории и этапом эллинистическим пролегает резкая грань. Перед нами – как бы два сильно отличающихся «мира», и перемены коснулись в первую очередь социально-политической психологии, что уже, в свою очередь, отразилось на формах государственного устройства и т.д.

Основной вектор интересующих нас изменений в менталитете[16] можно определить как путь «от гражданина к подданному». Этот процесс хорошо прослежен в исследовательской литературе на материале римской истории, но не приходится сомневаться в том, что он имел место также в греческом мире, хотя и обладал там своей спецификой[17].

---

[14] Именно так ставится вопрос и в работе: *Кошеленко Г.А.* Эллинизм: к спорам о сущности // ЭЭПК. С. 13.

[15] В этом плане, как ни парадоксально, ближе к истине В.П. Яйленко, несмотря на привычную для него аляповатость формулировок: «Основная черта эллинизма – деформация институций и морального кодекса классического полиса, бывшего в V–IV вв. до н.э. основной формой общественной коммуникации греческого общества» (*Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // ЭЭПК. С. 249).

[16] О менталитете, в частности, афинян этой эпохи см.: *Leppin H.* Theophrasts "Charaktere" und die Bürgermentalität in Athen im Übergang zum Hellenismus // Klio. 2002. Bd. 84. Ht. 1. S. 37–56.

[17] На эту специфику обращается внимание в работе: *Павловская А.И.* «От гражданина к подданному» – имел ли место этот процесс в Греции в IV в. до н.э.? // ВДИ. 1998. № 4. С. 15–29.

Поясним суть данной формулировки. Применительно к полисной эпохе основополагающими для Эллады были категории гражданина и гражданства. Хронологически их формирование, можно сказать, в точности совпадает со становлением феномена полиса[18]. Категории эти были новаторскими, и сам факт их внедрения является колоссальным вкладом античных греков в развитие европейской цивилизации. Впервые понятие гражданства появилось в широком масштабе и стало общераспространенным именно в эллинском полисном мире; если мы и встречаем что-то подобное на Древнем Востоке, то лишь в зачаточном виде и как побочный, второстепенный статус, а доминирующим там всегда оставался статус подданного.

Первостепенной ролью категории гражданства объясняются очень многие неотъемлемые особенности классического полиса. В последнем приобрело очень выраженную форму противопоставление граждан прочим слоям населения. Только граждане обладали всей полнотой прав, и гражданский коллектив был в известном смысле некоей замкнутой «кастой», державшей в своих руках власть в государстве. Можно назвать полис корпорацией граждан, сплотившейся перед лицом всего остального мира – как окружавшего полис, так и «проникавшего» в него в лице жителей без гражданских прав.

Утверждением представления о свободном и полноправном гражданине, подчиняющемся только закону и тому, что закон велит, но не произвольной воле другого лица (каким бы высокопоставленным это лицо ни было), обусловливались, далее, основные черты самого полисного типа государственности. Благодаря процессу «рождения гражданства» в рамках греческого полиса, пожалуй, впервые в мировой истории сложилось правильное и стабильное республиканское устройство: гражданин в норме не должен был иметь над собой какого-то монарха (не считая «царя-закона», νόμος βασιλεύς)! Понятно, что от нормы (как всегда бывает) случались и отклонения (достаточно вспомнить хотя бы тиранию), но они и воспринимались именно как отклонения от нормы.

В любом случае, возьмем на себя смелость утверждать, что во всех полисах (даже в тех, где в данный момент времени имелся тиран) верховным носителем государственного суверенитета всё равно официально считалось народное собрание, то есть коллектив граждан, воплощенный в конкретном органе. Это подразумевала сама сущность как архаического, так и (в особенности) классического полиса[19], хотя, разумеется, в практической жизни наблюдались в той

[18] См. на примере Афин: *Manville P.B.* The Origins of Citizenship in Ancient Athens. Princeton, 1990.

[19] О различиях между этими двумя типами полиса см.: *Суриков И.Е.* Греческий полис архаической и классической эпох // АП. С. 13 слл. Подчеркнем, что мы говорим именно о стадиально-типологических, а не хронологических различиях. В любом случае при сравнении с реалиями эллинистической эпохи архаический и классический типы полиса можно рассматривать вместе.

или иной степени отличия от идеала, от теории: где-то власть народного собрания была полной и реальной, где-то – скорее номинальной... Но мы ведем речь о принципе.

Упомянутый суверенитет народного собрания (коллектива граждан) проявлялся не только на внутриполитическом, но и на внешнеполитическом уровне. Это выражалось в том, что полис архаической и классической эпох являлся независимым государством со всеми необходимыми атрибутами такового[20]. Можно, конечно, и на сей раз специально оговорить, что имеется в виду норма, от которой были возможны отклонения[21] (упомянем, например, о политически зависимом статусе полисов, входивших в некоторые гегемониальные симмахии – Афинская архэ предстает, понятно, самым ярким примером, но были и другие); однако имеет ли смысл вновь и вновь повторять вещи, в общем-то, тривиальные? Делаем это с единственной целью заранее подстраховаться от часто встречающихся возражений в том духе, когда указывают на исключения и отклонения, дабы оспорить сам принцип.

Характернейшей чертой полисного типа государственности было то, что он не предусматривал каких-либо особых органов власти, оторванных от народа. Полисы являлись в полном смысле слова государствами без бюрократии. Тут, думается, даже не требуется оговорка о возможных исключениях: их не было. Многие особенности полисного политического устройства проистекали из того, что гражданская община как бы «растворила» внутри себя государственные структуры.

Всё сказанное обусловливает то определение полиса, которое мы в свое время предложили, неоднократно повторяли[22] и, поскольку, по-прежнему его придерживаемся, приведем вновь: полис – городская гражданская община, конституирующая себя как государство.

А теперь посмотрим под тем же углом на реалии эллинистической эпохи. И сразу бросится в глаза, что всё очень сильно изменилось. Поворот «от гражданина к подданному» свершился! Это нам представляется самым главным.

Дело, подчеркнем, даже не столько в том, что на внешнеполитической арене тон теперь задавали большие и огромные государства, тогдашние «сверхдержавы» – эллинистические монархии[23]. Наряду с ними, конечно же, остались и по-

---

[20] *Hansen M.H.* The "Autonomous City-State". Ancient Fact or Modern Fiction? // Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart, 1995. P. 25.

[21] О них см., например: *Hansen M.H.* A Typology of Dependent Poleis // Yet More Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart, 1997. P. 29–37.

[22] АГ-1. С. 38; *Дементьева В.В., Суриков И.Е.* Античная гражданская община: греческий полис и римская civitas. Ярославль, 2010. С. 18; *Суриков И.Е.* Греческий полис... С. 21.

[23] Хотя и это приходится учитывать. Ср.: *Климов О.Ю.* Политическая система эллинистических государств: власть в условиях империализма // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 6. СПб., 2007. С. 77–88.

лисы. Те же города Балканской Греции никуда не делись и полисного статуса не утратили[24]. В связи с этим наше ключевое положение может быть оспорено[25]: полисы были, граждане были – так не преувеличиваем ли мы масштаб перемен?

Для того, чтобы попытаться показать, что не преувеличиваем, – укажем на следующие моменты. Очень часто бывает, что при сохранении некоторых внешних форм становится со временем совершенно иным их внутреннее содержание, и это способно ввести в заблуждение относительно степени континуитета/дисконтинуитета, – особенно если придавать форме большее значение, нежели содержанию, что вряд ли следует делать.

Насколько можно судить, именно таким образом обстояли дела и в нашем случае. В другом месте[26] мы показываем это на примере Афин. Классическая афинская демократия была ниспровергнута в 322 г. до н.э. После этого она неоднократно объявлялась возрожденной, но фактически всякий раз можно говорить лишь о «пустой оболочке» подлинного народоправства, о громком слове без какого-либо реального наполнения.

* * *

В 318 г. до н.э. Полисперхонт, руководствуясь собственными интересами в борьбе диадохов, направил афинянам послание, в котором разрешал им свергнуть олигархию Фокиона[27] и восстановить демократию. Естественно, те тут же с энтузиазмом ликвидировали олигархический режим, а Фокиона казнили.

Казалось, народовластие восторжествовало. Но это были не более чем иллюзии. Какая уж это демократия, если она устанавливается по указке сверху, по чьему-то милостивому соизволению. Ведь вряд ли возможна демократия без свободы. А свободой-то как раз Афины уже не располагали, во всяком случае, истинной свободой. К тому же в Пирее стоял македонский гарнизон, а он, кстати, не перешел на сторону Полисперхонта и продолжал подчиняться его противнику Кассандру.

А уже в 317 г. до н.э. афиняне и сами передались Кассандру; тот навел в полисе свои порядки. Недолго, всего лишь около года, продолжалась «демократическая интерлюдия»: теперь опять установился олигархический режим. Недавно казненный Фокион из разряда преступников был переведен в разряд героев, его останки – торжественно перезахоронены.

---

[24] *Aalders G.J.D.* City State and World-Power in Hellenistic Political Thought // Actes du VIIe Congrès de la Féderation Internationale des Associations d'Études Classiques. Vol. 1. Budapest, 1984. P. 293–301.

[25] И оспаривалось (например, в ходе обсуждения рукописи книги АГ-3 на заседании отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН).

[26] *Суриков И.Е.* Солнце Эллады... С. 297 слл.

[27] Об этой олигархии см.: *Oliver G.J.* Oligarchy at Athens after the Lamian War: Epigraphic Evidence for the *Boule* and the *Ekklesia* // MiA. P. 40–51.

Новая олигархия, возглавлявшаяся «попечителем государства» Деметрием Фалерским, знаменитым «философом-правителем»[28], продержалась десять лет. И свергнута была опять же в результате внешнего толчка – взятия Афин Деметрием Полиоркетом в 307 г. до н.э. Да, уж тогда власть Деметрия Фалерского рухнула в одночасье, сам он бежал из города, а сограждане, демонстрируя ненависть к нему, переплавили многочисленные изображавшие его статуи на ночные горшки[29]. Вот уже, кстати, образчик поведения, не с лучшей стороны характеризующий новое поколение афинян. Трудно себе представить, чтобы их предки аналогичным образом повели себя, скажем, после падения тирании Писистратидов в 510 г. до н.э. Да, Гармодию и Аристогитону немедленно воздвигли статуи – но и речи не шло о том, чтобы опорочить память о правлении Писистрата и Гиппия. Гражданина характеризует чувство собственного достоинства, предполагающее уважение к себе *и другим*. Гражданин не будет глумиться над тем, кто уже не в состоянии ему ответить. Но это охотно будет делать подданный, раб по духу.

О том, что афиняне к рассматриваемому моменту и действительно стали уже таковыми, наглядно свидетельствует «демократия», вновь «возрожденная» при Полиоркете. Демос, конечно, ликовал. Но речь на сей раз идет не просто о фикции – большее надругательство над самой идеей народовластия даже трудно себе представить. Дело даже не только в том, что афиняне могли сколько угодно спорить в экклесии, голосовать принимать декреты – а решения по всем важнейшим вопросам были уже не в их власти. Дело скорее в том, что его величеству некогда державному народу афинскому[30] теперь, похоже, подобная ситуация даже нравилась.

Исключительно интересно пронаблюдать, как относились граждане «города Паллады» к своему «освободителю» Деметрию. Сразу бросаются в глаза

---

[28] В целом об афинских олигархических режимах этого времени см.: *Lehmann G.A.* Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v.Chr. // AD. S. 139–150. Оговорим, что общий вывод Г.А. Леманна – олигархические перевороты в Афинах IV в. до н.э. обусловливались чисто вмешательством извне, не имея серьезных внутренних причин, и не могут считаться признаком разложения демократии – ныне отнюдь не разделяется нами столь однозначно, как тогда, когда мы впервые об этом писали (*Суриков И.Е.* Новая концепция афинской истории IV в. до н.э. // ВДИ. 1996. № 4. С. 238–239). О Деметрии Фалерском как правителе-философе см.: *Gehrke H.J.* Das Verhältnis von Politik und Philosophie im Wirken des Demetrios von Phaleron // Chiron. 1978. Bd. 8. S. 149–193.

[29] *Aroulay V.* La gloire et l'outrage: heurs et malheurs des statues honorifiques de Démétrios de Phalère // Annales: Histoire: sciences sociales. 2009. Vol. 69. Fasc. 2. P. 303–340.

[30] См. базовые характеристики для классической эпохи: *Суриков И.Е.* Державный демос – правитель и подданный (власть и социокультурная норма в демократических Афинах V в. до н.э.) // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М., 2008. С. 67–80.

сцены самого изощренного низкопоклонства. Народное собрание с энтузиазмом провозгласило его живым богом. А ведь еще совсем недавно в Афинах с большим недовольством был встречен приказ об обожествлении Александра Македонского (с которым, конечно, Деметрий Полиоркет, при всех своих достоинствах, сравнен быть не может). Мировоззрение менялось самым стремительным образом...

Встал вопрос о том, где поселить Деметрия. Ведь богу не пристало обитать в доме или даже во дворце, единственное подходящее место для него – храм. И высокому гостю предоставили для жительства Парфенон, где тот, не отличаясь строгими моральными правилами, кутил с друзьями и гетерами. Полиоркету и во всем остальном оказывали почести, подобающие лишь божеству: учредили в его честь культ со жрецами, справляли посвященные ему праздники, писали ему религиозные гимны, обращались к нему с запросами по любому делу, как к оракулу... Лесть торжествовала. По сути дела, на смену одному режиму единовластия пришел другой, во главе которого стоял Деметрий – «бог при демократии»[31].

В одном лишь афинский демос остался прежним – в своем непостоянстве и готовности отвернуться от вчерашнего кумира. Деметрия боготворили, пока он одерживал победы и добивался успехов, а как только его постигла неудача, он стал больше не нужен. После поражения при Ипсе (301 г. до н.э.) Полиоркет вновь направился в Афины, чтобы там найти себе убежище. Однако афиняне даже не пустили на территорию своего государства человека, которого сами же они причислили к небожителям. Слабый, проигравший Деметрий, очевидно, не был для них богом.

Около 300 г. до н.э. в афинском полисе установилась тирания некоего Лахара, а в 295 г. до н.э. последний был свергнут – и не кем иным, как тем же Деметрием Полиоркетом, который вновь овладел «городом Паллады», а вскоре стал и царем Македонии. И снова было объявлено о восстановлении «демократии», и снова победоносному македонскому полководцу были льстиво оказаны божеские почести... Всё как бы вертелось в одном и том же «порочном круге», всё повторялось, о чём свидетельствует и дальнейшее.

Когда в 287 г. до н.э. Деметрий был окончательно изгнан из Македонии и Эллады, Афины в очередной раз были провозглашены свободными. Объявлялось, что политический строй, существовавший в предыдущие годы, был не демократией, а олигархией, но вот теперь-то будет восстановлена «настоящая» демократия. А в Пирее по-прежнему стоял македонский гарнизон, который так и не удалось оттуда выбить.

[31] Разумеется, всё это, равно как и нижеследующее, гораздо подробнее описано в известной книге: *Хабихт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999.

Можно было бы и дальше продолжать следить за перипетиями жизни Афин эпохи эллинизма. Но они становятся все менее и менее интересными, а главное – все менее и менее исторически значимыми. В 268 г. до н.э. полис ввязался еще в один военный конфликт против царя Македонии, которым был в то время Антигон Гонат, сын Деметрия Полиоркета. Речь идет о Хремонидовой войне. В 262 г. до н.э. афиняне проиграли и эту войну[32] и в наказание получили македонский гарнизон уже не только в Пирее, но и в центре самого города. Афины стали сателлитом Македонии, утратили даже ту долю независимости, которую ранее имели: управлял ими присылавшийся Антигоном эмиссар[33].

Впрочем, даже если бы – чего не бывает! – война оказалась успешной для Афин, для них мало что изменилось бы. Ни для кого не было секретом, что за спиной врагов Македонии стоял эллинистический Египет[34], и, соответственно, в случае их победы Греция просто перешла бы из македонской зоны влияния в египетскую.

В 229 г. до н.э. афинскому полису удалось все-таки освободиться от македонского владычества. Он заявил о своем нейтралитете, но постоянная угроза со стороны Македонии сохранялась. Чтобы обезопасить себя, афиняне вступили в контакт с возникшей на западе мощной силой – Римской республикой. Римляне начинали все активнее интересоваться делами в эллинистическом мире, а спустя некоторое время перешли к открытой экспансии на этом направлении. Как прекрасно известно, в первой половине II в. до н.э. они в двух войнах нанесли поражение Македонии и полностью покорили это государство, в конечном счете сделав его своей провинцией.

В 146 г. до н.э. римская гегемония распространилась на всю Балканскую Грецию. Афиняне все это время были верными сторонниками Рима, шли всецело в фарватере его политики, что позволяло им – хотя бы на словах – сохранять некую призрачную свободу и по большей части избегать прямого вмешательства в их внутренние дела.

Долгое время спустя, в 88 г. до н.э., Афины решили порвать с Римом и встали на сторону его врага – Митридата VI Евпатора, царя малоазийского Понта в северной части Малой Азии. Митридат в начале I в. до н.э. необычайно усилился и решил бросить вызов Римской республике, объявив ей войну. Афины стали одним из форпостов понтийского владыки в Греции.

Но если вначале и были какие-либо надежды на победу над римлянами, то очень скоро выяснилась вся их иллюзорность. Могущественнее Рима не было

---

[32] О ее последствиях для Афин см.: *Habicht C.* Athens after the Chremonidean War: Some Second Thoughts // MiA. P. 52–55.

[33] По иронии судьбы первым эмиссаром был Деметрий – внук Деметрия Фалерского.

[34] См. к проблематике: *Habicht C.* Athens and the Ptolemies // ClA. 1992. Vol. 11. No. 1. P. 68–90.

в то время державы в Средиземноморье. В 86 г. до н.э. римский полководец Сулла приступом взял Афины и подверг город ужасающему разгрому, в ходе которого не щадили ни женщин, ни детей. Во второй раз в афинской истории – и теперь уже навсегда – были разрушены Длинные стены. Потом, впрочем, Сулла «сменил гнев на милость» и объявил, что возвращает афинянам свободу.

Насколько малое, просто-таки ничтожное содержание вкладывалось тогда в само это слово – «свобода»! Ведь на деле Афины были теперь уже не более чем одним из многочисленных городов, полностью подвластных римлянам.

На протяжении эпох эллинизма и Римской империи Афины постепенно превращались в «город-музей». Туда съезжались толпы любопытствующих туристов – греков и римлян – со всех концов античного Средиземноморья. Местные жители охотно показывали им достопримечательности – Акрополь и Агору, Ареопаг и Пникс... Издавались путеводители по Аттике[35].

В Академии и Ликее продолжали действовать философские школы, основанные еще Платоном и Аристотелем. В театре Диониса по-прежнему ставились драмы. Но, кроме традиций древней и высокой культуры, Афины уже мало чем могли похвастаться. Город, как бы погрузившись в сон, жил воспоминаниями о великом прошлом, о безвозвратно канувшем в Лету «золотом веке».

Давно миновали те времена, когда афиняне наносили поражения Персии, безраздельно господствовали в Эгейском море, претендовали на гегемонию в Элладе. Теперь никакой политической роли их полис уже не играл. Даже в те годы, когда он формально не находился ни под чьим владычеством, а считался независимым, ему приходилось довольствоваться положением маленького и слабого государства, послушно исполняющего волю той или иной крупной державы. В лучшем случае удавалось лавировать между этими державами и добиваться каких-то, хоть минимальных выгод.

Политическая система, существовавшая в афинском полисе на всем протяжении эллинистического периода (а затем и римского), официально по-прежнему именовалась демократией. Причем после каждого очередного переворота лица, пришедшие к власти, торжественно провозглашали, что та демократия, которая была раньше, до них, не являлась истинной, а вот истинная именно теперь-то и будет организована.

Это неоднократно вводило в заблуждение историков – как в древности, так и в наши дни. И поныне ведутся споры о том, когда же афинская демократия реально прекратила свое существование. Не все согласны с традиционной точ-

[35] Один из ранних и блистательных образчиков – сочинение Гераклида Критика (это правильнее, чем «Гераклид Критский», как иногда пишут), дошедшее, увы, лишь фрагментарно. Об этой интереснейшем памятнике см.: *Perrin É.* Héracleidès le Crétois à Athènes: les plaisirs du tourisme culturel // REG. 1994. T. 107. P. 192–202; *Arenz A.* Herakleides Kritikos "Über die Städte in Hellas": Eine Periegese Griechenlands am Vorabend des Chremonideischen Krieges. München, 2006.

кой зрения, согласно которой это произошло в 322 г. до н.э., на рубеже эпох классики и эллинизма. Порой можно встретить мнение о завершении истории народовластия в Афинах около 260 г. до н.э. (то есть после Хремонидовой войны)[36], а то и еще позже. Перед нами – типичная аберрация, вызванная чрезмерной акцентировкой чисто формальной стороны дела.

В действительности же не следует быть наивными. Назвать можно что угодно и как угодно, но, повторим и подчеркнем, всегда нужно смотреть – есть ли за формой содержание или же это не более чем «пустая оболочка». Если исходить только из названий, то можно припомнить, что, например, Римская империя вплоть до своего конца носила официальное наименование «Римская республика». Но какая уж там республика, когда судьба всех подчинена полновластию одного лица, когда на смену патриотизму и ответственности за судьбу государства приходят верноподданнические чувства?

Впрочем, зачем далеко ходить? Даже не углубляясь в историю античности, очень нетрудно и в современном мире найти случаи, когда в качестве демократии декларирует себя режим, весьма и весьма далекий от подлинного народовластия. Послушать самого жестокого диктатора – и окажется, что нет более преданного сторонника демократических ценностей, чем он, что все конституционные нормы в его стране неукоснительно выполняются.

Во многом таким же образом обстояло дело в поздних Афинах. И «правитель-философ» Деметрий Фалерский, и «живой бог» Деметрий Полиоркет, и просто тиран Лахар – все они правили, внешне не изменив или почти не изменив форм демократической системы. Но что это меняло? Видимо, дело не в формах, не в государственных институтах, или, во всяком случае, не только в них. Ушло что-то незримое, но главное; ушел дух демократии, и осталось мертвое тело.

Правда, Афины и в эллинистическую эпоху, и во времена римского владычества продолжали оставаться полисом. Теперь уже скорее «квази-самостоятельным», чем действительно самостоятельным – но все-таки полисом. А полис как таковой неотъемлемо содержал в себе некоторые элементы демократии. Среди них – и понятие гражданина, гражданского коллектива, и народное собрание, и выборные должностные лица – магистраты. Всё это в Афинах сохранялось. Но элементы сами по себе не составляют системы. Полис и демократия – не одно и то же.

По целому ряду серьезных причин мы не можем считать афинский полис послеклассического времени демократическим полисом. Во-первых, повторим, демократия невозможна без политической свободы, без независимости. А свободными афиняне не были с тех пор, как Антипатр в 322 г. до н.э. по-

[36] Например: *Dreyer B.* Wann endet die klassische Demokratie Athens? // Ancient Society. 2001. Vol. 31. P. 27–66.

ставил в Пирее македонский гарнизон[37]. Потом этот гарнизон могли выводить или снова вводить. Но в любом случае судьба Афин решалась уже не в Афинах.

Во-вторых, даже и в структуре государственной власти, в ее организации произошли изменения. Так, высших должностных лиц выбирали уже больше не жребием, а голосованием. Об этом говорят примеры, когда гражданин повторно становился архонтом-эпонимом. Не говоря уже о том, что в классическом афинском полисе подобная практика была строго запрещена, – абсолютно невероятно, чтобы жребий два раза выпал одному и тому же лицу. А ведь еще Аристотель в свое время писал (Pol. IV. 1294b8): «Одной из основ демократического строя является замещение должностей по жребию, олигархического же – по избранию»[38]. Кроме того, значительно возросла роль Ареопага – органа, который менее всего можно назвать демократическим. Этот древний Совет, в годы классического народовластия решительно отодвинутый на задний план, теперь полностью восстановил и упрочил свои позиции.

В-третьих, государственные дела реально решались уже не всем коллективом граждан. На деле все рычаги власти держал в своих руках довольно узкий круг политической элиты. Интересный факт: начиная с эпохи эллинизма, Афины переживают своеобразный «аристократический ренессанс». Знатные роды, при демократии постепенно вытеснявшиеся из общественной жизни, опять берут свое. На страницах источников возобновляются упоминания о Кодридах, Кериках, Ликомидах... Выходцы из них, сохранив, несмотря ни на что, свои богатства, становятся «первыми людьми» в полисе. Теперь, чтобы принимать видное участие в управлении, нужно было, как и до установления демократического строя, иметь «благородное» происхождение.

Около ста лет назад видный немецкий ученый-политолог Роберт Михельс, проанализировав функционирование ряда современных ему демократических обществ, выявил интересную закономерность, которую он, может быть, слишком претенциозно назвал «железным законом олигархии». Формулируется этот закон так: любой политический строй, возникший как демократия, рано или поздно (и скорее рано, чем поздно) фактически переродится в олигархический, пусть даже и сохраняя прежнее название.

Произойдет это потому, что, как писал Михельс, «прямое господство масс технически невозможно». Обязательно возникнет необходимость в некоем особом общественном слое, который специально занимается организацией государственного управления. Это – «активное меньшинство», профессионалы – политики и администраторы; это – элита. А элита, как известно, имеет

[37] См. к проблеме: *Green P.* Occupation and Co-existence: The Impact of Macedon on Athens, 323–307 // MiA. P. 1–7.

[38] Ср.: *Mulgan R.G.* Lot as a Democratic Device of Selection // The Review of Politics. 1984. Vol. 46. No. 4. P. 539–560.

тенденцию к увековечению своего положения. Она приобретает наследственный характер и лишь в редких случаях принимает в свой состав «чужака». Она богатеет, сливается с миром крупного капитала. Власть народа, декларируясь на словах, в действительности становится фикцией. А ведь реальное господство некой более или менее узкой, замкнутой группы лиц – это и есть самая настоящая олигархия.

Применим ли к античным Афинам «железный закон» Михельса, выработанный совсем на другом историческом материале? Если взять за основу расцвет афинской демократии, V в. до н.э. – то ни в каком отношении не применим[39]. Элита, конечно, всегда существовала в политической жизни. Аристид, Фемистокл, Кимон, Перикл – яркие ее представители. Но эта элита не проявляла – и просто не имела возможности проявлять – тенденцию к превращению в замкнутый, самодостаточный организм, постоянно обладающий властью.

Целый ряд механизмов был задействован для того, чтобы правление демоса было реальным, а не фиктивным. Должностные лица, даже самые высокие, не могли принимать сколько-нибудь ответственных решений без санкции народного собрания. Постоянное применение жеребьевок, небольшие сроки пребывания на государственных постах – всё это приводило к тому, что состав элиты подвергался постоянной ротации, появлялись новые люди, старые отходили на второй план... Поскольку принцип свободы сопрягался с принципом ответственности, магистраты подлежали обязательной – и строгой – отчетности перед народом.

Понятно, что в таких условиях олигархические элементы просто не могли сформироваться. Как ни был влиятелен и авторитетен Перикл, демосу ничего не стоило, как только он захотел, со скандалом отправить «афинского олимпийца» в отставку. Характерно, что сторонники олигархии, коль скоро такие появлялись, даже и не пытались как-то внедриться в систему и исподволь, изнутри преобразовать ее в своих интересах. Видимо, понимая, что это невозможно, они предпочитали тотально критиковать демократию, отрицать ее целиком и полностью, не находя с ней никаких точек соприкосновения[40].

Итак, в «золотой век» афинской демократии «железный закон олигархии» не работал. В IV в. до н.э., когда вся Эллада переживала кризис и готовилась к переходу на совершенно новые пути развития, появились первые признаки того, что в недалеком будущем этот закон все-таки даст о себе знать. Политики стали становиться профессионалами (об этой профессионализации речь еще пойдет ниже, особенно в главе о Демосфене) – но пока еще под контролем демоса.

---

[39] Ср.: *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989. P. 11–17, 334.

[40] *Туманс Х.* Псевдо-Ксенофонт – «Старый олигарх» или демократ? // ВДИ. 2004. № 3. С. 24.

И вот, наконец, в эпоху эллинизма, после многочисленных перипетий переходного периода, всё, как говорится, «возвратилось на круги своя». Грандиозный, уникальный «афинский эксперимент» завершился. «Город Паллады» перестал быть единственным и неповторимым; в нем утвердилась самая обыкновенная олигархия. Умеренная, маскирующаяся под демократию, – но тем не менее олигархия.

* * *

Только что сделанный экскурс (мы намеренно постарались написать его как можно более «заостренно»), надеемся, подтверждает старую поговорку: не всё то золото, что блестит. Не каждый режим, официально именующий себя демократией, на деле является таковым. Мы бы рискнули заявить, что само слово «демократия» в эллинистическую эпоху изменило свой смысл по сравнению с тем, который оно имело в классических Афинах. По сути дела, демократическим называл себя тот полис, который являлся (или считал, что является) независимым, а какова система его внутреннего управления – это уже имело не столь большое значение.

Происходило изменение семантики важнейших понятий, фактически – лексическая девальвация[41]. Думается, не иначе, чем с демократией, обстояли дела также с категориями полиса и гражданина/гражданства. Сразу припоминается, между прочим, вот какой небезынтересный нюанс. Доэллинистические полисы более чем скупо раздавали чужеземцам право гражданства. Дабы добиться такового, нужно было совершить что-либо действительно значительное. Время эллинизма, как хорошо известно, характеризуется чуть ли не повсюду в греческом мире пышным букетом проксенических декретов жителям иных государств, с предоставлением подчас всех возможных привилегий, вплоть до пресловутой πολιτεία. Контраст достаточно резкий, и о чем-то, полагаем, он должен говорить? Ответ, кажется, ясен: охотнее делятся тем, чем меньше дорожат. Как тут не припомнить известный эдикт Каракаллы, который, казалось бы, должен был обрадовать всех (века и века боролись за право быть римскими гражданами те, кто этим правом не обладал), а в действительности – прошел как-то почти незамеченным. И вполне закономерно: всё хорошо вовремя. Когда гордое имя «гражданин» уже ничего не значит – почему бы не наградить им подавляющее большинство населения?

Однако «вернемся к нашим баранам», то бишь грекам. Что произошло с внутренним и внешним самоощущением «потомков Фемистокла и Аристида»,

[41] Интересные рассуждения о феномене подобной девальвации терминов (хотя и в совсем другой связи) см.: *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 114 слл.

из-за чего они в эллинистическую эпоху – при достаточно полном сохранении прежних институциональных реалий, выработанных во времена расцвета полиса! – с радостью довольствовались ролью льстивых подхалимов какого-нибудь очередного Деметрия (Антигона, etc.)? И это – при том, что, допустим, на рубеже VI–V вв. до н.э. их сильно коробило дать «землю и воду»[42] персидскому сатрапу в Сардах, и, чтобы не делать этого, они готовы были идти на смерть, лишения, разрушение врагами родного города и пр. (хотя даже в случае победы персов ахеменидский сановник вряд ли водворился бы в святыне Акрополя[43]). Снова и снова повторим: без учета изменений в социальной психологии тут, видимо, трудно что-либо будет понять[44].

Мы наталкиваемся на некий парадокс? Да, но парадокс этот – логичный, если учитывать тот самый путь «от гражданина к подданному». С виду как будто бы осталось так же, как раньше; но только в исторической перспективе («большое видится на расстоянье») всё, как говорится, становится на свои места. В истории вообще нередко бывает так, что громкие, «судьбоносные» революции остаются без далеко идущих последствий, а тихие, «ползучие» процессы со временем (и даже как-то незаметно для современников) в корне меняют ситуацию. В качестве примера можно привести хотя бы то же становление Римской империи в форме принципата. На поверхности были в высшей степени заметные события – диктатура Цезаря, гражданские войны, последовавшие за его убийством, «восстановление Республики» Октавианом Августом... Напротив, отнюдь не на поверхности находилось то, что творилось в последующие годы (и было поэтому в полной мере открыто отнюдь не самими римлянами, а только исследователями гораздо более позднего времени), то есть созидание совершенно нового режима под названием старого. Аналогичную работу ученым не грех бы проделать и применительно к греческим полисам

[42] О соответствующем обычае см.: *Рунг Э.В.* Дипломатическое выражение персидского империализма: обычай требования земли и воды и позиция греков // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 6. СПб., 2007. С. 41–60; *он же.* Практика предоставления земли и воды в греко-персидских отношениях // ВДИ. 2007. № 4. С. 3–26.

[43] Суммирование преобладающих в современной науке взглядов, согласно которым цели Ахеменидов в Греции были весьма умеренны (в противовес ранее господствовавшей точке зрения о том, что они хотели чуть ли не завоевать Элладу и сделать ее сатрапией) см., например: *Wiesehöfer J.* Greeks and Persians // A Companion to Archaic Greece. Oxf., 2009. P. 162–185.

[44] Правильно, между прочим, указывают ведущие отечественные специалисты (*Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Причины и обстоятельства падения «Ликургова строя» в Спарте // ПИФК. 2002. Вып. 13. С. 5–21), что в Спарте IV в. до н.э. «первопричиной кризиса стал слом традиционной морали и традиционных норм поведения», то есть те же социально-психологические факторы, принципиальные изменения в системе ценностей.

эпохи эллинизма (хотя это будет труднее – уже потому, что источников несравненно меньше).

Порой «громкие» деяния становятся отражением и выражением подспудных тенденций, порой – идут вопреки им, но, как ни парадоксально, побеждают упомянутые «тихие» процессы. Ниже мы еще попытаемся показать, что в становлении эллинизма (как мы его понимаем) главную роль сыграли не громкие победы Александра, а то, что исподволь было приготовлено в Элладе уже на момент его походов.

Сравним то, что было сказано выше об основных характеристиках классического полиса, с тем, что наступило впоследствии. Резкая грань между гражданами и прочими? Вышеупомянутый «ливень проксений» с дарованием прав гражданства «нужным» иноземцам – прекрасное свидетельство того, что такая грань больше не существовала. Открылись ворота в ту самую некогда замкнутую «касту» или корпорацию. Открылись, подчеркнем, уже в IV в. до н.э. (это к вопросу о предэллинизме), о чем далее еще будет сказано.

Тут можно припомнить, для сравнения, хотя бы следующую историю. Когда в первой половине V в. до н.э. Дельфийский оракул возвестил прорицателю Тисамену из Элиды, что тот станет победителем пять раз, этим очень заинтересовались спартанцы. Хотелось им иметь в своих рядах человека, столь отмеченного божеством. «Лакедемоняне... пытались деньгами соблазнить его стать их полководцем на войне вместе с царями из дома Гераклидов. Тисамен же, видя, что лакедемоняне очень дорожат его дружбой, повысил цену. Он сообщил спартанцам, что примет их предложение, только если они сделают его полноправным гражданином, а иначе – ни за какие деньги. Сначала спартанцы *возмутились таким требованием и совершенно отказались от своего предложения* (курсив здесь и далее наш – И.С.). В конце концов же все-таки великий страх перед этой персидской войной заставил их уступить и согласиться на его требование. Когда же Тисамен убедился, что спартанцы переменили свое решение, он объявил, что даже и этого ему недостаточно: они обязаны еще и его брата Гегия сделать спартанцем на тех же условиях, как и его самого...[45] Спартанцы пошли на все условия Тисамена: ведь он был им крайне необходим. Когда они приняли и эти последние условия, то, став спартанцем, Тисамен из Элиды вместе с ними как жрец-прорицатель одержал победу в пяти великих битвах. Впрочем, он и его брат *были единственными людьми, которые сделались спартанскими гражданами*» (Herod. IX. 33–35).

Итак, «отец истории» прямо указывает, что на момент составления его труда (писавшегося в основном в 440-е – 420-е гг. до н.э.) был известен *только один*

[45] Геродот далее заявляет, что Тисамен следовал примеру известного мифологического героя Мелампа, аналогичным образом облагодетельствовавшего своего брата Бианта. Но нужно еще разбираться, не стал ли, напротив, эпизод с Тисаменом моделью, обусловившей складывание легенды о Мелампе и Бианте (или каких-то ее элементов).

(и совершенно экстраординарный) пример дарования в Спарте гражданских прав чужеземцам. Заметим к слову, что это свидетельство (а его следует признать ответственным и достоверным: Геродот в Спарте бывал и с ее жителями общался[46]) напрочь опровергает разные красивые рассказы о том, как хромой афинский учитель Тиртей в VII в. до н.э. был принят лакедемонянами в качестве полководца, для чего, разумеется, его вначале тоже нужно было сделать гражданином.

Спарта в отдельных отношениях (разумеется, далеко не всех) являлась в каком-то смысле «квинтэссенцией» идеи полиса. В частности, именно в плане максимальной замкнутости гражданского коллектива. Относительно спартанских порядков их горячий поклонник Ксенофонт характерно замечает: «Что удивительнее всего, ведь все хвалят эти порядки, а подражать им не хочет ни один полис» (Xen. Lac. pol. 10. 8). Это означает, что, видя в Спарте некий идеал, большинство полисов на деле не были готовы идти по тому же пути до конца. Спартанцы долгое время предельно последовательно проводили принцип «чистоты рядов»; в иных полисах более сложные реалии не позволяли быть столь же последовательными, но благость самого принципа не оспаривалась. В эллинистическую же эпоху ни о какой подобной «чистоте» уже и речи не шло. Как нам представляется, это было уже некое разрушение самой категории гражданства.

Идем далее. Гражданин, подчиняющийся только закону, а не произволу иного лица? Всё это тоже осталось в прошлом. Думается, тут даже нет нужды в какой-то чрезмерно развернутой аргументации. Раболепные эксцессы афинян, еще не успевших, казалось бы, забыть о демократии, в различных контекстах неоднократно упоминались выше. Да и как могло быть иначе в мире, окруженном эллинистическими монархиями, где воля царя официально провозглашалась законом, – иными словами, закон и произвол совпадали?

И опять же, перед нами – не некая мгновенная метаморфоза, а результат длительного процесса. Проиллюстрируем несколько ступеней. Гераклит Эфесский (рубеж эпох архаики и классики, время, когда греческий полис как раз входил в пору полного расцвета): «Народ должен сражаться за попираемый закон, как за стену [города]» (Heraclit. DK 22 B44). Тут еще закон выступает, так сказать, во всей своей силе, ни о каких негативных коннотациях применительно к нему не может быть и речи.

Затем встречаем исключительно занятную беседу между Периклом и юным Алкивиадом (Xen. Mem. I. 2. 40–46), предмет которой – определение закона, его суть. В ее ходе Алкивиад прибегает к различным ухищрениям софистической эристики и буквально загоняет старшего собеседника в угол. «Афинский олимпиец» запутывается и вынужден признать, что закон и беззаконие – одно

[46] *Суриков И.Е.* Геродот. М., 2009. 238 слл.

и то же. Во всяком случае, постановления, принимаемые при олигархии или тирании в интересах правящей верхушки, могут одновременно быть законом и беззаконием. А почему тогда такое же не может случиться и при демократии, – замечает Алкивиад. У Перикла ответа нет. Не приходится сомневаться в том, что данный эпизод, описанный современником, не выдуман[47].

Итак, идея закона уже «трещит по швам». На рубеже V–IV вв. до н.э. в Афинах ее реанимируют, внедряя представление о «власти закона»[48], согласно которому владыкой (κύριος) демократического полиса является не народ (δῆμος), а закон (νόμος). Этим представлением афиняне на протяжении довольно длительного хронологического отрезка, казалось бы, и живут. Однако наиболее дальновидные (и откровенные, до цинизма) авторы не скрывали, что «власть закона» – скорее некая благочестивая фикция. Например, говорит тот же Демосфен (XXI. 224): «В чем же состоит сила законов? Если кто-нибудь из вас громко закричит, что его обидели, – прибегут ли к нему законы на помощь, чтобы его защитить? Нет, разумеется! Ведь это написанные тексты, и они сами по себе не могут ничего сделать». И это – Демосфен, который вообще-то при каждом удобном случае подчеркивал свою приверженность идее «власти закона».

Но если и не δῆμος κύριος, и не νόμος κύριος, и вообще неясно, кто κύριος, то почему бы таким κύριος не стать представителю какой-нибудь внешней силы? Что мешает этому? В сущности, ничего. Раз уж созрела идея, что обязательно нужно кому-нибудь подчиняться, то в роли господина значительно лучше смотрится живой человек, а не абстрактный принцип[49].

Так испарился суверенитет демоса. В особенной степени сказанное, конечно, применимо к внешнеполитической арене. Если мы попробуем данное выше определение полиса («городская гражданская община, *конституирующая себя как государство*») применить к полисам эллинистическим, то возникнут весьма серьезные сложности – именно в связи с той частью определения, которая здесь выделена курсивом. А эта характеристика представляется нам исключительно важной[50], поскольку акцент на ней позволяет отличать полис от других гражданских общин, существовавших даже и в той же Греции, но государства-

[47] См. об этой сцене: *Harris E.M.* Antigone the Lawyer, or the Ambiguities of Nomos // The Law and the Courts in Ancient Greece. L., 2004. P. 25.

[48] Процесс очень хорошо описан в исследовательской литературе. Укажем лишь несколько важнейших исследований: *Ostwald M.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley, 1986; *Harris E.M.* Democracy and the Rule of Law in Classical Athens. Cambridge, 2006.

[49] Ср. мнение, высказанное Я. Буркхардтом и поддержанное Р. Пёльманом: государь эпохи диадохов – не что иное, как индивидуализировавшийся полис: *Пёльман Р. фон.* Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1999. С. 381.

[50] *Суриков И.Е.* Греческий полис... С. 21–23.

ми не являвшихся. Достаточно вспомнить, например, о демах в Аттике. Они ведь тоже являлись гражданскими общинами; более того, дем – в некоторых отношениях полис в миниатюре, что давно уже было замечено: в античности Фукидидом (II. 16), в современной историографии целым рядом исследователей[51]. В демах имелись даже органы местного самоуправления, копировавшие общеполисные институты и располагавшие довольно существенными полномочиями.

Поэтому, кстати, не столь давно появилась парадоксальная точка зрения[52], согласно которой Афины, воспринимавшиеся как «федерация демов» были, собственно, не полисом, а «этносом»[53]. Но согласиться с этой точкой зрения нельзя (да и в античности Афины всегда воспринимались именно как полис, а отнюдь не как «этнос»). Дем не может быть «точкой отсчета» для политической структуры именно потому, что он, в отличие от полиса, не обладал политическим суверенитетом, не являлся государством.

Соответственно, автору этих слов представляется необходимым максимально рельефно, полемически-заостренно сформулировать свое отношение к эллинистическим полисам, дабы в его позиции были расставлены все точки над i. Часто подчеркивают, что полисные формы жизни оказались весьма живучими, что они продолжали свое существование и в период эллинизма, и позже, вплоть до конца античности. В целом ряде отношений это, бесспорно, так. Но можно ли считать полноценными полисами те полисы, которые находились на территории эллинистических монархий и подчинялись власти их царей? Мы в этом не уверены – именно потому, что они уже не являлись политически суверенными. Общинами (и даже, если абстрагироваться от нюансов, гражданскими общинами) они, разумеется, оставались, но не были уже государствами. И, во всяком случае, sub specie архаического и классического полиса эти эллинистические полисы – вопиющее отклонение от нормы.

Чем они, в сущности, отличались от тех же афинских демов, если над ними стоял высший суверен? Свою точку зрения в этой форме мы излагали уже и

---

[51] Например: *Hurwit J.M.* The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C. Ithaca, 1985. P. 278; *Osborne R.* The Demos and its Divisions in Classical Athens // GC. P. 265 ff.; *Whitehead D.* Athenian Demes as Poleis (Thuc. 2. 16. 2.) // ClQ. 2001. Vol. 51. No. 2. P. 604–607; *Суриков И.Е.* ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 2005. № 1. С. 15–33.

[52] *Cohen E.E.* The Athenian Nation. Princeton, 2000.

[53] «Этнос» – альтернативный полису тип политической организации в античной Греции, – в сущности, только в последнее время начали всерьез изучать. См., в частности: *Morgan C.* Politics without the Polis: Cities and the Achaean Ethnos, c. 800–500 BC // AtA. P. 189–211; *Davies J.K.* A Wholly Non-Aristotelian Universe: The Molossians as Ethnos, State, and Monarchy // AtA. P. 234–258.

ранее[54], но теперь, пожалуй, пойдем даже дальше и распространим сказанное не только на полисы внутри эллинистических монархий, но и на полисы этого времени, расположенные в самой «старой Элладе». В них наблюдалась, в сущности, аналогичная ситуация, пусть в не столь откровенной, а как бы завуалированной форме. Былые принципы, сохраняясь на словах, подверглись – назовем это как угодно – перерождению, деформации... Одним словом, полисный суверенитет находился в подавленном состоянии. Справедливо отмечается, что, как минимум, с 322 г. до н.э. вмешательство царей во внутренние дела полисов стало «повседневной реальностью»[55].

И это, снова повторим, не было результатом только внешнего завоевания со стороны Македонии, то есть какой-то роковой случайностью; нет, речь следует вести о закономерном итоге длительного *внутреннего* процесса (как отмечает и П. Пасхидис в только что цитированной книге). С этим, правда, отнюдь не все склонны соглашаться. Так, подчас указывается, что уже в канун эллинизма греческие полисы не могли успешно противостоять македонянам, просто постольку, поскольку слишком неравны были силы. Приводится, в частности, следующий пример: в Ламийской войне, в ее кампаниях, проходивших на море, афиняне выставили 170 судов, дойдя фактически до предела, возможного для полиса, – но македонский флот насчитывал 240 кораблей![56]

Так-то оно так, но вспомним, что в Греко-персидских войнах (особенно во время похода Ксеркса 480–479 гг. до н.э.) отсутствие паритета между сторонами было еще более сильным. В том числе и в том, что касается морских сил. Как бы ни уличать античных историков в том, что они сильно преувеличили размеры армады персов, но все-таки вряд ли приходится сомневаться в том, что их флот, как минимум, вдвое превосходил союзный греческий. Однако же это не помешало эллинам с честью победить при Саламине. Все-таки наличие стойкого боевого духа очень многое значит. А если в сердцах воинов есть априорная «предрасположенность на поражение» и непонимание, за что, собственно, нужно бороться, – то успех крайне маловероятен.

Кстати, подавленность полисного суверенитета имела в эпоху эллинизма и еще одно своеобразное последствие, которое обычно относят к реалиям позитивного плана. Мы ведем речь о несравненно большей, нежели ранее, легкости образования глубоко интегрированных симмахий не-гегемониального типа, греческих «федераций».

В предшествующие периоды в развитых областях Эллады такой тип объединения был практически немыслим. Во внешнеполитической сфере шла борьба

[54] *Суриков И.Е.* Греческий полис... С. 23.

[55] *Paschidis P.* Between City and King. Prosopographical Studies on the Intermediaries between the Cities of the Greek Mainland and the Aegean and the Royal Courts in the Hellenistic Period (322–190 BC). Athens, 2008. P. 31.

[56] *Burckhardt L.* Söldner und Bürger als Soldaten für Athen // AD. S. 126.

двух тенденций – центробежной (партикуляристской) и центростремительной (объединительной, «империалистической»)[57]. Проявлением первой было стремление полисов к полной автономии, проявлением второй – создание симмахий, но обязательно гегемониальных. Ведь решались вопросы о власти и свободе. А в эллинистическую эпоху оба этих, некогда жизненно-насущных, вопроса приобрели в известной мере абстрактный характер. Объединяться стало легче, поскольку теперь для этого приходилось поступаться значительно меньшим, чем прежде.

Но в этот вопрос нам здесь не хотелось бы углубляться сколько-нибудь подробно, поскольку он, вообще говоря, сложнее (более разнороден, многокомпонентен, многовариантен), чем может показаться на первый взгляд. С одной стороны, был Ахейский союз – не только самый крупный и наиболее известный из источников, но и в особенной степени коррелирующий с только что выдвинутой идеей. В него действительно входили старые полисы Пелопоннеса, которые теперь уже были готовы фактически стать «демами», хотя какое-то время назад их никто бы к этому не принудил.

Но, с другой стороны, именно Ахейский союз среди эллинистических «федераций» был скорее исключением, чем проявлением правила. Преобладали же союзы типа Этолийского (а это по существу сильно отличающаяся разновидность), не просто выросшие из периферийных «этносов» (истоки Ахейского союза аналогичны – «этнос» Ахайя, но потом объединение сильно изменилось), но и во многих отношениях таковыми оставшиеся.

Случаи последнего рода имеют отношение не к проблематике эллинизма, предэллинизма и т.п., а к проблематике совсем иной – к тому, что мы назвали бы «эстафетным» характером развития древнегреческой цивилизации. Различные города и области Эллады, как бы сменяя друг друга, поочередно выдвигались на первый план, оказывались в «авангарде» развития – в плане наиболее полного выражения доминирующих тенденций[58].

Так, на заре архаики лидерами греческого мира являлись полисы Эвбеи: Левканди, Эретрия, Халкида. Впоследствии они отодвигаются на второй план, а на первом оказываются, с одной стороны, дорийские центры Пелопоннеса (Аргос, Спарта, Коринф), а с другой – малоазийская Иония. Далее, V в. до н.э. проходит всецело «под знаком Афин»; вряд ли с этим кто-либо будет спорить. Затем свое «громкое слово» говорит Беотия. И, наконец, в «авангард» выхо-

[57] АГ-1. С. 64 слл. Ср.: *Фролов Э.Д.* Античный империализм: понятие, этапы развития, идеологическое обрамление, значение в жизни античного общества // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 6. СПб., 2007. С. 15–22.

[58] Отметим в связи с этим небезынтересную (хотя и спорную) концепцию, согласно которой и в целом историческое развитие человечества носит «эстафетный» характер (см.: *Семенов Ю.И.* Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003.

дят такие регионы, как Этолия, Ахайя и т.п. Повторяется один и тот же цикл: прежние лидеры, как бы «выдохшись», утрачивают былые позиции, а их статус перенимают те участники исторического процесса, которые ранее воспринимались всеми как периферийные. Всё это могло быть стать темой для отдельного исследования (скорее историософского, чем собственно исторического).

* * *

Вернемся к предэллинизму. Вполне корректным представляется говорить отдельно о предэллинизме на Востоке и предэллинизме на Западе, ни в коей мере не смешивая их друг с другом, поскольку это весьма разные вещи, не имеющие практически ничего общего друг с другом.

При этом, что касается предэллинизма на Востоке, О.Л. Габелко, как нам кажется, привел достаточно серьезные аргументы, заставляющие поставить под вопрос саму реальность данного феномена. Исследователь оперирует в основном материалом из Малой Азии и делает следующее, в высшей степени интересное наблюдение. В тех малоазийских регионах, в которых уже в IV в. до н.э. греко-варварский синтез обнаруживался в особенно сильной степени (Кария, Ликия[59]) и которые поэтому, казалось бы, закономерно потом, уже при эллинизме, было бы встретить в числе лидеров, напротив, в послеалександровское время не происходит ничего достопримечательного; напротив, они претерпевают ослабление и не являются уже полноценными «участниками игры». С другой стороны, там, где в эпоху, предшествовавшую эллинизму, греко-варварский синтез проявлялся слабее (Мисия, Вифиния) или совсем слабо (Понт, Каппадокия), возникают мощные центры силы, эти области переживают расцвет, и в них складываются полноценные очаги эллинистической цивилизации со всей ее спецификой.

Таким образом, нельзя вести речь о каком-то едином, целостном, последовательно и закономерно проходившем процессе, поскольку таковой подразумевал бы, выражаясь языком драматургической теории, «единство времени, места и действия». Оставаясь в рамках той же метафорики, не одна-единственная большая драма разыгрывалась на малоазийских пространствах, а несколько совершенно разных драм, – хоть и связанных друг с другом, но с различными «главными героями». И в то время, как одни из этих драм близились к развязке, – другие вступали в стадию кульминации, а третьи вообще только начинались.

Иными словами, «предэллинизм» здесь и впрямь ни при чем, а действовали совершенно иные факторы. На наш личный взгляд, в данном случае тоже

[59] О Ликии в этот период см.: *Баранов Д.А.* Политическая и социальная история Ликии в V–IV вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2012.

следует вести речь об «эстафетном» развитии, которое было нами выше замечено применительно к Балканской Греции.

Собственно, искать предэллинизм на Востоке, если вдуматься, будет действительно тупиковым путем. Ведь именно для Востока начало эллинизма, насколько представляется, не стало логическим завершением назревавших там процессов, а явилось следствием внешнего вмешательства – походов Александра Македонского и завоевания им Персидской державы. В этом смысле вполне можно сказать, что для Востока эллинизм был в известной мере исторической случайностью, обусловленной только тем, что западнее Персии – и совсем рядом – находились Эллада и Македония, из которых экспансия началась. Не было бы их или лежали бы они далеко, – не было бы и этой экспансии, а, значит, восточные общества остались бы более или менее прежними и эллинистическая цивилизация на их основе не сложилась бы, своими силами они бы ее не породили.

Итак, хотим мы того или не хотим, – а предпосылки эллинизма следует искать на Западе, именно там, «откуда всё пошло». О.Л. Габелко в этом отношении прибегает к чрезмерно категоричным формулировкам, считая, что, по крайней мере, в отечественной литературе «предэллинизм на Западе» трактуется в чисто временно́м аспекте, «как просто "до-эллинистический" отрезок античной истории»[60]. Не можем с этим согласиться: между прочим, именно в российском антиковедении сделано немало для того, чтобы разобрать проблему не в примитивно-хронологическом, а в сущностном смысле, показать, как зарождались новые реалии, в результате чего мир в конечном счете принципиальным образом изменился. Перейдем теперь именно к этому (некоторые замечания были уже сделаны выше, но теперь мы их разовьем и дополним новыми соображениями).

...«Конечно, Левкон по происхождению – чужестранец, но мы сделали его гражданином Афин... Все другие благодетели государства оказывались полезными для нас в течение известного времени. Этот же человек, если вы внимательно отнесетесь к делу, является таким, который постоянно оказывает вам благодеяния, и притом такие, в которых более всего нуждается наше государство... Левкон, являющийся господином этого (боспорского – И.С.) хлеба, предоставил здесь всем, кто везет хлеб в Афины, ателию, сделав при этом объявление, чтобы первыми грузились суда, которые плывут к вам... Я уж умолчу обо всем прочем, хотя многое мог бы сказать о том, какие благодеяния оказал нам этот человек, сам он и его предки... То, что Левкон, граждане судьи, по справедливости и на полном основании получил от вас ателию, вы только что услышали из этих псефисм. Копии их, вырезанные на стелах, выставили и вы, и Левкон – одну на Боспоре, другую в Пирее, третью в Гиероне... Что касает-

[60] *Габелко О.Л.* Ук.соч. С. 173.

ся Левкона, то он будет придерживаться этого постановления и изо всех сил стараться делать вам добро... Ведь для него главным является не потеря материальных ценностей, а огорчение по поводу того, что он окажется лишен вами предоставленной ему привилегии. Но, граждане афинские, дело идет не только о том, чтобы Левкон, для которого судьба его привилегии есть лишь вопрос честолюбия, а не материальной необходимости, не потерпел какой-либо обиды...» (Demosth. XX. 30–41).

Речь произносится в 355/354 г. до н.э. и направлена против псефисмы Лептина, запрещавшей на будущее предоставление иноземцам ателии – освобождения от налогов, пошлин и повинностей (весьма частой привилегии в проксенических декретах). Демосфен указывает на действительно серьезную правовую коллизию, возникавшую в связи с этим. Имелись случаи, когда наряду с ателией чествуемому предоставлялись полные гражданские права. Разумеется, последнее пожалование, как правило, имело чисто почетный характер: все прекрасно понимали, что тот же Левкон реально на жительство в Афины не переберется[61].

Но в результате складывалась парадоксальная ситуация: поскольку обычные, «исконные» афинские граждане ателии не имели, в силу охарактеризованной выше практики в полисе появлялись граждане, которые были более привилегированными, чем остальные. Причем этими «супергражданами» – парадоксальность усиливается – являлись иноземцы[62].

Одним из таковых был, как видим, знаменитый боспорский тиран Левкон I (соответственно, этот статус унаследовали его дети и потомки). Главное нарративное свидетельство о данном факте – именно цитированная речь Демосфена. Великий оратор ведет к тому, что, если псефисма Лептина будет принята и ателии отменены, то Левкона можно будет, как обычного гражданина, подвергать литургиям и т.п. Иными словами, владыка Пантикапея уподобится в данном отношении нормальному афинянину, и Демосфену это кажется возмутительным. Уже в самой подобной постановке вопроса, кстати говоря, сквозит некое подобострастие. А чем, собственно, Левкон лучше или выше среднего афиня-

[61] Хотя, в принципе, такие случаи бывали, например, в V в. до н.э. – Менон Фарсальский (*Raubitschek A.E.* Menon, Son of Menekleides // Hesperia. 1955. Vol. 24. No. 4. P. 286–289; *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 155), Гераклид Клазоменский (*Рунг Э.В.* Эпиликов мирный договор // ВДИ. 2000. № 3. С. 87–88). Другие примеры см.: Plat. Ion 541cd. Но ясно, что к Левкону I подобная ситуация неприменима.

[62] Вспоминается забавное положение, одно время (не столь давно) имевшее место в нашей стране, когда украинец, прибывший в Россию, мог жить в ней 90 дней без регистрации, а вот гражданин РФ, приехав из одного города в другой (скажем, навестить родственников), обязан был в трехдневный срок зарегистрироваться в органах внутренних дел. Потом, слава Богу, ситуацию выправили и россиян на территории их родного государства уравняли в правах с украинцами.

нина? – спросил бы любой участник народного собрания в V в. до н.э. – Тем, что он тиран? Одним словом, аргумент в подобном духе – есть, дескать, некий особо выдающийся человек, на которого общие «правила игры» не должны распространяться, – никак не подействовал бы (или подействовал бы скорее негативно) на аудиторию в эпоху расцвета афинской демократии[63], когда существовала гражданственная психология. В следующем столетии, когда начала складываться психология подданного, такие доводы, несомненно, уже принимались во внимание.

Почести, оказывавшиеся в Афинах боспорским Спартокидам, отнюдь не прекратились на Левконе[64]. В дальнейшем они отразились, в частности, в появлении ряда памятников искусства[65].

Так, достаточно ярким и информативным памятником следует считать скульптурный рельеф, венчавший стелу с почетным декретом в честь сыновей Левкона – Спартока II, Перисада I и Аполлония (IG. II². 212). Памятник точно датируется (по имени архонта и указанию номера притании) 346 г. до н.э. Сам декрет хорошо сохранился; известно имя инициатора постановления о почестях. Это – Андротион, видный афинский политик, а также историк[66]. Характерно, что в проекте Андротиона речь шла только о почестях Спартоку и Перисаду, а уже на стадии обсуждения вопроса в народном собрании другой афинский гражданин – Полиевкт – внес поправку[67]: предложил, чтобы почтен был также и Аполлоний.

Декрет, если читать его внимательно, оказывается весьма интересен по своему общему духу – в том плане, что он являет собой характерный памятник переходной эпохи. В нем причудливо переплелись былое достоинство и нарас-

---

[63] См. в данной связи наши соображения в работах: *Суриков И.Е.* Державный демос...; *он же.* Демократия и достоинство: к характеристике некоторых аспектов правовой и политической культуры граждан классических Афин // ИИАО. Вып. 13. Нижний Новгород, 2010. С. 37–60.

[64] В целом в связи с отношениями Афин и Боспора в это время см.: *Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э. М., 1963. С. 118–139; *Кузнецов В.Д.* Афины и Боспор: хлебная торговля // Российская археология. 2000. № 1. С. 107–120.

[65] В связи с нижеследующим см.: *Завойкин А.А.* Σάτυρος Динарха (I. 43 Blass) и satyrus Плиния (NH. XXXIV. 64) (к вопросу о культе правителя на Боспоре) // ДБ. 2008. Т. 12. Ч. 1. С. 196–225; *Суриков И.Е.* О некоторых памятниках афинского искусства, имеющих отношение к Боспору // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 2009. С. 85–88.

[66] О нем см.: *Harding Ph.* Androtion and the Atthis. Oxf., 1994. Полиевкт был союзником Андротиона (*Rhodes P.J., Osborne R.* Greek Historical Inscriptions 404–323 BC. Oxf., 2007. P. 323).

[67] Об этой процедуре см.: *Rhodes P.J., Lewis D.M.* The Decrees of the Greek States. Oxf., 1997. P. 11–34: *Суриков И.Е.* Остракизм... С. 147–148.

тающее раболепие. Нам представляется, что имеет смысл привести здесь данную надпись в русском переводе[68].

«Спартоку, Перисаду, Аполлонию, сыновьям Левкона.

В архонтство Фемистокла, в восьмую пританию (филы Эгеиды), когда Лисимах, сын Сосидема, из Ахарн был секретарем, Феофил из Галимунта был эпистатом, Андротион, сын Андрона, из Гаргетта внес предложение: по поводу того, о чем написали Спарток и Перисад и доложили послы, прибывшие от них, ответить им, что народ афинян восхваляет Спартока и Перисада, так как они – мужи доблестные и обещают народу афинян заботиться об отправлении хлеба, как заботился и их отец, и горячо содействовать в том, о чем попросит народ афинян. Послы должны доложить им, что, поступая так, они ни в чем не встретят препятствия со стороны народа афинян. Поскольку же они посылают дары афинянам, какие посылали и Сатир с Левконом, то и Спартоку с Перисадом будут дары, которые народ дал Сатиру и Левкону. И увенчивать[69] обоих на Великих Панафинеях золотым венком стоимостью в тысячу драхм. Изготовлять же венки должны афлофеты в год, предшествующий Великим Панафинеям, согласно народному постановлению, принятому ранее относительно Левкона. И публично возвещать, что народ афинян увенчивает Спартока и Перисада, сыновей Левкона, за их доблесть и благосклонность к народу афинян. А когда посвящают венки Афине Полиаде, афлофеты должны посвящать венки в храм, сделав следующую надпись: Спарток и Перисад, сыновья Левкона, посвятили Афине, будучи увенчаны народом афинян. Деньги же афлофетам на венки должен выдавать народный казначей из средств, согласно постановлениям выделяемых народу. А на нынешнее время аподекты должны передать деньги на венки из воинских средств[70]. Секретарь Совета должен написать это постановление на каменной стеле и установить его близ той, в которой говорится о Сатире и Левконе, а на надпись народный секретарь должен выдать тридцать драхм. Восхвалить и послов Сосия и Феодосия за то, что они заботятся о прибывающих из Афин в Боспор, и пригласить их на завтра на угощение в пританее. Касательно же денег, которые мы должны сыновьям Левкона, о том, чтобы они их получили, пусть позаботятся проэдры, которым выпадет жребий председательствовать на восем-

[68] Переводили по изданию, которое на сегодняшний день, очевидно, является последним по времени: *Rhodes P.J., Osborne R.* Op.cit. P. 318 ff. (No. 64).

[69] Глагол употреблен в имперфекте, что означает именно некое регулярно производимое действие, а не единичный акт. Иными словами, соответствующая почесть должна оказываться Спартокидам на *каждых* Великих Панафинеях, проводившихся, как известно, раз в четыре года (по тогдашнему счету это называлось «каждый пятый год»).

[70] Имеется в виду так называемый военный фонд, существовавший в Афинах в IV в. до н.э. О нем см.: *Leppin H.* Zur Entwicklung der Verwaltung öffentlicher Gelder im Athen des 4. Jahrhundert v.Chr. // AD. S. 557–571. В дальнейшем об этом фонде еще будет говориться в связи с деятельностью Демосфена.

надцатом народном собрании, сразу после священных дел, – чтобы они (сыновья Левкона – И.С.), получив деньги, не порицали народ афинян[71]. И дать моряков, о которых просят Спарток и Перисад. Послы же должны записать имена тех моряков, которых они возьмут, у секретаря Совета. Те же, кого они запишут, должны получить приказ: делать всё, что могут, для блага сыновей Левкона. Полиевкт, сын Тимократа, из Крии внес предложение: прочее оставить, как предложил Андротион, но увенчать и Аполлония, сына Левкона, из тех же средств».

Через какое-то время Спартокидам была в Афинах оказана новая, еще более весомая почесть – на сей раз по инициативе Демосфена. Об этом узнаем из произнесенной в 324 г. до н.э. речи оратора Динарха против Демосфена: «...неужели Демосфен даром предложил... поставить на площади (т.е. на афинской Агоре, в почетнейшем месте – И.С.) медные статуи Перисада, Сатира и Горгиппа, тиранов с Понта, от которых ему ежегодно присылается по тысяче медимнов пшеницы...» (Dinarch. I. 43).

Совершенно несомненно, что речь идет именно о Перисаде I, который назван в перечне первым, без Спартока, из чего с той же безусловностью можно заключить, что к моменту установки статуй последний уже скончался, а правил Перисад. Предельно велика также вероятность того, что под Сатиром у Динарха следует понимать будущего Сатира II, старшего сына Перисада (Diod. XX. 22. 2) и его преемника, властвовавшего недолго и погибшего в междоусобной смуте. Вопрос о том, кем является динархов Горгипп, дискуссионен. Как нам представляется, вряд ли это брат Левкона I (эпоним Горгиппии), а скорее второй сын Перисада, умерший ранее своего отца и поэтому в дальнейшем конфликте из-за престолонаследии не участвовавший. Но этот нюанс в данном случае не имеет значения.

Бронзовые статуи, о которых идет речь, до нас дойти, естественно, не могли. Поэтому датировка их – еще один вопрос, который нас здесь интересует, – может быть предположительно установлена лишь на основании косвенных соображений. В частности, А.А. Завойкин предлагает следующий ход мысли: «Вероятный *terminus post quem* – 330 г. (по дате речи *Aesch.* III. 171–172 – "О венке"), исходя из того, что упомянутый у Динарха "свежий" факт связи Демосфена с боспорскими тиранами вряд ли был бы оставлен без внимания Эсхином»[72].

[71] Поневоле закрадывается мысль: а не здесь ли на самом деле «собака зарыта», – по крайней мере, отчасти? Как выясняется, афиняне были должны боспорским тиранам какие-то деньги (скорее всего, из-за постоянного дефицита средств, характерного для IV в. до н.э., не полностью расплатились за хлебные поставки). Уж не по этой ли причине – для напоминания о долге – Спартокиды отправили в Афины своих послов? Ведь трудно предположить, что послы прибыли лишь для того, чтобы выслушать новую порцию хвалебных слов о своих правителях и пообедать в Пританее.

[72] *Завойкин А.А.* Σάτυρος Динарха... С. 196. Прим. 4.

Итак, по мнению исследователя, упомянутая скульптурная группа должна быть датирована в рамках весьма узкого хронологического отрезка: 330–324 гг. до н.э. Но нам трудно согласиться с этим, поскольку приведенная система аргументации зиждется в конечном счете на argumentum ex silentio, который применительно к данной конкретной ситуации представляется особенно мало весящим по следующей причине.

Речь Эсхина против Демосфена «О венке» 330 г. до н.э. (как и парная к ней речь Демосфена против Эсхина с тем же названием) является собой характерный образчик риторического жанра псогоса, безоглядной хулы. В таких случаях старались изобразить личность и всю жизнь оппонента в максимально черных красках[73], сказать о нем всё плохое, что только возможно (или даже невозможно – вспомним выдумки Демосфена об отце и матери Эсхина), но уж ни при каких условиях не сказать о нем ничего хорошего. Имело ли смысл в данном контексте Эсхину напоминать лишний раз аудитории о дружественных связях Демосфена с могучими боспорскими правителями? Шло ли бы такое напоминание в «минус» его противнику? В тогдашних условиях, – скорее наоборот – в «плюс». Ведь в понимании массы афинян Спартокиды были прежде всего благодетелями, «кормильцами», а о том, что они – тираны, вспоминали лишь в последнюю очередь. Восхвалить же благодетелей почетным декретом, установкой статуй, в античном греческом понимании отнюдь не считалось пороком, напротив – поведением, достойным порядочного человека и гражданина.

Следует вспомнить и о том, что отнюдь не один Демосфен в Афинах старался дружить со Спартокидами, но и его недоброжелатели тоже (во всяком случае, на определенных хронологических отрезках). Инициатор почетного декрета 346 г. до н.э. в честь Спартока II и братьев, как упоминалось выше, – Андротион, а этот политик занимал видное место в группировке, противостоящей группировке Демосфена, то есть был ближе к Эсхину. У Демосфена есть и речь «Против Андротиона» (XXII). Иными словами, если бы Эсхин в 330 г. до н.э. вздумал попрекать Демосфена декретированием почестей боспорских правителям, то ему пришлось бы попрекать ровно за то же самое своего сподвижника Андротиона; на подобную двусмысленность Эсхин, опытный оратор и искусный политик, конечно, пойти бы никак не мог.

Итак, мы вынуждены констатировать, что статуи Перисада с сыновьями были установлены на афинской Агоре совершенно не обязательно после 330 г.

---

[73] *Суриков И.Е.* О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // ДП. 1999. № 2 (5). С. 34–42; *он же.* Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // ДБ. 2009. Т. 13. С. 393–413; *Кудрявцева Т.В.* Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. С. 224–226.

до н.э. Подлинным terminus post quem может быть только приход Перисада к единоличной власти со смертью Спартока II (середина 340-х гг. до н.э.).

Но что же изменилось ко времени речи Динарха, почему то, что ранее расценивалось как дело достойное, вдруг стало считаться пороком? На этот вопрос пока нет однозначного ответа. Можно разве что предположить, что в 320-е гг. до н.э. Перисад не «баловал» афинян привилегиями и льготными поставками (есть свидетельства о жестокой нехватке хлеба в Афинах в эти годы), что и вызвало озлобление? Однако это может быть допущено только в максимально гипотетичной форме.

* * *

Всё познаётся в сравнении. Суть вышерассмотренных эпизодов со Спартокидами становится более ясной, если сопоставить их, например, со случаем, имевшим место в тех же Афинах в начале V в. до н.э. и связанным с Мильтиадом, марафонским победителем.

«Мильтиад домогался было масличного венка, но декелеец Софан[74], встав со своего места в народном собрании, произнес хотя и не слишком умные, но всё же понравившиеся народу слова: "Когда ты, Мильтиад, в одиночку побьешь варваров, тогда и требуй почестей для себя одного"» (Plut. Cim. 8). В этих словах в полной мере слышен полисный коллективизм, который стал после клисфеновских реформ достоянием всего демоса. Граждане были убеждены в том, что победа при Марафоне – их общее дело, а не единоличная заслуга полководца. Не случайно Аристотель (Ath. pol. 22. 3) отмечает, что именно после Марафонского сражения народ «стал чувствовать уверенность в себе».

И ведь чего просил Мильтиад? Всего-навсего одноразового вручения венка из листьев оливы. А отнюдь не регулярного увенчания золотым венком стоимостью в тысячу драхм, тем более – упаси Боже! – не статуи в свою честь. Однако и в желаемой им скромной награде ему было отказано. Спартокидам полтора века спустя уже не отказывали ни в чём. И это несмотря на то, что, как бы велики ни были их заслуги перед афинянами, всё же они в несравненно меньшей степени могли считаться благодетелями Афин, нежели Мильтиад, спасший город от вражеского завоевания.

Того же Мильтиада несколькими годами ранее даже судили «по обвинению в тирании на Херсонесе (Фракийском – И.С.)» (Herod. VI. 104)[75]. Ему, правда, удалось оправдаться. Однако характерно уже само то обстоятельство, что

[74] О Софане см.: *Суриков И.Е.* Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // ВЭ. 2009. Вып. 3. С. 120 сл.

[75] В связи с рассматриваемыми эпизодами, относящимися к Мильтиаду, см. также: АГ-1. С. 307–308, 318–319.

для привлечения к суду было достаточно одного факта бывшей тирании. Хотя, между прочим, даже будучи тираном, он сделал для Афин немало хорошего, в частности, присоединил к их владениям острова Лемнос и Имброс[76]. И тем не менее стоило ему прибыть с Херсонеса в афинский полис – он тут же был арестован.

А представим себе, что в IV в. до н.э. в «город Паллады» приехал бы кто-нибудь из Спартокидов (такие случаи в источниках, кажется, не зафиксированы, но ничего невозможного в подобном визите не было бы). Что бы ждало высокого гостя? Совершенно точно не арест, а, напротив, пышная и торжественная встреча, оказание новых почестей...

Итак, о чем говорит нам рассмотренный сюжет о связях афинян с боспорскими тиранами?[77] Проявляется несколько немаловажных вещей, в полной мере иллюстрирующих излагавшиеся нами выше тезисы. Во-первых, девальвация понятия гражданства, порождавшая парадоксальные результаты. Получалось, что Спартокиды, имевшие помимо гражданских прав в Афинах еще и ателию, оказывались афинскими гражданами в большей степени, чем сами афинские граждане!

Во-вторых, следует вести речь о более мягком, примирительном по сравнению с предыдущим столетием отношении афинян к тирании и тиранам. Здесь, правда, категорические суждения менее уместны, ибо имеются свои нюансы. Так, в 337/336 г. до н.э. в Афинах был принят известный закон против тирании (RO. 79). Этот документ также заслуживает того, чтобы привести его здесь полностью.

«В архонтство Фриниха, в девятую пританию (филы Леонтиды), когда Херестрат, сын Аминия, из Ахарн был секретарем; из числа проэдров ставил на голосование Менестрат из Эксоны; Евкрат, сын Аристотима, из Пирея внес предложение. Благой судьбы народу афинян! Номофеты постановили[78]: если

---

[76] *Суриков И.Е.* Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин) // АМА. 2010. Вып. 14. С. 45–46.

[77] Об этих связях см. также весьма взвешенную по выводам работу: *Braund D.* The Bosporan Kings and Classical Athens: Imagined Breaches in a Cordial Relationship (Aisch. 3.171-172; [Dem.] 34.36) // The Cauldron of Ariantas: Studies Presented to A.N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday. Aarhus, 2003. P. 197–208. Дэвид Браунд – один из очень немногих западных антиковедов, которые, владея русским языком, могут поэтому читать наши научные работы, посещать проводимые в России конференции и, соответственно, более углубленно, чем остальные, заниматься историей Боспорского государства и примыкающими к ней вопросами.

[78] Как известно, в IV в. до н.э., когда было проведено четкое различение между законом и псефисмой, народное собрание принимало только псефисмы, но уже не законы (см.: *Hansen M.H.* The Athenian Ecclesia: A Collection of Articles 1976–1983. Copenhagen, 1983. P. 179 ff.;

кто-то восстанет против народа ради тирании, либо примет участие в установлении тирании, либо свергнет народ афинян[79] или демократию в Афинах, – тот, кто убьет сделавшего что-либо из этого, пусть будет чист[80]. В случае свержения народа или демократии в Афинах не позволяется булевтам Совета Ареопага ни всходить на Ареопаг, ни заседать в совете, ни принимать решений ни по какому делу. Если же в случае свержения народа или демократии в Афинах кто-нибудь из булевтов Ареопага взойдет на Ареопаг, или будет заседать в совете, или принимать решения о чем-либо, пусть он будет лишен гражданских прав – и сам, и потомство его; а имущество его пусть будет конфисковано, с отчислением десятой части Богине. Секретарь Совета должен написать этот закон на двух каменных стелах и установить: одну – у входа на Ареопаг, которым входят в помещение совета, другую же – в месте работы народного собрания. А на надписи на стелах народный секретарь должен дать 20 драхм из средств, расходуемым народом согласно постановлениям».

Отметим, что уже сам факт принятия закона в подобном духе (в V в. до н.э. схожих законодательных мер мы не встречаем, в них просто не было нужды) показывает: возможность установления тирании стала уже считаться вполне реальной. А значит, были в полисе силы, которые были бы удовлетворены подобным оборотом событий. Судя по только что приведенной надписи, среди таковых демос (по неизвестной ныне причине) числил членов Ареопага или, по крайней мере, некоторых из них.

Укажем в данной связи и на то, что в роли «заступника и ходатая» Спартокидов в Афинах оказывается не в последнюю (если не в первую) очередь не кто иной, как Демосфен. Демократизм убеждений, которым этот деятель прославлен в мировой историографической традиции (да и в целом в общественном мнении), как видим, отнюдь не мешал ему представлять интересы могущественных монархов.

Поменялся сам тип политического дискурса, и это повлияло даже на такого человека, как Демосфен. В этом плане даже более последовательными были некоторые другие идеологи, которые и в своих теоретических построениях проводили монархические взгляды. Рост этих монархических элементов в общественной мысли в IV в. до н.э., прослеживающийся у большинства крупнейших мыслителей эпохи, будь то Ксенофонт или Исократ, Платон или Аристотель, представляется явлением совершенно несомненным[81]. Редкие попытки оспо-

idem. The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes. Oxf., 1987. P. 129). Для принятия последних была учреждена специальная коллегия номофетов.

[79] Народ (демос) афинян мыслится как субъект, находящийся у власти (см. по этому поводу: *Суриков И.Е.* Державный демос...), поэтому его можно свергнуть.

[80] Т.е. будет считаться не совершившим преступление, не подлежащим наказанию.

[81] Ранее, в V в. до н.э., монархия воспринималась как прямая противоположность демократии: *Braund D.* Friends and Foes: Monarchs and Monarchy in Fifth-century Athenian

рить данный факт (например, предпринятая В. Эдером[82]) выглядят совершенно несостоятельными. Они опираются на довольно замысловатые умозаключения, но ведь нельзя же отрицать очевидное!

Аргументация того же В. Эдера такова. В IV в. до н.э. в Афинах возник новый литературный жанр – прозаический энкомий монарху, в филологии обычно обозначаемый термином «княжеское зерцало» (Fürstenspiegel). К данному жанру принадлежат, в частности, речи Исократа «Евагор», «Никокл», «Филипп» и ряд сочинений Ксенофонта: «Гиерон»[83], «Агесилай», но прежде всего, конечно, «Киропедия»[84]. Традиционно (и вполне оправданно) появление таких энкомиев расценивается в историографии как один из симптомов кризиса полиса и демократии, как распространение в политической идеологии монархических концепций, как подготовка эллинизма. Но, по мнению В. Эдера, влияние идеи монархии в Греции рассматриваемой эпохи необоснованно преувеличено в исследовательской литературе. На деле панэллинские и монархические идеологемы не были в IV в. до н.э. весомой политической силой; автаркия и автономия полисов не ставились под вопрос. Единственная тенденция, явственно заметная в энкомиях, – критика демократии. Исходя из этих посылок, автор

Democracy // AltA. P. 118. Что же касается ситуации в IV в. до н.э., см., например: *Фролов Э.Д.* Монархическая идея у Исократа // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1969. С. С. 3–20; *Исаева В.И.* Греческая идеология IV в. до н.э. и эллинизм // AAASH. 1990–1992. T. 33. P. 267–271; *она же.* Идеологическая подготовка эллинизма // ЭЭПК. С. 59–87; *она же.* Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. С. 113–124; *Строгецкий В.М.* Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии: Геродот, Фукидид, Ксенофонт. Ч. 1: Геродот. Нижний Новгород, 2010. С. 162 (указываем данную книгу В.М. Строгецкого исключительно потому, что в ней также высказан интересующий нас тезис, но при этом не можем не отметить, что работа написана на исключительно слабом уровне и вряд ли может быть рекомендована кому-то для чтения, – разве что в качестве курьеза); *Balot R.K.* Greek Political Thought. Oxf., 2006. P. 184 ff.; *Luraghi N.* One-Man Government: The Greeks on Monarchy // A Companion to Ancient Greek Government. Oxf., 2013. P. 139 ff.

[82] *Eder W.* Monarchie und Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Die Rolle des Fürstenspiegels in der athenischen Demokratie // AD. S. 153–173.

[83] Классический анализ этого произведения Ксенофонта, осуществленный американским политическим философом Лео Штраусом, недавно был переведен на русский язык. См.: *Штраус Л.* О тирании. СПб., 2006.

[84] О последней см. недавние работы: *Harman R.* Viewing, Power and Interpretation in Xenophon's *Cyropaedia* // The Children of Herodotus: Greek and Roman Historiography and Related Genres. Newcastle upon Tyne, 2008. P. 69–91; *Carlier P.* The Idea of Imperial Monarchy in Xenophon's *Cyropaedia* // Xenophon. Oxf., 2010. P. 327–366 (и ряд других статей в том же сборнике). Из более ранней литературы см.: *Erasmus S.* Der Gedanke der Entwicklung eines Menschen in Xenophons Kyrupädie // Festschrift für F. Zucker zum 70. Geburtstage. B., 1954. S. 111–125.

дает свое объяснение политико-идеологической направленности интересующих его памятников. По его мнению, реальным адресатом этих текстов была афинская аристократия, которую таким путем ее идеологи пытались привлечь к более активному участию в государственной жизни. Образ монарха, как он рисуется Ксенофонтом и Исократом, есть идеальная совокупность сугубо аристократических доблестей. «Княжеское зерцало» – фактически «зерцало для аристократов», искусно замаскированное под похвалу монарху. Причиной такой маскировки были специфические условия афинской политической жизни IV в. до н.э., когда для противников демократии было безопаснее восхвалять монархию, не представлявшую актуальной опасности для Афин, нежели прямо призывать к росту роли аристократов в политике.

Но подобная постановка вопроса представляется нам односторонней и вызывает ряд принципиальных возражений. Не говорим уже о том, что весь этот ход рассуждений уже a limine представляется каким-то чрезмерно натянутым. Есть и более важные вещи. Во-первых, это как раз возрождение аристократического правления отнюдь не было актуальной опасностью в Афинах IV в. до н.э. Те жалкие остатки аристократии, которые к этому времени сохранялись в афинском полисе после всех перипетий предыдущих десятилетий, не имели ни способности, ни желания взять власть в свои руки. Перед ними стояла совсем иная задача – хотя бы физически выжить, переждать крайне неблагоприятную для них эпоху (в конечном счете им это удалось, и в эллинистических Афинах аристократия «воспрянула»). В другом месте[85] мы называем IV в. до н.э. едва ли не самой «неаристократической» эпохой афинской истории. А вот угроза монархии (в форме тирании) как раз считалась вполне реальной; вспомним хотя бы приведенный чуть выше афинский закон. В этих условиях опаснее-то как раз было именно агитировать за монархическое правление, показывать его преимущества.

В. Эдер замечает, что в энкомиях монархам, написанных в IV в. до н.э., прослеживается аристократическая идеология. Это действительно так, но ее в данном контексте никак не следует противопоставлять идеологии монархической. Последняя на древнегреческой почве являлась не какой-то отдельной системой взглядов, а являлась именно аристократической идеологией κατ᾽ ἐξοχήν, воплощением аристократических ценностей, доведенных до превосходной степени, – почитанием уже не «лучших», а «наилучшего»[86].

---

[85] *Суриков И.Е.* Просопографическая заметка об афинской аристократии эллинистической эпохи // ААе. 2005. Вып. 1. С. 122. Ср. также: *он же.* Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 187–188.

[86] Ср.: *Туманс Х.* Идеологические аспекты власти Писистрата // ВДИ. 2001. № 4. С. С. 12–45.

Наконец, нельзя не вспомнить, что памятниками жанра Fürstenspiegel отнюдь не исчерпываются тексты IV в. до н.э., в которых прослеживаются интерес и симпатия к единоличной власти. Допустим, мы убираем с нашего пути Ксенофонта и Исократа как иррелевантных авторов, но в любом случае остаются ведь Платон[87] и Аристотель! Как быть с ними? Они не писали «княжеских зерцал», но в политической философии обоих монархия (как один из лучших возможных видов государственного устройства) занимает весьма важное место[88]. В. Эдер, видимо, интуитивно ощущая, что анализ произведений этих мыслителей с избранной им точки зрения не пойдет на пользу его концепции, попросту не затрагивает их, оставляет и Платона, и Аристотеля полностью за пределами своего исследования, и, безусловно, делает это совершенно напрасно: картина получается нерепрезентативной.

Конечно, было бы явным преувеличением говорить, что в полисном греческом мире IV в. до н.э. монархические настроения стали абсолютно преобладающими, задавали тон, вытеснили иные идеологии. В действительности, конечно, всё было намного сложнее. Имела место подспудная борьба, многие детали которой от нас теперь скрыты. Ведь появился же, что бы там не говорить, вышеприведенный закон против тирании, и это уже означает, что были в афинском полисе даже после Херонеи граждане, которые отнюдь не стремились превращаться в безропотных подданных (но не за такими гражданами, увы, было будущее). Да и по отношению к тем же Спартокидам, как мы видели, полного единомыслия не было: кто-то проводил в экклесии декреты о предоставлении им почестей, а кто-то отзывался об этом в довольно колючем тоне и без обиняков называл правителей Боспора Киммерийского одиозным словом «тираны».

Однако, повторим и подчеркнем, в IV в. до н.э. по сравнению с предшествующим столетием монархические настроения явно получили теперь гораздо более значительное развитие, и это представляется нам неоспоримым. В полной связи со сказанным находится возрождение тиранической формы правления

---

[87] Тому, как повлияли на взгляды Платона и их эволюцию общие исторические условия его времени, нам недавно довелось посвятить специальную работу: *Суриков И.Е.* Афины и греческий мир в эпоху Платона: политическая история и тенденции в идейной жизни // Платоновский сборник. Т. 2. М. – СПб., 2013. С. 140–164.

[88] См., в частности: *Carlier P.* La notion de pambasileia dans la pensée politique d'Aristote // AA. P. 103–118; *Гуторов В.А.* Универсальная царская власть и «альтернативная модель конституций» в «Политике» Аристотеля // ΜΟΥΣΕΙΟΝ: Профессору А.И. Зайцеву ко дню семидесятилетия. СПб., 1997. С. 128–137; *Шишко Е.П.* Представления Платона о единоличной власти // Античное государство: Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002. С. 81–88; *она же.* Образ идеального правителя в политической литературе позднеклассической Греции (к становлению монархической идеи). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.

в Элладе (при том, что на протяжении большей части V в. до н.э. тиранов в ее полисах почти нигде не было, наступил настоящий «антракт» – и довольно длительный – в истории древнегреческой тирании).

О так называемой Младшей тирании нам немало довелось писать в книге АГ-3[89], и повторяться не хотелось бы. Отметим, пожалуй, только следующее. Младшая тирания явилась одним из типичнейших порождений и проявлений кризиса классического полиса, коллапса полисной демократии в IV в. до н.э. И в то же время она представляла собой попытку найти выход из названного кризиса. Однако можно ли считать эту попытку успешной? Не похоже. В отличие от Старшей тирании, которая представляла собой весьма конструктивный, прогрессивный исторический феномен, внесший значительный вклад в развитие античной Греции[90], Младшая тирания, по большому счету, не дала ничего нового политическим практикам греческой цивилизации (кроме разве что особо изощренного цинизма), ярко выраженными позитивными чертами практически не обладала. Соответственно, эти режимы имели *тупиковый* характер.

То, что в подавляющем большинстве случаев они оказывались непрочными, недолговечными и довольно быстро прекращали существование, никак нельзя назвать случайным. Само слово «тиран» звучало уже вполне одиозно. Младшая тирания в силу своих однозначно негативных коннотаций не стала и не могла стать перспективным путем выхода из кризиса классического полиса. Ее, в общем-то, нельзя даже назвать и по-настоящему типичным явлением, в отличие опять же от Старшей тирании. Через последнюю прошли почти все полисы, которые впоследствии достигли значительного процветания, стали развиваться наиболее быстрыми темпами, будь то Афины или Коринф, Милет или Аргос, Самос или Мегары... А Младшей тирании вполне можно было избежать без особенного ущерба для исторического процесса. Так, избежали ее Афины, хотя тенденции, ведущие к ней, в афинском полисе в период Пелопоннесской войны присутствовали.

В IV в. до н.э. действовали довольно различные тираны: как «позднеклассического», так и «архаического» типа (то есть, если держаться в рамках традиционной типологии и при этом опираться не на чисто хронологические, а на стадиальные характеристики, принадлежавшие как к Младшей, так и к Старшей тирании). Однако в живой реальности эпохи, в греческом мире, все

[89] См. также: *Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадиально-типологический контекст // ИИАО. Вып. 9–10. Нижний Новгород, 2007. С.140–156.

[90] О чем нам уже не раз приходилось писать: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 151 сл.; АГ-1. С. 167 слл. Ср. также: *Shear T.L.* Tyrants and Buildings in Archaic Athens // Athens Come of Age: From Solon to Salamis. Princeton, 1978. P. 1 f.; *Туманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.). СПб., 2002. С. 362 слл.

более сплачивающемся общностью исторической судьбы, в действиях и тех и других не могли не проступать в значительном количестве схожие черты. Некоторые тираны этого столетия достигали заметных успехов: судя по всему, их субъективные намерения во многом совпадали с объективными потребностями эпохи. Для их деятельности были характерны централистские, объединительные тенденции, попытки распространить свою власть за пределы одного полиса. Это ярко видно, в частности, на примере династии тиранов города Феры в Фессалии.

А та же держава Дионисия Сиракузского являлась, безусловно, самым крупным и сильным государством в греческом мире первой половины IV в. до н.э. Она была неоднородной по своему составу, включая в себя как полисы, так и территории, населенные местными племенами. Нередко поэтому державу, созданную Дионисием, считают одной из предшественниц монархий эпохи эллинизма, говорят – именно в связи с ней по преимуществу – о «предэллинизме на западе». Но хотелось бы по поводу данного тезиса указать на несколько нюансов. Во-первых, эта держава не была уникальной и беспрецедентной в истории Греции. В частности, на той же Сицилии ее очень близким прообразом была существовавшая веком раньше держава Дейноменидов (роль этого прообраза и значительное сходство двух тираний нечасто отмечаются в историографии, в результате чего деятельность Дионисия выглядит более «новаторской», чем она была на самом деле). Несомненную типологическую параллель сицилийским державам едва ли не во всех отношениях являет также Боспорское государство Спартокидов. Во-вторых, «империя» Дионисия Старшего оказалась непрочной, и это выяснилось уже вскоре после смерти ее основателя. В правление его сына и преемника Дионисия Младшего, слабого и бездарного интригана[91], все успехи, достигнутые отцом, были утрачены.

Итак, ввиду того, что тиранические режимы IV в. до н.э. – даже в лице тех из них, которые проявили себя особенно ярко и добились наибольших успехов, – были, повторим, явлением тупиковым, представляется, что никак нельзя ставить их в прямую связь с возникшими позже эллинистическими государствами. Те выросли не на их основе и опираясь не на их опыт. Однако означает ли сказанное, что мы должны исключать Младшую тиранию из контекста предэллинизма?

Не вполне. Дело в том, что, во-первых, сама Младшая тирания как феномен, несомненно, связана (как говорилось уже и выше) с нарастанием монархических настроений в полисах греческого мира, с путем «от гражданина к подданному». Путь этот был не прост и не прям; взгляды, оппозиционные по отношению к новой нарождающейся идеологии, порой и торжествовали, тираны

[91] На правлении именно этого последнего в основном сосредоточена статья известной исследовательницы: *Mossé C.* Plutarch and the Sicilian Tyrants // AT. P. 188–196.

свергались. Но, кстати, характерно, что часто это вело к хаосу. То есть опять же можно наблюдать подавленность суверенитета демоса. Подавленность, снова подчеркнем – о вещах важнейших не грех говорить еще и еще раз, – не вызванную какими-то внешними по отношению к ней процессами, а закономерно выросшую из внутренних предпосылок. Не тираны насаждали подданническую психологию, – напротив, они сами стали ее порождением. Греки (не все, но многие) как бы возжаждали «твердой руки».

Во-вторых, характерно само создание рядом тиранов надполисных «территориальных держав»[92], в рамках которых полисы становились фактически «демами». И тут тоже прослеживается разбираемый нами сейчас процесс: подавленность полисного суверенитета, в силу которого объединительные мероприятия становились легче, чем прежде.

* * *

Черты предэллинизма в IV в. до н.э. весьма четко фиксируются и в религиозной области. Это для нас тоже чрезвычайно важно, поскольку религия, с одной стороны, имеет самое прямое отношение к менталитету, к социальной психологии, а с другой – в античных условиях была теснейшим образом связана с политикой.

Голландский исследователь Х. Ферснел, попытавшийся проследить основные изменения, происшедшие в древнегреческой религии в IV в. до н.э. по сравнению с предшествующим столетием, пришел к выводу[93]: главным из этих изменений стало появление новых, уже «эллинистических» черт. Религиозность утрачивала демократичный характер, в ней нарастали элементы иерархичности. Так, начала формироваться более авторитарная концепция божества: боги стали восприниматься как существа более могущественные, величественные и при этом более тираничные, чем их понимали раньше. Такая тенденция, по

[92] Поневоле пользуемся этим термином, поскольку он стал широко распространенным и фактически общепринятым, но должны специально оговорить, что нам он представляется не слишком корректным. Бывают ли не-территориальные державы и вообще государства без территории? Строго говоря, в истории полисного мира зафиксировано несколько случаев, когда некий коллектив граждан конституировался как полис, не обладая на тот момент какой-либо территорией (см.: *Суриков И.Е.* Греческий полис... С. 12–13), то есть в принципе такая возможность наличествовала, но реализовывалась только в качестве редчайшего исключения. В известной книге: *Gschnitzer F.* Abhängige Orte im griechischen Altertum. München, 1958 – рассматривается, помимо прочих, вопрос о том, правомерно ли мнение, согласно которому территория полисов-«подданных» в Афинской архэ юридически считалась собственностью не их гражданских коллективов, а афинян, и на этот вопрос дается отрицательный ответ.

[93] *Versnel H.* Religion and Democracy // AD. S. 367–387.

мнению ученого, прослеживается уже в «Вакханках» Еврипида – одном из самых поздних памятников литературы и религиозной мысли V в. до н.э. Ведь изображенный в этом произведении Дионис, в сущности, несет зло: он становится причиной страшной гибели главного героя Пенфея, безумия его матери. Симпатии он не вызывает, но зато вызывает убеждение в своей необоримой силе, противиться которой просто бессмысленно[94].

Другое проявление «предэллинизма» в религиозной жизни – впервые встречающиеся с конца V в. до н.э. факты прижизненного обожествления людей, видных правителей и полководцев[95]. Ничего не могло быть более чуждого греческой религии предшествующего периода. «Не тщись быть Зевсом: у тебя есть всё. Смертному – смертное!» – говорил великий Пиндар (Isthm. V. 14, 16). Стремление уподобиться богу и – равным образом – уподобить кого-либо иного богу расценивалось как одно из самых страшных проявлений такого однозначно осуждавшегося качества, как ὕβρις. Теперь и в этом отношении времена изменились.

Первый случай обожествления – это «феномен Лисандра»[96]. Спартанский наварх, главный герой последнего этапа Пелопоннесской войны, победивший Афины и установивший гегемонию своего полиса в Элладе, выступает здесь как переходная фигура. Сообщается, что «ему первому среди греков города стали воздвигать алтари и приносить жертвы *как богу* (курсив наш – И.С.), и он был первым, в честь кого стали петь пеаны» (Duris ap. Plut. Lys. 18). Некоторые эллинские государства учредили специальные празднества, посвященные Лисандру. В конце концов эти непомерные почести, воздаваемые ему за пределами Спарты, пришли в настолько резкое несоответствие с его положением в самом спартанском полисе[97] (он не мог претендовать на царский сан, оставаясь, несмотря ни на что, рядовым гомеем), что энергичный Лисандр задумал

---

[94] Ср.: *Суриков И.Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э. М., 2002. С. 194; *Vernant J.-P., Vidal-Naquet P.* Mythe et tragedie en Grèce ancienne. T. 2. P., 1986. P. 237 ss.

[95] *Суриков И.Е.* Status versus charisma: сакрализация правителя в Греции и греческом мире I тыс. до н.э. // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. 2–3. М., 2005. С. 7–34.

[96] *Фролов Э.Д.* Из предыстории младшей тирании (Столкновение личности и государства в Спарте на рубеже V–IV столетий до н.э.) // ВДИ. 1972. № 2. С. 22–39; *Richardson N.J.* Innovazione poetica e mutamenti religiosi nell'antica Grecia // Studi classici e orientali. 1983. Vol. 33. P. 26; *Muccioli F.* Gli onori divini per Lisandro a Samo. A proposito di Plutarchus, *Lysander* 18 // The Statesman in Plutarch's Works: Proceedings of the Sixth International Conference of the International Plutarch Society. Vol. 2: The Statesman in Plutarch's Greek and Roman *Lives*. Leiden – Boston, 2005. P. 199–213.

[97] Ср.: *Печатнова Л.Г.* Лисандр и спартанский полис // ИИАО. Горький, 1988. С. 11–25.

государственный переворот или, по меньшей мере, план радикальных реформ, который позволил бы ему стать царем. Реализовать свои замыслы он не успел, поскольку погиб в битве при Галиарте в 395 г. до н.э. Да и в целом столь ранний случай (пожалуй, преждевременный) предоставления божественных почестей смертному человеку на первых порах остался чем-то единичным, уникальным. Но через несколько десятилетий почва для соответствующих изменений в религиозном сознании окончательно сложилась.

Некоторые шаги по собственному обожествлению, насколько можно судить, предпринимал Филипп II[98]. А со времен Александра Македонского обожествление правителя стало чуть ли не нормой. В высшей степени характерен, например, описанный выше прием, оказанный в 307 г. до н.э. афинянами Деметрию Полиоркету, после того как тот изгнал македонского ставленника Деметрия Фалерского и объявил о «восстановлении демократии». В награду за это, напомним, афинский демос провозгласил Полиоркета «богом-спасителем» и декретировал ему ряд положенных в таком статусе почестей (проживание в храме, учреждение культа, жречества, праздника, обращения к Деметрию за прорицаниями как к оракулу и т.п.). Невозможно даже и представить себе что-то подобное в пору расцвета полиса.

О культе монархов эллинистической эпохи, разумеется, в этой книге речь сколько-нибудь подробно не пойдет. Но представляется необходимым упомянуть о нем – прежде всего вот в какой связи. Чаще всего считается, что эта новая тенденция была результатом влияния на греков древневосточной религиозно-политической идеологии[99]. Подобное суждение имеет свой резон; тем не менее нам оно представляется не вполне точным и, во всяком случае, слишком категоричным. Бесспорно, что египтяне, например, обожествляли Александра в силу своих традиционных представлений о божественном статусе фараона. Но точно так же бесспорно и то, что греки обожествляли того же Александра явно не по этой, а по какой-то другой причине[100]. Иными словами, наличествовал не только восточный, но и античный фон для формирования эллинистической идеи «человекобожества».

До нас дошел отрывок из гимна, составленного афинянами для прославления Деметрия Полиоркета (ap. Duris FGrHist. 76 F13), и следует в интересующем нас контексте повнимательнее присмотреться к той мотивации обожествления диадоха, которую мы находим в этом памятнике. Другие боги – говорится в гимне – либо где-то далеко и не внемлют людям, либо их вообще нет;

[98] *Зелинский Ф.Ф.* Религия эллинизма. Томск, 1996. С. 103.

[99] Например: *Зелинский Ф.Ф.* Ук.соч. С. 104; *Ладынин И.А.* Египетские идеологические представления в сообщениях Плутарха об Александре Македонском (Alex. 27; Apopht. reg. et imp. 180d) // АПК. С. 34–40.

[100] Ср.: *Нефедов К.Ю.* Культ правителей и коронация диадохов // ИИАО. Вып. 12. Нижний Новгород, 2009. С. 92.

Деметрий же с нами, причем не в виде каменного или деревянного изображения, а собственной персоной, так кому же молиться, как не ему?

Данная мотивация самым непосредственным образом связана не столько с постулируемым проникновением восточных идей в античный мир, сколько с религиозными проблемами, давно уже вставшими перед самими греками. На протяжении классической эпохи, особенно в ее вторую половину, в период кризиса, в произведениях философов и поэтов становилась все более настойчивой критика традиционных представлений о божестве. Начинало казаться, что «старые» боги не выполняют своих функций; собственно, из-за этого-то и возникало побуждение обзавестись «новыми». А кто мог лучше подойти на эту роль, чем герой-полководец, для которого, казалось, нет ничего невозможного? Священнодействия афинян по отношению к Деметрию, обычно расцениваемые как низкопоклонство и признак моральной деградации «льстивых потомков Фемистокла и Аристида»[101], в значительной степени явились просто манифестацией перемен в религиозном сознании и в целом в менталитете – перемен, закономерно вызванных внутренними причинами, а не навязанных кем-то «извне».

Основной вектор этих перемен – «от гражданина к подданному» –проявился задолго до начала эпохи эллинизма, до Александра и даже до Филиппа II. Скорее уж практическая деятельность Филиппа явилась долгожданным ответом на животрепещущие запросы общественного сознания.

В свое время, в другой работе[102] мы сделали следующие наблюдения. В доэллинистической Греции существовали две, фактически противостоящие друг другу, модели сакрализации правителя: «модель басилея» и «модель тирана». В первом случае сакрализовался титул (статус) правителя, вне всякой зависимости от его личности, во втором – его личность, при отсутствии официального титула. Мы считаем возможным оперировать такими категориями, как, соответственно, «статусная сакрализация» и «личностная сакрализация».

В эллинистическую же эпоху встречаем уже не две разные модели сакрализации, а одну (можно определить ее как «модель эллинистического монарха»); мы оказываемся в мире крупных территориальных государств, правители которых носили титул царей (басилеев), – титул, впрочем, в данном случае ориентированный не столько на собственно греческую традицию, сколько на македонскую[103] и в еще большей степени на персидскую (как ее воспринимали греки).

---

[101] Как выразился, – правда, по иному поводу – В.Н. Парфенов: *Парфенов В.Н.* Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001. С. 81.

[102] *Суриков И.Е.* Status versus charisma...

[103] Рассмотрение царской власти в доэллинистической Македонии выходит за пределы данной работы. Здесь мы отметим лишь, что типичный македонский царь представляется фигурой, в общем, одного порядка с раннегреческими басилеями, как они изображены, например, у Гомера.

Эллинистические монархи – и здесь мы встречаем нечто принципиально новое в древнегреческой истории – были объектом уже не просто сакрализации, а полномасштабного обожествления (апофеоза). Первопроходцем в данной области выступил Александр Македонский, который, как известно, после завоевания Египта был провозглашен тамошними жрецами «сыном Амона», а уже незадолго до смерти потребовал своего обожествления и от греческих полисов[104]. После распада державы Александра правители многих из государств, возникших на ее руинах, более или менее последовательно шли по его стопам (речь идет прежде всего о египетских Птолемеях и – в несколько меньшей степени – о Селевкидах). В каких-то случаях они получали божеские почести после смерти, а в каких-то – еще при жизни; где-то данная тенденция проявлялась более полно и последовательно (вплоть до учреждения культов, жречеств и храмов), где-то – менее. Но в том, что именно она была теперь доминирующей, сомневаться не приходится. Ярко свидетельствуют об этом почетные эпитеты эллинистических монархов, превращавшиеся фактически в их вторые имена: Сотер («спаситель»), Евергет («благодетель»), Епифан («явленный») или даже просто Теос («бог»)[105].

Из вышесказанного можно видеть, что обожествление правителей в эллинистическом мире изначально базировалось (как и сакрализация тиранов в более раннее время) на чисто личностно-харизматической основе. Греки объявляли Александра Македонского, Деметрия Полиоркета или, скажем, Селевка Никатора богами постольку, поскольку это были Александр, Деметрий и Селевк – личности, масштабы которых по меркам полисной цивилизации действительно казались сверхчеловеческими. Впоследствии, однако, ситуация меняется: обожествление эллинистических монархов – и вот тут уже действительно следует говорить о восточном влиянии – имеет тенденцию из личностного превратиться в статусное и наследственное. Цари, среди которых во второй половине эпохи эллинизма преобладали абсолютные бездарности, начинают причисляться к богам не за собственные заслуги, а в силу наличия титула.

Интересно, что в эпоху эллинизма мы обнаруживаем один феномен, диаметрально противоположный тому, что имело место в архаической Греции. Если в VII–VI вв. до н.э. можно было встретить царей (басилеев), в целях укрепления своей легитимации менявших прежний статус на статус тирана[106], то теперь на-

[104] См. об этом: *Маринович Л.П.* Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М., 1993. С. 208 слл.

[105] *Левек П.* Эллинистический мир. М., 1989. С. 145.

[106] Наиболее известен среди таковых, безусловно, Фидон Аргосский. О нем теперь см. прежде всего: *Kõiv M.* Ancient Tradition and Early Greek History: The Origins of States in Early Archaic Sparta, Argos and Corinth. Tallinn, 2003. P. 239 ff. (хотя ранняя датировка правления Фидона, которой придерживается М. Кыйв, – VIII в. до н.э. – по ряду причин довольно уязвима). Аналогичное перерастание царской власти в тиранию имело, например,

блюдаем обратное: тиранов, которые – и опять же в целях укрепления легитимации – принимали царский титул. Именно так поступил в 306 г. до н.э. тиран Гераклеи Понтийской Дионисий, в 304 г. до н.э. – сиракузский тиран Агафокл, в начале III в. до н.э. (точное время неизвестно) – боспорский тиран Спарток III[107].

В эллинистическом мире наблюдается целый ряд новых черт в отношении населения к правителям по сравнению с полисной Элладой, что вполне понятно, поскольку теперь они представали в образе не жрецов и даже не героев, а богов. Соответственно, появилась грань между правителем и другими людьми[108]; развился полномасштабный культ предков царствующего монарха (впрочем, так и не ставший основой религиозной идеологии)[109]. Правитель мог отождествляться с различными богами, считаться их воплощением или сыном. В то же время верховным богом правитель в рамках эллинистической цивилизации не признавался, кажется, нигде и никогда. Были божества и «поважнее» его. Нельзя поэтому говорить применительно к эллинистическому царю обо всей полноте высшей сакральной власти, о полном контроле с его стороны над религиозной жизнью страны, над всеми жречествами и т.п. Государь из династии Птолемеев или Селевкидов мог быть «живым богом», но он не был pontifex maximus. В то же время «профанная» власть монарха являлась действительно абсолютной.

Чем больше обожествление царей с ходом времени из харизматического превращалось в статусное, тем меньшую роль играли его личные качества. Неудачливые и откровенно порочные цари II–I вв. до н.э. с такой же (если не большей) готовностью признавались богами, как их блистательные и пассионарные предки-диадохи.

в Кирене VI в. до н.э. (деятельность Аркесилая III; об этих событиях см.: *Безрученко И.М.* Древнегреческая Киренаика в VII–IV вв. до н.э. // ПИФК. 1999. Вып. 7. С. 89).

[107] Справедливости ради следует отметить, что уже и ранее (начиная с Левкона I, правившего в 389–349 гг. до н.э.) боспорские правители из династии Спартокидов в надписях именовались царями по отношению к завоеванным ими «варварским» народам, но по отношению к гражданам греческих полисов, входивших в их владения) носили титул архонта. По некоторым сведениям (Strab. VII. 310), тиран Перисад I (правил в 349–309 гг. до н.э.) был обожествлен (см.: *Шелов Д.Б.* История // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 14). Но для Боспора такого рода акция осталась редким исключением. Да и в целом касательно указанного свидетельства имеются некоторые подозрения, что с ним всё в порядке в смысле достоверности, либо что мы его не вполне верно понимаем.

[108] Вполне закономерна ярко выраженная тенденция в матримониальной политике эллинистических монархов – заключать браки в кругу себе подобных (а подчас – и в рамках собственной семьи, как египетские Птолемеи).

[109] См. по этим сюжетам (на материале птолемеевского Египта) в недавней фундаментальной монографии: *Зелінський А.Л.* Александрійські фараони та їхні піддані: Зміцнення влади перших Птолемеїв. Київ, 2010.

Как известно, существование эллинистических государств было оборвано насильственным путем, и можно только строить предположения о том, какие потенции дальнейшего развития сакрализации власти проявились бы в этих социумах, если бы им было предоставлено и впредь развиваться органически. Теоретически возможными нам представляются два основных варианта. Либо поступательная ориентализация привела бы к окончательному формированию законченно «восточных» структур в их теократическом типе. Либо вмешался бы новый, непредвиденный фактор (ведь речь, не забудем, идет об эллинах, которые всегда готовы были поразить окружающий мир какой-нибудь неожиданностью), и эволюция вновь пошла бы вспять – «от статуса к харизме», как бы наглядно иллюстрируя идеи некоторых древнегреческих теоретиков о «политическом круговороте» и «вечном возвращении».

А скорее всего, в реальности, и те и другие потенции переплелись бы в своей актуализации, что породило бы весьма сложный конгломерат античных и восточных, «европейских» и «азиатских» представлений и практик. Последующая история Византии, возникшей на территории бывшего эллинистического мира, кажется, дает основания для такого утверждения.

Однако завершим несколько затянувшийся экскурс в эллинистическую проблематику и вернемся в IV в. до н.э. Можно увидеть, что на всех уровнях менталитета, от религии до политической мысли, в этом столетии проявлялись принципиально новые процессы. Они говорили о том, что традиционная полисная ментальность исчерпала себя вместе с классической полисной цивилизацией и теперь уступала место иной системе ценностей и представлений, характерной для грядущего мира эллинистических государств. Было буквально «невооруженным взглядом» видно, как что-то ощутимо меняется.

Наряду с кризисом и крахом старых форм жизни в IV в. до н.э. стали понемногу пробивать себе дорогу – постепенно, исподволь, начиная с далеких окраин – новые политические формы и реалии. Имеем в виду не столько сицилийскую державу Дионисия, сколько Боспор и прежде всего Македонию. За этими новыми формами было будущее: потребность в объединении эллинов ощущалась все более насущно.

Следует ли признать конечное установление македонской гегемонии в Элладе абсолютно неизбежным? Существовала ли альтернатива, возможность иного развития событий? В IV в. до н.э., пожалуй, уже нет. А вот в предыдущем столетии, в период наивысшего расцвета полисного мира дела, принципе, могли бы пойти во многом по-другому. Так, допустим, что не Спарта, а Афины одержали бы победу в Пелопоннесской войне, да при этом еще овладели бы Сицилией. И то и другое было возможно, если бы несколько иначе сложились конкретные обстоятельства. Но в таком случае афинский полис, став гегемоном греков, сосредоточил бы в своих руках такие колоссальные силы и средства, которые позволили бы ему нанести решающий удар по Персии, воплотить в жизнь программу

панэллинизма задолго до Исократа, Филиппа II и Александра Македонского. Вся история античности могла в результате пойти альтернативным путем. Но, кстати, не переродились ли бы тогда сами победоносные Афины из демократии в монархию, скажем, во главе с Алкивиадом? И такого варианта тоже нельзя исключить.

В любом случае, в IV в. до н.э. по такому пути история пойти уже не могла. Классическая эпоха в конце концов закончилась установлением македонской гегемонии. Началась эпоха эллинизма, для которой были характерны совсем иные политические, социальные, идеологические проблемы.

А если бы не Македония – внешний, привходящий фактор? К чему привел бы кризис, если бы греки оказались предоставлены сами себе? Создается впечатление, что «великий греческий эксперимент» и сам собой уже заканчивался. Постоянные похвалы монархической форме правления в трудах политических теоретиков IV в. до н.э., если вдуматься, просто не могут не поразить. Греки, пожалуй, не вынесли бремени полисной свободы, устали от нее[110] и от сопряженной с нею ответственности, возжелали переложить эту ответственность и эту свободу на чьи-нибудь чужие плечи. Соответственно, они вступили на путь, ведущий «от гражданина к подданному». Не Филипп II – так кто-нибудь другой рано или поздно явился бы, чтобы удовлетворить, воплотить в жизнь эти чаяния. Да и победа объединительных тенденций – неважно, привнесенных извне или вызревших изнутри – в любом случае приводила к отказу от ключевых элементов прямой демократии, характерной для полиса.

* * *

Выше мы писали о вещах, во многом схожих с теми, которые нам доводилось освещать в первой главе книги АГ-3, но говорили о них теперь более подробно, с приведением новых немаловажных нюансов, а главное – акцентируем еще раз – под иным углом зрения. И это, конечно, не случайно.

Дело в том, что комплекс процессов и событий, имевших место на том хронологическом отрезке, который будет рассматриваться в данной монографии, был в полном смысле слова двойственным. С одной стороны, следует говорить о кризисе классического полиса, с другой – о формировании феномена предэллинизма. Иными словами, главное содержание обозначенного исторического периода – именно некая двуединая ситуация.

Можно ли рассматривать две ее указанные стороны отдельно друг от друга? В том числе, например, в хронологическом плане: вступил ли классический по-

[110] Ср. *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 366: «Сказывалась усталость этноса от проделанной им в минувшие столетия тяжелой работы преобразования общества и его культуры».

лис в полосу кризиса раньше, чем начал складываться предэллинизм? Или же подобная постановка вопроса неправомерна, и процессы шли только одновременно?

Мы долго размышляли над этой проблемой и пришли к выводам, которые являются, безусловно, в известной мере гипотетическими. Как нам представляется, процесс в аспекте кризиса начался чуть-чуть раньше, чем процесс в аспекте предэллинизма. Именно чуть-чуть, на какое-то десятилетие или полтора.

Кризисные явления в полисном социуме – как на уровне отдельно взятого полиса, так и на уровне отношений между ними – дали о себе знать, насколько можно судить, уже в самые первые годы Пелопоннесской войны. Их, в частности, тонко подметил такой проницательный современник событий, как Фукидид. Его соответствующие пассажи (II. 51–54; III. 81–84), ставшие хрестоматийно известными и даже знаменитыми[111], относятся к 420-м гг. до н.э., к периоду Архидамовой войны.

А о формировании каких-либо предпосылок эллинизма, хоть в малейшей степени, для обозначенного хронологического отрезка говорить еще не приходится. Но такие предпосылки зарождаются уже в следующее десятилетие, в 410-х гг. до н.э.[112] Ибо, строго говоря, предэллинизм следует отсчитывать не с Лисандра и оказывавшихся ему почестей. У Лисандра в данном отношении был предшественник – Алкивиад[113].

Этому Übermensch'у посвящена специальная глава в книге АГ-3, поэтому сколько-нибудь подробно здесь мы писать о нем не будем. Укажем лишь на некоторые нюансы, важные в контексте настоящего изложения. Какой восторг окружал Алкивиада, какие почести ему оказывались! Достаточно вспомнить, насколько прогремевшим по всей Элладе событием стала его олимпийская победа 416 г. до н.э.[114]

---

[111] В связи с ними см., например: *Nielsen D.A.* Pericles and the Plague: Civic Religion, Anomie, and Injustice in Thucydides // Sociology of Religion. 1996. Vol. 57. No. 4. P. 397–407; *Cawkwell G.* Thucydides and the Peloponnesian War. L. – N.Y., 1997; *Thomas R.* Thucydides' Intellectual Milieu and the Plague // Brill's Companion to Thucydides. Leiden, 2006. P. 87–108; *Taylor M.C.* Thucydides, Pericles, and the Idea of Athens in the Peloponnesian War. Cambridge, 2010.

[112] Ср. Иную точку зрения, высказываемую в книге: *Дэвис Дж.К.* Демократия и классическая Греция. М., 2004. С. 166. По мнению автора, поворотным пунктом стали 380-е гг. до н.э. До того «основные контуры греческого общества оставались неизменными в течение почти ста лет, а преобладающие модели социального членения не менялись около 300 лет. С 380-х же годов начинаются быстрые изменения. В связи с ними, правда, ученый не употребляет термин «предэллинизм», но из контекста видно, что речь идет именно о тех процессах, которые мы имели в виду в данной главе.

[113] *Aymard A., Auboyer J.* L'Orient et la Grèce antique. P., 1953. P. 396; *Taeger F.* Charisma: Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes, Bd. 1. Stuttgart, 1957. S. 162.

[114] См. о ней, в частности: *Papakonstantinou Z.* Alcibiades in Olympia: Olympic Ideology, Sport and Social Conflict in Classical Athens // JSH. 2003. Vol. 30. No. 2. P. 173–182; *Kyle D.G.*

«Обратите внимание на то, как вообще он обставил свое пребывание в Олимпии. Персидский шатер, превосходящий вдвое палатку официальной делегации, ему привезли эфесцы; жертвенных животных и корм для лошадей доставили хиосцы; поставку вина и прочие расходы он возложил на лесбосцев», – пишет лет через двадцать враг Алкивиада (Andoc. IV. 30). Отсюда, в сущности, не так уже далеко и до религиозного пиетета. Ни Мильтиад, ни Фемистокл, ни Аристид, ни Кимон – люди, сделавшие куда больше для «эллинского дела», – даже и отдаленно не купались в лучах такой славы, как этот «афинский денди», который к 416 г. до н.э., в общем-то, еще не совершил ничего особо достопримечательного (получается, ему давали, так сказать, «авансы на будущее»?).

А если бы совершил? Если бы судьба Алкивиада в дальнейшем сложилась более удачно, чем оно было на самом деле, если он не попал бы в опалу и, скажем, Афины под его водительством одержали бы верх в Пелопоннесской войне (выше мы писали, что в таком повороте событий не было бы ничего невероятного[115])? Не приходится сомневаться, что тогда ажиотаж вокруг его имени был бы еще намного бóльшим. Мог бы состояться настоящий апофеоз, и у Афин на век раньше Деметрия Полиоркета появился бы другой «бог-спаситель».

Кстати, привлечем внимание к тому, кто именно, судя по процитированному выше пассажу, особенно отличился в возвеличивании Алкивиада в 416 г. до н.э. Оказывается, что это были восточные греки – представители полисов малоазийского побережья и прилегающих островов. Характерно, что именно они же потом первыми начали обожествлять и Лисандра. Совпадение, несомненно, не случайно. Феномен настоятельно нуждается в дальнейшем осмыслении. Получается, у этих эллинов «психология подданных» сложилась раньше, чем у материковых? Что, впрочем, и не удивительно, учитывая, как долго они жили в условиях различных видов зависимости – то от лидийцев, то от персов, то от афинян... Можно, кстати, предположить, что они так долго терпели унизительно неполноправное существование в составе Афинской архэ во многом именно потому, что были уже хорошо приучены к подчинению.

В рамках данной главы, пожалуй, уместно еще в заключение остановиться на вопросе о том, следует ли рассматривать в контексте предэллинизма идею «панэллинизма», которая, как обычно считается, была выдвинута в IV в. до н.э. Исократом. На первый взгляд, тут и сомневаться не в чем. Казалось бы, какое может быть еще более яркое свидетельство о нарастании новых тенденций?

"The Only Woman in All Greece": Kyniska, Agesilaus, Alcibiades and Olympia // JSH. 2003. Vol. 30. No. 2. P. 183–203; *Surikov I.E.* Athenian Nobles and the Olympic Games // Mésogeios. 2004. Vol. 24. P. 201–203.

[115] См. также: *Суриков И.Е.* Была ли Сицилийская экспедиция авантюрой? // ААе. 2007. Вып. 2. С. 30–39.

Однако дело в том, что, по здравом размышлении, сама эта позднеклассическая, исократовская идея «панэллинизма» предстает в известной мере красивой историографической конструкцией, разработанной не в античности, а в антиковедении Нового времени и, она подобно всякой конструкции такого рода, схематизирует и упрощает реальность.

Само слово «панэллинизм» ни разу не встречается не только у Исократа, но и у какого бы то ни было другого древнегреческого автора. С этим всё более или менее понятно: перед нами – искусственно созданный термин[116]. Но ведь в основе-то все-таки лежит древнегреческая лексема?

Парадокс, однако, заключается в том, что в корпусе сочинений Исократа мы не найдем и ни одной из исходных лексем подобного рода. Нет у него слов «панэллинский», «панэллины» и т.п. И это при том, что сами указанные слова к исократовскому времени уже заведомо существовали, они встречаются за много веков до Исократа, да и вообще возникают на самой заре древнегреческой цивилизации. О «панэллинах» упоминается в первых же памятниках античной литературы – у Гомера (Il. II. 530) и Гесиода (Opp. 528)[117].

Уже с архаической эпохи панэллинские тенденции существовали наряду с полисными партикуляристскими. Вряд ли стоит специально напоминать о том, что начиная с VIII в. до н.э. появляется традиция общегреческих религиозно-спортивных празднеств[118]; первые Олимпийские игры (776 г. до н.э.) – одно из первых датируемых с точностью до года событий древнегреческой истории. Важнейшие процессы и феномены периода архаики – Великая колонизация, раннее законодательство, Старшая тирания и др. – очевиднейшим образом выходили за полисные рамки, приобретали близкий к панэллинскому характер. Да ведь это можно сказать и о самом формировании полиса, который сложился как система в принципиально схожей форме в различных регионах как греческой метрополии, так и колониального мира.

Одним словом, с самого начала у античных греков наличествовала общность исторической судьбы, объединявшая пеструю в политическом плане амальгаму их государств в единую цивилизацию[119]. В этом проявлялся изначальный

[116] *Рунг Э.В.* Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда. Казань, 2009. С. 146.

[117] В связи с Гесиодом см. также: *Rutherford I.* Mestra at Athens: Hesiod fr. 43 and the Poetics of Panhellenism // The Hesiodic *Catalogue of Women*: Constructions and Reconstructions. Cambridge, 2005. P. 99–117.

[118] См. об этом: *Шарнина А.Б.* Эллинское единство и общегреческие празднества // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 11. СПб., 2012. С. 257–272.

[119] Ср. на конкретном примере Элевсинских мистерий: *Clinton K.* The Eleusinian Mysteries and Panhellenism in Democratic Athens // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 161–172.

греческий «панэллинизм». И на только что нарисованном фоне предложения Исократа отнюдь не выглядят чем-то экстраординарным и революционным.

Принципиально новое в них – только вот что: Эллада, цивилизационно единая, должна стать и политически единой (так сказать, e pluribus unum), причем единство мыслится не при условиях равноправия, а под чьей-нибудь гегемониальной властью. Поступиться свободой ради объединения... И опять же, всё это мы уже выше встречали. Налицо очередное проявление процесса перехода «от гражданина к подданному».

* * *

Резюмируем. Вышесказанное было направлено на то, чтобы показать: категория предэллинизма применительно к древнегреческой истории IV в. до н.э. вполне правомерна, ее нельзя отвергать, поскольку она помогает при объяснении и интерпретации ряда исторических явлений. Суть же предэллинизма, как мы попытались продемонстрировать, заключалась в глубоких изменениях в менталитете и идеологии, в пресловутом пути «от гражданина к подданному». Во всяком случае, именно этот аспект процесса мы сочли необходимым специально акцентировать.

Кому-то может показаться, что мы лишь внесли лепту в «спор о словах» (а не по существу), который ничего не прибавляет к нашему пониманию прошлого. Был предэллинизм, не было предэллинизма – не в одном ли термине дело? Однако это не так. Речь шла именно о существе вопроса.

Так, представляется, что наши выкладки объясняют, например, почему нельзя говорить об «эллинизме в Риме». Римская республика по сравнению с соседними эллинистическими социумами стояла на иной ступени развития – в том плане, что последними путь «от гражданина к подданному» был уже пройден, а в Риме в III–II вв. до н.э. даже и не начинался. Первые шаги в данном направлении встречаем в I в. до н.э. Плутарх что-то очень тонко почувствовал, когда в своих «Сравнительных жизнеописаниях» объединил в одну пару Лисандра и Суллу[120] (хотя формальным основанием для создания пары и послужил тот чисто внешний факт, что оба взяли Афины и разрушили «Длинные стены»). В течение этого столетия процесс на римской почве набирал силу и привел в конце концов к переходу от Республики к принципату.

Итак, в дальнейших главах мы будем исходить из того, что политики, чьи биографии будут рассматриваться, жили не только в эпоху кризиса классического полиса, но и в эпоху предэллинизма. Сказанное, конечно, не означает, что в их деятельности должны обязательно прослеживаться «предэллинистические» тенденции. Как было на самом деле – это нам и предстоит выяснить.

[120] О Сулле у Плутарха см.: *Thein A.* Sulla the Weak Tyrant // AT. P. 238–249.

Глава II

Агесилай Великий: блеск и нищета Спарты

С окончанием Пелопоннесской войны как бы перевернулась целая большая страница в истории Древней Греции[1]. IV век до н.э. стал эпохой, во многом непохожей на предшествующее столетие. Высшая точка военно-политического положения Эллады и расцвет полисной системы, достигнутые в годы Пентеконтаэтии, остались позади; стали нарастать кризисные явления. В области межгосударственных отношений это выразилось в том, что на смену «биполярной» системе афино-спартанского дуализма появился целый ряд неодинаковых по своему значению центров силы, претендовавших на лидерские позиции; внешнеполитическая ситуация значительно усложнилась.

Впрочем, эти перемены дали о себе знать лишь со временем. Первые же годы после Пелопоннесской войны протекли, безусловно, «под звездой Спарты». Полис в долине Еврота уже с достаточно раннего времени занимал особое место в эллинском мире. Прославленная спартанская военная мощь привела к тому, что уже в VI в. до н.э. он являлся неоспоримым гегемоном большей части Пелопоннеса, да и во многих других частях Балканской Греции признавалось его первенство. Характерен уже тот факт, что, когда в 481 г. до н.э. был создан Эллинский союз для отражения грядущего нападения Ксеркса, во главе объединения встала именно Спарта. Претензии некоторых других государств (Афин, Аргоса, Сиракуз) на равное положение с ней, хотя изредка и высказывались, но, в общем, не воспринимались всерьез. Даже морскими операциями этого этапа Греко-персидских войн командовали военачальники-спартиаты: Еврибиад в сражениях при Артемисии и Саламине, царь Леотихид в битве при Микале, регент Павсаний – действиями в Средиземноморье и Эгеиде в 478 г. до н.э. И это несмотря на то, что своего собственного военного флота на тот момент у спартанцев практически не было, да и в целом их весьма трудно было назвать людьми, поднаторевшими в морском деле (в отличие, скажем, от тех же афинян).

---

[1] Ср.: *Алёхин В.П.* Роль Пелопоннесской войны в трансформации греческого общества // Antiquitas Iuventae. Саратов, 2007. С. 44–62.

Да и из сообщений источников ясно видно, что Еврибиад ни в коей мере не был умелым и опытным флотоводцем. Его однозначно превосходил в этом отношении Фемистокл, но тем не менее афинский стратег не предпринимал открытых попыток оспорить первенство своего спартанского начальника. Правда, уже вскоре положение изменилось: Аристид и Кимон фактически «вырвали» из рук Павсания главенство над греческими военно-морскими силами. Но это ведь и привело к прекращению функционирования Эллинского союза (хотя официально распущен он не был) и ко всем последовавшим далее событиям, главным из которых было образование Делосской лиги. Той самой, которая со временем, переродившись в Афинскую архэ, бросила вызов спартанской гегемонии в Элладе, что и запустило процесс, приведший в конечном счете к большой войне.

Обо всех этих событиях, которые более подробно рассматривались в предыдущих книгах нашего цикла (АГ-1, АГ-2) мы здесь вспомнили для того, чтобы показать: вплоть до конца V в. до н.э. Спарта претендовала на лидерство среди греческих полисов, и временами – успешно. Но лидерство это заключалось только в моральном «первенстве чести», в наивысшей авторитетности, а не в реальном владычестве[2]. И лишь в 404 г. до н.э. спартанская гегемония приобрела качественно иной характер.

С главным тогдашним соперником Лакедемона – Афинами – было покончено, и, как казалось надолго. Города, ранее входившие в состав Афинской архэ, теперь оказались под спартанским контролем, причем приняли этот контроль безоговорочно, едва ли не с радостью. Господство спартанцев в Пелопоннесе тоже представлялось более чем прочным. Рубеж V–IV вв. до н.э. во внешнеполитическом отношении стал временем наивысшего взлета Спарты. Как прекрасно известно и как отмечалось выше, на этом хронологическом отрезке, пожалуй, во всей Элладе не было более могущественного и влиятельного политика, чем бывший наварх Лисандр, внесший главный вклад в победу своего полиса над афинским. Такой власти, как у него, наверное, не было еще ни у кого на протяжении всей предшествующей древнегреческой истории. Само имя этого сурового, мрачного, амбициозного и по-лаконски немногословного человека было окружено каким-то просто-таки религиозным почитанием и трепетом.

Лисандр, объезжая эллинские полисы, бывшие членами Афинской архэ, изменял в них политическое устройство. Взяв на себя роль некоего самовластного правителя, он ликвидировал во многих из этих городов демократические порядки и установил олигархические режимы, возглавлявшиеся коллегиями прямых спартанских ставленников. Или, скорее, – пожалуй, сказать так будет более точно – речь следует вести о приверженцах лично его, Лисандра; им-то и передавались бразды правления. Одним из таких режимов, в частности, было

[2] Ср.: *Andrewes A.* Spartan Imperialism? // IAW. P. 91–102.

и правительство Тридцати в Афинах, созданное под непосредственным нажимом Лисандра.

Оно, впрочем, пало достаточно быстро, и одной из причин его недолговечности стало то, что Лисандр создавал эту систему уж слишком в большой степени «под себя», что не понравилось другим представителям спартанской политической элиты (в частности, царю Павсанию). Заручившись гарантиями в том, что Афины даже после возрождения демократии останутся лояльными Спарте, лакедемонские власти в конечном счете не оказали реальной поддержки «Тридцати тиранам», позволили им пасть, несмотря на то, что те были самыми ярыми лаконофилами, каких только можно представить[3].

В одной из речей Лисия (XVIII. 10–12) содержится красочно описанная трогательная сцена: встреча царя Павсания с детьми жертв репрессий Тридцати. В эпизоде фигурируют родственники Никия – знаменитого афинского полководца, погибшего в 413 г. до н.э. При «Тридцати тиранах» были казнены сын Никия Никерат и брат Евкрат. Рассказ, который сейчас будет процитирован, ведется от лица одного из сыновей последнего:

«...Как только в Академию пришли спартанцы с Павсанием, он (Диогнет, еще один брат Никия, при Тридцати бежавший из Афин и тем спасшийся от смерти, – И.С.) взял Никератова сына и нас, бывших еще детьми, Никератова сына положил на колени Павсанию, а нас поставил около него и стал рассказывать ему и другим, бывшим там, сколько несчастий мы пережили и какие превратности судьбы испытали, и просил Павсания ради дружбы и гостеприимства (καὶ διὰ τὴν φιλίαν καὶ διὰ τὴν ξενίαν τὴν ὑπάρχουσαν) помочь нам и отомстить нашим злодеям. Вследствие этого Павсаний стал относиться благосклонно к народу и указывал другим спартанцам на наши несчастия как на пример преступной деятельности коллегии Тридцати; тогда всем пришедшим с ним пелопоннесцам стало ясно, что они казнили не самых дурных граждан, а таких, которые имели полное право на уважение как по своему происхождению и богатству, так и вообще по своим высоким нравственным качествам. Все так жалели нас и считали наши несчастия столь ужасными, что Павсаний отказался принять подарки от коллегии Тридцати, а от нас принял».

Когда читаешь такое, поневоле, закрадывается мысль, что, возможно, на позицию Павсания в «афинском вопросе» повлияли не только внутриполитические соображения – желание воспрепятствовать нарастающему влиянию Лисандра[4], – но и действительно чисто человеческое, сентиментальное чувство сочувствия к пострадавшим. Как известно, наследники лакедемонских

[3] См. о событиях этих лет: *Никитюк Е.В.* Афины после свержения тирании Тридцати в 403 г. до н.э. // ИМПСО. С. 152–165.

[4] Об отношениях этих двух деятелей см.: *Печатнова Л.Г.* Спартанские цари. М., 2007. С. 264 слл.

престолов не подлежали традиционной спартиатской ἀγωγή и, соответственно, не превращались в бесчувственных солдафонов.

Не нужно забывать и о том, что в семье Павсания – в той ветви дома Агиадов, которая на рассматриваемый момент была правящей, – были достаточно сильны традиции дружественного отношения к Афинам, нежелания враждовать с ними. Отец этого царя, Плистоанакт, на первом этапе Пелопоннесской войны выступал ведущим в Спарте «миротворцем». Главным сторонником заключения Никиева мира 421 г. до н.э. на спартанской стороне был именно он. Кстати, наиболее вероятно, что именно в ходе переговоров между Никием и Плистоанактом они и вступили друг с другом в ксенические связи, о которых упоминается в только что процитированном пассаже из Лисия. В свете сказанного также выглядит вполне закономерным, что именно сородичи Никия, а не какого-либо иного афинянина, обратились к Павсанию с просьбой о помощи и о разрыве с «Тридцатью тиранами».

Как бы то ни было, восстановившие свою власть в 403 г. до н.э. демократы, как увидим ниже, не слишком долго соблюдали свои обязательства следовать в спартанском «кильватере» и уже через несколько лет вновь начали враждовать с гегемонами Эллады. Что же касается коллегии Тридцати, то она в целом была не вполне обычным явлением в контексте установления Лисандром спартанского владычества. Отклоняется от нормы прежде всего ее численность. А обычно правящие олигархические коллегии, приводимые спартанцами к власти в городах, состояли из десяти человек; они так и назывались декархиями («правящими десятками»). Декархии, разумеется, проводили жесткую лаконофильскую политику, опираясь на размещенные в эллинских полисах спартанские гарнизоны во главе с наместниками (гармостами, т.е. «устроителями»).

На феномене гармостов стоит, пожалуй, остановиться особо. Подобного института предельно жесткого «прямого управления» не знала даже «тираническая» Афинская архэ. Не знала, во всяком случае, в столь широких масштабах. Известно об уполномоченных – «епископах», – посылавшихся Афинами в некоторые союзные города, однако правилом, нормой эта практика всё же не являлась.

Справедливости ради следует сказать, что нередко гармосты и гарнизоны направлялись Спартой не по ее собственной инициативе, а по просьбе самих декархий, которые опасались, что не смогут удержать власть в руках без внешней поддержки. Для самого же спартанского полиса подобное «распыление сил» по всей Эгеиде имело, пожалуй, больше минусов, чем плюсов. Спартанский гражданский коллектив и без того-то был немногочисленным, «олигантропия» (малолюдье) давно уже входила в число главных «бичей» этого государства, что ощущалось особенно болезненно в свете потенциальной илотской опасности.

К тому же на посты гармостов старались направлять, естественно, лучших, наиболее способных и развитых из спартиатов. Нам представляется, что можно говорить о своеобразной «трагедии гармостов». И действительно, обычный гомей, в своем рваном плаще и с палкой-скиталой, привыкший к «черной похлебке» и отроду не видавший никакой роскоши, вдруг оказывался в роли практически бесконтрольного господина какого-нибудь процветающего, богатого ионийского полиса, жители которого вели соответствующий образ жизни. Соблазн был уж слишком велик, чтобы ему не поддаться.

То немногое, что известно о конкретных гармостах, вполне подтверждает самые худшие предположения. Клеарх, ставший гармостом Византия, фактически попытался установить там свою тиранию, и его пришлось удалять из города военной силой. Это тот самый Клеарх, который позже командовал отрядом греческих наемников на службе Кира Младшего, совершившим беспримерный «анабасис», о чем, естественно, еще будет сказано ниже.

Другой пример – Гилипп, славный герой Пелопоннесской войны, вошедший в историю в связи с доблестной обороной Сиракуз от афинян, окончившейся полным успехом. Фактически положение Гилиппа в Сиракузах можно уподобить именно статусу гармоста, даже если официального титула он и не носил. Как бы то ни было, длительное пребывание в крупнейшем центре Сицилии, городе, ни в чем не напоминавшем Спарту[5], уж точно не могло не наложить отпечаток на нравы спартанского полководца. Это в полной мере проявилось через несколько лет.

В 405 г. до н.э., в период битвы при Эгоспотамах, Гилипп находился при флоте Лисандра. После победы наварх послал его в Спарту с крупной суммой денег, и часть этих богатств Гилипп присвоил, попросту украл. Хищение было обнаружено, и незадачливый охотник обогатиться подвергся изгнанию (Plut. Lysandr. 16–17). По иронии судьбы он разделил судьбу своего отца Клеандрида – одного из виднейших спартиатов. Последнего еще в 440-х гг. обвинили в том, что он был подкуплен Периклом, и ему опять же пришлось удалиться. Подозрения в измене, возможно, были не беспочвенными; во всяком случае, уже вскоре Клеандрид оказался не где-нибудь, а в Фуриях, основанных как форпост именно афинского влияния в Великой Греции, и стал в этой молодой колонии ведущим военачальником[6].

Лисандр, этот «гармост гармостов» (рискнем употребить подобное выражение, по аналогии с известным титулом «царь царей»), насколько можно

[5] В другом месте (*Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 217–218) мы даже охарактеризовали Спарту и Сиракузы как два «полюса» греческого мира, противолежащие друг другу.

[6] О деятельности Клеандрида в Фуриях см.: *Wonder J.W.* The Italiote League: South Italian Alliances of the Fifth and Fourth Centuries BC // ClA. 2012. Vol. 31. No. 1. P. 128–151.

судить, лично был, в отличие от своих подчиненных, полным бессребреником и оставался таковым до конца жизни. Ему было свойственно не корыстолюбие, а честолюбие и властолюбие в гипертрофированной форме (в предыдущей главе говорилось, как прижизненный культ этого «сверхчеловека» предвосхищал некоторые черты эллинистического менталитета).

Как бы то ни было, с далеко зашедшей коррупцией зарвавшихся гармостов Лисандр явно боролся в далеко не достаточной степени. Прозвучит парадоксом, но от того не станет менее верным суждение о том, что спартанская гегемония, установившаяся на рубеже V–IV вв. до н.э., на самом деле нанесла Спарте больше ущерба, чем принесла ей блага. Именно после победы над Афинами в Лакедемон хлынули – в качестве добычи – богатства, дотоле ей чуждые. Это, безусловно, подрывало «ликургов космос» с укоренившимся в нем суровым и простым образом жизни. Шатались те устои, на которых испокон веку стоял странный и великий полис на юге Пелопоннеса. Мы уже видели, что многие видные спартанцы прельстились быстрым, не требующим особых трудов обогащением. Деньги проникли в обиход Спарты, и впервые за несколько веков истории этого государства (речь идет о периоде с самых «Ликурговых» реформ) в нем началось имущественное расслоение.

Известный закон эфора Эпитадея был принят как раз вскоре после 400 г. до н.э., а этим законом допускались довольно значительные послабления в праве земельной собственности. Ранее одним из тех «столпов», на которых держалась Спарта, была четко организованная система неотчуждаемых участков земли, находившихся во владении отдельных спартиатов. Закон Эпитадея давал не то чтобы полную свободу в распоряжении этими наделами; но он, по крайней мере, позволял официально дарить их – при жизни или в завещании – лицам, не являющимся наследниками. Это уже меняло весьма многое. Сколь часто в жизни самых разных обществ «дар» является лишь замаскированной формой сделки купли-продажи[7]! Относительно закона Эпитадея в науке идет дискуссия; не все даже склонны признавать историчность как самого документа, так и инициировавшего его лица. Указывают на то, что прилагательное ἐπιτάδειος (дорийский вариант общегреческого ἐπιτήδειος) означает «подходящий, полезный, выгодный»[8]; предполагают в связи с этим, что в спартанском обиходе

[7] Кстати, как раз в современной России ситуация иная. У нас за акт дарения недвижимости берутся значительно бóльшие налоги, чем за акт ее продажи. В результате часто бывает (в противоположность Спарте рассматриваемой эпохи), что дарение оформляется как некая фиктивная сделка, якобы с выплатой денег (которые на самом деле, разумеется, не выплачиваются).

[8] Строго говоря, фигурирующее в источниках имя пресловутого эфора – Ἐπιτάδευς; но его прямая связь с рассматриваемым прилагательным несомненна. Наверное, имеет значение и тот факт, что никакой другой носитель имени «Эпитадей», кроме пресловутого эфора, не зафиксирован ни в Спарте, ни даже вообще на Пелопоннесе (см.: A Lexicon of

говорили о каком-то «полезном» законе, а со временем он в устной традиции трансформировался в закон «полезного» (т.е. Эпитадея).

Если это так, то у нас уже есть повод остановиться и задуматься. Получается, что в начале IV в. до н.э. среди спартиатов были такие, которые находили полезным фактически покончить с общиной гомеев («равных» или даже «одинаковых»[9]). Вне всякого сомнения, таковыми являлись представители элиты, различными путями «продвинувшиеся» наверх.

Спартиаты перестали быть *равными во всём*. Не рискнем сказать, что до того в их полисе вообще не было богатых и бедных; не в мире же утопии они жили. На основе спартанского бытия создавалось немало утопий – и в античности, и позже[10], – но те, кто это бытие собой воплощал, мыслили уж точно не утопи-

Greek Personal Names / Ed. by P.M. Fraser, E. Matthews. Vol. 3A: The Peloponnese, Western Greece, Sicily and Magna Graecia. Oxf., 2001. P. 149). Это тоже кажется подозрительным, учитывая то, что именной фонд в греческих полисах складывался из совокупности семейных ономастических комплексов, в которых прослеживается континуитет (подробнее см.: *Суриков И.Е.* Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // ВЭ. Вып. 3. М., 2009. С. 102–127). Иными словами, имя не могло появиться «ниоткуда», как это столь часто встречается в современной практике имянаречения, когда каждый по большей части абсолютно «из головы» придумывает, как назвать своего ребенка. Однако не можем в данной связи не упомянуть, что для периода ок. 425 г. до н.э. известен некий спартанец Эпитад (Ἐπιτάδας). Его упоминает Фукидид (IV. 8. 9 и др.). Так что, может быть, никакой серьезной проблемы и не возникает. Скорее, напрашивается вопрос: а не одно и то же ли лицо перед нами? Приходится на этот вопрос дать отрицательный ответ: Эпитад возглавлял героический спартанский отряд, который сражался против афинян на Сфактерии и в конце концов был вынужден сдаться (о кампании в целом см.: *Rubincam C.* The Topography of Pylos and Sphakteria and Thucydides' Measurements of Distance // JHS. 2001. Vol. 121. P. 77–90). Клеон устроил из всего этого крайне выигрышное для него зрелище, с вывешиванием на стене Акрополя взятых в битве спартанских щитов (*Lippman M., Scahill D., Schultz P. Knights* 843–59, the Nike Temple Bastion, and Cleon's Shields from Pylos // American Journal of Archaeology. 2006. Vol. 110. No. 4. P. 551–563). Однако сам Эпитад еще до пленения предпочел последовать старинному спартанскому закону и погиб в битве (Thuc. IV. 38. 1). Эпитадей мог быть потомком Эпитада (возможно, даже сыном: разница в возрасте между ними – как раз в поколение).

[9] Термин «гомеи» (ὅμοιοι) часто переводят как «равные», что не вполне верно (вообще-то «равные» – ἴσοι). Буквально ὅμοιος – «подобный», congruens. Но «община подобных» как-то не очень хорошо звучит. Парадоксальный, но, как нам кажется, довольно удачный вариант предложил А.В. Зайков: ὅμοιοι – «одинаковые» (*Зайков А.В.* Спартанская община *одинаковых* в аспекте сословной семантики // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург, 2000. С. 315–321). В сущности, спартанская внутренняя политика с какого-то момента ориентировалась на то, чтобы сделать всех граждан именно *одинаковыми*.

[10] Еще в XVIII в. Ж.-Ж. Руссо – а он был едва ли не самым демократически настроенным из мыслителей своего времени – говорил: «спартанцы – скорее полубоги, чем люди»

чески. Однако ранее в земле спартанской считалось приличным скрывать богатство и демонстрировать бедность (вспомним те же рваные плащи, «черную похлебку» и т.п.). С какого-то момента система ценностей совершила поворот буквально на 180 градусов. И это, конечно, было мощным ударом по консолидации гражданского коллектива Спарты; ход событий с полной неизбежностью вел к падению – буквально через несколько десятилетий – ее хваленого величия.

На процесс, проходящий перед нашими глазами, можно, впрочем, посмотреть и с другой стороны. Мы в свое время[11] предложили следующую типологию греческих полисов: полисы архаические и полисы классические. Подчеркиваем, что в эти категории здесь вкладывается не столько хронологический, сколько именно стадиально-типологический смысл. Иными словами, даже и в классическую эпоху в эллинском мире вполне можно было встретить полисы, оставшиеся еще на «архаической» стадии и не продвинувшиеся на «классическую». Спарта долгое время находилась в числе таковых.

Если в Афинах процесс превращения архаического полиса в классический шел уже приблизительно с последней трети VII в. до н.э. и к концу следующего столетия завершился (реформами Клисфена)[12], то Спарта на протяжении V в. до н.э. еще продолжала вполне относиться к архаическому типу полисной государственности. В ней переход к классическому полису начался как раз после окончания Пелопоннесской войны. Это произошло как в силу объективных причин (таков был общий вектор развития), так и под влиянием ряда конкретных привходящих обстоятельств, сыгравших роль катализатора. Так, установление спартанской гегемонии в результате победы над Афинами, включение в сферу контроля Спарты большого количества новых регионов – всё это приводило к тому, что «трещал и лопался» тот «железный занавес», которым Лакедемон отгородил себя от окружающего мира. Процессы, искусственно за-

(цит. по: *Маринович Л.П.* Античная и современная демократия: новые подходы. М., 2001. С. 5–6). В связи с образом Спарты как основой для всяческих утопий см., в частности, известные труды: *Ollier F.* Le mirage spartiate: Étude sur l'idéalisation de Sparte dans l'antiquité grecque. Vol. 1–2. Lyon – P., 1933–1943; *Tigerstedt E.N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. 1–2. Stockholm, 1965–1978.

[11] Кажется, впервые в работе: *Суриков И.Е.* Греческий полис архаической и классической эпох // АП. С. 13 слл. В дальнейшем мы этот тезис не раз повторяли – с той или иной степени детализации аргументов. Кажется, он начинает обретать право на существование (так, с одобрением о нем высказался А.И. Иванчик в письме автору этих строк).

[12] Эволюция афинского полиса проходила и дальнейшие стадии. В течение V в. до н.э. Афины настолько изменились, что не подпадали уже даже под определение «классического полиса», являя, по сути, следующую ступень в трансформации полисной государственности. Но здесь об этом не место специально говорить. Подробнее см.: *Суриков И.Е.* Греческий полис... С. 17.

торможенные создателями «ликурго-хилонова» строя, вырвались из-под спуда и пошли полным ходом.

А ведь трансформация такого рода – из архаического полиса в классический, – судя по всему, была просто невозможна без кризисных явлений. Вспомним, что в Афинах VI в. до н.э. был практически целиком наполнен междоусобными смутами. Теперь аналогичный путь (хотя, разумеется, со своими особыми нюансами) предстояло проделать Спарте[13].

* * *

Буквально через несколько лет после Пелопоннесской войны большинство греческих полисов (в том числе и тех, которые ранее являлись верными союзниками лакедемонян) с полной ясностью осознали, что избавление от «ига Афин» принципиальных улучшений не принесло. Оказывалось, что спартанское владычество вряд ли легче былого афинского. Политика, которую проводили в Элладе спартанские власти эпохи Лисандра, была какой-то совсем уж негибкой и «топорной», опирающейся на грубую военную силу. Не могло не сложиться впечатление, что некоторые методы господства – чрезмерный нажим на союзные государства, жесткий и откровенный диктат им своей воли – были заимствованы спартанцами у побежденных афинян, но при этом доведены до еще бóльших крайностей.

Тяжел был афинский форос, но вот до института гармостов даже и афиняне не додумались. Да и оный форос афинский был реально тяжел (для подавляющего большинства членов Архэ) начиная с времен «ястреба» Клеона. Предшествовавшие же деятельности этого демагога ставки фороса, установленные еще Аристидом при создании Делосского союза, расценивались в основном как «справедливые» и умеренные[14].

Согласно весьма распространенному мнению (его уж точно можно встретить почти в любом учебнике), Спарта повсюду насаждала олигархические режимы, а Афины – демократические. Но это распространенное мнение на деле представляет собой крайне грубую схему. Что касается Спарты – таковая политика относится только и всецело к «Лисандровой» Спарте. Но даже применительно к Афинам подобная постулируемая линия не может быть признана безоговорочно соответствующей действительности. Прекрасно известно, что не во всех полисах, входивших в Афинскую архэ, установилась демократия.

[13] См. подборку свидетельств источников о кризисных явлениях в Спарте рассматриваемого периода: *Печатнова Л.Г.* Кризис политической системы в Спарте в конце V – начале IV в. // Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции. СПб., 2000. С. 273–291.

[14] См.: *Суриков И.Е.* Аристид «Справедливый»: политик вне группировок // ВДИ. 2006. №1. С. 43–44.

В таком влиятельном государстве, как Самос (фактически втором по значению в симмахии после самих Афин), долгое время у власти стояла олигархия, и афиняне относились к этому совершенно спокойно – до тех пор, пока самосцы не подняли свое антиафинское восстание 440–439 гг. до н.э. И только после этого самосские олигархи были отстранены от кормила правления[15]: как видим, не по каким-либо принципиально-идеологическим соображениям, а по конкретно-политическим причинам. Приходится настойчиво повторять: афино-спартанское противостояние V в. до н.э. представляло собой не «борьбу систем» (такое его видение обусловлено ложной аналогией с ситуацией в мире второй половины XX в., с «холодной войной»), а борьбу за гегемонию в Элладе.

Известно даже несколько случаев, когда в Архэ входили города, возглавляемые тиранами[16]. Судя по всему, пребывание полиса в этом союзе и сохранение в полисе тиранического или олигархического правления не были вещами абсолютно несовместимыми. Всё зависело от того, насколько тиран или олигархи были послушны воле Афин, умели найти с ними «общий язык».

Мы слишком мало знаем (или даже вообще ничего не знаем) об истории государственных устройств в подавляющем большинстве полисов, входивших в Архэ (сколь часто приходится горько сожалеть, что до нас не дошел огромный цикл аристотелевских «Политий» – за единственным исключением «Афинской»!). Но то, что нам всё-таки известно, позволяет сделать вполне определенный вывод о симмахии как пестром конгломерате различных политических систем, среди которых преобладали олигархии и умеренные демократии; и притом, кажется, среди этих систем не имелось ни одного случая демократии такого же радикального типа, как Афинах (последняя, как известно, вообще была уникальной в греческом мире)[17].

Вернемся к Спарте. Действительно ли она всегда и повсюду поддерживала олигархов как «идейно близких»? Во-первых, как мы уже отмечали в другом месте[18], саму Спарту нельзя считать олигархией – или, по самой меньшей мере, типичной олигархией. Во-вторых, не все государства Пелопоннесского союза имели олигархическое государственное устройство. Так, среди полисов Аркадии встречались демократические (в том числе сильная Мантинея). Даже

---

[15] Об этих событиях см.: *Shipley G.* A History of Samos 800–188 B.C. Oxf., 1987. P. 115 ff.

[16] *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 133; *Суриков И.Е.* Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. С. 433.

[17] В другом месте (*Суриков И.Е.* Греческий полис... С. 16–17) мы вообще предлагаем выделять классические Афины в качестве единственного (или почти единственного) образца отдельного типа полиса – «модернизированного полиса» (в целом наша типология полисов предполагает их деление на архаические и классические, но Афины в период своего высшего расцвета не вписываются даже во вторую из этих категорий).

[18] АГ-1. С. 226 слл.

в рамках одного отдельно взятого города могли происходить перевороты, в ходе которых демократия сменяла олигархию и наоборот[19].

Правда, в ходе Пелопоннесской войны Спарта действительно поддерживала в тех полисах, где шла внутриполитическая борьба, по большей части олигархические группировки (а те, соответственно, платили ей взаимностью). Этот тезис, исключительно популярный в литературе, восходит, насколько можно судить, к Фукидиду. Великий историк прямо или косвенно высказывает его неоднократно: как в общей форме, в своих теоретических размышлениях (например: Thuc. I. 19; III. 82. 1; V. 31. 6; V. 81. 2; перечень такого рода примеров можно было бы еще и приумножить), так и через демонстрацию на конкретных примерах (см. особенно выразительный эпизод стасиса на Керкире, Thuc. III. 70 sqq.). Далеко не все суждения Фукидида так безукоризненно-объективны, как часто «по старинке» считается[20], и в максимальной степени это как раз касается того, что он говорит о Спарте: все-таки он был горячим афинским патриотом. Но данное конкретное суждение, видимо, следует признать отражающим истинное состояние дел.

В результате из работы в работу повторяются известные слова: «В каждом городе вожди народной партии призывали на помощь афинян, а главари олигархов – лакедемонян» (Thuc. III. 82. 1)[21]. Однако возьмем на себя смелость ут-

---

[19] Достаточно вероятно, что на протяжении V в. до н.э. несколько раз такие перевороты случались в Мегарах (Κριτζάς Χ.Β. Τὸ πρῶτο μεγαρικὸ ὄστρακον // ΗΟΡΟΣ. 1987. Τ. 5. Σ. 59–73).

[20] Для освещения вопроса об абсолютной объективности Фукидида как некой мнимой реальности см., в частности, важные работы: *Badian E.* From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993; *Will W.* Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003.

[21] Кажется, не излишним будет небольшой экскурс на тему «античность и современность». Обратим внимание на лексику, употребляемую переводчиком (Г.А. Стратановским). Демократические лидеры тут названы «вождями» (слово с заведомо позитивной окраской, – во всяком случае, в советское время, когда делался этот перевод; ведь и Ленина всегда именовали вождем), а олигархические – «главарями» (лексема, окраска которой, напротив, заведомо негативна). А что в оригинале? Да ничего подобного. В первом случае говорится о «простатах демоса» (τοῖς τε τῶν δήμων προστάταις), во втором – просто о «немногих» (τοῖς ὀλίγοις). Использована нормальная политическая терминология того времени, без каких-либо эмоциональных оценок. Вот ведь как можно было «препарировать» текст античных авторов, посредством небольших и, на первый взгляд, незначительных подмен вкладывая в сочинения направленность, которая на самом деле им была чужда! Фукидида *целиком в оригинале* у нас мало кто читал (мы честно признаемся, что не принадлежим к числу этих немногих избранных); пользуются обычно именно переводом Стратановского – как последним по времени. В результате уже на уровне чтения источника закладывалась некая предвзятость в восприятии автора – как его субъективных взглядов, так и объективных реалий, которые он описывал. И эту предвзятость, укоренившуюся еще

верждать, что и описанная здесь ситуация обусловливалась со стороны Спарты не абстрактно-идейными, а вполне прагматическими соображениями. Если брать все три типа реально существовавших тогда политических устройств (демократия, олигархия, тирания), именно полисы, представлявшие вторую из этих форм, выглядели наиболее надежными партнерами, с которыми можно было иметь дело. Тирании, согласно твердому убеждению древнегреческих политических теоретиков и практиков, был имманентно присущ произвол; на тирана никогда нельзя было вполне положиться, он мог в любой момент отказаться от собственных же обещаний. Парадоксальным образом в чем-то аналогичные характеристики были свойственны и власти демоса, в крайних случаях превращавшегося в некоего «коллективного тирана». В демократическом полисе, в силу понятного закона ротации, на вершине власти каждый или почти каждый год могли оказываться новые лица, вполне способные заявить, что они не несут никакой ответственности за решения, принятые их предшественниками. Совсем иное дело – олигархия, выступающая контрастом к двум вышеописанным случаям: правление более или менее узкой, компактной группы элиты, когда власть на протяжении длительного периода оставалась в руках одних и тех же семей, чем обеспечивалась преемственность политической линии.

Одним словом, спартанцы, как нам представляется, жили, говоря в наиболее общей форме, по принципу «В чужой монастырь со своим уставом не ходят» и, пожалуй, придерживались этого принципа более последовательно, нежели какая-либо другая из ведущих сил эллинского мира. Логика (и, мы бы даже сказали, идеология – если это можно назвать идеологией, а почему бы и нет?) их была такова: мы живем так, как нам нравится, и пусть другие живут так, как нравится, – до тех пор, пока поведение этих «других» не начнет становиться опасным для нас.

Так было до «эпохи Лисандра»... А потом всё изменилось коренным образом. И это тоже, конечно, было симптомом кризиса спартанского полиса как некой системы. Ведь системный кризис именно в том и заключается, что, в частности, основные компоненты системы перерождаются – порой в собственную противоположность[22].

в студенческую пору, так трудно потом искоренить... Приведем уж заодно другой пример с тем же Стратановским. Herod. III. 39: Поликрат Самосский «стал владыкой острова, подняв народное восстание». Так у переводчика. А у Геродота – просто ἐπαναστάς, без каких-либо упоминаний о *народном* восстании. Этот, с позволения сказать, пассаж, случалось, приводили в свою пользу те отечественные авторы, которые считали архаических тиранов выразителями воли демоса. На этот последний пример обратил наше внимание С.Г. Карпюк. См. к тому же эпизоду: *Лаптева М.Ю.* У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н.э. СПб., 2009. С. 351.

[22] Фукидид говорит: «Стоя во главе союзников, лакедемоняне... заботились лишь о том, чтобы у тех была всегда выгодная для лакедемонян олигархическая форма правления»

Лисандр буквально во всём был человеком, ни в малейшей степени не напоминавшим «нормального», традиционного спартиата. Наверное, не случайно в античности сложилась традиция (с фактологической точки зрения, конечно, ложная), согласно которой он якобы являлся по рождению неполноправным мофаком[23]; в нем инстинктивно ощущалось что-то чуждое духу спартиатского «ликургова космоса».

Лисандр больше, чем кто-либо, может претендовать на «геростратовы лавры» губителя, разрушителя величия Спарты (несмотря на то, что при нем этот полис стоял, казалось бы, на вершине своего могущества). Да и Эллада в целом именно со времени Лисандра покатилась по «наклонной дорожке кризиса», что, полагаем, не является случайным совпадением; тут как раз тот случай, когда post hoc est propter hoc.

Лисандр, повторим снова и снова, – этакий «сверхчеловек», в полной мере ранний предтеча эллинизма. Не то чтобы он был первым и единственным в подобном духе; в Спарте у него имелись предшественники (прежде всего – Клеомен I, можно назвать и регента Павсания). Но в полной мере именно он воплотил в себе этот – совершенно особый для того времени (и, главное, никак не спартанский) тип политика.

Любые проявления непокорности полисов подавлялись теперь Спартой, как еще недавно подавлялись Афинами. Так, в 400 г. до н.э. спартанское войско во главе с царем Агидом II разгромило Элиду, вторгшись даже на территорию священной Олимпии, куда было категорически запрещено входить с оружием в руках[24]. Все это вполне закономерно вскоре привело к нарастанию антиспартанских настроений во всем греческом мире.

Ухудшились и отношения Спарты с державой Ахеменидов. Как известно, на последнем этапе Пелопоннесской войны Спарта в обмен на персидскую финансовую помощь, позволившую ей снарядить и содержать сильный флот (что в конечном счете и обусловило ее победу над Афинами) сделала крупную дипломатическую уступку «Великому царю»: обещала после наступления мира

(Thuc. I. 19). Подозреваем, что эти строки были написаны в последние годы жизни историка (как известно, его труд создавался и видоизменялся на протяжении нескольких десятилетий, причем так и остался незаконченным) и уже под впечатлением «лисандровых» порядков. Применительно к периоду до 405–404 гг. до н.э. данная фраза в ее столь категоричной форме выглядит преувеличением.

[23] О статусе мофаков см.: *Печатнова Л.Г.* Спартанские мофаки // Античный полис: Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. СПб., 1995. С. 89–103.

[24] *Sordi M.* Il santuario di Olimpia e la guerra d'Elide // CISA. 1984. Vol. 10. P. 20–30; *Kyle D.G.* "The Only Woman in All Greece": Kyniska, Agesilaus, Alcibiades and Olympia // JSH. 2003. Vol. 30. No. 2. P. 183–203. В этой статье весьма удачно освещен весь контекст тогдашних отношений между Спартой и Олимпией.

возвратить под его власть греческие города Малой Азии, когда-то уже контролировавшиеся персами, но уже много десятилетий как утраченные. Такой возврат предусматривался спартано-персидскими договоренностями.

Но теперь, взяв на себя бремя гегемона Эллады, Спарта не могла не сознавать, что это означает и серьезную моральную ответственность, в частности, обязательство защищать «подопечных» от внешних врагов, и прежде всего от персов[25]. Поэтому с возвратом ионийских полисов она отнюдь не спешила и, судя по всему, хотела добиться, чтобы такая акция вообще не произошла. Подозреваем, что размещение в городах этого региона спартанских гарнизонов с гармостами преследовало цели не только внутриполитические (поддержку олигархий), но и внешнеполитические – именно попытку предотвратить их захват Ахеменидами.

Превратившись в противника Персии, Спарта действовала вначале окольным путем. В 401 г. до н.э. спартанские власти фактически поддержали (хотя и косвенно, негласно) мятеж Кира Младшего. Кир, брат правившего тогда персидского царя Артаксеркса II, находился в рассматриваемое время в Малой Азии, где занимал ряд важных постов[26], относительно сущности которых идет дискуссия. Ясно, во всяком случае, что лицо столь высокого происхождения не могло являться обычным сатрапом наряду с такими людьми, как действовавшие тогда же и в тех же местах Тиссаферн, Фарнабаз и др. Вероятнее всего, что важнейшей составляющей властных полномочий Кира был статус карана, являвшийся, как доказывает Э.В. Рунг[27], более высоким, нежели статус сатрапа. Этот статус ассоциировался прежде всего с функциями командующего. Тем не менее Кир – человек талантливый и пассионарный – воспринимал даже такое положение как опалу и почетную ссылку. Считая, что он имеет, как минимум, не меньшее право на престол, чем старший брат, он задался целью свергнуть Артаксеркса, дабы воцариться самому.

Кир производил на греков чрезвычайно приятное впечатление. Он слыл филэллином, причем, похоже, был таковым не только в глазах своего греческого окружения (люди часто склонны принимать желаемое за действительное), но и на самом деле. Во всяком случае, о многом говорит уже тот факт, что любимой наложницей персидского царевича была гречанка Аспасия (из ионийской Фокеи). Весьма характерно, кстати, ее имя – такое же, как у знаменитой под-

[25] См. к проблеме: *Рунг Э.В.* Спарта и проблема малоазийских греков // АВ. Вып. 3. Омск, 1995. С. 114–120.

[26] В связи с позицией Кира, безусловно, важна статья: *Ruzicka S.* The Politics of Persian Autocracy, 424–334 B.C. // AT. P. 224–237.

[27] *Рунг Э.В.* Κάρανος/*kārana* в военно-административной системе Ахеменидской империи // Иран и античный мир: Политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций. Казань, 2011. С. 18: «Каран... в Ахеменидской империи занимал должность рангом выше сатрапа».

руги Перикла (которая ведь тоже происходила из Ионии, из Милета). По некоторым сведениям (Plut. Pericl. 24; ср. Aelian. Var. hist. XII. 1), на самом деле ее звали Мильто, а в Аспасию ее переименовал Кир. Впрочем, неясно, насколько этой информации можно доверять: из нее вытекало бы, что Кир очень уж почитал Перикла, а это вряд ли возможно. Перикл не был особенно прославленным деятелем вплоть до появления труда Фукидида, и репутация его была весьма далека от однозначно-положительной. То же самое можно сказать (и даже a fortiori) об «Аспасии Старшей». Вполне вероятно, что две женщины были просто тезками. В принципе, имя Аспасия («ласковая»), видимо, было популярным в среде гетер.

То, что Кир, готовя свое предприятие, приступил к набору крупного отряда греческих наемников, могло объясняться и его филэллинскими чувствами, но скорее диктовалось более прагматичными соображениями. Превосходство гоплитов-эллинов над любыми иными воинами было, конечно, прекрасно известно на Востоке еще с архаической эпохи. Впрочем, помимо этих знаменитых «Десяти тысяч» (на самом деле их насчитывалось несколько больше), в распоряжении Кира имелось и «варварское» войско, в несколько раз превосходившее по численности греческий контингент.

Командиром последнего и человеком, который непосредственно занимался вербовкой наемников, стал известный нам спартиат Клеарх. Его солдаты были представителями различных полисов, но личность и происхождение главы отряда являлись, конечно, весьма важными факторами. Учитывая спартанскую дисциплину, совершенно исключено, что Клеарх действовал чисто на собственный «страх и риск», не ориентируясь на позицию властей своего государства. Разумеется, акция готовилась с ведома Спарты и при ее содействии. В Лакедемоне к Киру относились с симпатией, помнили благодеяния, которые он в последние годы Пелопоннесской войны оказывал именно спартанской стороне.

На походе Кира в рамках данной монографии, разумеется, нет смысла подробно останавливаться[28]. Мятежная армия беспрепятственно продвинулась во внутренние области Персии, чуть ли не до Вавилона. Решающее сражение с силами Артаксеркса при Кунаксе было греками Клеарха выиграно, но в битве погиб сам Кир, что сделало всю экспедицию бессмысленной, и наемникам пришлось возвращаться, с боями и тяжелыми лишениями пробиваясь к Черному морю. При всём том, однако, данная кампания стала первым случаем, когда вооруженные эллины зашли так далеко в глубину Ахеменидской державы. Этот «анабасис» продемонстрировал всем в Греции, что с персами мож-

[28] См. хотя бы: *Dalby A.* Greeks Abroad: Social Organisation and Food among the Ten Thousand // JHS. 1992. Vol. 112. P. 16–30; *Lee J.W.I.* A Greek Army on the March: Soldiers and Survival in Xenophon's *Anabasis*. Cambridge, 2008.

но победоносно бороться и на их собственной территории, в самом «сердце» их страны, а не только на границах, например, в бассейне Эгейского моря, на Кипре и т.п.

Поход «Десяти тысяч» принадлежит к числу тех немногих событий античной истории, о которых мы знаем с редкостно большой степенью детализации. Причина подобного положения дел, конечно же, в том, что «летописцем» похода стал такой первоклассный писатель, как Ксенофонт, оказавшийся в числе его участников, причем совершенно сознательно – он уже тогда был лаконофилом. Собственно, мы упомянули о самом факте «анабасиса», в числе прочего, и из-за Ксенофонта, чья судьба в дальнейшем окажется связанной с судьбой Агесилая.

Если бы авантюра с Киром Младшим удалась, спартанцы имели бы на ахеменидском троне благорасположенного к ним и, более того, лично обязанного им правителя. Скорее всего, тогда и вопрос о возвращении персам малоазийских полисов удалось бы как-нибудь «замять», найти взаимоприемлемое решение проблемы. Теперь же подобный вариант отменялся. В 399 г. до н.э. начались открытые военные действия между Спартой и Персией в Малой Азии. Как раз тогда на историческую сцену впервые и выступил герой этой главы.

* * *

Долгое время из двух спартанских царских династий Еврипонтиды находились как бы в некоторой тени по сравнению с Агиадами. Во второй половине VI – первой половине V в. до н.э. наиболее яркие личности в истории Спарты имели именно агиадское происхождение: Клеомен I, Леонид I (герой Фермопил), регент Павсаний... Престол же Еврипонтидов в эту эпоху занимали вначале неудачник Демарат, в конце концов низложенный по инициативе Клеомена и укрывшийся в Персии, а затем Леотихид II – откровенная креатура того же Клеомена, на протяжении почти всего своего правления остававшийся послушным орудием этого своего соправителя, а затем его преемников. Похоже, в конце жизни Леотихид попытался-таки освободиться от такой зависимости, но ничем хорошим для него это не закончилось. Его обвинили в получении взятки, и он тоже стал изгнанником.

Затем, однако, ситуация изменилась. Во второй половине V в. до н.э. как раз архагеты из Агиадов оказывались заурядными, мало чем прославившимися людьми. Плистоанакт, сын регента Павсания, царствовал на протяжении весьма длительного срока (458–408 гг. до н.э.), но что о нем можно сказать? В 446 г. до н.э. (в конце Малой Пелопоннесской войны) он оказался втянут в ту же некрасивую историю, что и упоминавшийся выше Клеандрид. Заподозренный в том, что он был подкуплен Периклом, Плистоанакт вынужден был покинуть родной полис.

Его изгнание продолжалось примерно два десятилетия, причем – обратим внимание на небезынтересный нюанс – за всё это время на его место не вступил никакой преемник. Получается, что, несмотря на физическое отсутствие царя, его трон не считался вакантным; и уже в период Пелопоннесской войны (в 427/426 г. до н.э.) Плистоанакт получил разрешение возвратиться[29]. Впрочем, его положение оставалось несколько шатким (Thuc. V. 17. 1). Плистоанакт известен как главный со спартанской стороны инициатор мирного договора 421 г. до н.э. («Никиева мира»); в дальнейшем о его деятельности почти ничего не слышно. Плистоанакту наследовал царь Павсаний, которого мы уже встречали в предыдущем изложении в качестве одного из тех представителей лаконской элиты, которые были крайне недовольны возвышением Лисандра и старались ему так или иначе противодействовать. О Павсании будет упоминаться и в дальнейшем. Пока заметим, что выдающимися полководческими способностями он, насколько можно судить, не обладал.

Так сложилась судьба Агиадов на рассматриваемом хронологическом отрезке. А что же с Еврипонтидами? Их род, напротив, дал в это время ряд деятелей гораздо более крупного масштаба. Об Архидаме II, внуке и преемнике Леотихида[30], безусловно, слышал каждый, кому доводилось хоть что-то читать по истории классической Греции. Такая известность его имени связана в пер-

[29] По официальной версии, причиной его помилования послужил приказ Дельфийского оракула (Thuc. V. 16). Однако позволительно подумать и о неких скрытых мотивах, стоящих за этим решением. Можно высказать (безусловно, в сугубо гипотетичной форме) вот какие соображения. В 427 г. до н.э. скончался еврипонтидский царь Архидам; его сменил Агид II. И буквально вскоре после этого происходит возвращение Плистоанакта! Нам это не кажется случайным совпадением. Архидам (он тоже царствовал весьма долго, см. ниже), похоже, находился в недружественных отношениях с соправителем. Возможно, он способствовал его изгнанию в 446 г. до н.э. (и уж во всяком случае, не воспрепятствовал оному). После смерти Архидама его сын, не имевший столь же неприязненных чувств к Плистоанакту, пошел на урегулирование конфликта. В конце концов, его должна была смущать ненормальная ситуация, когда из двух архагетов только один фактически находился в Спарте. Таков один возможный ход мысли. Допустимым следует считать и иной: возвращения Плистоанакта добились как раз противники Еврипонтидов, чтобы молодой, энергичный Агид, только что пришедший к власти, не остался без «противовеса». Как бы то ни было, практически несомненно, что событие, о котором здесь идет речь, нужно трактовать в контексте некой подспудной борьбы династий, о перипетиях которой мы, к сожалению, слишком мало знаем. Как раз в этот период происходил переход приоритетного влияния от Агиадов к Еврипонтидам.

[30] Зевксидам, отец Архидама и сын Леотихида, умер совсем молодым, и получилось так, что Архидам наследовал непосредственно деду. Когда конкретно это произошло – вопрос не до конца решенный: называют даты от 476 до 469 г. до н.э. Нас эта хронологическая проблема здесь совершенно не касается, поскольку книга посвящена событиям другого времени.

вую очередь с тем, что начальный период Пелопоннесской войны традиционно называют Архидамовой войной. Неясно, впрочем, насколько такая честь справедлива. Действительно, первыми кампаниями Спарты в этом вооруженном конфликте руководил именно Архидам; но ведь уже на 427 г. до н.э. приходится его кончина.

На самом деле значительно бóльшую роль в Пелопоннесской войне сыграл следующий Еврипонтид – Агид II, старший сын Архидама (от первого брака). Военные действия продолжались – пусть и с перерывами – 27 лет, и на протяжении 23 из них именно Агид фактически являлся главнокомандующим сухопутными силами Пелопоннесского союза. Его роль в греческой истории последней трети V в. до н.э. явным образом недооценена. В частности, именно он одержал крупную победу при Мантинее в 418 г. до н.э., а в 413 г. до н.э. занял со спартанским гарнизоном Декелею в Аттике, где и оставался вплоть до окончания войны. Никем не оспаривается, что контроль пелопоннесцев над Декелеей стал весьма важным фактором, существенно ослаблявшим позиции афинян в течение почти десятилетия. После битвы при Эгоспотамах, когда было решено приступить к полной блокаде Афин, дабы «добить» противника, эту блокаду с суши осуществлял Агид (с моря – Лисандр).

В 399 г. до н.э. прославленный царь скончался и встал, естественно, вопрос о престолонаследии. В данном случае он был осложнен тем, что существовали серьезные подозрения относительно законнорожденности единственного сына Агида, носившего имя Леотихид. Пожалуй, даже точнее будет сказать так: практически никто не сомневался в том, что настоящий отец этого подростка – Алкивиад. Как известно, блистательный афинянин в ту пору, когда он подвизался в Спарте, вступил, пользуясь длительным пребыванием царя в Декелее, в любовную связь с его супругой Тимеей[31].

Сам Агид тоже не питал иллюзий относительно своего отцовства. Долгое время он не допускал Леотихида к себе и не желал признать его законным, но в конце концов – уже перед самой смертью – все-таки сделал это. «...Во время последней болезни Агида Леотихид плачем и мольбами добился того, что царь в присутствии многих назвал его своим сыном» (Plut. Agesil. 3). Таким образом, возникала коллизия. С формально-юридической точки зрения трон Еврипонтидов теперь должен был занять Леотихид. Однако ясно было, что как раз в данном случае сработает правило: summum ius summa iniuria. С точки зрения обще-нравственной «вариант Леотихида» никак не проходил. Тут еще необходимо учитывать, что в мире греческих полисов этика и политика никак не составляли отдельных друг от друга сфер (в разительном контрасте с реалиями нынешнего мира, когда сплошь и рядом встречаешь в теоретических трудах резиньяции на тему «политика не имеет ничего общего с нравственностью»),

[31] АГ-3. С. 196.

они мыслились как нечто единое[32]. В Спарте подобная ситуация проявлялась в наиболее яркой форме.

Более того, и политика, и этика находились в неразрывной связи с религией. И опять же, к Спарте, славившейся своим традиционным благочестием[33], это относится в первую очередь. Царские династии воспринимались как нечто сакральное[34] и даже в какой-то степени чуждое «спартанскому космосу»[35]. Гомеи-спартиаты прекрасно осознавали, что сами они – дорийцы, а вот их архагеты – древние ахейцы, Гераклиды[36]. Допустить, чтобы в правильную преемственность династий вторгся «чужак» – значило бы, помимо прочего, еще и совершить кощунство по отношению к богам и тем самым навлечь их немилость на полис в целом. О «религиозном измерении» спора за престолонаследие в Спарте в начале IV в. до н.э. подробнее будет сказано ниже.

Как бы то ни было, в сложившейся ситуации особое значение приобретал «наследник второго порядка», каковым являлся младший (единокровный) брат Агида II. О нем, Агесилае II Великом, теперь и пойдет речь. Это одна из самых ярких (и, главное, самых характерных) личностей в истории классической Спарты. По мнению ряда античных авторов, Агесилай был просто самой выдающейся фигурой за многие века бытия спартанского полиса. Не случайно его, и именно его, наградили эпитетом «Великий» (μέγας).

---

[32] Вполне закономерно, что главный этический трактат Аристотеля – «Никомахова этика» – является по сути своей трактатом политическим (на это постоянно указывает Н.В. Брагинская в своем великолепном комментарии к Аристотелю; см., в частности: *Брагинская Н.В.* Примечания [к «Никомаховой этике»] // *Аристотель.* Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1984. С. 693–694 и др.).

[33] См. по этому поводу хотя бы: *Goodman M.D., Holladay A.J.* Religious Scruples in Ancient Warfare // ClQ. 1986. Vol. 36. No. 1. P. 151–171.

[34] См. об этом типе сакрализации: *Суриков И.Е.* Status versus charisma: сакрализация правителя в Греции и греческом мире I тыс. до н.э. // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. 1–2. М., 2005. С. 17 сл.

[35] Об этой «чуждости» см., в частности: *Georges P.* Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore, 1994. P. 152–157.

[36] Чудовищную по своей бессмысленности полемику в современной историографии вызвала известная фраза Клеомена I «Я не дориец, а ахеец» (Herod. V. 72). Чего только не писали по этому поводу! И что одна из спартанских династий (Агиады) претендовала на аборигенное происхождение (и поэтому, дескать, долгое время была первенствующей по отношению к «экзогенным» Еврипонтидам); и что спартанские цари стали со временем претендовать на непосредственную связь с землей, которой они правят... Даже не будем давать ссылки на литературу, ибо имя ей – легион. А между тем перед нами как раз тот случай, когда «ларчик просто открывался». Спартанские династии никогда и не причисляли себя к дорийцам, ибо не были таковыми ни в каком отношении. Вся мифологическая традиция совершенно однозначно повествует, как Гераклиды – ахейцы из Пелопоннеса – прибыли на север, к дорийцам, возглавили их и с их помощью овладели своей покинутой родиной. Подчеркнем, что мы говорим тут не о реалиях, а о представлениях.

Из источников жизнь и карьера Агесилая известны очень неплохо. Главную роль здесь, конечно, сыграл Ксенофонт – он был лично знаком с этим спартанским царем, дружил с ним, испытывал к нему искреннее почтение. Ксенофонт посвятил Агесилаю специальное произведение, которое и озаглавил его именем. Небольшой трактат Ксенофонта «Агесилай»[37] – первое (или одно из первых) на греческой почве сочинений биографического жанра. Разумеется, это – энкомий и в качестве такового имеет выраженный панегирический характер, так что не следует считать данный памятник вполне объективным и беспристрастным источником по жизни, личности и деятельности знаменитого архагета. И всё же значение «Агесилая» для реконструкции событий, о которых будет говориться в данной главе, трудно переоценить: все-таки перед нами свидетельства современника и очевидца. Важное место занимает фигура Агесилая также в самом крупном труде Ксенофонта – в его «Греческой истории».

Что же касается собственно жизнеописаний нашего героя, из античной эпохи сохранились, помимо ксенофонтовского, еще два. Небольшая его биография содержится в сборнике Корнелия Непота, но она мало что дает принципиально нового по сравнению с более ранними источниками. Как всегда, гораздо более значима биография, принадлежащая перу Плутарха. Последний в своих «Сравнительных жизнеописаниях» в качестве римского «визави» Агесилая избрал Помпея. Нередко составленные херонейским моралистом пары «грек – римлянин» выглядят весьма удачными, но вот тут, похоже, не тот случай. С одной стороны, правда, некоторое число черт сходства между спартанским царем и одним из последних крупных деятелей Римской республики имеется, но сходство это чисто внешнее, поверхностное и даже, пожалуй, случайное (оба носили прозвище «Великий»; оба окончили жизнь в Египте; в судьбе Агесилая Лисандр сыграл роль, в чем-то аналогичную той, какую сыграл в жизни Помпея Сулла, который у Плутарха фигурирует как раз в паре с Лисандром). С другой стороны, каких-то по-настоящему существенных причин сближать двух персонажей мы не видим.

Тем не менее оговорим, что Плутарх и в этой своей работе, как и практически во всех других, выступает добросовестным и ответственным автором, данными которого без веских резонов пренебрегать не приходится. Естественно, говорится об Агесилае, о начале его царствования также в плутарховой биографии Лисандра. Беспрецедентно велик (Plut. Mor. 208b – 215a) и раздел об Агесилае в другом труде Плутарха – «Изречениях спартанцев».

Что же касается антиковедческой литературы, посвященной Агесилаю, она тоже достаточно обильна. О нем существуют, в частности, и монографические

[37] О котором см., например: *Dillery J.* Xenophon and the History of his Times. L. – N.Y., 1995. P. 114 ff.

исследования (П. Картледж[38], Ч. Гамильтон[39]); уделяется этому персонажу и место в общих трудах[40].. Имеется, само собой, и немалое количество статей, в которых рассмотрены различные сюжеты из жизни Агесилая: его политика по отношению к Олимпии[41], его взаимоотношения с другими греческими полководцами той же эпохи[42], отражение его деятельности в современной ему историографической традиции[43] и др. Разумеется, мы здесь, как и в других наших биографических очерках этого цикла, отнюдь не ставим перед собой задачу дать исчерпывающий (или сколько-нибудь близкий к таковому) перечень специальных работ; имеющиеся указания имеют скорее иллюстративный характер.

Далее, конечно же, с той или иной степенью подробности говорится об Агесилае в любом общем труде по истории Спарты. Что же касается отечественной историографии, то в ней, кажется, этот политик и полководец не привлекал почти ничьего серьезного внимания. Э.В. Рунг писал о его кампаниях в Малой Азии в 390-х гг. до н.э.[44] Небольшую заметку посвятил Агесилаю автор этих строк[45] (ее основные положения будут воспроизведены и здесь).

* * *

Рождение Агесилая, судя по всему, следует датировать 444 г. до н.э. (или временем около того). Как мы знаем, он появился на свет в спартанском царском доме Еврипонтидов и был младшим сыном Архидама II, матерью же его являлась Евполия, вторая жена Архидама (Plut. Ages. 1). Несмотря на столь высокое происхождение, отнюдь не предполагалось, что он когда-либо займет престол, поскольку естественным наследником отца выступал Агид, и в дальнейшем преемство власти должно было осуществляться именно по его линии.

---

[38] *Cartledge P.* Agesilaos and the Crisis of Sparta. L., 1987.

[39] *Hamilton C.D.* Agesilaus and the Failure of Spartan Hegemony. Ithaca, 1991.

[40] Например: *Bengtson H.* Griechische Staatsmänner des 5. und 4. Jahrhunderts v.Chr. München, 1983. S. 184 ff.

[41] *Kyle D.G.* Op.cit.

[42] *Plezia M.* Agesilaos und Timotheos: Zwei Staatsmännersporträts aus der Mitte des IV Jhs. // Illinois Classical Studies. 1982. Vol. 7. No. 1. P. 43–61.

[43] *Luppino E.* Agesilao re di Sparta: immagine e realtà // L'immagine dell'uomo politico: vita pubblica e morale nell'antichità. Milano, 1991. P. 89–107; *Schepens G.* À la recherche d'Agésilas: Le roi de Sparte dans le jugement des historiens du IVe siècle av. J.-C. // REG. 2005. Vol. 118. P. 31–78.

[44] *Рунг Э.В.* Агесилай в Малой Азии (396–394 гг. до н.э.) // Античность: история и историки. Казань, 1997. С. 63–75; *он же.* Агесилай против Тиссаферна (битва при Сардах 395 г.до н.э.) // АМА. 2013. Вып. 16. С. 56–66.

[45] *Суриков И.Е.* Спартанец по преимуществу: некоторые штрихи к биографии Агесилая Великого // Историк в историческом и историографическом времени. Казань, 2013. С. 92–95.

Надо сказать, что и во внешности Агесилая было мало «царственного». Выдающимися физическими данными он не отличался. Будущий славный герой был человеком невысокого роста[46], довольно щуплого телосложения, да к тому же страдал хромотой от рождения: одна нога у него была короче другой. Думается, не будь он царским сыном, не миновать бы ему еще в младенчестве пропасти, куда спартанцы сбрасывали детей с уродствами. Впрочем, при всём том Агесилай отличался силой, мужеством, выносливостью и с юности ни в чем не давал себе послабления. «...Он никогда не выставлял свою хромоту в качестве предлога, чтобы отказаться от какого-либо дела или работы» (Plut. Ages. 2). Создается впечатление, что какими-то чертами личности (как телесными, так и духовными) он походил на нашего Суворова.

Наследники спартанских престолов были единственными гражданами полиса, традиционно освобождавшимися от суровой ἀγωγή. Поскольку Агесилай таковым не являлся, он «по полной программе» прошел эту тяжелую школу подготовки к военной службе. Иными словами, он воспитывался, как рядовой спартиат, провел свое отрочество в агелах, среди трудностей и лишений. Похоже, при формировании его характера это обстоятельство оказало скорее позитивное влияние. В дальнейшем Агесилай, даже уже став царем, ни в какой мере не проявлял таких качеств, как высокомерие, надменность, – качеств, которые вообще-то спартанским архагетам, ощущавшим свой особый, уникальный статус «самых знатных людей всей Эллады», были свойственны. Агесилай характеризуется в источниках как человек великодушный, приветливый, имевший много друзей и при любой возможности старавшийся оказать им то или иное благодеяние.

Спартанский царь, окруженный друзьями и к тому же умеющий дружить[47], – случай уже сам по себе не вполне стандартный. Обычно такое лицо еще в статусе престолонаследника становилось некой «священной коровой»; не участвуя в ἀγωγή, оно просто не имело фактической возможности обзавестись друзьями и возрастало в гордой и одновременно мучительной изоляции. Это в какой-то степени напоминает чудовищный статус испанских королей, начиная с Филиппа II[48].

---

[46] Эту черту он унаследовал от матери. «Как сообщает Феофраст, эфоры наложили штраф на Архидама за то, что он взял себе жену (имеется в виду его вторая жена Евполия – И.С.) слишком маленького роста, "ибо, – сказали они, – она будет рожать нам не царей, а царьков» (Plut. Ages. 2). Спартанцы очень ценили в представителях своих царских династий мужественный воинственный вид (ср.: *Mitchell L.G.* The Women of Ruling Families in Archaic and Classical Greece // ClQ. 2012. Vol. 62. No. 1. P. 8).

[47] О том, как греки классической эпохи ценили дружбу и что они под ней понимали, мы писали в другом месте: *Суриков И.Е.* Antiphontea III: Друзья и враги Антифонта (просопографический этюд) // SH. Т. 8. М., 2008. С. 67 слл.

[48] См. весьма яркий очерк особенностей их быта в книге французского интеллектуала

Что же касается Агесилая, тут весьма характерен следующий пассаж Плутарха: «Агесилай во всем прочем строго придерживался законов, но когда дело касалось дружбы, считал неукоснительную приверженность справедливости пустой отговоркой. Так, передают, что им была написана карийцу Гидриею записка следующего содержания: "Если Никий невиновен – отпусти его, если он виновен – отпусти его из любви к нам; итак, отпусти его в любом случае". Вот как по большей части относился Агесилай к друзьям» (Plut. Ages. 13; ср. практически в тех же словах – Plut. Mor. 209e).

Кто мог бы лучше, чем Ксенофонт, лично знакомый с Агесилаем и сам находившийся в числе его друзей, охарактеризовать то его качество, о котором сейчас идет речь? Предоставим слово самой «аттической пчеле»: «...Никто никогда не видел его исполненным высокомерия. Напротив, всем поневоле бросались в глаза его любезность и готовность помочь друзьям. С большим удовольствием он... принимал близко к сердцу всё, что казалось его друзей» (Xen. Ages. 8. 1–2).

В какой-то мере контрастом предстает сразу припоминающееся поведение Перикла, который, наоборот, всячески подавлял в себе дружеские чувства, говорил, что «моя дружба – только до алтаря[49]» (Plut. Mor. 186b) и т.п.[50] Перикл, возросший в среде, где дружеские связи значили очень много[51], сознательно отрекся от них; Агесилай, возросший в такой среде, в которой дружеские связи, в общем-то, не были необходимы (статус заменял их), тем не менее культивировал эти связи.

XIX в.: *Сен-Виктор П. де.* Боги и люди. М., 1914. С. 205 слл. Не удержимся уж здесь и от того замечания, что в истории Европы начала Нового времени Испания XVI–XVII вв. была настоящей «возродившейся Спартой» – по целому ряду параметров (колоссальные гегемониальные претензии; лучшая на то время сухопутная армия, возглавляемая лучшими же военачальниками, как герцог Альба; упомянем даже такую деталь, как наличие «собственной Мессении» – отпавшей Голландии). Да и в целом динамика развития (на самом деле нужно бы употребить антоним термина «развитие», но такого в русском, кажется, нет) Испании на протяжении XVI–XVII вв. с поразительной точностью повторяет соответствующие спартанские реалии (вплоть до депопуляции и обнищания граждан). Ламанчский идальго Дон-Кихот – это в чистом виде какой-то «недобитый спартиат».

[49] Смысл высказывания – в том, что ни на какие нарушения справедливости ради друга Перикл не пойдет. Агесилай, как мы видели, ради друга готов был пойти и на нарушение справедливости.

[50] См. по этому поводу: *Humphreys S.C.* The Family, Women and Death: Comparative Studies. L., 1983. P. 24; *Суриков И.Е.* Перикл, Ламах и Понт Евксинский. Историческая география и ономастика: о пользе комбинированного использования данных // Историческая география. Т. 1. М., 2012. С. 63.

[51] См. хотя бы: *Mitchell L.G., Rhodes P.J.* Friends and Enemies in Athenian Politics // G&R. 1996. Vol. 43. No. 1. P. 11–30.

Парадоксальным образом мы ровно ничего не знаем о карьере героя этой главы вплоть до момента смерти его старшего брата. Необычность ситуации заключается в том, что в 399 г. до н.э. Агесилаю было уже около 45 лет – возраст зрелый по любым меркам. На протяжении второго периода Пелопоннесской войны он уже вполне мог занимать высокие военные и государственные посты, выступать в роли командира в тех или иных кампаниях, сражениях... Однако ни о чем подобном в источниках не сообщается; Агесилай возникает в поле нашего зрения как-то совершенно внезапно. Конечно, не удивительно, что его не упоминает Фукидид, чья «История» обрывается на изложении событий 411 г. до н.э. Но и в «Греческой истории» Ксенофонта, подхватившего «эстафету» у Фукидида, Агесилай впервые появляется только в связи с вопросом о престолонаследии после кончины Агида II. Ни о каких более ранних событиях его жизни не говорится ни в «Агесилае» того же Ксенофонта, ни у Непота, ни у Плутарха[52]. Одним словом, перед нами некая загадка, которую при имеющемся состоянии источниковой базы пока не представляется возможным разгадать (а, может быть, это и никогда не удастся).

Зато эпизод с престолонаследием достаточно детально освещен в целом ряде памятников нарративной традиции (Xen. Hell. III. 3. 1–4; Ages. 1. 5; Nep. Ages. 1; Plut. Lysandr. 22; Ages. 3–4). При этом свидетельства в основных чертах согласуются, не приходят в серьезное противоречие друг с другом, так что описываемый в них яркий эпизод спартанской истории поддается достаточно детализированной реконструкции.

Источники подчеркивают, что на этом этапе большую роль в судьбе Агесилая сыграл влиятельный и могущественный Лисандр, выступивший активным «лоббистом» его кандидатуры, противником Леотихида. Лисандр и Агесилай были дружны едва ли не с детства будущего царя (Лисандр был старше), а по сообщению Плутарха, даже находились в гомосексуальной связи (Plut. Ages. 2). Последнему верить мы совершенно не обязаны, но факт близких в человеческом плане отношений двух знаменитых спартанцев вряд ли правомерно ставить под сомнение.

В любом случае резонен вопрос: почему Лисандр все-таки решил поддержать своим авторитетом именно этого претендента? Вроде бы это было даже не в его интересах. У самого Лисандра имелись очень большие властные амбиции, и ему, пожалуй, в большей степени было бы на руку, чтобы на престоле оказался не опытный, самостоятельный Агесилай, а такая слабая, неуверенно чувствующая себя личность, как Леотихид: ею легче удалось бы манипулировать. Нужно еще учитывать, что Леотихид был совсем юн. Напомним, его подлинным от-

[52] У Плутарха находим только общие фразы о том, что Агесилай воспитывался в агелах (Plut. Ages. 1–2), о том, что он уже ко времени смерти Агида был человеком известным (Plut. Lysandr. 22). Всё это нам мало чем может помочь.

цом являлся Алкивиад, прибывший в Спарту в 415 или 414 г. до н.э., а Агид II в 413 г. до н.э. отбыл в спартанский лагерь в Декелее. Иными словами, к 399 г. до н.э. Леотихид никак еще не мог достигнуть совершеннолетия.

Соответственно, в случае, если он становился царем, ему должны были назначить опекуна-регента. И, кстати, кто бы занял этот пост? Ясно, что не Лисандр, как бы ему этого ни хотелось: он не принадлежал к Еврипонтидам. В подобной роли в норме выступал ближайший родственник архагета-подростка. Получается, что регентом оказывался бы тот же Агесилай, «дядя» Леотихида[53]. В качестве параллели можно напомнить ситуацию 470-х гг. до н.э. когда при несовершеннолетнем царе Плистархе (сыне Леонида) положение регента занимал Павсаний, его двоюродный брат (более близкого родственника у Плистарха не было, поскольку отец его погиб при Фермопилах, а дядя – Клеомброт, отец Павсания, – скончался вскоре же после того).

Таким образом, пикантность ситуации заключалась в том, что Агесилай так или иначе фактически занял бы еврипонтидский трон. Правда, в случае регентства – лишь временно. Возможно, именно этого и не хотел Лисандр. В конце концов, никак нельзя исключать того, что всесильный герой Пелопоннесской войны реально заботился об интересах государства, в число каковых уж точно не входит нестабильность. Впрочем, и личная дружба с Агесилаем, несомненно, должна была входить в число двигавших им мотивов.

Спор двух соперников за еврипонтидский престол сразу же получил религиозное «измерение». Вспомнили в этой связи про древний оракул о «хромом царствовании». О нем упоминает уже Ксенофонт, – напомним, современник событий; а Плутарх приводит полный текст прорицания, причем дважды – и в биографии Агесилая, и в биографии Лисандра:

> Спарта! Одумайся ныне! Хотя ты, с душою надменной,
> Поступью твердой идешь, но власть взрастишь ты хромую.
> Много придется тебе нежданных бедствий изведать,
> Долго хлестать тебя будут войны губительной волны.
>
> (Plut. Ages. 2 = Lysandr. 22)

По словам Ксенофонта, это было предсказание Аполлона, то есть, судя по всему, полученное некогда из Дельф. Его неясные и двусмысленные, как всегда, слова, звучали, во всяком случае, угрожающе. Метафора «хромого царствования» (χωλὴ βασιλεία), кстати, заслуживает того, чтобы сказать несколько слов о ее семантике. В Спарте и в Греции в целом негативное понятие хромоты тесно увязывалось с другим негативным понятием – кривизны. Интересно

[53] Слово «дядя» берем в кавычки, поскольку напомним, Леотихид был сыном Агида II чисто юридически, а не по крови. Впрочем, в вопросах наследования ведь только юридическое родство и имеет значение.

наблюдение Д. Огдена[54], согласно которому греками кривизна как физическое уродство воспринималась едва ли не в первую очередь как кривизна ног, то есть именно хромота.

К кривизне же у спартиатов было особое отношение. Этому вопросу посвятил специальную статью А.В. Зайков[55]. Термин «кривой» (σκολιός) встречается – и именно как некое негативное определение – уже в Великой ретре, точнее в так называемой поправке к ней (хотя вопрос, является ли эта фраза действительно позднейшей поправкой или же она изначально входила в состав первого спартанского закона, является дискуссионным). В контексте ретры, правда, этот термин обычно переводят несколько иначе, например: «Если народ постановит неверно (αἰ δὲ σκολιὰν ὁ δάμος ἕλοιτο), старейшинам и царям распустить» (Plut. Lycurg. 6). Аллюзия на ту же мысль звучит и у Тиртея: μηδέ τι βουλεύειν τῆδε πόλει σκολιόν. Это место из великого поэта В.В. Латышев переводит так: «...Умыслов злых не тая против отчизны своей», что, однако, не вполне точно. Сказано же буквально следующее: «не советовать нашему городу ничего кривого».

А.В. Зайков в только что упоминавшейся работе подобрал для субстантивированной формы интересующего нас прилагательного, как представляется, исключительно удачный русский эквивалент – «кривда». Прямое значение слова σκολιός, повторим, – «кривой»; однако «совершенно очевидно, что “кривое” в данном контексте означает что-то “негодное”, “неудачное”, “неприемлемое”, “неподходящее” – короче говоря, “плохое” в каком-то отношении»[56]. Мы бы, пожалуй, добавили к набору возможных контекстуальных коннотаций такие смыслы, как «неправильное», «несправедливое», может быть, даже «незаконное» (исходя из того, что ретра являлась законом). Иными словами, в нашем случае словоупотребление имеет отчетливый этико-правовой оттенок.

Всё это мы говорим к тому, что и хромота могла пониматься двояко: как в прямом, буквальном смысле, в качестве конкретного физического недостатка, так и в смысле абстрактном, метафорическом. Всё в процитированном прорицании вроде бы говорило в пользу последнего толкования. Однако жрецы и прорицатели, активно включившиеся в конфликт, оказались в данном вопросе бóльшими «буквалистами». Особенно отличился известный Диопиф. Этот персонаж играл достаточно значимую роль в религиозной жизни Греции рассматриваемой эпохи. В конце 430-х гг. до н.э. он подвизался в Афинах, и по его инициативе была принята известная псефисма против «безбожников» (Plut.

[54] *Ogden D.* Crooked Speech: The Genesis of the Spartan Rhetra // JHS. 1994. Vol. 114. P. 85–102.

[55] *Зайков А.В.* «Кривда» и конституционные процедуры в архаической Спарте // Античная древность и средние века. Вып. 34. Екатеринбург, 2003. С. 23–33.

[56] Там же. С. 25.

Pericl. 32). Затем же, как видим, он перебрался в Спарту[57]. Ничего удивительного в этом нет: на примере Тисамена, приведенном в предыдущей главе, мы видели, как спартанцы старались заполучить в свой полис прославленных прорицателей, а Диопиф был именно таким.

Ему, судя по всему было свойственно использовать религию в политических целях. Он и свой афинский декрет провел, скорее всего, в целях борьбы с группировкой Перикла. Теперь же, на новом месте жительства, Диопиф оказался в числе сторонников Леотихида. Об этом прямо говорят и Ксенофонт (Hell. III. 3. 3), и Плутарх (Ages. 3; Lysandr. 22). Соответственно, он настойчиво указывал на тот факт, что Агесилай хром и поэтому не может быть царем.

Оппонентом Диопифа выступил как раз Лисандр, который «возразил ему, что, по его мнению, и божество не имеет здесь в виду хромоту как физический недостаток, но скорее предписывает остерегаться, чтобы престола не занял человек, не принадлежащий к царскому роду. "Ведь очень уж хромым будет у нас царствование, если во главе города будет стоять не принадлежащий к потомству Геракла". Выслушав эти заявления обоих, город избрал царем Агесилая».

Это цитата из Ксенофонта (Hell. III. 3. 3–4), который, собственно, сообщил всё, что было нужно. Плутарх рассказывает о том же подробнее, но фактически исключительно за счет риторической разработки востребованных топосов, а по существу ничего нового не прибавляет. Итак, «войну за оракул» выиграли Лисандр с Агесилаем. Кстати, из описания Ксенофонтом эпизода получаем важную информацию о том, с помощью каких юридических механизмов решался в Спарте вопрос о престолонаследии в сложных случаях, подобных нашему.

У Ксенофонта прямо сказано, что «город избрал» (ἡ πόλις… εἵλοντο) Агесилая царем. Обратим, кстати, внимание даже и на то, что с подлежащим единственного числа ἡ πόλις нехарактерно согласовано сказуемое во множественном числе εἵλοντο. Подозревать в грамматическом недосмотре такого «идеального аттического автора», каким являлся Ксенофонт[58], просто невозможно. Он, конечно, сказал именно то, что хотел сказать, понимая здесь полис как совокупность граждан. Иными словами, буквально это означает, что вопрос о новом архагете выносился на рассмотрение народного собрания Спарты и решался голосованием. Конкретного способа выборов мы для данного случая не знаем. Можно ли предполагать, что прибегли к типично спартанскому голо-

[57] О тождестве спартанского Диопифа с афинским см.: *Oliver J.H.* The Athenian Expounders of the Sacred and Ancestral Law. Baltimore, 1950. P. 15; *Суриков И.Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э. М., 2002. С. 88–89.

[58] Ксенофонта ценили как образцового автора всегда – и в самой античности, и в византийском средневековье (см. к этому: *Kaldellis A.* The Byzantine Role in the Making of the Corpus of Classical Greek Historiography: A Preliminary Investigation // JHS. 2012. Vol. 132. P. 80 f.), да и в наши дни в любом пособии по древнегреческому языку будет присутствовать указание на произведения Ксенофонта как на чистейший образчик оного.

сованию криком? Возможно и такое, но высказывать категоричные суждения не приходится.

Как бы то ни было, Агесилай стал царем. Лисандр с полным основанием мог считать его своей креатурой. В ту пору он еще, видимо, не помышлял собственноручно занять царский престол путем переворота или кардинальных реформ и готов был довольствоваться ролью king-maker'a. И на первых порах ему могло казаться, что он сделал правильный выбор. Агесилай начинал очень мягко, не в пример многим своим предшественникам не только не нагнетая традиционный конфликт между царями и другими представителями спартанской правящей элиты (геронтами, эфорами[59]), но и пытаясь, напротив, сглаживать этот конфликт.

«Вместо того, чтобы ссориться с ними (эфорами и геронтами – И.С.) и делать их своими врагами, он всячески угождал им, не предпринимая ничего без их совета, а будучи призван ими, всегда торопился явиться как можно скорее. Всякий раз, как подходили эфоры, когда он, сидя на царском троне, решал дела, он поднимался им навстречу; каждому вновь избранному старейшине (т.е. геронту – И.С.) он всегда посылал в качестве почетного дара теплый плащ и быка. Этими поступками он хотел показать, что почитает их и тем возвышает их достоинство, в действительности же незаметно для окружающих всё более укреплял собственное могущество и увеличивал значение царской власти...» (Plut. Ages. 4). Как заметит любой антиковед, Агесилай поступал примерно так же, как через несколько веков Август.

* * *

Ксенофонт (Hell. III. 3. 4 sqq.) сообщает, что уже буквально в первый год царствования Агесилая был раскрыт опасный заговор Кинадона, намеревавшегося объединить в борьбе против спартиатов-гомеев всех остальных жителей полиса – не только илотов и периэков[60], но и пользовавшихся более привилегированным статусом неодамодов и гипомейонов. На этом заговоре мы не будем специально останавливаться[61], а перейдем сразу к внешнеполитическим про-

[59] О соотношении между институтами царской власти и эфората в Спарте см.: *Линк Ш.* Между царской властью и эфоратом: к вопросу об основах принятия политических решений в Спарте // Народ и демократия в древности. Ярославль, 2011. С. 17–25.

[60] О статусах периэков и илотов см. теперь: *Зайков А.В.* Общество древней Спарты: основные категории социальной структуры. Екатеринбург, 2013. С. 68 слл. Об илотах написано, конечно, много. См. две статьи известных иностранных ученых, опубликованные в отечественном издании: *Link S.* Spartan Helotage – Character and Origins // Исседон. 2005. Т. 3. С. 36–45; *Jordan B.* Kings and Helots // Там же. С. 46–68.

[61] См. о нем: *Jehre M.* Die Funktion des Berichts über die Kinadon-Verschwürung in Xenophons Hellenika // Hermes. 1995. Bd. 123. Ht. 2. S. 166–174.

блемам, решение которых стало главной задачей нашего героя на всем длительном продолжении его примерно сорокалетней деятельности в качестве царя.

Напомним, что в самом начале IV в. до н.э. в качестве главного вопроса внешней политики Эллады однозначно вырисовывался спартано-персидский конфликт. Военные действия в западной части Малой Азии шли, но в целом вяло. В 396 г. до н.э. Лисандр и Агесилай, тогда еще служившие «общему делу» без взаимных противоречий, решают обострить ситуацию и интенсифицировать спартанскую активность в регионе. С этой целью за Эгейское море отбывают с войском они оба. Официально командовать войском, когда при нем присутствовал царь, имел право, разумеется, только он. Однако фактор присутствия Лисандра, являвшегося советником Агесилая, не мог не играть роли. Ведь состав «тандема» (как сейчас любят выражаться) явно многим казался не представляющим собой паритета. С одной стороны, человек, который фактически выиграл Пелопоннесскую войну, человек, перед которым трепетала Эллада и которого в отдельных полисах при жизни провозглашали богом (см. в предыдущей главе), с другой же стороны – архагет, который только недавно пришел к власти, не имел еще на своем счету каких-либо значительных свершений и мог восприниматься как неопытный в военных делах. Во всяком случае, авторитет его явно еще уступал авторитету Лисандра[62].

В малоазийских городах «его (Лисандра – И.С.) всегда угодливо сопровождала многочисленная толпа, так что Агесилай казался частным человеком, а Лисандр царем» (Xen. Hell. III. 4. 7). Конечно же, Агесилаю не могло нравиться подобное положение, и он начал ненавязчиво и неспешно, но твердо оттеснять бывшего наварха с первенствующих позиций, при всяком удобном случае ставил его «на место». Ситуация, судя по всему, приобрела конфликтный характер. Ксенофонт в своем изложении старается несколько затушевать обострение отношений между двумя лидерами; Плутарх, наоборот, акцентирует внимание на этом обострении. Как бы то ни было, в самом том факте, что оно имело место, сомневаться не приходится. Кончилось противостояние тем, что через год Лисандр отбыл на родину, а Агесилай остался в Малой Азии для продолжения войны против персов, наверняка радуясь, что теперь его уже ничто не сковывает в действиях.

А раздосадованный Лисандр, видимо, именно после этих событий стал разрабатывать план, который позволил бы ему официально прийти к верховной власти в Спарте. Суть задуманной им реформы заключалась в том, чтобы царями могли становиться не только представители двух семей – Агиадов и Еврипонтидов, но и все лица, принадлежавшие к Гераклидам. В число последних Лисандр входил, а вот к традиционным династиям не имел отношения.

[62] Тем более что инициатором экспедиции являлся именно Лисандр (*Dillery J.* Op.cit. P. 107).

Трудно сказать что-либо определенное о деталях реформы, поскольку она так и не состоялась, а осталась в замыслах спартанского «сверхчеловека» (кое-что он, правда, записал, но даже после его смерти эти записи не были преданы гласности, ср. Plut. Lysandr. 30). Насколько можно судить, предполагалось, что царей будет регулярно избирать народное собрание (ранее это делалось лишь в спорных, исключительных случаях, как при рассмотренном выше кризисе после смерти Агида II). Лисандр был уверен, что при подобных порядках он-то и будет избран.

Кстати, вместо кого? Какой из двух престолов он замышлял занять? Думается, что агиадский. С Агесилаем, который уже зарекомендовал себя как сильная личность, Лисандру все-таки тягаться было бы трудно. А царем из Агиадов на тот момент, напомним, являлся куда более слабый Павсаний. К последнему, кстати, у Лисандра были и личные счеты со времен событий, связанных со свержением «Тридцати тиранов» в Афинах.

Павсаний, кстати, где-то на рубеже V–IV вв. до н.э. попал под суд, о котором упоминает его тезка, периегет (Paus. III. 5. 2). Судебные процессы, в которых в роли обвиняемого оказывался царь, находились в ведении судебной коллегии, которая включала в себя герусию (28 человек), всех эфоров (5 человек), а также второго царя. Голоса при вынесении приговора распределились так: за осуждение – половина герусии (14 человек) и царь Агид II; за оправдание – вторая половина герусии и все эфоры. Расклад, между прочим, достаточно интересный и показательный. Он демонстрирует, во-первых, неприязненные отношения двух царей-соправителей между собой; во-вторых же, им ярко иллюстрируется та давно подмеченная закономерность, согласно которой эфоры более терпимо относились к слабым царям. Уж очень дружным фронтом встал эфорат на защиту Павсания[63].

Соответственно, тот был оправдан большинством голосов. Мог ли Лисандр иметь какое-то отношение к процессу Павсания? Данных, позволяющих подтвердить или опровергнуть это, в нашем распоряжении нет. Но крайне трудно представить, что настолько влиятельный гражданин, от которого в полисе многое зависело, остался совершенно безучастным к такому важному событию, как суд над царем. А если он принял в нем то или иное участие (например, как свидетель – а уж в этом-то качестве его точно должны были привлечь: ведь разбиралось дело о падении афинского лаконофильского режима Тридцати), то ясно, что не на стороне Павсания. Завершая экскурс о Лисандре, отметим только, что реализовать свои амбициозные планы ему было не суждено: близился конец его жизни, о чем он, естественно, не подозревал.

[63] См. также иную интерпретацию события: *Печатнова Л.Г.* Эволюция спартанского эфората в период классики и эллинизма // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12: Из истории античности и нового времени: Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2013. С. 72.

Вернемся к Агесилаю. О его военных действиях против ахеменидских сил в Малой Азии подробно писали как Ксенофонт, так и Плутарх. Мы не видим особого смысла пространно пересказывать источники, поэтому будем здесь по возможности придерживаться краткости.

Агесилай в регионе, где он теперь находился, пользовался огромной властью. Нужно сказать, что в поход он выступил так, как до него не выступали: в связи с уникальным статусом Спарты, приобретенным ею в результате победы в Пелопоннесской войне, архагет являлся не просто командующим вооруженными силами своего государства, а фактически гегемоном эллинов. Возникали неизбежные ассоциации с Троянской войной, с Агамемноном... Эти ассоциации Агесилай, естественно, учитывал и отнюдь не случайно решил отбыть на восток не из какого иного места, а из беотийской Авлиды – гавани, откуда, согласно легендарно-исторической традиции, отправлялись и ахейцы на Трою.

Он даже хотел «принести жертву на том же месте, где Агамемнон совершил жертвоприношение перед отбытием в Трою. Но когда он туда прибыл, беотархи, узнав, что он хочет совершить жертвоприношения, послали всадников с запрещением продолжать жертвоприношения; всадники эти сбросили с алтаря лежавшие на нем части жертвенных животных. Агесилай пришел в страшный гнев...» (Xen. Hell. III. 4. 3–4).

Пришел в гнев – однако же ничего не предпринял, чтобы наказать виновных в этой унизительной выходке. Мы остановились на данном небольшом эпизоде не без умысла: он не только пикантен, но и знаменателен. Перед нами – в какой-то степени предвосхищение Левктр. Фивы, как видим, не только стали резко-враждебно относиться к лакедемонянам, но и начали осознавать свою силу. Иначе их власти вряд ли решились бы столь неуважительно поступить по отношению к самой Спарте – и именно тогда, когда она стояла на вершине своего могущества.

Впрочем, уже на том этапе для проницательного наблюдателя не оставалось незамеченным, что это могущество могло быть охарактеризовано выражением, использованным нами в подзаголовке главы: «блеск и нищета». Имеем здесь в виду нищету не в плане чисто материальном (как раз денег в Спарте на рубеже V–IV вв. до н.э. было больше, чем когда-либо в ее истории), а скудость прежде всего человеческими ресурсами. Чрезвычайно показательны данные о составе армии, которая была дана Агесилаю: «тридцать человек спартиатов, до двух тысяч неодамодов и до шести тысяч человек союзнических контингентов» (Xen. Hell. III. 4. 2).

Сам размер войска (около 8 тысяч) вполне нормален, особенно учитывая, что потом в малоазийских полисах были еще набраны подкрепления. Бросается в глаза другое: насколько *ничтожным* (иного слова не подберешь!) был в этом контингенте удельный вес спартиатов, на которых, собственно, и зиждилась веками боевая сила Лакедемона. Всего лишь тридцать... Получается, спартанские

власти не могли себе позволить предоставить царю большее их количество, несмотря на то, что речь шла о достаточно серьезной войне с сильным противником, а не о какой-нибудь малозначащей стычке. Ну не было ли это грозным «звоночком»? Видна также, напротив, необычно большая пропорция в войске неодамодов – илотов, отпущенных на свободу и наделенных некоторыми гражданскими правами, однако стоявшими в градации статусов, понятно, на более низкой ступени по сравнению с полноправными гомеями-спартиатами.

В Малой Азии Агесилай имел под своим началом сперва только сухопутные силы, а затем также и флот (Xen. Hell. III. 4. 27). Действовать ему приходилось в основном против армий двух знаменитых сатрапов, управлявших территориями в западной части полуострова, – Тиссаферна и Фарнабаза. Об обоих мы в свое время писали в предыдущей книге из цикла о древнегреческих политиках, в главе об Алкивиаде[64], поэтому не будем повторяться. Напомним только, что в ведении Тиссаферна находились центральная и южная части региона, где развертывались военные действия (Лидия, Кария), в ведении же Фарнабаза – северная (Геллеспонтская Фригия). Фарнабаз был известен в большей степени эллинофильскими, Тиссаферн – в большей степени эллинофобскими настроениями.

Агесилай весьма удачно воевал с обоими, применяя порой эффективные военные хитрости. Так, на одном из этапов кампании он объявил, что поведет войско на Карию. Тиссаферн подготовился к нападению, однако в действительности спартанцы (базой их был Эфес) пошли на Геллеспонтскую Фригию и разграбили там земли Фарнабаза. В следующем году эллинский командующий сделал перед началом похода заявление, согласно которому на сей раз объектом его атаки должна была стать Лидия. Тиссаферн подумал, что его снова обманывают, и ждал врага опять в Карии, но теперь Агесилай сдержал свое обещание и вторгся действительно в Лидию. Таким образом, он, можно сказать, даже самой истиной вводил в заблуждение недальновидного сатрапа.

Перечень всех стратагем талантливого спартанца вряд ли стоит приводить. Пожалуй, для характеристики его личности достаточно упомянуть еще две. «Он приказал некоторым богатейшим жителям всех расположенных там (на эгейском побережье Малой Азии – И.С.) городов кормить и взращивать лошадей для конницы. Он обещал, что тот, кто представит лошадь, тяжелое вооружение и всадника, годных для военной службы, будет сам освобожден от военной службы. Благодаря этой мере подготовление конницы пошло с большой быстротой...» (Xen. Hell. III. 4. 15). Здесь важно новаторство Агесилая: он шел наперекор старинным спартанским обычаям, согласно которым исключительное внимание в сухопутном военном деле уделялось гоплитской пехоте, а кавалерией откровенно пренебрегали. В действиях же против персов на их терри-

[64] АГ-3. С. 197 слл.

тории сильные кавалерийские отряды были решительно необходимы, дабы на равных бороться с прекрасной ахеменидской конницей[65].

«Полагая также, что презрение к силе врага побудит воинов охотнее и храбрее бросаться в бой, он приказал глашатаям на публичных аукционах продавать пойманных при набегах на вражескую территорию врагов голыми. Воины увидели, что кожа их бела, так как они никогда не раздевались, что они изнежены и не привыкли к тяжелой работе, так как они всегда совершали передвижение на повозках. Заметивши это, они решили, что война, которую им предстоит вести, ничем не отличается от войны с бабами» (Xen. Hell. III. 4. 19). Здесь следует отметить, что образцом в описанном поступке для Агесилая послужил Кимон, который однажды (как мы считаем, после битвы при Евримедонте[66]) совершил нечто аналогичное. Притом нельзя считать, что, напротив, эпизод с Кимоном был «смоделирован» позднейшей нарративной традицией под влиянием эпизода с Агесилаем. В принципе, так бывало, и случалось, что по образцу одних событий, реальных, измышлялись другие, чисто фиктивные, и приписывались другим деятелями. Но в данной ситуации подобный вариант исключен, поскольку о стратегеме Кимона сообщает уже современник – Ион Хиосский (FGrHist. 392. F13), живший заведомо раньше Агесилая.

В 395 г. до н.э., когда Тиссаферн узнал, что греки вторглись-таки в Лидию, он срочно двинулся туда же с войском, но в крупной битве при Сардах[67] потерпел тяжелое поражение от Агесилая. Это стало для сатрапа роковым. Артаксеркс II, узнав о неудаче, обвинил его в измене, сместил с должности и отправил ему на смену одного из высших сановников державы – хилиарха Тифравста. Последний, прибыв на место, арестовал и казнил Тиссаферна[68]. Затем Тифравст, заняв его пост, откупился от Агесилая, и тот, оставив Лидию, перешел в Геллеспонтскую Фригию, где продолжал наносить серьезный ущерб теперь уже землям Фарнабаза.

Надо сказать, что в Малой Азии к армии Агесилая присоединились остатки крупного отряда эллинских наемников, недавно вернувшиеся из знаменитого «анабасиса», о котором речь шла выше. Среди этих воинов одно из наиболее видных мест занимал Ксенофонт – афинский аристократ-лаконофил

---

[65] Характерно, что об эпизоде сообщает нам Ксенофонт, афинский всадник. Вряд ли был какой-нибудь другой древнегреческий автор, столь же хорошо знакомый с кавалерийским делом, как он. См. работу с опорой на данные Ксенофонта: *Нефёдкин А.К.* Тактика и вооружение афинской конницы в IV в. до н.э. // Scripta antiqua. Т. 2. М., 2012. С. 238–256.

[66] АГ-2. С. 220 сл.; *Суриков И.Е.* О возможном историко-географическом контексте сюжета обсценного изображения на «вазе Евримедонта» (малоизвестный эпизод греко-персидских войн) // Аристей. 2013. Т. 7. С. 46–57.

[67] *Рунг Э.В.* Агесилай против Тиссаферна...

[68] Подробнее о событии см.: *Рунг Э.В.* Тиссаферн и Гидарниды в контексте политической истории Ахеменидской державы в V в. до н.э. // ВДИ. 2012. № 1. С. 34–36.

и ученик Сократа. Вскоре после свержения режима Тридцати Ксенофонт, являвшийся сторонником этих олигархов и из-за этого, несомненно, опасавшийся репрессий со стороны победившего демоса, уехал из Афин, примкнул к Киру Младшему, а на последнем этапе похода в «сердце» Персии, когда греки уже возвращались, был в числе их главных командиров. Примкнув теперь к Агесилаю, он очень быстро сблизился с ним и стал доверенным лицом, даже другом спартанского царя. Возможно, Ксенофонт являлся чем-то вроде его личного секретаря, повсюду сопровождал архагета. Впоследствии, как известно, за заслуги перед Спартой он был награжден поместьем в Пелопоннесе и прославился как талантливый, плодовитый писатель, первый «певец» подвигов Агесилая, нарисовавший в его лице образ идеального правителя.

Агесилай же, достигнув в войне с персами значительных успехов в западных районах Малой Азии, нанеся врагам ряд ощутимых поражений, подумывал уже и о том, чтобы перейти в решительное наступление и попытаться отобрать у «Великого царя» по возможности весь полуостров. И это не было пустыми прожектами; ахеменидские власти имели все основания считать опасность реальной. Еще очень свеж в памяти был дерзкий прорыв наемников Кира Младшего в Месопотамию; наверное, ясным было и то, что они могли бы добиться там даже еще более значительных успехов, если бы не чисто случайный фактор – нелепая гибель Кира. Не приходится сомневаться в том, что Ксенофонт рассказывал Агесилаю обо всём этом и прямо или косвенно подталкивал его к активным действиям.

Персы, стремясь предотвратить такого рода опасность, развернули активную антиспартанскую агитацию в полисах Балканской Греции, используя тайную дипломатию, обещая щедрую помощь и нередко прибегая к подкупам влиятельных политиков в наиболее сильных греческих государствах[69]. Цель этих действий была понятной – поднять восстание против спартанского владычества и тем самым, «ударив в спину» лакедемонянам, добиться полного или частичного ухода их сил из Азии. А самое главное, что им было нужно, – это чтобы их владения покинул лично Агесилай.

Впрочем, только ли в пресловутом персидском золоте дело? Оно падало на благодатную, прекрасно подготовленную почву. Мы уже знаем, что в первом десятилетии IV в. до н.э. обстановка для интриг против Спарты была более чем подходящей: в Греции и без того росло недовольство политикой полиса-гегемона[70].

---

[69] *Рунг Э.В.* Неофициальная дипломатия Персии по отношению к грекам и роль персидского золота в греко-персидских межгосударственных отношениях // АМА. 2006. Вып. 12. С. 73 сл.

[70] *Антонов В.В.* Полисы Эгеиды, Северное Причерноморье и возрождение Афинской морской державы в IV в. до н.э. // Проблемы антиковедения и медиевистики. Вып. 2. Нижний Новгород, 2006. С. 35–51.

В конечном счете сложилась мощная, поддерживаемая Персией антиспартанская коалиция. Главную роль в ней играли четыре полиса, из которых Афины и Аргос были давними противниками Спарты, а Коринф и Фивы в прошлом считались ее надежными союзниками (впрочем, на примере эпизода в Авлиде мы видели, как резко уже изменилась позиция тех же фиванцев). Получилось так, что из пяти первенствующих полисов Балканской Греции четыре объединились против одного. В 395 г. до н.э. против Спарты были открыты вооруженные действия, положившие начало так называемой Коринфской войне[71].

Уже в самом ее начале, в том же году, спартанцы потерпели поражение в битве при Галиарте[72] (в Беотии). Еще более тяжелым ударом стало то, что в этом бою был убит харизматичный Лисандр[73]. Конечно, теперь он уже не считался «незаменимым», как несколько лет назад, ибо окреп полководческий талант Агесилая. Но всё равно утрата, конечно, была серьезной. Винили в гибели бывшего наварха не кого иного, как царя Павсания, который должен был с другим войском подойти на подмогу Лисандру, но опоздал. Над царем состоялся новый суд, который на этот раз завершился его осуждением и смертным приговором. Сам Павсаний не явился на разбирательство дела (так что процесс проходил in absentia) и укрылся в аркадской Тегее, где впоследствии скончался от болезни (Xen. Hell. III. 5. 25). Агиадский престол занял его старший сын Агесиполид I. Этот последний был не лишен способностей военачальника, как показали дальнейшие события; однако на рассматриваемый момент он был еще молод и неопытен.

Иными словами, ощущался явный дефицит лидеров, и перед спартанскими властями – герусией и со всей неизбежностью встал вопрос о срочном отзыве Агесилая с театра военных действий против Персии. Казалось, только ему под силу спасти ситуацию. Ему был послан приказ о немедленном возвращении, и царь безропотно подчинился.

Безропотно – но и без радости. «Агесилай... был очень огорчен при мысли о том, сколько его честолюбивых надежд должно остаться неудовлетворенными. Однако же он созвал союзников, передал им о полученном с родины приказании и сказал, что считает необходимым идти на помощь отечеству... Они (малоазийские союзники – И.С.) стали приготовляться к походу, чтобы сопровождать Агесилая. Последний оставил в Азии гармостом Евксена и с ним гарнизон по крайней мере из четырех тысяч человек, чтобы он мог защищать города» (Xen. Hell. IV. 2. 2–5). Оставленные, правда, были не лакедемоняна-

[71] См. о ней: *Sealey R.* A History of the Greek City States ca. 700 – 338 B.C. Berkeley, 1976. P. 386–399.

[72] О которой см.: *Westlake H.D.* The Sources for the Spartan Debacle at Haliartus // Xenophon. Oxf., 2010. P. 457–475.

[73] Погиб он, как отмечается, бесславно: *Wheeler E.L.* The General as Hoplite // Hoplites: The Classical Greek Battle Experience. L., 1993. P. 153.

ми, а частью малоазийскими же греками, частью наемниками. Тем не менее Агесилай, как видим, показывал, что война в Азии еще не кончена. Тем не менее непосредственная угроза персидским владениям миновала.

А спартанский царь двинулся с войском в обратный путь – теперь сушей, северным побережьем Эгейского моря. В Фессалии он имел первое сражение (фессалийцы находились в числе противников Спарты) и одержал победу, которой очень гордился, поскольку смог собственной кавалерией, совсем недавно созданной и обученной им, взять верх над прославленной, не имевшей тогда равных в Греции фессалийской конницей.

Пройдя далее в Беотию, Агесилай столкнулся там с ожидавшим уже его довольно сильным войском противника, в котором главную роль играли фиванцы, аргосцы и афиняне. Битва при Коронее 394 г. до н.э.[74], хоть и была спартанцами выиграна, но оказалась для них крайне тяжелой. Сам командующий был весь изранен, и ему пришлось несколько дней лечиться. Характерен следующий рассказ Ксенофонта, который имеет смысл привести для характеристики личности героя этой главы:

«После того как эта победа была одержана и раненый Агесилай был пронесен перед строем, к нему приблизилось несколько всадников и, передав, что около восьмидесяти вооруженных врагов скрылись в храме, спросили, как с ними поступить. Агесилай, несмотря на полученные им многочисленные раны, не забыл долга перед богами и приказал позволить скрывшимся в храме уйти, куда им будет угодно, строго запретив обижать их» (Xen. Hell. IV. 3. 20).

Известие в какой-то степени даже невероятное, учитывая сложившийся со времен Пелопоннесской войны менталитет, характеризовавшийся крайней ожесточенностью по отношению к противникам. Врагов по большей части просто не щадили, и никакие храмы, алтари и т.п. не становились для них безусловной защитой. Агесилай продемонстрировал в данном случае такую редкостную по тогдашним понятиям рыцарственность, что приходится даже задаться вопросом: достоверно ли сообщение Ксенофонта?

Но оно, несомненно, должно быть признано достоверным, ибо это – свидетельство очевидца. Ксенофонт следовал тогда с Агесилаем, что совершенно ясно, например из такой детали: только что процитированный рассказ он завершает словами: «В этот день (так как было уже поздно) они ограничились тем, что поужинали и легли спать» (Xen. Hell. IV. 3. 20). Никаким образом не мог написать подобное человек, который не присутствовал сам при войске.

Плутарх (Ages. 18–19) представляет дело таким образом, что победа спар-

[74] Из-за небольшого размера Балканской Греции, а главное – из-за крайне ограниченного в ней количества мест, пригодных для крупных сражений встречаем в эллинской военной истории не одну битву при Коронее, не одну битву при Мантинее, даже не одну битву при Фермопилах... Перечень можно было бы и продолжать.

танцев в Коронейском сражении не была решительной, и именно поэтому на следующий день Агесилай, хотя сам еще лежал, приказал вызывать соперников на новый бой, но те отказались (напротив, прислали послов для заключения перемирия и переговоров по поводу выдачи трупов), и только тогда будто бы признали свое поражение. Не похоже, что это было так. Плутарх тут (очевидно, из своего всем известного беотийского патриотизма) идет на некоторое искажение слов своего источника – Ксенофонта. И вправду, попробуем сравнить два пассажа:

Xen. Hell. IV. 3. 19: «...лишь некоторым из фиванцев удалось прорваться на Геликон, а большинство уступило и пало». Plut. Ages. 18: «...фиванцы отошли к Геликону, причем эта битва преисполнила их самомнением, так как им удалось остаться непобежденными...». Нельзя не ощутить определенного смещения акцентов более поздним автором по сравнению с более ранним. И нужно учитывать, что Плутарх, живший спустя века после описываемых событий, опирался в своем описании в целом на Ксенофонта, последний же, как мы упоминали, видел битву собственными глазами.

Агесилай отправился от Коронеи в Дельфы, дабы совершить благодарственное жертвоприношение (его несли на носилках), а затем с триумфом прибыл в Спарту. Однако не всё было так просто в Коринфской войне, которая «накладывалась» (и хронологически, и по существу) на войну спартано-персидскую. В том же 394 г. до н.э. афинский полководец Конон во главе персидского флота нанес тяжелое поражение спартанцам в морской битве при Книде[75].

Конон отличился еще на последнем этапе Пелопоннесской войны и был тогда, безусловно, одним из лучших афинских военачальников, неоднократно избирался стратегом. В 405 г. до н.э. ему с 8 кораблями удалось бежать во время разгрома афинского флота Лисандром при Эгоспотамах. Это были единственные афиняне, спасшиеся и оставшиеся в живых после роковой битвы.

Конон укрылся на Кипре, ибо в Афинах ему теперь делать было нечего, да и в целом в Эгейской Греции он не мог чувствовать себя в безопасности в ситуации, сложившейся там. В 396 г. до н.э. афинянин поступил на персидскую службу (по рекомендации Евагора, правителя Саламина Кипрского) и вскоре получил в командование флот для борьбы против Спарты. Впрочем, официально во главе флота стоял уже известный нам ахеменидский сатрап Фарнабаз; однако для Конона это никаких проблем не создавало, поскольку Фарнабаз проявил себя его другом и единомышленником[76].

[75] *Buckler J.* Aegean Greece in the Fourth Century BC. Leiden – Boston, 2003. P. 129 ff.

[76] Тут нужно отметить, что еще до того, как возглавить флот, Конон на стороне Фарнабаза участвовал в военных действиях против вторгшегося в Малую Азию Агесилая. А потом он по поручению того же Фарнабаза взял на себя весьма щекотливую (и явно не безопасную) миссию – отвез Артаксерксу II донос Фарнабаза против Тиссаферна, по итогам рассмотрения которого Артаксеркс и дал хилиарху Тифравсту приказ казнить Тиссаферна,

Итак, теперь Конон, командуя персидским флотом (составленным из финикийских и кипрских кораблей), разгромил спартанские морские силы в сражении при Книде, положившей конец морскому могуществу лакедемонян. На следующий год, триумфально прибыв в Афины, он использовал ослабление Спарты с максимальной выгодой для своего родного полиса: восстановил «Длинные стены», соединявшие город с Пиреем[77].

О фигуре Конона, пожалуй, уместно сказать еще несколько слов. Получилось так, что он находился в своеобразном «двойном статусе» – одновременно являлся ахеменидским офицером высокого ранга и афинским политиком (кажется, ранее ни с кем из афинян такого еще не случалось). Подобное положение таило в себе как «плюсы», так и «минусы», как позитивный потенциал, так и скрытые угрозы. С одной стороны, оно предоставляло возможности для лавирования, с другой – у персов в любой момент могло возникнуть (и, разумеется, в конце концов возникло, причем довольно скоро) подозрение в том, что Конон нелоялен. Точнее – что он больше верен не Великому царю, а своим Афинам.

Кстати, так оно на самом деле и было: Конон действительно действовал в большей степени в афинских интересах, пытался возродить могущество этого государства, а в перспективе – попытаться восстановить Архэ. Персидские власти, конечно, это никаким образом не устраивало, и инициативы Конона не остались безнаказанными. В 392 до н.э. он прибыл во главе афинского посольства в Сарды к Тирибазу – новому сатрапу Лидии (вот, кстати, тоже пикантный поворот: во главе посольства греческого полиса в Персию стоит персидский офицер, который на этом основании должен был рассматриваться как персидский же подданный, – во всяком случае, самими персами).

Как бы то ни было, Тиссаферн решил «власть употребить» и взял Конона под стражу (уже это, кстати, показывает, что он считал афинянина не иноземцем, не послом – к послам применение насилия категорически запрещалось, – а персидским подданным). Дальнейшая судьба Конона неясна. По одним сведениям, он умер в заточении, по другим – вновь бежал на Кипр. Во всяком случае, из источников он исчезает.

* * *

Итак, «чаша весов» качнулась не в сторону Спарты. Неудача при Книде лишила ее владычества на море. Афиняне, со своей стороны, воспользовались ослаблением противника и, как мы видели, подвергли ревизии условия мира,

о чем упоминалось выше. Одним словом, между Фарнабазом и Кононом установились самые доверительные отношения.

[77] Об истории этого знаменитого оборонительного сооружения см.: *Conwell D.H.* Connecting a City to the Sea: The History of the Athenian Long Walls. Leiden – Boston, 2008.

завершившего Пелопоннесскую войну: помимо постройки новых «Длинных стен», они начали возрождать свои военно-морские силы и даже предприняли попытки воссоздать симмахию под своим главенством, наследницу Афинской архэ. В 390–389 гг. до н.э. эскадра под командованием Фрасибула совершила рейд чуть ли не по всей Эгеиде, восстанавливая, насколько возможно, контроль Афин в этом обширном регионе, взыскивая подать с островных и малоазийских полисов[78].

Фрасибул погиб в ходе этой экспедиции, но главное – даже не в этом, а в том, что возвращение к прежним «имперским» методам, к грубой силе было обречено на неудачу; такими способами восстановить морской союз оказывалось уже невозможным, они уже не раз демонстрировали свою порочность. Необходим был поиск каких-то иных, более «щадящих» методов обращения с потенциальными союзниками.

Около того же времени, в 392 г. до н.э., произошло еще одно немаловажное для хода Коринфской войны событие: Аргос включил в себя Коринф. В результате договора симполитии (полного объединения двух полисов) было создано новое сильное демократическое государство с ярко выраженной антиспартанской ориентацией.

Одним словом, лакедемонянам приходилось нелегко. Их гегемонии был брошен серьезный вызов. Победы давались Спарте с гораздо бóльшим трудом, нежели прежде, и чередовались теперь с поражениями. Тем не менее спартанский полис держался достойно, и даже сплоченной коалиции его противников не удавалось сломить ее могущество.

В результате Коринфская война с переменным успехом. Она приобрела затяжной характер, вылилась в череду сравнительно мелких локальных стычек, в основном в районе Коринфа, на Истме (отсюда и принятое в науке название этого вооруженного конфликта). Понятно, почему боролись именно за этот регион: уж очень велико было его стратегическое значение, прекрасно осознававшееся уже самими греками.

Агесилай на данном этапе одержал несколько побед, которые, впрочем, решающего значения не имели, поскольку и противоположная сторона тоже добивалась успехов (правда, как правило, в тех битвах, в которых лично Агесилай не принимал участия), наносила чувствительные удары. Так, в 392 г. до н.э. спартанский отряд был разгромлен на Истме афинским военачальником Ификратом.

На деятельности этого талантливого полководца имеет смысл остановиться чуть подробнее. С его именем связано реформирование афинской армии. Ификрат стал активно привлекать к боевым действиям солдат-наемников.

[78] АГ-3. С. 287–288.

Наемничество, конечно, существовало в Элладе и раньше[79], но, пожалуй, именно со времени Коринфской войны оно получило особенно широкое распространение во внутригреческих, межполисных вооруженных конфликтах; роль ополчения граждан несколько снизилась (хотя, конечно, никак нельзя сказать, что она сошла на нет).

Ификрат фактически создал новый род сухопутных войск. Это были средневооруженные пехотинцы – пелтасты. Вооружение пелтастов включало небольшой кожаный щит в форме полумесяца (пелту), легкий полотняный панцирь, дротик, ударное копье и длинный меч. Отряды пелтастов как раз комплектовались в основном из наемников. Они отличались большей мобильностью и маневренностью, чем фаланга гоплитов. В ряде боевых ситуаций (действия на пересеченной местности, штурм укреплений) пелтасты оттеснили гоплитов на второй план. Именно использование пелтастов позволило Ификрату одержать победу над спартанцами.

Всё говорило о том, что война зашла в тупик и собственными силами греческим полисам из этого тупика не выбраться. Парадоксальным образом определяющую роль в разрешении сложившейся запутанной ситуации должна была сыграть Персия. Ахеменидская держава брала на себя (надо полагать, не без удовольствия) роль верховного арбитра в делах эллинов. Позиция же ее определялась следующими факторами. Персов настораживало возрождение морской мощи и амбиций афинян. К тому же им представлялось, что Спарта ослаблена уже достаточно. В результате, хотя в начале Коринфской войны Персия активно поддерживала антиспартанскую коалицию, теперь, ближе к концу этого столкновения, она вновь склонилась на сторону лакедемонян.

К тому моменту и в самом спартанском полисе приобрела значительное влияние политическая группировка, призывавшая к примирению с персами и к заключению с их помощью мирного договора на выгодных для Спарты условиях. Во главе этой группировки стоял виднейший дипломат[80] своего времени – аристократ Анталкид (являвшийся, между прочим, личным врагом Агесилая, см. Plut. Ages. 23). Его линия в конце концов и возобладала, он стал главным «двигателем» мирного процесса. Тут, правда, нужно оговорить, что к рассматриваемому моменту все воюющие стороны были уже готовы пойти на мирные переговоры, но нуждались для этого в посреднике. Однако необходим был именно такой посредник, который пользовался бы полным авторитетом во всех греческих государствах (иначе результаты арбитража были бы попросту

[79] *Trundle M.* Greek Mercenaries: From the Late Archaic Period to Alexander. L. – N.Y., 2004.

[80] А также и видный полководец (см.: *Graefe F.* Die Operationen des Antialkidas im Hellespont // Klio. 1935. Bd. 28. S. 262–270). Об Анталкиде см. также: *Buckler J.* Plutarch and the Fate of Antalkidas // GRBS. 1977. Vol. 18. No. 2. P. 139–145.

не признаны или вскоре оспорены). Кто лучше подходил для такой роли, чем персидский царь Артаксеркс II? Вопрос представляется риторическим.

После занявшего определенное время подготовительного процесса (главную работу проделал Анталкид) представители враждующих сторон, созванные Артаксерксом, собрались в Сузах. «Великий царь» был и тем лицом, которое фактически продиктовало эллинам условия общего мира, завершавшего Коринфскую войну. Это «Анталкидов мир», или «Царский мир» (387 г. до н.э.)[81].

Стоит присмотреться к формулировкам договора. «Царь Артаксеркс считает справедливым, чтобы ему принадлежали все города Азии, а из островов – Клазомены и Кипр. Всем прочим же эллинским городам, большим и малым, – должна быть предоставлена автономия, кроме Лемноса, Имброса и Скироса, которые по-прежнему остаются во власти афинян. Той из воюющих сторон, которая не примет этих условий, я вместе с принявшими мир объявляю войну на суше и на море и воюющим с ними окажу поддержку кораблями и деньгами» (Xen. Hell. V. 1. 31).

Формулировки эти, если вдуматься, просто разительны. Ничего подобного не знала ранее древнегреческая дипломатическая практика. В частности, если брать V в. до н.э., просто невозможно себе представить, чтобы кто-то (будь то хоть сам «Великий царь») навязал полисам Греции условия такого рода. Но времена менялись, и, как говорилось в предыдущей главе, Эллада понемногу уже входила в состояние «предэллинизма», процесс трансформации граждан в подданных начинался.

В мирном договоре 387 г. до н.э. какое-либо равноправие между сторонами начисто исключается звучащим здесь категоричным, нарочито диктаторским тоном, акцентирующим роль персидского владыки как верховного арбитра для эллинов. Последние, надо сказать, вполне приняли такие «правила игры», и в Сузы зачастили представители различных полисов. По сути дела, вся Греция превратилась в «страну Великого царя»[82]...

Анталкидов мир обычно характеризуют так. Решительно подтверждалась спартанская гегемония в Элладе. Грекам предписывалось распустить все военно-политические союзы. Это касалось морского союза, который во время Коринфской войны пытались воссоздать Афины, Беотийского союза во главе с

[81] О характере Анталкидова мира см.: *Антонов В.В.* Анталкидов мир и трансформация внешней политики Афин // ИИАО. Вып. 9–10. Нижний Новгород, 2007. С. 246–263; *Рунг Э.В.* Анталкидов мир // ВДИ. 2008. № 3. С. 23–48; *он же.* Греция и Ахеменидская держава: История дипломатических отношений в VI–IV вв. до н.э. СПб., 2008. С. 335–342; *Cawkwell G.* The Greek Wars: The Failure of Persia. Oxf., 2005. P. 175 ff.

[82] Это аллюзия на название известной статьи Ф. Шахермейра «Афины как город Великого царя» (см. в: *Schachermeyr F.* Forschungen und Betrachtungen zur griechischen und romischen Geschichte. Wien, 1974. S. 75–84).

Фивами[83], вышеупомянутой симполитии Аргоса и Коринфа, да и в целом антиспартанской коалиции. В то же время Пелопоннесский союз под лидерством Спарты фактически сохранялся (можно сказать так, что Персия закрывала на это глаза). Гарантом соблюдения мира выступал персидский царь и его сатрапы. За это под власть персов официально передавались греческие города Малой Азии, отвоеванные у них в ходе Греко-персидских войн.

Эта характеристика, безусловно, верна – с греческой точки зрения. Если же посмотреть с персидской, то дословное прочтение договора приводит к взгляду на него как на некий акт «замирения» подвластных периферийных областей. Персидские власти, рассматривавшие весь обитаемый мир как арену своего (реального или потенциального) контроля[84], в сущности, никогда не переставали считать также и Элладу подчиненной им территорией. Даже неудачный поход Ксеркса 480–479 гг. до н.э. был подан официальной ахеменидской пропагандой как победоносный[85].

Как бы то ни было, Ахемениды добились своего. Не потеряв ни одного солдата, империя вернула себе то, что было ею потеряно в ходе Греко-персидских войн. Вернула, разумеется, не в результате своего собственного усиления (об этом говорить было бы проблематично), а в результате ослабления греков в целом.

Что же касается последних, договор 387 г. до н.э. являлся крайне невыгодным и унизительным для всех них, да и был ими почти сразу осознан как позорный. На его фоне в памфлетной литературе первой половины IV в. до н.э. (и последующего времени) стали даже «поднимать на щит» Каллиев мир 449 г. до н.э., для своего времени тоже весьма проблематичный[86].

Единственным полисом, который ощущал себя удовлетворенным в результате Анталкидова мира, становилась, естественно, Спарта. По большому же счету выиграла от подписания этого акта только держава Ахеменидов. Повторим: пользуясь ослаблением и разрозненностью греков, персы, когда-то проигравшие им в открытом военном столкновении, теперь без особенных жертв восстановили свои позиции, достигли всего, чего только могли желать: греческие города Малой Азии вновь находились под их контролем, а государства Балканской Греции апеллировали к Персии как к высшему арбитру.

---

[83] Об этом союзе и о влиянии Анталкидова мира на его судьбу см.: *Баклер Дж.* Спарта, Фивы, Афины и равновесие сил в Греции (457–359 гг. до н.э.) // МГОДА. Ч. 1. С. 75–94.

[84] Ср. интересные (отчасти спорные) соображения в связи с этой позицией персов и с тем, как ее воспринимали греки, в работе: *Franks H.M.* Hunting the Eschata: An Imagined Persian Empire on the Lekythos of Xenophantos // Hesperia. 2009. Vol. 78. No. 4. P. 455–480.

[85] *Ruberto A.* La vittoria di Serse in Grecia. Problemi, testimonianze, ipotesi // Klio. 2012. Vol. 94. No. 2. P. 300–311.

[86] См. к проблеме: *Marincola J.* The Persian Wars in Fourth-Century Oratory and Historiography // Cultural Responses to the Persian Wars: Antiquity to the Third Millennium. Oxf., 2007. P. 105–125.

Персидская политика рассматриваемого времени, которую без особого упрощения можно было бы охарактеризовать такими лозунгами как «разделяй и властвуй» и «истощай всех понемногу», начала приносить поистине весомые плоды.

Агесилай, который в контексте данной главы нам наиболее интересен, к заключению договора напрямую причастен не был. Однако он заботился о его соблюдении. Здесь будет уместна следующая цитата: «...вышло, что этот позор (связанный с заключением Анталкидова мира – И.С.) меньше всего коснулся самого Агесилая... Всё же человеку, который сказал, что лакедемоняне стали приверженцами персов, Агесилай ответил: "А по-моему, скорее персы – лакедемонян". Кроме того, он угрожал объявлением войны тем, кто не желал принять условия мира, и заставил таким образом всех подчиниться тем требованиям, которые предъявил персидский царь» (Plut. Ages. 23).

Итак, спартанское владычество в Элладе[87] было восстановлено. Но какой ценой? Теперь это было, если так можно выразиться, владычество без авторитета. Раньше Спарту уважали – теперь ее только боялись. Еще недавно греки видели в лакедемонянах общих заступников, которые колоссальным напряжением сил спасли их от афинской «тирании», а затем обороняли от ахеменидских притязаний, но после Анталкидова мира от этого светлого образа, можно сказать, не осталось и следа. Малоазийских собратьев безжалостно «сдали»; полисы же собственно Балканской Греции тоже стали куда менее свободными, чем прежде. Вопросы о негативной роли, которую сыграла в развертывавшихся событиях Спарта, фактически в узкоэгоистических целях пошедшая «на поводу» у персов, должны были звучать постоянно (ср. цитату в предыдущем абзаце). И что могли ответить на подобные вопросы спартанские власти? Да по существу ничего. Единственным аргументом оставалась грубая сила.

Соответственно, лаконское засилье приобрело еще более жесткие формы. Теперь спартанцы уже почти не считались с какими бы то ни было нормами законности, сплошь и рядом прибегали для отстаивания интересов к откровенной агрессии. С помощью такого рода методов продолжалась прежняя политическая линия: вновь всюду, где возможно, свергались демократии, насаждались олигархические режимы, расставлялись гарнизоны. Спарта, вдобавок ко всему, начала еще и мстить тем государствам, которые за время Коринфской войны продемонстрировали нелояльность. Речь идет, в числе прочих, даже и о городах, входивших в Пелопоннесский союз.

«...Они (лакедемоняне – И.С.) решили приступить к наказанию тех из союзников, которые были в течение войны им враждебны и более сочувство-

[87] В следующих словах видного антиковеда если и есть преувеличение, то очень небольшое: «Агесилай в 380-х гг. был почти что царем Греции, каким Филипп стал после 338 г.» (*Дэвис Дж.К.* Демократия и классическая Греция. М., 2004. С. 256).

вали их врагам, чем Лакедемону, чтобы сделать невозможным новое их отпадение. Прежде всего они отправили послов к мантинейцам с приказанием снести городские стены... Так как мантинейцы не согласились срыть стены, лакедемоняне объявили сбор войска для похода против них. Агесилай попросил у государственных властей уволить его от участия в этом походе, ссылаясь на то, что Мантинейское государство оказало значительную помощь его отцу во время Мессенских войн[88]. Во главе похода стал Агесиполид...» (Xen. Hell. V. 2. 1–3).

В результате спартанской экспедиции Мантинея, естественно, потерпела поражение и была подвергнута весьма жестким санкциям. Ее оборонительные стены были все-таки разрушены; более того, «Мантинея была превращена в четыре отдельных поселения, как было в прежние времена» (Xen. Hell. V. 2. 7). Это – процедура так называемого диойкизма, обратная по отношению к синойкизму[89]. Таким образом, один из самых сильных и прославленных полисов Аркадии перестал существовать как единое целое. Спарта как бы показывала всем, что пощады от нее больше никому ждать не приходится.

В высшей степени интересна позиция Агесилая в связи с «мантинейским делом». Как мы видели, он устранился от карательной акции, приведя благовидные отговорки. Однако дело в том, что и Агесиполид, второй царь, вполне мог бы привести подобные отговорки, и даже еще более весомые. Агесилай вел речь о «делах давно минувших дней», о событиях середины V в. до н.э. и о своем отце Архидаме, который скончался уже много десятилетий назад. А отец Агесиполида – изгнанный Павсаний – был еще жив (Xen. Hell. V. 2. 6). Он обитал неподалеку от Мантинеи, в аркадской же Тегее, да и самой Мантинеей поддерживал тесные связи. По словам Ксенофонта (V. 2. 3), «Павсаний был в очень дружественных отношениях с вождями мантинейской демократии».

Иными словами, у Агесиполида тоже имелись щекотливые обстоятельства морального характера, которые, в принципе, препятствовали его руководству походом на Мантинею. Однако он послушно отправился выполнять порученное задание. Ясно, что молодой архагет был далеко не столь влиятелен, как Агесилай, и коль скоро последний отказался от «грязного дела», оно пало на младшего соправителя. Что же касается самого Агесилая, складывается полное впечатление, что его сильно смущала изменившаяся роль Спарты во внешнеполитической жизни Греции и он хотел быть поменьше причастен к разным мероприятиям, которые не красили полис-гегемон.

[88] Имеется в виду Третья Мессенская война – крупное восстание илотов-мессенян, имевшее место в 460-х – 450-х гг. до н.э. В подавлении этого опасного мятежа действительно сыграл видную роль Архидам, отец Агесилая.

[89] Об этом событии см.: *Funke P.* Sparta und die peloponnesische Staatenwelt zu Beginn des 4. Jahrhunderts und der Dioikismos von Mantineia // Xenophon and his World. Stuttgart, 2004. P. 427–435.

Впрочем, оставаться совершенно непричастным к ним ему не удавалось. Слишком уж много подобного рода инцидентов случалось в то время. Спарта стала восприниматься как подлинный «жандарм Эллады», и многие государства, присылая туда послов, занялись, не побоимся этого слова, элементарным «стукачеством» друг на друга. Так, в 382 г. до н.э. прибыли в Лакедемон представители нескольких городов Халкидики с целью сделать донос на Олинф – важнейший центр региона. Этот полис-де чрезмерно возвысился и необходимо поставить его на место (Xen. Hell. V. 11 sqq.).

Спартанцы начали военные действия на северном побережье Эгейского моря. Возглавить свои силы там они поручали лучшим военачальникам. В частности, одно время в этой роли подвизался Телевтий – единоутробный брат Агесилая. О Телевтии мы (в иной связи) встречаем восторженный отзыв Ксенофонта:

«...Телевтий отплыл на родину, сопровождаемый трогательными знаками уважения. На всем пути его от ставки до морского берега не было воина, который бы не подошел пожать ему руку; каждый встречный считал своим долгом украсить его венком или лентой; даже те, которые опоздали и прибыли, когда он уже отчалил от берега, все же бросали венки в воду и посылали ему много добрых пожеланий[90]. (4) Конечно, описываемое мною не представляет собою ничего замечательного: это – не стоящая огромных затрат затея, не опасный подвиг, не хитроумный замысел; однако, клянусь Зевсом, я считаю вполне достойным делом поразмыслить о том, какими средствами удалось Телевтию так расположить к себе подчиненных; в этом заключается истинное мужество, которое выше всяких сокровищ и дерзких подвигов[91]» (Xen. Hell. V. 1. 2–4). Возможно, историк переносил на этого знатного спартиата ту симпатию, которую он питал к его более известному брату, герою данной главы.

Телевтий, однако, погиб в одной из битв (Xen. Hell. V. 3. 6), и новым командующим был назначен агиадский царь Агесиполид (Xen. Hell. V. 3. 8). Последнему – констатируем, забегая чуть вперед, – тоже не повезло: он в ходе кампании скончался от болезни (Xen. V. 3. 19). Его престол перешел к его младшему брату Клеомброту.

Пока Агесиполид еще сражался в районе Олинфа, обострились отношения Спарты с Флиунтом – небольшим полисом на северо-востоке Пелопоннеса, как бы зажатым между территориями Аркадии и Арголиды. История с Флиунтом тянулась уже довольно долго, и тут тоже без доноса не обошлось. «Изгнанники

[90] Ср. сцену проводов Телевтия с описанием возвращения Алкивиада у того же Ксенофонта (I. 4).

[91] Типичный для Ксенофонта интерес к «сильной личности» вкупе с идеализацией спартанских лидеров. Наиболее яркое воплощение эти черты его мировоззрения нашли в сочинении «Агесилай».

из Флиунта проведали, что лакедемоняне тщательно исследуют, как держало себя каждое из союзных государств по отношению к ним в минувшей войне. Поэтому они решили воспользоваться подходящим случаем...» (Xen. Hell. V. 2. 8).

Эти изгнанники (вне сомнения, политические эмигранты)[92] просили, само собой, о содействии в их возвращении на родину. Спарта потребовала от флиунтских властей сделать это. Последние надеялись, что удастся «замять дело». Дабы заручиться благорасположением лакедемонян, они оказали финансовую помощь проходившему мимо их города на север Агесиполиду.

Однако же кара их не миновала. В 381 г. до н.э. Спарте было решено провести-таки карательную экспедицию против Флиунта, а возглавил армию сам Агесилай. Флиунтцы не ожидали подобного оборота событий: они «рассчитывали, что, ввиду отлучки из Лакедемона Агесиполида, Агесилай не выступит против них, так как по спартанскому обычаю оба царя никогда не отлучались одновременно из Спарты» (Xen. Hell. V. 3. 10). На самом деле представления о нерушимости такого «обычая» у них были несколько преувеличенными. Строго говоря, это был не обычай, а закон, принятый в конце VI в. до н.э. – после того, как однажды между царями Клеоменом I и Демаратом – командирами войска, шедшего на Афины, – возникла распря, поведшая к срыву всего мероприятия[93]. И формулировки в интересующем нас законе были в действительности несколько иными: «в Спарте был издан закон, запрещающий обоим царям вместе идти в поход (прежде ведь отправлялись в поход оба царя)» (Herod. V. 75).

Иными словами, речь шла только о том, чтобы не поручать обоим царям командование *одним и тем же войском* (поскольку это пагубно отражалось на принципе единоначалия), а не о том, что какой-либо из них должен был обязательно оставаться в Спарте. Можно было бы привести немало примеров, когда оба архагета одновременно находились за пределами родного полиса. Да зачем далеко ходить: совсем незадолго до описываемых сейчас событий, в начале Коринфской войны, Агесилай находился еще в Малой Азии, а второй царь (тогда это был Павсаний) действовал в Средней Греции. Получается, не существовало никаких препятствий, которые не позволяли бы сразу двум царям покидать территорию своего государства. Странно, что жители Флиунта не вспомнили о только что приведенном факте и придерживались своего превратного мнения.

---

[92] На протяжении многих периодов античной истории политическими изгнанниками из различных полисов был буквально наводнен эллинский мир. Об этом феномене написано немало, но лучшей, пожалуй, является монография: *Seibert J.* Die politischen Flülchtlinge und Verbannten in der griechischen Geschichte. Darmstadt, 1979. Bd. 1–2.

[93] АГ-1. С. 257.

Впрочем, к нападению врага они все-таки подготовились достойно, и в результате Агесилаю пришлось осаждать городок более полутора лет. В конце концов флиунтцы вынуждены были сдаться и принять весьма жесткие условия мира, выдвинутые спартанцами.

В тот же исторический период, который сейчас рассматривается, отряд лакедемонян во главе со спартиатом Фебидом неожиданно, врасплох захватил такой крупный город, как Фивы, укрепившись на его акрополе – древней Кадмее. Этот поступок[94] вызвал крайне неоднозначную реакцию в греческом мире. Точнее, «неоднозначная» – это скорее эвфемизм, а в действительности эллины были глубоко возмущены – особенно учитывая, что подобная акция была совершена в отсутствие какой-либо войны между спартанским и фиванским полисами (ведь продолжал действовать Анталкидов мир).

Даже и в самой Спарте шли горячие дебаты в связи с выходкой Фебида. Очень многие ее не поддерживали; особенно раздражало то, что спартанский командир действовал полностью «на свой страх и риск», не получив на то никакой официальной санкции. «...Эфоры и народ были крайне недовольны Фебидом за то, что он действовал, не испросив предварительного разрешения государственных властей. При этом Агесилай высказал такое мнение, что если Фебид действовал во вред Лакедемону, то он достоин наказания; если же его поступок принес государству пользу, то древний закон разрешает в таких случаях действовать на собственный риск и страх» (Xen. Hell. V. 2. 32).

Приведенное изречение Агесилая – одно из самых известных среди принадлежащих ему. В нем, как легко можно увидеть, проявился неприкрытый цинизм. Не случайно по Греции поползли слухи, «что Фебид был только исполнителем, а зачинщик всего дела – Агесилай» (Plut. Ages. 24). Плутарх, нужно сказать, и сам разделяет это подозрение, но на самом деле оно представляется малообоснованным. Как бы то ни было, спартанский гарнизон остался на Кадмее, а в самом фиванском полисе утвердился жесткий олигархический, проспартанский режим, поддерживаемый этим отрядом. Такой значительный центр эллинского мира, как Фивы, оказался под полным контролем Спарты.

К данному периоду относится следующая выразительная констатация Ксенофонта: «Итак, лакедемоняне достигли того, что фиванцы и прочие беотийцы всецело им подчинились, коринфяне стали преданнейшими союзниками, аргивяне смирились, уразумев, что больше им уже нельзя надеяться удержать лакедемонян от нападения ссылкой на праздничные месяцы, афиняне остались в совершенном одиночестве, а те из союзников, которые к ним враждебно относились, были укрощены. Теперь они, наконец, были уверены, что их могущество утверждено прочно и нерушимо» (Xen. Hell. V. 3. 27).

[94] Об акции Фебида см.: *Buckler J., Beck H.* Central Greece and the Politics of Power in the Fourth Century BC. Cambridge, 2008. P. 71 ff. Там же – о похожей акции Сфодрия, которая будет упомянута чуть ниже.

Да, 380 г. до н.э. выглядел временем высшего триумфа Спарты. Правда, уже чрезвычайно скоро этому, казалось бы, непоколебимому положению «жандарма Эллады» суждено было безвозвратно кануть в небытие. Но ни Агесилай и тем более никто другой в «государстве лакедемонян» не догадывались о том, что впереди ждет только падение... Насколько уверенно себя чувствовала спартанская элита – видно хотя бы из следующего эпизода.

«Лавры» Фебида не давали покоя другому спартиату – Сфодрию, занимавшему пост гармоста в беотийских Феспиях. В 378 г. до н.э. последний решился повторить это дерзкое и сомнительное во всех отношениях «деяние». На сей раз объектом атаки стали Афины, точнее их порт Пирей. Сфодрий с отрядом вторгся в Аттику, но потерпел неудачу и вынужден был отступить (Xen. Hell. V. 4. 20 sqq.; Plut. Ages. 24)[95]. Это стало уже полным конфузом; в Спарте состоялся суд над Сфодрием. Греки были уверены, что уж теперь-то наглость будет наказана по достоинству. Однако же обвиняемый – даже несмотря на то, что он не явился на собственный процесс! – был оправдан.

Не осталось неизвестным и то, что Сфодрию, как в свое время Фебиду, оказал помощь Агесилай. Правда, на этот раз его содействие было не столь явным, но все-таки он высказывался в следующем духе: «очень порицал поступок Сфодрия, но во всём прочем считал его доблестным мужем и полагал, что государство нуждается в подобных воинах» (Plut. Ages. 25). А ведь авторитет прославленного царя был слишком велик, чтобы к его мнению можно было не прислушаться.

Поведение Агесилая в рассматриваемом случае выглядело тем более удивительным, что Сфодрий не принадлежал к числу его сторонников: он входил в окружение второго архагета, Клеомброта. Поэтому довольно рано появилась история о том, что сын Агесилая Архидам был влюблен в сына Сфодрия и нужным образом «обработал» своего отца. Этот анекдот встречается уже у Ксенофонта (Hell. V. 4. 25 sqq.), и, может быть, это даже не во всём анекдот. Известно о большом чадолюбии героя данной главы. «Агесилай вообще очень любил своих детей, и о нем часто рассказывали забавную историю, будто он дома играл со своими детьми, когда они были еще маленькими, и ездил вместе с ним верхом на палочке, как на лошади[96], а когда один из друзей увидел его за этим занятием, Агесилай попросил не говорить об этом никому, пока тот сам не станет отцом» (Plut. Ages. 25).

---

[95] Об авантюре Сфодрия, помимо только что указывавшейся книги Баклера и Бека, см. также: *Parker V.* Sphodrias' Raid and the Liberation of Thebes: A Study of Ephorus and Xenophon // Hermes. 2007. Bd. 135. Ht. 1. S. 13–33.

[96] Слова «как на лошади» неправомерно отсутствуют в русском переводе К.П. Лампсакова.

Тут перед нами, между прочим, небольшой, но изумительно яркий штрих к характеристике не столько даже личности самого Агесилая, сколько спартанского менталитета в целом. Чувства, кажущиеся нам ныне более чем естественными, – нежная отцовская любовь к детям, желание поиграть с ними в детские игры – вызывали только недоумение, причем явно недоброжелательное (не случайно ведь Агесилай просит у своего собеседника молчать о том, что он видел). Оно, конечно, и понятно: воспитание в агелах никаким образом не способствовало развитию сентиментальных эмоций. Однако Агесилай, тоже прошедший через агелы, тем не менее сохранил в душе некое человеческое начало. В этом плане он ближе, понятнее нам, нежели большинство его сограждан.

И всё же не думаем, что только любовные дела сына предопределили позицию Агесилая в «деле Сфодрия». Считаем весьма вероятным, что вполне искренними и ответственными были высказывания царя в том духе, что не следует разбрасываться доблестными воинами, даже если кто-то из них и совершил проступок. Нет никакого сомнения, что «олигантропия», нарастающая малочисленность гражданского коллектива спартиатов не осталась незамеченной ими самими или, во всяком случае, наиболее дальновидными из них, к каковым, вне всякого сомнения, принадлежал Агесилай.

Интересно, что инцидент со Сфодрием имел место уже после того, как произошел переворот Пелопида и Эпаминонда в Фивах, явившийся, в сущности, тем событием, от которого во внешнеполитической жизни Эллады пошел «новый отсчет». Спартанскими властями это не сразу было осознано в полной мере, и они продолжали действовать «по старинке». Мы уже скоро увидим, чем это для них обернулось. Но перед тем, как обратиться к этому новому этапу, характеризовавшемуся переходом гегемонии от Спарты к Фивам, остановимся вкратце еще на одном эпизоде, пришедшемся на более раннее время, когда грядущий крах «бесстенного города» никак не ожидался. Эпизод, о котором пойдет речь, строго говоря, не относится к военно-политической истории, но тоже отнюдь не лишен связи с межполисными отношениями, да и в целом привносит кое-что новое в наше понимание личности и деятельности Агесилая. В данном случае перед нами появляется младшая сестра царя – Киниска.

«Свою сестру Киниску он (Агесилай – И.С.) убедил разводить коней для конных ристаний. На состязаниях в беге колесниц Киниска одержала победу, и Агесилай благодаря этому ясно всем показал, что разведение подобных коней свидетельствует только о богатстве, а вовсе не о мужской доблести» (Xen. Ages. 9. 6).

Ксенофонт не уточняет, на каких именно играх колесница Киниски одержала победу, но из других источников (например: Plut. Ages. 20) известно, что это были Олимпийские игры. На счету сестры Агесилая – даже две победы в Олимпии: в 396 и 392 гг. до н.э. Чтобы полностью осознать все импликации упомянутого факта, необходимы некоторые комментарии.

Во-первых, Киниска стала первой в истории женщиной – олимпийской победительницей. Да и в дальнейшем на протяжении всей античности такие случаи оставались буквально единичными. Можно удивиться, собственно, тому, что они вообще бывали. Ведь, как всем прекрасно известно, женщины вообще-то не допускались на Олимпийские игры – даже в качестве зрительниц, тем более в качестве непосредственных участниц. Однако гонки колесниц были особым видом спорта. В них победителем объявлялся не возница, пришедший первым, а владелец упряжки (в данном случае Киниска). Одно лицо могло сочетать в себе оба статуса, но это было совершенно не обязательно. Таким образом, Киниска смогла стать олимпиоником, даже не присутствуя в Олимпии.

Во-вторых, надлежит помнить следующее. Спартанцы традиционно добивались больших успехов в состязаниях колесниц на Олимпийских играх. Однако в 420 г. до н.э. решением властей Элиды Спарта была отстранена от участия в играх. Это решение имело явную политическую подоплеку (как раз в то время Элида вступила в союз с Афинами). Но как бы то ни было, на нескольких следующих играх спартанские атлеты не могли выступать, что, безусловно, явилось серьезным ударом по престижу одного из сильнейших греческих государств. Похоже, что после того, как спартанское участие было возобновлено, Агесилай решил отомстить «обидчикам», поиздеваться над организаторами главных панэллинских соревнований. Потому-то он и отправил в Олимпию спартанскую упряжку не под своим, скажем, именем, а под именем женщины, презренного существа в понимании греков[97].

В-третьих, к интересному нюансу не столь давно привлек внимание Д. Кайл[98]. Он высказал весьма вероятное предположение, согласно которому поступок Агесилая и Киниски был в каком-то отношении «асимметричным ответом» на олимпийский триумф Алкивиада в 416 г. до н.э. Как известно, знаменитый афинянин выставил тогда на олимпийских состязаниях семь колесниц и занял первое, второе и третье места[99]. Это было воспринято как грандиозная сенсация, как нечто фантастическое и неповторимое[100]. И действительно,

---

[97] Впрочем, в Спарте положение женщин было намного лучше, чем, скажем, в Афинах. См., например: *Cartledge P.* Spartan Wives: Liberation or Licence // ClQ. 1981. Vol. 31. No. 1. P. 84–105; *idem.* The Greeks: A Portrait of Self and Others. Oxf., 1993. P. 81; *Андреев Ю.В.* Спартанская гинекократия // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 44–62.

[98] *Kyle D.G.* Op.cit.

[99] АГ-3. С. 188–189. Мы продолжаем придерживаться мнения, что Алкивиад занял именно первое, второе и *третье* места, согласно свидетельству Еврипида (Eur. Epinic. fr. 1 Page), а не первое, второе и *четвертое*, согласно свидетельству Фукидида (VI. 16. 2), в котором мы предполагаем порчу текста. Точнее, так: колесницы Алкивиада пришли к финишу и первой, и второй, *и третьей, и четвертой*. Подробнее см.: *Surikov I.E.* Athenian Nobles and the Olympic Games // Mésogeios. 2004. Vol. 24. P. 201–203.

[100] О значении, которую победа Алкивиада оказала на жизнь Греции, в том числе даже

впоследствии уже никто никогда не смог достигнуть чего-то подобного. А вот теперь Агесилай задался целью показать, что немногого стоят такие победы, раз даже женщине (при условии, что это богатая женщина) под силу выставить упряжку, которая окажется победоносной.

Кстати, коль скоро мы упомянули сестру Агесилая, наверное, имеет смысл сказать здесь несколько слов о его семье в целом. На сей счет мы имеем следующее свидетельство Плутарха: «Ксенофонт не записал имени дочери Агесилая, и Дикеарх досадовал на то, что мы не знаем имен ни дочери Агесилая, ни матери Эпаминонда. Однако в лаконских записках (ἐν ταῖς Λακωνικαῖς ἀναγ ραφαῖς) мы нашли, что жена Агесилая носила имя Клеоры, дочерей же звали Евполия и Проавга[101]» (Plut. Ages. 19).

Насколько можно доверять этой информации? Все-таки Плутарх – поздний писатель. Безусловно, он был очень ответственным и ни в малейшей мере не склонным к досужим выдумкам «от себя». Тем не менее он мог оказаться в плену у своего источника, чрезмерно доверившись ему. В данном случае в качестве этого источника выступают пресловутые «лаконские записки», вряд ли ранние. В них, возможно, что-то задним числом было и домыслено. Конечно, ничего невероятного в той информации, которую мы встречаем у Плутарха, не содержится. Напротив, имя одной из названных тут дочерей Агесилая – Евполия – совпадает с именем его же матери, что в целом соответствует нормам древнегреческого имянаречения, и это вроде бы подкрепляет надежность рассматриваемого свидетельства.

Но, с другой стороны, всё же несколько смущает и молчание Ксенофонта (лично знакомого с Агесилаем, а значит – и с его семейными делами), и – главное – эксплицитно высказанные сетования Дикеарха. Последний[102] в высшей степени заслуженно пользуется репутацией одного из авторитетнейших авторов своего (и не только своего) времени[103]. Он самым скрупулезным образом

и политическую, см., в частности: *Papakonstantinou Z.* Alcibiades in Olympia: Olympic Ideology, Sport and Social Conflict in Classical Athens // JSH. 2003. Vol. 30. No. 2. P. 173–182; *Gribble D.* Alcibiades at the Olympics: Performance, Politics and Civic Ideology // ClQ. 2012. Vol. 62. No. 1. P. 45–71.

[101] Так в тексте Плутарха. В русском переводе К.П. Лампсакова вместо Проавги почему-то фигурирует «Ипполита». Уже не в первый раз мы встречаем погрешности в этом переводе. Жаль, что и при переиздании «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха в 1994 г. они не были обнаружены и устранены. Полностью сверять перевод Лампсакова с оригиналом мы тут, конечно, не стали, не в этом наша задача. Но во всяком случае предостеречь коллег – наш долг.

[102] См. о нем теперь: *Mirhady D.C.* Dicaearchus of Messana: The Sources, Text and Translation // Dicaearchus of Messana: Text, Translation, and Discussion. New Brunswick, 2001. P. 1–142.

[103] Заметим, что совсем недавно была выдвинута гипотеза, согласно которой именно

исследовал находившиеся в его распоряжении источники, и раз уж Дикеарх заявляет, что ему неизвестно имя дочери Агесилая, сие, надо полагать, означает, что не только ему одному, но и его современникам оное имя было действительно неизвестно. Особенно учитывая что, как указывается, Дикеарх «провел бóльшую часть жизни на Пелопоннесе, *особенно в Спарте* (курсив наш – И.С.»[104].

Имена, неизвестные современникам и людям, жившим несколько позже, а потом вдруг откуда-то «всплывающие», не могут не порождать определенного сомнения относительно своей аутентичности. Вопрос о том, как звали супругу и дочерей Агесилая, приходится оставить открытым. Впрочем, он не имеет сколько-нибудь принципиального характера: всё равно эти женщины никакой роли в истории не сыграли. Гораздо важнее, что мы твердо знаем: у Агесилая был сын Архидам (он уже упоминался выше), будущий царь Архидам III.

Похоже, что были у него и другие сыновья. Выше говорилось о том, что Агесилай, согласно Плутарху, играл с детьми (τοῖς παιδίοις) в «лошадку». Заметим, что употребляется лексема во множественном числе и мужском роде, то есть, строго говоря, речь идет о «мальчиках». Конечно, существительное παῖς, маскулинное по умолчанию, могло, так сказать «привлекать род» (attractio generis). И всё же игры в «лошадку» со скачками на палочках представляются не самым вероятным развлечением для девочек, даже спартанских (если, конечно, не все спартанские девочки являлись копиями Киниски). Да и вряд ли уж даже очень любящий древнегреческий папаша стал бы увлеченно возиться с *дочерьми*: для этого была мать. Как бы то было, впрочем, только один сын Агесилая, Архидам, сыграл определенную роль в спартанской истории.

* * *

Гегемония Спарты, вроде бы только укрепившаяся после Анталкидова мира 387 г. до н.э., оказалась, тем не менее, недолговечной. Военно-политическая ситуация в Элладе очень скоро кардинально изменилась. Характерно, что в роли полиса, который бросил Спарте вызов и стал для нее наиболее опасным противником, на этот раз выступили Фивы – там недовольство спартанским засильем достигло апогея после того, как в Кадмее расположился гарнизон лакедемонян. В 379 г. до н.э. в Фивах произошел переворот, обычно характеризующийся как демократический. Последнее верно в том плане, что жесткая лаконофильская олигархия была свергнута; спартанскому гарнизону пришлось покинуть город.

Дикеарх написал известный перипл Псевдо-Скилака: *Shipley D.G.J.* Pseudo-Skylax and the Natural Philosophers // JHS. 2012. Vol. 132. P. 121–138.

[104] *Warmington E.H.*. Dicaearchus // The Oxford Classical Dictionary. 2 ed. Oxf., 1970. P. 338.

Во главе государства встали выдающиеся государственные деятели и полководцы – Эпаминонд и его друг Пелопид. По их инициативе Фивы возродили Беотийский союз под своим главенством. Эта в высшей степени централизованная симмахия включила в себя многочисленные полисы Беотии – богатой, плодородной, густонаселенной области – и в результате стала могучей военно-политической силой. Было создано прекрасное гоплитское войско, обученное с применением передовых приемов военного искусства и в своих лучших частях, как минимум, не уступавшее спартанскому. Впоследствии у фиванцев – впервые в их истории – появился собственный флот. Теперь они готовы были бороться с лакедемонянами на равных.

Подробнее об истории возвышения Фив, установления их гегемонии будет говориться в следующей главе, посвященной Эпаминонду. В данной же главе соответствующие события мы затронем лишь кратко и только в той степени, в какой они имели отношение к личной судьбе Агесилая. Хотелось бы в максимальной степени избежать повторений, хотя совершенно без них, видимо, обойтись не удастся, коль скоро приходится рассказывать об одном и тоже периоде, рассматривая его с разных точек зрения и в разных аспектах[105].

Спарта вначале недооценила всю серьезность угрозы, которую представляли для нее возродившиеся Фивы. Она не предприняла сразу же ответных действий в необходимом масштабе и упустила время, чем дала Беотийскому союзу усилиться.

Правда, не то чтобы никакой реакции со стороны лакедемонян вообще не последовало. Война Фивам была объявлена, войско для борьбы с ними направлено. Но командующим был не Агесилай. Последний «сослался на то, что он уже более сорока лет как числится в войске; люди такого возраста не обязаны участвовать в заграничных походах, и этот закон, по его мнению, сохраняет силу и по отношению к царям. Воспользовавшись этим поводом, он не принял участие в походе» (Xen. Hell. V. 4. 13).

Уже не в первый раз мы обнаруживаем Агесилая в роли полководца, который с помощью благовидных отговорок отказывается от ведения боевых действий! С одной стороны, формально-юридически он, возможно, был прав. Точнее говоря, прав ли он – этого доподлинно никто не знал, ибо, судя по контексту, ранее просто никому не приходило в голову применить закон о предельном призывном в возрасте к *царю* с его заведомо особым статусом. Вероятно, закон можно было трактовать и в таком смысле. Но главное-то, однако, в том, что на самом деле данный эпизод не стал, как можно было бы ожидать, концом военной карьеры нашего героя; напротив, мы еще неоднократно встретим его

[105] Ср. наши главы о Мильтиаде, Аристиде и Фемистокле в книгах АГ-1 и АГ-2, главы о Никии и Алкивиаде в АГ-3. В указанных случаях тоже приходилось вынужденно говорить об одних и тех же фактах по нескольку раз.

на полях сражений. Стало быть, дело однозначно не в том, что Агесилаю захотелось «на покой»; перед нами именно банальная отговорка.

Собственно говоря, это прекрасно понимали уже современники событий. Ксенофонт тут же пишет: «В действительности же он уклонился от участия в нем (в беотийском походе – И.С.) не по этой причине, но потому, что он не сомневался, что в случае, если он станет во главе похода, сограждане скажут, что он вовлекает государство в авантюры лишь ради того, чтобы помочь тиранам» (так тут названы свергнутые фиванские олигархи-лаконофилы). Плутарх (Ages. 24) вдобавок замечает еще, что Агесилай «незадолго до того... воевал с флиунтцами из-за изгнанников и теперь ему было неловко чинить насилие над фиванцами во имя дела тиранов». Действительно, недавно имевшая место расправа над Флиунтом после очень уж неравной борьбы над этим несравненно более слабым по сравнению со Спартой противником, несомненно, оставила негативное впечатление в греческом общественном мнении в целом, да, надо полагать, даже и в самой Спарте, где не совсем еще была искоренена древняя «рыцарственная» этика[106].

Ввиду отказа Агесилая войско возглавил второй царь Клеомброт. Но действовал он откровенно неудачно, уже в следующем году встал вопрос о смене командующего. Вариантов, кроме Агесилая, не имелось, и последний изменил свое прежнее решение. Интересно излагает дело Ксенофонт: «Лакедемоняне... объявили поход на фиванцев и, считая, что Агесилай более предусмотрительный полководец, нежели Клеомброт, просили его принять на себя начальствование в походе. Он ответил, что никогда не станет противоречить желанию всех граждан, и стал готовиться к отправлению» (Xen. Hell. V. 4. 35). Как будто бы ничего особого и не случилось, как будто бы еще недавно не имел места отказ Агесилая выполнить то же самое поручение! А ведь тогда это точно так же шло вразрез с «желанием всех граждан», которые, ясное дело, были заинтересованы, чтобы армией командовал более опытный и умелый из архагетов.

Более верно расставляет акценты Плутарх: «...Когда Агесилай увидел, что Клеомброт не расположен вести борьбу с фиванцами, он отказался от применения закона, которым воспользовался перед этим походом, и сам стал совершать набеги на Беотию» (Plut. Ages. 26). Мы цитируем херонейца по существующему переводу К.П. Лампсакова, который, как читателю уже доводилось замечать, является не особенно удачным, что и тут тоже проявляется. Так, в действительности у Плутарха сказано, что Клеомброт не особенно усердно (οὐχ… πρόθυμον ὄντα) воевал с фиванцами. У выражения «не был расположен вести борьбу» иной смысл. Кто не расположен чего-либо делать, тот этого и не делает, а Клеомброт все-таки вел военные действия, хоть и вяло. Далее, Агесилай не «отказался от применения» закона, а (так будет точнее сказать)

[106] О которой см.: *Lendon J.E.* Spartan Honor // PaP. P. 105–126.

проигнорировал этот закон, закрыл на него глаза (χαῖρειν… ἐάσας – идиоматическое выражение). Кстати, закон этот на самом деле был о военной службе (περὶ τῆς στρατείας), чего переводчик не понял и ошибочно посчитал, что Агесилай воспользовался этим законом «перед походом» (создав тем самым еще и смысловую путаницу), хотя предлог περί значения «перед» не имеет (во всяком случае, с генитивом уж точно). Наконец, в оригинале говорится, что Агесилай вторгся в Беотию (εἰς Βοιωτίαν ἐνέβαλεν); ни о каких «набегах» речь не идет, это были правильные военные действия.

Результат их удачно обозначил тот же Плутарх в цитированной выше главе своей биографии: «Он (Агесилай – И.С.) причинял много вреда фиванцам, однако и сам терпел от них немало». Решительных успехов достичь не удавалось: спартанцы разоряли вражеские территории, но кампании Агесилая не ознаменовались, крупным, генеральным сражением, которое одно только и могло бы внести коренные перемены в сложившуюся неясную ситуацию.

Дело опять затягивалось… В Спарте начали вспоминать о древнем правиле, восходящем будто бы еще к Ликургу и возбранявшем «выступать много раз против одних и тех же врагов, чтобы те не научились искусству ведения войны» (Plut. Ages. 26). Впоследствии поговаривали, что будто бы именно это-то и произошло в данном случае – спартанцы научили фиванцев хорошо сражаться, – хотя на самом деле, конечно, резкое военное усиление Фив было вызвано иными причинами, о которых будет говориться в следующей главе.

Агесилай провел в Беотии две кампании[107], а по возвращении из второй случилось следующее: «На пути из Фив, в то время как его войско находилось в Мегарах, он шел однажды из храма Афродиты в здание правительственных учреждений. Вдруг у него лопнула внутри какая-то жила, и кровь потекла из тела в здоровую, не хромую ногу. Голень необычайно раздулась и причиняла Агесилаю невыносимую боль. Тогда какой-то сиракузский врач вскрыл ему жилу около лодыжки. Кровь брызнула и, не переставая, текла целые сутки. Никакими средствами не удавалось остановить кровотечения, пока Агесилай не впал в беспамятство; тогда кровотечение само собой прекратилось. После этого Агесилай был отвезен в Лакедемон, где проболел все лето и зиму» (Xen. Hell. V. 4. 58).

Мы выходим на проблему странной болезни Агесилая, которой в исследовательской литературе как-то не уделялось особенного внимания. Почему мы называем эту болезнь странной? Поясним. Она будто бы мучила царя не только лето и зиму; несколькими строками выше Ксенофонт говорит: «Когда наступила следующая весна, Агесилай не мог уже выступить (в новый поход против Фив – И.С.): он был болен и лежал в постели».

[107] О них см.: *Buckler J., Beck H.* Op.cit. P. 96 ff.

Хорошо, это вполне допустимо, однако перелистаем несколько десятков страниц «Греческой истории» Ксенофонта – и встретим вот что: «Агесилай еще не оправился от болезни» (Xen. Hell. VI. 4. 18). Пассаж относится ко времени непосредственно вслед за битвой при Левктрах (371 г. до н.э.). А впервые проявился недуг Агесилая в 377 г. до н.э.

Болезнь ноги, тянущаяся не менее шести лет? Причем речь идет не о каком-то незначительном заболевании, а о серьезном недуге, который воспрепятствовал Агесилаю командовать дальнейшими походами в Беотию, и их опять пришлось возглавлять Клеомброту.

Автор этих строк, конечно, не медик. Но, думается, и любому «непосвященному» ясно: раз уж единственная здоровая нога Агесилая была поражена настолько серьезно, то у него не было каких-либо реальных шансов полноценно восстановить этот жизненно важный орган. Он остался бы инвалидом и никогда больше не вышел бы во главе спартанского войска помериться силами, допустим, с теми же фиванцами. Конечно, престола бы у него никто не отнял, но нам бы эту главу пришлось заканчивать с ламентацией примерно в том духе, что «в 377 г. до н.э. наш герой, даже не достигнув семидесятилетия, перестал играть значимую роль в военной истории».

Какое там! Мы еще встретим Агесилая в возрасте, перевалившем за восемьдесят, аж в Египте (и, естественно, в роли полководца). Чувствуется, здоровье ему было дано истинно спартанское. Полагаем, сограждане не жалели, что избрали в цари человека, который отнюдь не был юношей.

Так что же с болезнью ноги? Всё сказанное на протяжении целого ряда предыдущих страниц ведет нас к тому, что не в ноге было дело. То есть, безусловно, некая болезнь ноги у Агесилая случилась, но сделать из нее повод для нового «выключения» из военной деятельности еще на несколько лет – это уже было дело его доброй воли.

На самом деле перед нами последовательная линия, реализуемая разными способами. Ее проявления мы видели и раньше. Идти на Мантинею? Нет, мешают отцовские связи. Идти на Фивы? Нет, кончился призывной возраст. Снова идти на Фивы? Нет, страшно болит нога, и пусть ходит в походы молодой и здоровый Клеомброт.

В плане мотивации героя данной главы не лишним будет привести следующую констатацию Ксенофонта: «Успехами, выпавшими на долю Спарты, государство в равной мере было обязано и Агесилаю, и доблести своих сограждан[108]; что же касается неудач, случившихся после этого, то никто не смог бы сказать, что они произошли при управлении Агесилая» (Xen. Ages. 2. 23). Нас не покидает впечатление, что эти строки написаны Ксенофонтом, другом Агесилая, прямо-таки под диктовку последнего.

[108] Так в переводе В.Г. Боруховича. В действительности, конечно, государство не может иметь «сограждан».

Да, Агесилай хотел только побеждать. А *только побеждать* можно было в том числе и таким способом: по возможности уклоняться от участия в тех кампаниях, которые громких побед не сулят. Первым на нечто подобное пошел афинский полководец Никий, отказавшийся в 425 г. до н.э. от командования при Пилосе и Сфактерии[109], поскольку не был уверен в безусловном успехе.

А Агесилай, в отличие от Никия, жил уже в «пост-фукидидовскую» эпоху, когда – стараниями великого афинского историка – уже всем представителям древнегреческой политической элиты стало ясно, что только «служитель Клио» сделает их по-настоящему великими. И нужно, так сказать, не «подставляться» перед историографом, а предстать перед его глазами в наиболее выигрышном свете. При Агесилае был Ксенофонт, позиционировавший себя в качестве прямого наследника и продолжателя Фукидида; ну как было перед ним «упасть в грязь лицом»?

Никий в свое время думал о том, как его деяния оценит демос и не придется ли нести перед ним ответ. Агесилай думал уже и о том, как его деяния (и саму его личность) оценит потомство. Хорошо известен тот факт, что он препятствовал изготовлению его живописных или скульптурных изображений (Plut. Ages. 2; Mor. 210d). Тут, конечно, нельзя исключить и политический мотив (противопоставление себя «зазнавшемуся» Лисандру), но нужно помнить и о том, что миновал V в. до н.э., когда изображали идеализированных «Периклов в шлеме», наступило время подчеркнутого натурализма в искусстве. Натурализм этот был даже утрированным, художники не только не уходили от воспроизведения физических недостатков своих натурщиков, но, пожалуй, едва ли не акцентировали эти недостатки. Агесилай, как мы знаем, не был красавцем, не имел «героической» внешности. Невысокий, щуплый, хромоногий... Конечно, не хотелось ему, чтобы такой его вид остался в памяти будущих поколений. Пусть уж лучше не останется никакого! Пусть вспоминают только славные деяния...

И царь добился своего. Плутарх (Ages. 2) указывает: «Мы не имеем ни одного изображения Агесилая».

Тем временем Фивы продолжали усиливаться. Определенную опасность в глазах спартанцев могли представлять и Афины, которые в 378 г. до н.э. восстановили симмахию под своим главенством (Второй Афинский морской союз)[110], имевшую то отличие от Архэ предыдущего столетия, что она задумывалась (по крайней мере, изначально) как объединение более мягкого и равноправного характера, без «имперских» черт, без эксплуатации союзников и т.п.

---

[109] АГ-3. С. 113 слл.

[110] Комментированную подборку русских переводов важных эпиграфических документов, отразивших историю этого союза, см.: *Маринович Л.П.* Второй Афинский морской союз // МГОДА. Ч. 2. С. 82–113.

Создай в тот момент Афины и Фивы (оба полиса были теперь гораздо сильнее, чем еще недавно, в период Коринфской войны) антиспартанскую коалицию – и лакедемонянам уже тогда пришлось бы очень несладко. Но вот этого-то не могло произойти ни при каких обстоятельствах. Хотя афиняне и оказали определенную поддержку фиванским демократам при перевороте 379 г. до н.э., но уже вскоре об этом пожалели. Мощь объединенной Беотии стала чрезвычайно страшить их. Страшить сильнее, чем Спарта. В конце концов, та была далеко, а Беотийский союз грозно нависал над самыми границами Аттики.

Афинская внешнеполитическая линия претерпела коренные изменения, и «город Паллады» начал склоняться к мирным, дружественным отношениям к Лакедемону, в перспективе – к совместным действиям против Фив. Резкое ухудшение отношений демократических Афин с демократическими же Фивами, сближение их со Спартой, имевшей совершенно иное политическое устройство... Эти факты, между прочим, достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что межполисная борьба не была, вопреки распространенному мнению, «борьбой систем». Считать, например, что Пелопоннесская война являлась конфликтом между «афинской демократией» и «спартанской олигархией» по принципиально-идеологическим мотивам, означает некритически переносить в античность реалии гораздо более позднего времени. На самом деле речь, конечно, следует вести о споре за гегемонию, как применительно к V, так и применительно к IV в. до н.э.

На этом фоне в 371 г. до н.э. в Спарте состоялся крупный межполисный конгресс, целью которого ставилось заключение всеобщего мира. Рассказы Ксенофонта и Плутарха об этом мероприятии очень сильно разнятся между собою, не имеют практически ничего схожего. Вопреки обыкновению, начнем с плутарховского свидетельства, поскольку оно более рельефно.

«В Лакедемон съехались посольства изо всех концов Греции для обсуждения условий договора. В числе послов был Эпаминонд... Видя, что все прочие пресмыкаются перед Агесилаем, он один решился выступить с откровенной речью, в которой говорил не только об интересах фиванцев, но и об общем благе всей Греции. Он указал, что... мир должен был основан на началах всеобщего равенства и справедливости, что он будет прочным лишь в том случае, если все будут между собой равны» (Plut. Ages. 27).

Далее у Плутарха приводится перепалка между Агесилаем и Эпаминондом. Спартанский царь заявил, что при подобных требованиях «всеобщего равенства и справедливости» фиванцы в первую очередь должны распустить Беотийский союз, предоставить городам Беотии независимость. Это замечание, во всяком случае, было резонным, уличавшим Фивы в непоследовательности их позиции.

Однако Эпаминонд в ответ потребовал – ни много, ни мало, – «чтобы и жители Лаконии получили независимость». Речь шла об освобождении городов

периэков, уже много веков инкорпорированных в спартанский полис[111]. Не удивительно, что Агесилай «в страшном гневе вскочил с места» от подобной невиданной наглости. Фиванский лидер как будто не понимал (на самом деле, конечно, просто делал вид), что речь идет о принципиально разных вещах. Одно дело – ликвидировать симмахию, пусть даже централизованную; совсем иное дело – «отпустить на волю» части полиса, что, несомненно, привело бы к распаду самого этого полиса.

«Агесилай был возмущен и охотно ухватился за удобный предлог для того, чтобы немедленно вычеркнуть фиванцев из списка заключивших мирный договор и объявить им войну. Всем прочим грекам он предложил, заключив мир, разойтись по домам» (Plut. Ages. 28).

Так у Плутарха. А что мы имеем у Ксенофонта? Совершенно иную картину. В ней вообще отсутствует Эпаминонд (возглавлявший фиванскую делегацию), который чувствуется, был настолько неприятен историку-лаконофилу, что тот не упоминает его даже в связи с битвой при Левктрах!

Рассказ Ксенофонта о конгрессе начинается с зачем-то очень детального пересказа речей афинских послов Каллия, Автокла и Каллистрата, несмотря на то, что эти выступления особо судьбоносными не были (в отличие от речи Эпаминонда). Подробно останавливаясь на второстепенном, автор затем как бы «скомкивает» главное:

«Фиванцы были внесены в список государств, давших клятву (т.е. при подписании мирного договора – И.С.), но на следующий день их послы вернулись и потребовали, чтобы в списке поклявшихся слово “фиванцы” было зачеркнуто и заменено словом “беотийцы”. На это Агесилай отвечал, что он не станет ничего поправлять в документе, на верность которому они уже поклялись и под которым уже подписались. Если же они не хотят участвовать в мирном соглашении, то он может их, если угодно, вычеркнуть. Таким образом, все прочие заключили между собой мир, и только с фиванцами оставались враждебные отношения... Фиванцы же удалились в весьма мрачном настроении» (Xen. Hell. VI. 3. 19–20).

Легко заметить, что данная версия куда более неприязненна по отношению к Фивам. Но, впрочем, тут перед нами как раз такой случай, когда приходится предпочесть сообщение Плутарха, хоть он и более поздний автор, сообще-

[111] О статусе этих городов см.: *Shipley G.* “The Other Lakedaimonians”: The Dependent Perioikic Poleis of Laconia and Messenia // The Polis as an Urban Centre and as a Political Community. Copenhagen, 1997. P. 189–281; *Hall J.M.* Sparta, Lakedaimon and the Nature of Perioikic Dependency // FSAGP. P. 73–89; *Hansen M.H.* The Perioikic *Poleis* of Lakedaimon // Once Again: Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart, 2004. P. 149–164; *Wallner B.* Die Perioiken im Staat Lakedaimon. Hamburg, 2008. О периэках в целом см.: *Зайков А.В.* К вопросу о статусе лакедемонских периэков. I // Исседон. 2003. Т. 2. С. 16–44; *он же.* К вопросу о статусе лакедемонских периэков. II // Исседон. 2005. Т. 3. С. 69–85.

нию Ксенофонта, в котором так и сквозит тенденциозность. Точнее, скажем так: оба свидетельства могут быть согласованы. Видимо, и то, о чем говорит Плутарх, и то, о чем говорит Ксенофонт, действительно имело место на конгрессе. Причина разногласий между двумя авторами – в том, что каждый из них выбрал в качестве наиболее характерного факта то событие, которое было ему милее.

Плутарх, беотиец и беотийский патриот, с удовольствием поведал о громкой речи Эпаминонда, о споре его с Агесилаем. А потом только мимоходом упомянул о некоем «предлоге» (πρόφασις), которым воспользовался спартанский царь, чтобы исключить Фивы из мирного договора и остаться с ними в состоянии войны. А в чем именно заключался сей предлог – никак не разъяснил. Ксенофонт же, напротив, опустил изложение основных дебатов, но зато сосредоточился именно на оном предлоге: представители Фив потребовали post factum, чтобы в договоре значились не «фиванцы», а «беотийцы». Это, разумеется, было продолжением той линии Эпаминонда, которую он вел на протяжении всего конгресса: добиться признания Беотии как единого государства (и, соответственно, субъекта тогдашнего межгосударственного права), подобного, допустим, спартанскому полису, включавшему всю Лаконику (плюс еще Мессению).

Если не учитывать этот важный нюанс, вся описываемая ситуация предстанет какой-то абсурдной: война, положившая, как известно, конец гегемонии Спарты, разгорелась вроде бы из-за мелочи, из-за того, какая формулировка будет стоять в договоре: «фиванцы» или «беотийцы». Нам теперь это действительно кажется малозначащей мелочью, но для участников тогдашних событий мелочью отнюдь не было.

Одним словом, Ксенофонт осветил для нас тот формальный нюанс, который повел к исключению Фив из договора, а Плутарх рассказал о разногласиях по существу. Схожим же в их свидетельствах является то, что оба подчеркивают роль, которую играл на конгрессе Агесилай. Оба писателя однозначно подразумевают, что на съезде представителей эллинских полисов он был, если так можно выразиться, «первой скрипкой в оркестре», или, вернее, даже «дирижером». Всё (за исключением неожиданного демарша Эпаминонда) делалось по его указке. Удивляться этому не приходится: кто был в тогдашнем греческом мире авторитетнее, чем пожилой (73 года или около того) еврипонтидский архагет? Пожалуй, из его современников разве что Дионисий Старший Сиракузский мог сравниться с ним в этом отношении, но Дионисий был далеко и не принимал очень активного участия в делах балканских эллинов.

Видимо, Агесилай и официально председательствовал на конгрессе. Получается, что болезнь ноги отнюдь не мешала ему делать это (и даже

«в страшном гневе вскочить с места»[112]). Но по-прежнему мешала (или якобы мешала?) командовать, так что в новый поход на Беотию, имевший целью немедленно покарать «бунтовщиков», дать им наконец подобающий «урок», отправился вновь Клеомброт. Данная кампания завершилась, как известно, разгромом спартанцев при Левктрах.

Об этой битве резоннее говорить в главе об Эпаминонде, а не об Агесилае, тем более что последний и участия в ней не принимал. Здесь отметим то, что в числе павших был и сам Клеомброт[113], так что агиадский престол который уж раз за относительно недолгий промежуток времени оказался вакантным. Вначале его занял старший сын Клеомброта Агесиполид II, но ему было даровано лишь очень краткое царствование, и уже в следующем году он скончался бездетным. Архагетом по этой линии стал Клеомен II, младший сын Клеомброта. Получается, что это был уже пятый по счету (!) соправитель Агесилая – после Павсания, Агесиполида I, Клеомброта и Агесиполида II. Но Клеомену II наконец повезло в плане долголетия; его правление (370–309 гг. до н.э.) оказалось одним из самых продолжительных в спартанской истории. Но, впрочем, и одним из самых малозначительных: судя по всему, никакими особыми талантами этот Клеомен не выделялся, в отличие от своих тезок, известных как Клеомен I и Клеомен III.

Но вернемся к последствиям битвы при Левктрах. Главное было даже не в том, что погиб царь (хотя и данный факт был почти беспрецедентным: своих архагетов лакедемоняне вообще-то сильно берегли). Само поражение было одним из самых крупных в спартанской истории. Результат сражения окончательно развеял миф о непобедимости спартанских сухопутных сил, а главное – в корне изменил всю военно-политическую ситуацию в Греции (в чем и заключается основное исторические значение левктрского дела. Появился новый полис-гегемон: от Спарты эта роль перешла к Фивам.

Нельзя сказать, что это случилось совершенно неожиданно. Напротив, – как говорится, к тому всё шло. Перед нами закономерный итог определенного развития событий. Тем не менее всеобщий шок, конечно, был силен. О том, как отреагировали на катастрофу в самом Лакедемоне, ярко рассказывает Ксенофонт:

---

[112] …ἀναπηδήσας ὁ Ἀγησίλαος μετ᾽ ὀργῆς… (Plut. Ages. 28).

[113] В литературе он фигурирует то как Клеомброт I, то как Клеомброт II. Это зависит от того, как мы расцениваем статус другого носителя того же имени, жившего около века назад. Тот Клеомброт, также из Агиадов, являлся младшим братом Леонида и после гибели последнего некоторое время был у власти, однако вскоре и сам скончался (см.: АГ-2. С. 118–119). Нет полной ясности с тем, выступал ли он в качестве царя или же регента при племяннике Плистархе, сыне Леонида. Ныне нам, пожалуй, представляется более вероятным второе.

«...Был отправлен вестник в Лакедемон, чтобы известить лакедемонян о постигшем их несчастии. Он прибыл туда в последний день Гимнопедий, когда выступал хор мужчин. Эфоры, узнав о случившейся беде, были, конечно, очень огорчены; тем не менее, они не распустили хора, а дали ему исполнить полагающееся до конца. Имена погибших были сообщены только ближайшим родственникам каждого; при этом женщинам было предписано не подымать крика и переносить горе молча. На следующий день тех женщин, у которых погибли родственники, можно было повсюду видеть на людях наряженными и с сияющими лицами, те же, которые получили известие, что их близкие живы, только изредка показывались вне домов и имели нахмуренный и унылый вид» (Xen. Hell. VI. 4. 16). Плутарх (Ages. 29) говорит о том же самом, разве что прибегая к некоторым риторическим украшениям в духе амплификации.

Все-таки высокого духа у спартанцев было еще долго не отнять даже после того, как политическое величие их государства начало рушиться. Века, в течение которых в душах юношества воспитывались стойкость, презрение к тяготам, не могли не дать о себе знать. Даже после подобного разгрома не отменить и не прервать праздничные мероприятия, сделать вид, будто ничего особо серьезного и не произошло – это, следует полагать, было действительно нелегко. Впрочем, нужно помнить и вот о чём. Как известно, любой праздник в греческих полисах был религиозным событием и воспринимался как дело, угодное прежде всего богам. Не свершить подобающие акты богопочитания означало бы осквернить небожителей. А в тот грозный момент «ссориться» с олимпийцами уж никак не подобало, их поддержка была необходима как никогда[114]. Спартанцы, славившиеся своим традиционным благочестием, видимо, даже без долгих размышлений интуитивно ощутили, что празднество должно продолжаться. Это не современное “show must go on”, это совершенно иное и куда более глубокое отношение к вещам.

Далее, и радость тех женщин, у которых погибли близкие, и уныние тех, у которых близкие остались в живых, – это тоже не какая-то лицемерная маска, не желание «делать хорошую мину при плохой игре». Нужно учитывать не только спартанский менталитет, но и спартанские правовые нормы. Этих выживших, согласно законам, должны были подвергнуть наказанию. Знаменитого правила «со щитом или на щите» никто не отменял. Считалось, что воин, не погибший в битве, которая завершилась поражением, тем самым заведомо проявил трусость. Подобных «убоявшихся», как их называли, фактически лишали гражданских прав и до конца жизни подвергали общественному презрению. «Такие “убоявшиеся” по закону не только лишаются права занимать какую-ли-

[114] Напомним, что в 480 г. до н.э. Олимпийские игры не были отменены и проводились по полной программе, несмотря на то, что как раз в то время полчища Ксеркса двигались к «сердцу» Эллады.

бо должность, но считается позорным вступать с кем бы то ни было из них в родство по браку. Каждый, кто встречает их, может их ударить. Они обязаны ходить жалкими, неопрятными, в старом, потертом плаще с разноцветными заплатами и брить только полбороды» (Plut. Ages. 30).

Сложность ситуации заключалась в том, что после такого разгромного поражения, которое случилось при Левктрах, весьма большое количество граждан должно было оказаться в столь унизительном статусе, подчеркивавшемся даже внешним видом. Плутарх замечает, что это было чревато восстанием. Возможно, да и, во всяком случае, в трудную минуту государство не могло позволить себе «разбрасываться» своими воинами.

Как было выйти из положения, но при этом и не пошатнуть в спартанском гражданском коллективе пиетета перед законами? Хитроумный и притом достаточно благочестивый выход придумал как раз герой этой главы. «В этих обстоятельствах спартанцы избрали Агесилая законодателем. Не прибавив, не вычеркнув и не изменив ничего в законах, он пришел в народное собрание и сказал: "Сегодня нужно позволить спать законам, но с завтрашнего дня и впредь законы эти должны иметь полную силу". Этим он не только сохранил государству законы, но и гражданскую честь – всем тем людям» (Plut. Ages. 30).

Перед нами очередное запомнившееся, ставшее знаменитым изречение Агесилая. Оно содержит в себе метафору, напрямую порожденную характерное для древнегреческого правосознания в целом (во всяком случае, в IV в. до н.э. – уже точно) в известной мере персонифицированное отношение к законам[115].

Что бы там ни происходило, жизнь продолжалась. Когда в Спарте был объявлен новый поход, предводителем был назначен Архидам, сын Агесилая, – как указывает Ксенофонт (Hell. VI. 4. 18), будто бы по той причине, что сам Агесилай еще не оправился от болезни. Выше мы уже высказывали сомнения относительно того, что болезнь эта была настолько уж серьезной. Она не помешала царю ни председательствовать на мирном конгрессе в Спарте, ни выполнить роль законодателя после битвы при Левктрах; более того, уже вскоре после того Агесилай командовал-таки войском (Xen. Hell. VI. 5. 10 sqq.) – в кампании против Мантинеи, граждане которой, воспользовавшись изменением обстановки, нарушили прежнее спартанское распоряжение о диойкизме и решили вновь создать единый полис (Xen. Hell. VI. 5. 3 sqq.).

Подозреваем, что сразу же после Левктр лакедемоняне не поставили Агесилая военачальником по несколько другой причине, на которую смутно намекает Плутарх (Ages. 30). Он говорит, что ввиду постигших Спарту несчастий в ней вновь получило хождение старое пророчество о «хромом царствова-

[115] Ср. на афинском материале: *Суриков И.Е.* О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // ДП. 1999. № 2 (5). С. 34–42.

нии». Неудачи, в том числе военные, всегда являются питательной средой для развития разного рода суеверий (достаточно вспомнить религиозную истерию и судебные процессы против «нечестивцев» в Афинах эпохи Пелопоннесской войны[116]). Не остался в стороне от этого поветрия и Лакедемон, что не удивительно: таких бед на этот полис еще не обрушивалось в течение всей его истории. И так получилось, что «черная полоса» пришлась на царствование Агесилая, приход которого к власти, как мы помним, был связан с острыми дебатами по вопросу о том, как следует понимать волю богов, выраженную в прорицании. Волей-неволей люди задумывались: а вдруг в нем имелась в виду все-таки хромота в самом прямом смысле слова?

Впрочем, если такого рода настроения и возобладали на какое-то время, то лишь на очень недолгое. Агесилай отнюдь не оказался в опале; ему предстояло еще играть значимую роль в спартанской истории.

* * *

Фиванцы, воодушевленные победой, очень скоро сами перешли в наступление, приступили к дальнейшему развитию достигнутых успехов. С 370 г. до н.э. и на протяжении почти десятилетия мощное войско Беотийского союза, доходившее временами до 60 тысяч и более, неоднократно вторгалось на территорию Пелопоннеса и наносило спартанцам поражение за поражением. Командовал беотийской армией почти всегда Эпаминонд.

В новых условиях Пелопоннесский союз фактически распался. Из него вышли полисы Аркадии, которые ранее обеспечивали значительную часть союзных вооруженных сил. Они по инициативе Фив создали новое военно-политическое объединение – Аркадский союз, враждебный Спарте и дружественный Беотии. В юго-западной части области аркадян была основана их новая столица – город Мегалополь.

Тяжелейшей утратой для спартанцев стала потеря Мессении, давным-давно завоеванной ими и считавшейся неотъемлемой частью лакедемонского полиса, воспринимавшейся самими спартиатами как их законное владение по праву победителей. Теперь эта область была в результате походов Эпаминонда объявлена независимой[117], мессенские илоты после четырех веков спартанского господства получили наконец свободу. Восстановили древнюю столицу Мессену. Ясно, что внешнеполитическая ориентация нового государства тоже могла быть только подчеркнуто антиспартанской.

---

[116] Об этих процессах см. (со ссылками на источники и на важнейшую литературу): *Суриков И.Е.* Эволюция религиозного сознания... С. 99 слл.

[117] *Siapkas J.* Heterological Ethnicity: Conceptualizing Identities in Ancient Greece. Uppsala, 2003. P. 120 ff.; *Luraghi N.* The Ancient Messenians: Constructions of Ethnicity and Memory. Cambridge, 2008. P. 209 ff.

В результате спартанский полис сразу вдвое уменьшился по территории, причем за счет наиболее плодородных мессенских земель, что, естественно, стало одним из факторов ухудшения экономической ситуации. Да и в целом Спарте было не позавидовать. Вместо союзников ее теперь отовсюду окружали враги. Даже полководческий и дипломатический талант Агесилая не мог предотвратить катастрофы.

Надо сказать, что Агесилай всё чаще препоручал командование войском в зарубежных походах своему сыну Архидаму. Последний был уже зрелым мужем, причем вырос в действительно талантливого полководца. Это под его водительством спартанцы одержали победу в знаменитой битве с аркадянами, которую называли «бесслёзной» (Plut. Ages. 33) – по той причине, что со стороны лакедемонян не было ни одного воина (!), павшего в ней. Впрочем, слезы по поводу этого громкого успеха все-таки пролились, но это были слезы иного рода. «Передают, что, когда спартанцы услышали эту весть, они все залились слезами, включая Агесилая, геронтов и эфоров; настолько одинаково выражается у людей и горе и радость», – философски замечает Ксенофонт (VII. 1. 32).

Плутарх же в связи с описываемыми событиями делает замечание совсем в другом духе: «Эта битва была самым лучшим доказательством того, как обессилела Спарта. Прежде победа над врагами считалась таким обычным делом, что в честь ее не приносили никаких жертв, кроме петуха; возвратившиеся из сражения не испытывали особенной гордости, и весть о победе даже никого особенно не радовала» (Plut. Ages. 33). Может быть, тут и есть некоторое преувеличение, которое херонейский биограф позволил себе контраста ради; но в целом, конечно, было ясно, что времена для Спарты изменились.

Плутарх в той же главе указывает, что «Агесилай отказался впредь от командования в походах из-за своего преклонного возраста». Ну, нам уже не впервой читать об очередном завершении военной карьеры нашего героя, и мы знаем, что все такие заявления нужно воспринимать cum grano salis. Но, как бы то ни было, в 360-е гг. до н.э. Агесилай действительно по большей части оставался в Спарте, руководя обороной города.

А ведь теперь действительно – впервые за много веков – встал в полный рост вопрос именно об *обороне* Спарты. Раньше об этом как-то и не приходилось особенно думать: враги не вторгались на территорию Лаконики, не подходили близко к «бесстенному городу», который, собственно, благодаря этому и мог позволить себе роскошь оставаться бесстенным. Отсутствие оборонительных укреплений было важной частью «спартанского дискурса» – не только для самих лакедемонских граждан, но и повсюду в Элладе. В связи с этим было сочинено немало различных афоризмов, которые можно встретить, например, и в плутарховом жизнеописании Агесилая. «...Доряне занимали Лакедемон уже в продолжение не менее шестисот лет, и за весь этот период еще ни один враг не отважился вступить в их страну... Еще ни одна лакедемонская женщина не

видела дыма вражеского лагеря. Говорят, что и Анталкид в споре с афинянином о храбрости, когда тот сказал: "А мы вас часто отгоняли от Кефиса", – ответил: "Но мы вас никогда не отгоняли от Еврота". Подобным же образом один ничем не замечательный спартанец в ответ на замечание аргивянина: "Много вас лежит погребенными в Арголиде", возразил: "Но ни один из вас – в Лаконии"» (Plut. Ages. 32).

Впрочем, всё это, конечно, уже элементы «спартанского миража»[118], складывавшегося постепенно, на протяжении веков. У Ксенофонта – современника событий, которые здесь описываются, – пафоса, подобного плутарховскому, мы не встретим, он пишет гораздо более трезво и сдержанно. Плутарх же мог уже и преувеличивать; так, что касается утверждения, будто бы нога вражеского воина не ступала на территорию Лаконики целых шестьсот лет, – тут, нам кажется, всё-таки «перебор». Но тот факт, что спартанцы ощущали себя в гораздо большей безопасности, нежели жители любого другого полиса Эллады, разумеется, сомнению не подлежит. Безопасность порождалась отчасти удачным географическим положением Спарты – на самой южной оконечности Балканской Греции. Особенно после покорения Мессении лакедемонское государство вообще не имело границ с соседями, через которые можно было бы ожидать каких-то нападений, ни с юга, ни с запада, ни с востока. Но вторым фактором, вносившим свой вклад в поддержание многовековой безопасности, была, естественно, репутация спартанских гоплитов как лучших, непобедимых воинов.

Но теперь и в том, и в другом отношении времена изменились. И Мессения была потеряна, что увеличило для Спарты протяженность границ, причем это были границы с врагами; и «оцепенение кролика перед удавом», которое испытывали другие полисы по отношению к Спарте, после Левктр прошло. Эпаминонд был первым, кто решил показать, что Лаконика больше не является запретной зоной.

В 369 г. до н.э. он во главе мощнейшего семидесятитысячного войска (в котором только гоплитов было не менее сорока тысяч – из Беотии, Аркадии, Мессении) вторгся непосредственно в лаконские пределы и подошел к Спарте. Это было, безусловно, самое опасное из всех фиванских нападений. Впервые со времен почти незапамятных неприятель стоял совсем рядом, буквально за Евротом.

О дальнейших событиях мы имеем, как водится, рассказы Ксенофонта и Плутарха. В первом не упоминаются ни Агесилай, ни Эпаминонд. Кампания, согласно Ксенофонту, разворачивалась следующим образом: фиванцы берут Селласию (местечко севернее Спарты), затем разбивают лагерь на левом берегу Еврота, причем не предпринимают попытки перейти реку по мосту, поскольк-

[118] Известное выражение Ф. Олье (*Ollier F.* Op.cit.).

ку последний охраняется спартанцами, а лишь грабят и разоряют предместья. Потом они все-таки переправляются через Еврот в районе Амикл, то есть несколько южнее Спарты, пытаются пойти на город, но спартанцы их отбивают, и беотийцы отходят на юг области, где овладевают портом Гифием. С наступлением зимы они с богатой добычей удаляются из Лаконики (Xen. Hell. VI. 5. 27–32, 49–50).

Куда более живым является описание Плутарха (Ages. 31–32). Биограф не жалеет красок, обрисовывая серьезность нависшей над городом угрозы и панику, которой поддались жители города. Если Ксенофонт лишь сухо замечает: «В городе женщины теряли спокойствие духа, видя дым от этих пожаров (горели подожженные фиванцами здания на другом берегу Еврота – И.С.), так как они еще никогда не видели врагов» (Xen. Hell. VI. 5. 28), – то вот что встречаем у Плутарха: «...царивший в городе переполох, вопли и беспорядочные метания пожилых людей, негодовавших по поводу случившегося, и женщин, которые не могли оставаться спокойными и совершенно обезумели от крика неприятелей и вида их костров». Сказано, в сущности, то же самое – но насколько нагнетены «ужасы войны»!

Плутарх приводит еще несколько немаловажных деталей. Агесилай принял решение не поддаваться на провокации противника, не идти на генеральное сражение, а ограничиться стойкой обороной ключевых пунктов в центральной части Спарты, что и принесло свои плоды. Еврот разлился шире обыкновенного из-за обилия снегов на горах, именно поэтому фиванцы и не смогли переправиться через него в самом городе. Херонеец вообще не говорит о том, что они все-таки перешли реку, хотя и в другом месте.

Тут же у Плутарха содержится еще один занятный пассаж – отзыв одного великого грека о другом (если, конечно, он аутентичен): «Агесилаю указали на Эпаминонда, который выступал перед строем; как говорят, он долго смотрел на фиванского полководца, провожая его глазами, однако сказал лишь: “Какой беспокойный человек (ὦ τοῦ μεγαλοπράγμονος ἀνθρώπου)!”» (Plut. Ages. 32). Типично спартанское суждение...

Наконец, Плутарх сообщает версию Феопомпа, согласно которой Агесилай подкупом побудил фиванцев покинуть Лаконику, послав им взятку в десять талантов (Theopomp. FGrHist. 115. F323). Правда, сам биограф этой информации не доверяет, иронически замечая: «Но я не понимаю, как мог один лишь Феопомп знать об этом, в то время как остальным это осталось неизвестным».

Как бы то ни было, самого страшного не произошло, опасность миновала. Тем не менее сам тот факт, что судьба Спарты одно время «висела на волоске», стал, конечно, для ее граждан страшным шоком. В городе возникло даже несколько заговоров профиванской ориентации. Их детали ускользают от нас, поскольку Непот (Ages. 6) и Плутарх сообщают об этих событиях только в весьма смутной форме; возможно, большего не знали и они сами. Плутарх

указывает, что с заговорами было непросто покончить, и Агесилаю пришлось прибегнуть к экстраординарно жестким мерам: «...Агесилай, посовещавшись с эфорами, приказал убить их (заговорщиков – И.С.) без суда, хотя прежде ни один спартанец не подвергался смертной казни без судебного разбирательства» (Plut. Ages. 32).

Одним словом, Спарта буквально шаталась. Шаталась, но не рухнула: даже после всех нанесенных ей поражений она была еще достаточно сильна, и окончательно уничтожить ее Эпаминонду не удалось. Нужно помнить и о том, что на стороне Спарты, а не Фив были теперь сильные Афины. Да и Аркадия не демонстрировала больше такого антиспартанского единства, как в первый период военных действий беотийцев в Пелопоннесе. Аркадский союз раскололся на две коалиции – лаконофильскую и поддерживавшую фиванцев.

Среди полисов Аркадии издавна выделялись два наиболее сильных: Тегея и Мантинея[119]. Они, естественно, соперничали за первенствующее положение в области и систематически конфликтовали, что нередко ставило их «по разные стороны баррикад» в общегреческих отношениях. Из названных городов Тегея обычно проявляла бóльшую верность Спарте, а Мантинея позволяла себе «фрондировать» – и в период Пелопоннесской войны, и в период Коринфской войны. Как мы помним, в определенный момент спартанцы даже решили фактически ликвидировать мантинейское государство и провели его диойкизм, но в 360-х гг. до н.э. Мантинея возродилась. Тогда же в Аркадии возник третий значительный центр – Мегалополь. Он вообще замышлялся в качестве аркадской столицы, но стал в результате лишь одним из относительно крупных полисов.

Во второй половине 360-х гг. до н.э. Аркадия разделилась следующим образом: Тегея и Мегалополь[120] продолжали держать фиванскую сторону, а Мантинея (и с нею ряд других городов области) возобновила союз со Спартой. Всё было не так, как прежде, в стремительно изменявшейся внешнеполитической обстановке подвергались неожиданным переменам старинные пристрастия...

Описываемые события повели в конечном счете к кампании 362 г. до н.э., последней в череде спартано-фиванских войн. Эпаминонд в очередной раз привел беотийское войско в Пелопоннес. Спартанская армия выступила навстречу, дабы встретиться в районе Мантинеи. И Ксенофонт (Hell. VII. 5. 9), и Плутарх (Ages. 34) специально оговаривают, что возглавлял лакедемонян лично Агесилай. Как видим, ни возраст (царю было за восемьдесят!), ни прежние

[119] Об их взаимоотношениях в рассматриваемые годы см.: *Roy J.* Problems of Democracy in the Arcadian Confederacy 370–362 BC // AltA. P. 308–326.

[120] *Тюряхин И.Н.* Взаимоотношения Мегалополя со Спартой в IV–I вв. до н.э. // ИИАО. Вып. 12. Нижний Новгород, 2009. С.74 слл.

неоднократные уклонения от командования не мешали ему в трудную минуту принять на себя ответственность.

Эпаминонд, узнав, что силы противника покинули Спарту, пошел на хитрость и ночным маршем двинулся на беззащитный город. Это была уже вторая попытка фиванцев взять «оплот древней доблести», и опять безуспешная: «Агесилай узнал об этом (о внезапном рывке врагов – И.С.) заблаговременно и успел вовремя вернуться в город» (Xen. Hell. VII. 5. 10). О дальнейших перипетиях битвы, шедшей прямо на спартанских улицах, Ксенофонт, по обыкновению, рассказывает достаточно сухо, а Плутарх – красочно: «...фиванцы перешли Еврот и совершили нападение на город. Агесилай отбивался не по возрасту решительно и ожесточенно, так как видел, что спасение теперь уже не в осмотрительной обороне, но в безоглядной отваге. Такой отваге он никогда раньше не доверял и не давал ей воли, но теперь лишь благодаря ей отразил опасность, вырвал город из рук Эпаминонда, поставил трофей и показал детям и женщинам, что лакедемоняне самым достойным образом платят отечеству за то воспитание, которое оно им дало» (Plut. Ages. 34).

Буквально через несколько дней произошло крупное сражение при Мантинее, ставшее последним актом спартано-фиванского противостояния. В нем Агесилай не участвовал, войском Спарты командовал его сын Архидам. Поэтому скажем здесь о битве достаточно кратко – но не сказать о ней вовсе ничего просто нельзя, ввиду ее большого исторического значения.

Сражение шло долго, довольно хаотично и очень тяжело для обеих сторон. Она окончилась «вничью»: ни спартанцы, ни фиванцы после нее не признали поражения. Традиционно победу приписывают все-таки Фивам, но для последних исключительно негативным последствием боя стало то, что в нем погиб «архитектор» фиванских побед – великий Эпаминонд.

В предыдущей книге данного цикла[121] мы цитировали полностью обширный пассаж, завершающий «Греческую историю» Ксенофонта и подводящий итог как битвы при Мантинее, так и войн за гегемонию в целом. Не будем повторяться, но все-таки последнюю фразу этого пассажа привести, наверное, необходимо: «Это сражение внесло еще большую путаницу и замешательство (ἀκρισία δὲ καὶ ταραχή) в дела Греции, чем было прежде» (Xen. Hell. VII. 5. 27).

Здесь точно охарактеризованы результаты противостояния. Гегемония Спарты, как мы знаем, осталась в прошлом, причем навсегда[122]. Однако после Мантинеи стало ясно, что и Фивы, истощенные чрезмерным напряжением сил, в значительной мере утратили свое влияние. Они по-прежнему оставались

[121] АГ-3. С. 30.

[122] Не случайно именно Мантинейской битвой завершается изложение в известной книге: *Cartledge P.* Sparta and Lakonia: A Regional History 1300–362 BC. 2 ed. L. – N.Y., 2002.

сильным, авторитетным полисом, центром Беотийского союза, но не могли уже реально быть гегемоном всех греков. Афины, которые попытались было занять опустевшую позицию «первого», опираясь на Второй морской союз, тоже успеха не имели: уже вскоре, в ходе так называемой Союзнической войны (357–355 гг. до н.э.) союз почти полностью распался.

Одним словом, к середине IV в. до н.э. (даже чуть раньше) полностью выявилась несостоятельность притязаний какого-нибудь одного полиса (будь то Спарта, Фивы, Афины...) на гегемонию в Греции. Если для периодов Пентеконтаэтии и Пелопоннесской войны было характерно «биполярное» мироустройство, а для последующих нескольких десятилетий – система с одним центром силы, то теперь можно было говорить о «полицентризме». Эллада превратилась в скопище крупных и мелких государств, почти постоянно воюющих друг с другом. Внешнеполитическая ситуация значительно усложнилась, в ней нарастали хаос, непредсказуемость. Центростремительная (партикуляристская) традиция возобладала над объединительной (гегемонистской, «империалистической»)[123].

По сути дела, происходил распад всей системы межполисных отношений. Старинные, веками выработанные институты урегулирования конфликтов в новых условиях оказывались несостоятельными. Гегемониальные претензии крупнейших центров силы потерпели крах. Практически каждый, даже самый маленький полис всеми силами держался за свою независимость, и в результате все эти государства истощали себя и друг друга непрерывными вооруженными столкновениями. На руку такое положение было, конечно, только Персии, после Анталкидова мира влиятельной в глазах греков так, как никогда. Пожалуй, держава Ахеменидов не воспользовалась в полной мере ослаблением греческого мира и не установила в нем свое господство лишь потому, что сама в середине IV в. до н.э. переживала серьезные внутренние трудности – череду дворцовых переворотов, сепаратистские устремления наместников многих периферийных областей (особенно в Малой Азии, где вспыхнуло так называемое «Великое восстание сатрапов») и т.д.[124]

Одним словом, трудно сказать, чего больше принесло крушение спартанской гегемонии – положительных или отрицательных последствий. «Мир эллина» в целом усложнился. А ведь усложнение общей обстановки характерно, как известно, именно для кризисных эпох, когда, так сказать, отмирают старые

[123] Об этих двух тенденциях, еще с архаической эпохи с переменным успехом противоборствовавших в греческом мире, см.: АГ-1. С. 64 слл.; АГ-3. С. 29 слл.

[124] Об общей обстановке в греко-персидских отношениях этих лет и о ряде конкретных эпизодов, связанных с Агесилаем, см.: *Мойзи Р.А.* Греко-персидские отношения в 367–360 гг. до н.э. // МГОДА. Ч. 1. С. 136–158. В более широком хронологическом контексте см.: *Рунг Э.В.* Дипломатические отношения греков и Персии в 370–343 гг. до н.э. // МГОДА. Ч. 2. С. 114–140 (подборка свидетельств источников).

смыслы и мучительно рождаются новые, пока еще не очень-то понятные, что затрудняет ориентацию в любой проблематичной ситуации.

Полным ходом шел пресловутый кризис IV века. Возник политический «тупик», вывести из которого Элладу мог только какой-то внешний толчок (как впоследствии и получилось).

Естественно, тяжело было и Спарте – тяжелее (по контрасту с недавним прошлым), чем какому-либо другому полису. Она была ослаблена, обескровлена. В частности, такой удар, как потеря Мессении, самым негативным образом повлиял на благосостояние Лакедемона. У государства просто не оставалось достаточных средств к существованию, и нужно было их как-то изыскивать. Никак не могла обойти эта задача и престарелого Агесилая – «спартанца номер один» для той эпохи.

И он действовал, как мог. Вот как описывает этот этап его карьеры Ксенофонт: «...Кто не признал бы, что Агесилай в своей дальнейшей деятельности проявил себя как самый мудрый политик? Возраст уже не позволял ему принимать участие в походах, пешим или на коне. Видя, что государство нуждается в деньгах, чтобы хотя частично сохранить своих союзников, он направил все свои силы для достижения этой цели. Если, оставаясь дома, он мог оказать в этом помощь государству, он не жалел усилий. Когда же возникала необходимость пуститься в дальний путь, он не боялся и не стыдился выступать в качестве посла, а не полководца, если только мог в чем-нибудь принести пользу своей родине. И даже когда он был послом, он совершал деяния, достойные великого полководца. Автофрадат осадил в Ассе Ариобарзана, бывшего союзником Спарты, но, испугавшись Агесилая, снял осаду и бежал. Точно так же Котис, осадив Сест, принадлежавший Ариобарзану, вынужден был снять осаду и уйти. Таким образом, Агесилай имел основания воздвигнуть трофей по случаю победы над врагом и после своего посольства. Мавсол осадил оба эти города с моря, командуя флотом в сто кораблей, но снял осаду и отплыл домой – если не из страха перед Агесилаем, то, во всяком случае, сдавшись на его уговоры. Агесилай совершил поистине удивительные деяния: и те, кто считал себя ему обязанным, и те, кто были вынуждены бежать от его войск, – все давали ему деньги» (Xen. Ages. 2. 25–27).

Этот довольно пространный пассаж, безусловно, нуждается в комментарии. Из упомянутых тут населенных пунктов Асс находился в Троаде, а Сест – на Херсонесе Фракийском. Иными словами, речь идет о военных столкновениях в зоне Черноморских проливов. Из действующих же лиц Котис – не фракийский царь, как можно было бы заключить на основе имени, а вассальный по отношению к Персии правитель Пафлагонии[125]. Остальные – прямые ахеменидские сатрапы. Наиболее известен из них Мавсол, или Мавзол (крупнейший предста-

[125] В словарях и справочниках обычно фигурирует как Отис.

витель рода Гекатомнидов), управлявший Карией[126], известный, помимо прочего, как в высшей степени эллинизированный персидский наместник (именно его прах был упокоен в признанном одним из чудес света галикарнасском Мавзолее, первом прототипе всех такого рода построек).

Ариобарзан властвовал в Геллеспонтской Фригии, Автофрадат – в Лидии. И эти двое, и Мавсол приняли более или менее активное участие в разных этапах упоминавшегося выше «Великого восстания сатрапов». Как видим, «засветился» в данной связи и Агесилай. Его появление в обозначенном выше регионе датируется 365 или 364 г. до н.э. Статус царя не вполне понятен. Вроде бы он выполнял посольскую миссию, но из всего следует, что он принял какое-то участие и в военных действиях (или же он пугал влиятельных персов самим фактом своего присутствия?).

Очередной парадокс, связанный с Агесилаем (или, точнее, дальнейшая жизнь уже хорошо известного нам парадокса): архагет, возраст которого – где-то на грани восьмидесяти, который регулярно отказывается от командования военными операциями в Пелопоннесе, ссылаясь и на этот самый возраст, и на тяжелые болезни, – при этом преспокойно разъезжает по куда более отдаленным регионам, по территориям, подвластным Персии, притом оказывая прямое влияние на то, как там пойдут дела.

Похоже, везде, где можно, Агесилай поддерживал сатрапов-мятежников против законной власти персидского царя, помогал им дипломатически, а когда можно было – то и как военачальник. Не то чтобы одни сатрапы со своей линией были ему симпатичны, а другие антипатичны; нет, просто – как справедливо пишет Ксенофонт – в результате его действий «все давали ему деньги». Он боролся именно за то, что всего больше было нужно Спарте в тогдашних обстоятельствах, а высокородных ахеменидских вельмож использовал, в сущности, в «инструментальном» плане. Те покорно играли роль этаких орудий Агесилая, Спарты, эллинов... Эпоха эллинизма была явно не за горами.

В 362 г. до н.э. наш герой оказывается – ни много, ни мало – в Египте! Страна в долине Нила, долго находившаяся в статусе ахеменидской сатрапии, но никогда не переставшая бороться за независимость и периодически обретавшая ее, еще в 401 г. до н.э. особенно надолго (более чем на полвека) стала свободной (это период 28-й, 29-й, 30-й египетских династий). Разумеется, персы не оставляли попыток вернуть своё прежнее владение[127], так что отношения между двумя странами постоянно были напряженными.

[126] О династии Гекатомнидов в целом, об особенностях ее правления см.: *Carney E.D.* Women and *Dunasteia* in Caria // AJPh. Vol. 126. P. 65–91; *Ефремов Н.В.* Династия Гекатомнидов в современных им греческих надписях // ВЭ. Вып. 4. М., 2010. С. 82–164; *Суриков И.Е.* Очерки об историописании... С. 253 слл.

[127] И в конце концов сделали это. См.: *Борухович В.Г.* Афины, Персия и Египет в период от Союзнической войны до завоевания Египта Артаксерксом III в 343 г. до н.э. // АМА. 1990. Вып. 8. С. 3–11.

Египетские же власти еще начиная с V в. до н.э. (а по сути – с архаической эпохи, с прославленной Саисской династии) прекрасно помнили, что им могут помочь греки. Фараон Тах пригласил Агесилая в качестве наемника. Плутарх по этому поводу резонерски замечает: «Никто не одобрял того, что человек, считавшийся первым во всей Греции (а ведь это действительно было так, особенно после гибели Эпаминонда! – И.С.), чья слава распространилась по всему миру, теперь предоставил себя в распоряжение варвару, отпавшему от своего царя[128], продал за деньги свое имя и славу, превратившись в предводителя наемного войска. Даже если бы в возрасте свыше восьмидесяти лет, с телом, испещренным рубцами от ран, он вновь принял на себя, как прежде, славное и прекрасное предводительство в борьбе за свободу греков, то и в этом случае нельзя было бы не упрекнуть его за излишнее честолюбие. Ведь и для славного дела есть соответствующий возраст и подходящее время... Но Агесилай совершенно не заботился об этом и ничто не считал недостойным, если это было на пользу государству; напротив, ему казалось недостойным жить в городе без дела и спокойно ожидать смерти. Поэтому он набрал наемников на средства, посланные Тахом, снарядил несколько судов и отплыл, взяв с собою, как и прежде, тридцать спартанцев в качестве советников» (Plut. Ages. 36).

Из нюанса, упомянутого последним, видно, что речь идет об официальной акции Спарты, поддержанной властями (в противном случае, конечно, Агесилай никого взять с собой не смог бы). Ксенофонт рассказывает о том же предприятии, в отличие от Плутарха, без каких-либо негативных ноток: «Узнав, что египетский царь собрался воевать с Персией, ...Агесилай весьма благосклонно отнесся к приглашению, которое ему было послано, и предложению взять на себя командование войсками. Он полагал, что, отправившись в Египет, он тем самым отблагодарит египетского царя за оказанные им Спарте благодеяния (имеются в виду, естественно, денежные «вливания» Таха в спартанскую казну – И.С.), а также вновь вернет свободу живущим в Азии эллинам» (Xen. Ages. 2. 28–29).

Насколько серьезно можно относиться к последним словам данного пассажа? Да, были времена, когда Агесилай боролся с персами в Малой Азии именно с этой благой целью. Но с тех пор прошло уже лет тридцать с лишним, а с тех пор вся обстановка в корне изменилась, и теперь уже, в сущности, вопрос об освобождении малоазийских греков из-под персидского владычества не мог быть реально поставлен. Вопрос этот был однозначно решен через четверть века Александром Македонским[129], но будущего (пусть даже и не слишком от-

[128] Неточность. Тах ни от кого не отпадал, отпадение Египта случилось за несколько десятилетий до него.

[129] См. к проблеме: *Маринович Л.П.* Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М., 1993. С. 155 слл.

даленного) Агесилай провидеть, конечно, не мог. Сам Ксенофонт, написавший процитированные строки, возможно, и жил еще идеалами своих молодых лет – но на то он был мыслитель и интеллектуал. А его друг и герой его энкомия был практикующим политиком, который вряд ли ставил перед собой невыполнимые цели.

На самом деле думал он, конечно, просто о деньгах для Спарты и о том, как бы их «отработать». Можно, конечно, усомниться в том, что дела чисто финансовые могли подвигнуть на участие в далеких и опасных авантюрах, человека весьма преклонных лет, да к тому же по складу своего характера к авантюрам отнюдь не склонного (в чем мы неоднократно имели возможность убедиться, видя, как Агесилай попросту уклонялся от выполнения той или иной сомнительной миссии).

Но тут необходимо учитывать еще и вот что. Важным критерием, который использует для оценки своей деятельности любой здравомыслящий правитель, является критерий эффективности. Говоря в максимально общей форме: оставил ли я свое государство преемникам в лучшем состоянии, чем его принял, или в худшем? Обычно предпочитают первый вариант и делают всё для этого; вряд ли вообще возможно представить лидера, сознательно желающего оставить о себе недобрую память в истории.

И вот именно в этом отношении Агесилай не мог не сталкиваться с вопиющей коллизией. С одной стороны, его личные заслуги были вне сомнений. Он уже при жизни мог с чистым сердцем считать, что пополнит собой список великих людей Греции. Но в каком разительном противоречии находилось с этой безупречной персональной репутацией простое сравнение Спарты начала 390-х гг. до н.э., когда Агесилай стал царем, и Спарты же конца 360-х гг. до н.э., когда Агесилай царем всё еще оставался! Крушение, крах, катастрофа... Думается, слова, звучавшие в мозгу нашего героя, были, как минимум, не менее жесткими.

И пусть он сам сделал всё, чтобы не ассоциироваться в памяти современников и потомков с самыми громкими неудачами. Тем не менее никак было не уйти от того факта, что время царствования Агесилая – это, так сказать, время, движущееся по нисходящей. Трудно было осознать это сразу (как прекрасно известно, «большое видится на расстояньи»), но в данном случае контраст был таков, что в конце концов его не могли не заметить даже современники. В том числе и сам Агесилай, который довольно долго вел себя более беспечно, чем нужно было (отказывался от командования и т.п.), очевидно, считая, что у Спарты слишком большая, выражаясь современным языком, «подушка безопасности».

Безопасность, однако, была разбазарена буквально за поколение. Под конец жизни Агесилай лихорадочно решал одну задачу – спасти хоть что-то, и любой ценой. Слово «цена» появляется тут не случайно, его следует понимать в самом буквальном смысле. Как в любом обществе, резко и внезапно переходя-

щем от экономики распределительной к товарно-денежной, роль денег начинает сильно преувеличиваться («взгляд неофита»). Остальные полисы Эллады давно уже привыкли к деньгам, признавали за этим феноменом полагающуюся ему роль – не меньшую, но и не большую, чем он реально заслуживал[130]. В изменявшейся на глазах Спарте, впервые познавшей «прелесть денег»[131], были, похоже, люди, которые от звонкой монеты готовы были с ума сойти... Упоминавшийся Гилипп, славный герой Пелопоннесской войны, – яркий тому пример. Да нам ли, пережившим 1991 год, не понимать специфики этого «прорыва в рынок», когда чуть ли не каждый стремился моментально «сжечь всё то, чему он поклонялся, и поклониться тому, что сжигал»? Прозрение пришло несколько позже, а для кого-то и не пришло совсем.

Агесилай был человеком старинной доблести, и эти новые веяния его не могли сущностно затронуть. Думаем, что лично ему, в общем-то, ничто материальное было и не нужно. Но, увидев, в каком плачевном состоянии оказалась вдруг его родная, единственная Спарта, и ощущая свой моральный долг оказать ей помощь, он – несколько растерявшись, как всегда теряется рыцарь в обществе торговцев, – решил, что нужно просто добывать для полиса как можно больше денег. И пусть для этого нужно, будучи уже старцем, отправляться на службу куда-то за море, – не важно! Navigare necesse est, vivere non est necesse, как сказал однажды человек, которого Плутарх избрал «парой» Агесилаю.

Если нужно спасать государство, можно ради него отринуть даже и личную честь. Сказать, что спартанский архагет вел себя в Египте абсолютно порядочно, соблюдал хотя бы минимальный кодекс чести приглашенного для военных целей наемника – значило бы сильно погрешить против истины. Прежде всего, он предал своего «работодателя», переметнувшись от Таха к его двоюродному брату Нектанебу.

О похождениях Агесилая в «стране фараонов» мы имеем три основных рассказа, авторы которых – Ксенофонт (Ages. 2. 28–31), Непот (Ages. 8) и, понятно, Плутарх (Ages. 36–40). Первый, не упоминая имен ни Таха, ни Нектанеба, говорит о событиях достаточно общо. Он указывает, что главным обстоятельством, смутившим Агесилая и вынудившим его начать свою интригу, было следующее: «египетский царь пригласил его, но не предоставил ему командования». Финансовый фактор, впрочем, тоже не оставлен Ксенофонтом без внимания: «Разделившись на две части, египтяне избрали себе двух царей. Агесилай подумал, что если он останется нейтральным, то ни один из обоих

[130] См. к проблеме: *Christ K.* Griechische Geschichte und Wissenschaftsgeschichte. Stuttgart, 1996. S. 59–77; *Shipton K.* Money and the Élite in Classical Athens // MUAGW. P. 129–144.

[131] О специфике спартанской экономики см.: *Зайков А.В.* К вопросу о специфике спартанской экономики // ИИАО. Нижний Новгород, 2001. С. 5–14.

претендентов не выплатит эллинам жалованья за службу... Рассудив дело таким образом, Агесилай встал со своими воинами под знамена того, что казался более дружелюбно настроенным по отношению к эллинам. Одержав победу над другим, который относился к эллинам с ненавистью[132], он взял его в плен; первого же он поддержал. Сделав его другом Спарты, Агесилай получил от него большую сумму денег...».

Похоже, что Ксенофонт знал о том, что происходило со спартанским царем в Египте, лишь понаслышке, без нюансов. Более подробные вести, возможно, просто еще не успели дойти до Эллады. Ведь Ксенофонт, как известно, скончался довольно скоро после описываемых здесь событий. И со старым другом Агесилаем он уже больше никогда не увиделся, так что и тот не мог стать для историка источником информации о случившемся.

У Непота – больше риторических украшений. В его изложении мы уже встречаем красочный эпизод: египтяне, явившиеся на морское побережье посмотреть на прославленного воителя, видят старца совершенно не царственного облика, лежащего прямо на земле, на шкурах, в поношенной одежде, за традиционно скромной спартанской трапезой... Этот рассказ потом повторится и у Плутарха. Что же касается римского биографа, то ничего полезного для понимания дела он не сообщает (разве что упоминает имена Таха и Нектанеба) и умудряется даже не сказать о том, что Агесилай в Египте «сменил сторону».

Свидетельство Плутарха наиболее пространно, и риторики в нем еще больше. Впрочем, справедливо отмечалось[133], что Плутарх – это такой удивительный автор, которому использование риторических топосов практически не мешало давать корректную, ценную историческую информацию. Так и тут: из повествования херонейца узнаём ряд важных подробностей о египетской миссии Агесилая.

Как выясняется, спартанский архагет встретил в долине Нила серьезного конкурента – Хабрия, одного из виднейших афинских полководцев того времени[134]. Интересно, что Непот, ничего об этом не говорящий в жизнеописании Агесилая, в биографии самого Хабрия обмолвливается: «Хабрий, который ни в чем не уступал Агесилаю, отправился в Египет добровольцем и возглавил там флот, в то время как Агесилай командовал сухопутными силами» (Nep. Chabr. 2).

У Плутарха же – несколько иная версия: «...Агесилай был назначен не главнокомандующим, как он рассчитывал, а лишь предводителем наемников;

---

[132] Явная передержка Ксенофонта: не похоже, чтобы Тах «относился к эллинам с ненавистью». Пригласил же он в свою страну эллинских наемников, в том числе самого Агесилая!

[133] *Blois L. de.* Plutarch's Solon: A Tissue of Commonplaces or a Historical Account? // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden – Boston, 2006. P. 429–440.

[134] О Хабрии см.: *Bianco E.* Chabrias Atheniensis // Rivista storica dell'antichità. 2000. Vol. 30. P. 47–72.

флотом командовал афинянин Хабрий, а всем войском – сам Тах. Это было первым, что огорчило Агесилая...» (Plut. Ages. 37). Надо сказать, что египтяне в данном случае просто прибегли к привычной им практике, которая была для них характерна на протяжении веков; представление об этом дает хотя бы знаменитая надпись, которую нанесли в 591 г. до н.э. греческие наемники на ноге колоссальной статуи Рамсеса II в Абу-Симбеле (ML. 7): «Когда царь Псамметих[135] пришел в Элефантину, написали это те, кто плыл с Псамметихом, сыном Феокла[136]. Продвинулись же они выше Керкиса, насколько позволяла река[137]. Иноязычных[138] же вел Потасимто, а египтян – Амасис[139]».

Какую ситуацию мы здесь имеем? Верховное командование осуществляет сам фараон. Армия делится на две части, обозначенные как «египтяне» (и во главе, естественно, с египтянином – Амасисом) и «иноязычные» (ἀλλόγλωσσοι), т.е. наемники, преимущественно греки (во главе, что интересно, с египтянином же – Потасимто). Что же касается упомянутого в надписи грека Псамметиха, то он, похоже, командовал флотом.

Что же мы, с другой стороны, имеем в 362 г. до н.э., два с лишним века спустя? Верховное командование опять осуществляет сам фараон (такова уж была его ритуальная функция). Флотом командует грек (Хабрий). Из двух частей сухопутной армии одна (наемники, т.е. пресловутые ἀλλόγλωσσοι) вверена Агесилаю; кому вверена вторая часть, укомплектованная из местных жителей, здесь напрямую не сказано, но это явно был египтянин. Более того, это явно был Нектанеб (ср. чуть ниже у Плутарха: «Нектанебид, двоюродный брат Таха, начальствовавший над одной из частей его войска»).

В общем, воспроизводилась всё та же традиционная система. Даже еще с некоторыми послаблениями в сторону эллинов: их представитель Агесилай (несомненно, благодаря своему авторитету), а не египетский уроженец был поставлен главой наемников-ἀλλόγλωσσοι. На что же, спрашивается, спартанскому царю было обижаться? Египтяне постарались оказать ему максимальную почесть, какая только была доступна чужеземцу, в их представлениях.

---

[135] Псамметих II.

[136] Не тождествен предыдущему. Интересно, что этот командир наемников – грек, но при этом носящий имя египетского фараона. Очевидно, он родился уже в Египте, в семье какого-то эллина, осевшего там.

[137] Нил.

[138] Имеются в виду греческие и карийские наемники, активно привлекавшиеся на службу фараонами начиная, как минимум, с Псамметиха I (VII в. до н.э.). В царском войске они не смешивались с египтянами, а составляли особый контингент с собственным командующим (интересно, что в данном случае этот командующий, Потасимто, сам был, судя по имени, не греком, а египтянином).

[139] Возможно, этот египетский военачальник тождествен будущему знаменитому фараону Амасису (Яхмосу) II, о котором подробно рассказывает Геродот.

Нет, думается, финансовые обстоятельства все-таки были решающими. Агесилай, который, несомненно, получил уже какую-то сумму от Таха, теперь хотел «поиметь» и с Нектанеба. Естественно, не для себя, а для Спарты! Выше уже говорилось о «культе денег», обуявшем тогда спартанский полис, и о причинах этого «фетишизма». Уместно привести здесь следующее (по обыкновению, резонёрское) замечание Плутарха: «...лакедемоняне, считающие главным признаком блага пользу, приносимую отечеству, не признают ничего справедливого, кроме того, что, по их мнению, увеличивает мощь Спарты» (Plut. Ages. 37).

Как бы то ни было, Агесилай с какого-то момента оказался на стороне Нектанеба. Вряд ли его официальный статус после этого повысился: Плутарх в дальнейшем изложении говорит именно о совместных акциях Нектанеба и Агесилая, причем из всего следует, что номинально командующим был фараон, а спартанец – лишь фактически.

Тах был устранен, а после него – и еще какой-то не названный по имени претендент на престол. Борьба с персами тоже шла неплохо – упоминается поход даже в Финикию (Plut. Ages. 37). В общем, Агесилай оставался таким же победоносным, каким и был всегда, вплоть до самой своей смерти.

* * *

Как раз к его кончине[140] мы теперь и подошли. На родину, в Спарту, царь так никогда и не вернулся, хотя и очень хотел этого. Приведем основные свидетельства о его последних днях.

Xen. Ages. 2. 31. Агесилай «...отплыл на родину, хотя была уже середина зимы. Он спешил, боясь, что Спарта с приближением лета может оказаться не подготовленной к борьбе с врагами». Xen. Ages. 11. 15–16: «По какому юноше друзья скорбели так сильно, как по Агесилаю, хотя он и скончался, достигнув глубокой старости? До такой степени с пользою для отчизны прожил свой век этот человек, что, даже и после смерти своей продолжая служить государству, достиг последнего и вечного пристанища, повсюду на земле оставив памятники своей доблести, а в отечестве своем удостоившись царского погребения».

Это два пассажа Ксенофонта, довольно далеко отстоящие друг от друга. В начальной части своего «Агесилая», где изложение ведется в хронологическом порядке, афинский историк упоминает только об отбытии нашего героя из Египта, но ничего не говорит о его кончине, что даже озадачивает, заставляет подумать о том, что эта кончина осталась автору неизвестной. Однако от этой мысли вскоре приходится отказаться, поскольку в дальнейшем об Агесилае все-таки говорится как об уже умершем, а завершается энкомий эксплицитным ука-

[140] О которой см.: *Cartledge P., Spawforth A.* Hellenistic and Roman Sparta: A Tale of Two Cities. 2 ed. L. – N.Y., 2002. P. 7.

занием на его смерть и погребение. Допускаем, что Ксенофонт начал писать это сочинение, действительно еще не имея надежных известий о кончине своего царственного друга, а получил их уже тогда, когда дописывал труд.

Какие содержательные нюансы можно почерпнуть из приведенного сообщения, довольно-таки краткого? Во-первых, указано, что Агесилай покинул Египет, несмотря на зимнее время. Это специально оговаривается, поскольку было крайне необычным. В зимнее время вообще-то старались в плавание не отправляться, особенно если предстоял не каботаж, а выход в открытое море; а тут была именно такая ситуация. Во-вторых, мы узнаём, что мертвый Агесилай был доставлен на родину и там похоронен. Прямо об этом Ксенофонт не говорит, но это вытекает из всего смысла его рассказа. Да и выражение «даже и после смерти своей продолжая служить государству», естественно, нужно понимать в том смысле, что вместе с телом царя в Спарту были доставлены полученные им в Египте деньги.

Nep. Ages. 8. «Возвращался он из Египта, получив от царя Нектанеба 220 талантов, которые он собирался подарить своему народу. Достигнув так называемой гавани Менелая, расположенной между Египтом и Киреной, он захворал и умер. Стремясь наилучшим образом доставить его в Спарту, друзья, не имея под рукой меда, обмазали тело воском и так привезли его домой».

Как видим, здесь эксплицитно сказано то, что у Ксенофонта подразумевается. Названо, кстати, и точное место кончины Агесилая. Что же касается Плутарха, то он, в сущности, комбинирует данные, имеющиеся у Ксенофонта и Непота.

Plut. Ages. 40. «Желая выразить свою любовь и расположение к Агесилаю, Нектанебид стал просить его остаться с ним и провести в Египте зиму. Но Агесилай спешил домой, зная, что Спарта ведет войну, содержит наемников и потому нуждается в деньгах. Нектанебид отпустил его с большими почестями, щедро наградив и дав в числе прочих почетных подарков двести тридцать талантов для ведения войны. Уже наступила зима, и Агесилай держался со своими кораблями поближе к суше. Он высадился на побережье Африки, в пустынном месте, которое носит название Менелаевой гавани, и здесь умер в возрасте восьмидесяти четырех лет... У лакедемонян существует обычай: тела тех, кто умер на чужбине, погребать на месте кончины, тела же царей доставлять на родину. Поэтому сопровождавшие Агесилая спартанцы залили тело за неимением меда расплавленным воском и доставили затем в Лакедемон».

Агесилай скончался в 360 г. до н.э., будучи, действительно, человеком уже весьма преклонных лет. Все-таки 84 года – это не шутка[141]. Даже трудно при-

[141] Агесилаю на престоле Еврипонтидов наследовал уже упоминавшийся выше его сын Архидам (как Архидам III, правил в 360–338 гг. до н.э.). Ему самому было на тот момент за сорок (*Cartledge P., Spawforth A.* Op.cit. P. 7).

помнить с ходу, осуществлял ли кто-либо еще в классической Греции командование войском или вел ли активную политическую деятельность в таком же возрасте. Пожалуй, что нет или почти нет. Разве что Фокион, бывший лет на сорок с небольшим моложе Агесилая и ушедший из жизни тоже лет через сорок с небольшим после него (правда, он умер не своей смертью, а был казнен).

Подведем итоги тому, что было сказано о великом (наверное, даже величайшем) спартанском архагете. «Онтогенез повторяет филогенез» – есть такая известная биологическая формула. Не возьмемся здесь рассуждать, действительно ли во всех ста процентах случаев верен этот постулат. Заметим только, что Агесилай всей своей судьбой воплотил и повторил исторический путь Спарты.

Что мы имеем в виду? Спарта и спартанцы, со всеми ее и их «плюсами» и «минусами», доблестями и пороками, двигались до некоего определенного момента по пути подъема, восхождения, а после этого момента – по пути падения. Впрочем, даже и в самом падении гордое государство лакедемонское не утратило некой чести, сохранило авторитет (и, безусловно, амбиции). «Спартанский мираж» жил еще в сердцах Ксенофонта и Платона[142], хотя им довелось застать не лучшие времена любимого ими полиса. Конец ксенофонтовской «Киропедии», повествующий как бы о деградации Персии, на самом деле был дописан, полагаем, под влиянием грустного лицезрения автором-лаконофилом деградации именно Спарты[143]. Об этом «аттическая пчела» говорит и напрямую (Xen. Lac. pol. 14): «Если бы кто-нибудь спросил меня теперь, считаю ли я, что и поныне законы Ликурга пребывают неизменными, клянусь Зевсом, я бы не осмелился так утверждать. Уж мне-то известно, что лакедемоняне предпочитали прежде жить в умеренности дома, среди своих, нежели, будучи гармостами в чужих городах, развращаться лестью. Знаю и то, что прежде боялись они быть изобличенными во владении золотом, а сейчас есть среди них и такие, которые хвастают своим имущественным достатком... Заботились ранее спартанцы и о том, чтобы быть достойными первенства, теперь же всё больше стремятся властвовать, нежели быть достойными власти...» (Ксенофонт, сделав это крайне меткое для IV в. до н.э. замечание, дальше высказывает еще немало упреков по адресу современных ему спартанцев, но нам незачем это цитировать: основное продемонстрировано).

Тем не менее Ксенофонт не пожелал завершить свою «Лакедемонскую политию» в подобном «минорном» духе, и за 14-й главой в трактате следует завершающая, 15-я, которая смотрится вполне лаконофильской (в ней речь идет

[142] А тем более – их учителя Сократа. См.: *Светлов Р.В.* Сократ и «Спартанский мираж» // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 10. СПб., 2011. С. 363–374.

[143] Ср.: *Tuplin C.* Xenophon, Sparta and the *Cyropaedia* // ShS. P. 127–181.

как раз о царях, которые, по мнению автора, в Спарте «почитаются не как люди, но как герои»: Xen. Lac. pol. 15. 9). Впрочем, «спартанский мираж», как известно, жил и много дольше, до конца античности, и после этого конца. Мы уже приводили цитату из Руссо: «спартанцы – скорее полубоги, чем люди». Лишь относительно недавно началось «развенчание» Спарты, и теперь чаще говорят не о «спартанском мираже», а о «тени Спарты»[144]; а в понятии «тень», разумеется, имплицитно заложен негативный оттенок. Спарту сплошь и рядом характеризуют как тоталитарное общество[145].

В отечественном антиковедении вышеупомянутая критическая тенденция, «развенчивающая» и даже «демонизирующая» Спарту, бесспорно, в наибольшей степени проявилась в работах Ю.В. Андреева. И в своем обобщающем очерке «Спарта как тип полиса»[146], и в других исследованиях[147] этот ученый называет интересующий нас здесь полис тоталитарным и даже полицейским государством. Его тексты вообще изобилуют весьма жесткими, осуждающими высказываниями по адресу «лакедемонской политии». Впрочем, нам уже приходилось отмечать, что, если подходить к проблеме с позиций сегодняшнего дня, то любое античное государство полисного типа (даже демократические Афины) окажется в какой-то мере «тоталитарным»[148].

Поэтому лучше бы руководствоваться принципом историзма при изучении социумов прошлого. Зачем в принципе подходить к древним государствам с современными критериями, которым они заведомо удовлетворить не смогут? По нашему глубокому убеждению, наиболее приемлемым критерием при оценке любой конкретной государственности может и должно служить не ее соответствие тем или иным позже сформировавшимся идеологемам (так, ход мысли в духе «самая плохая демократия лучше самой хорошей монархии – уже потому,

---

[144] Яркий образчик – относительно недавний коллективный труд, который именно так и называется «Тень Спарты» (ShS).

[145] Например: *Lendon J.E.* Op.cit. P. 123; *Baltrusch E.* Sparta: Geschichte, Gesellschaft, Kultur. München, 1998. S. 12, 62; *Powell A.* Athens and Sparta: Constructing Greek Political and Social History from 478 BC. 2 ed. L. – N.Y., 2001. P. 307. Возражения см.: *Welwei K.-W.* Sparta: Aufstieg und Niedergang einer antiken Großmacht. Stuttgart, 2004. S. 10–11, 345, 355.

[146] *Андреев Ю.В.* Спарта как тип полиса // Античная Греция: Проблемы развития полиса. Т. 1: Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 194–216.

[147] Например, в весьма выраженной форме: *Андреев Ю.В.* Спартанский эксперимент: «община равных» или тоталитарное государство? // Античность и современность: Доклады конференции. М., 1991. С. 12–16; *он же.* Архаическая Спарта. Искусство и политика. СПб., 2008. С. 293 слл.

[148] *Суриков И.Е.* Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008. С. 329 слл. Ср.: *Чернышов Ю.Г.* Афины и Спарта: «открытое» и «закрытое» общества? // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 61–65.

что она демократия» для нас решительно неприемлем[149]), а единственно *эффективность* этой государственности. Спарта (имеем в виду Спарту периода ее расцвета, до кризиса IV в. до н.э.) представляла собой эффективное государство.

Та «точка пика», с которой началось движение вниз, фиксируется для Спарты довольно однозначно: это отрезок 404–379 гг. до н.э. (аккурат четверть столетия). Именно тогда и взошла звезда Агесилая, и засияла максимально ярким блеском. С тем, чтобы потом, в результате вышеописанных перипетий, не то чтобы потухнуть, а – как и звезда самой Спарты – излучать разве что какой-то остаточный свет... И тоже сохраняя при этом амбиции, основанные на прежней славе. Так, в Египте Агесилай явно вел себя куда более высокомерно, чем другие эллинские наемные полководцы.

Агесилай был, воплощением спартанца по преимуществу и, так сказать, символом Спарты даже в каких-то конкретных нюансах своего поведения. Мы видели, как он, приводя разные благовидные отговорки, многократно отказывался от участия в военных кампаниях. Разве это не напоминает то, как поступали спартанцы в целом на протяжении значительной части классической эпохи? Они умели воевать лучше всех в Греции, но делать это откровенно не любили и всякий вступали в ту или иную войну лишь под сильным давлением необходимости, после долгих колебаний[150].

Наконец, поставим завершающий вопрос. В предыдущей, вводной главе шла речь о тенденциях предэллинизма в греческом мире IV в. до н.э. В конце этой главы мы отметили, что интересно выявить при рассмотрении биографий ведущих политиков эпохи, в деятельности кого из них прослеживались эти тенденции, а кто, наоборот, шел против течения. Что можно в данной связи сказать об Агесилае?

Однозначной картина не является. С одной стороны, если понимать эллинизм в традиционном духе – как завоевание греками Персии и последующую

[149] Получила широкое распространение известная сентенция Черчилля: «Демократия – отвратительная вещь, но ничего лучшего человечество не придумало». Она цитируется настолько часто, что как-то уже подзабылось, кто ее истинный автор, и порой ее приводят просто как афоризм некоего «умного человека» (например: *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Уроки античной демократии // Античная демократия в свидетельствах современников. М., 1996. С. 329 – тут к тому же сама цитата дана не совсем точно). Сказано, конечно, красиво, но ведь это же чистой воды риторика. В данном суждении неверны обе части. И то, что демократия якобы отвратительная вещь, – неправда; и то, что ничего лучшего человечество якобы не придумало, – тоже неправда.

[150] В связи с этим см. соображения в: *Суриков И.Е.* Война как фактор политогенеза в архаической и классической Греции: к вопросу о направленности воздействия // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 240–245.

эллинизацию Востока, – Агесилай, бесспорно, предстает в качестве одного из предтеч Александра. Вспомним его успешные военные действия в Малой Азии в 390-х гг. до н.э. Если бы не некоторые обстоятельства (начало Коринфской войны и отзыв спартанского войска на родину), эти действия вполне могли быть стать и еще гораздо более успешными, привести к освобождению, как минимум, значительной части малоазийских территорий от персидского владычества и переход их в ареал греческой цивилизации. Иными словами, там эллинизм мог бы начаться несколькими десятилетиями раньше.

Однако насколько прочным было бы такое приобретение, удалось ли бы удержать завоеванное – это еще большой вопрос. Думаем, что удержание оказалось бы невозможным из-за межполисных распрей в самой Элладе. Если бы Агесилая не отозвали в 394 г. до н.э. и, допустим, он продолжал бы воевать против персов еще какое-то количество лет, – то уж после появления фиванской опасности ему в любом случае пришлось бы вернуться домой... Впрочем, не будем рассуждать о том, «что было бы, если бы...». Не то чтобы мы соглашались с расхожей сентенцией «история не знает сослагательного наклонения». Нет, мы совершенно убеждены, что изучение исторических альтернатив в «точках бифуркации» и возможно, и плодотворно. Но это, вообще говоря, весьма сложная задача (если, конечно, подходить к ней к ответственно, а не в духе досужих фантазий), и уж никак не время браться за это дело в последних строках уже и так разросшейся главы.

Да, собственно, главное, что мы хотим сказать, не в этом, а вот в чём. В данной книге сам предэллинизм трактуется не в связи с «греко-восточным синтезом», а в связи с процессом «от гражданина к подданному», с нарастанием монархических тенденций в политической жизни и политическом менталитете[151]. Был ли подвержен данному поветрию Агесилай? Похоже, что нет.

Ксенофонт в небольшом трактате-энкомии, посвященном памяти его великого друга постоянно подчеркивает его умеренность, простоту в обхождении, полное отсутствие высокомерия чванства, склонности к роскошной жизни (особенно см.: Xen. Ages. 8–9). И, думается, здесь мы можем ему доверять (как то и делали античные авторы последующего времени, воспроизводившие ксенофонтовские характеристики). «Предтечей» эллинизма на спартанской почве был, бесспорно, Лисандр с его непомерными амбициями, но ни в коей мере не Агесилай. Хотя эти два знаменитых спартанца были на протяжении определенного времени лично близки, характеры их совсем не похожи друг на друга. Агесилай всегда старался быть архагетом в традиционном духе, «первым среди равных» и не более того. И это ему, в общем, удалось. Таким образом, он не являлся выразителем «предэллинистических» тенденций в греческом мире его эпохи.

[151] См. выше, в гл. I.

Глава III

Эпаминонд: лучший из лучших

Занимаясь древнегреческой историей (как политической, так и культурной), пытаясь представить ее не как хаотическое скопление случайных фактов и событий, а как некий единый и целостный процесс, обусловленный определенными закономерностями, приходится порой обращать внимание на интересную особенность, которую мы назвали бы «эстафетным» характером развития.

Поясним, что имеется в виду (об этом очень кратко говорилось в главе I, а здесь имеет смысл остановиться на проблеме с большей детализацией). В особенной степени черта, которая сейчас будет рассматриваться, бросается в глаза при контрастном сопоставлении древнегреческой и римской цивилизаций. У последней, как известно, на всём протяжении ее многовекового существования был один и тот же, неизменный центр (и политический, и культурный) – Рим.

В Элладе же – отнюдь не так. Мы обнаруживаем систематические перемещения центра из местности в местность: различные города и области, сменяясь, поочередно выдвигались на первый план, как бы перенимали друг от друга роль «авангарда» цивилизационного процесса (в плане наиболее полного выражения доминирующих тенденций). Прежние лидеры, если так можно выразиться, «выдыхались», утрачивали былые позиции, а на их место выступали те полисы и целые регионы, которые ранее являлись периферийными, «отстающими».

Как нам представляется, описываемая особенность порождалась экстраординарными темпами развития, столь характерными именно для древнегреческой цивилизации. Кажется, ни одно общество в истории, вплоть до начала Нового времени, не эволюционировало так быстро[1]. Та колоссальная работа цивилизационного строительства, которую приходилось проделывать в сверх-

[1] Ср. в чем-то схожие размышления (хотя и в несколько ином духе) в: *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 336 слл.

краткие по историческим меркам сроки, могла быть должным образом выполнена только при том условии, что в нее будут включаться всё новые и новые участники со своими свежими силами, приходя взамен уставших[2]. В этом-то и суть эстафеты.

Поговорим в более конкретном духе. В самом начале архаической эпохи (и ранее, в период «Темных веков») лидерами греческого мира являлись полисы Эвбеи. Это верно применительно практически к любой сфере – культурной (тут, правда, эвбейцы делили первенство с афинянами), экономической, военно-политической... Эвбейские мореходы оказались первыми и в возобновлении торговых связей с Востоком, и в колонизации на Западе. Лелантская война между Халкидой и Эретрией, – казалось бы, локальное столкновение двух городов из-за спорной пограничной территории и не более того – переросла в грандиозный конфликт, охвативший всю Элладу; важнейшие государства разделились на два лагеря, поддерживавших, соответственно, ту или другую сторону в этой борьбе. Возникает даже ассоциация с Пелопоннесской войной три века спустя, когда произошел аналогичный раскол – кто «за Афины», а кто «за Спарту». Получается, что в VIII в. до н.э. Халкида и Эретрия играли роль двух главных «столпов» Греции, вокруг которых структурировалась вся внешнеполитическая жизнь.

Затем, однако, Эвбея очень быстро отодвигается на второй план, с тем чтобы никогда уже больше не приобрести былого значения (пресловутая «усталость). А на первом плане оказываются иные центры. В культурном аспекте это Коринф и полисы Ионии. Лидерами в военно-политическом отношении не стали, впрочем, ни тот, ни другие. Ионийцы на это даже и не претендовали; Коринф на протяжении довольно краткого временного отрезка (при Периандре), возможно, и пытался снискать подобный статус, но безуспешно. А в области политики лидировали вначале Аргос, затем Спарта, которой удалось в конечном счете довольно прочно закрепить за собой положение гегемона; при ее первенстве греческий мир вступил в классическую эпоху.

V в. до н.э. в сфере культуры проходит всецело «под знаком Афин», и в дальнейшем «город Паллады» продолжает удерживать славу «культурной столицы» – вплоть до эпохи эллинизма. В военно-политической жизни – опять иначе. Афины борются за гегемонию со Спартой и в какие-то моменты, могло показаться (и не без оснований), близки к успеху. Однако – во многом из-за собственных ошибок – они проигрывают Пелопоннесскую войну; Лакедемон сохраняет (и на некоторое время даже упрочивает) позицию «вождя эллинов».

[2] Характерно, что в истории западной цивилизации Нового времени, также развивающейся невиданно бурными темпами, наблюдаются аналогичные «эстафетные» элементы, переход статуса «авангарда» примерно в такой последовательности: Италия – Франция и Испания – Англия и Германия – США...

Но ненадолго. В 371 г. до н.э. свое «громкое слово» говорит Беотия; примерно тогда же увеличивается роль ранее довольно «захолустной» Фессалии и – более того – даже маленькой Фокиды, которая ранее вообще ничем не блистала. Затем приходит черед еще более окраинной Македонии. Наконец, в «авангард» выходят такие регионы, как Этолия, Ахайя и т.п.

Приведенный материал демонстрирует, помимо прочего, две вещи. Во-первых, любая схема всегда красивее, нежели грубая, «неправильная» действительность, в которой всегда найдутся особые случаи, исключения, отклонения от постулируемой нормы. Оговариваем это специально, поскольку нам, вероятно, заметят, что наш тезис об «эстафетном» развитии упрощает реальную картину. Да, безусловно, упрощает; в сущности, любое теоретизирование есть упрощение, с этим уж приходится смириться. История – не физика или математика; в нашей науке мы просто не обнаружим таких законов, которые действовали бы во всех ста процентах случаев (в то время как в точных науках только так и бывает). Достаточно того, что намечен некий общий вектор, прослежена тенденция; в целом она соблюдалась, не будем гнаться за бóльшим.

Во-вторых, легко заметить, что культурная и военно-политическая «эстафеты» не совпадали. Первая выстраивается примерно в таком порядке: Эвбея (и Афины) – Коринф – Иония – Афины. Вторая же имеет следующий вид: Эвбея – Аргос – Спарта (и отчасти Афины) – Беотия (и отчасти Фессалия)[3] – Македония[4] – Этолия и Ахайя. В целом, тем не менее, сам фактор перемещения центров кажется нам совершенно несомненным[5].

Почему у нас теперь вообще зашла речь об этом? Дело в том, что мы как раз находимся в точке совершенно явной передачи «эстафеты» – от Спарты к Беотии, к Фивам. Соответственно, в качестве очередного героя книги за спартанцем Агесилаем появляется фиванец Эпаминонд – его современник (родился несколько позже, умер, точнее погиб в битве, чуть раньше) и злейший враг.

---

[3] Тогда же, в IV в. до н.э. усилились государственные образования на периферии греческого мира: на западе – сицилийская держава Дионисия, на северо-востоке – Боспорское государство. Они как раз не укладываются в схему «эстафеты» и, видимо, представляют собой те самые особые случаи; либо же применительно к ним действовали какие-то иные закономерности.

[4] Македонию мы рассматриваем однозначно как часть греческого мира, а не как некий чуждый ему, «варварский» социум. Ниже, в заключении, мы планируем сказать об этом подробнее, с аргументацией и указаниями на литературу.

[5] Припомнилось, что еще в одном древнем обществе, развивавшемся весьма быстро (по темпам своей эпохи), а именно в шумерском, тоже в полной мере проявилось это «эстафетное» развитие. Там оно было даже рефлектировано и отразилось в концепции о переходе царственности из города в город.

Несколько слов о Беотии как таковой[6]. Она представляла собой типичную среднеразвитую область Греции. На протяжении многих веков она не находилась ни в числе ярко выраженных лидеров, ни в числе аутсайдеров, – при том, что потенциал ее всегда был весьма значителен.

По сути, Беотия – обширная равнина (насколько вообще можно говорить об «обширных равнинах» применительно к Балканской Греции) с почвами, которые справедливо считались одними из самых плодородных в эллинских землях. Благодаря огромному Копаидскому озеру в меньшей степени ощущалась и столь знакомая Средиземноморью засушливость, недостаток орошения. С другой стороны, удобные гавани, наличие которых способствовало бы развитию мореплавания, имелись в недостаточном количестве.

Одним словом, природные условия внесли несомненную лепту в то, чтобы в Беотии сложился крестьянский социум, с ориентацией подчеркнуто сухопутной, а уж никак не морской. Беотия, насколько можно судить, принадлежала к наиболее густонаселенным областям Эллады. Достаточно посчитать, как много в ней было городов! Их наличие, кстати, не должно казаться приходящим в противоречие с крестьянским характером региона. Как мы отмечали в другом месте, античный город-полис в норме являлся не ремесленно-торговым центром (что типично для более поздних эпох), а, по существу, *аграрным городом*[7].

Итак, жители Беотии в массе своей были крестьянами[8]. В высшей степени символично, что именно на ее территории жил автор, которого называют, так сказать, крестьянским поэтом по преимуществу, – Гесиод. Кстати, заметим, и крестьянин крестьянину рознь. Гесиод в собственном описании предстает земледельцем, в общем-то, не бедным. Хоть он и пессимистически плачется на свою судьбу, однако легко заметить, что он не только не голодает, но и в состоянии нанять батраков, прикупить соседние участки для расширения своих владений... И, жалуясь на то, что приходится постоянно трудиться, при этом, тем не менее, имеет достаточно досуга еще и для сочинения великолепных стихов.

Гесиод – в каком-то смысле воплощение беотийца. Да, в области, о которой идет речь, традиционно был очень мощным и многочисленным именно слой зажиточных крестьян – таких, из среды которых стал со временем рождаться феномен гоплитов. Существует понятие «гоплитская демократия». Оно подразумевает государственное устройство, лишь в крайне умеренной форме

[6] В мировой историографии наиболее пристально занимался историей Беотии Р. Бак. См.: *Buck R.J.* A History of Boeotia. Edmonton, 1979; *idem.* Boiotia and the Boiotian League, 432–371 B.C. Edmonton, 1994.

[7] *Суриков И.Е.* Греческий полис архаической и классической эпох // АП. М., 2010. С. 21.

[8] О роли крестьянства в истории древнегреческой цивилизации в целом см.: *Hanson V.D.* The Other Greeks: The Family Farm and the Agrarian Roots of Western Civilization. Berkeley, 1999.

несущее собственно демократические черты и находящееся скорее на грани с мягкой олигархией[9]. В рамках подобной системы тот, кто является на полях сражений гоплитом, получает и полные права гражданина; те же, кто ниже (читай: беднее) его, ценятся политией несравненно меньше. В нашем понимании именно такими были беотийские демократические режимы, в том числе и фиванский. Так, везде пишут, что в 379 г. до н.э. в Фивах произошел антиспартанский переворот, в ходе которого родилась полноценная демократия; ее-то лидерами были наш герой Эпаминонд и его друг и соратник Пелопид.

В целом это так, принципиальных возражений нет. Но все-таки фиванская демократия – не афинская, и интеллектуал Эпаминонд – не «копия» друга интеллектуалов Перикла. Они даже нисколько не похожи, как мы увидим. Перикл придерживался некой «линии отчужденности», не был своим практически ни для кого[10]. В связи с ним можно говорить даже о некой «беспочвенности». Эпаминонд куда ближе к такой фигуре, как Аристид. Он какой-то весь «почвенный» и «посконный».

Беотийские крестьяне были людьми спокойными, неспешными до медлительности, в каком-то плане тугодумами. Остальные греки даже считали беотийцев откровенно туповатыми и сплетничали по этому поводу. Наверное, в каждой стране есть какая-то, так или иначе выделенная (иногда по этническому принципу, но не обязательно) группа населения, о которой рассказывают анекдоты, будь то габровцы, чукчи (подчеркнем, что мы не имеем в виду кого-то оскорбить, а просто констатируем сложившуюся ситуацию) или кто-либо иной. В Греции эту роль играли – так уж сложилось – именно беотийцы.

Область, которая дала человечеству великого Гесиода, не менее великого Пиндара, нашего героя Эпаминонда, позже – Плутарха и др., как-то не очень подходит под определение «родины глупцов». Не сомневаемся, что в формирование негативного образа беотийца внесла свой вклад афинская пропаганда. Уж очень неприязненно афиняне по большей части относились к своим северным соседям.

Вот небольшая подборка цитат, характеризующих особенность беотийского (фиванского) менталитета.

Эпаминонд «говорил, что воины должны упражнять тело не только для атлетики, но и для боя: поэтому он терпеть не мог толстяков и одного такого даже изгнал из войска, сказав, что ни трех, ни четырех щитов не хватит, чтобы прикрыть такое брюхо, из-под которого собственного уда не видно» (Plut. Mor. 192cd).

---

[9] Интересно, что в Беотии, похоже, прослеживаются элементы непрямой, двухступенчатой системы голосования. См.: *Buck R.J.* Group Voting in Boiotia // Ancient History Bulletin. 1990. Vol. 4. No. 3. P. 61–64.

[10] АГ-2. С. 301 слл.

Однажды Эпаминонда пригласили на ужин. Угощение оказалось очень богатым, и Эпаминонд, не прикоснувшись ни к чему, тут же ушел, сказав: «Я думал, здесь чтут богов, а не оскорбляют!» (Plut. Mor. 192d).

Полководец Пелопид шел на войну. Жена бросила его поберечь себя. «Это надо говорить другим, – ответил Пелопид, – а военачальник должен беречь не себя, а своих сограждан» (Plut. Mor. 194c).

Мужественная трезвость, крестьянская сметка и деловитость так и выступают из этих изречений.

В целом типичный беотиец предстает этаким homo economicus, мужиком, озабоченным собственным хозяйством, «наследником Гесиода». Возможно, так оно и было. Граждане беотийских полисов были, однако, людьми, которые «долго запрягали, но быстро ездили». Непросто было вывести беотийцев из терпения, но воистину – горе тому, кому это все-таки «удавалось»! Беотия, при необходимости сплотившись, объединившись вокруг Фив, становилась по-настоящему могучей силой, которой мало кто мог противостоять. Характерно, что именно беотийское войско[11] в конце концов смогло наголову разгромить (при Левктрах в 371 г. до н.э., о чем и выше говорилось, и еще будет сказано далее) спартанцев, которые раньше на протяжении целых веков считались совершенно непобедимыми.

Беотия находилась несколько в стороне (хотя и не в такой степени, как лежавшая еще дальше к северу Фессалия) от тех процессов, которые проходили в передовых полисах и регионах уже начиная с архаической эпохи. Так, интересующую нас область, похоже, вообще миновал феномен тирании! Парадоксально, но факт. Гельмут Берве, в своей известной книге о тиранах максимально скрупулезно собравший релевантный материал со всех концов греческого мира, применительно к Беотии вынужден констатировать: «тираны были неизвестны»[12]. Это он говорит в разделе, посвященном архаической («старшей») тирании, но ведь и для более поздних периодов чего-либо похожего не вырисовывается (если, конечно, не числить по разряду тирании жесткие олигархические режимы, какие были в Фивах на рубеже 480-х – 470-х гг. до н.э. и на рубеже 380-х – 370-х гг. до н.э.).

Далее, и в Великой греческой колонизации Беотия почти не приняла участия. Добавляем это «почти», поскольку о стопроцентном неучастии говорить все-таки нельзя (можно вспомнить некое участие беотийской Танагры в основании Гераклеи Понтийской, хотя основную роль в этой акции сыграли

[11] Б. Мейсснер считает возможным говорить о различных «региональных культурах» ведения войны в греческом мире (*Meißner B.* Krieg und Strategie bei den Griechen // Seminari Romani di cultura Greca. 2002. Vol. 5. Fasc. 1. P. 123 sgg.). Если это действительно так (а нам подобная формулировка представляется вполне резонной), в Беотии, несомненно, имелась такая «региональная культура», причем ярко выраженная.

[12] *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997. С. 51.

все-таки мегаряне). Видимо, стенохория – один из главных двигателей колонизационного движения – в Беотии практически не ощущалась, что и не удивительно, учитывая ее размеры и плодородие.

Еще одним «панэллинским» явлением архаической эпохи явилось раннее законодательство. Что можно сказать в данной связи о Беотии? Известен один фиванский законодатель этой эпохи – Филолай[13]. Но он не был ни фиванским уроженцем, ни вообще беотийцем, а выходцем из Коринфа, членом тамошнего аристократического рода Бакхиадов. Факт, надо полагать, тоже о чем-то говорящий...

Имеет смысл говорить об оригинальном «беотийском варианте» развития древнегреческой государственности[14]. В чем его особость? Опять же в некоем «срединном» характере. Области Эллады делились на те, в которых рано появились независимые полисы, по самой своей сути как бы «отталкивавшиеся» друг от друга, и на те, в которых полисные начала были слабы и преобладала общерегиональная интеграция и идентификация; в них возникал такой тип политии, как «этнос»[15]. Области первого типа, как правило, находились южнее, области второго типа – севернее.

Скажем, «этносов» как государствообразующих единиц почти не было на Пелопоннесе (не считая захолустной тогда Ахайи)[16]. А севернее Пелопоннеса и Аттики, – напротив, почти сплошные «этносы», в которых не то чтобы совсем отсутствовали полисы, но последние, если и были, то имели какой-то вторичный характер. Именно такая ситуация наблюдалась в Фессалии. В Фокиде, Локриде (уж не говорим о, допустим, Этолии) полисный принцип был как-то совсем мало проявлен.

Обычно действовало правило: когда силен «этнос» – слабы, недоразвиты полисы, возникшие на его территории, и vice versa. Этот принцип вполне можно проследить на конкретных примерах. «Этнос» в норме совпадал по занимаемому пространству с той или иной областью античной Эллады. Возьмем, скажем, Аркадию. В ней уже к концу архаической эпохи наблюдаются сло-

---

[13] О законодательстве Филолая см.: *Шишова И.А.* Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С. 74–93.

[14] О политических особенностях Беотии см.: *Hammond N.G.L.* Political Developments in Boeotia // ClQ. 2000. Vol. 50. No. 1. P. 80–93.

[15] Феномену древнегреческого «этноса» (как типа государства, альтернативного полису) наиболее пристальное внимание уделяла К. Морган. См. прежде всего: *Morgan C.* Early Greek States beyond the Polis. L. – N.Y., 2003.

[16] Элиду мы все-таки склонны, после долгих размышлений, характеризовать как крупный полис архаического типа (хотя и действительно выросший на базе «этноса»). Термин «этнос» в данном его значении мы в изложении ставим в кавычки, дабы не происходило путаницы с этносом в привычном нам понимании. Об «этносе» Ахайи см.: *Morgan C.* Politics without the Polis: Cities and the Achaean Ethnos, c. 800–500 BC // AltA. P. 189–211.

жившиеся, полноценные полисы (Тегея, Мантинея и довольно много меньших по размеру). Соответственно, аркадский «этнос» манифестировал себя в довольно незначительной мере. Иными словами, гражданин тех же Тегеи или Мантинеи понимал, конечно, что он аркадянин, но прежде всего он был в собственных глазах тегейцем (мантинейцем и т.д.). Как результат, попытки общеаркадской интеграции были (по крайней мере, в классическую эпоху) не слишком результативными. Да, в результате сознательных действий фиванских политиков был в 370 г. до н.э. создан Аркадский союз[17] (и даже построена столица «этноса» – Мегалополь). Но это объединение оказалось ведь совсем непрочным, и полисы Аркадии вновь начали враждовать друг с другом.

Не говорим уж о такой по соседству лежавшей области, как Арголида. Аргосу, конечно, очень хотелось бы контролировать этот важный регион полностью. Но реально его власть почти никогда – даже в период наибольшего усиления – не простиралась на города полуострова Акты (Трезен, Гермиону). Одним словом, в Арголиде и намека нет на какой-то «этнос». Впрочем, тут нужно учитывать, что речь идет о территории, которая еще во II тыс. до н.э. была главным «ядром» цивилизации в Элладе. Там уже поэтому не могло обойтись без особенностей.

Примеры противоположного характера начнем с Фессалии. В ней полисы, безусловно, наличествовали; но точно так же ясно и то, что вплоть до конца классической эпохи (и позже) категория «этноса» была для идентичности жителей этой области более важной, чем категория полиса (фессалийский «этнос», кстати, был сложно структурированным, делившимся на неравные по значению части, но от этой особенности мы здесь абстрагируемся как от иррелевантной). Фессалиец был прежде всего фессалийцем, а уже потом гражданином Фарсала, Лариссы, Фер и т.п. Поэтому Фессалия часто в своей истории с большой легкостью складывалась в достаточно централизованный союз во главе с тагом[18].

Применительно же к таким областям, как Фокида, Дорида, Этолия, Эпир сказанное верно в еще большей степени. Полисное начало было там совсем слабо; иногда его даже не принимают во внимание как некую близящуюся к нулю

[17] *Roy J.* Problems of Democracy in the Arcadian Confederacy 370–362 BC // AltA. P. 308–326.

[18] *Светилова Е.И.* Образование Фессалийского союза // АВ. Вып. 1. Омск, 1993. С. 91–97. Фессалию поэтому иногда сближают с точки зрения типа государственности с Македонией и даже Фракией (например: *Mihailov G.* La Thrace et la Macédoine jusqu'à l'invasion des Celtes // Ancient Macedonia: Papers Read at the First International Symposium Held in Thessaloniki, 26–29 August 1968. Thessaloniki, 1970. P. 76–85; *Archibald Z.H.* Space, Hierarchy, and Community in Archaic and Classical Macedonia, Thessaly, and Thrace // AltA. P. 212–233; *Graninger D.* Macedonia and Thessaly // CAM. P. 306–325), но мы все-таки не уверены, что это вполне правомерно.

величину. Но всё же полисы имелись даже и в перечисленных регионах[19], так что нельзя считать их как-то выпадающими из античного пути развития.

А вот Беотия, повторим, являла собой особый случай, в рамках которого наблюдается сочетание сильного «этноса» с сильным же полисным началом. Беотиец, конечно, всегда был беотийцем (как в своих собственных глазах, так и в глазах остальных греков) и оставался беотийским патриотом. Но в то же время он воспринимал себя как гражданина конкретного полиса – будь то Танагра, Орхомен, Херонея, Феспии – и на протяжении большей части полисного периода придавал этой части своей идентичности не меньшее значение. Беотия никогда не превратилась во «вторую Аттику», не сплотилась окончательно вокруг Фив[20].

Греческие области можно классифицировать не только с точки зрения «преобладание полиса – преобладание "этноса"», но и по другому принципу: разделив на «моноцентричные» и «полицентричные». Первых, пожалуй, наберется больше (во всяком случае, если смотреть на те, которые стояли на ведущих позициях). Аттика, Лаконика, Элида были «моноцентричными» в полной мере, то есть такими, где область и полис просто совпадали. Арголида была «моноцентричной» в том плане, что в ней один полис (естественно, Аргос) резко выделялся по размеру и могуществу на фоне остальных, малых, хотя так и не смог вполне подчинить их себе). Аналогично – с Коринфией (в которую удобно включить, помимо самого Коринфа, еще Мегары, Сикион и, пожалуй, Флиунт). За пределами Балканской Греции аналогичным образом можно охарактеризовать Сицилию, где в качестве безусловно главного центра (но все-таки не до такой степени «главного», чтобы остальные города готовы были без возражений подчиниться ему) рано вырисовались Сиракузы. Коль скоро

[19] Анализируя затрагиваемую здесь проблематику, теперь приходится постоянно обращаться к известному, ставшему этапным изданию: An Inventory of Archaic and Classical *Poleis*: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation / Ed. by M.H. Hansen and T.H. Nielsen. Oxf., 2004. Это главный итог плодотворной работы Копенгагенского центра по изучению полиса (Copenhagen Polis Centre), созданного и возглавленного М. Хансеном (к характеристике этой организации см.: *Суриков И.Е.* Изучение феномена полиса в западной историографии на рубеже XX–XXI вв.: Копенгагенский центр М. Хансена // SH. Т. 4. М., 2004. С. 164–176). В получившемся справочнике с максимально возможной скрупулезностью (но и не без другой присущей методу Хансена черты – некоторого формализма в подходе к источниковому материалу) собраны данные обо всех греческих полисах для архаической и классической эпох. Есть в нем главы и об Эпире, и об Этолии, и о Фокиде, и о Дориде.

[20] По сложному вопросу о степени независимости беотийских полисов см. дискуссию: *Keen A.G.* Were the Boiotian *Poleis autonomoi*? // MSAGP. P. 113–125; *Hansen M.H.* Were the Boiotian Poleis Deprived of their *Autonomia* during the First and Second Boiotian Federations? A Reply // MSAGP. P. 127–136.

речь пошла о колонизационной зоне, то мы упомянули бы еще регион Боспора Киммерийского, где вырос исключительно густой «куст» греческих полисов, но среди них первенство Пантикапея все-таки было налицо.

Были и области вполне «полицентричные»: на Пелопоннесе это Аркадия (где даже сознательная, рационально мотивированная попытка создать единый центр – Мегалополь – ни к чему, в сущности, не привела). В северной части Эллады опять упомянем Фессалию: там важнейшие полисы – Фарсал, Ларисса, Феры и др. – то изнуряли друг друга борьбой, то находили силы для объединительных мероприятий. За пределами Балканской Греции к этой категории относились Иония, Великая Греция (в узком смысле, то есть Южная Италия без Сицилии).

Что можно сказать о Беотии в данном плане? Ситуация близка к той, которая имела место, скажем, в Арголиде: один полис области был значительно сильнее, чем любой другой, но все-таки не сильнее, чем *все* другие, вместе взятые. Фивы были могущественным городом, существовавшим уже во II тыс. до н.э. И не просто существовавшим, а игравшим весьма важную роль. Давно уже замечено (кажется, впервые – М. Нильссоном), что на древнегреческую мифологию наложили сильный отпечаток реалии микенской эпохи. Говоря конкретизированно, чем более выраженно фигурирует некий центр в эллинских мифах – тем более значимой была его роль в предполисный период. Скажем, Афины и Спарта в мифологических сюжетах, вообще говоря, слабо представлены, – и это вполне соответствует тому обстоятельству, что во II тыс. до н.э. ни Афины[21], ни Спарта не играли ведущей роли в Греции.

Преобладающим циклом мифов, как всем прекрасно известно, является тот, который связан с Арголидой. Значимость тех же Микен в мифологии и в гомеровском эпосе (представляющая резкий контраст с реальной ролью Микен в классическую эпоху, когда они были крохотным полисом, который в конечном счете был уничтожен Аргосом) стала, безусловно, одним из факторов, побудивших известного Шлимана после раскопок Трои отправиться именно туда, в Микены. Равным образом и Тиринф («город Геракла») показал, когда его раскопали, что не зря он носил столь громкое имя.

А теперь – к тому, что мы, собственно, хотим сказать. Вряд ли кто-нибудь усомнится в том, что вторым по значимости после микенско-аргосского является фиванский цикл мифов (от Кадма до Эдипа и его потомков). Из этого можно сделать однозначный вывод, что и Беотия была во II тыс. до н.э. второй

[21] Образ знаменитого афинского героя Тесея был создан (в качестве героя панэллинского масштаба) много позже. См. о формировании этого образа: *Calame C.* Thésée et l'imaginaire athénien: Légende et culte en Grèce antique. Lausanne, 1990; *Walker H.J.* Theseus and Athens. Oxf., 1995; *Mills S.* Theseus, Tragedy and the Athenian Empire. Oxf., 1997. Намеренно указываем только монографии, ибо статей по этой теме – необъятное количество.

по значению областью Эллады после Арголиды, а Фивы – вторым по важности центром после Микен. Впрочем, вторым ли? Согласно известному (и постоянно волновавшему умы греков, судя по их литературе) сказанию о «Семерых против Фив», славнейшие греческие герои, объединившись, пошли брать беотийскую столицу – и все-таки потерпели поражение.

Несколько лет назад наш известный востоковед А.А. Немировский сделал на одной из конференций доклад[22], из которого напрямую вытекало, что подлинным гегемоном упоминаемой в хеттских источников «Аххиявы» (т.е. Ахейской Греции) на протяжении значительного времени были все-таки Фивы, а Микены переняли эту роль лишь к самому концу «героического века». Не скажем, что мы с ним абсолютно и безусловно согласны (при обсуждении доклада нами был высказан ряд замечаний); тем не менее, побуждение задуматься было весьма сильное. После завершения этой конференционной секции, «в кулуарах», мы предложили автору доклада некоторые дополнительные доводы и посоветовали ему дальше развивать эту тему, чего он, кажется, не сделал.

На самом раннем этапе у Фив мог быть достойный соперник в той же Беотии – Орхомен Минийский (так его называют, дабы отличать от менее значительного Орхомена в Аркадии). Беотийский Орхомен (в районе Копаидского озера) ныне, согласно всем данным, предстает одним из крупнейших очагов догреческой цивилизации Южных Балкан. Этими «минийскими» данными даже порой любят спекулировать псевдо-историки, ищущие повсюду «нордических арийцев».

История Беотии доантичного времени[23] осложняется еще одним загадочным обстоятельством, а именно наличием мощной цитадели Гла. Это современный топоним, древнее же название данного населенного пункта неизвестно. Что это мог быть за центр? Поневоле припоминаются смутные упоминания нарративной традиции о неких «Гипофивах», а также и то, что Кадмея (в норме это фиванский акрополь) в источниках применительно к раннему

[22] *Немировский А.А.* Где была столица Аххиявы? «Письмо Тавагалавы» и политические центры Микенской Греции // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. М., 2006. С. 335–338.

[23] Настойчиво утверждаем, что II тыс. до н.э. – именно *доантичное* время в истории Греции. Еще недавно нам казалось, что этот тезис и доказывать не нужно, поскольку он очевиден. Однако в первом, посвященном древнему миру томе начавшей выходить академической «Всемирной истории», в краткой вводной главе к разделу «Античный мир», мы не без удивления встретили суждения, согласно которым античность следует начинать с... минойской цивилизации Крита! См.: *Уколова В.И., Немировский А.И.* Ареал распространения, периодизация и материальная основа античной цивилизации // Всемирная история: В 6 т. Т. 1: Древний мир. М., 2011. С. 403–406. Мы с этим, конечно, никогда не согласимся. Ни в минойской цивилизации, ни даже в микенской не было еще ничего специфически античного, т.е. никаких полисных начал.

времени как-то достаточно резко отделяется от Фив как таковых... Впрочем, не будем гадать, а вместо этого, оставаясь на почве безусловно известных фактов, констатируем следующее. Фивы рано стали наиболее могущественным из городов Беотии и амбициозно пытались объединить всю область под своим господством. Подобные устремления с их стороны были практически постоянными, однако к прочному и долговременному успеху они так и не привели. Фивы не прочь были бы сделать Беотию единым полисом – по образцу соседней Аттики – но в реальности можно было, самое большее, ставить вопрос о централизованном Беотийском союзе[24].

* * *

Этот союз под гегемонией Фив впервые возник, как считается, еще в VI в. до н.э. Сказать о событии (точнее, это наверняка была некая серия взаимосвязанных событий, то есть процесс) что-то более конкретное достаточно трудно – в силу скудости имеющихся данных. Впрочем, вполне ясно, что объединение шло трудно. Некоторые беотийские полисы особенно упорно сопротивлялись попыткам установления фиванского владычества. Тут следует в первую очередь упомянуть Платеи, которые предпочли даже отдаться под афинское покровительство, лишь бы не зависеть от Фив[25].

В годину похода Ксеркса на Элладу Фивы стали, по сути, главным союзником персов среди материковых греческих городов. Озлобление против них было в результате очень сильным. По Греции ходил лозунг «взыскать десятину с фиванцев», что в данном контексте следует понимать как требование разорить Фивы, ликвидировать их как полис, а из имущества, полученного в ходе разграбления, десятую долю, по обыкновению, посвятить в дельфийский храм Аполлона.

Столь жесткую меру все-таки не применили (хотя с этого момента над Фивами как будто тяготел какой-то рок, какое-то «предчувствие разрушения», которое и было полтора века спустя реализовано уже Александром Македонским[26]). Однако Беотийский союз, судя по всему, временно прекратил существование[27], и область на протяжении нескольких десятилетий после

---

[24] См.: *Moretti L.* Ricerche sulle leghe greche (Peloponnesiaca – Beotica – Licia). R., 1962. P. 97 sgg.

[25] *Badian E.* From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993. P. 125 ff.

[26] Факт широкого распространения в V в. до н.э. мифов о походах на Фивы, завершившихся-таки в конечном счете их падением (пусть от рук не самих «Семерых», а их сыновей, «эпигонов»), тоже, полагаем, о чем-то говорит. Фивы воспринимались греками как «град обреченный».

[27] Иначе в статье: *Баклер Дж.* Спарта, Фивы, Афины и равновесие сил в Греции (457–

отражения персидской угрозы была геополитически слаба. Когда Афины в начале 450-х гг. до н.э., на первом этапе Малой Пелопоннесской войны, задумали создать в дополнение к мощному морскому союзу еще и подвластное им объединение на суше, Беотия пала жертвой их агрессии. Вскоре после битвы при Танагре 457 г. до н.э. под афинский контроль попала вся область, кроме Фив.

Засилье афинян на беотийских землях продолжалось около десяти лет; в 447 г. до н.э. беотийцы подняли восстание, разбили афинские силы в битве при Коронее[28] и вышли из зависимости. Беотийский союз вновь начал функционировать[29]. В Пелопоннесской войне 431–404 гг. до н.э. он стоял на стороне Спарты, а в Коринфской войне 395–387 гг. до н.э. выступал против нее. По условиям Анталкидова мира эту гегемониальную симмахию требовалось распустить, что и было предпринято.

Еще через несколько лет, в 382 г. до н.э., Фивам было суждено пережить новое унижение. В главе об Агесилае уже упоминалось о том, как спартиат Фебид врасплох захватил Кадмею; на фиванском акрополе стоял с тех пор спартанский гарнизон, а в самом полисе утвердился крайне-олигархический режим, стоявший на предельно лаконофильских позициях. Спарта могла гордиться тем, кто такое сильное государство, как Фивы, вполне контролируется ею. Но такое положение сохранялось лишь очень недолго, до 379 г. до н.э., когда на арену и выступил наш новый герой, Эпаминонд.

Этот человек почти в любом изложении античной истории несправедливо остается «в тени». Трудно сказать, по какой причине, но ныне мало кто даже из образованных людей (мы не имеем в виду, конечно, специалистов-антиковедов) слышал его имя, в то время как о Мильтиаде, Фемистокле, Алкивиаде (и уж тем более о Перикле) знают многие. А между тем Эпаминонд – фигура не меньшего масштаба[30].

---

359 гг. до н.э.) // МГОДА. Ч. 1. С. 75–94. Автор считает, что союз в это время сохранялся, но был латентным, не вел активной деятельности. В целом же это интересная, важная работа по интересующей нас здесь фиванской проблематике.

[28] О датировке и историческом контексте битвы при Коронее см.: *Строгецкий В.М.* Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991. С. 151–152; *Баклер Дж.* Ук.соч. С. 82–83.

[29] Об этом периоде его истории см.: *Buck R.J.* Boiotia...

[30] Автору этих строк, читая лекции в вузах, постоянно приходилось сталкиваться с тем не вполне объяснимым обстоятельством, что имя Эпаминонда почему-то упорно не сохраняется в студенческой памяти. Скажем, рассказывая на зачете или экзамене о Греко-персидских войнах, любой более или менее интеллектуально состоятельный студент назовет, как минимум, имена Мильтиада и Фемистокла (студенты более «продвинутые» упомянут еще и Кимона). В ответе о Пелопоннесской войне прозвучат, конечно, имена Перикла, Никия, Алкивиада. Но вот слушая тех экзаменуемых, которым доставался вопрос о войнах первой половины IV в. до н.э., мы всегда с грустью отмечали, что даже те из них, кто в целом не-

Тут можно заметить, что почти все знаменитые греки классической эпохи, отличившиеся на политическом и военном поприщах, – либо афиняне, либо спартанцы[31]. Исключений очень немного, и самым значимым среди них, безусловно, является как раз выдающийся фиванский государственный деятель и полководец Эпаминонд, которого Цицерон (De or. III. 139) называет «едва ли не величайшим героем всей Греции». Мы солидарны с римлянином, который, каждый согласится, знал толк в великих, и совершенно сознательно дали этой главе то название, которое она несет. Эпаминонд был фигурой воистину грандиозной, появившейся в период кризиса греческого полисного мира, но как бы напомнившей современникам о лучших временах.

Эпаминонд был исключительно одаренным человеком. Особенно блистал он на полях сражений. Пожалуй, можно сказать, что он был самым крупным представителем античного военного искусства вплоть до времен Александра Македонского[32]. В то же время абсолютно безупречной была его репутация как человека и гражданина. Если по своим талантам он не уступал Фемистоклу и Алкивиаду, то по нравственным качествам с ним мог сравниться разве что Аристид. Великий фиванец был в полном смысле слова «рыцарем без страха и упрека».

Судьба оказалась к Эпаминонду благосклонной (если, конечно, не считать того, что его, столь почитавшегося в античности, почти забыли ныне). Он уже при жизни пользовался заслуженной славой спасителя отечества и освободителя Эллады, мстителя за обиженных, человека, в корне изменившего всю политическую ситуацию в греческом мире.

При всём том известно об Эпаминонде досадно мало, – достаточно, впрочем, чтобы написать полноценную его биографию в формате главы, но, наверное, все-таки недостаточно, чтобы его личность в такой биографии заблистала такими яркими красками, каких он заслуживает.

Состояние источников об этом политическом и военном деятеле в целом таково. Ксенофонт, современный ему автор, его откровенно не любит, что и вполне ожидаемо со стороны почитателя Агесилая – главного антагониста Эпаминонда, причем антагониста, в конечном счете все-таки проигравшего. Соответственно, в «Греческой истории» Ксенофонта реальное значение Эпаминонда явно принижено. Если только «аттическая пчела» имеет хоть малейшую возможность не сказать о том или ином действии интересующего

плохо излагал последовательность событий, крайне затруднялись вспомнить Эпаминонда. Уж не знаем, может быть, трудное беотийское имя играет свою роль в этих систематических «провалах памяти»?

[31] Что волей-неволей нашло отражение и в наших книгах АГ-1, АГ-2, АГ-3.

[32] Даже Филипп II был, в сущности, лишь способным учеником Эпаминонда. См. к этому вопросу: *James C.M.* Epaminondas and Philip II: A Comparative Study of Military Reorganization. Diss. Lexington, 1980.

нас здесь полководца, – он об этом и не говорит. Мы, собственно, уже имели возможность убедиться именно в таком ксенофонтовском настрое, когда в предыдущей главе шла речь о конгрессе 371 г. до н.э., о Левктрской битве, о походе беотийцев на Лаконику, когда чуть не была взята Спарта... Об этих событиях Ксенофонт повествует, умудряясь вообще ни разу не упомянуть их главного героя.

В высшей степени характерно, что из семи книг «Греческой истории» только седьмая, последняя, включает пассажи с участием Эпаминонда; впервые последний появляется у Ксенофонта в связи с кампанией 367 г. до н.э. (Xen. Hell. VII. 1. 41), хотя, по идее, он должен был бы встретиться уже в пятой книге. Причем это первое упоминание – какое-то внезапное, как бы спонтанное, не сопровожденное никакой вводной характеристикой, даже минимальной. «После этого Эпаминонд, желая подчинить себе ахейцев, чтобы внушить этим уважение к себе аркадянам и прочим союзникам, решил отправиться походом на Аркадию...». Словно бы речь идет о человеке, уже неоднократно ранее фигурировавшим на страницах труда.

Мы имеем биографию Эпаминонда, написанную Корнелием Непотом; однако лишний раз даже не стоит повторять, что Непот был путаником и в целом писателем, о котором уж точно можно было бы сказать «доверяй, но проверяй». Особенность данного текста заключается в том, что он содержит достаточно подробную, весьма хвалебную характеристику личности героя, его человеческих качеств (очевидно, римский биограф взял за основу какой-то оказавшийся в его распоряжении энкомий), а вот последовательного изложения его карьеры как политика и полководца у Непота практически нет. Завершает он свое изложение показательным пассажем, созвучным приведенному чуть выше суждению Цицерона: «...один человек значил больше, чем целое государство» (Nep. Epam. 10).

Чрезвычайно досадной является утрата жизнеописания Эпаминонда, принадлежавшего перу Плутарха. Достоверно известно, что херонеец написал таковое. Более того, известно даже, кого из римлян он поставил фиванцу в пару – Сципиона Эмилиана, тоже в своем роде «рыцаря без страха и упрека»[33]. Но, увы, обе эти биографии до нас не дошли.

Сохранилась, правда, довольно большая плутархова подборка принадлежавших Эпаминонду «крылатых слов» – в трактате «Изречения царей и полководцев», входящем в состав «Моралий» (Plut. Mor. 192c – 194c). Данный трактат обычно считается (насколько можно судить, справедливо) неким сводом черновых материалов, подготовленным Плутархом в ходе его работы как раз над «Сравнительными жизнеописаниями».

[33] Как характеризует его Н.Н. Трухина в книге: *Трухина Н.Н.* Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1984.

Также, к счастью, сохранилась написанная Плутархом биография Пелопида – верного друга и соратника Эпаминонда. Два фиванца часто (хотя и не всегда) шли по жизненному пути рука об руку, и в результате, рассказывая о Пелопиде, просто невозможно было не говорить заодно и об Эпаминонде. Вполне естественно, что имеется немало информации о последнем (как мы уже имели возможность убедиться) и в плутарховой биографии Агесилая.

У Полиена, младшего современника Плутарха и автора известного сочинения о военных хитростях, глава, посвященная Эпаминонду (Polyaen. II. 3), тоже достаточно велика. Характер приводимых этим писателем сведений, впрочем, порой весьма сомнителен с точки зрения достоверности, как и тех, которые находим у Непота. У Полиена ошибок, пожалуй, даже еще больше. Типичный пример: уже первый его рассказ об Эпаминонде гласит о том, как жена фиванца подвергалась сексуальным домогательствам Фебида, спартанского гармоста на Кадмее, а оскорбленный супруг в отместку организовал заговор и перебил весь гарнизон спартанцев, в том числе и самого Фебида. Здесь неверно буквально всё. И жены у Эпаминонда не было, по согласному утверждению остальной нарративной традиции (см. ниже); и антиспартанский заговор 379 г. до н.э. наш герой не только не возглавлял, но даже и не принимал в нем прямого участия; и спартанский гарнизон в результате переворота был не уничтожен, а просто вынужден покинуть фиванский акрополь; и Фебид тогда не погиб, поскольку его вообще не было в Фивах на момент описываемых событий... Перед нами хорошая иллюстрация того, сколько может быть откровенно фиктивного в произведениях тех позднеантичных авторов, которые не принадлежат к первоклассным, не стоят на уровне, скажем, того же Плутарха.

Есть сведения об Эпаминонде и в ряде других письменных источников (у Диодора, Павсания, Элиана, Афинея и др.), но мы здесь, конечно, не ставим целью давать их перечень. Соответствующие сообщения будут привлекаться по мере необходимости при анализе конкретных событий.

В современной исследовательской литературе фигура Эпаминонда в целом не пользуется большой популярностью. Выше упоминалась защищенная в одном из провинциальных американских университетов диссертация (автор – К. Джеймс), в которой разбираются аспекты военного искусства Эпаминонда, влияние его как полководца на Филиппа II Македонского[34]. Из статей особенно знаменитой стала новаторская по подходу работа П. Видаль-Накэ и П. Левека «Эпаминонд-пифагореец, или Проблема правого и левого фланга», впервые опубликованная в 1960 г., а впоследствии воспроизведенная в дополненном виде в «Черном охотнике» Видаль-Накэ[35]. К этому важному исследованию, за-

[34] *James C.M.* Op.cit.

[35] Соответственно, она имеется и в русском переводе: *Видаль-Накэ П.* Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 91–112).

ставившему всех во многом по-иному посмотреть на фигуру Эпаминонда, нам еще предстоит обращаться в дальнейшем по ходу изложения. Что же касается отечественного антиковедения, вообще не припомним, чтобы славный фиванец привлек в нем чей-либо специальный интерес.

* * *

Никто никогда не сможет назвать с какой-либо точностью дату рождения Эпаминонда. Мы в свое время предположили время около 410 г. до н.э.[36], не приводя, впрочем, сколько-нибудь серьезной аргументации (ее просто нет), и нимало не настаиваем на какой-либо точности. Но приблизительно эта датировка, полагаем, более или менее верна.

Известно, что отца Эпаминонда звали Полимнидом; упоминается в источниках также брат нашего героя по имени Кафисий. Что касается матери, в предыдущей главе упоминалось, что Плутарх ссылался на жалобы еще Дикеарха (вообще говоря, не так уж и отдаленного во времени от Эпаминонда), что имя ее не сохранено.

Род Эпаминонда был чрезвычайно знатен. Согласно древней легенде, когда-то Кадм, основатель Фив, бросил в землю зубы убитого им дракона – и из них взошло племя могучих воинов, спартов («посеянных»). Спарты тут же начали сражаться между собой и почти все друг друга перебили; выжили только пять человек, ставшие верными соратниками Кадма. Поскольку потомков самого Кадма (а это, напомним, то семейство, к которому принадлежал, в числе прочих, знаменитый Эдип) в Фивах в историческую эпоху уже не осталось, получается, что в полисе просто не было аристократов более «благородных», чем те, кто возводил свое происхождение непосредственно к спартам. Одним из таких людей (надо полагать, не столь уж и часто встречавшихся) был Эпаминонд.

В то же время в источниках подчеркивается, что был он хоть знатен, но небогат. Согласно Непоту, он «жил в наследственной бедности» (Nep. Epam. 2). Плутарх в этом плане даже противопоставляет его Пелопиду: последний тоже был любим херонейским биографом (который, понятно, любил вообще всех своих великих земляков), но ему «не повезло», поскольку он был человеком состоятельным («воспитанный в полном достатке и еще совсем молодым получив завидное наследство» – Plut. Pelop. 3), а это в глазах греческих мыслителей являлось всегда скорее *отягчающим* обстоятельством. Соответственно, из уст Плутарха органично раздаются следующие характеристики: «Все прочие с благодарностью пользовались щедростью и человеколюбием Пелопида, и лишь

[36] *Суриков И.Е.* Эпаминонд // Исторический лексикон. Древний мир. В 2-х книгах. М., 2009. Кн. 2. С. 713; *он же* Полис, логос, космос: мир античного эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012. С. 264; *он же.* Пифагор. М., 2013. С. 228.

одного из друзей – Эпаминонда – он не в силах был убедить принять в подарок хоть малую толику его богатства. Напротив, он сам разделял с Эпаминондом его бедность... Эпаминонд привычную, перешедшую к нему от родителей бедность сделал для себя еще более легкой и необременительной, занимаясь философией и с самого начала избрав жизнь в одиночестве, а Пелопид... расстроил свое состояние, совсем не заботясь о собственных делах и отдавая свое время делам государственным» (Plut. Pelop. 3).

Бесспорно, будет правильным наблюдением, что «герой-бессребреник» – это один из топосов античной риторической традиции. Не менее верным, однако, будет и то наблюдение, что топос этот отнюдь не был универсальным, а проявлялся весьма избирательно. Никому и в голову не приходило утверждать, что, скажем, Мильтиад, Фемистокл, Кимон, Перикл, Никий, Алкивиад (и т.д.) были бедны и подвизались на поприще доблести. Нет, относительно всех перечисленных фигур встретим в античной традиции скорее иной мотив: они были богаты, *но тем не менее* подвизались на поприще доблести.

Топос «благородной бедности» работал применительно к довольно ограниченному числу известных личностей. Если ограничиваться древнегреческим материалом классической эпохи, среди них будут, скажем, Солон, Аристид (κατ᾽ ἐξοχήν)[37], Сократ, Эфиальт, Ламах (впрочем, это персонаж скорее второстепенный, да и не такой уж однозначный[38]), позже – Фокион. Римская история тоже знает таких персонажей. Особенно в хронологических рамках Ранней Республики. Работающий нагишом на своем участке Цинциннат, полунищий, но бескорыстный Фабриций – кому не памятны такие образы? Равно как и ламентации в духе «посмотрите на дом Сципиона (Катона, etc.) и сравните с домами, в которых мы теперь живем». Причем – не можем удержаться от замечания – сравнения такие делались именно в упрек наличествовавшей повседневности, а не так, как теперь: дескать, «как убого жили наши предки еще сто лет назад и как комфортно по сравнению с ними мы теперь живем!!!!». Да, автор этих строк, хоть он еще и не очень старый человек, помнит прекрасно, как жила, скажем, русская деревня в 1970-е. Жила она явно в стиле Цинцинната и Фабриция, а не в стиле их антагонистов. По большому счету, она живет так и теперь. И для нас в этом залог здоровья, а не болезни...

Итак, вряд ли следует подвергать серьезному сомнению мотив бедности применительно к Эпаминонду. Стоит, пожалуй, лишь заметить, что античные авторы могли, увлекшись, эту бедность и преувеличивать. «У Эпаминонда был

[37] См. нашу главу об Аристиде в АГ-2, с акцентированием, в числе прочих, и этого момента.

[38] В связи с Ламахом см.: *Суриков И.Е.* Перикл, Ламах и Понт Евксинский. Историческая география и ономастика: о пользе комбинированного использования данных // Историческая география. Т. 1. М., 2012. С. 51–67.

один-единственный, да и то поношенный, плащ. Если его приходилось отдавать валяльщику, Эпаминонд сидел дома, так как не имел на смену другого» (Aelian. Var. hist. V. 5). «Сам же он, когда шел на Пелопоннес, то должен был занять у одного фиванца пятьдесят драхм на походные издержки» (Plut. Mor. 193b).

Полагаем, что до такого все-таки дело не доходило. Бедность Эпаминонда была, конечно, не бедностью нищего, а бедностью беотийского крестьянина, «потомка Гесиода», который, как отмечалось выше, хоть и не роскошествовал, но и с сумой по миру отнюдь не ходил, являлся человеком, вполне себя обеспечивающим. Со стороны Эпаминонда, скорее всего, имела место еще и сознательная скромность и непритязательность в быту – как элемент определенного стиля поведения, последовательно (пожалуй, даже демонстративно) им практиковавшегося. Это ориентация на спартанскую простоту. Внешнеполитическая борьба первой половины IV в. до н.э. сложилась так, что в данной сфере наш герой мог быть только решительным противником Спарты. Но это совершенно не обязательно должно было исключать его позитивное отношение к особенностям повседневной жизни спартанцев, которой восхищались многие интеллектуалы.

А Эпаминонд, помимо прочего, был действительно еще и интеллектуалом. Отмечается, что он получил прекрасное образование в духе традиционной калокагатии: «играть на кифаре и петь под струны обучил его Дионисий – музыкант, прославленный не менее, чем Дамон или Лампр, чьи имена известны всему свету; игре на флейте он учился у Олимпиодора, танцам – у Каллифрона» (Nep. Epam. 2). Кстати, вот лишнее доказательство тому, что совсем уж обедневшей семья Эпаминонда не была.

Особо оговаривается, что с юности он серьезно интересовался философией, особенно пифагорейской. «Эпаминонд и пифагореизм» – тема, которой просто нельзя не коснуться, говоря об интересующем нас политике. Получилось так, что со второй половины V в. до н.э. Фивы стали одним из значительных центров этого философского течения.

Школа Пифагора возникла, как известно, далеко на западе – в Великой Греции, и главным центром ее был Кротон. Однако уже с конца VI в. до н.э. в этом регионе начались (по причинам, на которых здесь неуместно подробно останавливаться[39]) погромы пифагорейских сообществ. Сам их основатель скончался в положении беженца, всеми покинутый. Но еще много лет после его смерти продолжались преследования пифагорейцев. Очередное, особенно крупное восстание против этих кружков, в частности, произошло около 450 г. до н.э. Кстати, сам тот факт, что с последователями Пифагора приходилось бороться снова и снова, с предельной ясностью демонстрирует: они не были

[39] Подробнее см.: *Суриков И.Е.* Пифагор... С. 173 слл., 225 слл.

сломлены, не считали свое дело погибшим! Их убивали и изгоняли – а их союз опять возрождался, как Феникс. И, наверное, главную роль здесь сыграли светлая память об учителе, стремление, несмотря ни на что, сохранить его заветы.

Интересно, что расправы с пифагорейцами на западе эллинского мира дали одно совершенно не предвиденное гонителями последствие: дальнейшее территориальное распространение пифагореизма. Вынужденные покидать полисы Южной Италии и Сицилии, многие пифагорейцы бежали в саму Грецию – и несли с собой свои идеи. Когда-то Пифагор отбыл из бассейна Эгейского моря в далекие земли – а теперь его учение возвращалось оттуда на «родину автора».

Так, именно в Фивах во второй половине V в. до н.э. обосновались пифагорейцы Симмий и Кебет. Впоследствии они, часто бывая в соседних Афинах, вступили в тесную дружбу с Сократом. Они даже были с афинским «босоногим мудрецом» в тот самый день, когда его казнили[40], и слушали последние сократовские слова. Да и не просто слушали, а активно участвовали в беседе. Это засвидетельствовал для нас Платон в диалоге «Федон», целиком посвященном описанию этого дня. Кстати, нельзя исключать, что общение с Симмием и Кебетом сильно повлияло и на самого Платона; о пифагорейских элементах в учении этого величайшего представителя мировой философской мысли говорить приходится в самом прямом смысле.

Еще более важно, что в Фивы отбыл Филолай, который может быть с полным правом назван вторым по значению (естественно, после самого Пифагора) из ранних пифагорейцев. Филолай родился около 470 г. до н.э. в Кротоне; стало быть, Пифагора он застать не мог, но, возрастая в городе, который стал когда-то главным «очагом» пифагорейского учения, он, конечно же, не мог не иметь достойных наставников. Самый крупный погром, от которого пострадали адепты пифагореизма, случился в Кротоне, как упоминалось чуть выше, около 450 г. до н.э. Тогда-то Филолаю, совсем еще молодому, и пришлось перебраться в Фивы. Там он оставался несколько десятилетий, но потом покинул-таки этот город (Plat. Phaedo 61e) и уплыл обратно на запад. Вернувшись в Южную Италию, он, впрочем, выбрал «местом прописки» не Кротон, где его вряд ли доброжелательно ждали, а Тарент. Филолай прожил очень долгую жизнь; он, кажется, застал еще Платона, когда тот впервые (в 388 г. до н.э.) посетил Великую Грецию, и встречался с ним[41].

Не без влияния упомянутых мыслителей Эпаминонд стал убежденным пифагорейцем. Анализу этого интересного вопроса посвящена упоминавшаяся выше этапная статья П. Видаль-Накэ и П. Левека[42]. Выдающиеся француз-

[40] *Суриков И.Е.* Сократ. М., 2011. С. 324.

[41] *Лебедев А.В.* Филолай // Философский энциклопедический словарь. 2 изд. М., 1989. С. 694.

[42] *Видаль-Накэ П.* Ук.соч. С. 91 слл.

ские ученые сделали вывод, что есть все основания говорить о пифагореизме Эпаминонда.

Существует свидетельство (принадлежащее, правда, автору, жившему на самом закате античности, в V или даже VI в. н.э.), согласно которому Эпаминонд слушал непосредственно самого Филолая (Ps.-Nonn. Comm. in Greg. Naz. IV. 19)[43]. Впрочем, факт такого ученичества чаще подвергается сомнению. Уж очень велика была разница в возрасте между философом и полководцем – лет в 50-60, надо полагать. Исключать, конечно, ничего нельзя: выше упоминалось, что Филолай дожил до глубокой старости. Но все-таки он покинул Фивы почти за тридцатилетие до того, как Эпаминонд выдвинулся на ведущие позиции в этом городе. Так что если наш герой и успел пообщаться с прославленным пифагорейцем, то разве что в самой ранней юности и лишь очень недолго.

В основном античные писатели называют наставником Эпаминонда не Филолая, а другого представителя пифагореизма – менее известного Лисида (Лисиса)[44], тоже беженца из Великой Греции, уроженца Тарента. Приведем некоторые важные сообщения источников об этом.

«Философию же преподавал ему Лисис из Тарента, пифагореец, к которому юноша привязался настолько, что ни с кем из своих сверстников не был так дружен, как с этим угрюмым и суровым стариком; отпустил он его от себя лишь после того, как далеко опередил в науке всех своих однокашников, ясно обнаружив, что так же будет превосходить всех и в прочих занятиях» (Nep. Epam. 2). «И как у Платона учился Дион, разве не так же и не тому же учился... у известного пифагорейца Лисида едва ли не величайший герой всей Греции, фиванец Эпаминонд?» (Cic. De or. III. 139). «Будучи еще юношей, он (Эпаминонд – И.С.) посещал Лисиса, родом из Тарента, бывшего последователем учения Пифагора с Самоса» (Paus. IX. 13. 1). «...Лисид, знаменитый ученик Пифагора, образовал Эпаминонда» (Aelian. Var. hist. III. 17). «А сочинение, приписываемое Пифагору, принадлежит Лисиду, тарентинскому пифагорейцу, который бежал в Фивы и был учителем Эпаминонда» (Diog. Laert. VIII. 7). «...Лисид бежал в Элладу и стал там другом и учителем Эпаминонда»

[43] Тут мы должны покаяться, что в соответствующем месте нашей книги о Пифагоре (*Суриков И.Е.* Пифагор... С. 232) привели не совсем корректную ссылку, напрасно доверившись русскому изданию книги Видаль-Накэ (*Видаль-Накэ П.* Ук.соч. С. 105. Прим. 74). Автор свидетельства – не Нонн Панополитанский, писавший в V в. автор известной, вполне языческой, поэмы о Дионисе, а также и ряда совершенно христианских по духу трудов. Нет, наш автор – так называемый Псевдо-Нонн. Иногда считают, что это был авва Нонн (тезка Нонна Панополитанского), монах, живший в начале VI в.

[44] Написание «Лисид» более корректно, но и написание «Лисис» не является недопустимым. Для русской передачи древнегреческих ономастических единиц именно такого типа вообще характерна двойственность. Ср. «Агид» – «Агис» (спартанское царское имя).

(Porph. Vita Pyth. 55). «Лисид же, возненавидев свой город за его бездействие, уехал в Элладу и жил в Ахайе Пелопоннесской, затем по чьему-то приглашению переселился в Фивы. Его слушателем стал Эпаминонд, называвший Лисида отцом. Здесь он (Лисид – И.С.) и умер (Iambl. De vita Pyth. 35. 250).

Безусловно, перечисленные свидетельства являются достаточно поздними – не старше I в. до н.э. Но всё же это не повод для того, чтобы от них просто так отмахнуться. Их список достаточно обширен (а мы процитировали еще не все, см. также: Cic. De off. I. 155; Diod. X. 11. 2; Plut. Mor. 479d-f), и к тому же они все выглядят довольно единообразными, без резких содержательных отклонений друг от друга[45], и производят однозначное впечатление восходящих к некой единой традиции, сложившейся относительно рано. И, помимо всего прочего, кому и зачем потребовалось бы придумывать историю об ученичестве Эпаминонда у Лисида? Onus probandi должен лежать на том, кто откажется в данном случае доверять источникам; ему придется предложить версию о том, по каким мотивам могла появиться подобная фальсификация.

О юных годах Эпаминонда Непот замечает: «Достигнув возраста эфеба и начав посещать палестру, он старался развить в себе не столько силу, сколько ловкость, ибо рассуждал, что сила нужна атлетам, а ловкость полезна на войне. Поэтому он усердно упражнялся в беге, а в борьбе достиг такого совершенства, что захватывал и валил противника, не сходя с места. С наибольшим же рвением учился он владеть оружием» (Nep. Epam. 2). Это в целом согласуется с тем, что пишет и Плутарх (Mor. 192c): согласно последнему, Эпаминонд, как мы уже знаем, «говорил, что воины должны упражнять тело не только для атлетики, но и для боя».

Из всего видно, что Эпаминонд, как типичный представитель крестьянской «беотийской цивилизации», с некоторым пренебрежением относился к атлетическим упражнениям как таковым, не считал их самоцелью и полагал, что они могут быть полезными только как способ подготовки к воинской службе. Полагаем, что это представляло собой одну из тех черт, которая была в нашем герое симпатична именно римским авторам (мы уже видели, как высоко они его ценили). Прекрасно известно, что сами римляне относились к «спорту ради спорта» примерно так же негативно[46].

[45] Серьезное отклонение встречаем в другом рассказе Диодора (XVI. 2), где соучеником Эпаминонда у пифагорейцев престает не кто иной, как... будущий македонский царь Филипп II. По данному поводу Видаль-Накэ остроумно и резонно замечает: «Эта глупость, сказанная сицилийским историком, не дает оснований считать встречу Эпаминонда и Лисида просто художественным вымыслом» (*Видаль-Накэ П.* Ук.соч. С. 105. Прим. 72). Кстати, заметим, что в этом месте у Диодора Лисид не назван по имени, а просто сказано, что наставником Эпаминонда (и якобы Филиппа) был философ-пифагореец. Так что тут перед нами какая-то другая традиция, и ее ложность никак не влияет на отношение к основной.

[46] Занятно читать, как Непот на протяжении биографии Эпаминонда местами словно

Плутарх (в другом месте) вообще делает акцент на то, что «Пелопид питал бóльшую склонность к телесным упражнениям, Эпаминонд к наукам, и первый проводил досуг в палестре и на охоте, а второй – слушая философов и размышляя над услышанным» (Plut. Pelop. 4). Но здесь, возможно, контрастная антитеза между двумя верными, неразлучными друзьями[47] в риторических целях чрезмерно заострена. Ничто не говорит об Эпаминонде как об этаком «кабинетном ученом», всецело погруженном в какие-то интеллектуальные штудии. Нет, он был и теоретиком, и практиком! С полным основанием можно говорить о нем как о личности гармонически развитой, выдающейся во всех отношениях – умственном, физическом, этическом, да даже и в том, что касается пресловутых «хороших манер»...

* * *

Значительная часть жизни Эпаминонда пришлась на те десятилетия, когда Греция находилась под «спартанским сапогом». В сущности, наш герой возрастал и формировался как личность в этих условиях. Когда он был еще ребенком, Спарта в результате победы в Пелопоннесской войне обрела никем не оспариваемое положение гегемона. Потом, правда, была Коринфская война, но по ее итогам лакедемоняне подтвердили и даже укрепили собственную гегемонию, после чего стали особенно безапелляционно диктовать свою волю эллинским полисам (об этом говорилось в предыдущей главе).

Для Фив это были особенно тяжелые и мрачные времена. Хотя крупнейшему городу Беотии уже давно было больше свойственно находиться в числе союзников Спарты, чем в лагере ее противников, но после Анталкидова мира союз-

бы начинает «оправдываться» перед своей римской аудиторией: «...Пусть наши читатели настроятся не судить чужие обычаи по своим и пусть они не воображают, что занятия, весьма пустые с их точки зрения, считаются таковыми и у других народов. Ведь известно, что у нашей знати не принято заниматься музыкой, а танцы у нас почитаются за порок. У греков же эти занятия считаются и приятными, и почтенными» (Nep. Epam. 1). И далее – в связи с тем, что Эпаминонд преуспел в занятиях философией: «Все эти успехи, по нашим понятиям, пусты и, пожалуй, достойны презрения, но в Греции, особенно в те времена, они почитались весьма высоко» (Nep. Epam. 2).

[47] Плутарх всячески подчеркивает дружбу между двумя знаменитыми фиванцами (см. прежде всего характерный пассаж: Plut. Pelop. 4). Непот, со своей стороны, всю эту тему затушевывает, как только может. Опять перед нами характерное различие между греческим и римским менталитетом. Для римлянина «старинной закалки» слишком тесная дружба двух мужчин была где-то на грани извращения, для грека же не было ничего более естественного. Компаративный анализ отношения эллинов и “Romuli nepotum” к дружбе мог бы стать весьма перспективным предметом исследования. В качестве некоего первого подхода к таковому см.: *Konstan D.* Friendship in the Classical World, Cambridge, 1997.

ные отношения между двумя государственными стали явственно преображаться в неравноправные, приобретать черты зависимости с фиванской стороны.

Достаточно важно следующее указание Плутарха: дружба Эпаминонда и Пелопида «началась при Мантинее, где оба сражались в рядах вспомогательного войска, посланного фиванцами лакедемонянам, тогдашним их друзьям и союзникам» (Plut. Pelop. 4). Далее рассказывается, как Пелопид был весь изранен, а Эпаминонд защищал его с огромным риском для собственной жизни. О том же событии сообщает и Павсаний (IX. 13. 1).

Речь идет, конечно, не о знаменитой Мантинейской битве 362 г. до н.э., завершившей жизнь Эпаминонда. Это другая кампания, датируемая 386 или 385 г. до н.э. О ней упоминалось в главе об Агесилае – достаточно кратко, поскольку этот спартанский царь сам в событиях не участвовал. Напомним, что имеется в виду война Спарты с Мантинеей, приведшая к диойкизму последней, к временной ликвидации мантинейского полиса.

Кстати, участие в данной войне – первый известный факт из карьеры Эпаминонда, еще молодого (около 25 лет). А потом происходит перерыв, и на протяжении некоторого времени мы о нем практически ничего не слышим. Похоже, что он сознательно устранялся от активной политической деятельности, не видя для нее реальной возможности в годину спартанского засилья. А засилье это становилось всё более ощутимым и болезненным для сильных Фив. Надо полагать, что и фиванский отряд воинов для помощи Спарте в борьбе с мантинейцами был послан не без нажима со стороны полиса-гегемона. Ну, а еще через несколько лет «спартанский сапог» уже, можно сказать, в самом прямом смысле опустился на беотийскую столицу. Об имевшей место в 382 г. до н.э. акции Фебида, о лакедемонском гарнизоне на Кадмее, об установлении крайне-лаконофильской олигархии в городе уже говорилось.

В ходе этих событий Пелопид был вынужден уйти в изгнание, а вот Эпаминонд, пишет Плутарх, «остался на родине – враги смотрели на него с презрением, уверенные, что занятия философией превратили его в бездельника, а бедность – в ничтожество» (Plut. Pelop. 5). Несомненно, в те годы будущий великий полководец жил жизнью частного человека, предавался интеллектуальным занятиям и, соответственно, не вызывал опасений у правящих олигархов.

Тем не менее даже и тогда он пользовался любой возможностью, чтобы пробудить в согражданах патриотизм, стремление освободиться, уверенность в собственных силах. Так, он советовал фиванским юношам во время общепринятых в греческих полисах регулярных спортивных тренировок почаще вызывать на состязание в борьбе спартанских солдат (имеются в виду те, которые входили в состав стоявшего на Кадмее гарнизона и, естественно, принимали какое-то участие в жизни города. Нередко фиванцы побеждали в этих поединках (см. об этом: Plut. Pelop. 7; Polyaen. II. 3. 6). И убеждались: если каждый из

них в отдельности не слабее спартанца, то почему они все вместе взятые должны бояться спартанского войска?

В 379 г. до н.э. в Фивах произошел – волей-неволей приходится вновь упоминать уже хорошо известный нам факт – демократический антиспартанский переворот. Правящие олигархи были свергнуты, власть взяло в свои руки народное собрание. Выступление демократов возглавил (или, во всяком случае, был в числе его главных лидеров) Пелопид, для этого тайно вернувшийся из изгнания.

Об этом увенчавшемся успехом заговоре мы не будем подробно рассказывать[48], поскольку интересующий нас в первую очередь Эпаминонд не принял личного участия в перевороте: он считал внутриполисные конфликты, гражданские войны безнравственными в принципе. «Любая победа в гражданской войне представлялась ему безнравственной» (Nep. Epam. 10). Точнее, мы все-таки встречаем нашего героя в числе «отцов» нового строя, но он появляется среди них только на самом последнем этапе их действий – когда главари олигархического переворота были уже перебиты и вопрос стоял о том, как обезвредить спартанцев, засевших на фиванском акрополе. «...Как только началась борьба с лакедемонянами у Кадмеи, тот же Эпаминонд встал в первые ряды» (Nep. Epam. 10; ср. Plut. Pelop. 12). Ведь это действительно была уже борьба не против соотечественников, а против чужеземцев, внешних врагов. Что и говорить, позиция принципиальная и последовательно проведенная!

Осажденные спартанцы были вынуждены, заключив договор о безопасном отступлении, покинуть Беотию. Эпаминонд же, немедленно после изменения политической системы призванный согражданами к власти, занял лидирующее положение в полисе и сохранял его вплоть до конца жизни. Его власть ни в коей мере, естественно, не была единоличной. Она походила на положение, которым пользовался за несколько десятилетий до того Перикл в Афинах, – положение «первого гражданина», благодаря своему громадному личному авторитету имеющего наибольшее влияние на гражданский коллектив полиса, официально проявляющееся только в том, что сограждане регулярно избирают его на высокие должности.

Еще точнее будет сказать, что в Фивах сразу после переворота 379 г. до н.э. сложился некоторый узкий круг таких особенно влиятельных граждан, окруженных ореолом «спасителей и освободителей». В этот круг, естественно, входил Пелопид, а также еще несколько лиц (Горгид, Мелон, Харон и др.). Но именно Эпаминонд являлся в обществе своих сотоварищей «первым из равных».

Возможно, правда, что он обрел подобный статус не с самого начала, а по прошествии какого-то времени, но, полагаем, всё же достаточно небольшого.

[48] Можно о нем прочесть со всеми подробностями в книге: *Buck R.J.* Boiotia... P. 72 ff.

Досадной крайностью представляется нам иногда высказывающееся мнение, согласно которому Эпаминонд вплоть до 371 г. до н.э. не играл в Фивах какой-то особо значительной роли. Указывают при этом на тот факт, что именно к этому году относится первое прямое указание на занятие им должности беотарха (о беотархах см. ниже).

Но на основе данного argumentum ex silentio никак нельзя делать ответственный вывод о том, что ранее 371 г. до н.э. Эпаминонд ни разу не был беотархом. Отсутствие упоминаний об этом в имеющихся в нашем распоряжении источниках имело бы еще какую-то силу в качестве довода, если бы биография Эпаминонда была нам известна очень хорошо[49]. А это отнюдь не так, особенно применительно к первому периоду его жизни, до левктрского дела. Далее, из свидетельств Непота и Плутарха, нам кажется, однозначно следует, что герой данной главы возвысился в Фивах немедленно после антиспартанского переворота. Наконец, всё, что происходило в фиванском полисе и в Беотии в целом после этого переворота, представляется продуктом последовательной реализации некоего единого, целостного плана, прекрасно продуманного чьим-то мощным умом. И кому мог принадлежать этот ум, если не Эпаминонду? Пелопид, при всём к нему уважении, все-таки не вправе претендовать на роль «гиганта мысли» (а тем менее – кто-либо другой из членов новой фиванской элиты). А вот всё, что мы знаем об Эпаминонде, прекрасно согласуется именно с таким образом. Поэтому мы абсолютно убеждены, что уже с 379 г. до н.э. начала воплощаться жизнь именно его программа.

Прежде чем перейти к этому, не можем не констатировать один занятный факт. Всегда пишут, что в этом году в Фивах крайнюю олигархию сменила демократия. В действительности же всё оказывается несколько сложнее. Что имело место до переворота? Система, при которой власть находилась в руках очень небольшой группы лиц (Архий, Леонтид, Филипп и др.). А что имело место после переворота? Система, при которой «на самом верху» находилась постоянно тоже очень небольшая группа лиц, но, конечно, других (Эпаминонд, Пелопид, Горгид и др.). Не покидает впечатление, что – при полной персональной смене высшей элиты – сущность осталась той же. Да, этих первых избирало на их посты народное собрание, но характерно, что избирало оно именно их и фактически только их. Контраст, скажем, с Афинами, где шла постоянная ротация «кадров» и у власти постоянно оказывались в значительной мере новые люди, достаточно заметен. «Беотийская демократия» демонстрирова-

[49] Впрочем, даже и тогда этот довод был бы слабым. Так, биография Перикла известна из источников несравненно лучше. И тем не менее мы не знаем точно, когда Перикл впервые был избран стратегом, и на сей счет высказывались различные мнения; датировки его первого пребывания в этой должности колеблются от 465 до 454 г. до н.э. (см.: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 194–195).

ла явственную специфику; она ни при каких условиях не готова была (да и не желала) радикализоваться до такой степени, как афинская, и охлократические тенденции ей были чужды.

Беотийский союз по инициативе Эпаминонда и его соратников был восстановлен (хотя это и являлось прямым нарушением условий Анталкидова мира 387 г. до н.э.). И теперь, надо сказать, он строился на более централизованных началах, чем когда-либо, находясь где-то на грани между гегемониальной симмахией и единым государством (пожалуй, даже ближе к последнему). Во главе союза стояли семь выборных сроком на год (с правом многократного переизбрания) высших должностных лиц – беотархов. Четверо из них представляли Фивы и только три – все остальные беотийские города. Впрочем, можно сказать «только три», но можно сказать и «целых три». В симмахиях, возглавлявшихся Афинами, даже и ничего подобного не было – ни в V, ни в IV в. до н.э. представители союзных полисов вообще не допускались к высшему командованию. Войском командовали стратеги, а они были все поголовно афинянами.

Положение беотархов, кстати, было во многом идентичным положению афинских стратегов. Подобно последним, они являлись как верховными военными, так и верховными гражданскими магистратами: и во многом руководили политической жизнью союза, и возглавляли армию в период военных кампаний. Еще одна черта сходства – возможность переизбираться на свой пост, насколько можно судить, неограниченное количество раз. Мы готовы допустить, что беотийцы, создавая свою новую «конституцию», сознательно копировали некоторые элементы афинской политической системы эпохи ее лучших времен. Эпаминонд, как отмечалось выше, избирался беотархом неоднократно; думаем, корректно будет сказать, что на протяжении 370-х – 360-х гг. до н.э. он чаще занимал эту должность, чем не занимал.

Несомненно, по инициативе Эпаминонда (и, разумеется, того круга политиков-военачальников, в центре которого он стоял) в Беотии создавалась по-настоящему мощная сухопутная армия (появился и флот, но об этом будет сказано ниже). Ставилась цель в достаточно краткий срок вырастить такую гоплитскую фалангу, которая не уступала бы спартанской. Решалась эта задача, в числе прочего, созданием элитных, особо боеспособных подразделений, самым прославленным из которых стал «священный отряд» (ὁ ἱερὸς λόχος). Как указывает Плутарх, заслуга создания этого отряда принадлежала одному соратнику Эпаминонда – Горгиду[50], – а в дальнейшем усовершенствовал его действия в бою другой член их группировки, Пелопид.

«В него входили триста отборных мужей, получавших от города всё необходимое для их обучения и содержания и стоявших лагерем в Кадмее...

[50] Горгид упоминается рядом с Эпаминондом уже в связи с переворотом 379 г. до н.э. (Plut. Pelop. 12).

Некоторые утверждают, что отряд был составлен из любовников и возлюбленных... Существует рассказ, что вплоть до победы при Херонее он оставался непобедимым... После битвы Филипп, осматривая трупы, оказался на том месте, где, в полном вооружении, грудью встретив удары македонских воинов, лежали все триста мужей... Бойцов священного отряда Горгид распределял по всему строю гоплитов, ставя их в первых рядах; таким образом, доблесть этих людей не особенно бросалась в глаза... Лишь Пелопид... больше не разделял и не расчленял их, но использовал как единое целое, посылая вперед в самые опасные места боя... Так, полагал он, храбрые люди, внушая друг другу рвение к славе и подвигам, оказываются особенно выгодны и полезны для совместных действий» (Plut. Pelop. 18–19).

Бесспорно, перед нами серьезное и значительное новшество в военном деле; не приходится сомневаться, что оно стало одним из тех факторов, которые позже повлияли на реформы армии, осуществленные в Македонии Филиппом II. Последний (как прекрасно известно, в юности он жил в Фивах в качестве заложника и не мог не знать самых знаменитых фиванцев того времени) тоже ведь создавал в своем войске элитные подразделения разных уровней, которые потом очень пригодились его сыну Александру в восточных походах[51].

Мы не думаем, что Эпаминонд находился совсем в стороне от дела, которым занимались его ближайшие друзья. У нас есть даже подозрение, что в конечном счете именно он за ними и стоял, разработав, так сказать, общую концепцию, а ее конкретное воплощение доверив Горгиду, а затем Пелопиду. Понимаем, что нас могут упрекнуть в некоей «абсолютизации» фигуры Эпаминонда, приобретающей в нашей трактовке некоторые черты этакого всемогущего и вездесущего гения...

Но ведь он, в сущности, и являлся этаким добрым гением своей родины, которая была для него в полном смысле слова über Alles. «Однажды в праздник, когда все пили и гуляли, он попался кому-то на глаза, прохаживающийся хмуро и задумчиво; тот удивился, что он здесь один в таком виде делает, а он ответил: “Думаю, чтобы вы могли пить и ни о чем не думать”» (Plut. Mor. 192e). О подобном его настрое постоянно говорят источники; в них образ Эпаминонда весьма един и целостен – это образ человека, которого волнует только дело, общее дело. Он совершенно не заботится о себе самом, в том числе и о своей

[51] Автору этих строк, не являющемуся специалистом непосредственно в области военного дела (тем более македонского), но, естественно, кое-что читавшему и по данной проблематике, припоминаются отрывочные упоминания в источниках об «агеме», «гипаспистах» (элитных пелтастах?), знаменитых «аргираспидах», да даже и о пресловутых «пажах». Кстати, сама идея элитных подразделений в войске совершенно чужда ментальности классического греческого полиса, находящегося в поре расцвета. Последний стремился по возможности ликвидировать вообще какое бы то ни было неравенство на полях сражений. Один из символов полиса – фаланга, в которой все поневоле ὅμοιοι.

репутации. Огромная скромность, безусловно, отличала нашего героя; он не афишировал свои деяния и мог вполне спокойно относиться к тому, что какие-то из них будут приписаны впоследствии не ему лично, а кому-либо из членов его «команды». Судя по всему, так получилось и со «священным отрядом».

Беотийцы до какого-то момента «сосредоточивались», копили силы, а затем пришли к выводу, что пора реализовывать накопившийся потенциал, откровенно заявить о своих притязаниях. Полагаем, что и за этой активизацией тоже стоял Эпаминонд. Впрочем, на сей раз – почему «стоял за»? В 371 г., когда в Спарте проходил упоминавшийся в главе об Агесилае межполисный конгресс, он, собственно, уже совершенно открыто заявил о своей позиции о своих намерениях.

Пламенная речь Эпаминонда (он, судя по всему, возглавлял делегацию, которая сама называла себя беотийской, однако лакедемонские власти в конце концов решили признать ее только фиванской) против спартанского засилья, сказанная в ту пору, когда остальные эллины не смели и слова молвить против полиса-гегемона, привлекла всеобщие симпатии (Plut. Ages. 28)[52]. Как мы видели, Ксенофонт, друг и поклонник Агесилая, об этой речи (ставшей, несомненно, главной сенсацией конгресса) вообще не говорит ни слова, и не говорит совершенно сознательно. Напомним, что Эпаминонд требовал не только всеобщего равенства в отношениях между полисами (этому, конечно, никак не соответствовал факт спартанской гегемонии, однако же и Беотийский союз строился, как мы видели, отнюдь не на равноправных началах), но и не более и не менее как освобождения Спартой периэкских городов Лаконики. Если при этом ставилась задача как можно сильнее «разъярить льва», то это и было достигнуто.

Спартанские власти во главе с Агесилаем, буквально потрясенные подобной дерзостью, тут же разорвали дипломатические отношения с Фивами. А уже вскоре войско Пелопоннесского союза (во главе с Клеомбротом, соправителем Агесилая, находившимся в тот момент в Фокиде и получившим соответствующий приказ) выступило на Беотию. Но мы уже знаем, чем это закончилось: роковой битвой при Левктрах.

Об этой битве мы лишь упомянули в главе, посвященной Агесилаю, сказав там же, что подробнее остановиться на ней лучше будет при описании деятельности Эпаминонда. Сейчас как раз пришло это время – изложить ход сражения, ставшего одной из самых славных страниц в истории военного искусства,

[52] Ср. также: Nep. Epam. 5–6: «Был он также красноречив – изящен в репликах и блистателен в длинных речах, так что никто из фиванцев не мог сравниться с ним в ораторском искусстве... Но ярче всего блеснуло его красноречие в Спарте, где он участвовал в качестве посла еще до битвы при Левктрах... На этом многолюднейшем съезде послов он так изобличил тиранию лакедемонян, что речью своей сокрушил их силу не меньше, чем победой при Левктрах».

не только античного, но и, как говорится, «всех времен и народов». Многие великие полководцы последующих эпох, будь то Фридрих II или Наполеон, восторженно отзывались о действиях своего великого фиванского коллеги. Особенно высоко ставили, конечно, примененную Эпаминондом уникальную тактику «косого клина налево» (ἡ φάλαγξ λοξὴ ἐπὶ τὸ εὐώνυμον, Plut. Pelop. 23).

Бой имел совершенно неожиданный исход. Спартанцы шли на него с полной, веками выношенной уверенностью в победе, а в итоге потерпели едва ли не самое страшное поражение в своей истории. И это даже несмотря на то, что они имели значительный численный перевес – 10–11 тысяч воинов (если быть совсем точным, 10 тысяч гоплитов и 1 тысяча всадников, Plut. Pelop. 20) против 6 тысяч у беотийцев.

Ксенофонт – тот из античных авторов, чей рассказ в данном случае является свидетельством современника, – описывает Левктрскую битву с ярко выраженной спартанской точки зрения. Похоже, что его информатором был человек, непосредственно участвовавший в деле. Во всяком случае, у этого историка упоминаются даже мельчайшие детали такого, например, рода: «После завтрака Клеомброт созвал последний военный совет; в полдень все подвыпили, полагая, что вино возбуждает отвагу[53]. Затем воины – и спартанские, и беотийские – облачились в боевое снаряжение, и стало ясно, что сейчас начнется битва» (Xen. Hell. VI. 4. 8–9).

Переходя к рассказу о самом сражении, Ксенофонт указывает: «...в глубину лакедемонское войско имело не больше двенадцати рядов. Строй фиванцев был тесно сомкнут и имел в глубину не менее пятидесяти щитов» (Xen. Hell. VI. 4. 12). Здесь нужно иметь в виду, что речь идет не о всей фиванской фаланге (чтобы выстроить фалангу *такой* глубины по всему фронту, потребовалось бы колоссальное войско)[54], а именно об одном ее фланге. Кстати, уже сама подобная реакция демонстрирует некий ужас от неожиданности (как если бы кто-нибудь, направляясь охотиться, скажем, на зайца, натолкнулся вдруг на медведя). Кажется, информатор Ксенофонта оказался как раз на той стороне, где Эпаминонд готовил свой решительный удар, и у него возникло ложное впечатление, что фиванцы *повсюду* в таком сильном преимуществе. Между прочим, это ведь важный психологический фактор (напугать, переполошить противника!), который, полагаем, тоже принимал в расчет великий фиванец.

[53] «Как сошлися в чистом поле с пьяной ратью трезва рать...», – пели мы в студенческие годы в шуточной песне о Куликовской битве. Снова и снова убеждаемся, что в IV в. до н.э. куда-то девалась былая спартанская доблесть. Приходилось теперь прибегать к каким-то искусственным «допингам» типа алкоголя.

[54] Даже и 12 рядов в спартанской фаланге – это довольно много. Обычно фаланга строилась в 7–8 шеренг. Принципом построения любого такого войска был, понятно, следующий: ceteris paribus чем больше глубина – тем меньше ширина.

Ксенофонт и далее продолжает защищать своих излюбленных спартанцев. «Первоначально верх взяло всё же войско Клеомброта. Несомненным доказательством этого служит то, что лакедемоняне оказались в состоянии подобрать Клеомброта (командующий был смертельно ранен, что вряд ли является признаком успехов спартанского войска, – И.С.) и живым унести с поля битвы; это было бы невозможно, если бы сражавшиеся впереди него в этот момент не одерживали верх. Однако... войско, не выдержав натиска массы врагов, стало отступать; дрогнули и те, которые были на левом фланге лакедемонян, заметив, что враг теснит правый фланг (более или менее прямое указание на главное, что произошло в этом сражении, – И.С.). Но, несмотря на огромный урон и поражение, лакедемоняне, перейдя назад через ров, оказавшийся перед их лагерем, удержали отступление и остановились на тех самых пунктах, откуда начали наступать...» (Xen. Hell. VI. 4. 13–14).

Согласно Ксенофонту, вроде бы ничего особо страшного и не произошло. Спартанцами был даже удержан лагерь. Однако оптимистическое впечатление, мягко говоря, сильно меркнет, когда тот же автор начинает говорить о жертвах: «...полемархи видели, что весь урон лакедемонян достигает тысячи человек, что из спартиатов, которых всего было в бою около семисот, пало приблизительно четыреста» (Xen. Hell. VI. 4. 15).

Заметим: в левктрской кампании спартиаты (эта «соль Эллады») участвовали в экстраординарно большом для рассматриваемой нами эпохи количестве. Напомним, что в связи с некоторыми из выше упоминавшихся войн фигурировали такие, например, цифры, как «тридцать спартиатов»... А основной контингент армий формировался из лакедемонян более низких статусов – гипомейонов, неодамодов, периэков. Уж как тряслась Спарта над своими полноправными гражданами! А тут встречаем целых семьсот. Видно, лакедемонские власти были полны желания хорошенько проучить Фивы.

И из этих семисот павшими оказалось больше половины! Жертвы настолько беспрецедентные, что, похоже, их масштаб и вправду был в полной мере осознан только со временем. В классических битвах фаланг, этих красивых играх вооруженных людей, смертность, вообще говоря, была, как правило, невелика – благодаря тому, что гоплиты обладали мощным оборонительным вооружением и сразить их было непросто.

Не случайно после битвы при Левктрах беотийский командующий Эпаминонд прибег вот к какой стратегеме: «На следующий день лакедемоняне решили похоронить своих мертвых и послали с этим вестника к фиванцам. Зная, что лакедемоняне обычно скрывают свои потери, Эпаминонд сказал, что он разрешает сначала похоронить убитых союзников[55], а после того, как они

[55] Имеются в виду воины из отрядов, присланных полисами – членами Пелопоннесского союза.

будут убраны, он позволяет лакедемонянам хоронить и своих. Так как из союзников у одних вообще некого было хоронить, так как у них не было убитых, а у других, как выяснилось, погибших было очень мало, то лакедемоняне стали хоронить своих и, таким образом, обнаружилось, что убитыми были одни спартанцы. У фивян и беотийцев, которые остались с ними, было убито 47 человек, а у одних только лакедемонян больше чем тысяча» (Paus. IX. 13. 11–12; ср. Plut. Mor. 193b).

Да, чувствуется, Эпаминонд был выдающимся знатоком человеческих душ! Перед нами – очередная его уловка, имевшая целью оказание психологического эффекта, причем как на своих, так и на врагов. В главе об Агесилае мы видели, что Спарта была если и не совсем деморализована потерями (ее дисциплинированные граждане старались сохранять спокойствие, хотя бы внешнее), то все-таки в значительной степени обескуражена. Гибель четырехсот гомеев, утрата командующего-царя (кажется, это был второй – после Леонида при Фермопилах – случай, когда архагет не возвращался живым с поля боя) – всё это навевало весьма мрачные чувства.

А с другой стороны, применительно к тем, кто симпатизировал Фивам и склонялся на их сторону, но доселе еще побаивался спартанцев, не было лучшего способа максимально ярко продемонстрировать крушение мифа о заведомой непобедимости «бесстенного города». Впечатление от левктрского дела было именно таким, какое планировал произвести Эпаминонд. Он не только выиграл битву, но сумел и должным образом «подать» свою победу. В результате восторжествовало мнение, которое встречаем, например, у Павсания. Прямо перед пассажем, который мы процитировали чуть выше, он говорит: «Победа, одержанная фиванцами, была самым замечательным делом из всех побед, какие только эллины одерживали над эллинами» (Paus. IX. 13. 11).

Впрочем, надо сказать, что повествование Павсания о самом сражении (IX. 13. 4–10) совершенно невыразительно, в нем даже отсутствует какое-либо упоминание, прямое или косвенное, о «косом клине». Непот, со своей стороны, в биографии Эпаминонда вообще не рассказывает о битве при Левктрах, а в биографиях Пелопида (Nep. Pelop. 4) и Агесилая (Nep. Ages. 6) лишь мимоходом ее затрагивает. Иная картина – с Плутархом. Не приходится сомневаться, что наиболее подробное описание боя содержалось в написанном им жизнеописании самого Эпаминонда, но оно, как мы знаем, утрачено. В биографии Агесилая на событие только кратко указывается (Plut. Ages. 20), поскольку оно происходило без участия этого спартанского царя. А вот в биографии Пелопида Плутарх считает необходимым остановиться на сражении с определенной степенью детализации – ведь Пелопид тогда был командиром «священного отряда», сыгравшего немалую роль в исходе дела.

«Когда битва началась, Эпаминонд вытянул свое левое крыло по косой линии, чтобы как можно больше оторвать от остальных греков правое крыло

спартанцев и погнать Клеомброта, разом нанеся ему сокрушительный удар с фланга. Противник, разгадав его замысел, начал перестраивать свой боевой порядок, развертывая и загибая правое крыло в намерении превосходящими силами окружить и запереть Эпаминонда, но в этот миг триста воинов Пелопида (имеется в виду «священный отряд» – И.С.) рванулись вперед, на бегу сплачивая ряды, и прежде чем Клеомброт успел растянуть крыло или, вернувшись в первоначальное положение, сомкнуть строй, напали на спартанцев, еще находившихся в движении и приведенных в замешательство собственными перемещениями. Известно, что лакедемоняне, непревзойденные мастера и знатоки военного искусства, прежде всего старались приучить себя не теряться и не страшиться, если строй оказывается расторгнутым, но, где бы ни застигла каждого опасность, одновременно и восстанавливать порядок и отражать врага, используя поддержку всех товарищей позади и с обеих сторон. Однако в тот раз главные силы фиванцев, которые, под командованием Эпаминонда, минуя прочих, устремились прямо на них, и Пелопид, с непостижимою уму стремительностью и дерзостью завязавший бой, настолько поколебали их умение и уверенность в себе, что началось бегство и резня, каких спартанцы еще никогда не видывали» (Plut. Pelop. 23).

Констатирует новшество в военном деле, примененное Эпаминондом, также и Диодор: «Отобрав из всего войска наилучших солдат, он их поставил на одну сторону войска, причем он сам взял на себя командование ими в бою. Более слабых воинов он выстроил на противоположной стороне войска и приказал им избегать сражения и при наступлении врага отступать. Поэтому-то он и выстроил войско косым фронтом: он решил, что судьбу боя решит то крыло, на котором были выстроены отборные воины» (Diod. XV. 55. 2). Сказано многоречиво и несколько невнятно (даже не акцентировано, что усиленный Эпаминондом фланг, вопреки обыкновению, был левым), но сказано, в общем, о том же самом.

Итак, фиванский полководец отчасти (но достаточно принципиально) отступил от общепринятой практики ведения гоплитских сражений[56]. Последняя заключалась в том, что в обоих вступающих в бой фалангах традиционно более сильным, ударным делалось правое крыло. Там ставились лучшие воины, там же находился и командующий. Естественно, это укрепление одного крыла достигалось за счет ослабления другого. Возникал некоторый дисбаланс, который, впрочем, не имел количественного характера. В результате битва развертывалась следующим образом: в каждой армии правый фланг шел в атаку, левому же отводились оборонительные действия, причем силы этого фланга были готовы к тому, чтобы несколько отступить под напором врага. Тому, кто

[56] Об этой практике см. хотя бы: *Krentz P.* Fighting by the Rules: The Invention of the Hoplite Agôn // Hesperia. 2002. Vol. 71. P. 23–39.

посмотрел бы на такое сражение сверху, показалось бы, что оно, так сказать, закручивается в направлении «против часовой стрелки». Главной целью оба командующих ставили прорыв неприятельской линии фронта на той стороне, где осуществлялось наступление. Если удавалось достигнуть такой цели, это фактически решало исход битвы: армия, чьи передние ряды были прорваны, как правило, начинала немедленный отход или даже бегство, тем самым признавая свое поражение. А их противники обычно даже не начинали преследования, поскольку победителем считался тот, кто удерживал за собой поле боя.

Эпаминонд же со своим «косым клином» внес в построение беотийского войска именно количественное неравенство. Одному из крыльев была придана исключительная, беспрецедентная глубина – до 50 рядов гоплитов. Количественный перевес на этой стороне был дополнен и качественным. Фланг, которому предназначалось быть атакующим, был укомплектован наиболее боеспособными подразделениями. В частности, судя по свидетельствам источников, именно там располагался «священный отряд» Пелопида, представлявший собой, так сказать, самое острие ударного клина.

В данном отношении, впрочем, новаторство Эпаминонда еще не шло вразрез с традиционными принципами гоплитского военного дела, – скорее, даже напротив: представляло собой еще более полное их воплощение. Пожалуй, большее значение имело не столько то, что военачальник чрезвычайно усилил одно из крыльев фаланги, сколько то, что этот фланг являлся левым, а не правым. Вот это действительно было чем-то совершенно на тот момент невиданным для эллинского полководческого искусства. В результате получилось так, что сильный правый фланг спартанцев неожиданно для себя натолкнулся на еще более сильный левый фланг фиванцев! Обычного «закручивания» не произошло, вместо него имело место лобовое столкновение. А при таких столкновениях, как известно из физики твердых тел, более массивный предмет сокрушит более легкий, а сам потерпит значительно меньший ущерб.

Спартанцы по традиции построили свою фалангу в форме вытянутого прямоугольника. Благодаря численному превосходству над противниками они могли позволить себе сделать ее несколько более глубокой, чем обычно (12 рядов вместо нормальных 7–8). Однако 50 рядов – это явным образом не 12, а в несколько раз больше. В ходе сражения мощный «клин» беотийской армии нанес страшный, не поддававшийся адекватному отражению удар по правому крылу пелопонесского войска. Последнее было обращено в бегство и наголову разгромлено. Соотношения количества жертв – не менее тысячи со спартанской стороны против нескольких десятков с фиванской, – полагаем, уже о чем-то говорит... Именно битва при Левктрах создала Эпаминонду репутацию гениального полководца.

* * *

Заметим здесь, что как раз в связи с ней П. Видаль-Накэ и П. Левек в вышеупомянутой статье, собственно, и привлекли внимание к вопросу об «Эпаминонде-пифагорейце». По мнению французских ученых, фиванский военачальник, строя в левктрском сражении свою фалангу «косым клином» и особенно усиливая, вопреки сложившимся традициям, ее левый фланг, руководствовался своими познаниями в области пифагорейской философии и, таким образом, в своем полководческом искусстве действовал как ее истый приверженец.

Ведь именно в пифагореизме при осмыслении бытия особое внимание уделялось парам противоположностей. Представители этой философской школы выстраивали на этой основе целую систему взаимосвязанных бинарных оппозиций. Это было связано с активно практикуемой ими числовой мистикой[57], которую, пожалуй, было бы точнее назвать диалектикой «одного и иного», «единого и многого». Собственно, именно эту диалектику и имеют в виду, когда говорят о пифагорействе как о таком учении, согласно которому «числа правят миром». Античные свидетельства на сей счет достаточно обильны, но в большинстве своем как-то расплывчаты, даже темны.

«...В пифагорейских записках содержится также вот что. Начало всего – единица; единице как причине подлежит как вещество неопределенная двоица; из единицы и неопределенной двоицы исходят числа; из чисел – точки; из точек – линии; из них – плоские фигуры; из плоских – объемные фигуры; из них – чувственно-воспринимаемые тела, в которых четыре основы – огонь, вода, земля и воздух; перемещаясь и превращаясь целиком, они порождают мир – одушевленный, разумный, шаровидный, в середине которого – земля...» (Diog. Laert. VIII. 24–25).

«...Понятие единства, тождества, равенства, причину единодушия, единочувствия, всецелости, то, из-за чего все вещи остаются самими собой, пифагорейцы называют Единицей... А понятие различия, неравенства, всего, что делимо, изменчиво и бывает то одним, то другим, они называют Двоицей... Таков же смысл и других чисел: всякое из них соответствует какому-то значению. Так, всё, что в природе вещей имеет начало, середину и конец, они по такой его природе и виду называют Троицей, и всё, в чем есть середина, считают троичным, и всё, что совершенно, – тоже; всё совершенное, говорят они, исходит из этого начала и им упорядочено, поэтому его нельзя назвать иначе, чем Троицей... Точно так же и последующие числа подчинены у них единому образу и значению, который они называют Десяткою... Поэтому они утверждают, что десять – это совершенное число, совершеннейшее из всех, и что в нем заключе-

[57] Подробнее см.: *Суриков И.Е.* Пифагор... С. 209 слл. На выкладки, сделанных в этой нашей более ранней книге, мы здесь в основном и опираемся.

но всякое различие между числами, всякое отношение их и подобие» (Porph. Vita Pyth. 49–52).

В целом в вышеизложенном определенную, вполне последовательную логику уловить, без сомнения, все-таки можно. Перед нами именно диалектика «одного и иного», как говорилось чуть выше. Отсюда – рассуждения о постоянном и меняющемся, что отражается в образах Единицы (Монады) и Двоицы (Диады). Первой придаются скорее положительные обертоны, второй – отрицательные. «Из двух противодействующих сил лучшую он (Пифагор – И.С.) называл Единицею, светом, правостью, равенством, прочностью и стойкостью; а худшую – Двоицей, мраком, левизной, неравенством, зыбкостью и переменностью» (Porph. Vita Pyth. 28). И далее появляется Троица (Триада), как некий синтез двух первых чисел – синтез, тем самым уже как бы обладающий некоторой степенью совершенства.

В противопоставлении пифагорейцами Единицы и Двоицы, в частности, противополагаются друг другу такие принципиальные категории, как нечетное и четное. Пифагорейцы и сюда вносили оценочный момент: нечетное – хорошо, четное – плохо[58]. Тут необходимо предоставить слово Аристотелю, поскольку он в одном из своих трудов высказался по интересующей нас проблематике наиболее подробно (Arist. Metaph. I. 986a18 sqq.), да и по времени своей жизни стоял к раннему пифагореизму несравненно ближе, чем те же Диоген Лаэртский или Порфирий:

«...Элементами числа они (пифагорейцы – И.С.) считают четное и нечетное, из которых первое – предельное (т.е. имеющее предел, границу – И.С.), а второе – беспредельное; единое же (речь идет о единице – И.С.) состоит у них из того и другого (а именно: оно и четное и нечетное), число происходит из единого, а все небо, как было сказано, – это числа. Другие пифагорейцы утверждают, что имеется десять начал, расположенных попарно:

предел и беспредельное
нечетное и четное
единое и множество
правое и левое
мужское и женское
покоящееся и движущееся
прямое и кривое
свет и тьма
хорошее и дурное
квадратное и продолговатое

[58] Совсем недавно выпустил новую книгу крупнейший в России специалист по пифагореизму: *Жмудь Л.Я.* Пифагор и ранние пифагорейцы. М., 2012. Она «немножко чрезмерно сложно» написана, но при желании и некотором усилии нужную информацию из нее можно почерпнуть.

Такого же мнения, по-видимому, держался и Алкмеон из Кротона (известный врач и мыслитель-пифагореец, живший на рубеже VI–V веков до н.э. – И.С.)... Он утверждает, что большинство свойств, с которыми сталкиваются люди, образуют пары... Например: белое – черное, сладкое – горькое, хорошее – дурное, большое – малое».

Поневоле припоминается интересная историко-культурная параллель. В традиционных китайских воззрениях фигурируют – уже с глубокой древности (как минимум с середины I тысячелетия до н.э.) – два противоположных начала: Инь и Ян. Эти слова, собственно говоря, обозначают «темное» и «светлое». Но названные первопринципы противопоставляются и в прочих отношениях. Инь и Ян – это пассивное и активное, мягкое и твердое, женское и мужское, земное и небесное...

Сходство с пифагорейским дуализмом выглядит просто-таки разительным! Не скажем, правда, что это сходство – полное и абсолютное. Имеются и различия. Так, в Китае мужское, благое начало Ян ассоциируется с активностью, а женское, дурное начало Инь – с пассивностью. У пифагорейцев наоборот. Если условно назвать два начала пифагореизма «Нечет» и «Чет», то Нечет окажется мужским и благим, а Чет – женским и дурным. То есть Нечет соответствует китайскому Ян, Чет – китайскому Инь. Однако пифагорейский Нечет связывается с покоящимся (т.е. пассивным), а Чет – с движущимся (т.е. активным). Но тут перед нами особенности именно древнегреческого философского мировосприятия, ставившего покой выше движения. Это достаточно серьезная и сложная историко-культурная проблема, о которой здесь не место подробно говорить[59].

И в любом случае, подобные мелкие различия – всего лишь детали, не влияющие на общую картину. Но, подчеркнем, размышляя о причинах почти полного сходства между пифагорейским и китайским учениями, версию заимствования можно отбросить сразу. В связи с другой мыслью Пифагора – о метемпсихозе – мысль о заимствовании, в данном случае из Индии, – иногда высказывается. Но в том случае подобный вопрос можно хотя бы *поставить* (но, правда, потом ответить на него скорее все-таки отрицательно), а вот в случае с двумя началами его даже и поставить нельзя. Об Индии греки эпохи Пифагора хоть что-то знали (впрочем, знали мало и смутно), а о Китае не ведали вообще ничего. Даже не догадывались о существовании этой далекой страны. Не догадывался еще и Александр Македонский, живший через два века после Пифагора; он (как и все его современники) был убежден, что восточнее Индии суши уже нет.

Итак, если не заимствование, то, выходит, самостоятельное, независимое развитие двух похожих систем представлений? Получается, что только так. Тут, пожалуй, имеет смысл отметить, что в очень многих человеческих культу-

[59] Подробнее см.: *Суриков И.Е.* Полис, логос, космос... С. 198.

рах (едва ли не во всех) более или менее значительную роль играют те самые дуальные противопоставления. Возьмем ли мы древний зороастризм, где утверждалось, что вся история есть противоборство доброго и злого верховных божеств, возьмем ли мы, допустим, мировоззрение современных американцев, для которых весь мир делится на «хороших парней» и «плохих парней»... Возможно, причина – в том, что построение пар таких противоположностей – простейший способ систематизации мира человеческим разумом.

Впрочем, пифагорейский дуализм (а фактически – даже плюрализм, поскольку в учении, восходящем к Пифагору, имелся целый ряд чисел, признававшихся самостоятельными сущностями) в любом случае контрастирует с ярко выраженным монизмом, лежавшим в основе теорий ранних ионийских натурфилософов[60]. Последний всем известен: Фалес считал началом всего воду, Анаксимандр – какой-то апейрон (что бы это ни было), Анаксимен – воздух, Гераклит – огонь и т.д. С другой стороны, философы V в. до н.э. (если не брать в расчет редких маргиналов вроде Диогена Аполлонийского) все являются плюралистами (или, как минимум, дуалистами). Таковы Парменид, Эмпедокл, Демокрит... Пифагор, мощно вторгнувшись в философскую мысль со своей числовой доктриной, многое в ней (философской мысли) направил по новому пути.

Но вернемся к Эпаминонду-пифагорейцу. Как уже отмечалось выше, в пифагореизме стройный ряд согласованных друг с другом пар противоположностей (нечет – чет, свет – тьма, мужское – женское, прямое – кривое и т.п.) включал в себя и пару «правое – левое». Правое соотносилось со всем благим, левое – с его противоположностью.

Греки в большинстве своем были суеверны, и им (как и тем из нас, кто придерживается суеверий) левая сторона была нелюбезна в принципе. Показателен уже сам тот факт, что понятие «левое» они (несомненно, в апотропеических целях) обозначали как ἀριστερόν, что, по идее, должно обозначать примерно «еще более наилучшее» (к ἄριστος, превосходной степени от ἀγαθός – «хороший», – аккуратно присоединен еще и суффикс абсолютной сравнительной степени).

Так что же, Эпаминонд, укрепляя свой левый фланг, метафизически становился на сторону зла? Не думаем, что он имел в виду именно это. Скорее его задача, как он ее мыслил, была иной: в корне изменить бытовавшие в Элладе представления о том, что (и, главное, кто) является «добром, светом»,

[60] Заостренно об этом монизме см.: *Seaford R.* Money and the Early Greek Mind: Homer, Philosophy, Tragedy. Cambridge, 2004. P. 217 f. Наше согласие с данной конкретной идеей упомянутого исследователя совершенно не означает, что мы готовы в целом принять его интересную, но крайне спорную систему взглядов, в которой главной причиной появления греческой натурфилософии объявляется появление у эллинов монеты.

а кто – «злом, тьмою». На Фивах давненько, как минимум еще со времен Греко-персидских войн, лежала мрачная печать какого-то «царства тьмы»[61]. Величайший гражданин этого полиса задался, видимо, целью поменять местами «оценочные знаки».

Как бы то ни было, его тактика в Левктрской битве увенчалась самым полным успехом, какой только можно представить. Историческое значение этого эпохального сражения заключалось в том, что оно окончательно развеяло миф о непобедимости спартанских сухопутных сил, а главное – в корне изменило всю военно-политическую ситуацию в Греции. Спартанская гегемония окончилась. Появился новый полис-гегемон: от Спарты эта роль перешла к Фивам[62].

Добившись торжества над прежними «простатами Эллады» на территории собственной области, Эпаминонд, как известно, на этом не остановился. Именно он в дальнейшем едва ли не ежегодно водил в качестве беотарха войска беотийцев на Пелопоннес. О многих событиях кампаний данного периода (создание Аркадского союза, освобождение Мессении, атаки даже на Лаконику, в ходе которых под угрозой оказывалась судьба самой Спарты) говорилось в предыдущей главе, посвященной Агесилаю, и повторяться мы, конечно, не будем. Более уместно будет сконцентрироваться на нескольких эпизодах, относящихся как раз к 460-м гг. до н.э. и прекрасно характеризующих личность Эпаминонда (тем более что, подчеркнем снова и снова, именно личности нам наиболее интересны в рамках книги, написанной в историко-биографическом жанре).

Должность беотарха позволялось занимать ровно год, ни днем больше. Но однажды Эпаминонд не вернулся с войском из Пелопоннеса к сроку сложения полномочий и задержался на полуострове на четыре месяца, поскольку военные действия шли уж очень успешно и прерывать их было нецелесообразно. Когда же он с победой вернулся, его привлекли к суду за нарушение закона. Эпаминонд не отрицал своей вины, сказал, что готов даже на смертную казнь, но, по словам Плутарха, добавил: «Если вы меня казните, то на могильной пли-

---

[61] См. к этому: *Рунг Э.В.* Панэллинизм и мидизм в истории Фив классического периода // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12: Из истории античности и нового времени: Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2013. С. 81–98.

[62] О периоде фиванской гегемонии см.: *Sealey R.* A History of the Greek City States ca. 700 – 338 B.C. Berkeley, 1976. P. 423–437; *Buckley T.* Aspects of Greek History 750–323 BC: A Source-Based Approach. L. – N.Y., 1996. P. 329 ff.; *Buckler J.* Aegean Greece in the Fourth Century BC. Leiden – Boston, 2003. P. 296 ff.; *LaForse B.* The Greek World, 371–336 // A Companion to the Classical Greek World. Oxf., 2006. P. 544–559; *Hornblower S.* The Greek World 479–323 BC. Fourth edition. L. – N.Y., 2011. P. 254 ff. Но наиболее детально вся история возвышения Фив освещена в монографии: *Buckler J., Beck H.* Central Greece and the Politics of Power in the Fourth Century BC. Cambridge, 2008.

те напишите ваш приговор, чтобы эллины знали: это против воли фиванцев Эпаминонд заставил их выжечь Лаконику, 500 лет никем не жженную, отстроить Мессену (столицу Мессении – И.С.), 230 лет как разрушенную, собрать и объединить Аркадию, а для всех эллинов добиться независимости» (Plut. Mor. 194b). Он, конечно, был оправдан.

Однако, поскольку он не успел к выборам беотархов, на следующий год ему пришлось участвовать в очередном походе в качестве рядового гоплита. Но, когда фиванцы были окружены в теснине, командиры беотийцев обратились к нему за помощью. Эпаминонд временно принял на себя командование и вывел войско из затруднительного положения (Nep. Epam. 7).

Хронология вышеописанных событий не вполне ясна[63]. Судебный процесс над Эпаминондом античная нарративная традиция приурочивает к окончанию той кампании, в ходе которой беотийскими войсками штурмовалась Спарта. Красочные рассказы Ксенофонта и Плутарха о ее обороне Агесилаем приводились нами выше, когда речь шла об этом спартанском царе. Здесь следует добавить еще вот что. Согласно одной из версий, «бесстенный город» удалось отстоять благодаря двум факторам: к доблести и находчивости Агесилая присоединилось то обстоятельство, что Еврот разлился от зимних дождей и в итоге форсировать его непосредственно напротив Спарты беотийцам не удалось. Существует, однако, альтернативная версия: Эпаминонд намеренно отказался от взятия вражеской столицы. С одной стороны, в очередной раз проявил свой рыцарственный характер, пощадил обреченного противника, находившегося в слишком уж неравных условиях. С другой стороны, руководствовался также и прагматическими соображениями (Polyaen. II. 3. 5):

«Эпаминонд вторгся в Лаконику и намеревался разграбить город лакедемонян, но, изменив решение, не достигнув города, выступил в поход (т.е. в обратный путь – И.С.). Коллеги по должности грозили ему судом. Он же, указав им на союзников – аркадян, мессенцев, аргивян и сколько есть других пелопоннесцев, – сказал: “Если бы мы опустошили лакедемонян, то теперь следовало бы сражаться со всеми ними...”». Здесь перед нами проявление истинно стратегического мышления. Если сообщение Полиена соответствует действительности, получается, что Эпаминонд в чем-то предвосхитил концепцию баланса сил, в окончательном виде сложившуюся уже позже, в эллинистическую эпоху. Он предлагал до определенного момента не уничтожать Спарту, а сохранять ее – пусть и ослабленную – в качестве противовеса остальным государствам Пелопоннеса, дабы эти последние, если в лице спартанского полиса исчезнет опасность в их тылу, не объединились против нового гегемона.

Нападение на Спарту имело место зимой, по нашему счету – в декабре. Именно в декабре же, в день зимнего солнцестояния, в Фивах проходили выбо-

[63] *Cuff P.J.* The Trials of Epaminondas // Athenaeum. 1954. Vol. 32. Fasc. 1/2. P. 259–264.

ры беотархов. Таким образом, вырисовывается вполне согласованная картина: Эпаминонд не успевает к сложению должности и к новым выборам именно потому, что как раз тогда действует в Лаконике. Загвоздка, однако, заключается в следующем: часто считают, что попытка взятия Спарты относится уже к первой пелопоннесской кампании Беотийского союза (370 г. до н.э.). В таком случае выходило бы, что Эпаминонд не был избран беотархом на 369 г. до н.э. Однако мы знаем, что на этот год пришлась вторая пелопоннесская кампания, и в ней командующим беотийцев вновь являлся наш герой. Налицо противоречие. А с другой стороны, в следующем, 368 г. до н.э. фиванского похода на Пелопоннес не было, а был вместо того поход в Фессалию, и именно в нем Эпаминонд принимал участие не в качестве военачальника, а в качестве рядового воина. Во всяком случае, таков был его официальный статус; фактически же, как мы видели выше, ему в какой-то момент пришлось взять на себя командование (ср. также: Plut. Pelop. 28–29).

Проблема может быть успешно решена, если принять, что вторжение в Лаконику имело место в ходе не первой, а второй пелопоннесской компании фиванцев (именно так мы это событие и датировали в предыдущей главе). Тогда всё становится на свои места и неувязки ликвидируются. Причем предлагаемая хронология не является недопустимой, опровергаемой сообщениями источников: последние могут быть прочитаны и в удобном для нас смысле.

Теперь – о фессалийском походе и причинах, которыми он был вызван[64]. После битвы при Левктрах Фивы стремились действовать как подлинный гегемон эллинов, то есть как такой полис, который считает сферой своих интересов и своего влияния всю Грецию. Основным направлением их экспансии на протяжении 360-х гг. до н.э. было южное, пелопоннесское. Основным, но не единственным. Беотийский союз старался распространить свой контроль и за собственные северные рубежи, где находились Фессалия и Македония.

Оба этих региона были в рассматриваемый момент сотрясаемы междоусобными смутами, что, как казалось, во всех отношениях облегчало фиванское вмешательство. В Фессалии как раз в это время (в 370 г. до н.э.) был убит могущественный таг Ясон Ферский. Его племянник Александр, ставший в следующем году тираном Фер, решил пойти по стопам дяди и возглавить всю область. Но если с властью авторитетного Ясона фессалийская знать еще мирилась, то господство Александра Ферского она принять никак не пожелала[65] и обратилась за помощью в Фивы. В Македонии же боролись друг с другом законный царь Александр II и узурпатор Птолемей (судя по всему его дальний

[64] Об этих причинах см.: *Buckler J.* Aegean Greece... P. 320 ff.

[65] О положении Александра Ферского см.: *Sprawski S.* Alexander of Pherae: *Infelix* Tyrant // AT. P. 135–147.

родственник)[66]. Оттуда к фиванцам тоже прибывали посольства с просьбами «навести порядок».

«Северная миссия» была поручена Пелопиду (Plut. Pelop. 26 sqq.). Последний вначале действовал успешно: «Избавив фессалийцев от страха перед тираном (Александром Ферским – И.С.) и установив между ними полное единодушие, Пелопид отправился в Фессалию... Он уладил раздоры...», – пишет Плутарх. Отметим, что именно тогда в качестве заложника был доставлен в Фивы из Македонии младший брат царя Александра II – юноша Филипп. Тот самый человек, которому предстояло впоследствии стать прославленным Филиппом II, основателем македонской гегемонии в Элладе. Но о тех уроках военного дела, которые получил он в Фивах (прежде всего от Эпаминонда), вкратце уже упоминалось выше, а говорить об этом подробнее здесь нет никакого резона.

Вернемся к судьбе Пелопида (которая интересна нам, впрочем, лишь постольку, поскольку она была связана с биографией Эпаминонда). Замирение северных областей оказалось крайне эфемерным. Уже вскоре в Фессалии вновь стал проявлять свои амбиции Александр Ферский, а в Македонии Александр II пал от руки своего соперника Птолемея. Пелопид вновь отправился в места, где он совсем недавно был – на сей раз в качестве посла, без войска (ему сопутствовал только другой именитый фиванский гражданин – Исмений), и вот тут его ожидала ловушка. Коварный Александр Ферский, презрев общепринятые нормы межгосударственного права, захватил безоружных послов в плен.

Впрочем, нельзя сказать, что его поступок был совсем уж беспрецедентен. В принципе, удержание чужеземных послов в качестве заложников практиковалось в греческом полисном мире и ранее, хотя и редко. Достаточно вспомнить имевший место в 479 г. до н.э. инцидент с восстановлением афинянами своих оборонительных стен, вызвавшим обострение отношений со спартанцами[67]. Тогда афиняне по распоряжению Фемистокла задержали спартанских послов, а сам саламинский герой находился в аналогичном положении в Спарте.

В любом случае, не очень понятно, чего рассчитывал добиться Александр Ферский своим грубым демаршем. Следует отметить, что образ этого фессалийского тирана, который предстает перед нами из нарративной традиции, является негативным просто-таки до nec plus ultra. Мало кого из древнегреческих политических деятелей источники рисуют таким кровожадным зверем и полубезумным маньяком[68]. Исходя из сентенции «нет дыма без огня», мож-

[66] В связи с македонскими делами этих лет см.: *Hammond N.G.L., Griffith G.T.* A History of Macedonia. Vol. 2: 550–336 B.C. Oxf., 1979. P. 180 ff.; *Roisman J.* Classical Macedonia to Perdiccas III // CAM. P. 161 ff.; *Кузьмин Ю.Н.* Введение в историю древней Македонии. Самара, 2005. С. 10 сл.

[67] АГ-2. С. 176.

[68] См. хотя бы красочную инвективу: Plut. Pelop. 29.

но предположить, что Александр действительно не всегда отдавал себе отчет в последствиях своих действий. Ведь ясно же было, что могучие Фивы не потерпят подобного обращения – захвата одного из виднейших вождей государства. И, разумеется, поступок правителя Фер должен был вызвать у фиванцев отнюдь не желание идти на уступки, а, напротив, побуждал их к мщению.

Именно так и получилось. Впрочем, в ходе вторжения в Фессалию Эпаминонд действовал весьма аккуратно. Он, «превыше своей славы ставя спасение друга и опасаясь, как бы Александр, видя, что всё кругом рушится и потому вконец отчаявшись, не набросился на Пелопида, словно дикий зверь, умышленно затягивал войну и, безостановочно кружась по стране, неторопливостью своих приготовлений сломил тирана настолько, что, не дразня попусту его злобной горячности, в то же время ни на миг не давал воли его строптивости… Слава и грозное имя великого полководца, устрашили даже этого тирана… и он быстро отправил к Эпаминонду послов с извинениями и оправданиями» (Plut. Pelop. 29).

Пелопид и Исмений были освобождены и возвратились с Эпаминондом на родину. Пелопид, впрочем, очень тяжело переживал перенесенное им унижение, что впоследствии стоило ему жизни. Когда в 364 г. до н.э. он возглавил фиванское войско в новом походе к Фессалию – против того же Александра Ферского – и началось сражение, славный беотиец настолько кипел ненавистью к тирану, что рвался прямо к нему, желая схватиться в единоборстве. Он презирал любую опасность, не щадил себя и в результате погиб от вражеских ударов, даже не успев добраться до Александра, укрывавшегося за щитами телохранителей (Nep. Pelop. 5; Plut. Pelop. 32).

Но возвращаемся к Эпаминонду. Еще одной стороной его деятельности как «кузнеца» фиванской гегемонии была морская программа. В силу ряда причин занимать позицию полноценного гегемона эллинов мог в большинстве случаев только такой полис, который располагал не только сухопутной, но и морской мощью. Вот и пришлось крестьянской Беотии, традиционно слабо связанной с морем (даже несмотря на то, что протяженность ее побережий достаточно велика), озаботиться созданием сильного флота.

Сыграли свою роль не только принципиальные, но и конкретно-ситуативные соображения. Главными соперниками Фив в борьбе за первенство в рассматриваемый период являлись Спарта и Афины. Если войны с первой разворачивались, как мы знаем, на суше, то афино-фиванское противостояние неизбежно должно было распространиться и на акваторию Эгеиды.

«Город Паллады», уже оправившийся (в той мере, в какой это было возможно) от страшного ущерба, нанесенного Пелопоннесской войной, опять переживал относительный подъем. Возрождалось и его морское могущество. Афиняне, надо сказать, практически никогда (за исключением, может быть, самых черных для себя дней непосредственно после поражения 404 г. до н.э.)

не оставляли мысли о воссоздании мощной симмахии под своим лидерством, наследницы Афинской архэ, которая пользовалась бы господством на море. Восстановив еще в ходе Коринфской войны свои оборонительные укрепления, вновь построив значительный по численности флот, Афины в 380-х гг. до н.э. заключили ряд двусторонних договоров о военном союзе с эгейскими полисами, в том числе с важным в стратегическом отношении островом Хиосом. В 378 г. до н.э. на основе этих договоров сложился так называемый Второй Афинский морской союз[69], включивший в себя около 70 государств.

Афины (по крайней мере, на первых порах) отчасти учли те негативные моменты, которые были сопряжены с существованием Афинской архэ в V в. до н.э. и делали это объединение непрочным (подчиненное и неравноправное положение союзников, взимание с них унизительного фороса) и постарались при второй попытке создания морского союза избежать их. Новая симмахия основывалась на началах равноправия участников. Афиняне брали на себя обязательство не диктовать свою волю союзным полисам, принимать все решения лишь после обсуждения в высшем органе союза – заседавшем в Афинах синедрионе[70], в котором были представлены все члены объединения. Система принудительных выплат фороса больше не практиковалась; вместо того полисы, входившие в союз, вносили добровольные взносы (синтаксис).

Таким образом, Второй Афинский морской союз IV в. до н.э. был построен на значительно более приемлемых для союзников началах, нежели Афинская архэ предшествующего столетия. Пока эти принципы реально соблюдались, новая симмахия оставалась достаточно прочной и быстро превратилась в весьма влиятельную военно-политическую силу греческого мира. Благоприятному для Афин развитию событий способствовало и стечение внешних обстоятельств. С гегемонией Спарты было покончено. Фивы практиковали в основном военные действия на суше, где они были особенно сильны.

В результате Второй Афинский морской союз стал одним из наиболее мощных объединений полисов в Греции. Несомненно, у афинян появилось ощущение, что можно снова попытать свои силы в борьбе за гегемонию. Афинский флот численностью до 100 кораблей курсировал по Эгеиде, нападал на города, не входившие в союз, и из средств военной добычи и взыскиваемой контрибуции приносил симмахии немалые доходы. Главенство в союзе позволяло Афинам также контролировать Черноморские проливы, через которые осуществлялся ввоз хлеба в Балканскую Грецию из Северного Причерноморья.

---

[69] О котором см., например: *Funke P.* Athen in klassischer Zeit. München, 1999. S. 107 ff.

[70] *Антонов В.В.* Финансовые и судебные полномочия синедриона во Втором Афинском морском союзе // АКРА. Сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2002. С. 14–24. В более широком контексте см.: *он же.* О межполисных отношениях во Втором Афинском морском союзе // ИИАО. Вып. 8. Нижний Новгород, 2003. С. 3–14.

Этот импорт в IV в. до н.э. стал более насущным для Балканской Греции, в том числе и для самих Афин, нежели в предшествующем столетии[71].

Беда Афин, однако, заключалась в том, что, почувствовав свою силу, они постепенно начали переходить к прежней политике диктата по отношению к союзникам. Афиняне предприняли выведение клерухий на территорию некоторых союзных полисов, стали требовать увеличения взносов. Возврат к методам эпохи Афинской архэ вызвал естественное возмущение в среде членов союза и предопределил его распад. Уже позже целый ряд полисов, в том числе весьма значительных (Хиос, Родос, Византий и др.) поднял против Афин восстание, известное под названием Союзнической войны (357–355 гг. до н.э.). Афинянам тогда не удалось одержать победу над отпавшими союзниками, и Второй Афинский морской союз после описанных событий, хотя формально и продолжал существовать, но фактически уже не функционировал. Это произошло, повторим, после смерти Эпаминонда, но, надо полагать, уже в 360-х гг. до н.э. некоторая напряженность внутри симмахии начинала ощущаться.

Тем не менее союз тогда еще был весьма силен – прежде всего на море. На силу нужно было ответить адекватной силой. И в 365 г. до н.э. по инициативе Эпаминонда в Беотии создается флот численностью в 100 триер. В следующем году этот крупный флот вышел в море, а во главе его стоял опять же Эпаминонд. Был совершен рейд по Эгеиде (Родос, Хиос) и в зону Черноморских проливов, в ходе которого фиванцы доходили даже до Византия и Халкедона[72]. Цель акции заключалась в том, чтобы переманить – убеждением или принуждением – на свою сторону какое-то количество союзных с Афинами городов, и в ряде случаев это удалось. Кстати, когда Эпаминонд был в проливах, к нему прибыли послы даже из Гераклеи Понтийской и призывали вмешаться во внутренние дела их полиса[73] (в Гераклее шла междоусобная смута), но получили отказ (Iustin. XVI. 4. 3–4). Хотя это была бы хорошая возможность расширить сферу контроля Фив вплоть до черноморских берегов, но, видимо, Эпаминонд все-таки опасался заходить столь далеко (возможно, учитывая неопытность беотийских моряков). И в любом случае плавание 364 г. до н.э. осталось в фиванской истории неким изолированным эпизодом, не получившим продолжения. «Город Кадма», отстаивая свою гегемонию, все-таки по-прежнему делал основной упор на ведение сухопутных военных действий.

---

[71] *Garnsey P.* Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis. Cambridge, 1989. P. 131 ff.

[72] *Heskel J.* The North Aegean Wars, 371–360 B.C. Stuttgart, 1997. P. 140.

[73] *Грибанов Д.В.* Левкон I, Мемнон и Аркадия: к вопросу о месте Боспора в международной политике периода фиванской гегемонии // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб., 2013. С. 93.

* * *

Весь цикл, к которому принадлежит эта наша книга, посвящен выдающимся *политикам* архаической и классической Эллады, поэтому и деятельность Эпаминонда мы рассматриваем прежде всего в контексте древнегреческой политической истории, а не военной. Конечно, эти две сферы практически невозможно четко отделить друг от друга, и нам приходится регулярно останавливаться на той или иной кампании, экспедиции, битве... Но их детальное описание мы не делаем самоцелью и практически никогда не концентрируемся на вопросах, относящихся чисто к области военного искусства (исключение было сделано для сражения при Левктрах, поскольку оно было уж очень серьезным этапом в развитии античного военного дела).

Но всё же, разумеется, необходимо сказать хотя бы несколько слов о той битве, в которой Эпаминонд погиб. Это было тяжелое и кровопролитное сражение при Мантинее (362 г. до н.э.). На одной стороне в нем участвовали спартанцы в союзе с афинянами, на другой – беотийцы. Кроме того, в рядах обоих войск находились контингенты из различных аркадских городов: Аркадия, как нам известно, к тому моменту разделилась в плане внешнеполитических пристрастий, и если, скажем, Тегея и Мегалополь продолжали ориентироваться на Фивы, то сама Мантинея перешла на спартанскую сторону.

В предыдущей главе упоминалось, что совсем незадолго до битвы Эпаминонд во второй раз попытался взять Спарту, но опять неудачно. А через несколько дней противники сошлись на поле боя, которое стало роковым для нашего героя. Об обстоятельствах его кончины различные источники повествуют поразному. Ксенофонт – современник событий и потому наиболее достоверный в данном случае автор – просто говорит, что «Эпаминонд пал в бою» (Xen. Hell. VII. 5. 25). Впрочем, нужно учитывать, что Ксенофонт Эпаминонда активно не любит, и ему просто неприятно говорить о фиванском военачальнике.

А вот писатели более поздние обставляют его последние минуты разного рода красивыми подробностями. Корнелий Непот: «Он упал, пораженный издали дротом... Эпаминонд, понимавший, что рана его смертельна и что он умрет тотчас, как выдернет из тела застрявший в нем наконечник дрота, терпел до той поры, пока ему не сообщили о победе беотян. Услышав весть, он сказал: “Вовремя пришел мне конец – умираю непобедимым” – и, выдернув вслед за тем дрот, тотчас испустил дух» (Nep. Epam. 9). Плутарх: «В последней битве, раненный и вынесенный с поля, он позвал Даифанта, потом Иолая, но ему сказали, что они убиты; тогда он велел заключить с неприятелем мир, потому что больше в Фивах полководцев нет. И слова его подтвердились – так хорошо он знал своих сограждан» (Plut. Mor. 194c).

Пожалуй, все эти детали даже слишком красивы, чтобы быть истинными. К тому же, как видим, между версиями двух авторов – полное противоречие.

Особенные подозрения вызывает рассказ Непота. Он исходит из того, что фиванцы Мантинейскую битву выиграли, а это, как мы знаем, не так: она окончилась «вничью». Вообще в античности было принято, сочиняя биографии великих людей, приписывать им разного рода эффектные предсмертные слова, не очень считаясь с тем, насколько они соответствуют действительности[74].

Эпаминонд, по сообщениям греческих и римских авторов, посвятил отечеству всю свою жизнь без остатка. Не имел даже семьи – ни жены, ни детей, а на вопросы любопытных отвечал примерно в том духе, что «мои дети – это мои победы» (Nep. Epam. 10)[75]. При этом не то чтобы он был совершенно равнодушен к семейным ценностям. Известно его изречение следующего содержания: «Из всего, что выпало ему хорошего, говорил он, отраднее всего то, что отец его и мать дожили до его победы при Левктрах над спартанцами (Plut. Mor. 193a).

Таким образом, следует говорить не об отвращении к семье со стороны, Эпаминонда, а скорее о сознательном аскетизме. Последний проявлялся в его жизни буквально во всем. Уже упоминалось, что жил он небогато и был совершенно бескорыстным. Проявлял крайнюю неприхотливость и воздержность во всём, что касалось бытовых нужд, в частности, пищи, и осуждал роскошь, если встречал ее в обиходе кого-либо другого. «Жил он так просто, что однажды, приглашенный к соседу на ужин, где были и закуски, и пироги, и душистое масло, он тут же ушел, сказавши: "Я думал, здесь чтут богов, а не оскорбляют!". Когда войсковой повар давал военачальникам отчет в расходах за несколько дней, Эпаминонд был недоволен только количеством масла. Товарищи его удивились, а он сказал, что огорчает его не расход, а то, что столько масла пошло не для упражнений, а в пищу» (Plut. Mor. 192d).

Можно предположить, что наш герой поступал как адепт пифагореизма – учения, требовавшего от своих последователей аскетической, «чистой» жизни. Но, думается, дело не только в этом. И, между прочим, пифагорейцы не практиковали безбрачия. У самого Пифагора были и жена, и дети[76].

На наш взгляд, не меньшую роль в формировании образа жизни Эпаминонда сыграл и безусловный приоритет идеи полиса, государства в его сознании. В сущности, полис был для него большой семьей, а сам он для полиса – верным и заботливым «отцом семейства». Во всяком случае, так он себя воспринимал. Выше уже упоминался случай, когда он хмуро прохаживался в праздник, несмотря на то, что все остальные предавались веселью, и говорил: «Думаю, чтобы вы могли пить и ни о чем не думать» (Plut. Mor. 192e).

---

[74] *Рабинович Е.Г.* Риторика повседневности: филологические очерки. СПб., 2000. С. 156–176.

[75] Цитата не дословная, но передающая смысл сказанного.

[76] *Суриков И.Е.* Пифагор... С. 137 слл.

Как-то от персидского царя ему была прислана крупная сумма денег, но он не принял дара, «а царю велел передать, что если он хочет полезного Фивам, то и бесплатно будет иметь Эпаминонда другом, если же нет – то врагом» (Plut. Mor. 193c). Пожалуй, эти слова могут послужить лучшей характеристикой Эпаминонда.

В заключение коснемся вопроса о том, являлся ли Эпаминонд выразителем «предэллинистических» тенденций (в том смысле, в каком мы их понимаем, см. введение) или же тенденций противоположных. Как нам представляется, ответ здесь однозначен, и все без исключения рассмотренные свидетельства единогласно гласят: великий фиванец был настоящим «рыцарем полиса». Другое дело, что «своим полисом» была для него вся Беотия. Но этому удивляться не приходится: и у Эпаминонда, и у его соотечественников был перед глазами пример соседней Аттики, по размеру примерно сопоставимой с Беотией и в то же время являющей собой уже с очень давних пор единое государство. Почему бы не сделать что-то подобное и в нашей области? – такой вопрос просто не мог вставать перед подобными Эпаминонду фиванскими патриотами. В этом направлении и велась работа.

Но если говорить о вышеотмеченном процессе «от гражданина к подданному», – нет, к нему Эпаминонд никакого касательства не имел. Тут дело еще и в стадиальном («эстафетном») факторе, в различии темпов развития регионов Эллады. Фивы IV в. до н.э. – это (говоря очень грубо, cum grano salis) нечто сопоставимое с Афинами V в. до н.э. Эпаминонду типологически близок не Демосфен, а уж скорее Кимон (тоже этакий патерналист, «отец отечества»). Из этого и нужно исходить.

Глава IV

Демосфен: оратор у руля государства

Заглавный герой данной главы – в отличие от тех, о которых шла речь в двух предыдущих, – принадлежит к следующей генерации древнегреческих политиков, причем к последней, которая действовала еще в «свободной Элладе» и по большей части ушла вместе с ней (как символично ушел и сам Демосфен – в том самом году[1], в котором был положен конец афинской демократии).

В пору, когда не стало Эпаминонда и Агесилая, Демосфен еще только готовил себя к государственной деятельности. Когда же он вступил на ее поприще, насущные внешнеполитические вопросы были уже совершенно иными, нежели раньше, такими, о каких еще никто и помыслить не мог в период спартано-фиванского противостояния[2]. Роль главной «горячей точки» стали вместо Южной Греции играть северные регионы.

Но в том, что касается внутриполитической жизни афинского полиса, наблюдалась более стабильная картина, по-прежнему действовали тенденции, сформировавшиеся еще в первой половине IV в. до н.э. Политическая система классической демократии продолжала развиваться и, как считают многие специалисты, совершенствоваться. Афинян многому научил горький опыт олигархических переворотов времен Пелопоннесской войны[3]. При этом они

---

[1] 322 г. до н.э. Работая над книгой об истории демократических Афин, мы совершенно сознательно озаглавили соответствующую подглавку «Конец Демосфена, конец демократии» (*Суриков И.Е.* Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008. С. 288 слл.).

[2] В целом об афинской внешней политике в IV в. до н.э. см.: *Griffith G.T.* Athens in the Fourth Century // IAW. P. 127–144; *Harding Ph.* Athenian Foreign Policy in the Fourth Century // Klio. 1995. Bd. 77. S. 105–125; *Badian E.* The Ghost of Empire. Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century B.C. // AD. S. 79–106.

[3] См. к этому: *Haßkamp D.* Oligarchische Willkür – demokratische Ordnung: Zur athenischen Verfassung im 4. Jahrhundert. Darmstadt, 2005; *Mitchell L.* Tyrannical Oligarchs at Athens // AT. P. 178–187.

понимали, что во многом сами виноваты в тех невзгодах, которые пережило государство. Ужасов олигархии могло бы и не быть, если бы демос не допустил множества грубых ошибок, не заставил многих граждан временно отвернуться от демократического идеала.

Чтобы сделать народовластие более прочным, чтобы по возможности обезопасить его от новых попыток свержения, нужно было попробовать отказаться от тех особенно отрицательных черт, которые в худшие времена демократии превращали ее в охлократию – господство безответственной толпы. Много бед принесло полису засилье демагогов. Совсем покончить с ними вряд ли было возможно – демагоги, судя по всему, являлись неотъемлемым элементом системы прямого народоправства. Но отдавать в их руки все государственные дела, конечно, не стоило. Необходимо было поставить на их пути какие-то надежные заслоны. Самое главное – следовало в политических вопросах руководствоваться не эмоциями и слепой волей, а доводами разума.

По контрасту с часто творившимися беззакониями предшествующей эпохи, когда и демократы, и их противники не очень-то сковывали себя в своих действиях нормами права, теперь в гражданском коллективе сформировалась чрезвычайно важная идея «власти закона»[4]. Именно закон, а не демос, – истинный господин полиса, которому все обязаны неукоснительно повиноваться. На практике это повело даже к некоторому ограничению власти народного собрания.

В конце V в. до н.э. весь свод афинских законов был пересмотрен и получил четкую, окончательную форму[5]. После этого процедура принятия новых законов, отмены старых или внесения изменений в существующие была очень сильно усложнена. В частности, экклесия в IV в. до н.э. больше не занималась законодательством[6]. Эта прерогатива была передана специальной комиссии номофетов («законодателей»), которые избирались из числа судей-присяж-

[4] Об этом в мировой историографии написано очень много. См., например: *Ostwald M.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law: Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley, 1986; *Piérart M.* Athènes et ses lois: discours politiques et pratiques institutionelles // Revue des etudes anciennes. 1987. Vol. 89. No. 1/2. P. 21–37; *idem.* Du règne des philosophes à la souveraineté des lois // AD. S. 249–268; *Cohen D.* The Rule of Law and Democratic Ideology in Classical Athens // AD. S. 227–244; *idem.* Crime, Punishment, and the Rule of Law in Classical Athens // The Cambridge Companion to Ancient Greek Law. Cambridge, 2005. P. 211–235; *Harris E.M.* Democracy and the Rule of Law in Classical Athens: Essays on Law, Society, and Politics. Cambridge, 2006; *idem.* The Rule of Law in Athenian Democracy. Reflections on the Judicial Oath // Etica & Politica. 2007. Vol. 9. No. 1. P. 55–74.

[5] См.: АГ-3. С. 249–250 (со ссылками на предшествующую литературу).

[6] *Hansen M.H.* Did the Athenian Ecclesia Legislate after 403/2 B.C.? // GRBS. 1979. Vol. 20. No. 1. P. 27–53.

ных[7]. Такая перемена в государственном устройстве была предпринята именно для того, чтобы народ не принимал под влиянием демагогов скороспелых, необдуманных и вредных для полиса законодательных актов. В ведении народного собрания остались только псефисмы – постановления по конкретным вопросам, не имеющие общей силы[8].

Ограничение полномочий экклесии не означало, однако, что этот орган теперь не является высшим в государстве[9]. Демократия становилась более умеренной, чуждой крайностей, но она вовсе не прекращала существование! Демос совершенно добровольно отказался от законодательной власти, сочтя, что это позволит сделать управление более эффективным. Но ничто не мешало ему вновь принять эту власть, если возникнет такая надобность, – например, в условиях чрезвычайного положения, серьезной военной угрозы, заставляющей действовать быстро.

Демократия по-прежнему заботилась о том, чтобы народ мог реально находиться у кормила государства, чтобы все граждане на равных принимали участие в политической жизни. Сохранялась система мистофории (платы за исполнение магистратур), которая позволяла беднейшим афинянам занимать выборные должности. Более того, эта оплата участия в управлении полисом даже расширялась. С начала IV в. до н.э. гражданам впервые стали платить за посещение народного собрания[10].

В этом последнем новшестве, несомненно, можно увидеть не только черту совершенствования государственного устройства, но и проявление кризисной эпохи. В период высшего расцвета Эллады, наверное, никому и в голову бы не пришло, что за исполнение своей первоочередной гражданской обязанности он должен еще и получать деньги. А теперь, очевидно, из-за возрастания аполи-

---

[7] *MacDowell D.M.* Law-Making at Athens in the Fourth Century B.C. // JHS. 1975. Vol. 95. P. 62–74; *Rhodes P.J.* Nomothesia in Fourth-Century Athens // ClQ. 1985. Vol. 35. No. 1. P. 55–60; *Hansen M.H.* Athenian Nomothesia // GRBS. 1985. Vol. 26. No. 4. P. 345–371.

[8] *Hansen M.H.* Nomos and Psephisma in Fourth-Century Athens // GRBS. 1978. Vol. 19. No. 4. P. 315–330.

[9] Как считает, например, М. Хансен, убежденный в том, что в IV в. до н.э. народный суд превосходил экклесию по объему властных полномочий, и отстаивавший этот тезис из работы в работу (например: *Hansen M.H.* The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Public Action against Unconstitutional Proposals. Odense, 1974; *idem.* Eisangelia: The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians. Odense, 1975; *idem.* The Political Powers of the People's Court in Fourth-Century Athens // GC. P. 215–243; *idem.* The Concepts of *Demos*, *Ekklesia*, and *Dikasterion* in Classical Athens // GRBS. 2010. Vol. 50. P. 499–536). А некоторые другие антиковеды с ним остро полемизировали.

[10] *Gauthier P.* Sur l'institution du misthos de l'assemblée à Athènes (Ath. pol. 41, 3) // AA. P. 231–250.

тичности появились проблемы с посещаемостью, и платой старались привлечь побольше участников.

Само народное собрание стало работать стабильнее и рациональнее, чем раньше. Были установлены различные по своей значимости типы заседаний экклесии. Каждое четвертое заседание называлось «главным» (κυρία ἐκκλησία)[11], на нем рассматривались особенно важные вопросы, а не повседневная рутина. На таких собраниях, конечно же, было желательно присутствие как можно большего числа граждан, – чтобы принятые решения получали всеобщее признание. Поэтому и плата за участие в них была выше, чем на обычных собраниях.

На протяжении IV в. до н.э. несколько раз реконструировали экклесиастерий на Пниксе[12]. Главной целью перестроек было значительно расширить помещение для работы экклесии. Кстати, зачем это делалось? Вовсе не потому, что народное собрание теперь включало в себя больше людей. Как мы только что видели, дело обстояло скорее как раз наоборот. Да и общее гражданское население афинского полиса было меньше, чем до Пелопоннесской войны: полностью оправиться от понесенных в ней потерь так и не удалось. На самом деле увеличивали Пникс, очевидно, по другой причине: чтобы гражданам свободнее, комфортнее сиделось на скамьях. Теснота, с которой раньше спокойно мирились, теперь уже вызывала недовольство[13].

Экклесия в новую эпоху старалась более целенаправленно сконцентрироваться на своих непосредственных обязанностях, не отвлекаться на вопросы, которые ее напрямую не касались. В V в. до н.э. она нередко рассматривала судебные дела, а теперь отказалась от этой практики. Пусть судебными процессами занимаются судебные органы, народному собранию это не с руки, – видимо, такое сложилось мнение. В результате роль этих судебных органов в жизни государства – а она и прежде была значительной – еще сильнее возросла[14].

Прежде всего это относится, конечно, к гелиее. Но даже и древний Совет Ареопага – этот осколок давно ушедшего в прошлое аристократического строя – увеличил свое влияние. Известно, что еще со времен реформы Эфиальта Ареопаг, утратив почти все свои многочисленные функции, остался только судом по некоторым видам преступлений, в основном имевших религиозные коннотации. Но его моральный авторитет по-прежнему был почти непререкаем. Ближе к концу классической эпохи этим воспользовались. Демократия, становясь более умеренной, нуждалась, как говорят современные политологи,

[11] *Errington R.M.* Ἐκκλησία κυρία in Athens // Chiron. 1994. Bd. 24. S. 135–160.

[12] *Rotroff S.I., Camp J.M.* The Date of the Third Period of the Pnyx // Hesperia. 1996. Vol. 65. No. 3. P. 264–294.

[13] См. к проблеме: *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 255–256.

[14] О судебной системе Афин в IV в. до н.э. см.: *Thür G.* Das Gerichtswesen Athens im 4. Jahrhundert v.Chr. // GPAA. S. 30–49.

в «системе сдержек и противовесов». И одним из звеньев такой системы как раз мог выступить старинный, всеми уважаемый Совет, высказывая свое веское мнение по важнейшим вопросам политики и заставляя к нему прислушаться. Особенно актуальным это стало, когда Афины столкнулись с серьезнейшими внешнеполитическими проблемами, которые поставили под вопрос всю дальнейшую судьбу государства. Но об этих проблемах речь еще впереди.

Как бы то ни было, в целом внутренняя история Афин на протяжении большей части IV в. до н.э. отличалась, повторим, значительной стабильностью, отсутствием жестоких и кровопролитных междоусобных конфликтов. Возникающие противоречия стремились разрешать мирным путем, по возможности с помощью компромисса[15]. Да, в экклесии и гелиее кипели страсти, политики-ораторы подчас не скупились на эпитеты, очерняя друг друга. Но не будем забывать: во многих других полисах в таком случае вообще хватались за оружие – и начиналась резня на улицах! Вспомним хотя бы аргосский скитализм или ряд переворотов, приведших к установлению режимов «младшей» тирании. По этому поводу нельзя не заметить, что, если уж назрел конфликт, то лучше, конечно, сражаться словами, чем мечами.

Таким образом, на фоне кризисного мира IV в. до н.э. Афины – с точки зрения внутриполитической жизни – представляли собой еще сравнительно отрадную картину. И уж, безусловно, ситуация в них улучшилась по сравнению со временем Пелопоннесской войны. Система народовластия в результате перечисленных перемен модифицировалась, стала лучше соответствовать и изменившейся социальной структуре полиса, и новой политической обстановке.

Это, так сказать, одна сторона медали: мы посмотрели на вещи с точки зрения институционального подхода. Но ведь возможен (и часто практикуется) также иной подход, концентрирующийся не на эволюции юридически оформленных институтов, а на процессах, идущих на более «подспудном» уровне: на изменениях в составе политических элит, в механизмах, используемых ими для достижения и удержания своего влияния, во взаимоотношениях этих элит с рядовым гражданским населением, в характере политических группировок, в соотношении социальных и политических структур в полисе...[16] А если взглянуть на проблему с подобных позиций – картина становится не столь оптимистичной.

Кто были те люди, которые играли в интересующую нас теперь эпоху ведущую роль в афинской общественной жизни? Политическая элита демократиче-

---

[15] *Herman G.* Honour, Revenge and the State in Fourth-Century Athens // AD. S. 43–60.

[16] О коллизии этих двух подходов – «институционального» и «не-институционального» (крупнейшим представителем первого из них ныне является М. Хансен, ярчайшим выразителем второго – Дж. Обер) – см.: *Суриков И.Е.* Остракизм... С. 10 слл.; *Rhodes P.J.* Ancient Democracy and Modern Ideology. L., 2003. P. 42 ff.

ских Афин IV в. до н.э., в отличие от более раннего времени, уже практически не включала в себя представителей издавна известных, древних и знатных родов. Времена «аристократической демократии»[17] остались позади. Редко-редко среди политиков «века кризиса» можно встретить настоящих аристократов. Да и они тоже, как выясняется, если присмотреться к их деятельности повнимательнее, занимали влиятельное положение не из-за своего «благородного» происхождения, как бывало раньше, а исключительно в силу личных качеств и способностей[18].

Перемена произошла в эпоху Пелопоннесской войны. Демос смог вырастить лидеров из собственной среды[19] и больше не нуждался в опеке знати[20]. Появились «новые политики»[21]: вначале они были скорее исключениями, потом их становилось все больше и больше; к середине IV в. до н.э. именно такой тип политического деятеля стал нормой: человек, не блещущий «славой предков»[22], зато, как правило, весьма состоятельный, – выходец из ремесленно-торговой среды, связанный с миром крупных мастерских, меняльных контор, купеческого порта[23].

---

[17] Так мы охарактеризовали в свое время политическую систему, существовавшую в Афинах в V в. до н.э. См.: *Суриков И.Е.* Солнце Эллады... С. 66 слл.

[18] А также, справедливо замечает П. Родс, играли свою роль богатство (обычно унаследованное) и связи: *Rhodes P.J.* Political Activity in Classical Athens // JHS. 1986. Vol. 106. P. 132–144.

[19] Сыграл, в частности, немалую роль массированный вход в «большую политику» представителей политической элиты «второго эшелона», ранее действовавших не на уровне полиса в целом, а на уровне отдельных аттических демов. На этот процесс мы не столь давно обратили внимание (чуть ли не впервые в мировой историографии) и посвятили ему работы: *Суриков И.Е.* ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 2005. № 1. С. 15–33; *он же.* От «демотевта» – к демагогу? (Афинские триерархи V в. до н.э. и их «электорат») // ВДИ. 2011. № 3. С. 30–52.

[20] Здесь вполне справедливы наблюдения одного из патриархов отечественного антиковедения Э.Д. Фролова: *Фролов Э.Д.* Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 6–22.

[21] Термин, исключительно удачно введенный У.Р. Коннором (*Connor W.R.* The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971) и со времени выхода его этапной монографии ставший общепринятым.

[22] Подходящим будет здесь известное изречение Ификрата, сказавшего в ответ на попреки некоего Гармодия (отдаленного потомка известного тираноубийцы, то есть человека, принадлежащего к исключительно уважаемому роду Гефиреев): «Мой род на мне начинается, твой на тебе кончается» (Plut. Mor. 197b).

[23] Здесь необходимо сослаться, безусловно, на весьма важную работу: *Mossé C.* La classe politique à Athènes au IVème siècle // AD. S. 67–77. К. Моссе не только привлекла внимание

Изменился состав полисной элиты[24] – и неизбежно должны были измениться многие формы и приемы политической борьбы, выработанные во времена «аристократической демократии», а теперь уже как-то неуместные. Совершенно вышел из употребления остракизм – а ведь в V в. до н.э. он нередко становился ключевым событием того или иного года. И не удивительно: жертвами голосования черепками становились, как правило, политики-аристократы. Считалось, что подвергнуться остракизму – это даже некая честь (ср. скандал, разразившийся в связи с тем, что в 415 г. до н.э. с помощью этой процедуры как бы «нечаянно» был изгнан незнатный демагог Гипербол). В IV в. до н.э. в целях политической борьбы чаще стали использоваться судебные процессы в гелиее – такого типа как γραφὴ παρανόμων (подобные иски стали особенно популярными), исангелия и т.п.[25]. Руководствовались, несомненно, следующей логикой: хочешь победить конкурента – подавай на него в суд, добивайся обвинительного приговора, а не ищи каких-то экстраординарных путей типа того же остракизма. Кроме того, нам уже приходилось отмечать[26], что политик, возбуждавший против конкурента судебный процесс, рисковал несравненно меньше, чем если бы он инициировал остракофорию (в последнем случае сам «зачинщик» имел немалую возможность покинуть полис на целых 10 лет). Можно указать еще и на то, что вышеуказанные перемены также способствовали возрастанию роли гелиеи в жизни афинского государства.

Коснемся теперь еще одного важного нюанса. Вполне надежно установленным фактом является то, что одной из характерных черт «кризиса IV века» стало ослабление полисной, гражданской солидарности[27]. В связи с этим четко

к самому процессу изменения состава элиты, но и впервые обратила внимание на достаточно интересный факт: если «новые политики» эпохи Пелопоннесской войны (Клеон, Гипербол, Клеофонт и т.п.) были владельцами ремесленных мастерских, то их преемники в IV в. до н.э. были связаны уже не с ремеслом, а с торговлей и с трапезитскими заведениями (этими прототипами банков).

[24] Разумеется, для IV в. до н.э. по-прежнему можно говорить о политической элите афинского полиса, несмотря на то, что в это столетие демократический эгалитаризм достиг более высокой степени, чем когда-либо. Просто теперь в роли элиты выступали не аристократы, а профессиональные политики. К. Моссе верно говорит об «активных» и «пассивных» гражданах в Афинах интересующей нас эпохи: *Mossé C.* Citoyens “actifs” et citoyens “passifs” à Athènes au IVème siècle av. J.-C. // Symposion 1977: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1982. S. 157–160.

[25] См.: *Hansen M.H.* The Sovereignty...; *idem.* Eisangelia...; *Суриков И.Е.* Остракизм... С. 399 слл.; *Кудрявцева Т.В.* Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008. С. 270 слл.; *она же.* Процессы стратегов по исангелии в IV в. до н.э. и афинская демократия // ИМПСО. С. 166–182.

[26] *Суриков И.Е.* Остракизм... С. 407.

[27] АГ-3. С. 20–21, 45, 52, 62; *Суриков И.Е.* Полис, логос, космос: мир античного эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012. С. 270.

выступают несколько взаимосвязанных особенностей афинской политической жизни в интересующее нас здесь столетие. Мы бы определили в качестве таковых, во-первых, возрастание индифферентизма граждан к судьбе собственного государства (это, безусловно, существенный катализатор процесса «от гражданина к подданному»), во-вторых, раскол гражданского коллектива на отдельные «группировки по интересам» (интересы вытесняют и заменяют собою ценности, а это тоже, несомненно, кризисная реалия), в-третьих, резкое возрастание специализации в политической жизни, в полисном управлении. На последнем процессе сделаем особый акцент.

В предыдущую эпоху, в пору расцвета классического полиса (V в. до н.э.), крупнейшие политические лидеры, такие, как Фемистокл или Аристид, Кимон или Перикл, даже еще Никий и Алкивиад, были одновременно и видными полководцами, и выдающимися ораторами, и опытными администраторами-финансистами. Иными словами, о них можно говорить как о целостных фигурах. А теперь эти сферы деятельности отделились друг от друга. Государственные мужи стали «узкими специалистами», профессионалами – каждый в чем-нибудь одном.

Особенно четкая грань прошла между делами военными и гражданскими. Стратеги, как правило, занимались отныне лишь вопросами, связанными с вооруженными силами, и не вмешивались в вопросы чисто политические. Знаменитые афинские полководцы IV в. до н.э. – Ификрат, Тимофей, Хабрий – были именно только полководцами. На полях сражений они блистали, но вот выступающими в народном собрании, выдвигающими проекты постановлений их мало когда видели.

Что же касается «штатских» политиков (их в Афинах стали в это время называть просто «ораторами», ῥήτορες), то их родной средой были как раз экклесия, Совет Пятисот, суды присяжных. В этих органах они чувствовали себя буквально «как рыба в воде», принципиальные политические решения принимались именно по их инициативе, а вот об искусстве военачальника эти ораторы-демагоги не имели зачастую никакого представления. Судя по всему, такое разграничение полномочий произошло из-за того, что управление полисом усложнилось. Афины были теперь намного беднее, чем до Пелопоннесской войны, а бедным государством руководить труднее, чем богатым: приходится всегда думать прежде всего о том, где добыть средства на то или иное мероприятие, как увеличить доходы и сократить расходы...

Иногда в возросшей специализации политической жизни видят позитивную, «прогрессивную» черту, способствовавшую большей эффективности управления. В чем-то, возможно, это и так. Но перед нами – типичная «палка о двух концах», и издержки нового положения дел тоже несомненны. Получалось, например, что зачастую важное решение принималось с подачи одного лица, а выполнять это решение (и нести ответственность за его выпол-

нение!) приходилось другим. Скажем, оратор предлагает начать войну, и экклесия голосует за соответствующее постановление. Но его автор – узкий специалист; он умеет убедить народ, но может не являться финансистом и не иметь достоверных сведений о том, есть ли у государства средства на ведение военных действий. С еще гораздо большей вероятностью он не является военачальником, не знает реального положения вооруженных сил. Но он свое дело сделал и больше ни за что не в ответе! В случае чего несладко придется другим (чаще всего – тем же злополучным стратегам)...

Вообще из двух образовавшихся категорий политиков «ораторы» занимали более высокое положение, чем стратеги[28] (по контрасту с предыдущим столетием, когда как раз последние стояли безусловно выше: Кимон, Перикл, Алкивиад заботились о том, чтобы как можно чаще занимать именно пост стратега). Теперь гражданские политики возглавляли политические группировки, а военачальники их поддерживали. Демосфен (XIII. 20) так описывал ситуацию: «Оратор является предводителем, и полководец у него в подчинении, и еще триста человек, готовых кричать ему в лад».

Интересно, что в IV в. до н.э. в Афинах можно было пользоваться большим влиянием и авторитетом, не занимая вообще никакого официального положения. Сплошь и рядом наблюдаем мы, как виднейшие политические лидеры, определяющие всю жизнь государства, при этом не избираются или почти не избираются на высшие полисные должности[29]. Тот же Демосфен, о котором пойдет речь далее, временами был однозначно «первым человеком» в полисе, но при этом ни разу в жизни не стал стратегом или, допустим, архонтом... Да, насколько известно, и не стремился к постам такого рода. Его (и таких, как он, всю эту когорту) больше влекло к себе заведование финансовыми фондами – военным и зрелищным (о них будет сказано ниже).

Раньше ситуация была совсем иной. Повторим и подчеркнем: и Кимону, и Периклу, да даже еще и Алкивиаду фактически необходимо было, помимо всего прочего, находиться на посту стратега. А теперь было достаточно популярности в народном собрании и других демократических органах власти, умения ярко и убедительно говорить перед гражданами – для того, чтобы предлагаемые политиком меры были поддержаны демосом.

* * *

Не случайно IV в. до н.э. вообще следует назвать временем высшего расцвета ораторского искусства в Древней Греции, и особенно в Афинах. Античное полисное общество и в целом было необычайно благоприятной питательной

[28] См.: *Worthington I.* Rhetoric and Politics in Classical Greece: Rise of the *Rhētores* // CGR. P. 255–271.

[29] Возражения (недостаточно убедительные) см.: *Roberts J.T.* Athens' So-Called Unofficial Politicians // Hermes. 1982. Bd. 110. Ht. 3. S. 354–362.

средой для развития красноречия. В особенной мере это относится к демократическим полисам, таким, каким и был «город Паллады». Огромной власти устного слова – в особенной степени имевшей место именно в политической сфере – способствовали главные черты прямого народоправства, и прежде всего свободный, общественный характер обсуждения всех государственных дел, когда каждый имел право голоса в дискуссии. Играло свою роль и отсутствие столь привычных для нас средств массовой информации – газет и журналов, радио, телевидения. Как могли афинские граждане получать и распространять любые новости иначе, чем через устную речь?

Поскольку герой данной главы – не только политик, но и величайший во всей древнегреческой истории мастер красноречия, нам думается, что необходимо сказать несколько слов по сопутствующим вопросам. Уже на первых этапах развития демократии многие афинские политические деятели пользовались заслуженной репутацией талантливых ораторов. Особенно славился этим Перикл. Но он не писал речей заранее, при выступлениях импровизировал, а потом не публиковал сказанное. «Афинский олимпиец» был практиком, а не теоретиком.

Уже затем красноречие стало профессией – в первую очередь благодаря софистам. Особо следует отметить сицилийца Горгия, который, в сущности, с наибольшим основанием может быть назван первым оратором-специалистом и первым же крупным учителем риторики[30]. Мы бы, со своей стороны, подчеркнули также значение другого софиста, афинянина Антифонта[31] – фигуры, как правило, недооцениваемой[32]: он основал первую в Афинах постоянно дей-

[30] Роль Горгия в становлении античной риторики постоянно и справедливо подчеркивается. См., например: *Romilly J. de.* Magic and Rhetoric in Ancient Greece. Cambridge Mass., 1975. P. 1–22; *Wardy R.* Rhetoric // GT. P. 465–485; *Bons J.A.E.* Gorgias the Sophist and Early Rhetoric // CGR. P. 37–46. Не касаемся здесь проблем, связанных с первым учебником риторики (до нас не дошедшим), авторами которого были некие загадочные Тисий и Корак, сицилийцы (см.: *Cole T.* Who was Corax? // ORAO. P. 37–59). Не решен вопрос о времени его создания; иногда даже считается, что он был написан ранее начала деятельности Горгия, так что последний теряет приоритет. Но, на наш взгляд, это маловероятно. В любом случае, любопытно, что все ниточки ведут на Сицилию, которая оказывается не только nutrix tyrannorum (а в новейшее время и nutrix mafiae), но еще и nutrix oratorum.

[31] Об общих чертах в деятельности Горгия и Антифонта см.: *Bringmann K.* Rhetorik, Philosophie und Politik um 400 v.Chr.: Gorgias, Antiphon und die Dissoi Logoi // Chiron. 2000. Bd. 30. S. 489–503.

[32] Лучшее на сегодняшний день исследование об Антифонте: *Gagarin M.* Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. Austin, 2002. Правда, М. Гагарин сомневается в том, что Антифонт преподавал риторику, но, на наш взгляд, сомнения лишены серьезных оснований. Источники сообщают, что учеником Антифонта был Фукидид. Далее, в наследии Антифонта имелся трактат «Риторическое искусство» в трех книгах (сохранились фрагменты, их русский перевод см.: *Суриков И.Е.* Antiphontea IV: Фраг-

ствовавшую школу ораторского искусства, занимался и его теорией. Именно софисты подвели под красноречие прочную теоретическую основу, создали науку о нем – риторику, придавшую ему новый импульс. Точнее, мы сказали бы так: риторика, начиная с софистов сформировалась одновременно как наука и как искусство. Соответствующий греческий термин τέχνη (в данном случае – ῥητορικὴ τέχνη) может быть понимаем в обоих смыслах – и как «наука», и как «искусство» (а также как «профессия, ремесло»). Опять же характерный штрих для эпохи профессионализации...

В конце V и особенно в IV в. до н.э. преподавание риторики было в Афинах поставлено на широкую ногу. Писались и издавались пособия; чрезвычайное распространение получили школы ораторов. Наиболее знаменитой, как известно, была школа Исократа, но существовали и другие, подчас конкурирующие. Именно такие школы, как правило, посещали юноши, мечтающие о политической карьере. Повзрослев и став государственными деятелями, они стремились также и к литературному признанию, а для этого издавали произнесенные по различным поводам речи, составляя свои «собрания сочинений». Многие из этих речей поэтому дошли до нашего времени.

Практически сразу возникло представление о трех видах, или родах, красноречия. Различались речи паренетические (совещательные, т.е., собственно, политические – те, которые произносились в народном собрании, Совете и прочих органах власти с целью убедить сограждан принять то или иное решение), эпидиктические (декламационные или декоративные, одним словом, звучавшие по каким-либо торжественным случаям, будь то праздник, похороны павших воинов и т.п.; в таких речах ораторы стремились прежде всего блеснуть своим мастерством) и судебные. Последние, кстати, в количественном отношении преобладали; их и до нашего времени дошло всего больше.

Развитие судебного красноречия – скажем о нем чуть подробнее как о самой мощной «ветви» древа древнегреческого ораторского искусства – было в любом отношении обусловлено интенсивнейшим функционированием судов присяжных, коллегий гелиеи. О них можно было долго говорить, но мы не будем отвлекаться (интересующихся отошлем к недавней монографии Т.В. Кудрявцевой, целиком посвященной феномену гелиеи[33]); остановимся только на некоторых нюансах, имеющих прямое отношение к нашей теме.

В любом судебном процессе каждая из тяжущихся сторон обязательно должна была сказать перед дикастами, как минимум, по две речи. Если же после вопроса о виновности решался еще и вопрос о мере наказания, (так было в про-

менты речей Антифонта как исторический источник (перевод и комментарий) // SH. Т. 9. М., 2009. С. 21–22. Странно было бы, если бы он написал сочинение такого содержания и при этом сам не был бы учителем этого искусства.

[33] *Кудрявцева Т.В.* Народный суд...

цессах категории ἀγὼν τιμητός) – то от участников требовалось еще по одному выступлению. К речам как истец, так и ответчик относились, как правило, в высшей степени серьезно. Во-первых, судебное разбирательство – это почти всегда ситуация, когда весьма многое «стоит на кону». Во-вторых, обязательно нужно учитывать агональное, соревновательное начало, столь характерное для эллинского менталитета. В условиях состязательного общества суд тоже воспринимал его черты, становился одним из его элементов[34]. Характерно уже то, что судебный процесс обозначался термином ἀγὼν, «соревнование». Впрочем, это распространеннейшее у греков слово вообще могло применяться к самым разным феноменам – от театральных представлений до сражений.

Одним словом, оказаться побежденным никому не хотелось. С другой стороны, хорошо известно, что в античных Афинах не было института адвокатуры. Тяжущиеся стороны должны были самостоятельно отстаивать свою правоту. Самое большее – позволялось пригласить с собой в суд одного-двух друзей или родственников, чтобы они выступали в роли дополнительных ораторов (синегоров) и помогали основному выступающему, приводя те доводы, которые он упустит.

Но что, если гражданин абсолютно не обладает даром ярко и убедительно говорить, да и среди его близких нет мастеров красноречия? Ведь таких людей, наверное, во все эпохи было большинство. А выступить перед дикастами плохо – значит вовлечь себя в опасность проиграть процесс. Вот для того, чтобы этого избежать, и прибегали к услугам специальных писателей, поднаторевших в ораторском искусстве и знании законов, – логографов («составителей речей»)[35]. Афинянин, готовящийся к суду, заказывал логографу речь. Когда она была готова, клиент заучивал ее наизусть и произносил на заседании дикастерия.

Изобретателем профессии логографа античная нарративная традиция называет вышеупомянутого Антифонта. А в IV в. до н.э. эта профессия переживала пору блестящего расцвета; она была и весьма доходной, и престижной (поскольку удачливые логографы становились известными в полисе людьми). Демосфен, как мы увидим, тоже потрудился на этом поприще. Вне сомнения, главные достижения афинского судебного красноречия связаны именно с деятельностью логографов. Впрочем, обычно одни и те лица преуспевали во всех трех родах ораторского искусства.

Пожалуй, следует здесь также заметить, что в этом искусстве (ведь, что ни говорить, оно было создано релятивистами-софистами) уже начиная с Горгия главным считалось убедить слушателей. Иными словами, при изложении любого дела требовалось не столько строгое соответствие фактам, сколько дости-

[34] *Cohen D.* Demosthenes' Against Meidias and Athenian Litigation // Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 155.

[35] О логографах см.: *Lavency M.* The Written Plea of the Logographer // ORAO. P. 3–26.

жение иной цели – правдоподобия. Господствующим был не принцип истины, а принцип целесообразности.

Один известный немецкий антиковед первой половины XX века желчно, с недоброй иронией назвал Афины времен Демосфена «республикой адвокатов»[36]. Это, конечно, преувеличение, – но ведь, как известно, во всяком преувеличении есть зерно истины. Афинские политические деятели тех лет, о которых идет речь, действительно были в первую очередь «деловыми людьми», закаленными в судебных тяжбах. В большинстве своем они и начинали карьеру как логографы, а потом уже переходили в политику. Что и говорить, все они замечательно владели словом. Оно было их главным оружием.

В результате, если сравнить список лучших афинских ораторов со списком ведущих политиков позднеклассических Афин, два списка почти полностью совпадут. Имеет смысл сразу же познакомимся с некоторыми, наиболее влиятельными из этих политиков – современников Демосфена (одни из них были его соперниками, другие – союзниками); попытаемся кратко, буквально несколькими фразами охарактеризовать каждого из них[37]. Отметим сразу, что практически все они действовали именно во второй половине IV в. до н.э., то есть тогда, когда история афинской демократии уже подходила к концу. Их одновременное появление на арене общественной жизни можно назвать «лебединой песней» Афин.

Евбул[38]. Прославился прежде всего как выдающийся финансист. В течение ряда лет он, занимая, в общем-то, не столь уж и высокую должность управляющего зрелищным фондом, фактически руководил всеми финансами полиса. Ему приходилось работать в условиях внешнего ослабления Афин. И экономическая, и политическая жизнь государства страдали от постоянных вооруженных конфликтов. Евбул задался целью переориентировать город с военного на мирный путь. Как можно меньше воевать – ведь войны ведут к бессмысленным тратам денег, – как можно больше уделять внимания вопросам внутреннего развития: к этому он стремился. Проведя многочисленные успешные меры в области экономики, увеличив доходы афинян и путем строгой экономии уменьшив их расходы, Евбул смог значительно укрепить полисные финансы.

---

[36] *Drerup E.* Aus einer alten Advokatenrepublik (Demosthenes und seine Zeit). Paderborn, 1916. Немецкое антиковедение этого времени вообще не отличалось симпатиями к демократии. Подробнее см.: *Суриков И.Е.* Винкельман – Ницше – Гитлер: «Немецкая античность» и складывание нацистской идеологии // История и современность. 2012. № 1. С. 192–207.

[37] Об этих политиках и их группировках см.: *Маринович Л.П.* Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М., 1993. С. 56 слл. В отечественной историографии именно Л.П. Маринович наиболее углубленно занималась данной проблематикой, и мы, разумеется, будем в дальнейшем изложении во многом опираться на ее выкладки.

[38] *Дементьева В.В., Цымбал О.Г.* Эвбул: новый тип политика классических Афин // Человек в контексте эпохи. Личность. Культура. Образование. Ярославль, 2008. С. 126–129.

Эсхин[39]. Был сторонником той же политической линии. Происходя из бедной семьи[40], в молодости он занимал низшие государственные должности, например, работал писцом – афинянин побогаче счел бы это зазорным для себя. Но затем сумел стать влиятельным политиком, опираясь на большой ораторский талант. Чтобы успешнее воздействовать на слушателей, Эсхин брал уроки актерского мастерства. Будто бы он даже сам выступал на театральной сцене[41], – во всяком случае, так утверждали его недоброжелатели.

Фокион[42]. Этот человек для Афин IV в. до н.э. был скорее исключением – политик, одновременно остававшийся полководцем. За свою очень долгую жизнь он неоднократно командовал отрядами в различных войнах. Сограждане избирали его стратегом около 45 раз – чаще, чем кого-либо во всей афинской истории. Впрочем, как военачальник Фокион все-таки по большей части оставался на вторых ролях. Зато в политической жизни он имел высокую репутацию безупречно честного и принципиального деятеля. Его – и только его – современники сравнивали с такой кристально чистой фигурой, как Аристид Справедливый. Фокиону были не по душе крайности радикальной демократии; на трибуне народного собрания он постоянно вступал в горячие споры с демагогами.

Демад. А вот это – полная противоположность Фокиону. Его считали настоящим воплощением демагога в худшем смысле слова. Беспринципный, неразборчивый в средствах, склонный к интриге, всегда готовый продать за деньги свои услуги политика, сколотивший нечестным путем большое состояние – такой его образ рисуют античные авторы. Но в среде демоса Демад пользовался немалой популярностью – и причиной опять же дар красноречия. Среди ораторов IV в. до н.э. он был если не самым талантливым, то, во всяком случае,

---

[39] В связи с личностью и деятельностью Эсхина наиболее важно монографическое исследование: *Harris E.M.* Aeschines and Athenian Politics. Oxf., 1995. Безусловным достоинством работы Э. Харриса является то, что он едва ли не первым попытался посмотреть на Эсхина не сквозь призму характеристик, принадлежащих его злейшему врагу Демосфену, и, соответственно, реконструировать более объективный и менее тенденциозный образ этого деятеля; во многом это ему удалось. Об Эсхине как политике и ораторе см. также: *Lane Fox R.* Aeschines and Athenian Democracy // Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis. Oxf., 1994. P. 135–155; *Edwards M.* Aeschines // NNNAGL. P. 349–353; *Olding G.* Myth and Writing in Aeschines' *Against Timarchus* // PO. P. 155–170.

[40] В связи с семьей Эсхина см.: *Суриков И.Е.* Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // ДБ. 2009. Т. 13. С. 393–413.

[41] См. к проблеме: *Hernández Muñoz F.G.* Demóstenes, Esquines y el teatro // Koinòs Lógos: homenaje al profesor José García López. T. 1. Murcia, 2006. P. 425–430.

[42] О нем см., например: *Lamberton R.* Plutarch's Phocion: Melodrama of Mob and Elite in Occupied Athens // MiA. P. 8–13.

самым ловким и остроумным. Он никогда не лез за словом в карман, был готов без всякой подготовки сказать речь по любому вопросу. При жизни Демада в плане ораторского искусства порой ставили чуть ли не выше Демосфена. Но время всё расставило на свои места, и в итоге он даже не вошел в «канон десяти великих ораторов». Правда, тут важную роль сыграло и то обстоятельство, что Демад, яркий мастер экспромта, не записывал и не издавал своих речей. Поэтому потомкам запомнились в основном его отдельные афоризмы – часто действительно блестящие.

Ликург[43]. Редкий случай – среди лидеров демократии нам после долгого перерыва вновь встретилось типично аристократическое имя. И действительно, Ликург происходил из знатнейшего, очень древнего рода Этеобутадов. Его отдаленным предком был другой Ликург, еще в VI в. до н.э. выступавший против тирана Писистрата. Однако Ликург-младший играл большую роль в полисе, избирался на различные должности (обычно финансовые) отнюдь не из-за славы своего рода (в интересующую нас здесь эпоху это роли уже не играло), а исключительно благодаря своим личным способностям.

Гиперид[44]. Этот оратор и политик, принадлежавший по большей части к числу союзников героя данной главы (например, в период борьбы по македонскому вопросу, см. ниже), имеет устойчивую (и, судя по всему, справедливую) репутацию одного из наиболее убежденных демократов и деятеля в этом плане даже более радикального, чем, например, тот же Демосфен. В частности, после поражения при Херонее, когда в Афинах со дня на день ждали вторжения македонян и предлагались самые различные меры, направленные на укрепление обороноспособности города, Гиперид внес предложение освободить и вооружить рабов, предоставить гражданские права метэкам. Столь революционная инициатива не вызвала сочувствия даже у Демосфена; конечно же, она была отклонена.

...В IV в. до н.э. политический «космос» афинского полиса был, если так можно выразиться, более населенным, чем прежде, но, за редчайшими исключениями, каждая «звезда» в этом «космосе» светила теперь более тускло, нежели в V в. до н.э. Даже славный Демосфен, при всем уважении к нему, безусловно, проиграет, если поставить его на фоне таких титанов, как Фемистокл или Перикл. Что уж говорить об остальных! Они проходят перед нами какой-то

[43] См. о нем, например: *Scodel R.* Lycurgus and the State Text of Tragedy // PO. P. 129–154; *Steinbock B.* A Lesson in Patriotism: Lycurgus' *Against Leocrates*, the Ideology of the Ephebeia, and Athenian Social Memory // ClA. 2011. Vol. 30. No. 2. P. 279–317.

[44] О нем см., в частности: *Semenov A.* Hypereides und Phryne // Klio. 1935. Bd. 28. S. 271–279; *Gofas D.C.* La vente sur échantillon à Athènes d'après un texte d'Hypéride // Symposion 1977: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1982. S. 121–129; *Easterling P.* Fata libellorum: Hyperides and the Transmission of Attic Oratory // AAASH. 2008. Vol. 48. Fasc. 1/2. P. 11–17.

однообразной толпой, и разве что путем очень внимательного всматривания можно заметить между ними какие-то различия.

Показательный факт: когда несколько веков спустя Плутарх составлял жизнеописания знаменитых греков, он сделал своими героями почти всех видных лидеров первого столетия афинской демократии (Фемистокла, Аристида, Кимона, Перикла, Никия, Алкивиада), – а во втором его привлекли только Демосфен да еще Фокион. Остальные показались вдумчивому и чуткому биографу не заслуживающими специального внимания. Иначе у Корнелия Непота: в его сборнике фигурируют Конон, Ификрат, Хабрий, Тимофей, Фокион. Но Непот, напомним, писал о полководцах, а не о политиках; соответственно, у него не представлен Демосфен (а для V в. до н.э. – даже Перикл).

В чем политики IV в. до н.э. действительно превзошли своих предшественников – так это в коррупции[45]. Подкуп, взяточничество стали повседневными явлениями, настоящим бичом общественной жизни. Даже у Демосфена, как увидим по ходу дальнейшего изложения, руки были не вполне чисты; и он подчас не гнушался принимать «дары», чтобы посодействовать быстрому и успешному принятию какого-нибудь решения. Л.П. Маринович и Г.А. Кошеленко в обобщающем очерке «Уроки античной демократии» делают следующее наблюдение: «Возможно, склонность руководителей демократического государства к коррупции является чертой, имманентно присущей этому строю»[46].

Мы, со своей стороны, пожалуй, все-таки не стали бы прибегать к столь глобальному обобщению. Не при всякой демократии процветает коррупция, и отнюдь не только при демократии она может процветать. Так, в начале XX в. эта язва в очень сильной степени поразила правящую элиту Российской империи, что, безусловно, стало одним из факторов, приведших к свержению монархии в 1917 г.[47] А с другой стороны, весьма характерно, что о коррупции в системе афинской демократии несравненно чаще говорят применительно к IV в. до н.э.,

---

[45] К этой проблеме в целом см.: *Harvey F.D.* Dona Ferentes: Some Aspects of Bribery in Greek Politics // Crux. Essays in Greek History Presented to G.E.M. de Ste. Croix on his 75th Birthday. Exeter, 1985. P. 76–117; *Kulesza R.* Die Bestehung im politischen Leben Athens im 5. und 4. Jahrhundert v.Chr. Konstanz, 1995; *Mastrocinque A.* Il dono nel mondo greco: dallo 'status symbol' ai processi per corruzione // PPMA. P. 9–18; *Монева С.* Подкупничество и наказания в условията на Атинската демокрация // Laurea. К 80-летию проф. В.И. Кадеева. Харьков, 2007. С. 77–82.

[46] *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Уроки античной демократии // Античная демократия в свидетельствах современников. М., 1996. С. 330.

[47] Впрочем, приходится говорить отнюдь не только о начале XX в. Почти за двести лет до того один из «птенцов гнезда Петрова», такой крупный деятель, как В.Н. Татищев, талантливый администратор, основатель ряда городов (ко всему прочему, один из первых отечественных историков), совершенно открыто, аргументируя свою позицию, доказывал, что чиновник имеет право брать взятки.

чем применительно к предшествующему столетию. Насколько можно судить, в V в. до н.э. это прискорбное явление (имеем в виду, конечно, коррупцию, а не демократию) не получило еще сколько-нибудь значительного распространения. Здесь, думается, главное – в принципиальном различии между классическим полисом времени расцвета и им же времени кризиса. Кризисные процессы включали в себя, как прекрасно известно, упадок коллективизма, корпоративной солидарности внутри гражданской общины; каждый думал теперь больше о личном, нежели об общем, интересы получили преобладание над ценностями (глядя под другим углом, тот же процесс можно охарактеризовать и как отчуждение индивида от государства». «Моя хата с краю», «своя рубашка ближе к телу» – эти вполне русские поговорки вполне адекватно передают (конечно, по духу, а не по форме, – никаких хат и рубашек, конечно, у эллинов не было) мироощущение именно греков (в частности, афинян) IV в. до н.э.

И каждый, сам живя такого рода «философией», склонен был, естественно, прощать и другим слабости в аналогичном духе. В результате если великий Перикл по малейшему подозрению в казнокрадстве (которое к тому же, скорее всего, не имело под собой оснований; ср. довольно расплывчатые формулировки Плутарха – Pericl. 32) был отстранен от должности, отдан под суд наказан, то в интересующем здесь нас столетии, когда жили внуки и правнуки современников Перикла, сплошь и рядом встречались такие государственные мужи, о которых весь народ знал как о людях абсолютно продажных, но тем не менее пользовался их услугами, признавая за ними иные достоинства (ораторский дар, хорошее знание финансов) и прощая за это бессовестное стремление к наживе.

Каждый из ведущих политиков стоял во главе собственной группировки, состоявшей из нескольких десятков, иногда – из нескольких сот граждан (если, конечно, Демосфен не допускает риторического преувеличения, когда говорит в цитате, выше приводившейся в более полной форме, про «триста человек, готовых кричать... в лад» оратору-лидеру, этакому великому человеку[48] – Demosth. XIII. 20). Не похоже, что эти группировки продолжали называться гетериями, как было в период Пелопоннесской войны, но сущность их с тех пор мало изменилась. Они то создавали между собой коалиции, то вступали друг с другом в непримиримую борьбу. Дробность общественной жизни стала знамением эпохи[49]. Соперничество выплескивалось в острые дебаты лидеров на заседаниях народного собрания и Совета Пятисот, на судебных процессах, которые политические деятели возбуждали против своих конкурентов.

[48] *Trundle M.* Money and the Great Man in the Fourth Century BC: Military Power, Aristocratic Connections and Mercenary Service // AT. P. 65–76. См. к проблеме также: *Perlman S.* The Politicians in the Athenian Democracy of the Fourth Century B.C. // Athenaeum. 1963. Vol. 41. P. 327–355.

[49] См. *Маринович Л.П.* Греки... С. 56 слл. (данная черта подчеркивается постоянно и последовательно на всем протяжении соответствующей главы упоминаемой книги).

При этом нет серьезных оснований говорить, как иногда делается, о наличии в Афинах этого времени организованных, сплоченных «партий». Приходится-таки снова затронуть этот вопрос[50], хоть и нет сильного желания это делать, поскольку, как нам казалось, в него давно внесена полная ясность. Но в действительности таковой ясности нет и по сей день, или, во всяком случае, для кого-то она оказывается проблематичной.

Что мы имеем в виду? При всем нашем громадном уважении к великолепным переводам источников по истории классических Афин, выполненным корифеями нашей классической филологии – С.И. Соболевским, С.И. Радцигом и др., – нас всегда приводили в немалое смущение часто встречающиеся в них упоминания «партий» (при том, что, само собой, в оригиналах соответствующих текстов мы просто не находим слова, которое могло бы так передаваться). Это казалось нам непреодоленным наследием наивного позитивизма XIX в., когда политическую жизнь античности бессознательно трактовали сквозь призму знакомых нам институтов. Несколько лет назад мы вздумали обсудить эту проблему с коллегой (nomina sunt odiosa), являющимся по образованию филологом-классиком. Он заявил нам, что, по его мнению, подобное словоупотребление совершенно нормально и не нужно заниматься бессмысленными придирками. На Западе так тоже считают достаточно многие и ничтоже сумняшеся говорят о «партиях» в древнегреческих полисах. Возможно, просто из пренебрежения терминологией. Немного находится таких исследователей, как Б. Стросс[51], решивший детально обсудить этот вопрос и пришедший к выводу, что наиболее подходящим наименованием для соответствующих объединений будет уж точно не party, a faction. Последняя английская лексема, подчеркнем, в данном контексте означает именно «группировку», а не «клику» (в словарях преобладает такое значение, но в данном случае оно никак не подходит из-за своих устойчиво негативных коннотаций).

Итак, просим прощения за «повторение азов». Ни одну из группировок, сложившихся в полисных условиях, нельзя назвать партией. Этому препятствует многое. И их малая численность. И признаки организационного характера: разумеется, ни одна античная политическая группировка не имела ни устава, ни аппарата, ни фиксированного членства, ни государственной регистрации, а для современных партий все это обязательно.

Но самое главное – партия в норме создается и существует как объединение людей вокруг каких-либо идейных, программных установок. А группировки демократических Афин формировались не на идейной, а на личностной основе, вокруг политических лидеров. Каждый из этих лидеров, определяя свою

[50] Ранее рассмотренный нами в: *Суриков И.Е.* Остракизм... С. 295 слл.

[51] *Strauss B.S.* Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy 403–386 B.C. Croom Helm, 1986.

позицию по тому или иному вопросу, руководствовался как соображениями принципиального характера, своими представлениями о том, что будет благом для афинян, так и конкретными выгодами более низменного плана. Случалось, что политик полностью менял собственные взгляды и переходил в лагерь своих же бывших противников.

В таких-то условиях и пришлось действовать герою данной главы (и он сам был «плотью от плоти» вышеописанных реалий), к которому теперь и настало время перейти.

* * *

Личность, карьера, судьба Демосфена, без преувеличения, весьма детально освещена в источниках. Из последних прежде всего должны быть упомянуты его собственные речи. По объему корпуса сохранившихся ораторских произведений (шесть десятков) Демосфен прочно занимает первое место среди всех мастеров древнегреческого красноречия.

Правда, по практически единодушному мнению специалистов, не все речи, дошедшие под его именем, были действительно им составлены. Какое-то количество текстов попали в его наследие по ошибке: великие имена имеют свойство как бы «притягивать» к себе изначально не имевший к ним отношения материал. Так, считается, что речь VII «О Галоннесе» в действительности написана и произнесена второстепенным оратором Гегесиппом. Автором речи LIX «Против Неэры» часто признают Аполлодора[52] – сына знаменитого трапезита Пасиона. Аполлодор, став из метека гражданином, не пошел по отцовским стопам: его больше интересовал не бизнес, а политика, которой он и занимался, впрочем, не слишком-то удачно. Или такой вот факт, который можно назвать даже курьезным: под номером XII в демосфеновском корпусе вообще стоит письмо Филиппа II афинянам.

Три упомянутых сочинения относятся к практически бесспорным примерам того, как речи, не принадлежавшие Демосфену, были, – очевидно, из-за своих высоких достоинств – приписаны ему античными филологами позднейшего времени. Есть также и случаи более дискуссионные, когда мнения исследователей относительно аутентичности или неаутентичности той или иной речи разделяются. Именно так, например, обстоит дело с речью LX. Это «Надгробная речь»; иными словами, она относится к распространенному в классических Афинах жанру эпитафия (ἐπιτάφιος λόγος)[53]. Произнесена

[52] См., например: *Кудрявцева Т.В.* Женщина и полис: афинская горожанка в народном суде // ГАС. Ч. 2. С. 15; *Lape S.* Race and Citizen Identity in the Classical Athenian Democracy. Cambridge, 2010. P. 220 ff.

[53] В целом об этом жанре написано немало. См.: *Loraux N.* L'invention d'Athènes: Histoire de l'oraison funèbre dans la cité classique. P., 1981 (монография, единогласно признающееся лучшей по данному сюжету; есть и издание на английском языке: *Loraux N.* The Inven-

она была будто бы при погребении воинов, погибших в битве при Херонее в 338 г. до н.э. Из независимых данных известно, что именно тогда Демосфену действительно было дано это почетное поручение – прославить доблесть павших. Однако тот эпитафий, который сохранился в демосфеновском корпусе, вызывает серьезные сомнения в плане своей подлинности. Ее отрицали уже некоторые античные авторитеты – Дионисий Галикарнасский, Либаний. С ними солидарны и многие современные ученые, хотя есть и представители противоположной точки зрения[54].

Во многих случаях вряд ли вообще когда-либо будет достигнута полная ясность. Как бы то ни было, исходить нужно из того, что речи, дошедшие под именем Демосфена, – это *произведения его эпохи*, а это, пожалуй, главное. Автор части этих речей (по-видимому, большинства) – действительно он сам; часть написана его современниками. Поздних фальшивок среди них нет или практически нет. Таким образом, представляется наиболее резонным воспринимать демосфеновский корпус именно как единое целое, замечательный источник практически по всем сторонам жизни Афин на протяжении довольно значительного хронологического отрезка в IV в. до н.э., нескольких десятилетий. И, разумеется, источник, дающий сведения, в числе прочего, и о жизни и деятельности самого Демосфена.

По составу корпус весьма разнообразен. В него входят сочинения, относящиеся к различным родам античного красноречия. Первыми по порядку идут паренетические речи политического содержания. Большинство их так или иначе связано с различными аспектами «македонского вопроса»; наиболее знамениты, естественно, «Филиппики» (речи IV, VI, IX, X).

Далее следуют речи судебные, количество которых наиболее велико. Эта часть корпуса сама по себе неоднородна. В ней особенно выделяются речи, написанные для политических процессов, многие из которых имели в свое время важное общественное звучание. Эти произведения, таким образом, наиболее тесно примыкают к предыдущей группе, к речам политическим в собственном смысле слова. Среди интересующих нас памятников судебно-политического красноречия есть две подлинные «жемчужины» – речи XVIII «За Ктесифонта о венке» и XIX «О преступном посольстве» (обе направлены против Эсхина). Они примечательны во всех отношениях: и как самые круп-

tion of Athens: The Funeral Oration in the Classical City. Cambridge Mass., 1986); *Ziolkowski J.* Thucydides and the Tradition of Funeral Speeches in Athens. N.Y., 1981; *Hesk J.* Leadership and Individuality in the Athenian Funeral Orations // Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London. 2013. Vol. 56. No. 1. P. 49–65.

[54] *Sykutris J.* Der demosthenische Epitaphios // Hermes. 1928. Bd. 63. Ht. 1. S. 241–258; *Maas P.* Zitate aus Demosthenes' Epitaphios bei Lykurgus // Hermes. 1928. Bd. 63. Ht. 1. S. 258–260; *Herrman J.* The Authenticity of the Demosthenic Funeral Oration // AAASH. 2008. Vol. 48. Fasc. 1/2. P. 171–178.

ные по размеру сочинения Демосфена, и как замечательные шедевры ораторского искусства; а нас они интересуют еще и потому, что в них автор особенно обильно приводит автобиографические сведения. Впрочем, следует отметить, что и некоторые другие судебно-политические речи Демосфена (XX «Против Лептина об ателии», XXI «Против Мидия о пощечине», XXII «Против Андротиона о нарушении законов», XXIII «Против Аристократа», XXIV «Против Тимократа») тоже очень важны и лишь в незначительной степени уступают двум вышеназванным – и в художественном отношении, и в плане источниковедческого значения.

За судебно-политическими речами идут судебные речи, написанные для частных процессов. Использовать их для изучения демосфеновской биографии приходится уже реже: в них соответствующего материала меньше. В том числе и потому, что большинство этих речей Демосфен составил в качестве логографа – то есть для клиентов, для других лиц, и говорить в них о себе у него не было никакого резона[55].

Впрочем, и тут есть исключения. Так, привлекают внимание пять речей, произнесенных совсем молодым Демосфеном в процессах о своем наследстве, когда он судился против недобросовестных опекунов. Это речи «Против Афоба» (XXVII, XXVIII, XXIX) и «Против Онетора» (XXX, XXXI). Из них мы узнаём о некоторых перипетиях самого раннего периода жизни нашего героя. Наконец, заключающие корпус речи LX «Надгробная речь» (она уже упоминалась выше) и LXI «Любовная речь», если они действительно принадлежат нашему автору, представляют эпидиктический род красноречия в его творчестве.

Необходимо отметить, что ценные данные о Демосфене содержатся не только в его собственных речах, но и в речах некоторых других современных ему ораторов, которые, естественно, были с ним близко знакомы, постоянно сталкивались – либо в качестве соперников, либо в качестве союзников. Так, здесь обязательно должны быть упомянуты все три сохранившиеся речи главного конкурента нашего героя на политическом поприще – Эсхина: I «Против Тимарха», II «О преступном посольстве», III «Против Ктесифонта». Во всех них Демосфен – одно из главных «действующих лиц». То же следует сказать об ораторе Динархе, у которого, в частности, была речь (I), так и озаглавленная «Против Демосфена», написанная в связи с «делом Гарпала» (о котором см. ниже). По тому же самому поводу сказал речь и Гиперид (V).

---

[55] Хотя в целом и эти речи, безусловно, являются ценным источником по многим сторонам жизни классических Афин, их экономике, социальным структурам, праву. См. скрупулезное исследование: *Глускина Л.М.* Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н.э. по судебным речам демосфеновского корпуса // *Демосфен.* Речи: В 3 т. Т. 2. М., 1994. С. 405–467.

Говоря об ораторских речах как исторических источниках, всегда приходится учитывать их чрезвычайную специфичность в этом плане. Об этом было написано несколько страниц уже в предисловии к данной книге. Напомним, речь шла о двух особенностях, отличающих памятники красноречия от исторических трудов: вопиющая тенденциозность, доходящая до искажения фактов и даже просто до их изобретения, то есть до прямой лжи, и имеющее место по большей части отсутствие прямой хронологической последовательности при изложении событий.

Кто-то может сказать, что различие здесь – только количественное, а не качественное. Ведь и у древнегреческих историков случаются отступления от хронологического принципа; иногда они являются тематическими экскурсами (что особенно часто у Геродота), иногда имеют какую-либо иную природу, порой для нас неясную (так бывает иногда у Фукидида при изложении событий Пентеконтаэтии или у Ксенофонта в рассказе о нескольких последних годах Пелопоннесской войны). В результате, кстати, хронология V в. до н.э. на некоторых своих отрезках и поныне остается не вполне ясной и дискуссионной[56]. Нельзя отрицать и наличие в сочинениях исторического жанра проявляющейся в той или иной степени тенденциозности (от нее не свободен даже Фукидид). И все-таки на фоне ораторов историки предстают просто-таки образцами объективности и последовательности. В предисловии была приведена цитата из Демосфена с совершенно вымышленной, не имеющей ничего общего с действительностью историей родителей его противника Эсхина. Ниже будет говориться о том, как и сам Эсхин, похоже, придумал нечто аналогичное про родственников Демосфена.

Одним словом, речи – очень сложный для исторической интерпретации источник. Работая с ними, нужно всегда строго помнить о необходимости самого тщательного критического анализа, и не только декларировать этот анализ, а реально к нему снова и снова обращаться. В целом приходится только пожалеть, что события после 362 г. до н.э. (на этой дате заканчивается «Греческая история» Ксенофонта) не освещены ни в одном из дошедших до нас исторических трудов, принадлежащих современникам. Рассказ о них содержался, безусловно, у Эфора и Феопомпа; прискорбная утрата произведений этих авторов

[56] В связи с хронологией Пентеконтаэтии у Фукидида см. интересную статью Э. Бадиана «К хронологии Пентеконтаэтии до возобновления Каллиева мира (вошла в книгу: *Badian E.* From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993. P. 73–107), в которой пересматривается ряд ключевых датировок. В связи с хронологическими нестыковками у Ксенофонта в рассказе о событиях 410-х гг. до н.э. см.: *Roos A.G.* Chronologisches zur Geschichte der Dreißig // Klio. 1920. Bd. 17. Ht. 1/2. S. 1–15; *Andrewes A.* The Generals in the Hellespont, 410–407 B.C. // JHS. 1953. Vol. 73. P. 2–9; *Robertson N.* The Sequence of Events in the Aegean in 408 and 407 B.C. // Historia. 1980. Bd. 29. Ht. 3. S. 282–301.

(утрата, которую отнюдь не может в полной мере восполнить информация, содержащаяся у Диодора, хоть она и восходит в значительной степени к тем же Эфору и Феопомпу) все-таки не позволяет ныне писать историю второй половины IV в. до н.э. в виде такого же связного, целостного нарратива, как это возможно применительно к первой половине того же столетия или к большей части предыдущего. Всегда останутся черты некой отрывочности, лакунарности.

Поскольку наши книги этого цикла являются историко-биографическими, то нам интересны, естественно, античные жизнеописания Демосфена. Среди них на первое место следует поставить, разумеется, то, которое принадлежит перу Плутарха. Нам уже не раз в предыдущих книгах данного цикла (да и в этой) приходилось подчеркивать, что Плутарх – автор хотя и достаточно поздний, но тем не менее первоклассный – весьма надежный и ответственный. Биография Демосфена у Плутарха невелика (одна из самых маленьких по объему – всего 31 глава; для сравнения, в биографии Марка Антония – 87 глав), и, безусловно, не в последнюю очередь потому, что великий афинский оратор-политик мало симпатичен херонейскому моралисту, чего последний особенно-то и не скрывает. В пару Демосфену поставлен (чего и следовало ожидать) Цицерон. Впрочем, справедливо замечает С.С. Аверинцев, что в полагающемся у Плутарха в конце каждой такой пары сопоставлении (σύγκρισις) в данном случае особенно подчеркнуты «индивидуальные различия: Цицерон – всесторонне развитый дилетант, Демосфен всецело сосредоточен на политике[57]; афинянин серьезнее и мужественнее, римлянин склонен к легкомыслию и тщеславию, но в то же время мягче и человечнее. Вообще сопоставление Демосфена и Цицерона – одно из самых содержательных среди Плутарховых синкрисисов»[58].

Автором не меньшего ранга, чем Плутарх, был живший несколько раньше него Дионисий Галикарнасский. На самом деле между этими двумя «римско-подданными» греками (кстати, оба были убежденными аттикистами) – немалое количество схожих черт. У нас есть отчетливое ощущение, что если бы Плутарх взялся за трактат о происхождении Рима, он написал бы нечто в духе «Римских древностей» Дионисия. С другой стороны, если бы Дионисий вздумал писать биографии великих политиков – у него получилось бы примерно так, как у Плутарха.

---

[57] Так понимает Плутарха С.С. Аверинцев, и так, видимо, понимал Демосфена сам Плутарх. Действительность, впрочем, была сложнее: Демосфен, уже вполне состоявшись как крупный политик, продолжал в то же время подвизаться и на ниве логографа, то есть заниматься такого рода деятельностью, которая не могла принести ему тогда никаких иных «дивидендов», кроме непосредственно заплаченных клиентами денег.

[58] *Аверинцев С.С.* Плутарх и античная биография: К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М., 1973. С. 227. В связи с этой парой плутарховых биографий см. также: *Várzeas M.* Tragedy and *Philanthropia* in the *Lives of Demosthenes and Cicero* // SPhP. P. 333–340.

Но хорошо, что в нарративной традиции нет двойников. Дионисий писал свое, а Плутарх – свое. Дионисий достаточно критически относился к Фукидиду и практически во всем предпочитал ему своего земляка Геродота[59]. Плутарх Геродота ругал ругательски, сочинил о нем воистину злокозненный пасквиль «О злокозненности Геродота», выставлял себя верным последователем Фукидида (например: Plut. Nic. 1) – а при всём том фактически выступал представителем не фукидидовской «монологичной», а геродотовской «диалогичной» традиции историописания[60].

Всё это было сказано к тому, что у Дионисия Галикарнасского тоже есть произведение о Демосфене, но в нем во главу угла однозначно поставлен литературоведческий анализ, а не биографические данные, так что этот небольшой трактат нам мало чем может помочь: ведь мы в рамках данной главы неизбежно будем говорить преимущественно о Демосфене-политике; о его же ипостаси как оратора, безусловно, тоже часто придется упоминать, но это будет не самоцелью, а скорее средством оттенить также и этот нюанс интересующей нас многогранной фигуры. Подробно об ораторских достоинствах Демосфена пусть пишут те, кому это ближе, кто специально занимается историей античной риторики.

Отметим, что есть еще одно, совсем маленькое, биографическое сочинение о Демосфене. Точнее, это посвященная ему глава в трактате «Жизнеописание десяти ораторов», который принято в науке называть трудом Псевдо-Плутарха, поскольку он сохранился в числе принадлежащих последнему «Моралий». Но совершенно однозначно, что перу самого Плутарха он не принадлежит, а был написан каким-то анонимным писателем. Последний, впрочем, по времени жизни не слишком далеко отстоял (если вообще отстоял) от знаменитого херонейца; датировка трактата – II в. н.э. Как ясно уже из названия, в нем повествуется о тех мастерах красноречия, которых александрийские филологи включили в «канон десяти великих» и в числе которых, естественно, находился Демосфен. Рассказывающий о нем раздел (Ps.-Plut. Vitae X or. 844a sqq.), впрочем, вряд ли может быть назван ценным источником. В нем немало путаницы и несообразностей; эти черты в целом характерны для произведения, о котором здесь идет речь[61].

В целом же освещенность героя данной главы нарративной традицией, повторим, весьма детальна. Мы, конечно, не ставим тут перед собой цели пере-

[59] Это ясно видно из всех соответствующих произведений Дионисия Галикарнасского, будь то трактат «О Фукидиде», «Письмо к Помпею», «Письмо к Аммею».

[60] *Суриков И.Е.* «Солон» Плутарха: некоторые источниковедческие проблемы // ВДИ. 2005. № 3. С. 151–161.

[61] См. на примере главы об Антифонте из этого трактата: *Суриков И.Е.* Antiphontea I: Нарративная традиция о жизни и деятельности оратора Антифонта // SH. T. 6. M., 2006. С. 56 слл.

числить все свидетельства источников о Демосфене. Но все-таки, наверное, имеет смысл упомянуть, что Демосфен во всех отношениях очень привлекал Цицерона. Величайший римский оратор во всех отношениях чрезвычайно высоко ценил именно этого своего греческого предшественника, старался ориентироваться именно на него и даже подражать ему. Демосфен особенно импонировал Цицерону, пожалуй, тем, что представлялся ему эталоном «золотой середины» в красноречии, чуждым как чрезмерной простоты Лисия (которую идеализировали крайние аттикисты), так и, скажем, чрезмерной напыщенности и вычурности, сопряженной с холодностью, – черты, характерной для Горгия и отчасти Исократа (из нее в дальнейшем вырос азианизм).

Демосфен для Цицерона – не холодный, а как раз «горячий» оратор (каковым он и был на самом деле, особенно в политических речах). «А вполне совершенным оратором, *свободным от любых недостатков* (курсив наш – И.С.), конечно, должны мы назвать Демосфена. В его судебных речах невозможно найти никакой уловки, никакой тонкости, никакой, можно сказать, хитрости, которую бы он упустил. Нет ничего более законченного, чем простота, краткость и ясность его речи, и нет ничего более возвышенного, чем его величавость, стремительность и красота исполненных важности слов и мыслей» (Cic. Brut. 35).

Известно, что именно так Цицерон позиционировал и самого себя в кругу ораторов своего времени. Он дистанцировался как от демонстративного азианизма Гортензия, так и от установок кружка Брута, члены которого предельно усердствовали в своем аттикизме и даже самого Цицерона дразнили азианистом (а он, естественно, эмоционально возражал). Поэтому вполне закономерно, что Демосфен очень часто упоминается Цицероном в самых разных произведениях, но в особенной степени, конечно, в его трилогии об ораторском искусстве (трактаты «Об ораторе», «Брут» и «Оратор»).

Демосфен принадлежит к числу исторических личностей, излюбленных и в современной науке об античности. Мало о ком из великих афинских политиков написано столько, сколько о нем (в качестве сопоставимых по популярности фигур можно назвать разве что Перикла, да, пожалуй, еще Солона, но последнего – все-таки в меньшей степени). Немало даже и монографических исследований, и тут мы упомянем хотя бы самые важные из них, появившиеся в XX в., чтобы уж не углубляться в литературу более старую: книги Э. Дрерупа[62], Ж. Клемансо[63],

[62] *Drerup E.* Aus einer alter...; *idem.* Demosthenes im Urteile des Altertums (von Theopomp bis Thetzes: Geschichte, Roman, Legende). Würzburg, 1923 (это, кажется, лучшее исследование по формированию нарративной традиции о Демосфене, которая вкратце затрагивалась нами чуть выше).

[63] *Clemenceau G.* Démosthène. P., 1926. Да-да, это тот самый Жорж Клемансо, выдающийся французский государственный деятель конца XIX – начала XX в. Впрочем, удивляться этому не приходится: во Франции еще с XIX в. была сильна традиция, в рамках ко-

В. Йегера[64], П. Клоше[65], Ж. Луччони[66], Ч. Адамса[67], Г. Монтгомери[68], М. Хансена[69], П. Карлье[70], Р. Сили[71], К. Моссе[72], Г.А. Леманна[73], П. Ханта[74], И. Уортингтона[75] (называем только те книги, с которыми мы лично знакомились; наверняка есть и другие, нам неизвестные или недоступные). Появлялись и коллективные труды о Демосфене[76].

Завершим этот перечень (он и так уже немал, хотя мог бы быть и расширен) и сделаем некоторые наблюдения, на которые он наводит. Во-первых, как видим, в создании современной историографической традиции о Демосфене приняли участие представители практически всех основных национальных европейских школ антиковедения. Пожалуй, бросается в глаза преобладание фамилий французских ученых, что, очевидно, и отражает реальную ситуацию. Однако бок о бок с ними – коллеги из Германии, Великобритании, Швеции (что интересно, в меньшей степени – из США). Среди них встречаем несколько имен воистину первоклассных специалистов, принадлежащих к элите мировой науки об античности (как Дреруп, Йегер, Хансен, Моссе...).

Далее, в разных национальных историографиях отношение к Демосфену было отнюдь не одинаковым, и это тоже заметно невооруженным глазом. Французы писали о нашем герое, несомненно, с наибольшей симпатией; близки к ним в этом плане представители англосаксонского антиковедения. Во мно-

---

торой политики самого высокого ранга всерьез занимались историческими штудиями. Гизо и Тьер многократно были министрами (Тьер – даже президентом), но оба помнятся прежде всего как крупнейшие историки. Да что там говорить, даже император Наполеон III писал труды по военной истории (и, по отзывам специалистов, отнюдь не дилетантские).

[64] *Jaeger W.* Demosthenes: Der Staatsmann und sein Werden. B., 1939.

[65] *Cloché P.* Démosthène et la fin de la démocratie athénienne. P., 1957.

[66] *Luccioni J.* Démosthène et le panhellénisme. P., 1961.

[67] *Adams C.D.* Demosthenes and his Influence. N.Y., 1963.

[68] *Montgomery H.* The Way to Chaeronea: Foreign Policy, Decision-Making and Political Influence in Demosthenes' Speeches. Bergen, 1983.

[69] *Hansen M.H.* Die athenische Demokratie im Zeitalter des Demosthenes: Struktur, Prinzipien und Selbstverständnis. B., 1995. Ср.: *idem.* The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes. Oxf., 1987.

[70] *Carlier P.* Démosthène. P., 1990.

[71] *Sealey R.* Demosthenes and his Time: A Study in Defeat. Oxf., 1993.

[72] *Mossé C.* Démosthène ou les ambiquïtés de la politique. P., 1994. Заметим здесь, что одна работа К. Моссе о Демосфене публиковалась на русском языке: *Mocce K.* Демосфен как тип афинского политика // ВДИ. 1996. № 2. С. 20–25.

[73] *Lehmann G.A.* Demosthenes von Athen: Ein Leben für die Freiheit. Biographie. München, 2004.

[74] *Hunt P.* War, Peace, and Alliance in Demosthenes' Athens. Cambridge, 2010.

[75] *Worthington I.* Demosthenes of Athens and the Fall of Classical Greece. Oxf., 2013.

[76] Например: Demosthenes: Statesman and Orator / Ed. by I. Worthington. Oxf., 2000.

гом иная картина вырисовывается при ознакомлении с работами большинства немецких историков, занимавшихся фигурой неугомонного оратора; в них о Демосфене подчас пишут просто-таки с какой-то брезгливостью. Не всегда, конечно, – из всякого правила есть исключения; но мы говорим сейчас о некоем общем векторе, действовавшем, во всяком случае, примерно до середины XX в. О причинах подобного положения вещей можно было бы долго говорить, но не хочется отклоняться слишком далеко в сторону от основной нити изложения. Если же охарактеризовать ситуацию буквально парой слов[77], то можно остановиться на следующих основных моментах.

На протяжении XIX – начала XX в. в Германии происходило чрезвычайно интенсивное развитие комплексной научной дисциплины классического антиковедения (classische Altertumswissenschaft)[78]. В этой сфере тогда безоговорочно лидирующие позиции занимали и весьма долго удерживали именно немецкие ученые. Удивляться этому не приходится, если учитывать, какую роль тогда играла античность в жизни немцев. Увлечение ею получило широчайшее распространение[79] и, главное, воспринималось как престижное.

А в политическом отношении та же эпоха была, как прекрасно известно, временем создания единого германского государства, мыслившегося как могучая, крайне милитаризованная империя. Причем преодоление раздробленности свершалось «железом и кровью», путем минимально демократическим; и в результате за спиной едва ли не каждого немецкого антиковеда в той или иной степени маячил призрак «железного канцлера» Бисмарка[80].

В результате именно в XIX веке в связи с проблематикой, о которой идет речь, наметились новые, необычные и крайне специфичные явления. Что

---

[77] А подробнее см.: *Суриков И.Е.* Винкельман – Ницше – Гитлер...

[78] О ее значении подробнее см.: *Funke P.* Alte Geschichte // Erste Begegnungen mit Geschichte: Grundlagen historischen Lernens. Bd. 2. München, 1999. S. 731–740.

[79] Вполне закономерно, что и автор сенсационного открытия Трои, Шлиман, был выходцем из Германии. Фигура Шлимана вообще в высшей степени характерна для оценки роли пресловутой «любви к античности» у немцев тех лет. Коммерсант по профессии, не получивший даже законченного среднего образования, не имевший ровно никакого отношения к истории – а между тем с детства грезивший мечтой о городе, воспетом Гомером. И это было не отклонение, а норма в немецких государствах XIX века. Фрейдом описан случай человека (тоже, естественно, не историка), который настолько зачитывался греческими мифами, что в официальных резолюциях вместо слова “Angenommen” («принято») ошибочно читал “Agamemnon” (*Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. СПб., 1997. С. 31).

[80] Заметим, что многие крупные немецкие антиковеды были и в принципе не чужды политике. Моммзен, например, просто принимал в ней активное участие. О Дройзене, Виламовице и ряде других такого напрямую сказать нельзя, но тем не менее нескрываемый интерес к политической жизни своего времени они проявляли, индифферентизмом отнюдь не отличались.

представителей немецкой интеллектуальной элиты более всего интересовало в античности, чему в ней они особенно симпатизировали? Иными словами, что являлось наиболее актуальным для них в предпринятой ими, начиная с Винкельмана, рецепции античного наследия?

На предыдущих этапах этой рецепции в Европе (начиная с итальянского Возрождения) воспринимались и усваивались либо вещи политически нейтральные (будь то римское частное право или система мифологических образов и сюжетов), либо мотивы, ярко говорившие о свободолюбии древних (имелось в виду свободолюбие в обоих своих смыслах, неприятие как подчинения внешним врагам, так и подчинения разного рода «тиранам»). Воспевались и «ставились на пьедестал» такие фигуры, как Брут, Спартак, братья Гракхи, братья Горации, Цицерон и т.п. Всё это очень четко прослеживается хотя бы по европейскому искусству XV–XVIII вв. до н.э. Демосфен, бесспорно, был тоже в числе подобных «знаковых фигур».

Ярким контрастом выступает позиция, занятая немецкими интеллектуалами в XIX в. Если в этом столетии, скажем, во французской традиции Цицерон (римский «визави» Демосфена) – по-прежнему один из главных героев, «идеалов» (не случайно ему посвящен один из важнейших трудов выдающегося французского антиковеда того времени Г. Буассье[81]), то в Германии мы обнаруживаем принципиально иную ситуацию. Величайший немецкий антиковед Т. Моммзен (единственный историк, получивший Нобелевскую премию) относится к тому же Цицерону с плохо скрываемым презрением. Его идеал – отнюдь не республиканец Цицерон, а диктатор Юлий Цезарь, «отец» римской монархии[82].

В целом из древнегреческих полисов максимальным уважением немецких антиковедов пользовалась, разумеется, суровая Спарта. Если, скажем, для английских историков того же XIX столетия (представленных, в частности, такой «звездой первой величины», как Дж. Грот) Спарта – некое непонятное и ненавистное явление, а идеалом выступают демократические Афины[83], то

[81] В русском переводе см.: *Буассье Г.* Собрание сочинений. Т. 1. Цицерон и его друзья: Очерк о римском обществе времен Цезаря. СПб., 1993. Во французской историографии подобный подход превалирует и по сей день. См. хотя бы: *Грималь П.* Цицерон. М., 1991.

[82] Характерно, что эти симпатии к Цезарю вполне разделяет с Моммзеном его младший современник – видный итальянский антиковед Г. Ферреро (труды которого в начале XX в. тоже были у нас довольно влиятельны). Ну как тут не вспомнить, что в Западной Европе первой половины XX века Италия была, наряду с Германией, вторым главным очагом тоталитарной идеологии? В «стране Ницше» и «стране Д'Аннунцио» даже историки мыслили во многом конгениально. Приходит на ум даже, что Р. Михельс, несколько «преждевременно родившийся» теоретик тоталитаризма, будучи немцем, нашел себе наилучший «приют» в Италии.

[83] Оригинальное издание труда Грота ныне, конечно, труднодоступно. К счастью, он

для их коллег из Германии всё в точности наоборот. Афинский полис времен Демосфена – всего лишь «республика адвокатов» (мы уже упоминали эту характеристику, данную Дрерупом).

Абсолютно показательно отношение немецких ученых XIX в. к греко-македонскому противостоянию, протагонистами которого воспринимались Демосфен и Филипп II. Если в англосаксонской и французской историографических традициях в качестве «положительного героя» этого конфликта, как правило, однозначно воспринимался Демосфен, то у антиковедов Германии и в данном случае была особая позиция. Они безоговорочно стояли на стороне Македонии и Филиппа II, которого были склонны идеализировать[84]. Демосфен же оценивался ими в лучшем случае как романтик, всю жизнь самоотверженно боровшийся за заведомо проигранное дело, а в худшем случае – как прожженный, корыстолюбивый политикан.

В немецкой науке об античности на протяжении XIX – первой половины XX в. встречаем нескрываемый интерес к «сильным личностям» – могучим воителям и правителям ярко выраженного авторитарного типа. О Филиппе II уже упоминалось; еще большее внимание привлекал его знаменитый сын – Александр Македонский (о нем тем более следует упомянуть, что этому великому завоевателю и «человеку, изменившему мир», будет посвящено заключение к настоящей книге). Восторженную характеристику дает Александру Дройзен в своей эпохальной «Истории эллинизма», во многом не утратившей значение и по сей день. Тот же Дройзен едва ли не первым в мире пристально занялся историей преемников Александра – диадохов, их борьбы между собой. Соответствующие части его труда написаны просто-таки вдохновенно и читаются как увлекательный роман. В высшей степени живо, эмоционально изображены автором запоминающиеся фигуры участников войн диадохов – лю-

в дальнейшем неоднократно переиздавался. Мы, например, пользовались относительно недавним изданием: *Grote G.* A History of Greece: From the Time of Solon to 403 B.C. / Condensed and ed. by J.M. Mitchell and M.O.B. Caspari. With a new introduction by P. Cartledge. L. – N.Y., 2001 (в издание внесены некоторые сокращения, но в нем вполне сохранен основной «дух Грота» – банкира, политика и историка, яркого вига своего времени, предшественника «величайшего из вигов» – Гладстона, который, кстати, тоже очень интересовался античностью). Позиция Дж. Грота была для XIX века, пожалуй, даже радикальной. Так, он идеализировал даже охлократически настроенных политиков (как Клеон), а также разрушавшее традиционные устои движение софистов. Ныне позитивное отношение к софистам, которых-де «опорочил» Платон, кажется, становится преобладающим. См., например, *Gagarin M.* Op.cit. P. 9–36.

[84] См. хотя бы: *Белох Ю.* 2009. Греческая история: в 2 т. 3 изд. Т. 2: Кончая Аристотелем и завоеванием Азии. М., 2009. С. 334 слл. (приводим просто как характерный образчик общепринятой в Германии в XIX – начале XX в. точки зрения).

дей подчеркнуто пассионарных и одаренных, но при этом жестоких, циничных и совершенно беспринципных[85].

Продуктом отмеченного интереса к «сильным личностям» стал и тот факт, что антиковеды Германии первыми детально описали деятельность древнегреческих тиранов[86]. Также характерно различие акцентировки при оценке деятельности Перикла. Этого последнего со знаком безусловного позитива, с нескрываемой симпатией воспринимали представители самых различных идеологий; но если приверженцы либеральной демократии в большинстве европейских стран видели в нем одного из «отцов-основателей» этой политической системы, то многие немецкие историки (даже еще до возникновения фашизма) подчеркивали, что Перикл был идеальным вождем (Führer)[87] народа, выразителем «нордического» духа.

Разумеется, особенности, о которых мы говорим, в значительной степени порождались объективной политической ситуацией в Германии. Повторим: на протяжении XIX века как раз шел объединения немецких земель в единое государство. Процесс этот, в конечном счете возглавленный Пруссией, пробивал себе дорогу отнюдь не легко: мелкие германские княжества держались за свою независимость. Не удивительно, что возникала иллюзия полной аналогии с событиями в Греции IV в. до н.э., с пестрым миром борющихся между собой греческих полисов и Македонией в качестве объединительницы. В по-

[85] Так получилось, что автор этих строк вначале прочел трехтомник Дройзена, а уже потом – известную книгу: *Шофман А.С.* Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984. Эту книгу нам немало хвалили представители историографической школы, основанной покойным казанским антиковедом; и мы, в принципе, согласны с тем, что она читается увлекательно и должна быть признанной, пожалуй, лучшим из его трудов. Тем не менее на фоне «доброго старого Дройзена» Шофман смотрится явно бледнее.

[86] Начиная с труда: *Plass H.G.* Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen. Bremen, 1852. Наиболее полную форму тенденция, о которой здесь идет речь, обрела в известнейшем исследовании: *Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967. Хотя эта книга была написана уже после Второй мировой войны, но Г. Берве сформировался как ученый в первой половине XX в. и фактически до конца жизни разделял ценности, усвоенные в молодости.

[87] См. хотя бы: *Ranke L. von.* Perikles: Die Blütezeit Athens. B., 1942. S. 134 (весьма показательно уже то, что эта книга великого немецкого историка XIX в. была переиздана при Гитлере, во время Второй мировой войны). К оценке очерченной здесь тенденции в изображения Перикла ср.: *Will W.* Perikles. Reinbek, 1995. S. 7 ff.; *idem.* Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003. S. 245 ff.; *Суриков И.Е.* Сумерки «олимпийца»: о «развенчании» Перикла в одной недавней книге // SH. T. 5. M., 2005. С. 171–179; АГ-2. С. 261–262. В целом по вопросу см. также: *Туманс Х.* Перикл на все времена // Вестник РГГУ. 2010. № 10 (53). С 117–154: *Tumans H.* Pericles Forever (Short Version) // HD. P. 50–58.

добной системе взглядов Пруссия прочно ассоциировалась с Македонией, а ее крупные государственные деятели – Вильгельм I и особенно Бисмарк – с Филиппом II[88].

Впрочем, думается, дело всё же не только в политической конъюнктуре (к тому же здесь еще неясно, что являлось причиной, а что следствием; ясно, во всяком случае, что в хронологическом и этиологическом плане «немецкое Возрождение» – оно шло еще с XVIII в. – стало идейным стимулом к объединению страны, а не наоборот). Укажем хотя бы на такой нюанс, который вряд ли можно считать политически обусловленным, как нотки подспудного антисемитизма в работах многих тогдашних антиковедов Германии. При этом отнюдь не только у тех из них, которые стояли на позициях ретроградного консерватизма, но и у историков, в прочих отношениях мысливших вполне либерально (Ю. Белох, Р. Пёльман и др.).

Одним из сюжетов, привлекавших наибольшее внимание немецких исследователей античности в XIX в., являлась проблема дорийцев. Благодаря классическому четырехтомному труду К.-О. Мюллера "Die Dorier" этот субэтнос древнегреческого народа (представленный, разумеется, в первую очередь спартанцами) стал восприниматься как самая этнически «чистая», самая, так сказать, «нордическая» его часть, сохранившая незыблемыми индоевропейские (арийские) традиции, среди каковых, разумеется, – предельно строгое воспитание, ликвидация неполноценных младенцев и т.п. Одним словом, всё сказанное позволяет уверенно говорить о том, что определенный элемент авторитарных воззрений в антиковедении Германии долгое время присутствовал. И ясно, что Демосфен в подобных условиях просто не мог оказаться в числе излюбленных героев.

Возвращаясь к общей характеристике исследовательской литературы о Демосфене, отметим еще: в перечисленных выше монографических трудах его деятельность рассматривается в разных аспектах, но все-таки, пожалуй, больше внимания уделяется ему не как оратору, а как политику. Кроме того, эта деятельность почти всегда анализируется в контексте политической истории современных ему Афин. Собственно, «Демосфен» и «Афины эпохи Демосфена» – темы практически неотрывные друг от друга.

---

[88] Ассоциация «Македония – Пруссия» подкреплялась и рядом совпадений в конкретных деталях. Пруссия была периферийным германским государством, лежавшим далеко на востоке от древнейших очагов немецкой цивилизации, и относительно поздно стала «сильным игроком» на политической арене; частью общественного мнения она могла даже восприниматься как не вполне органичная часть Германии (тем более что располагалась не на исконно немецких, а на захваченных славянских землях). Во многом то же самое можно сказать об отношении Македонии к Греции в IV в. до н.э. См. об этой параллели: *Hatzopoulos M.B.* Perception of the Self and the Other: The Case of Macedonia // Ancient Macedonia VII: Macedonia from the Iron Age to the Death of Philip II. Thessaloniki, 2007. P. 64 f.

Что же касается статей о том же историческом персонаже, то вот в них как раз и ораторское мастерство Демосфена находит должное освещение. Мы отнюдь не намерены перечислять все те сотни статей о нем, которые выходили в разное время, а просто в порядке некой иллюстрации укажем на несколько характерных примеров. Нам, в частности, бросилось в глаза, насколько часто ученые обращаются к речи XXI «Против Мидия»[89], которая действительно интересна в целом ряде отношений (о некоторых нюансах и даже загадках, связанных с ней, еще будет сказано ниже, когда будет рассказываться о жизни героя данной главы). Рассматриваются также речи, произнесенные Демосфеном в ходе борьбы за свое наследство[90], речи, написанные им в качестве логографа[91], политические речи[92]. Затрагивался такой вопрос, как влияние театра на красноречие нашего героя[93].

Речь пока шла о зарубежной историографии; что же касается отечественной, она и на сей раз (как и во многих других случаях) мало чем может нас порадовать. Имеется биографическая книжка о нем, принадлежащая перу такого видного специалиста, как С.А. Жебелев, но она вышла почти сто лет назад, да к тому же носит всецело популярный характер[94]. Писала у нас о Демосфене

[89] *Cohen D.* Demosthenes' Against Meidias...; *Rowe G.O.* The Many Facets of *Hybris* in Demosthenes' *Against Meidias* // AJPh. 1993. Vol. 114. No. 3. P. 397–406; *Ober J.* Power and Oratory in Democratic Athens: Demosthenes 21, Against Meidias // Persuasion: Greek Rhetoric in Action. L. – N.Y., 1994. P. 85–108; *Wilson P.J.* Demosthenes 21 (*Against Meidias*): Democratic Abuse // Ancient Greek Democracy: Readings and Sources. Oxf., 2004. P. 211–231.

[90] *MacDowell D.M.* The Authenticity of Demosthenes 29 (Against Aphobos III) as a Source of Information about Athenian Law // Symposion 1985. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 253–262.

[91] *Morford M.P.O. Ethopoiia* and Character-Assassination in the *Conon* of Demosthenes // Mnemosyne. 1966. Vol. 19. Fasc. 3. P. 241–248; *Mossé C.* Le Contre Spoudias de Démosthène et les doits économiques des femmes d'Athènes au IVème siècle // Symposion 1985. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 215–219; *Wolff H.J.* Demosthenes as Advocate: The Functions and Methods of Legal Consultants in Classical Athens // ORAO. P. 91–114.

[92] *Mazon P.* De la procédure suivi par Démosthène dans l'affaire de l'ambassade // Mélanges Gustave Glotz. T. 2. P., 1932. P. 565–573; *Frazier F.* À propos de la disposition du Sur l'ambassade infidèle: Stratégie rhétorique et analyse politique chez Démosthène // REG. 1994. Vol. 107. P. 414–439; *Yunis H.* Politics as Literature: Demosthenes and the Burden of the Athenian Past // ORAO. P. 372–390. О Демосфене как ораторе с точки зрения современного литературоведения см. также: *Edwards M.* Demosthenes // NNNAGL. P. 343–348; *Bakker M.P. de.* Demosthenes // Space in Ancient Greek Literature: Studies in Ancient Greek Narrative. Leiden – Boston, 2012. P. 393–412.

[93] *Hernández Muñoz F.G.* Op.cit.

[94] *Жебелев С.А.* Демосфен. Берлин, 1922. То же можно сказать об очень большой статье С.И. Радцига, включенной в однотомник избранных речей Демосфена, опубликованный

Л.П. Маринович, посвятив статью уже упоминавшейся его речи «Против Мидия»[95]; автор этих строк в специальной работе[96] разбирал некоторые аспекты родственных связей великого афинского оратора.

* * *

Демосфен, сын Демосфена, из Пеании (таково было его полное официальное гражданское имя, включавшее патронимик и название дема, к которому он был приписан) родился в 384 г. до н.э. Происходил он из незнатной, но весьма состоятельной семьи: его отец (и тезка) был владельцем достаточно крупного оружейного «бизнеса»[97].

Если сделать небольшой экскурс в просопографию семьи Демосфена и его родни по отцовской линии, то можно ответить, что это было обширное и довольно хорошо известное из источников семейство (точнее, группа семейств), различные ветви которого в классическую эпоху числились в нескольких аттических демах. Одной из характернейших черт ономастики, свойственной данному объединению родственников, являлось настойчивое, – можно сказать, прямо-таки навязчивое – употребление в именах его членов корневой морфемы δημ-. Эта черта вообще характерна для формирования специфических семейных комплексов имен у античных греков[98], но в данном случае она предстает как-то уж особо выпукло. В семье Демосфена (имеем в виду здесь семью в широком смысле) мы встречаем имена Демосфен, Демохар, Демон, Демофонт, Демомел и др.

Не исключаем даже, что имена такого рода давались в семье совершенно сознательно, по политическим мотивам; таким образом ее члены стремились подчеркнуть перед согражданами свой принципиальный демократизм. Тезис об идеологической мотивированности афинского имянаречения классической

в 1954 г. Недавно эта статья была переиздана: *Радциг С.И.* Демосфен – оратор и политический деятель // *Демосфен.* Речи: В 3 т. Т. 3. М., 1996. С. 405–484. Кстати, во второй том того же трехтомника вошла упоминавшаяся выше ценная (и тоже немаленькая) статья Л.М. Глускиной, но в ней Демосфен фигурирует только как источник, а не как политический деятель.

[95] *Маринович Л.П.* Мидий и его друзья, или Демосфен против плутократов // ВДИ. 1998. № 2. С. 19–31. См. также главу о Демосфене в ее книге: *Маринович Л.П.* Античная и современная демократия: новые подходы. М., 2001. С. 70 слл.

[96] *Суриков И.Е.* Кое-что о родственниках...

[97] О состоянии Демосфена-отца см.: *Андреев В.Н.* Структура частного богатства в Афинах V–IV вв. до н.э. // ВДИ. 1981. № 3. С. 27 сл.

[98] *Суриков И.Е.* Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // ВЭ. Вып. 3. М., 2009. С. 102–127

эпохи в отечественном антиковедении активно отстаивает С.Г. Карпюк[99]. Мы, признаться, далеко не во всём с ним согласны, и данный тезис, проведенный в максимально общей форме, вызывает у нас некоторый скептицизм. Нам представляется, что в большинстве случаев (во всяком случае, применительно к семьям аристократов) имели место механизмы иного характера, а именно – направленные на стабильное сохранение, континуитет семейного ономастического фонда, а также на отражение в нем матримониальных и ксенических связей. Но вот если говорить конкретно о семье, к которой принадлежал Демосфен, – вот тут, вполне возможно, точка зрения С.Г. Карпюка верна, и корень δημ- действительно маркирует демонстративную приверженность демократии. Тем более что семья эта, напомним, к аристократии не принадлежала и вряд ли разделяла ее ценности.

Мать Демосфена звали Клеобулой (Ps.-Plut. Vitae X or. 844a), и вот в связи с ее происхождением существует серьезная проблема, традиционно вызывавшая особенный интерес в отечественной науке – в связи с тем, что через эту женщину постулировались родственные связи великого афинянина с Северным Причерноморьем, с Боспорским государством и чуть ли с миром скифов.

Приведем в данной связи (с некоторым необходимым комментарием в примечаниях) то свидетельство, которое обычно в первую очередь и фигурирует в данной связи. Это, конечно, известный пассаж из речи Эсхина против Ктесифонта (а фактически – против Демосфена), произнесенной в нашумевшем процессе о венке, имевшем место в 330 г. до н.э. (Aeschin. III. 171–172).

«Был Гилон из керамийцев[100]. Он, предав врагам (τοῖς πολεμίοις)[101] Нимфей в Понте – тогда наш город владел этим местом (χωρίον)[102], – оказался

---

[99] *Карпюк С.Г.* Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 198 слл.

[100] Т.е. из числа членов афинского дема Керамик, принадлежавшего к городской триттии филы Акамантиды.

[101] Сложен уже сам по себе вопрос, кто здесь имеется в виду под «врагами» (да еще с определенным артиклем). На момент описываемого эпизода шла Пелопоннесская война, так что наиболее естественно предполагать во «врагах» спартанцев и их союзников. Собственно, именно так и видел ситуацию С.А. Жебелев (*Жебелев С.А.* Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.–Л., 1953. С. 64–65), но он со своим мнением остался практически в одиночестве. В дальнейшем безоговорочно восторжествовала точка зрения, согласно которой речь должна идти о Пантикапее, что, однако, ставит ряд неразрешимых проблем. Ведь πολέμιοι – это, по определению, те и только те, с кем ведется πόλεμος. Стало быть, нужно бы показать, что в то время Пантикапей находился в состоянии войны с Афинами или, как минимум, состоял в союзе со Спартой.

[102] Термин χωρίον достаточно расплывчат, но нередко имеет импликации укрепленного места, небольшой крепости.

изгнанником/беглецом[103] (φυγὰς… ἐγένετο) из полиса из-за исангелии[104]: он не предстал (οὐχ ὑπομείνας) перед судом, и его приговорили к смерти. И он прибывает в Боспор[105], и там получает от тиранов дар – так называемые Кепы[106], и берет в жены женщину, клянусь Зевсом, богатую и принесшую с собой [в приданое] много золота, но скифянку родом. От нее у него родятся две дочери, которых он, послав (ἀποστείλας) сюда[107] с большим количеством денег, выдал

[103] Греческая лексема φυγάς совершенно недифференцированно обозначает как изгнанника (человека, удаленного из полиса приговором суда или решением властей), так и беглеца (человека, удалившегося из полиса добровольно, – например, из каких-либо опасений). Подобная недифференцированность вообще характерна для древнегреческой юридической лексики, что связано с особенностями правосознания и правовой культуры эллинов.

[104] Исангелия – в Афинах тип судебного процесса, применявшийся в случае особо серьезных преступлений (обычно политических). О нем см: *Hansen M.H.* Eisangelia…; *Rhodes P.J.* Εἰσαγγελία in Athens // JHS. 1979. Vol. 99. P. 103 ff.; *Carawan E.M.* Eisangelia and Euthuna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // GRBS 1987. Vol. 28. No. 2. P. 167 ff.; *Bearzot C.* Anomalie procedurali ed elusione del "nomos" nei processi per alto tradimento: "eisanghelia" e "asebeia" // CISA. 1996. Vol. 22. P. 71 ss.; *Кудрявцева Т.В.* Народный суд… С. 270 слл.

[105] Считаем более уместным переводить εἰς Βόσπορον «в Боспор», а не «на Боспор», поскольку вероятнее, что здесь имеется в виду не регион, а государство. Не исключаем, что у Эсхина здесь допущен анахронизм. Во всяком случае, речь явно идет о дворе пантикапейских тиранов. Кстати, ни на чем не основано часто встречающееся в литературе допущение, что Гилон после «нимфейского дела» вернулся в Афины, а только потом уехал обратно в Северное Причерноморье. Оно опирается только на не очень точный перевод источника. В действительности у Эсхина, как видим, не сказано, что Гилон бежал из Афин, а сказано, что он «оказался φυγάς» после своего проступка. Согласно афинскому оратору, события развиваются следующим образом. «Предав» Нимфей, Гилон тем самым попал в статус беглеца. Очевидно, сразу же после того, как весть дошла до Афин, там была возбуждена против Гилона исангелия, и тот прекрасно понимал, что это для него значит. В последний период Пелопоннесской войны, страсти в «городе Паллады» были накалены nec plus ultra (достаточно вспомнить судьбу Алкивиада или процесс стратегов, победивших при Аргинусах), и если Гилон имел голову на плечах (а ничто не свидетельствует о том, что он ее не имел), он ни за что не отправился бы на родину, где его заведомо не ждало ничего иного, кроме смертного приговора. Он, таким образом, вероятно, прямо из Нимфея отправляется «в Боспор», то есть в Пантикапей (получается, что Эсхин не относит к «Боспору» Нимфей, что вполне естественно, поскольку на момент описываемого эпизода Афины, несомненно, еще не признали официально утрату своего форпоста), и уже там развертываются дальнейшие события.

[106] Ровно ни из чего не следует, что Гилон был назначен наместником Кеп – тоже точка зрения, весьма популярная в историографии. Уж скорее припоминаются иные аналогии – раздаривание персидскими царями городов своей державы знатным беглецам-эллинам.

[107] Иными словами, по Эсхину получается, что сам Гилон так и остался на Боспоре, в Афины больше не вернулся.

замуж: одну – неважно за кого (не хочу стать ненавистным многим), другую же взял в жены, презрев законы полиса, Демосфен-пеаниец; от нее-то у вас и родился сутяга и сикофант Демосфен. Итак, он, может быть, уже из-за своего деда является врагом полиса: ведь вы приговорили его предков (sic!) к смерти. А по линии матери-скифянки он – варвар, говорящий по-гречески. Потому и подлость у него такая, какая здешним людям не свойственна».

Об эпизоде с Гилоном и Нимфеем существуют и другие сообщения источников. Все они – поздние, а самое главное, следует подчеркнуть, заключается в том, что *ни одно из них* не имеет независимой ценности по сравнению с рассказом Эсхина. Иными словами, авторы последующих эпох опираются исключительно на него, а если и говорят что-то новое, то не потому, что они имели доступ к некой неизвестной Эсхину информации, а просто предлагают собственные умозрительные соображения (см. Schol. Aeschin. III. 171–172; Liban. Hypoth. Demosth. 2; Suid. s.v. Γύλων). У автора словаря «Суда» вообще разгулялась фантазия, и просто курьеза ради мы приведем цитату из него:

«Гилон: он, обвиняясь в предательстве Нимфея, места в Понте, бежал (ἔφυγεν)[108]. Придя же в Скифию, женился. Имея же двух дочерей, послал их на родину; одну из них взял в жены Филохар, а другую – Клеобул». В основе изложения у византийского лексикографа лежит тот же рассказ Эсхина, но уже искаженный до степени полной путаницы. Имя матери Демосфена Клеобулы каким-то образом перешло в мужской род и превратилось в имя ее мужа (последним на самом деле был, естественно, Демосфен-старший). А вместо «Филохар» должно было бы быть «Демохар». На подобном фоне уже не удивительно, что в «Суде» регионом, где Гилон нашел прибежище, оказывается вместо Боспора некая абстрактная «Скифия».

А с другой стороны, такой ответственный автор, как Плутарх, тоже не зная никаких иных данных по «делу Гилона», кроме эсхиновского выпада, не слишком-то доверяет этому последнему: «Что касается утверждения оратора Эсхина, будто мать Демосфена была дочерью некоего Гилона, обвиненного в измене и потому бежавшего из Афин (ἐπ᾽ αἰτίᾳ προδοσίας φεύγοντος ἐξ ἄστεως), и женщины-варварки, – мы не можем установить, говорит ли он правду, или клевещет (βλασφημῶν καὶ καταψευδόμενος)» (Plut. Demosth. 4). Пожалуй, этому здоровому скептицизму не помешало бы поучиться у херонейца и современным исследователям (чего, однако, не происходит). Как бы то ни было, рассматривая гипотетические похождения Гилона в Северном Причерноморье, следует отдавать себе отчет: всерьез считаться, повторим, можно *только* с одним текстом – с инвективой Эсхина. Всё остальное – ее пересказы плюс априорные домыслы.

[108] В связи со словом ἔφυγεν, которое может означать как «бежал», так и «был изгнанным», см. наши вышеприведенные комментарии к существительному φυγάς.

И эсхиновский отрывок неоднократно привлекался в исследовательской литературе[109] для аргументации рассуждений о хронологии и историческом контексте падения Нимфея, о статусе Гилона в этом городе, а впоследствии – в Кепах и т.д. Предлагались самые различные реконструкции событий – от экзотических и даже курьезных[110] до стройных и хорошо продуманных[111]. Но у всех этих реконструкций была одна общая черта: кем бы ни признавали Гилона, как бы ни характеризовали его действия, что бы о нем ни писали – при этом практически всегда исходили из принципиального доверия к выше цитированным словам Эсхина, из того, что этот пассаж нужно только правильно интерпретировать[112] (а уж какая интерпретация является правильной – тут, как говорится, каждый выбирал для себя).

В свое время автор этих строк тоже не избежал аналогичного соблазна и отдал дань такого рода реконструкциям[113]. Однако ныне для нас совершенно ясно, что целый ряд особенностей свидетельства Эсхина мешает относиться к нему как к мало-мальски адекватно описывающему ситуацию. Чем внимательнее вчитываться в интересующий нас отрывок, чем более тщательно учитывать обстановку, в которой эсхиновская речь была написана и произнесена (а это, напомним, афинская гелиея и один из самых скандальных политических судеб-

[109] Эта литература указана в нашей статье: *Суриков И.Е.* Кое-что о родственниках... Поэтому не видим смысла повторять здесь этот перечень.

[110] Иначе, как курьезным, не можем назвать, например, желание М.В. Агбунова видеть в Нимфее, упоминаемом Эсхином, не боспорский Нимфей, а некий иной, расположенный в южном Понте (*Агбунов М.В.* Античная лоция Черного моря. М., 1987. С. 105 сл.). Если это так, то с какой бы стати боспорским тиранам было награждать Гилона?

[111] Так, весьма красивую картину рисует Д. Браунд: в конце V в. до н.э. Кепы являлись форпостом Боспора в его наступлении на таманские земли. Для роли начальника этого пункта Сатиру I практически идеально подходил Гилон – опытный командир, прошедший «огонь и воду» Пелопоннесской войны, к тому же заведомо лояльный, поскольку ему, осужденному в Афинах на смерть, отступать было некуда. Именно этими соображениями объясняется щедрая награда Сатира Гилону, а не его постулируемой изменой. См.: *Braund D.* The Sindians of the Taman Peninsula c. 400 BC: Polyaenus' Tirgitao, Numismatics and Demosthenes' Grandfather // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э. СПб., 2006. С. 25.

[112] Пожалуй, более или менее критичны лишь С.А. Жебелев и Д. Браунд (в некоторых своих работах: *Braund D.* The Bosporan Kings and Classical Athens: Imagined Breaches in a Cordial Relationship (Aisch. 3.171-172; [Dem.] 34.36) // The Cauldron of Ariantas: Studies Presented to A.N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday. Aarhus, 2003. P. 198 ff.; *idem.* Gylon, Athens and the Bosporus // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., 2011. С. 7–11), но и они недостаточно последовательны в этой своей позиции.

[113] *Суриков И.Е.* Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 107 сл.

ных процессов, имевший место в 330 г. до н.э.), тем яснее становится – перед нами свидетельство весьма уязвимое, проблематичное, содержащее противоречия, как внутренние, так и выявляющиеся при сравнении данных Эсхина с внешним, независимым источниковым материалом.

В частности, эти данные находятся в полном диссонансе с другим, более ранним сообщением о Гилоне, которое принадлежит самому Демосфену. Этот последний, надо полагать, знал дела своих предков и родственников лучше, чем кто-либо иной. При этом, заметим, Демосфен упоминает о своем деде задолго до инвективы Эсхина, вне всякой связи с ней (естественно, в тот момент он не догадывался, что такая инвектива когда-либо последует). Иными словами, перед нами – свидетельство, во-первых, совершенно независимое, во-вторых, вряд ли искажающее факты. Ведь оно было представлено в ходе процесса о наследстве, причитавшемся Демосфену, и в интересах молодого оратора было изложить достоверные факты.

В 364 г. до н.э. (за 34 года до «дела о венке»!) достигший совершеннолетия Демосфен судился со своими родственниками-опекунами, то ли расхитившими, то ли растратившими вверенное им имущество. Против одного из этих опекунов, Афоба, направлены несколько демосфеновских речей; в одной из них и фигурирует Гилон.

«Он (Афоб) сказал, что мой дед был должником государственной казны (ὤφειλε τῷ δημοσίῳ), и поэтому отец не велел сдавать хозяйство в аренду, чтобы оно не подверглось опасности... А что дед, оставаясь должником, скончался, он не представил никакого свидетельства... Засвидетельствовано не то, что он должник (ὀφείλει), но что был должником (ᾤφλεν)... Деньги были уплачены и долги полису у него были погашены полностью... Демохар, женатый на сестре моей матери, на дочери Гилона, не скрывает свое состояние...» (Demosth. XXVIII. 1–3).

Прежде всего разберемся, о Гилоне ли идет речь в связи с задолженностью государству. У каждого человека есть два деда – по отцу и по матери, и, например, Ф.В. Шелов-Коведяев (в пику всем прочим исследователям) полагал, что дед Демосфена, упоминаемый в первых двух параграфах речи, не тождественен Гилону[114]. Но тогда с какой бы стати в третьем параграфе появился Гилон, прямо названный по имени?

Итак, будем исходить из того, что дед Демосфена, упоминаемый в самом начале речи против Афоба, и Гилон – одно и то же лицо[115]. Это принципиально важно, поскольку получается, что Демосфен сообщает совершенно иную ин-

[114] *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984 год. М., 1985. С. 109.

[115] Дополнительные аргументы в пользу этого см.: *Суриков И.Е.* Кое-что о родственниках... С. 399–400.

формацию о Гилоне по сравнению с той, которую находим у Эсхина. Согласно последнему, Гилон не предстал перед судом по обвинению в измене, был заочно приговорен к смерти и жил в качестве φυγάς в Боспорском государстве, в Кепах. Причем жил он там долго и, очевидно, вплоть до самой своей смерти; по крайней мере, дочерей своих он только отправил с Боспора в Афины, а сам с ними не приехал.

Демосфен же говорит о принципиально другом. По его данным, Гилон являлся должником государства, но впоследствии погасил свой долг (соответственно, обременение с его собственности было снято). Должниками государства обычно становились те граждане, на которых решением суда налагался крупный штраф, который выплатить сразу было им не под силу[116].

Имея сообщения Демосфена и Эсхина, исследователи не раз пытались как-то примирить, согласовать их друг с другом[117]. Но, на наш взгляд, ни одна из

[116] Позже, в связи с делом Гарпала, Демосфен и сам оказался в категории государственных должников. Он был приговорен к штрафу на фантастическую сумму 50 талантов, которую выплатить заведомо не мог; поэтому его заключили в тюрьму, а он из нее бежал (Plut. Demosth. 26; подробнее см. ниже). Такого рода колоссальные штрафы налагались тогда, когда на самом деле хотели устранить подсудимого из политической жизни, поскольку он автоматически оказывался в состоянии пожизненной атимии. В случае с Гилоном, несомненно, сумма штрафа была более реальной, поскольку он смог-таки в конечном счете выплатить долг.

[117] Так, Д.П. Каллистов считал, что сам факт обвинения Гилона разногласий источников не вызывает; расхождения касаются только обстоятельств (*Каллистов Д.П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 216). Это явным образом означает – затушевывать реально имеющие место противоречия. Далее, по мнению Д.Б. Шелова, сдача Нимфея не рассматривалась в Афинах как государственная измена, и потому Гилон был приговорен не к смертной казни, а к штрафу, но гражданские права сохранил (*Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956. С. 37). По этому поводу можно сказать, что создать из двух несогласных свидетельств некую искусственную комбинацию, в свою очередь не согласную ни с одним из этих свидетельств, – не означает примирить свидетельства. Ф.В. Шелов-Коведяев, как мы видели, идет на то, чтобы необоснованно «растождествить» Гилона и деда Демосфена, оказавшегося должником, или еще предполагает, что задолженность эта не была следствием штрафа. Тогда корни пресловутой задолженности становятся совсем уже непонятными: что, Гилон брал у полисной казны заём? Такого не практиковалось. Е.А. Молев выстраивает настоящую детективную историю о том, как Гилон после нимфейского дела вернулся в Афины, там против него «официального государственного обвинения... выдвигаться не могло», но он тем не менее «вернулся на Боспор, вероятнее всего, вследствие разорения своего хозяйства за годы войны и частных обвинений в свой адрес в связи с долгами или по каким-либо другим причинам личного характера» (*Молев Е.А.* Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н.э. Нижний Новгород, 1997. С. 64–65). Красиво. Но непонятно, на чем основывается реконструкция. Она, в сущности, представляет собой серию натяжек. У очень многих афинян после Пело-

подобных попыток не увенчалась существенным успехом – по той простой причине, что два свидетельства согласовать никак невозможно. Одно из двух: либо Гилон был приговорен к смерти, либо к штрафу. При этом никак нельзя считать, что он вначале был «смертником», а потом перешел в «штрафники». Так предполагает, например, О.Н. Мельников, но подобная гипотеза никак не вяжется с правовыми реалиями классических Афин. Приговор гелиеи, как известно, был окончательным и пересмотру не подлежал. В дальнейшем осужденного могли решением демоса помиловать или амнистировать, но это именно и означало полную отмену наказания, а не замену большего наказания меньшим.

В историографии Северного Причерноморья в целом наблюдается тенденция больше доверять сообщению Эсхина, нежели сообщению Демосфена. Психологически это понятно: Демосфен в связи с Гилоном ничего не говорит о Боспоре, а Эсхин говорит, иными словами, на ставке стоит наличие или отсутствие важного свидетельства, и ясно, что возникает подспудное желание данное свидетельство сохранить, а не отказываться от него. Постоянно повторяющимся рефреном из работы в работу звучит утверждение, что оратор не мог полностью придумать весь эпизод «из головы». Действительно ли не мог и действительно ли такие грубые выдумки не практиковались в судебных речах? В предисловии к данной книге уже демонстрировалось, что подобное утверждение никак не соответствует действительности. А сейчас остановимся еще на одном нюансе эсхиновского пассажа, который тоже способен вызвать недоумение.

поннесской войны хозяйство было разорено, и многие подпадали под частные обвинения. По этой логике, они должны бы в массовом порядке отправляться из Афин на Боспор или куда-нибудь еще. С.Ю. Сапрыкин признаёт факт сдачи Гилоном Нимфея, но игнорирует прямое указание Эсхина на то, что афинянин был приговорен к смерти; он пишет, что «после передачи Нимфея Сатиру I дед Демосфена по материнской линии мог возвратиться в Афины, прожить там какое-то время, а затем вернуться на Боспор...» (*Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 24). Столь произвольно выборочный подход к данным источника – что хотим, то берем, чего не хотим, то отбрасываем, – вряд ли можно приветствовать. У О.Н. Мельникова получается, что Гилон вначале был приговорен к смертной казни, а затем в Афинах учли обстоятельства, смягчающие его вину, и в результате приговор был пересмотрен, Гилон из «предателя» превратился в «государственного должника» (*Мельников О.Н.* Нимфей, скифский вождь Саммак и «измена Гилона» // Нумізматика і фалеристика. 2001. № 3. С. 11). По поводу этой гипотезы см. в этом же абзаце основного текста, чуть ниже данной сноски. Обсуждать же «реконструкцию» В.А. Анохина, которая подразумевает сдачу Нимфея Гилоном не кому иному, как фантастическим саммеотам (*Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 40–42) нам даже и не хочется: есть вещи, не имеющие прямого отношения к науке, с которыми поэтому спорить бесполезно.

По Эсхину, женой Гилона стала боспорская скифянка, и именно она родила ему двух дочерей, которых он затем отправил в Афины и выдал за чистокровных граждан этого государства. Ситуация рисуется заведомо невозможная, поскольку афинские законы подобные браки категорически запрещали, начиная с 451/450 г. до н.э. (известный закон Перикла о гражданстве). Эсхин это сознаёт и посему добавляет, что отец Демосфена взял в жены дочь Гилона, «презрев законы». Однако поверить, что было совершено столь демонстративное преступление (и даже два преступления, поскольку на другой дочери Гилона женился Демохар – также афинянин и, похоже, сородич Демосфена-старшего), совершенно невозможно. В условиях афинского полиса никак нельзя было «провернуть» подобные браки кулуарно, без огласки. Об этом немедленно стало бы известно согражданам. Демосфену-старшему подобный оборот ничем не грозил; просто его женитьба на «нечистой родом» Клеобуле считалась бы не законным браком, а простым сожительством. Но вот сын его в таком случае не получил бы гражданского статуса. За этим в Афинах следили весьма строго: попытки вписать в списки граждан ребенка, не имеющего на это права, карались очень суровыми наказаниями. Чрезвычайно странно (чтобы не сказать – невозможно), что лишь на 54-м году жизни Демосфена, когда он уже занимал прочное место на самых верхах полисной элиты, Эсхин вдруг «открыл» этот факт его биографии.

Или, если он и раньше о нем знал, то почему же молчал, хотя ему уже представлялись блестящие возможности нанести этот сокрушительный удар по своему противнику? Ведь процесс о венке был вторым «раундом» знаменитого судебного поединка между Эсхином и Демосфеном, а первым являлся процесс о преступном посольстве, происходивший на 13 лет раньше, в 343 г. до н.э. Разоблачи Эсхин уже тогда неправомерность присвоения Демосфеном гражданских прав (если бы таковая неправомерность действительно имела место!) – и последний был бы незамедлительно этих прав лишен, что уничтожило бы его как политика.

Все названные обстоятельства не могли, конечно, не смущать исследователей. В качестве возможного решения проблемы выдвигалась (например, С.А. Жебелевым) версия, согласно которой между Афинами и Боспором существовала эпигамия[118]; соответственно, и брак Гилона со «скифянкой», и брак Демосфена-старшего с их дочерью Клеобулой были вполне законными[119].

[118] Эпигамия (ἐπιγαμία) – договор между двумя полисами, устанавливавший законность брака гражданина одного из них с гражданкой другого и vice versa. См. хотя бы: *Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. Ч. 1: Государственные и военные древности. СПб., 1997. С. 23, 188, 190, 286 (кстати, в указателе греческих терминов к новому, постсоветскому изданию этого ценнейшего труда В.В. Латышева, есть нестыковки: не всегда странице, на которой встречается тот или иной термин, соответствует отсылка именно к той же самой странице в этом указателе, что, разумеется, снижает полезность последнего).

[119] *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье... С. 192.

Однако такие вещи не могут просто постулироваться, для этого необходимы более чем веские основания. Институт эпигамии весьма редок в греческом полисном мире. И меньше шансов, чем где-либо, встретить его в Афинах. С середины V в. до н.э. демократическое афинское государство был чрезвычайно озабочен «чистотой» своего гражданского коллектива. Если в ряде других полисов Эллады для получения статуса гражданина было необходимо только, чтобы уроженцем данного полиса был отец, а на происхождение матери внимание не обращалось; если именно так было и в Афинах до 451/450 г. до н.э., – то в названном году декретом, введенным по инициативе Перикла (он уже упоминался выше)[120], вводились новые нормы: оба родителя потенциального гражданина должны были принадлежать к гражданской общине. Всем известно, как от этого закона впоследствии пострадал сам же его автор (когда от эпидемии в начале Пелопоннесской войны умерли оба его законных сына, он смог лишь с огромным трудом добиться от экклесии решения ad hominem о натурализации Перикла-младшего, его сына от Аспасии). Затем, в годы войны, возможно, в исполнении закона были допущены некоторые послабления, но после окончания конфликта со Спартой он был подтвержден во всей своей строгости. И если для Перикла в свое время сделали исключение, то только потому, что понимали: он того заслуживал. Гилон, ничем особо не прославившийся, безусловно, не мог рассчитывать на подобную же милость демоса.

Не выдумана ли Эсхином вообще вся история о «предателе Гилоне» и его «жене-скифянке»? Этого никак нельзя отрицать. Выше уже неоднократно упоминалось, что в афинских судебных речах вполне допускались серьезные, грубые отклонения от истины. Необходимо памятовать об общих особенностях процедуры судопроизводства в афинской гелиее. Они описывались неоднократно, но особенно удачной по сочетанию краткости и емкости является статья Г. Тюра[121], тем более что она написана на материалах преимущественно именно демосфеновского времени.

---

[120] Об этом декрете и его мотивациях см.: *Will W.* Perikles... S.50 ff.; *Osborne R.* Law, the Democratic Citizen and the Representation of Women in Classical Athens // Past & Present. 1997. No. 155. P. 3 ff.; *Суриков И.Е.* Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 181 слл. Но наиболее важной на сегодняшний день работой об этом законодательном акте является, безусловно, богатая идеями статья: *Blok J.H.* Perikles' Citizenship Law: A New Perspective // Historia. 2009. Bd. 58. Ht. 2. S. 141–170. Недавно была высказана интересная (хотя спорная и нуждающаяся в дальнейшем осмыслении) идея о том, что сословие метэков в Афинах возникло именно в связи с Перикловым законом о гражданстве: *Watson J.* The Origin of Metic Status at Athens // The Cambridge Classical Journal. 2010. Vol. 56. P. 259–278.

[121] *Thür G.* Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse? // AD. S. 321 ff.

Во время суда не было никакой возможности доказать истинность или ложность предъявляемых обвинений, поскольку допрос присяжными тяжущихся сторон не практиковался; судьи просто сидели, внимали их речам, и сами определяли – путем чисто логических умозаключений, – кто прав, а кто виноват. Далее, если после вынесения приговора осужденному даже и удавалось отыскать неопровержимые доказательства того, что обвинитель лгал, к пересмотру приговора это не приводило, поскольку решения гелиеи отмене, кассации не подлежали. Самое большее, что мог сделать бедолага, – в свою очередь вчинить иск обвинителю-лжецу, заставить того тоже пострадать, но участь его самого этим никак не облегчалась. Перечисленные обстоятельства вели к тому, что в афинских дикастериях существовали более чем благоприятные условия для сколь угодно произвольного искажения истины участниками судебного процесса[122]. Не учитывать данный факт нельзя, занимаясь определением степени аутентичности *любого* сообщения Эсхина, Демосфена и др.

Конкретный случай с Гилоном с точки зрения своей достоверности не верифицируется, поскольку независимых данных о нем, помимо инвективы Эсхина, просто нет. Но имеются и вполне верифицируемые случаи, об одном из которых уже говорилось в предисловии к данной книге. Причем именно этот параллельный пример обладает максимальной доказательной силой, поскольку он взят не из какого-либо иного судебного процесса, а из того же самого «дела о венке» 330 г. до н.э. Вот что интересно: Эсхин «разоблачал» родственников Демосфена, а чем на это отвечал ему сам Демосфен, в каком свете он представлял биографию сородичей своего оппонента и насколько его сведения соответствовали действительности? Мы видели, что он придумал какую-то совершенно дикую историю, в которой отец Эсхина оказался рабом-колодником, а мать – гнуснейшей проституткой, в то время как на самом деле первый был урожденным гражданином и зарабатывал на жизнь ремеслом школьного учителя (пусть скромный, но достойный удел), а вторая являлась жрицей, хотя и невысокого ранга. Вот так «делали белое черным» великие мастера античного красноречия.

В парных речах Демосфена и Эсхина 330 г. до н.э. особенно много элементов псогоса – античного риторического жанра «хулы», инвективы. О псогосе нам приходилось писать в другом месте и в другой связи: это – «хула, не знающая полутонов, риторический жанр, цель которого – максимально очернить противника, не оставить от его репутации камня на камне, представить дело таким образом, что все в нем – от происхождения до повседневного поведения – противоречит качествам, требуемым от достойного и благонамеренного гражданина»[123].

---

[122] См. яркий пассаж (причем без всяких преувеличений) в работе: *Кудрявцева Т.В.* Народный суд... С. 232.

[123] *Суриков И.Е.* Остракизм... С. 431.

В тех эпизодах афинских судебных речей, где они вступали, так сказать, в «градус псогоса», эти памятники ораторского искусства в наибольшей степени сближались с жанром эпидиктического красноречия и, соответственно, начинали особенно активно применять топосы[124] – «общие места», которые, будучи, подобно шаблонам, применены к конкретным ситуациям, обещали выступающему максимальный успех у слушателей, даже вне зависимости от того, насколько эти шаблоны соответствовали (и соответствовали ли вообще) реальной действительности.

Было несколько считавшихся удачными и исключительно популярных риторических топосов применительно к созданию «образа врага», которое, как известно, является одним из базовых элементов любой пропагандистской деятельности (как на общегосударственном, так и на более узком уровне). Если говорить о мужчинах-гражданах, то самыми частыми из порочащих топосов являлись следующие.

Топос «предателя», который в зависимости от перипетий внешнеполитической истории, естественно, варьировал. Так, в период Греко-персидских войн был отчеканен штамп «мидизма»[125], причем под последним понимался не только прямой коллаборационизм с державой Ахеменидов, но и любая «предосудительная» близость к персам (в том числе, например, даже подражание им в одежде, прическе и т.п.). К сколь многим видным государственным деятелям незаслуженно прилагался тогда ярлык «предателя»! В том числе и к тем, которые были заведомо чисты от подозрений, как например, честнейший и неподкупный Аристид. В дальнейшем образ «предателя» приобретал, подобно Протею, самые разнообразные формы, но всегда оставался (даже будучи абсолютно не доказанным по отношению к тому или иному конкретному лицу) едва ли не самым мощным оружием компромата. Даже и в ситуации с нашими двумя ораторами: для Демосфена Эсхин – предатель, а для Эсхина, соответственно, vice versa.

Топос «варвара», тоже обреченный на успех, ввиду уверенности греков в собственной «первосортности» по сравнению со всеми чужеземцами и вытекающей из этого их заботе о собственной «этнической чистоте». Обвинить политика в том, что его происхождение не является чистокровно греческим – тоже означало поставить серьезное пятно на его репутации. Топос «варвара» употреблялся как в сочетании с топосом «предателя», так и по отдельности – в тех случаях, когда топос «предателя» по той или иной причине не мог быть

[124] Теория топосов как раз в эпоху Демосфена и Эсхина теоретически разработана Аристотелем (в трактатах «Топика» и «Риторика»). О категории топоса, ее освещении Аристотелем, ее эволюции на различных этапах развития риторики см.: *Ассуирова Л.В.* Топосы как смысловые модели порождения речи. М., 2002.

[125] О нем подробнее см.: *Рунг Э.В.* Феномен мидизма в политической жизни классической Греции // ВДИ. 2005. № 3. С. 14–35.

пущен в ход. Особенно страдали от попреков «варварским» происхождением (во всех случаях измышленным, а не реальным) так называемые «новые политики» начиная с последней трети V в. до н.э. Применительно к первым знаменитым демагогам – Клеону, Гиперболу, Клеофонту – мы встречаем подобные попреки просто-таки постоянно. Но и в дальнейшем эта традиция отнюдь не прервалась. Напомним в данной связи, что Демосфен и его враг Эсхин также принадлежали к когорте «новых политиков».

Топос «раба», принадлежавший к наиболее позорным – из-за всем прекрасно известного отношения к рабам в античном обществе. Поскольку в классическую эпоху понятия «варвар» и «раб по природе» фактически уравнивались, «варварский» и «рабский» топосы часто соседствуют, перетекают друг в друга. Так, тем же Гиперболу и Клеофонту приписывали не только варварское, но и рабское происхождение, причем опять же совершенно ложно[126].

Что же касается представительниц «слабого пола», то «варварский» и «рабский» топосы к ним тоже охотно прилагали. Топос «предателя» был к ним применим в значительно меньшей степени, зато имелся специфически «дамский» топос. Это – топос «непорядочной женщины». В V в. до н.э. мы встречаем его применительно, например, к Эльпинике (сестре Кимона), к знаменитой Аспасии. Для IV в. до н.э. памятником, в котором данный топос развернут особенно детально, является речь «Против Неэры», входящая в корпус сочинений Демосфена (Demosth. LIX), но, как ныне считается, ему не принадлежащая, а составленная, скорее всего, Аполлодором, сыном Пасиона (как уже отмечалось выше). Топос заключался, разумеется, в том, что женщина, которую нужно было опорочить, «уличалась» в том, что она вела развратную жизнь.

Что можно сказать о направленных друг против друга (точнее, против родственников друг друга) пассажах Эсхина и Демосфена с точки зрения приведенной выше систематизации топосов? Не может не броситься в глаза, что обе инвективы просто-таки изобилуют именно теми топосами, которые только что были рассмотрены. Демосфен, говоря о родственниках Эсхина, использует топос «раба» и топос «непорядочной женщины»; Эсхин же, обрушиваясь на сородичей своего противника, прибегает к топосам «предателя» и «варвара». Ну, а там, где в ход пускаются топосы, – говорить о какой-либо исторической истине затруднительно.

Но как же? – могут возразить нам. Ведь в отрывке о Гилоне наряду с топосами присутствует также и обилие конкретики. Здесь и боспорские тираны, и вполне реальные северопонтийские топонимы – Нимфей, Кепы... Да, это так,

[126] *Vanderpool E.* Kleophon // Hesperia. 1952. Vol. 21. No. 2. P. 114–115; *Суриков И.Е.* Острака и афинская просопография // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия История. 2004. Вып.1 (3). С. 59 сл.

но в ответном выпаде Демосфена мы встречаем даже не просто топонимы, а прямо-таки афинские микротопонимы, детальнейшее указание тех мест, в которых якобы развертывалась отвратительная деятельность родителей Эсхина. Названы по именам лица, причастные к их делам, и лица эти, несомненно, не вымышлены. А тем не менее в целом нарисованная картина – в корне ложна.

Итак, обилие деталей не должно нас смущать – оно *ровно ничего не означает*. Великие афинские ораторы IV в. до н.э. прекрасно знали, как в интересах *правдоподобия* (отнюдь не *правды*) наполнять общие топосы конкретным содержанием. Собственно, это была одна из тех вещей, которые им тщательно преподавали в их риторических школах. В конечном счете их «общим наставником» был Исократ, сам являвшийся выучеником софиста Горгия[127], который вообще не признавал существование истины и не стеснялся откровенно заявлять, что речь – прежде всего мощное средство манипулирования людьми.

М.Л. Гаспаров, комментируя попреки, которые делает Эсхин Демосфену за его «деда-предателя» и «бабку-варварку», пишет: «Демосфен никогда не опровергал этого упрека»[128]. Действительно не опровергал, а почему? Потому что признавал его истинность? Конечно, нет. Просто есть столь грубые наветы, которые и опровергать не имеет смысла. Вместо опровержения Демосфен *ответил* на обвинение Эсхина: как мы знаем, он в пику сказке о предателе Гилоне и его жене-скифянке рассказал еще более смешную сказку – о рабе Тромете и шлюхе Эмпусе. Кстати, эту последнюю повесть, в свою очередь, никак не опровергал Эсхин, и по той же самой причине: есть вещи, всерьез заниматься опровержением которых – только пачкаться.

Судебные речи в подобных своих пассажах начинали прямо-таки напоминать сценки из комедий с присущим им гротеском (а многие современные исследователи этой гротескности не улавливают и пытаются вычитывать информацию из подобных «свидетельств» буквально[129]) Резонно и отрезвляюще замечает Т.В. Кудрявцева (кстати, как раз в связи с процессом о венке 330 г. до н.э.): «Остается предположить, что подобный “черный юмор” (ведь не могли же судьи принимать весь этот бред за чистую монету!) помогал оратору через смех и улыбку аудитории сохранять ее внимание, кроме того, разделяя с оратором насмешку, публика становилась своего рода *со*-участницей его речи и дела»[130].

---

[127] Об Исократе и софистах в этом аспекте см.: *Poulakos J.* Rhetoric and Civic Education: From the Sophists to Isocrates // ICE. P. 69–83; *Haskins E. Logos* and Power in Sophistical and Isocratean Rhetoric // ICE. P. 84–103.

[128] *Гаспаров М.Л.* Примечания // *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т. 2. М., 1994. С. 595. Прим. 7.

[129] Даже применительно к самим комедиям (см. хотя бы: *Mansouri S.* Athènes vue par ses métèques (V^{e}–IVe siècle av. J.-C.). P., 2011. P. 73).

[130] *Кудрявцева Т.В.* Народный суд... С. 232.

Поставим вопрос ребром: повествование Эсхина о предках Демосфена и повествование Демосфена о предках Эсхина не должны рассматриваться изолированно, а только во взаимной связи; оба рассказа – явление одного порядка. Иными словами, если мы принимаем за истину историю о «предателе Гилоне», то мы должны точно так же принимать за истину и историю о «рабе Тромете». Готовы ли мы на это? И, с другой стороны, если мы отвергаем побасенки о «рабе Тромете» (а их, разумеется, нельзя не отвергать, поскольку не было никакого «раба Тромета», а был почтенный учитель Атромет), то мы должны с тем же скептицизмом отнестись и к откровениям о «предателе Гилоне», женившемся на «скифянке». Ибо нельзя применять двойные стандарты: брать из источников ad libitum то, что нас устраивает и позволяет строить различные реконструкции, а то, что не устраивает и не позволяет, – не брать.

Не стоит быть легковерными и ловиться на ту «удочку», которую специально закинул искусный ритор. Возьмем пример в этом смысле хотя бы с современников Эсхина – его сограждан. Вспомним о том, что Эсхин не просто проиграл процесс о венке, – он потерпел *катастрофическое* поражение, набрал настолько ничтожно малое число голосов присяжных, что уже не мог больше заниматься политической деятельностью в Афинах и был вынужден удалиться на Родос. Получается, он полностью скомпрометировал себя своей речью, афиняне *ни в чем ему не поверили*. А, стало быть, имели основания не поверить.

Подчеркнем: мы ни в малейшей мере не утверждаем, что в переданном Эсхином эпизоде вообще нет невыдуманных элементов. Нимфей, бесспорно, находился одно время под афинским контролем; но это известно из независимых от Эсхина источников[131]. Равным образом, никто не сомневается, что Демосфен имел прочные (весьма вероятно, наследственные) связи с Боспорским государством, потому и «лоббировал» в Афинах интересы его правителей (о чем еще будет говориться далее на протяжении данной главы). Но это тоже известно из независимых от Эсхина источников[132]. Названными, заведомо достоверными фактами мы и должны оперировать, не стремясь к их конкретизации любой ценой, коль скоро этого не позволяют объективные свидетельства.

Но что же нового (если говорить о *достоверных* сведениях!) добавляют данные Эсхина к этой имеющейся в нашем распоряжении информации? Вынуждены констатировать: ничего. Мы никак не можем исключить возможности (если учитывать всё сказанное выше об историческом контексте речи, то

[131] *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.–Л., 1949. С. 178; *Завойкин А.А.* Периодизация торговых связей по керамической таре и некоторые вопросы ранней истории Фанагории: вторая половина VI–V вв. до н.э. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 265.

[132] *Завойкин А.А.* Σάτυρος Динарха (I. 43 Blass) и satyrus Плиния (NH. XXXIV. 64) (к вопросу о культе правителя на Боспоре) // ДБ. 2008. Т. 12. Ч. 1. С. 196 слл.

можно выразиться и сильнее: довольно большой вероятности), что похождения Гилона оратором сочинены. Стало быть, опорой для сколько-нибудь ответственных построений служить они не могут. Имел ли Гилон какое-нибудь отношение к сдаче Нимфея? Получил ли он от пантикапейского владыки Кепы? Мы не знаем. Если исходить из параллели с «Трометом» и «Эмпусой», – то скорее нет, чем да. Пессимистическая позиция? Пожалуй. Однако порой короткое и суровое non liquet полезнее, чем самый пышный букет красивых фантазий.

* * *

Итак, Демосфена во всех отношениях можно назвать типичным «новым политиком», выходцем из среды тех людей, которые желали активно участвовать в управлении государством, но при том не имели никакого отношения к кругу старинных аристократов, игравших «первую скрипку» в Афинах на протяжении большей части предшествующего столетия. «Новые политики» были связаны изначально со сферой ремесленного производства («кожевник» Клеон, «ламповщик» Гипербол, «лирщик»[133] Клеофонт именно в таком качестве и стали знамениты – благодаря Аристофану); эту относительно старую традицию отчасти продолжает и наш герой Демосфен, сын оружейника. Но ко времени начала его политической деятельности нечто весьма сильно изменилось[134]. Демагоги нового поколения ассоциировались уже не столько с миром ремесленного эргастерия, сколько с миром эмпория и трапезы, торгового порта и банка[135]. Это исключительно удачно подметила К. Моссе (о чем уже упоминалось в одном из предыдущих примечаний)[136]. Даже Ликург, знатный ари-

[133] Не лирник; не тот, кто играет на лире, а тот, кто эти лиры делает.

[134] О соотношении ремесла и торговли в классической Греции в целом см.: *Hopper R.J.* Trade and Industry in Classical Greece. L., 1979; *Reden S. von.* Exchange in Ancient Greece. L., 1995.

[135] Нуждается в отдельном рассмотрении вопрос, насколько можно соотносить афинских трапезитов со знакомыми всем нам банкирами. Спектр мнений максимально широк: есть и те, кто считают, что трапезиты были всего лишь менялами, есть и те, кто акцентированно высказывается в пользу идентификации трапезитских контор с полноценными банками, выполнявшими все положенные таким заведениям операции. В числе последних наиболее авторитетен Э. Коэн, имеющий то преимущество, что он занимается одновременно древнегреческой историей (как теоретик) и банковским делом (как практик). См.: *Cohen E.E.* Athenian Economy and Society: A Banking Perspective. Princeton, 1997; *idem.* The Elasticity of the Money-Supply at Athens // The Monetary Systems of the Greeks and Romans. Oxf., 2008. P. 66–83. Его точка зрения (подчеркнем, для IV в. до н.э.) нам, признаться, более импонирует, да и в целом более обоснованна. Из этого исходит дальнейшее изложение.

[136] *Mossé C.* La classe politique... Интересно, что данную трансформацию как бы провид-

стократ, имел связи в этой среде. Моссе оговаривает, что среди видных политических деятелей второй половины IV в. до н.э., пожалуй, лишь Эсхин в этом плане являлся исключением.

Отметим, что именно в интересующем нас здесь столетии (столетии кризисном, когда болезненно умирает старое и не менее болезненно родится новое) банковское дело в Афинах достигло не просто апогея, а, можно сказать, какого-то апофеоза. Трапезиты, когда-то и действительно бывшие простыми менялами, вытаскивавшими свои столы (τράπεζαι) либо на агору, либо (даже скорее, надо полагать) в пирейский эмпорий[137] и производившие на них обмен многочисленных греческих «валют», берут на себя ряд функций, которые для нас однозначно ассоциируются с банками: прием денег на хранение, раздача кредитов под проценты[138], осуществление безналичных расчетов.

Кто входил в число богатейших афинян в V в. до н.э.?[139] Люди такого ранга, как Кимон, Перикл, Каллий, Алкивиад и т.п. «Супер-аристократы». Даже «просто непростой» Никий, не потомок героев и богов, но все-таки и не парвеню[140], смотрелся как-то невыразительно на этом фоне.

Что случилось с этими людьми в дальнейшем? Предоставим слово современнику событий, Лисию[141]: «Вот, например, Исхомах[142]: при его жизни все думали, что у него больше семидесяти талантов, как я слышал; а по смерти его два сына при дележе не получили и по десяти талантов каждый. У Стефана, Фаллова сына, как говорили, было больше пятидесяти талантов, а по смерти его состояние оказалось лишь около одиннадцати талантов. Далее, у Никия имущества, как предполагали, было не меньше, чем на сто талантов, и большая

чески предсказал Аристофан во «Всадниках», где «кожевник» (Клеон) уступает позицию простата демоса «колбаснику».

[137] Характеристику которого см.: *Цымбал О.Г.* Пирей как центр деловой активности Афин // ГАС. Ч. 2. С. 64–66.

[138] О таких операциях в Афинах см.: *Millett P.* Sale, Credit and Exchange in Athenian Law and Society // Nomos. Essays in Athenian Law, Politics and Society. Cambridge, 1990. P. 167–194; *idem.* Lending and Borrowing in Ancient Athens. Cambridge, 2002. Собственно, речь идет о даче денег в рост, так что вполне оправданно называть трапезитов еще и ростовщиками (как в: *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Был ли Аристотель противником рыночных отношений? // Эмбатерион. Сборник статей по искусствознанию, филологии, истории. М., 2011. С. 334).

[139] В свое время исключительное значение имело просопографическое исследование: *Davies J.K.* Athenian Propertied Families 600–300 B.C. Oxf., 1971. Книга и поныне остается весьма важной.

[140] См. о происхождении Никия: АГ-3. С. 93 слл.

[141] О том, что к Лисию как античному автору нужно относиться серьезнее, чем обычно считается, справедливо указано в недавней книге: *Mansouri S.* Op.cit. P. 99 ss.

[142] Тот самый, которого Ксенофонт вывел главным героем в своем «Домострое» (Oikonomikos).

часть его была будто бы в наличных деньгах; а Никерат (сын Никия – И.С.) перед казнью сам говорил, что серебра и золота он не оставляет, а имущество, оставленное им сыну, стоило не больше четырнадцати талантов. Далее, Каллий, Гиппоников сын, в ближайшее время по смерти отца считался самым богатым человеком в Элладе, и, говорят, дед[143] оценил свое состояние в двести талантов, а теперь его имущество не ценится в два таланта» (Lys. XIX. 45–48).

Сам Лисий видел причину описанного феномена в том, что афиняне будто бы «обманывались относительно состояния многих лиц: при жизни они считались богачами, а по смерти оказывались гораздо беднее, чем вы думали» (Lys. XIX. 45). Иными словами, дело, по его мнению, в том, что богачи-аристократы завышали размер своего состояния по сравнению с тем, каким он являлся в действительности. Совершенно исключать подобных случаев, конечно, нельзя. Так, среди перечисленных тут оратором богатых семей какой-то совершенно фантастической цифрой (200 талантов) поражает главная семья рода Кериков, в которой из поколения в поколение чередовались имена Каллий и Гиппоник. В том, что эта семья действительно была богатейшей в Афинах, сомневаться не приходится[144]; но вот то, что она аж в два раза опережала по размеру состояния идущую на втором месте семью Никерата – Никия, уже представляется преувеличением.

Представители семьи Каллия – Гиппоника, таким образом, могли в престижных целях создавать о себе впечатление как о людях еще более богатых, чем они были на самом деле; характерно, что и само происхождение их огромного состояния было овеяно какими-то темными легендами о краже персидского золота на поле Марафонского сражения[145], порождавшими дух нездоровой сенсации.

Но в целом нам не думается, что суждение Лисия для большинства упомянутых им случаев верно. На самом деле имел место иной процесс: не столько в V в. до н.э. богачи завышали размеры своих состояний, сколько в IV в. до н.э. они их занижали – для того, чтобы уклониться от постоянных обременительных литургий и т.п. Этот факт как раз хорошо известен и неоднократно отмечался исследователями, занимавшимися кризисом классического полиса[146].

---

[143] Каллий-старший, знаменитый дипломат (заключивший, в частности, Каллиев мир с Персией), дед упоминаемого тут Каллия-младшего. В целом об этой семье см.: *Суриков И.Е.* Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // МГОДА. Ч. 1. С. 101 слл.

[144] Порой утверждалось (как и в процитированном свидетельстве), что она была даже богатейшей во всей Элладе, но вот это уже проверить трудно.

[145] Это именно легенды, не имевшие отношения к действительности. См.: АГ-2. С. 80–81. Прим. 46; *Рабинович Е.Г.* Заметки о марафонской мифологии // Аристей. 2012. Т. 6. С. 91–120.

[146] В том числе и автором этих строк: АГ-3. С. 22–23.

Однако похоже, что можно говорить и о действительно имевшем место разорении прежде богатых граждан. Крупные состояния не пускались этими аристократами в оборот, не инвестировались, одним словом, не приумножались, а обычно, наоборот, растрачивались на политические цели или просто для укрепления престижа. Да и Пелопоннесская война, ясно, не содействовала наращиванию благосостояния как полиса в целом, так и граждан по отдельности (во всяком случае, если говорить о большинстве оных).

Но «свято место пусто не бывает». На смену прежним богачам приходили новые. И среди последних достаточно значительное место занимали как раз трапезиты, которые, заметим кстати, в своем подавляющем большинстве являлись даже не гражданами, а метэками[147], но притом принадлежали теперь к числу богатейших жителей Афин[148].

Первейший из афинских трапезитов тогдашних времен – Пасион – заслуживает того, чтобы сказать о нем хоть несколько слов. По происхождению он вообще был рабом, трудился в одной из трапезитских контор. Его коммерческий талант был несомненен; «эффективный менеджер» вскоре был замечен, его начали «продвигать», и он достиг положения фактического управляющего банком. Кончилось тем, что хозяин дал ему свободу; по нормам афинского права, вольноотпущенник входил в сословие метэков[149]. Пасион быстро стал владельцем собственного крупного дела, тем более что прежний его господин сделал его своим наследником. Подвизаясь на ниве подобной деятельности, трапезит-метэк (впрочем, уже под старость он получил-таки права афинского гражданства за неоднократные «благодеяния», то есть финансовую помощь

[147] О них в целом см.: *Amemiya T.* Economy and Economics of Ancient Greece. L. – N.Y., 2007. P. 104 ff. Досадным кажется нам, что автор последней по времени монографии об афинских метэках (*Mansouri S.* Op.cit.) вообще не затронул в своем исследовании тему метэков-трапезитов.

[148] См. о семьях этих банкиров: *Cohen E.E.* Banking as a "Family Business": Legal Adaptations Affecting Wives and Slaves // Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 239–265.

[149] Этим, кстати, афинский полис отличается от римского, в котором уже сын либертина получал права гражданства. В Афинах и дети, и сколь угодно дальние потомки метэков метэками же и оставались; право гражданства кто-то из них мог получить только в индивидуальном порядке, как награду за некие индивидуальные заслуги. См. к проблеме: *Adak M.* Metöken als Wohltäter Athens: Untersuchungen zum sozialen Austausch zwischen ortsansässigen Fremden und der Bürgergemeinde in klassischer und hellenistischer Zeit (ca. 500–150 v. Chr.). München, 2003. Дело тут, конечно, в «эксклюзивном» характере греческого полиса и «инклюзивном» характере римского. См. об этом важном различии, сводящемся, в конечном счете, к неодинаковым чертам менталитета: *Суриков И.Е.* Камень и глина: К сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М., 2000. С. 273–288.

оскудевшей в IV в. до н.э. афинской полисной казне) сколотил состояние – для того времени почти немыслимое – в 60 талантов[150], достигнув положения едва ли не первого богача в Афинах (во всяком случае, однозначно входившего в первую тройку)[151].

Хотя люди такого рода не могли, в силу отсутствия гражданского статуса, непосредственно участвовать в политической жизни, они тем не менее активно и небезуспешно «лоббировали» свои интересы в народном собрании и других органах власти, используя материально зависимых от них политиков высокого ранга. Складывалась парадоксальная ситуация: гражданин, причем, влиятельный гражданин, служил своей деятельностью метэку[152], иногда – бывшему рабу.

Демосфену в своей карьере довелось иметь дело с Аполлодором, сыном Пасиона (увлекшимся, как уже упоминалось, политикой и риторикой), а также с Формионом, приказчиком знаменитого трапезита, а впоследствии его преемником (тот передал банк своему подчиненному, как и сам в свое время получил его от хозяина). Сам же Пасион скончался в 370 г. до н.э.; однако практически несомненно, что Демосфен, еще будучи ребенком, встречал и его в доме своего отца, Демосфена-старшего, у которого были с Пасионом деловые отношения (Demosth. XXVII. 11). Аполлодор и Формион враждовали, и наш герой, уже став выдающимся оратором, помогал в качестве логографа как одному, так и другому (естественно, не в рамках одного процесса) – «из одной оружейной лавки продавал кинжалы обеим враждебным сторонам», иронизирует Плутарх (Plut. Demosth. 15), намекая на происхождение Демосфена из среды ремесленников-оружейников. Впрочем, как мы видели, уже Демосфен-старший водил дела с трапезитами, а его сыну этот банковский мир был даже ближе, чем «родной» ремесленный. Таким образом, в его жизни и деятельности тоже отразилась та закономерность, которую подметила Моссе применительно к политикам его эпохи в целом – тесная связь с финансовой сферой.

Только что был упомянут Демосфен-ребенок. Как раз самое время перейти к ранним годам нашего героя, к формированию его личности. «Как Демосфен стал Демосфеном» – вопрос, традиционно привлекающий внимание популяризаторов и беллетристов (а тем самым, конечно, и их читателей). Уж очень яркие картинки встают перед глазами. Нам также трудно удержаться от соблазна

---

[150] До сих пор не утратил своего значения и с интересом читается очерк о Пасионе в старой книге: *Гиро П.* Частная и общественная жизнь греков. М., 1994. С. 67–75 (репринт издания 1913–1914 гг.).

[151] Впрочем, Л.М. Глускина замечает, что богачи, подобные Пасиону, среди метэков были исключением: *Глускина Л.М.* Эйсфора в Афинах IV в. до н.э. // ВДИ. 1961. № 2. С. 37.

[152] К. Моссе считает даже возможным говорить (на наш взгляд, чрезмерно категорично) о стирании в этот период грани между гражданами и метэками: *Mossé C.* Métèques et étrangers à Athènes aux IVe – IIIe siècles avant notre ère // Symposion 1971. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 205–213.

сказать хотя бы несколько слов о рождении великого оратора в процессе «выковки стали из шлака», и мы сделаем это чуть ниже. А пока заметим, что с точки зрения источниковой освещенности того периода своей жизни, который с легкой руки Льва Толстого ныне обозначается скороговоркой «детство – отрочество – юность», Демосфен занимает удивительно выгодное, почти уникальное положение. Что мы можем сказать о том, как возрастал, скажем... ну даже Перикл (уже не говоря о Фемистокле, Аристиде, Мильтиаде и т.д.)? Да ровно ничего абсолютно ответственного; приходится прибегать к какому-то сугубо гипотетичному нарративу. Герои предшествующих глав этой книги – Агесилай и Эпаминонд – находятся в аналогичном положении. Некое исключение являет, между прочим, Алкивиад, который в силу ряда определенных причин (sapienti sat) весьма рельефно вырисовывается перед нами (благодаря главным образом Платону, но также и ряду других авторов[153]) уже и в «нежном возрасте»[154].

Но вернемся к Демосфену. «Семи лет Демосфен осиротел, унаследовав от отца хорошее состояние (оно оценивалось почти в пятнадцать талантов)» (Plut. Demosth. 4). Как видим, даже Плутарху наследство, доставшееся Демосфену, казалось «хорошим» (хотя в его время, в эпоху Антонинов масштабы любых денежных величин, конечно, совершенно изменились до неузнаваемости по сравнению с IV в. до н.э.). А для времени, в котором мы сейчас находимся, обладатель пятнадцати талантов – это просто очень богатый человек. Не Пасион, конечно; тем не менее, как говорится, есть чем похвастаться. Точнее, было бы, если бы не злоупотребления назначенных в завещании отца опекунов. Но рос Демосфен, конечно, как «богатый мальчик», окруженный дядьками-педагогами, которые исполняли его желания.

---

[153] *Duff T.* Plutarch on the Childhood of Alkibiades (Alk. 2–3) // Proceedings of the Cambridge Philological Society. 2003. Vol. 49. P. 89–113.

[154] Мы каемся, что не привлекли внимание читателей к этому нюансу в главе об Алкивиаде, вошедшей в предыдущую книгу данного цикла (АГ-3. С. 160 слл.). Каемся, кстати, и в целом за эту главу. Она первоначально была написана довольно-таки давно как статья и именно в этом качестве впервые опубликована (*Суриков И.Е.* Алкивиад: афинский денди или первый «сверхчеловек»? // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 5. Специальный выпуск: Историческая биография и персональная история. М., 2001. С. 198–225). К проекту «Политики в контексте эпохи» мы тогда только еще подходили, планируя написать по этому сюжету небольшую книжку (а получилась в итоге тетралогия). Время шло; проект реализовывался, разрастаясь; дошел черед и до Алкивиада. И мы включили в книгу вышеупомянутую статью о нем – не то чтобы в изначальном виде (нет, она, конечно, была значительно увеличена), но все-таки в виде недостаточно переработанном. Недостаточно – с точки зрения масштаба личности Алкивиада. О нем бы, по большому счету, надо писать книгу (каковой, кстати, на русском языке пока и нет). Если представится хоть малейшая возможность сделать это, мы ее обязательно реализуем.

Плутарх, желающий нарисовать несколько иную картину, изображающий Демосфена этаким бедствующим ребенком, все-таки порой проговаривается: «...Даже его учителя не получали (от опекунов – И.С.) причитавшегося жалованья. Вероятно, именно по этой причине он и остался без образования, подобавшего мальчику из хорошего рода, а еще – из-за слабого и нежного сложения, ибо мать оберегала его от всяких утомительных занятий, а дядьки-наставники не принуждали учиться» (Plut. Demosth. 4). Полагаем, правда именно в этом: Демосфена родные и близкие просто баловали, жалея его – и из-за сиротства, и из-за болезненности. Но в материальном плане его будущее казалось вполне обеспеченным, и никому не приходило в голову, что ему придется уже вскоре столкнуться с жизненными трудностями.

И, кстати, как понимать слова «остался без образования, подобавшего мальчику из хорошего рода»? Прозябал этаким невеждой? Конечно же, нет. В своих речах Демосфен предстает эрудированным, компетентным, умеющим мыслить человеком. Он и сам говорит (в прямое противоречие процитированному выше суждению Плутарха): «...У меня... была возможность, когда я был мальчиком, ходить в подобающие мне школы и иметь в своем распоряжении всё, что необходимо человеку, которому не приходится из-за нужды делать ничего унизительного» (Demosth. XVIII. 257).

Предполагаем, что наставники скорее манкировали музической и особенно гимнастической частью его воспитания, резонно предполагая, что из хилого юноши не выйдет ни знаменитого атлета, ни видного деятеля искусства. Правда, еще в V в. до н.э. образование в Афинах старались сделать максимально гармоничным, ставящим целью формирование καλὸς κἀγαθός. Но мы ведь теперь уже в следующем, кризисном столетии, ставшем воистину веком профессионализации – во всех сферах, в том числе и в образовательной.

Как-то один из педагогов захватил Демосфена с собою в суд[155], где как раз слушалось громкое дело, в котором в качестве обвиняемого участвовал Каллистрат – один из ведущих политиков и ораторов. Этот момент и стал переломным в судьбе нашего героя. «Каллистрат выступил очень удачно, стяжав огромное восхищение слушателей, и Демосфен позавидовал его славе, видя как целая толпа с громкими похвалами провожает оратора домой, но еще больше был поражен силою слова, которая, как он тогда понял, способна одолеть и покорить всё. И вот, забросив прочие науки и мальчишеские забавы, он целиком отдался упражнениям в красноречии, чтобы со временем и самому сделаться оратором» (Plut. Demosth. 5).

[155] В помещениях афинских дикастериев мест для зрителей, строго говоря, не предусматривалось. Никакого подобия зрительного зала, как в современных судах. Но желающие послушать выступающих могли стоять по краям. См.: *Lanni A.M.* Spectator Sport or Serious Politics? οἱ περιεστηκότες and the Athenian Lawcourts // JHS. 1997. Vol. 117. P. 183–189.

Итак, сын оружейника выбрал свою жизненную стезю. Чтобы двигаться по ней дальше, нужно было поступить в одну из риторических школ. Демосфен учился в школе Исея. Исей, метэк с Евбеи и ученик Исократа, в качестве ритора имел репутацию глубокого знатока различных юридических тонкостей. Он особенно интересовался такой действительно сложной областью права, как право наследственное. Все сохранившиеся речи Исея, написанные им в роли логографа, посвящены именно этой тематике – различным процессам о спорных наследствах, тянувшимся порой по много лет[156].

Исей впоследствии был включен в канон «десяти великих ораторов», но в нем занимает достаточно скромное место[157]. В целом его трудно причислить к «звездам первой величины» в истории древнегреческого красноречия. Плутарх поэтому ставит вопрос, почему же Демосфен стал учеником Исея, а не куда более прославленного Исократа, чья риторическая школа тогда еще тоже функционировала и находилась на пике популярности. Херонейский биограф, со свойственным ему «диалогичным мышлением» дает на этот вопрос (как он очень часто делает[158]) два альтернативных ответа, из которых читателю предлагается выбрать более верный: «...возможно, как считают некоторые, оттого, что по сиротству своему не в силах был внести назначенной Исократом платы в десять мин, или же, вероятнее, отдавая предпочтение речам Исея, как более действенным и хитроумным» (Plut. Demosth. 5). Не исключено, впрочем, что сыграли свою роль оба вышеперечисленных соображения. А также и еще одно – Демосфен пошел к специалисту по наследственным делам именно потому, что наблюдая, как ведут себя его опекуны, заранее предвидел: придется судебным путем бороться за собственное наследство.

Как бы то ни было, едва ли не с детства, как мы видели, Демосфен всерьез увлекся ораторским искусством и поставил себе цель – стать выдающимся мастером красноречия. Этому, казалось бы, препятствовало всё, что только можно. Будущий оратор обладал целым рядом физических недостатков, которые, на первый взгляд, совершенно исключали его успех на этой стезе. У чахлого, болезненного Демосфена был тихий голос, плохая дикция, слабое дыхание, стеснительный характер. Кроме того, он страдал нервным тиком – плечо его во время речи непроизвольно подергивалось. Выходить со всеми этими качествами на трибуну народного собрания или суда присяжных – значило быть немедленно освистанным и навеки позабыть о любой карьере.

---

[156] До совсем недавнего времени, говоря об Исее, приходилось с грустью констатировать, что его речи пока не переведены на русский язык. К счастью, теперь эта досадная лакуна ликвидирована. Как раз на момент написания этих строк на страницах нескольких номеров ВДИ публикуется перевод речей Исея, выполненный Г.А. Тароняном.

[157] Об особенностях красноречия Исея см.: *Griffith-Williams B.* 'Those who Know the Facts': Witnesses and their Testimony in Isaios 9 // AAASH. 2008. Vol. 48. Fasc. 1/2. P. 253–261.

[158] *Суриков И.Е.* «Солон» Плутарха...

Однако Демосфен не собирался сдаваться. Начался его длительный и тяжелый труд по развитию ораторских способностей. Этот сюжет – как Демосфен буквально «сделал себя из ничего» – стал просто-таки хрестоматийным, о нем просто нельзя не упомянуть, хотя бы в самой краткой форме. Чтобы научиться говорить громче, юноша шел на берег моря во время бури и старался перекричать шум прибоя. Чтобы улучшить дикцию – говорил с набранными в рот камешками. Чтобы выработать хорошее дыхание – поднимался в крутую гору и при этом говорил, пытаясь при этом без передышки произносить длинные фразы – те самые риторические периоды, которыми столь славилось античное красноречие. Чтобы отучить себя от вредной привычки дергать плечом – вешал прямо над ним острый меч (благо в доме отца-оружейника мечи всегда имелись), так чтобы от острия до плеча было не больше одного-двух миллиметров. Дернешь плечом – больно уколешься; со временем привычка сама собой прошла[159].

Днями и ночами, запершись, Демосфен сидел дома, не выходил, как пишет Плутарх, по два-три месяца (Plut. Demosth. 7)[160] – и занимался, занимался, занимался. Упражнялся перед зеркалом, следя за тем, чтобы мимика соответствовала смыслу сказанного. А чтобы не возникал соблазн бросить всё, пойти отдыхать, развлекаться (как-никак молодость брала свое), – выбривал половину головы: в таком виде на улице не покажешься. Во всяком случае, в те времена было невозможно показаться; ныне-то сплошь и рядом встречаешь в уличной толпе граждан еще более экзотичного вида. Брал Демосфен уроки и у актеров[161].

В конце концов, в результате упорных занятий наш герой добился своего, достиг максимальных высот в той профессии, которую избрал. Он стал не просто оратором, а величайшим мастером красноречия в античной Элладе, не имевшим себе равных ни среди современников, ни в последующие эпохи. До нас дошло несколько десятков речей Демосфена, и по ним можно составить представление об особенностях его стиля. Каждая из этих речей – плод долгой

[159] Кстати, сам тик такого рода свидетельствует о том, что Демосфен с детства был тонкой, нежной натурой. Или о том (альтернативный вариант объяснения), что ему в детстве часто приходилось испытывать состояние эмоционального срыва, что, конечно, расшатывает нервную систему. Второй вариант кажется нам более близким к истине. Ребенок избалован матерью (на это есть намек у Плутарха, цитировалось выше), и по понятной причине: после ранней смерти мужа женщина, естественно, сконцентрировала всю свою заботу на сыне. Балованным детям, ощущающим себя королями жизни, нелегко потом дается соприкосновение с суровой реальностью; оно порождает стрессы, отсюда – и всякие тики. Это не всегда плохо. Тики пройдут, опыт приобретется.

[160] Плутарх тут сообщает, что будто бы даже Демосфен сделал себе в доме для этих целей специальное подземелье.

[161] Плутарх рассказывает, как заботливо отнесся к молодому Демосфену его близкий приятель, актер Сатир (Plut. Demosth. 7).

и тщательной работы, но по их тексту этого совсем не заметно, они ни в малейшей мере не кажутся «вымученными». Слова как будто сами собой вырываются из ораторских уст. Страстью, пафосом, динамизмом, воодушевлением, огромной силой выразительности и убедительности пронизаны демосфеновские произведения. Именно как «сильный» стиль характеризовали античные критики стиль речей Демосфена, особенно политических.

Ars est celare artem. Чудовищное (Демосфена называли «зверем») мастерство интересующего нас оратора было обязано не столько необыкновенным природным дарованиям, сколько именно постоянному труду. Уже выйдя из стадии ученичества и став известным оратором, Демосфен продолжал подолгу работать над каждой речью, оттачивать ее, не спать ночами и т.п. «Доводы Демосфена отдают фитилем», – сказал как-то один из его противников, пытаясь остроумно намекнуть именно на то, что Демосфен-де сидит ночью и при коптящем фитиле лампады строчит свою речь. Но тут, как говорится, нашла коса на камень: «Фитили моей и твоей лампы, любезнейший, видят совсем не одно и то же», – экспромтом ответил Демосфен (Plut. Demosth. 8). Собеседник – а это был малоизвестный оратор Пифей – вынужден был замолчать.

Впрочем, нельзя не признать, что Демосфен в импровизации действительно силен не был. Даже только что процитированный его экспромт выглядит каким-то тяжеловатым. «Отсюда возникло мнение, будто Демосфен мало одарен от природы и все его мастерство, вся его сила добыты трудом, и вот что, казалось, подтверждало это мнение с большой убедительностью: очень трудно было услышать Демосфена говорящим без подготовки, но, сидя в собрании, где народ часто выкрикивал его имя, он никогда не выступал, если не обдумал и не составил речь заранее... Приводят и еще одно доказательство его страха перед непредвиденными выступлениями: если слушатели начинали шуметь и Демосфен сбивался, Демад не раз вставал со своего места и быстро приходил ему на помощь, но никогда Демосфен не оказывал подобных услуг Демаду» (Plut. Demosth. 8).

Именно Демада часто сопоставляли с Демосфеном, причем обычно не в пользу последнего. «...Все соглашались, что Демад, полагавшийся только на свой природный дар, был непобедим и, выступая без всякой подготовки, брал верх над Демосфеном со всеми его предварительными размышлениями и трудами... На вопрос, что он думает об ораторе Демосфене, Феофраст отвечал: "Достоин своего города", а о Демаде – "Выше своего города"» (Plut. Demosth, 10).

Суждение Феофраста, правда, могло и не быть объективным. Любимый ученик Аристотеля и его преемник в качестве главы Ликея, естественно, тяготел – уже в силу своей перипатетической принадлежности – к промакедонской ориентации, как и сам Стагирит. Политическая позиция Демада была сложной, переменчивой. Но в целом он воспринимался как представитель сил, тяготеющих к Македонии. Не случайно после свержения афинской демократии в 322 г.

до н.э. навязанный македонянами олигархический режим возглавил именно Демад (вместе с Фокионом[162]). Его торжество, впрочем, продолжалось недолго: в 319 г. до н.э. Демад отправился послом в Пеллу, но там был арестован. Его казнили, обвинив в тайных интригах против регента Антипатра. И, скорее всего, обвинение не было безосновательным: Демад продолжал «политиканствовать». Но с какой целью? Лично ему уже не было ничего нужно, он стоял у руля власти в родном городе. Возникает подозрение, что интриговал-то он ради афинского блага (ср. Plut. Phoc. 30). Впрочем это уже, как говорится, совсем другая история, в которую вторгаться нам сейчас совсем не надо.

Пожалуй, имеет смысл только заметить, что, может быть, уже и назрело время ревизии общераспространенной точки зрения на Демада, даже определенной реабилитации его самого (как не столь давно подобные ревизия и реабилитация были осуществлены Э. Харрисом по отношению к Эсхину; мы об этом упоминали). Может быть, «продажный интриган» – это все-таки слишком сильное определение применительно к нему, и на самом деле Демад, как и Эсхин, имел собственные понятия о патриотизме, которым следовал. Другое дело, что, конечно, никто не будет оправдывать его дикие выходки нувориша, сорящего легко нажитыми деньгами[163]. В плане же сравнения Демада с Демосфеном как мастеров красноречия остается только отчасти повторить сказанное выше по ходу этой главы. Демад, несомненно, был этаким «самородком», для которого в области ораторского искусства не было ничего невозможного. Данный ему от природы дар слова был куда выше, чем у Демосфена, но, как ни парадоксально, в исторической перспективе именно это и оказало ему дурную услугу. От него не осталось записанных речей (он просто не утруждал себя этим), и ныне его имя известно только специалистам, в то время как о Демосфене слышал любой сколько-нибудь образованный человек.

---

[162] Этакая странная пара (см.: *Суриков И.Е.* Солнце Эллады... С. 299). О режиме Демада и Фокиона см. также: *Lehmann G.A.* Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v.Chr. // AD. S. 139–150. Там же – о связи этой олигархии с перипатетиками.

[163] Не знаем, насколько фантастична история (Plut. Phoc. 30), согласно которой как-то Демад, будучи хорегом, набрал хор из ста чужеземцев, прекрасно зная, что участие даже одного чужеземца в хоре наказывается штрафом в тысячу драхм, и, выводя хор в театр, захватил «по тысяче драхм на каждого для уплаты штрафа». Получается 100 000 драхм, т.е. 1000 мин, т.е. почти 17 талантов. Израсходовать просто «из гонора» за один день хорошее состояние (напомним, состояние отца Демосфена исчислялось 15 талантами, см. ниже)? Как-то в это с трудом верится... В любом случае известно, впрочем, что Демад однажды (видимо, в 328 г. до н.э.) стал олимпийским победителем в колесничных или конных бегах: *Moretti L.* Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici. Roma, 1957. P. 127. No. 467. Участие в Олимпийских играх в столь затратном виде спорта было, конечно, доступно только очень богатым людям.

Демосфен сам признавался, что никогда не говорит хотя бы «без предварительных заметок» (Plut. Demosth. 8), то есть, как минимум, конспект у него всегда имелся. И в любом случае он, даже и на пике своего мастерства, заранее готовился к каждой речи так, как будто ему первый раз в жизни предстояло говорить перед публикой. Но разве менее тщательно подходил, скажем, Исократ к составлению своих речей («квази-речей», конечно)? Он над каждой из них работал вообще по нескольку лет, и расхожей стала шутка, что, дескать, Александр быстрее завоевал Азию, чем Исократ написал речь, призывающую сделать это. На этом фоне Демосфен еще более или менее «стахановец».

* * *

Вступил на стезю практикующего оратора Демосфен рано и не вполне по своей воле – он предпочел бы еще поучиться. Но, как говорится, жизнь заставила. «Демосфен сперва обратился к искусству речи, чтобы поправить собственные дела», – констатирует Плутарх (Plut. Demosth. 6). Когда он достиг совершеннолетия, то ожидал, конечно, получить хорошее наследство и, как говорится, жить припеваючи. Однако выяснилось, что надежды чрезмерно радужны. Вместо предполагавшихся 15 талантов (как минимум, ибо хороший опекун должен был даже приумножать наследство своего подопечного[164]) ему выдали денег и имущества в целом на 70 мин (Demosth. XXVII. 6), то есть на талант с небольшим. Это было, по самой меньшей мере, недобросовестное исполнение опекунских обязанностей, а если называть вещи своими именами – то, конечно, натуральный грабеж. Опекуны ссылались на то, что остальное пошло на его воспитание, и ссылались, конечно, лживо.

Демосфену ничего не оставалось, кроме как судиться против собственных же родственников. Обрушился он в первую очередь на Афоба, которому Демосфен-старший в завещании предписал взять в жены свою вдову Клеобулу, то есть стать как бы вторым отцом нашего героя. Афоб этого не сделал, но тем не менее в демосфеновский дом вселился (Demosth. XXVII. 13) и начал распоряжаться с находившимися там вещами так, как он считал нужным; в основном просто растрачивал. Можно себе представить, как озлоблен был юноша на своего несостоявшегося отчима!

Именно Афобу[165] двадцатилетний Демосфен и предъявил в 364 г. до н.э. иск об опеке. Попытаемся представить атмосферу в дикастерии на момент начала

[164] Сам Демосфен считал, что ему пристало бы получить даже 30 талантов (Demosth. XXIX. 60), но тут он, бесспорно, преувеличивает.

[165] Закрадываются в голову интересные мысли. Афоб – «бесстрашный». Аналогичное имя Афобет – носил брат Эсхина, злейшего врага Демосфена. А отца Эсхина звали, как мы помним, Атрометом («бестрепетным»). Как всё это интерпретировать? Нам пока неясно. Предположить ли родство между семьями Демосфена и Эсхина? Но это крайне мало-

процесса. Она была явно неблагоприятной по отношению к нашему герою. Тот, во-первых, дерзнул судиться против человека много старше себя. В Афинах, как и в любом греческом полисе, уважение к старшим, естественно, культивировалось[166], и юнец, бросивший вызов в суде человеку «в возрасте», никак не мог снискать благоволение присяжных (комплектовавшихся, как прекрасно известно, в основном из пожилых афинян). Во-вторых, что еще хуже, Демосфен обвинял родственника[167]. В афинском общественном мнении господствовал взгляд, согласно которому родственники должны решать свои дела полюбовно, «не выносить сор из избы», то есть не доводить до суда. А тут именно это и было сделано.

Соответственно, «в первый раз народ встретил его недовольным шумом и осмеял...» (Plut. Demosth. 6). Впрочем, первое впечатление было быстро сглажено, и сын оружейника в конечном счете вышел в процессе победителем, доказал правомерность своих претензий. Его мастерство не могло не оказаться признанным. Но что это ему дало? В непосредственном материальном плане – практически ничего. Демосфен вчинил Афобу иск об опеке и требовал возмещения на сумму 10 талантов. Суд обязал Афобу выплатить таковое возмещение, но тот объявил себя неплатежеспособным, поскольку заранее «подстраховался» и провернул махинацию: фиктивно перевел свое имущество на своего свойственника Онетора. Демосфену теперь пришлось судиться с последним (процесс имел место в 362 г. до н.э.). В конечном счете требуемого он не получил.

Но молодой перспективный оратор был замечен афинским обществом. До нас, как упоминалось выше, дошло пять демосфеновских речей, произнесенных в рассмотренных процессах – три против Афоба и две против Онетора. Изначально, весьма вероятно, этих речей было еще больше. Яркие выступления юноши создали ему хорошую репутацию, ему стали заказывать речи. Иными словами, он начал успешную карьеру судебного оратора, выдвинулся в качестве модного логографа. Популярность такого рода имела, естественно, и свою финансовую составляющую: Демосфен работой на этой стезе не только быстро компенсировал себе потерю наследства, но и разбогател.

вероятно (тогда Эсхин, оскорбляя родственников Демосфена, оскорблял бы тем самым и своих собственных родственников, и vice versa). Или это какая-то новая, нетрадиционная тенденция в афинской ономастике IV в. до н.э.? Допускаем – исходя из нашего понимания классических Афин как уникального, «модернизированного» полиса (*Суриков И.Е.* Греческий полис архаической и классической эпох // АП. С. 16–17). Но вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

[166] *Finley M.I.* The Elderly in Classical Antiquity // G&R. 1981. Vol. 28. No. 2. P. 156–171.

[167] В какой конкретно степени родства находились Демосфен и Афоб – не будем здесь разбирать. Соответствующая греческая терминология крайне расплывчата. Важно только одно – что родство действительно имело место, а это в данном случае несомненно.

Звезда его восходила, и через несколько лет, в конце 350-х гг. до н.э., он обратился к политической деятельности, стал все чаще выходить на трибуну экклесии и других органов власти, произнося речи паренетического (совещательного) характера. Правда, характерно, что и ремесло логографа при этом не бросал.

Иногда Демосфен занимал различные государственные должности: был членом Совета Пятисот, несколько лет возглавлял зрелищный фонд, а позже еще несколько лет – другой важный фонд, военный, в котором хранились средства, направляемые на оборону полиса. Об этих фондах (или кассах, как их иногда называют) имеет смысл сказать несколько подробнее[168], поскольку они и заведование ими стали новым, оригинальным явлением в сфере афинских финансов IV в. до н.э., да и в целом в общественной жизни полиса.

Время возникновения зрелищного фонда (τὸ θεωρικόν или τὰ θεωρικά) является дискуссионным. Порой его связывают с некоторыми мерами еще Перикла, направленными на поддержку малоимущих (имеется в виду выдача «театральных денег», относительно которых, кстати, нет достаточной ясности: то ли это была компенсация платы за билет в театр, то ли и билетов-то никаких не было, а компенсировался доход, упущенный гражданином из-за посещения драматических представлений). Но если что-то подобное теорикону и было в V в. до н.э., то достоверных сведений об этом нет. Они появляются приблизительно со времен Евбула; фонд возглавлялся им с 354 г. до н.э. и именно тогда достиг большого значения[169].

После неудач в Союзнической войне Евбулу удалось, опираясь именно на теорикон, привести государство к стабильности и относительному процветанию. Этот политик поставил дело как-то так, что, руководя зрелищным фондом, фактически держал под своим контролем все финансы полиса.

Теорикону и посту заведующего им придается немалое значение в «Афинской политии» Аристотеля (43. 1; 47. 2). Указывается, что должность отвечающего за теорикон была выборной голосованием, а не по жребию; данное обстоятельство само по себе привлекает к себе внимание, поскольку такого рода должности существовали в Афинах лишь в незначительном меньшинстве, а подавляющее большинство магистратов занимало свои посты в силу жеребьевки.

Этим, однако, необычность ситуации не исчерпывается. Были и нюансы еще более серьезные: применительно к должности заведующего теориконом вопиюще нарушались два базовых принципа афинской магистратуры: принцип кол-

[168] См. о них: *Leppin H.* Zur Entwicklung der Verwaltung öffentlicher Gelder im Athen des 4. Jahrhundert v.Chr. // AD. S. 557–571; *Rhodes P.J.* The Organization of Athenian Public Finance // G&R. 2013. Vol. 60. No. 2. P. 203–231; *Цымбал О.Г.* Роль «зрелищных денег» в классических Афинах // Экономика. Политика. Культура: Проблемы всемирной истории. Ярославль, 2008. С. 3–7.

[169] Поэтому высказывалось даже мнение, что Евбул и учредил эту кассу: *Латышев В.В.* Ук. соч. С. 173). Но это вряд ли можно ответственно утверждать.

легиальности и принцип годичного срока. Οἱ ἐπὶ τὸ θεωρικόν избирались на четыре года (!); кроме того, случалось, что эти полномочия вручались одному человеку, а если даже избиралась коллегия, то кто-то один из ее числа резко выделялся среди остальных, на практике руководя всеми делами фонда. В V в. до н.э. что-то подобное даже представить себе было бы невозможно. Большая концентрация власти в финансовой сфере в руках руководителей теорикона – это черта, тесно связанная со знакомым уже нам процессом профессионализации: теперь стало считаться, что лучше передать финансы в ведение специалистов, чем оставлять их под контролем демоса, народного собрания, которое далеко не всегда с должной ответственностью подходило к делу, подчас руководствуясь сиюминутными интересами.

Безусловно, со стороны демоса звучала (и не могла не звучать) критика по отношению к новому, нетрадиционному институту. Распорядителей зрелищного фонда упрекали в том, что они безответственно расходуют огромные средства, да и в целом в превышении властных полномочий (ведь сама идея полиса предполагала, что ни у какого гражданина не могло быть слишком много власти). Х. Леппин, стремясь оправдать афинских финансистов от подобных обвинений[170], высказывает следующие мысли. Управляющие теориконом отнюдь не были неподотчетными; напротив, они, как и любые другие магистраты, подлежали традиционным евтинам. Последние в Афинах традиционно проводились со всей возможной жесткостью; а тут еще нужно помнить, заметим от себя, что у каждого политика-финансиста, дающего отчет о любой трате государственных денег, были, естественно, свои «оппоненты-конкуренты», которые не замедлили бы «вцепиться» в любую промашку отчитывающегося.

Управляющие теориконом не имели прямого влияния на другие органы власти, указывает Леппин. Механизм действий этих магистратов был таков: они, опираясь на свою компетенцию, вносили в народное собрание предложения о том, как расходовать поступившие в бюджет средства, а конечное решение всё равно принималось экклесией. Того же Евбула, подчеркивает исследователь, нельзя уподоблять современным министрам финансов.

С точки зрения чисто официальной он прав, заметим мы[171]. Но непосредственно наблюдаемые нами явления (носящие, похоже, все-таки универсальный, а не чисто античный характер и в свое время гениально предсказанные Р. Михельсом) демонстрируют нечто иное. Выше мы высказали некоторые не очень ортодоксальные мысли о коррупции, указали на пример Татищева и т.п. Разовьем тут эти мысли (очень кратко, поскольку книга посвящена истории

[170] *Leppin H.* Zur Entwicklung... P. 563, 565–566.

[171] Схожие мысли см. в: *Цымбал О.Г.* Коллегия управляющих фондом теорикона в системе афинских финансовых магистратур IV в. до н.э. // Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование. Ярославль, 2012. С. 76–86.

Древней Греции; но, перефразируя поэта, «ученым можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»). На наш взгляд, гораздо хуже коррупции (т.е. взяточничества как такового) то, что называют «блатом». На человеческий язык это можно перевести как «полезные (и престижные) знакомства и связи».

Мы сейчас ходим по очень тонкой грани. Ревнителей «чистой науки» то, что будет сказано далее, несомненно, покоробит. Автор этих строк, тем не менее, тоже относится в полной мере к ревнителям «чистой науки». Но на нас в свое время произвело сильное впечатление то, как писал Л.Н. Гумилев. Имя, прозвучавшее здесь, явно не всеми потенциальными читателями будет воспринято одинаково. Для одних сын двух великих поэтов – это человек, достойный памятника (и, кстати, в самом центре Казани памятник Льву Гумилеву уже поставлен); другие просто не считают достойным для себя упоминать это имя.

Мы чужды обеих этих крайностей. Работы Л.Н. Гумилева – с концептуальной точки зрения – не вызывают у нас ни восторга, ни отторжения. А вот с точки зрения того, *как* он писал, – тут, нам кажется, он заслуживает всяческого внимания. Научная работа совершенно не обязана быть скучной; эта дурная тенденция, культивировавшаяся плохими немцами[172], не достойна подражания.

Итак, о пресловутых «связях». С их помощью, как показывает опыт, часто можно добиться большего, чем посредством прямого подкупа. И это относится к самым разным сферам. Возьмем, например, медицину. Врачи берут от пациентов взятки, «подарки» и т.п. Это всем известно. Влияет ли это в лучшую сторону на то, как они лечат больных, от которых получили соответствующую «благодарность в конверте»? Еще далеко не факт. А с другой стороны, несомненно то, что если медик приведет к коллеге, работающему по другой специальности, некоего человека со словами: «Посмотрите, его пожалуйста, повнимательнее, это мой дядя (племянник, хороший знакомый и т.п.)», – подобное лицо, обладающее нужными связями, будет и принято вне очереди, и обследовано со всей тщательностью, без халтуры... И даже взятки никакой не понадобится. Потому что «свой»!

А разве иначе в сфере государственного управления, бюрократического аппарата? «Ну как не порадеть родному человечку?» – знаем мы еще со времен бессмертной комедии «Горе от ума». Чиновники, естественно, брали и берут взятки (иногда борзыми щенками), и им эти взятки давали и дают, таким образом добиваясь своих целей. Но еще эффективнее этих целей добиваются – и опять же даже без всяких взяток – те, кто имеет пресловутые «связи» – через родственников, общих знакомых и т.п. – в чиновничьей среде, те, кто признается в ней «своими». Им и требуемый документ выдадут без придирок и прово-

[172] Именно плохими, третьестепенными. Кто скажет, что Дройзен или Моммзен писали скучно?

лочек, для них и привлекательную вакансию попридержат, обойдя «простых смертных». Часто мотивации, основанные на «блате», имеют перевес над мотивациями, обусловленными прямой коррупцией.

Формирующаяся таким образом искусственная элитарность, безусловно, ведет к олигархизации общества – в полном согласии с «железным законом» Михельса. Скажем, в современной России – это факт, неоднократно упоминавшийся в прессе, – количество чиновников значительно больше, чем было во времена СССР, несмотря на то, что государство с тех пор уменьшилось и в плане территории, и в плане населения. Непрерывно создаются всё новые и новые бюрократические структуры, и каждую требуются укомплектовать сотрудниками. Самый свежий на момент написания этих строк пример – организованное в связи с «реформой» РАН агентство по управлению ее имуществом. И зачем практикуется это постоянное раздувание штатов? Закрадывается крамольная мысль (и что-то подсказывает нам, что она, как минимум, не совсем ложна): просто нужно ведь всё время «пристраивать к месту» новых и новых «своих».

Древнегреческий полис эпохи своего расцвета был государством без бюрократии, и тогда применительно к нему закономерность, выявленная Михельсом, не работала. Но IV в. до н.э. – это, как неоднократно повторялось выше, переходная эпоха, время одновременно кризиса классического полиса и назревания предпосылок для эллинизма. Как читатель уже знает, едва ли не главной составляющей предэллинизма мы считаем процесс «от гражданина к подданному». А в мире подданных бюрократические структуры неизбежны, они берут на себя те функции, которые в мире граждан выполнялись за счет гражданской ответственности.

Появившиеся на этом этапе в Афинах должностные лица нового типа – именно такие, как управляющие теориконом, – фактически относятся к промежуточной стадии между магистратом и бюрократом. Они, правда, пока еще избираются народом и перед ним же подотчетны. Но некоторые ранее не встречавшиеся особенности (более длительный срок пребывания в должности, отступления от принципа коллегиальности) делали этих лиц куда менее доступными контролю со стороны гражданского коллектива. А где такой контроль ослаблен – там начинает складываться бюрократическая (в данном случае пока еще протобюрократическая) элита, а в ее среде пышным цветом расцветают и коррупция, и непотизм.

Но вернемся к афинским государственным финансовым фондам. Теорикон не был единственным; в известной мере конкурирующим с ним институтом являлся военный, или воинский, фонд (τὰ στρατιωτικά). Он появился, по мнению Леппина[173] в 370-х – 360-х гг. до н.э. и имел большое количество черт сходства с теориконом. Заведующий данной организацией назывался «казна-

[173] *Leppin H.* Zur Entwicklung... P. 563.

чеем воинских сумм» – ὁ ταμίας τῶν στρατιωτικῶν (Arist. Ath. pol. 43. 1; 47. 2; 49. 3). Он также избирался голосованием и тоже на срок в четыре года («от Панафиней до Панафиней»), а не в один. Кроме того, данное должностное лицо, как видим, эксплицитно было sine collegis.

Народное собрание решало, в какой из двух фондов направить те или иные поступившие в казну средства, и эти фонды, естественно, соперничали между собой. Точнее, соперничали, конечно, их руководители. А поскольку один и тот же крупный политик, компетентный в финансовой сфере, мог в течение своей карьеры подвизаться то в одном, то в другом фонде, из этого проистекали разнообразные коллизии. Так, прекрасно известна и даже хрестоматийна инициатива Демосфена, относящаяся к 339 г. до н.э. (подробнее см. ниже): он предложил (и это было принято), чтобы деньги, которые традиционно шли в зрелищный фонд, теперь были перенаправлены в воинский – в связи с откровенно агрессивными намерениями Филиппа II. Этот поступок обычно трактуют как признак беззаветной любви Демосфена к независимости отечества, его стремление любой ценой оказать сопротивление македонским притязаниям. Это так. Но не стоит забывать и о «другой стороне медали»: как раз в тот момент Демосфен находился на посту казначея воинских сумм. Ну, а когда он заведовал теориконом, его действия были диаметрально противоположными, и он, естественно, радел об этом фонде, поскольку он был объектом его ответственности.

Как бы то ни было, те годы, когда Демосфен вступил на политическую стезю, были периодом доминирования Евбула, а уж этот делал всё от него зависящее (по причине своих личных убеждений), чтобы как можно больше средств направлялись именно в зрелищный фонд, а не в воинский. Сохранение мира, несущего процветание, а не возобновление войны – фактор, однозначно ведущий к растрате нажитого, – было его безусловным приоритетом. Евбул наверняка был верным последователем Исократа и уж точно внимательно читал его памфлет[174] «О мире» (Isocr. VIII), написанный, очевидно, как раз после окончания Союзнической войны 357–355 гг. до н.э. Кстати, судя по некоторым намекам в речах нашего оратора, Демосфен начинал свою политическую карьеру именно в «команде» Евбула. Может быть, у него он и учился «искусству финансиста» (и стал в итоге прекрасным знатоком афинских финансов), подобно тому, как у Исея он учился искусству оратора, а у Платона (если принимать малодостоверное свидетельство эллинистического автора Гермиппа, цитируемого Плутархом, – Plut. Demosth. 5) параллельно постигал некие азы философии.

[174] Именно памфлет. Как давно уже было показано, «речи» Исократа – речи лишь по внешнему виду. Хотя в них он соблюдает всю положенную специфику жанра: «все, кто всходят на эту трибуну...» (Isocr. VIII. 1), – пишет он, как будто бы действительно эти слова говорятся с трибуны, но на самом-то деле ничего такого с трибуны никогда не звучало, а исократовские произведения люди читали с приобретенных свитков друг другу вслух.

Но последний «факт», похоже, ложен. Не было в интеллектуальной жизни Афин IV в. до н.э. более противостоящих друг другу фигур, чем риторы и философы. И те, и другие претендовали на роль «учителей жизни». Философы учили тому, как найти истину; риторы учили тому, как добиться успеха. Категория «истина» вообще не из арсенала риторов; категория «успех» вообще не из арсенала философов.

Демосфен, конечно, думал об успехе (никаких следов философской образованности в его сочинениях мы не находим). И не только думал, а и добивался оного! Даже вне зависимости от того, занимал ли он или не занимал в тот или иной конкретный год ту или иную государственную должность (чаще нет, чем да), он со временем достиг такого влияния, что его с полным основанием можно было назвать «политиком номер один» в Афинах. А влияние это зиждилось не на магистратурах, а на прямой апелляции к демосу посредством речей.

В свое время такой совершенно неподражаемый специалист, как М. Хансен, предельно аргументированно продемонстрировал[175]: в Афинах IV в. до н.э. политики делились на две большие категории: «риторы» и «стратеги». Ῥήτορες καὶ στρατηγοί – по мнению Хансена (да и не только его одного, К. Моссе мыслит примерно аналогично), эту идиому, в сущности, можно переводить просто как «афинские политики IV в. до н.э. Но приведенная двухчастная формула представляет собой отнюдь не гендиадис, скорее антитезу.

«Стратег» – статус обязательно институционализованный. Войском или какой-либо его частью нельзя было командовать в частном порядке; для этого неизбежно было нужно пройти избрание в народном собрании. Статус же «ритора» («гражданского, штатского» политика) не требовал какой-либо институциональной основы. «Ритор» мог избираться на какие-либо посты (например, на те же финансовые), но мог годами и не избираться: на его влиянии это никак или практически никак не отражалось. «Ритор» – это, в сущности, просто политически активный гражданин, желающий играть видную роль при решении важных государственных вопросов и делающий это. Демосфен с точки зрения данной классификации – «ритор» в чистом виде. Характерно, что он никогда в жизни не становился стратегом. То есть, видимо, просто ни разу не выдвигал свою кандидатуру при выборах на эту должность. Ибо если бы выдвигал, – скорее всего, и бывал бы избран благодаря своей известности. Избрали же в свое время сограждане стратегом поэта Софокла.

Но, чувствуется, Демосфена такая карьера ничуть не интересовала: к делам военным он не ощущал в себе ни способности, ни склонности. Да и отмечалось

[175] *Hansen M.H.* The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989. P. 25–72. Впрочем, в сущности, вся указанная книга посвящена именно этой проблематике.

уже выше, что во второй половине IV в. до н.э. риторы в Афинах пользовались бóльшим авторитетом, нежели стратеги. Еще не вполне так было в первой половине того же столетия, когда в качестве ключевых фигур в полисе фигурировали Конон, Фрасибул, Ификрат, Хабрий, Тимофей... А в интересующее нас сейчас время из персонажей подобного рода остался лишь Фокион, – так сказать, «последний из могикан». Да, впрочем, и он на равных конкурировал с «риторами» только потому, что и сам отчасти был «ритором», уникальным образом совмещая в себе две основные «ипостаси» политика тех лет.

Однако вернемся к Демосфену. Как человек, становящийся одним из влиятельных лидеров государства, он, разумеется, должен был много заниматься вопросами внешней политики. Именно его внешнеполитическая деятельность и наиболее детально освещена в источниках, и в современной исследовательской литературе привлекает особенный интерес.

Известно, в частности, что Демосфен выступал чрезвычайно активным сторонником сохранения и упрочения дружественных связей с Боспорским государством Спартокидов. Причем выступал, судя по всему, едва ли не с самого начала своей политической карьеры. Об этом уже упоминалось в главе I. Приводилась, в частности, цитата из демосфеновской речи «Против Лептина об ателии» (Demosth. XX), в которой оратор не скупится на самые теплые слова по адресу Левкона I. А речь эта была произнесена в 355/354 г. до н.э., то есть уже на раннем этапе деятельности нашего героя[176]; это, как минимум, одно из первых его выступлений в суде не по частному, а по государственному делу. Той же линии он продолжал придерживаться и в дальнейшем. Известно, что в какой-то момент (сколько-нибудь точная датировка вряд ли возможна) по инициативе Демосфена в почетнейшем месте Афин, на Агоре были поставлены бронзовые статуи сына Левкона I – Перисада I и двух его родственников (Dinarch. I. 43).

Большая заинтересованность оратора в боспорском регионе имела, весьма вероятно, экономическую подоплеку: Динарх в указанном месте прямо говорит о том, что Демосфену от Спартокидов ежегодно присылается по тысяче медимнов пшеницы. Но обязаны ли мы этому безоговорочно верить? Выше (по другому поводу, в связи с заявлениями Эсхина и Демосфена о родственниках друг друга) подробно говорилось о том, насколько судебные речи представителей аттического красноречия переполнены прямой ложью. И в данном случае перед нами если не полный вымысел, то уж, по крайней мере, серьезное преувеличение (насчет «тысячи медимнов» ежегодно).

Впрочем, подвергать сомнению личные связи Демосфена с боспорской правящей элитой как таковые, конечно, нет оснований. Только не нужно считать,

[176] Об этой речи см.: *Hansen M.H.* Athenian Nomothesia in the Fourth Century B.C. and Demosthenes' Speech against Leptines // Classica et mediaevalia. 1980. Vol. 32. P. 87–104.

что эти связи могут служить доказательством исторической истинности эпизода с «изменой Гилона».

Но ключевым внешнеполитическим вопросом, стоявшим перед Афинами в годы деятельности Демосфена, был, конечно, вопрос македонский. Во всех работах по биографии Демосфена наиболее подробно рассматривается именно его борьба в связи с афино-македонским противостоянием и претензиями Филиппа II на гегемонию в Элладе. И именно поэтому мы в данной главе будем освещать соответствующую тематику достаточно кратко, поскольку на протяжении всего цикла о «политиках в контексте эпохи» стараемся последовательно придерживаться правила – по возможности уделять первоочередное внимание тем проблемам, нюансам, событиям, которым ранее такого внимания не уделялось или оно уделялось не в должной мере. Здесь перед нами явно не тот случай.

Но, конечно, совсем умолчать о роли Демосфена в отношениях Афин с Македонией никак невозможно. Необходимо привести основную информацию, связанную со всем этим кругом вопросов.

* * *

Македония... Выше по ходу изложения название этой страны – ближайшей северной соседки Балканской Греции, отделенной от Фессалии горным массивом Олимпа, – неоднократно упоминалось, но рассказать о ней подробнее пока что не было случая. Это и не удивительно: Македония уже с начала классической эпохи нередко вступала в контакты с греческими полисами, однако вплоть до середины IV в. до н.э. она не играла по-настоящему значительной роли в политической жизни Эллады, оставалась как бы «на втором плане», в числе слабых и несамостоятельных участников межгосударственных отношений. Так, в период Греко-персидских войн, с 492 до 479 г. до н.э. (при царе Александре I), она находилась в вассальной зависимости от Персии. В годы расцвета Афинской архэ Македония даже одно время фактически входила в ее состав и платила Афинам форос, но с началом Пелопоннесской войны заняла двойственную позицию, пытаясь лавировать между афинским и спартанским центрами силы. Позже, во времена усиления Фив в 370-х – 360-х гг. до н.э. страна временами находилась под их контролем, как было показано в главе, посвященной Эпаминонду.

Македоняне – народ, населявший в античности страну[177], – были близкими родственниками греков. Более того, согласно данным новейших лингвисти-

[177] Ни в коем случае не следует путать их с македонцами, которые живут на территории современного государства Македония ныне. Эти последние принадлежат к славянам и поселились на Балканском полуострове гораздо позже. Да и сама эта нынешняя Македония лишь отчасти совпадает по территории с последней.

ческих исследований (ставших возможными в результате введения в научный оборот большего количества эпиграфического и ономастического материала, чем прежде), их следует считать просто одной из периферийных ветвей греческого народа, а не каким-то отдельным этносом[178]. В любом случае, судя по всему, греки и македоняне могли даже понимать друг друга без переводчика. А когда официальным языком государства был сделан аттический диалект (не позднее IV в. до н.э.) и все документы стали составляться на нем, это, похоже, не создало какого-либо дискомфорта для местных жителей. Лишний аргумент в пользу того, что македонский был тоже диалектом древнегреческого, относившимся, несомненно, к северной диалектной группе.

Основными занятиями жителей Македонии являлись земледелие и скотоводство, а сами эти жители были свободными крестьянами, объединенными в сельские общины и самостоятельно обрабатывавшими свои наделы. Городская жизнь долгое время была развита слабо, фактически находилась в зачаточном состоянии. Можно сказать, что города античного типа, полисы, стали в Македонии возникать (первые – в V в. до н.э., а большинство – в следующем столетии) не в ходе какого-то спонтанного процесса, обусловленного внутренними объективными причинами, а в результате сознательной деятельности македонских царей, ориентировавшихся как на образец на греческие колонии северного побережья Эгеиды (прежде всего на Амфиполь)[179].

Государственность как таковая в Македонии тоже сложилось довольно поздно (этот процесс завершился лишь к V в. до н.э.) и имела форму достаточно примитивной монархии: власть царя отнюдь не являлась абсолютной, а была ограничена сильным аристократическим окружением. Представители высшей

---

[178] См.: *Sourvinou-Inwood C.* Greek Perceptions of Ethnicity and the Ethnicity of the Macedonians // Identità e prassi storica nel Mediterraneo Greco. Milano, 2002. P. 173–203; *Hatzopoulos M.B.* Perception of the Self and the Other...; *idem.* The Speech of the Ancient Macedonians in the Light of Recent Epigraphic Discoveries // Monumentum Gregorianum: Сборник научных статей памяти ак. Г.М. Бонгард-Левина. М., 2013. С. 204–221; *Anson E.M.* Greek Ethnicity and the Greek Language // Glotta. 2009. Bd. 85. S. 5–30; *Кузьмин Ю.Н.* «В тени Олимпа»: послесловие // *Борза Ю.Н.* История античной Македонии (до Александра Великого). СПб., 2013. С. 559 слл. Несколько более скептический взгляд см.: *Клейменов А.А.* Варварское и эллинское в македонском военном деле эпохи Филиппа II и Александра Македонского // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт. М., 2012. С. 220–231.

[179] Противники греческой атрибуции македонян могут указать на этот факт как на аргумент в свою пользу: он-де показывает, что Македония относилась к «варварскому», а не эллинскому миру. Однако абсолютно аналогичным образом процессы урбанизации и генезиса полиса шли крайне замедленно и в ряде других периферийных греческих областей (Эпир, Акарнания, Этолия), что, естественно, ни в коей мере не является поводом исключать их из пресловутого «эллинского мира».

македонской знати – гетайры («товарищи») – входили в состав царского совета, занимали ключевые посты в войске, становились наместниками окраинных македонских областей, зачастую передавая свою власть по наследству, из поколения в поколения, и выступая в роли полунезависимых правителей, почти не подчинявшихся или лишь номинально подчинявшихся главе государства.

Немаловажную роль в управлении Македонией по традиции играло также собрание войска, набиравшегося из свободных крестьян. Голос этого собрания подчас оказывался решающим, когда умирал царь и нужно было определить, кто будет следующим. Впрочем, царем не мог стать кто угодно: носитель высшей власти должен был принадлежать к династии Аргеадов, которая держала в своих руках престол. Аргеады претендовали на происхождение от самого Геракла и тем самым на колоссальную знатность даже по общегреческим масштабам (это такая же, если можно так выразиться, «мера знатности», какую имели спартанские цари, аристократичней которых не было в Элладе). Правда, остальные эллины с сильным скептицизмом относились к легенде о подобном происхождении македонских властителей. Александру I как-то пришлось буквально «с пеной у рта» доказывать, что он хотя бы грек, а не варвар, и имеет поэтому право быть допущенным к участию в Олимпийских играх.

Считается, что основы экономического и военного усиления Македонии, увеличения ее политической роли в греческом мире были заложены царем Архелаем I[180], правившим в 413–399 гг. до н.э. Архелай, значительно укрепивший македонскую государственность, прославился, помимо прочего, и как поклонник греческой культуры, ряд выдающихся деятелей которой (в том числе великий драматург Еврипид[181], его менее известный, но также талантливый коллега Агафон) в течение некоторого времени работали при его дворе. В какой-то степени Архелай взял на себя роль этакого архаического тирана, поклонника искусств, выступил как прямой продолжатель Писистрата или Поликрата. Кстати, современные ему тираны (по крайней мере, те, которые стадиально относились к «младшей тирании») приглашали в основном уже не поэтов, а философов. За столом Дионисия Сиракузского подвизался, например, Платон; в придворном драматурге Дионисий не очень нуждался, поскольку сам неплохо писал драмы.

С какого-то момента грекам приходилось уже считаться с Македонией как со значительной державой, но серьезными претендентами на гегемонию

[180] Наш уважаемый коллега Ю.Н. Кузьмин, значительно лучше, чем автор этих строк, знающий историю античной Македонии, как-то сделал нам замечание: нельзя писать «Архелай I», поскольку больше царей с именем Архелай в истории Македонии не было. Последнее верно. Однако каждому из нас знаком император российский Павел I. Так мы его всегда называем, несмотря на то, что Павла II (и т.д.) не существовало.

[181] *Gavrilov A.* Euripides in Makedonien // Hyperboreus. 1996. Vol. 2. Fasc. 2. P. 38–53.

в Элладе македонских царей еще долго никто не считал. Напротив, пока они сами еще были вынуждены подчиняться чужой гегемонии.

Архелай (несмотря даже на то, что при дворе его подвизались такие величины, как Еврипид и Агафон), производил все-таки на греческих интеллектуалов впечатление отнюдь не рафинированного эллина (какими казались Евагор Кипрский и особенно Дионисий), а скорее какого-то полуварварского царька. В результате длившейся несколько лет смуты после убийства Архелая македонский престол занял Аминта III, царствовавший в 393–370 гг. до н.э. При нем Македония, в общем, ничем не блистала. Отметим, тем не менее, что «врачом и другом» именно этого Аминты был Никомах, отец великого Аристотеля (Diog. Laert. V. 1).

После смерти Аминты III в Македонии началась и вовсе «замятня и чехарда»[182]. Царем стал его старший сын Александр II, но он был убит заговорщиками в 367 г. до н.э. Власть перешла к некоему Птолемею (судя по всему, представителю той же династии Аргеадов, ее боковой ветви). Птолемей был устранен наследником македонского престола, имевшим куда более законные права на оный, – Пердиккой III, сыном Аминты III. Этот Пердикка, правил до своей гибели на войне в 359 г. до н.э. Затем номинально македонским царем стал его сын, малолетний Аминта IV. Однако регентом был объявлен дядя «царя»-мальчика, знаменитый Филипп II – младший сын Аминты III. Через четыре года, как считается, он отстранил подопечного и сам стал царем. Кстати, что интересно, отстранил, но не устранил (физически). Впрочем, этого сюжета мы в данной главе не касаемся. Все-таки хотелось бы остаться в рамках тематики, напрямую связанной с Демосфеном.

Но уж деятельность Филиппа II к этой тематике в полной мере относится. В его правление и в результате его деятельности македонское государство за короткий срок стало сильнейшим на Балканском полуострове. Уже в начале своего царствования Филипп II провел ряд важнейших реформ, направленных на укрепление военно-политической мощи страны.

Центральное место среди этих преобразований заняли военные реформы, которые придали новый импульс развитию фаланги. В предыдущей главе отмечалось, что в юности Филипп провел несколько лет в качестве заложника в Фивах и там, вне сомнения, познакомился с передовым военным искусством Эпаминонда; этот опыт в дальнейшем помог ему в преобразовании македонской военной системы[183]. Как именно – вопрос опять же вряд ли подлежащий

[182] В связи с дальнейшим см.: *Hammond N.G.L., Griffith G.T.* A History of Macedonia. Vol. 2: 550–336 B.C. Oxf., 1979. P. 180 ff.; *Roisman J.* Classical Macedonia to Perdiccas III // CAM. P. 161 ff.; *Кузьмин Ю.Н.* Введение в историю древней Македонии. Самара, 2005. С. 10 сл.; *Суриков И.Е.* Афины и греческий мир в эпоху Платона: политическая история и тенденции в идейной жизни // Платоновский сборник. Т. 2. М. – СПб., 2013. С. 160.

[183] *James C.M.* Epaminondas and Philip II: A Comparative Study of Military Reorganization.

здесь обсуждению, но факт остается фактом: созданная Филиппом II прославленная македонская фаланга не имела себе равных на полях сражений. Ее до какого-то момента боялись даже римские легионы.

Фаланга – не единственное детище Филиппа. Наряду с ней были созданы вспомогательные части, состоявшие из средневооруженных пехотинцев (за основу была взята, судя по всему, модель пелтаста, хотя, впрочем, македонский гипаспист вооружен сильнее, чем нормальный пелтаст, и находится где-то «между пелтастом и гоплитом»). В задачу этих отрядов входило нанесение первого удара по противнику и фланкирование фаланги во избежание ее окружения. Исключительно большую роль в войске играла сильная конница. Македонские кавалерийские подразделения действовали гораздо активнее, чем греческие: они смело шли в атаку, а после обращения врага в бегство преследовали его по возможности до полного уничтожения[184].

Как в пехоте, так и в коннице были созданы элитные отряды, отличавшиеся особенной боеспособностью[185]. Кроме того, войско Филиппа II было прекрасно оснащено разного рода техническими приспособлениями – катапультами, таранами, осадными машинами, служившими для штурма укрепленных городов[186]. Ранее эта часть военного дела всегда была слабым местом гоплитских армий, которые предпочитали брать города противника медленной, изнурительной осадой.

Наряду с реформами вооруженных сил Филипп проводил и другие преобразования. Он завершил централизацию Македонии, укрепил царскую власть, урезав самостоятельность местной знати. Амбициозный правитель способствовал экономическому развитию страны, основывал новые города[187], путем удачных военных операций расширял выход Македонии к морю, присоединял соседние территории, отличавшиеся плодородием и богатые полезными ископаемыми, в том числе золотом и серебром. Овладение золотыми рудниками на

Diss. Lexington, 1980.

[184] О македонской кавалерии есть специальное исследование: *Corrigan D.M.* Riders on High: An Interdisciplinary Study of the Macedonian Cavalry of Alexander the Great. Diss. Austin, 2004.

[185] Создание элитных сил – в этом уже есть что-то негреческое, не-полисное. Полисная военная организация на том и зиждилась, что все абсолютно равны и взаимозаменяемы, никакой элиты просто нет. Не порочен ли сам принцип?

[186] *Marsden E.W.* Macedonian Military Machinery and its Designers under Philip and Alexander // Ancient Macedonia II: Papers Read at the Second International Symposium Held in Thessaloniki, 19–24 August 1973. Thessaloniki, 1977. P. 211–223.

[187] И называл их в свою честь. Филиппы и Филиппополь стали первыми в древнегреческой истории примерами городов, названных именем своего основателя. См.: *Суриков И.Е.* О принципах наименования новоосновываемых городов в греческом мире архаической и классической эпох // ГАС. Ч. 1. С. 9–15.

северном побережье Эгеиды принесло ему огромные доходы, резко увеличило богатство Македонии и позволило ей приступить к регулярной и широкомасштабной чеканке монеты из золота. Такого рода акцию ранее не мог себе позволить (во всяком случае, на постоянной основе[188]) ни один греческий полис; только на монетных дворах персидского царя выпускались золотые дарики.

Довольно длительное правление Филиппа II было почти целиком заполнено постоянными войнами. Он вел активные военные действия сразу на нескольких направлениях, повсюду осуществляя завоевательную внешнюю политику. На северных границах главным предметом внимания Филиппа стала Фракия, и постепенно он захватил значительную часть этой страны, что повело к существенному увеличению македонских владений.

Филипп II заслужил репутацию образованного человека, покровителя греческой культуры. Широко известным по всей Элладе стал тот факт, что на роль воспитателя своего сына Александра он пригласил Аристотеля. Корреляцию между философией и политикой для того времени не следует преуменьшать. Тот же Платон создал свою Академию не для того, чтобы заниматься абстрактными проблемами бытия, а для того, чтобы делать философов правителями, а правителей – философами. Впрочем, Филиппом Платон откровенно пренебрегал. Даже и менее щепетильный Исократ сделал ставку на владыку Македонии лишь достаточно поздно, в середине 340-х гг. до н.э.[189]

Достаточно брутальный Филипп образца 350-х гг. до н.э. никоим образом не ассоциировался с «философом-правителем». Интеллектуальные лидеры греческого мира пристальнее присматривались к иным правителям, будь то Евагор Кипрский или сицилийские отец и сын Дионисии. Но режимы перечисленных лиц (равно как и фессалийские, на которые тоже вначале можно было возлагать кое-какие упования) как раз в 350-е гг. до н.э. приказали долго жить, возник некий вакуум, и вот тут-то «расправил крылья» Филипп.

Авторитет македонского царя среди греков стал со временем необычайно высоким. Многие полисы, страдавшие в IV в. до н.э. от жестокого кризиса, на-

---

[188] Спорадические золотые выпуски полисов, конечно, известны. Что интересно, иногда они порождались не процветанием, а, наоборот, кризисными обстоятельствами. Так, в Афинах в конце Пелопоннесской войны была однажды предпринята эмиссия золотых монет: казна была абсолютно пуста, и пришлось переплавить золотые статуи Ники из сокровищницы Парфенона. См.: *Стрелков А.В.* К вопросу об уточнении времени принятия решения об эмиссии афинских золотых монет конца V в. до н.э. // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. М., 2002. С. 10–12; *он же.* Аристофан, «Лягушки», строки 718–730: нумизматический комментарий к литературному тексту и литературный комментарий к нумизматическому материалу // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. М., 2009. С. 9–11.

[189] Ср.: *Исаева В.И.* Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. С. 162 слл.

чинали даже в известной мере видеть в нем долгожданного «спасителя», который объединит Грецию и вернет ей былое процветание. Такое отношение шло навстречу замыслам самого Филиппа. Опираясь на резко возросшую мощь своего государства, он приступил к достижению своей заветной цели – гегемонии в эллинском мире. Будучи исключительно дальновидным государственным деятелем, македонский царь не спешил, действовал расчетливо и осторожно, стремясь достигнуть пусть не моментальных, но прочных результатов. Поэтому первой своей задачей на «греческом» направлении он поставил овладение теми полисами, которые находились с ним по соседству, на северном побережье Эгейского моря. Важнейшими греческими государственными образованиями в этом регионе были Халкидский союз (на полуострове Халкидика[190]) во главе со значительным полисом Олинфом, занимавший выгодное стратегическое положение Амфиполь у впадения в море реки Стримон, а также города, находившиеся в зоне Черноморских проливов[191], первенствующее положение среди которых занимал Византий.

Положение для Филиппа усложнялось тем, что этот регион издавна считался зоной влияния и интересов Афин. Этим влиянием «город Паллады», располагавший сильным флотом и стоявший во главе Второго Афинского морского союза (в ту пору еще достаточно прочного), не был расположен с кем-либо делиться. Таким образом, экспансия Македонии в Северной Эгеиде неизбежно влекла за собой ее конфликт с афинянами. Последние имели сильные позиции на полуострове Херсонес Фракийский, долго и тщетно пытались овладеть Амфиполем – своей бывшей колонией, утраченной еще в период Пелопоннесской войны[192]. Вообще говоря, возвращение Амфиполя, «реванш» на этом направлении превратились для Афин в IV в. до н.э. в настоящую идефикс[193], на это тратились – постоянно и безуспешно – огромные силы и средства.

---

[190] *Flensted-Jensen P.* The Chalkidic Peninsula and its Regions // FSAGP. P. 121–132. Халкидский союз существовал уже в V в. до н.э. См.: *Светилова Е.И.* Халкидский союз в Пелопоннесской войне // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1996. № 2. С. 38–51.

[191] Они как раз в рассматриваемое время воспользовались «дефицитом власти» (на протяжении какого-то хронологического отрезка ни одна из крупных политических сил Греции не была способна реально контролировать проливы) и, похоже, взяли под свой контроль шедшую этим морским путем чрезвычайно выгодную хлебную торговлю между Северным Понтом и эллинами метрополии. См. разбор возможных нумизматических свидетельств об этом: *Суриков И.Е.* Некоторые проблемы истории древнегреческих городов в регионе Черноморских проливов // АМА. 2013. Вып. 16. С. 30 слл.

[192] Наиболее детальное исследование политики Афин в этом регионе: *Heskel J.* The North Aegean Wars, 371–360 B.C. Stuttgart, 1997. В нем, правда, изложение доведено именно до прихода к власти Филиппа II, но не далее.

[193] См. к проблеме, например: *Badian E.* The Ghost of Empire... S. 94 ff.; *Mari M.* Atene,

Уже на рассматриваемом этапе (то есть уже в начале своего правления) Филипп II проявил себя не только как выдающийся военачальник, но и, без преувеличения, как лучший дипломат своего времени. Вступая в борьбу с греческими полисами, он одерживал верх не только путем прямых вооруженных действий, но и с помощью переговоров, хитростей, закулисных политических интриг и прямых подкупов влиятельных лиц в различных городах. Подкупленные, естественно, становились его тайными сторонниками. Умело ссоря друг с другом своих врагов, Филипп пожинал плоды их раздора, действуя по принципу «Разделяй и властвуй».

Когда в 358 г. до н.э. македонский царь захватил Амфиполь, в Афинах это вызвало настоящий взрыв бессильного гнева[194]. Последний был тем более неизбежен, что как раз в «амфипольском деле» Филипп II добился своего с помощью не только вооруженной силы, но и тонких дипломатических ходов, которые, – по крайней мере, в глазах афинян – граничили с обманом. А именно: Филипп II заключил с афинским полисом тайное соглашение, согласно которому Афины обязывались возвратить царю Пидну – македонский город, временно попавший под их контроль, – а он за это признавал их права на Амфиполь и, более того, обещал отвоевать его для афинян. Кончилось, однако, тем, что, захватив Амфиполь, Филипп удержал его в своих руках и не выразил ни малейшего намерения передать кому бы то ни было этот важный стратегический пункт. Так с тех пор Амфиполь и стал македонским. А вскоре Филипп без труда овладел и Пидной.

Тем временем Афины уже объявили ему войну; но военные действия были вялотекущими и не приносили афинянам ровно никаких результатов, поскольку их вооруженные силы были в основном отвлечены на других направлениях. А Филипп, напротив, преуспевал; в его руках со временем оказалась еще и Халкидика. В 348 г. до н.э. пал Олинф и был полностью разрушен победителем[195]. В целом политика Филиппа на данном направлении оказалась, безусловно, успешной и принесла ему весомые дивиденды.

В конце концов афинский полис, смирившись с утратой своих позиций в Северной Эгеиде, вынужден был в 346 г. до н.э. заключить с Македонией мирный договор. Это так называемый Филократов мир, названный по имени Филократа – главы афинского посольства, прибывшего в Пеллу. Договор за-

l'impero e le *apoikiai*. Riflessioni sulla breve vita di Anfipoli 'ateniese' // Scuola Archeologica Italiana di Atene. Annuario. 2010. Vol. 38. Serie III, 10. P. 391–413.

[194] *Asheri D.* Studio sulla storia della colonizzazione di Anfipoli sino alla conquista macedone // Rivista di filologia e d'istruzione classica. 1967. Vol. 95. P. 30.

[195] Именно по причине единоразового разрушения Олинф, как известно, прекрасно поддается археологическому изучению; при его раскопках получены важнейшие данные по древнегреческой урбанистике. См., например: *Cahill N.* Household and City Organization at Olynthus. New Haven, 2002.

креплял успехи Филиппа, развязывал ему руки для дальнейшего наступления на эллинов и потому воспринимался как крайне невыгодный как для Афин, так и для Греции в целом. Поползли слухи, что послы, отправленные в Македонию для подписания мира, были попросту подкуплены Филиппом, потому-то и согласились на все предложенные им условия.

Воюя с Афинами, одновременно Филипп успешно вмешивался и в дела других греческих государств, при этом по-прежнему удачно сочетая действия на полях сражений с дипломатическими акциями. Он воспользовался тем, что в Греции с 355 г. до н.э. проходил очередной междоусобный конфликт, разделивший эллинские полисы на две враждующие коалиции, – так называемая Третья Священная война[196]. Это вооруженное столкновение[197] началось с того, что Фокида – область, на территории которой находились Дельфы, – предъявила претензии на господство над этим крупнейшим панэллинским религиозным центром и бросила вызов Дельфийской амфиктионии – религиозному союзу полисов, издревле контролировавшему святилище. Фокидяне захватили Дельфы и присвоили сокровища храмовой казны, в результате чего смогли набрать сильное наемное войско. Главными защитниками интересов Амфиктионии выступили Беотия и Фессалия, начавшие военные действия против фокидян. Афины, со своей стороны, поддерживали Фокиду, хотя и не слишком активно.

В этой ситуации Филипп II принял решение вступить в войну на стороне амфиктионов, выступая, таким образом, в чрезвычайно благовидной роли защитника поруганной святыни. После того, как македонскому царю удалось заключить Филократов мир с Афинами и последние отказались от поддержки Фокиды, его действия на фронтах Третьей Священной войны стали особенно успешными. В том же 346 г. до н.э. Филипп полностью разгромил Фокиду, закончив тем самым вспыхнувший по ее вине конфликт. Всё это позволило ему сделать свое положение в Греции исключительно влиятельным.

В ходе войны (в 352 г. до н.э.) гегемонию Филиппа признала Фессалия[198]: властитель Македонии был избран фессалийским тагом и полностью поставил под свой контроль эту важную область, связывавшую его с остальными частями

[196] Священными, как известно, назывались в древнегреческой истории те войны, которые велись за контроль над Дельфийским святилищем. Первая Священная война имела место в начале VI в. до н.э. (АГ-1. С. 120 слл.), Вторая – в середине V в. до н.э. (АГ-2. С. 304 слл.).

[197] О нем см.: *Buckler J.* Aegean Greece in the Fourth Century BC. Leiden – Boston, 2003. P. 385 ff.; *Green P.* Diodorus Siculus on the Third Sacred War // CGRH. Vol. 2. P. 363–370; *Londey P.* Phokian Desperation: Private and Public in the Outbreak of the 3rd Sacred War // Private and Public Lies: The Discourse of Despotism and Deceit in the Craeco-Roman World. Leiden – Boston, 2010. P. 29–38.

[198] *Graninger D.* Macedonia and Thessaly // CAM. P. 313 ff.

Греции. На место исключенной из Дельфийской амфиктионии Фокиды в нее был принят Филипп. Это означало признание его полноправным участником системы межгосударственных отношений в греческом мире. Если ранее многие греки относили его скорее к «варварским» правителям, подобно фракийским и скифским царям, то теперь ни у кого не должно было возникать сомнений в том, что Филипп – такой же эллин, как афиняне или фиванцы, и имеет равные с ними права во внешнеполитических вопросах. Фактически македонский царь уже вскоре стал реальным лидером амфиктионии, и она принимала важнейшие решения с его подачи.

По мере того, как Филипп II все более усиливался, а его влияние в Элладе возрастало, перед греческими полисами все острее и острее вставал вопрос: как относиться к амбициозным планам северного династа? Следует ли оказать упорное сопротивление любым его притязаниям на гегемонию или же необходимо подчиниться, осознав собственное бессилие? А может быть, лучше всего занять выжидательную, нейтральную позицию и предоставить события их естественному ходу? Проблема осложнялась тем, что не вполне ясно было, как воспринимать Македонию и ее владыку: как органическую часть эллинского мира или как чуждую, «варварскую» силу, подобную Персии? Противники Филиппа даже после его принятия в амфиктионию (незаконного, по их мнению) продолжали настаивать именно на втором варианте.

В целом в различных греческих государствах «македонский вопрос» решался по-разному. Так, если полисы Фессалии добровольно признали власть Филиппа, то, например, Фокида сражалась до последнего (впрочем, у фокидян и не было другого выхода). А Спарта предпочитала придерживаться нейтралитета, стараясь не вмешиваться в греко-македонские конфликты до тех пор, пока они непосредственно не коснутся ее самой.

Распространенным вариантом был и такой, при котором полис не мог выработать единой позиции, проявлял колебания и непоследовательность, разрывался на части внутренней борьбой (разумеется, македонскому царю такой раскол мнений был только на руку). Так, Фивы на протяжении довольно краткого срока оказывались то на стороне Филиппа, то в стане его противников.

По схожему сценарию развивались события и в Афинах, ситуация в которых в этот период известна из источников в наилучшей степени, да и нам наиболее интересна, поскольку мы, обрисовав общий контекст «македонского вопроса», теперь возвращаемся непосредственно к деятельности афинянина Демосфена.

* * *

Как мы уже знаем, внутриполитическая борьба в афинском государстве в середине IV в. до н.э. отличалась большой напряженностью, расколом как полисной элиты, так и гражданского коллектива в целом на ряд группировок, воз-

главлявшихся видными политиками. Понятно, что каждая из этих многочисленных группировок должна была как-то определить свою позицию в вопросе о македонской опасности, поскольку вопрос этот был одним из самых важных и болезненных. Виднейшие политики со своим окружением, отражая, очевидно, чаяния и интересы тех или иных слоев гражданства, придерживались различных точек зрения на отношения с Македонией. Одни из них настаивали на необходимости мобилизовать все силы и средства, чтобы дать достойный отпор Филиппу; другие считали, что существует возможность достигнуть компромисса, примириться с грандиозными замыслами македонского царя, пусть даже ценой каких-то уступок.

При этом, подчеркнем, нет серьезных оснований говорить, как это зачастую делалось в исследовательской литературе, о наличии в Афинах этого времени двух организованных, сплоченных «партий» – промакедонской и антимакедонской (если брать наиболее крайние характеристики – «партии предателей» и «партии патриотов»). Политическая жизнь, как уже отмечалось выше была гораздо более дробной, не биполярной, а полицентричной. В отечественном антиковедении это наиболее убедительно продемонстрировала Л.П. Маринович, проанализировав основные группировки эпохи Демосфена[199]. Она справедливо констатировала, что не было также «олигархической партии» и «демократической партии», но менее резонно оговорив, что это ни в коей мере не обозначает отсутствия сторонников демократии и, наоборот, лиц с антидемократическими настроениями[200].

Аналогичным образом обстоит дело и в сфере внешнеполитических ориентаций. Признавая «промакедонскую партию» и «антимакедонскую партию» историографическими фикциями, в реальности никогда не существовавшими, мы отнюдь не хотим этим сказать, что в Афинах рассматриваемого периода не было яростных противников Македонии и Филиппа, равно как и, с другой стороны, убежденных приверженцев вождя из Пеллы. Относительно позиции последних, кстати, необходимо оговорить, что это была именно принципиальная позиция, а не заговор подкупленных. Разумеется, мы не будем отрицать, что в Афинах имелись политики, получившие взятки от Филиппа (в свете того, что известно о масштабе коррупции, пропитавшей тогдашнюю афинскую демократию, иначе и быть не могло). Но никак нельзя утверждать, что стан оппонентов Демосфена состоял исключительно из таких людей или что они хотя бы составляли в нем большинство. Нет, в основном те, кто «лоббировал» промакедонскую ориентацию, делали это исходя из своего понимания интересов афинского полиса и Греции в целом.

[199] *Маринович Л.П.* Греки... С. 56–134.

[200] Там же. С. 133.

Что и говорить, многим мыслящим людям казались убедительными доводы Исократа, давно уже развивавшиеся им, об исключительной важности объединения Эллады для борьбы против «варваров»-персов. Этот выдающийся публицист теперь, как ему представлялось, нашел в лице Филиппа II того самого сильного и авторитетного вождя, который сможет воплотить в жизнь его теоретические построения – встать во главе греческих полисов, примирить их под своей эгидой и повести в великий поход на Восток.

Около 345 г. до н.э. Исократ опубликовал нашумевшую речь под названием «Филипп», ставшую настоящим призывом к македонскому царю взять в свои руки дело сплочения эллинского мира. Именно Исократа можно назвать идеологом сторонников Македонии в Афинах. Правда, сам он не занимался активной политической деятельностью. Но воплощением его установок в жизнь занимался ряд влиятельных политиков – выдающийся финансист Евбул, талантливый оратор Эсхин, опытный полководец Фокион, дипломат Филократ (все они уже упоминались выше) и другие. Пожалуй, Эсхин был самой яркой и талантливой личностью в этой группе; не случайно именно его Демосфен избрал главной «мишенью» для своих ударов (а он – Демосфена).

Представители противоположного «лагеря» (такие, как Демосфен и Гиперид), выступавшие за решительную борьбу с Филиппом, клеймили вышеперечисленных лиц как предателей, тайных агентов македонского царя, подкупленных им. Увы, их нападки, будучи некритично восприняты, в слишком уж большой мере повлияли на представления, закрепившиеся в современной историографии, так что ныне политические лидеры промакедонской ориентации нуждаются в определенной «реабилитации» (к счастью, уже начавшейся несколько десятилетий назад).

Повторим несколько иными словами то, что было уже оговорено чуть выше. В обвинениях, бросавшихся этим политикам, весьма вероятно, было некоторое зерно истины: известно, что Филипп II активно пользовался подкупом в своей дипломатии. Однако можно с уверенностью сказать, что большинство граждан таких взглядов, как Эсхин, было вдохновляемо не стремлением к измене, а своеобразно понимаемым представлением о благе государства[201].

Всех этих очень разных людей объединяла мысль о том, что македонская гегемония в целом окажется полезной для Греции в целом и для Афин в частности. Конечно, они отдавали себе отчет в том, что афинский полис, оказавшись под чужой гегемонией, может полностью или частично утратить свою независимость, но считали это наименьшим из возможных зол.

К тому же сторонники примирительного отношения к Македонии небезосновательно полагали, что сопротивление все равно бесполезно ввиду неравенства сил. Ни один отдельно взятый полис, даже Афины, не мог, конечно,

[201] Этот тезис подробно аргументирован в монографии: *Harris E.M.* Aeschines...

в одиночку на равных противостоять Филиппу. Чтобы добиться хоть какого-то успеха в борьбе с ним, необходимо было создавать крупный военно-политический союз, который охватил бы собой наиболее значительные греческие государства. Иными словами, опять же нужно было объединяться. Но такой союз был практически невозможен в условиях IV в. до н.э., когда система межполисных отношений претерпевала кризис и города Эллады постоянно воевали друг с другом, истощая себя в бесплодных конфликтах.

Да и сами Афины были уже далеко не те, что столетие назад, когда они наносили сокрушительные поражения самому персидскому царю. Вооруженные силы государства были значительно слабее, финансовая система долгое время находилась в расстройстве. Правда, Евбул, на протяжении ряда лет руководя афинскими финансами, сумел значительно укрепить их. Именно поэтому он был особенно заинтересован в сохранении достигнутых результатов. А любая война, тем более война с Македонией, подрывала эти результаты, наносила ощутимый ущерб государственной казне. Евбул закономерно оказывался в стане противников конфликта с Филиппом.

Ну, а самым выдающимся лидером тех слоев афинян, которые выступали за бескомпромиссную борьбу с амбициями македонского царя, был, естественно, Демосфен; в этом качестве он, собственно, и вошел в историю. Его сторонниками в той или иной степени, в те или иные периоды (специально делаем эту оговорку, дабы не сложилось ложного впечатления о монолитности антимакедонских сил) выступали вожди некоторых других группировок, в том числе Ликург и Гиперид. Демосфен и его соратники и попутчики, будучи убежденными сторонниками афинской демократии, вполне понимали, что победа Филиппа и установление македонского владычества в конечном счете, скорее всего, повлекут за собой гибель этой политической системы, отстранение демоса от управления государством, установление олигархии или даже тирании. Время показало, что они отнюдь не ошибались.

В страстных речах перед народным собранием Демосфен призывал афинян стряхнуть с себя оцепенение и всерьез готовиться к схватке с могущественным врагом: укреплять сухопутное войско и флот, направлять все свободные денежные средства на нужды обороны, вести переговоры с другими полисами о создании антимакедонской коалиции, преодолевая при этом застарелые распри.

Оппоненты Демосфена, стараясь скомпрометировать его, заявляли, что он столь решительно выступает за войну с Македонией только потому, что сам подкуплен персидским царем[202]. И действительно, Артаксеркс III, занимавший в то время престол в Сузах, осознавал опасность, которую начинал представлять для него Филипп II, и пытался не допустить усиления этого последнего[203].

[202] *Adams C.D.* Op.cit. P. 23.

[203] Впрочем, прямой враждебности между ними еще не было. См.: *Рунг Э.В.* О договоре

Артаксеркс вел против Филиппа свою игру, тоже посылая в греческие полисы персидское золото и таким путем вербуя себе сторонников среди ведущих политиков.

Говоря же конкретно о Демосфене, следует отметить: при всех своих многочисленных достоинствах этот государственный деятель и мастер красноречия отнюдь не был каким-то ангелом во плоти. В частности, особенной моральной скрупулезностью он, в общем-то, никогда не отличался. И «презренный металл», что и говорить, любил, не упуская ни малейшей возможности увеличить свое состояние. Не исключено, что можно указать на психологические мотивы подобного стяжательства. Напомним, в юности наш герой едва не стал нищим. И пусть потом опасность миновала – наверняка его и в дальнейшем мучил подсознательный страх перед бедностью.

Как-то личный враг Демосфена и его давний недоброжелатель, известный богач Мидий, решил сделать ему очередную пакость, а именно – публично оскорбить. На празднике Дионисий оратору было поручено исполнять обязанности хорега[204]. Набрав и обучив хор, он в день представления находился с ним на орхестре театра Дионисия. Мидий на глазах у всех спустился из зрительного зала, подошел к Демосфену и на глазах у огромной массы людей дал ему пощечину.

Богач знал, что делал, и был, как ему казалось, готов к последствиям. Просто он думал, что таковые для него будут совсем незначительными, даже если потерпевший подаст на него в суд: штраф за оскорбление был по тогдашним афинским законам невелик, и Мидий считал, что можно и заплатить эти деньги за удовольствие так унизить врага.

Но Демосфен оказался хитрее, чем полагал его злополучный противник, и пошел не вполне ожидавшимся путем. Он действительно возбудил судебный иск, но не по обвинению в оскорблении, а с другой формулировкой. Истец подчеркивал, что пощечина ему была дана в тот момент, когда он руководил хором, выполняя поручение, данное государством, и, соответственно, настаивал на том, что преступление было совершено по отношению к официальному государственному лицу, находившемуся при исполнении обязанностей. Как вполне понятно, это был уже совсем иной оборот. Деяние Мидия приобретало несравнимо более серьезный характер (фактически характер святотатства,

Филиппа II и Артаксеркса III Оха // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 9. СПб., 2010. С. 61–74. Об отношениях между Персией и Македонией этого времени см. также: *Саракински В.* Persomacedonica: Македонија и Персија пред Александар. Скопје, 2013. С. 305 слл.

[204] О статусе хорега и институте хорегии см.: *Бондарь Л.Д.* Афинские литургии V–IV вв. до н.э. СПб., 2009. С. 15–81; *MacDowell D.M.* Athenian Laws about Choruses // Symposion 1982: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 65–77.

учитывая, что всё произошло во время религиозного празднества), и ответчику могла грозить даже смертная казнь.

Демосфен уже написал блестящую обвинительную речь, и молва об этом распространилась по всему городу. Тут Мидий, осознав, что его поступок может грозить ему гораздо худшими последствиями, чем он предполагал, струсил и пошел на попятную. Он предложил оратору «отступного» – крупную денежную сумму (то ли тридцать, то ли пятьдесят мин серебра). Демосфен деньги взял и свой иск из суда отозвал.

Наш герой был тогда еще достаточно молод. Плутарх пишет по этому поводу: «...Обвинение против Мидия он готовил тридцати двух лет от роду, еще не пользуясь ни влиянием, ни известностью в государстве. Именно это в основном, как мне кажется, и побудило его принять деньги и помириться с обидчиком.

Ибо то был не ласковый муж и сердцем не добрый[205], а вспыльчивый и мстительный. Но видя, что свалить человека, надежно защищенного своим богатством, красноречием и дружескими связями, – дело не из простых и не по его силам, он уступил тем, кто просил за Мидия. А сами по себе три тысячи драхм не умерили бы, по-моему, раздражения Демосфена, если бы он надеялся и мог выиграть дело» (Plut. Demosth. 12).

Но Плутарх, как мы знаем, не слишком-то восторженно относившийся к человеческим качествам Демосфена (что подтверждает и характеристика, только что встретившаяся нам в процитированном отрывке), дает субъективную и превратную оценку описанного им события. Не можем согласиться с тем, что на момент данного конфликта с Мидием Демосфен еще был какой-то совершенно безвестной личностью. К тому времени он уже занимался политикой. В частности, упоминавшаяся выше речь «Против Лептина» была написана раньше; как мы увидим далее, раньше, судя по всему, была произнесена и первая «Филиппика», которая сделала его имя воистину знаменитым. А уж в судебных прениях он еще более того поднаторел. Одним словом, Мидию противостоял весьма опытный сутяга, имевший очень хорошие шансы выиграть процесс. А иначе зачем бы Мидий вообще стал предлагать деньги, если бы он не опасался за свою судьбу?

Таким образом, неизбежно приходится согласиться с тем, что Демосфен принял оные деньги все-таки из корыстолюбия, а не из каких иных побуждений. Плутарху полученная им сумма могла казаться несерьезной, но херонейский биограф жил в эпоху Антонинов, когда все масштабы цен были совершенно иными. В Греции же IV в. до н.э. 50 или даже 30 мин (в последнем случае полталанта, в первом почти талант) были весьма значительной суммой.

Кстати, похоже, что и с датой события Плутарх несколько ошибается. Если бы Демосфену тогда было, как он пишет, 32 года, то следовало бы говорить

[205] Плутарх цитирует слова Гомера об Ахилле (Il. XX. 467).

о 352 г. до н.э. Но таким ранним временем речь Демосфена, кажется, ныне никто не датирует, в исследованиях фигурируют обычно в данной связи чуть более поздние хронологические рамки: 350–347 гг. до н.э.[206]

Итак, иск свой Демосфен отозвал[207]. Но ему же было свойственно не только корыстолюбие, но и (как Цицерону несколько веков спустя) колоссальное честолюбие! Славу он тоже обожал, и могла ли прекрасная речь, над которой он трудился, пропасть втуне? И наш герой ее каким-то образом опубликовал. Убил, так сказать, двух зайцев: и с врага получил денежную компенсацию за оскорбление, и тщеславию своему угодил. Впрочем, полагаем, что мы должны быть ему только благодарны, поскольку в результате у нас имеется текст этой речи, и мы можем с ней знакомиться.

Эта речь (Demosth. XXI) на всех производит неоднозначное впечатление, и не случайно именно о ней антиковеды пишут весьма часто. В чем ее загадочность? Тут очень точны формулировки покойной Л.П. Маринович (которая вообще отличалась четкостью формулировок): «Речь “Против Мидия” отличает черта, которая выделяет ее из числа других речей Демосфена: в ней, как ни в какой другой его речи, очень резко звучит критика богатства и богатых и сильны антиплутократические мотивы, в общем Демосфену не свойственные... Демосфен все же выражал (как имеется в виду, в других речах – И.С.) интересы богатых, в нем срабатывал, так сказать, инстинкт собственника, что и неудивительно, учитывая размеры его состояния»[208]. Исследовательница делает справедливый вывод: «Та стратегия обвинения, к которой прибегнул Демосфен в речи “Против Мидия”, ...имела мало общего с подлинными взглядами оратора на богатство и богатых. Демосфен, хорошо знавший настроения демоса, его психологию, счел такую тактику наилучшей, решил сыграть на чувствах судей, т.е. тех же граждан[209]. Вчинив иск Мидию, он и деньги получил, и, опубликовав речь, ославил своего врага»[210].

---

[206] *Маринович Л.П.* Мидий и его друзья... С. 19.

[207] О деле Мидия см. также: *Brüggenbrock C.* Die Ehre in den Zeiten der Demokratie: Das Verhältnis von athenischer Polis und Ehre in klassischer Zeit. Göttingen, 2006. S. 205 ff.

[208] Там же. С. 19–20.

[209] Укажем здесь, что в IV в. до н.э. неприязнь рядовых, небогатых граждан к богачам, безусловно, возросла. Характерно замечание Э. Линтотта: в IV в. до н.э. смут как таковых не стало больше по сравнению с предшествующим столетием, больше стало лишь конфликтов между богатыми и бедными (*Lintott A.* Violence, Civil Strife and Revolution in the Classical City 750–330 B.C. Baltimore, 1982. P. 252–253). Это, очевидно, в целом действительно так (припомним хотя бы аргосский скитализм). И встает естественный вопрос: почему? Состояния богачей на переходе от V к IV в. до н.э. стали, как мы видели, не обильнее, а скуднее. Употребляя современное выражение, имущественный разрыв уменьшился. И тем не менее – такая ненависть. Связана ли она с тем, что богачи стали больше думать о себе, чем о полисе и согражданах, не брать на себя демонстративно литургии, а, напротив, уклоняться от них, занижать и укрывать размеры своих состояний? Пожалуй...

[210] *Маринович Л.П.* Мидий и его друзья... С. 30.

Воистину ославил, и даже прославил. Кто бы из нас сейчас, две с лишним тысячи лет спустя, помнил о каком-то Мидии, если бы не Демосфен? В любом случае, характер последнего из описанного эпизода вырисовывается в полной мере.

Тем временем страсти в Афинах накалялись. Дебаты между противоборствующими сторонами отличались крайне жестким характером, зачастую выходили за рамки какой бы то ни было политической корректности. До нас дошли речи Демосфена и Эсхина, направленные друг против друга. Эти речи переполнены грубыми нападками, клеветническими обвинениями, а то и площадной бранью. Вот, для примера, только один характерный выпад Демосфена против Эсхина: «Он и взяточник, и льстец, и заклейменный проклятием, и обманщик, и предатель друзей, – словом, в нем сосредоточены все самые ужасные преступления» (Demosth. XIX. 201). Эсхин отвечал в совершенно аналогичном духе.

Борьба по «македонскому вопросу» шла с переменным успехом. То одной, то другой стороне удавалось одержать верх. В результате линия Афин на внешнеполитической арене была нестабильной, неоднократно изменялась. В 351 г. до н.э. Демосфен произнес свою первую речь против Филиппа II (Demosth. IV), открывающую собой прославленный цикл «Филиппик». Эта речь, как и «Филиппики» в целом, отличается ярко выраженной оптимистической позицией. Филипп тогда уже участвовал в Третьей Священной войне, поставил под свой контроль Фессалию, а одновременно вел и военные действия в Северной Эгеиде. И ясно, что его громкие успехи порождали во всё большем количестве афинян чувство безнадежности, неуверенности в собственных силах и в завтрашнем дне. А Демосфен говорил (Demosth. IV. 2–3): «...Прежде всего не следует, граждане афинские, падать духом, глядя на теперешнее положение, как бы плохо оно ни представлялось. Ведь то, что в этих делах особенно плохо у нас в прошлом, для будущего оказывается весьма благоприятным. Что же это именно? Это то, что вы сами, граждане афинские, довели свои дела до такого плохого состояния, так как не исполняли ничего, что было нужно. Вот, если бы вы делали всё, что следовало, и, несмотря на это, дела были бы в таком положении, тогда и надежды не могло бы быть на их улучшение... Если вы будете держаться настороже, нет для вас ничего страшного...».

Подобный, бесспорно, весьма вдохновляющий тезис – Афины проигрывают Филиппу не потому, что они реально слабее, а потому, что они просто не задействовали еще в должной мере свой потенциал, – оказался настоящей находкой нашего героя. Он и в дальнейшем обращался к нему в «Филиппиках». Например, в третьей, произнесенной около десяти лет спустя: «...Если даже дела находятся в крайне плохом состоянии и уже сделано много упущений, все-таки есть еще возможность все их у себя поправить, будь только у вас желание исполнять свой долг. И хоть, может быть, неожиданно то, что я хочу сейчас

сказать, но оно верно: самое плохое, что было у нас в прошлом, оказывается для будущего самым благоприятным. Что же это такое? А вот что: если сейчас дела находятся в плохом состоянии, то причина этого в том, что вы ничего не исполняли из своих обязанностей – ни малого, ни большого; ведь если бы вы делали всё, что следовало, и дела все-таки были в таком положении, вот тогда и надежды не было бы на улучшение. Но в действительности Филипп победил только вашу беспечность и нерадивость, государства же не победил; да и вы не только не побеждены, но даже и не пошевелились с места» (Demosth. IX. 4–5).

Что это было – попытка сделать, как говорится, хорошую мину при плохой игре или же искренний самообман? Поскольку Демосфен ни в коей мере не был «человеком в розовых очках», в последнее как-то с трудом верится. В любом случае, первая «Филиппика» практических последствий не имела. То же можно сказать и о серии речей в защиту Олинфа (Demosth. I–III), произнесенных пару лет спустя, когда Филипп напал на этот город. Несмотря ни на что, Олинф ввиду промедления афинян был македонским царем взят, как уже отмечалось выше.

Несомненной победой сторонников Македонии следует считать заключение Филократова мира в 346 г. до н.э. Выше об этом договоре говорилось кратко, а теперь рассмотрим несколько подробнее обстоятельства, связанные с его заключением и последовавшей сразу затем политической борьбой. И рассмотрим именно в контексте биографии Демосфена, поскольку он входил в состав посольства, отправившегося в Пеллу для переговоров с Филиппом II. Был в числе послов, возглавлявшихся Филократом, и Эсхин[211]. Филипп приложил все усилия, чтобы расположить к себе афинских представителей и мир был подписан, несмотря на старания Демосфена, последовательно выступавшего против него (как он, во всяком случае, заявлял в дальнейшем).

То, как македонский царь повел себя, заручившись невмешательством со стороны афинского полиса, – сокрушил Фокиду, завершил Третью Священную войну, вошел в состав Дельфийской амфиктионии, – чрезвычайно встревожило граждан «города Паллады»; они были уже готовы разорвать мирный договор и возобновить военные действия. Как ни парадоксально, сам же Демосфен был вынужден теперь отговаривать их от подобного безрассудного поступка и произнес с этой целью речь «О мире» (Demosth. V). Действительно, войсками Филиппа в тот момент были заняты Фермопилы, и путь на Аттику для него был открыт.

Уже вскоре, однако, Демосфен и его сторонники начали широкомасштабную кампанию против тех членов посольства в Пеллу, которые выступали главными сторонниками заключения афино-македонского мира. Их обвиняли в измене, вызванной подкупом. Филократ даже был вынужден уйти в изгнание.

[211] *Harris E.M.* Aeschines... P. 57 ff.

Труднее оказалось одолеть Эсхина, и в тот момент это не удалось. Вначале его атаковал Тимарх, член группировки Демосфена. Однако Эсхин возбудил против того встречный иск, заявляя, что Тимарх в юности занимался проституцией и потому не имеет права участвовать в политической жизни; блестящей речью (Aeschin. I) ему удалось выиграть процесс.

Тогда за дело взялся сам Демосфен. К 343 г. до н.э. относятся его речь против Эсхина (Demosth. XIX) – одна из лучших и самых знаменитых в демосфеновском наследии – и ответная речь его оппонента (Aeschin. II). Они прозвучали в нашумевшем процессе о «преступном посольстве», в котором Эсхин также победил и был оправдан, хотя и мизерным большинством голосов присяжных[212].

Демосфен же в последующие годы повсюду, где только мог, противостоял планам Филиппа. В частности, его заботила необходимость создания союза греческих государств, направленного против Македонии. Он уже с 344 г. до н.э. выступал инициатором афинских посольств во многие города Эллады, нередко лично принимал в них участие. Его активность была поразительной: он перемещался из одного полиса в другой, добиваясь их перехода на сторону Афин (или по меньшей мере их нейтралитета в грядущем конфликте), произносил «зажигательные речи» (Plut. Demosth. 17), вел переговоры... Частые поездки великого оратора по различным частям греческого мира приносили свои плоды: антимакедонская коалиция постепенно формировалась, хотя, пожалуй, медленнее, чем следовало бы.

В конце 340-х г. до н.э. Филипп II пытался продолжать свою экспансию в североэгейском регионе (в частности, в зоне Черноморских проливов), но теперь это получалось у него уже не столь успешно, как прежде. Ситуация изменилась во многом потому, что Демосфен добился организации афинянами нескольких достаточно крупных военных экспедиций в этот район, который в результате удалось пока отстоять.

Особенно крупной и запомнившейся современникам стала неудача македонского царя при Византии. В 340 г. до н.э. Филипп осадил и хотел взять этот город, находившийся на берегу пролива Боспор Фракийский и занимавший уникальное геостратегическое положение. Попади Византий в руки Филиппа – и тот стал бы господином пути в Понт Евксинский, контролирующим поступление зерна оттуда в Балканскую Грецию. На этот раз, однако, афиняне смогли оценить степень грозившей им опасности (ведь именно Афины были главным импортером черноморского хлеба) и оказали Византию своевременную помощь. В результате тот смог выдержать осаду и не сдался македонянам.

---

[212] *Кудрявцева Т.В.* Тяжущиеся на беме: речи и поведение сторон в афинском народном суде // ВДИ. 2008. № 1. С. 13; *Engels J.* 'Der Streit um den unbeliebten Frieden': Der Gesandtschaftsprozeß 343 v.Chr. // GPAA. S. 174–189.

Тогда же Демосфен пресек попытку Эвбеи (важность которой для Афин и Аттики ясна каждому, кто хоть раз видел карту Эгеиды[213]) перейти на сторону Македонии. Он «побудил сограждан вмешаться в дела Эвбеи, которую тираны[214] отдали во власть Филиппа. Одобрив его предложение, афиняне переправились на остров и изгнали македонян» (Plut. Demosth. 17). Кстати, в 340 г. до н.э. Филократов мир был и официально расторгнут, афинский полис вновь находился в состоянии войны (пусть вялотекущей) с государством Филиппа II.

Важным вопросом, который постоянно волновал афинян, было расходование государственных финансов. Как мы знаем, в это время все излишки денежных средств, остававшихся у полиса, по предложению Евбула передавались в теорикон и использовались, в частности, на вспомоществование беднейшим гражданам, позволяя им посещать празднества и театральные представления. Такая политика, без сомнения, вполне удовлетворяла низшие слои демоса.

Однако Демосфен решительно выступал за передачу этих свободных средств из театрального фонда в воинский, которым он сам тогда руководил. В конце концов ему удалось добиться своего, и на укрепление афинского войска были таким образом направлены значительные суммы.

* * *

Тем временем для Филиппа II пришло время наиболее активных, решительных действий на «греческом направлении». Помимо прочего, доходившие до него вести о складывающемся в Элладе антимакедонском союзе побуждали его нанести упреждающий удар. Царь Македонии воспользовался вспыхнувшей в 339 г. до н.э. в Греции Четвертой Священной войной, которую вела Дельфийская амфиктиония против города Амфиссы в Локриде. Призванный на помощь стоявшими на его стороне амфиктионами, Филипп взял и разрушил Амфиссу, а попутно установил свой контроль над важнейшим в стратегическом отношении Фермопильским проходом и овладел охранявшей подступы к нему крепостью Элатеей. Теперь он грозно нависал с севера над всей Средней Грецией, в том числе и над Аттикой; воспрепятствовать его дальнейшему продвижению становилось чрезвычайно трудно. Захватнические планы македонского царя были отныне ясны для всех.

---

[213] О важности Эвбеи для Афин в рассматриваемый период см.: *Tritle L.A.* Eretria, Argoura, and the Road to Tamynai: The Athenians in Euboia, 348 B.C. // Klio. 1992. Bd. 74. S. 131–165.

[214] Какие-то эвбейские тираны регулярно упоминаются в источниках как для архаической, так и для классической эпохи. Но сведений о них ничтожно мало; поэтому конкретизировать, что здесь имеется в виду, весьма затруднительно. Пожалуй, всё, что можно было сказать об этом эпизоде, сказано в известной книге: *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997. С. 371–375.

В Афинах весть о происшедших событиях застала граждан врасплох и произвела настоящий шок. Впоследствии Демосфен так вспоминал об этом в одной из своих речей (XVIII. 169–170):

«Был вечер. Вдруг пришел кто-то к пританам и принес известие, что Элатея захвачена. Тут некоторые – это было как раз во время обеда[215] – поднялись с мест и стали удалять из палаток на площади торговцев и устраивать костер из их щитков, другие пошли приглашать стратегов и вызывать трубача. По всему городу поднялась тревога. На следующий день с самого рассвета пританы стали созывать Совет в булевтерий, а вы (т.е. афиняне) направились в народное собрание и, не успел еще Совет обсудить дело и составить пробулевму, как весь народ сидел уже там наверху[216]. После этого туда явился Совет. Пританы доложили о полученных ими известиях, представили самого прибывшего, и тот рассказал обо всем. Тогда глашатай стал спрашивать: "Кто желает говорить?" Но не выступил никто. И хотя уже много раз глашатай повторял свой вопрос, все-таки не поднимался никто. А ведь были налицо все стратеги, все обычные ораторы, и отечество призывало, кто бы высказался о мерах спасения».

Настолько велика была всеобщая растерянность и паника. В конце концов слово взял сам Демосфен и предложил программу немедленных действий. По его инициативе в срочном порядке был заключен военный союз Афин с Фивами: два сильнейших полиса Средней Греции, ранее почти постоянно враждовавшие и боровшиеся за гегемонию, смогли наконец объединиться для противостояния общему противнику.

Да, военно-политический альянс «города Паллады» и столицы Беотии (Фивы ранее придерживались промакедонской ориентации) был делом, которое казалось практически невозможным, но которое, тем не менее, удалось нашему герою. Плутарх пишет об этом достаточно патетически, но, в общем, справедливо:

«...Самый важный из боев был еще впереди: Демосфену предстояло присоединить к союзу фиванцев, которые населяли страну, соседнюю с Аттикой, владели значительной боевой силой и считались тогда лучшими воинами среди греков. Однако нелегкое было дело склонить к выступлению против Филиппа фиванцев... Он (Демосфен – И.С.), как всегда, ободрил и воодушевил народ и принял поручение вместе с несколькими согражданами выехать в Фивы. Отправил своих послов, как сообщает Марсий[217], и Филипп... Фиванцы ясно видели, в чем для них польза и в чем вред, ибо у каждого в глазах еще стояли ужасы войны и раны фокейских боев были совсем свежи. Но сила Демосфенова красноречия, по словам Феопомпа, оживила их мужество, разожгла честолюбие

[215] В античной Греции, как известно, было принято обедать вечером.

[216] На Пниксе.

[217] Македонский историк рубежа IV–III вв. до н.э.

и помрачила прочие чувства, и в этом высоком воодушевлении они забыли и о страхе, и о благоразумии, и о благодарности, всем сердцем и всеми помыслами устремляясь лишь к доблести. Этот подвиг оратора произвел такое огромное впечатление, что не только Филипп немедленно послал вестника с просьбой о мире, но и вся Греция воспрянула и с надеждою глядела в будущее, а Демосфену подчинялись и выполняли его приказы не только стратеги, но и беотархи» (Plut. Demosth. 17–18). Да, эти дни были воистину «звездным часом» афинского оратора и политика.

Кстати, фиванцы именно тогда встали на ту «кривую дорожку», которая через некоторое время привела к гибели великого города. В дальнейшем вполне закономерно и Филипп II, и его преемники действовали по отношению к Фивам гораздо более жестко, чем по отношению к Афинам. Ведь последние в число друзей Македонии никогда не входили, в лучшем случае находясь с ней в состоянии довольно неприязненного мира. Фивы же были с Филиппом в союзе; соответственно, теперь их поведение расценивалось как предательство, а предателя всегда ненавидят сильнее, чем просто врага.

Как бы то ни было, в момент, о котором идет речь, привлечение «Кадмовой твердыни» к антимакедонской коалиции представлялось чрезвычайно важным. Ведь фиванская пехота со времен Эпаминонда слыла лучшей в Элладе. Кроме Афин и Фив, в союз входил и ряд других полисов: Коринф, Мегары, города Эвбеи, Ахайи... Но сопротивление угрозе, исходящей от Филиппа, было явно организовано слишком поздно. К тому же в нем приняли участие далеко не все греческие государства. В частности, Спарта заявила о своем нейтралитете.

В 338 г. до н.э. близ города Херонеи в Беотии произошло решающее сражение между македонским войском Филиппа II и союзной греческой армией, основу которой составляло афино-фиванское ополчение. Силы сторон были примерно равны по размерам: и то, и другое войско насчитывало приблизительно по 30 тысяч человек. Битва была длительной и трудной как для греков, так и для македонян, и исход ее долгое время оставался неясным. Вначале, казалось, перевес на стороне эллинской коалиции. Но затем фланговая атака македонской кавалерии, которой командовал Александр, юный сын Филиппа, сокрушила элитные силы фиванцев и обратила греков в бегство.

Херонейское сражение оказалось для Эллады воистину роковым, ознаменовало конец независимости греческого полисного мира и установление македонской гегемонии. Его можно назвать одной из самых трагических страниц древнегреческой истории, по сути дела, завершившей собой ее классическую эпоху.

Символична судьба престарелого Исократа (ему было 98 лет). Еще недавно он сам призывал Филиппа объединить Элладу. Но, увидев, какими насильственными методами действует македонский царь, Исократ был глубоко удру-

чен. Вскоре после битвы при Херонее он, согласно сообщениям нарративной традиции покончил жизнь самоубийством, отказавшись принимать пищу[218].

Можно, конечно, давать самые разные оценки борьбе Филиппа II за гегемонию в Греции, тем приемам, которые он применял в этой борьбе. Однако несомненно одно: историческое поражение полисного мира, судя по всему, было неизбежным. Установление македонского владычества стало закономерным результатом кризиса классического полиса и всей системы межполисных отношений. С каким бы уважением ни относились мы к Демосфену, славному борцу за независимость демократических Афин, все-таки следует помнить: он защищал обреченные, уходящие в прошлое ценности, победа которых в новых условиях вряд ли была возможна.

Кстати, Демосфен участвовал в Херонейской битве; в качестве рядового гоплита он сражался в рядах афинской фаланги. Плутарх замечает, что оратор-де «в битве не совершил ничего прекрасного, ничего, что бы отвечало его собственным речам, напротив – оставил свое место в строю и самым позорным образом бежал, бросив оружие и не постыдившись... даже надписи на щите, где золотыми буквами было начертано: "В добрый час!"» (Plut. Demosth. 20).

Но в данном пассаже опять-таки ощущается чрезмерная предвзятость херонейского биографа к нашему герою. Из слов Плутарха можно вынести впечатление, будто бы Демосфен один совершил такой постыдный поступок. А бежал-то он со всем греческим войском! Не обратился в бегство только фиванский «священный отряд» – но он и остался в полном составе лежать на поле боя.

Демосфен же вполне резонно рассудил, что он еще нужен отечеству, причем нужен ему не мертвым, а живым, и не в качестве гоплита, а в совершенно иной роли – в той, в которой он был действительно силен. Филипп ведь даже не особенно скрывал, что побаивается «оратора, который вынудил его в какую-то краткую долю дня поставить под угрозу не только свое владычество, но и самое жизнь» (Plut. Demosth. 20). Македонский царь даже свою победу при Херонее воспринимал в первую очередь как победу над Демосфеном. В тот вечер он, «вне себя от радости и гордыни, буйно пьянствовал прямо среди трупов и распевал первые слова Демосфенова законопроекта, деля их на стопы и отбивая ногою такт:

Демосфен, сын Демосфена, предложил афинянам...»
(Plut. Demosth. 20)

Яркая, незабываемая картинка, вне сомнения, отразившая совершенно реальный эпизод! Кстати, если бы Демосфен действительно совершил в ходе сраже-

[218] В последние годы перед смертью Исократ (будучи в возрасте уже сильно за девяносто) успел еще написать свое «политическое завещание» – «Панафинейскую речь» (о которой см.: *Gray V.* Images of Sparta: Writer and Audience in Isocrates' *Panathenaicus* // ShS. P. 223–271).

ния что-то неподобающее, вряд ли ему поручили бы говорить надгробную речь на похоронах павших при Херонее. Все-таки базовые понятия о чести были еще живы в афинском обществе даже в ту эпоху.

Вообще говоря, первое время после херонейского поражения обстановка в Афинах была очень тревожной: со дня на день ждали вторжения македонян в Аттику. Рассматривались самые различные меры, направленные на укрепление обороноспособности города. Именно тогда и Гиперид внес упоминавшееся выше революционное предложение об освобождении рабов и натурализации метэков.

Впрочем, Филипп II не пошел тогда на Афины. Он прекрасно понимал, что дело подчинения Греции его гегемонии еще не закончено. Эллины были побеждены, но не сломлены. Чтобы утвердить македонское господство насильственным путем, пришлось бы осаждать и захватывать один за другим полисы различных греческих областей, а эта задача была вряд ли выполнимой. Поэтому царь Македонии предпочел действовать дипломатическими методами, тем более что теперь он мог говорить с греками с позиций силы, языком победителя.

После Херонейской битвы Филипп проявил демонстративное милосердие и миролюбие. Наказанию подверглись только Фивы – за измену[219]. С Афинами же был заключен мирный договор на весьма щадящих условиях: афиняне не понесли почти никаких территориальных потерь (им пришлось отдать Филиппу лишь контролировавшийся ими ранее Херсонес Фракийский). Афинские воины, взятые в плен при Херонее, были возвращены на родину без выкупа – весьма редкий случай в древнегреческой военной истории! Политические лидеры, проявившие себя как враги Македонии, не подверглись репрессиям; никак не пострадали ни Демосфен, ни Гиперид, ни кто-либо из их единомышленников. Вопреки опасениям, и демократия в Афинах не была ликвидирована Филиппом.

Таким образом последний желал показать, что он – не жестокий завоеватель, а объединитель Греции, тот самый долгожданный гегемон, который принесет мир, порядок и процветание в раздробленный мир эллинских полисов, будет не самовластно диктовать свою волю, а прислушиваться во всех важнейших вопросах к мнению греков.

В 337 г. до н.э. по инициативе Филиппа в Коринфе был созван общегреческий конгресс[220], который должен был подвести итоги греко-македонского

[219] *Шофман А.С.* Последние дипломатические акции Филиппа II // Античность: события и исследователи. Казань, 1999. С. 21; *Холод М.М.* Беотийский союз и Филипп II после битвы при Херонее (338 г. до н.э.) // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 7. СПб., 2008. С. 47–58.

[220] *Фролов Э.Д.* Коринфский конгресс 338/7 г. до н.э. и объединение Эллады // ВДИ. 1974. № 1. С. 45–62.

противостояния, утвердить победу Македонии правовыми актами и наметить перспективы дальнейших действий. На конгресс прибыли представители всех полисов Балканской Греции (кроме Спарты, которая по-прежнему сохраняла нейтралитет и отказывалась сотрудничать с Филиппом[221]).

В ходе переговоров был принят ряд важных решений, которые определили историческую судьбу греческого мира на последующие десятилетия. Объявлялось о завершении войн и установлении всеобщего мира в Элладе, гарантом которого выступал македонский царь. Более того, запрещалось вести не только внешние вооруженные конфликты друг с другом, но и междоусобные войны внутри полисов, организовывать государственные перевороты и изменять существующий политический строй, прибегать к массовым казням и конфискациям имущества, проводить радикальные социально-экономические реформы, такие, как отмена долгов, передел земель, освобождение больших групп рабов. Объявлялась свобода торговли и мореплавания, для безопасности которого должна была вестись борьба с пиратством.

Таким образом, Филипп выступал в чрезвычайно выигрышной роли «благодетеля» Эллады, даровавшего ее измученной кризисными явлениями земле стабильность и благосостояние. В то же время за красивыми фразами отчетливо прочитывалась олигархическая направленность основных мероприятий конгресса: ведь они были нацелены не в последнюю очередь против сторонников крайней демократии.

Важнейшим решением Коринфского конгресса стало создание общегреческого военно-политического союза[222], гегемоном которого и главнокомандующим вооруженными силами объявлялся Филипп. Следует подчеркнуть: царь Македонии не включил Грецию в состав своих владений, не сделал ее частью македонского государства. По отношению к грекам он выступал не в качестве властелина, а в качестве вождя. Соответственно, он обязался не вмешиваться во внутренние дела греческих полисов.

Главной целью новосозданного союза провозглашалась война против Персии, которая тут же, на конгрессе, и была объявлена. Для ведения военных действий создавалась союзная армия, которая должна была комплектоваться отчасти из македонян, отчасти же из греков. Первых Филипп возглавлял в качестве их царя, вторых – в качестве гегемона.

Таким образом, Филипп II – вольно или невольно – оказывался тем государственным деятелем, который претворял в жизнь панэллинскую программу Исократа. Однако, объединив Грецию, он уже не успел в полной мере присту-

[221] Спарта была вынуждена признать македонскую гегемонию позже, в 333 г. до н.э., после того как она объявила Македонии войну, но потерпела поражение.

[222] *Кондратюк М.В.* Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30–20-х гг. IV в. до н.э. // ВДИ. 1977. № 2. С. 25–42.

пить к реализации «второго пункта» этой программы – великого похода на Восток. Правда, по приказу Филиппа сразу же после завершения Коринфского конгресса в Малую Азию был переправлен десятитысячный македонский корпус под командованием опытного полководца Пармениона для ведения военных действий против персов. Первые стычки принесли македонянам успех. Филипп уже готовился и сам отправляться в персидские владения с основными греко-македонскими силами. Однако роковая случайность разрушила все его планы, оборвав жизнь этого энергичного правителя. В 336 г. до н.э. на празднестве, который Филипп устроил по случаю замужества своей дочери, молодой македонский аристократ Павсаний, незадолго до того претерпевший от царя обиду и жаждавший мести, заколол его кинжалом.

Демосфен, таким образом, пережил этого своего врага. Заметим здесь, что позиции заглавного героя этой главы вообще ничуть не пошатнулись после Херонеи. Правда, противники привлекли-таки его к суду (иного трудно было бы и ожидать, зная, с одной стороны, о напряженности внутриполитической борьбы в тогдашних Афинах, а с другой – об отмечаемой всеми склонности афинских политиков к сутяжничеству). Однако, пишет Плутарх, «афиняне... не только освободили его от всех обвинений, но и продолжали уважать по-прежнему, и призывали вновь взяться за государственные дела...» (Plut. Demosth. 21).

Последнее, несомненно, вполне соответствовало и желаниям самого Демосфена. Разумеется, он хотел и дальше заниматься политикой, причем в роли ритора. Плутарх далее сообщает об уже известном нам факте – надгробной речи, произнесенной Демосфеном в честь херонейских героев, – и затем прибавляет, что речь эту он «сказал, но свои законопроекты впредь помечал не собственным именем, а именами того или другого из друзей, суеверно страшась своего гения и злой судьбы. Вновь приободрился он лишь после смерти Филиппа...» (Plut. Demosth. 21).

Над Плутархом тяготел уже огромный культурно-исторический багаж. Когда он писал всё это, в мозгу колоссально эрудированного херонейца просто не могли не возникать самые разнообразные ассоциации, порой только дезориентирующие[223]. Некоторые из таких ассоциаций без труда опознаются даже и нами ныне (Перикл – автор другой знаменитой надгробной речи, – посылающий выступать вместо себя своих менее «засветившихся» соратников; Цицерон – визави Демосфена у Плутарха, – резко приободрившийся после убийства Цезаря). Иными словами, сказанное в процитированном пассаже не обязательно должно восприниматься как безусловная истина, действительно отражающая состояние и поведение Демосфена в описываемые годы.

[223] См. к этому: *Wardman A.E.* Plutarch's Methods in the *Lives* // ClQ. 1971. Vol. 21. No. 1. P. 254–261.

Напротив, «уходить в тень» он, насколько можно судить, вовсе не стремился. В частности, и тот же эпитафий над могилой погибших бойцов он, естественно, использовал как случай напомнить о себе и лишний раз продекларировать свои взгляды.

А возьмем хотя бы поведение Демосфена после гибели Филиппа II. «Весть о кончине Филиппа Демосфен получил тайно и, чтобы первым внушить афинянам лучшие надежды на будущее, пришел в Совет радостный, ликующий и объявил, будто видел сон, который сулит афинянам какую-то большую удачу. А вскорости прибыли гонцы, сообщившие о смерти Филиппа. Граждане немедленно постановили устроить благодарственное жертвоприношение и наградить Павсания венком. Демосфен появился среди народа в светлом, красивом плаще, с венком на голове, хотя всего за семь дней до того умерла его дочь» (Plut. Demosth. 22).

Здесь Плутарх опирается на Эсхина, который приводит некоторые детали (Aeschin. III. 77): оказывается, в выдуманном Демосфеном сне ему якобы принесли приятную для афинян весть не кто иные, как Зевс и Афина. Иными словами, сами боги выбрали, дескать, этого оратора как посредника для общения с людьми. Эсхин далее жестко осуждает противника за то, что тот ликовал вместо того, чтобы носить траур по потерянному ребенку: «...Дурной отец, который ненавидит детей, никогда не станет хорошим государственным деятелем... Тот, кто дурен в частной жизни, никогда не будет порядочным в общественных делах» (Aeschin. III. 77).

Тут, кстати, у Эсхина отразилось весьма распространенное в среде античных греков представление. Можно привести прямые параллели, например: «Кто заботится о своем участке, будет так же хорошо заботиться и об общем достоянии» (Herod. V. 29). Или:

> ...Кто в кругу домашних безупречен,
> Тот и гражданский долг исполнит свято.
> (Soph. Ant. 661–662).

Это, в сущности, идея, согласно которой ойкос – модель полиса[224]. Но здесь, кстати, на иной позиции стоит Плутарх: «...Если Демосфен свои семейные беды, слезы и сетования оставляет на долю женщин, а сам делает то, находит полезным для государства, я хвалю его...» (Plut. Demosth. 22). С другой стороны, биограф – и тут с ним нельзя не солидаризироваться – упрекает афинян в целом, которые сумели «в восторге забыться настолько, чтобы попирать ногами труп и петь торжествующие гимны, словно сами совершили невесть какой подвиг!» (Plut. Demosth. 22).

[224] *Blok J.* Women in Herodotus' *Histories* // Brill's Companion to Herodotus. Leiden – Boston – Köln, 2002. P. 242; *Суриков И.Е.* Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. С. 259.

Как бы то ни было, в вышеописанных событиях, связанных с прибытием в Афины известия об убийстве Филиппа, со стороны Демосфена прослеживается самый настоящий «пиар», как модно ныне говорить. Постоянно находиться на виду, не давать публике о себе забывать – вот цель подобных действий. Аналогичной «пиар-акцией» предстает и знаменитое «дело о венке».

Около того же времени (еще при жизни Филиппа, см. Aeschin. III. 219) Ктесифонт – второстепенный политик из демосфеновской группировки – внес в Совет Пятисот, а затем и в народное собрание предложение наградить своего лидера золотым венком за его деятельность на благо государства. Такая почесть была в Афинах не столь уж редкой; сам Демосфен ранее уже дважды получал аналогичную награду. Но на сей раз всей силой своего авторитета и красноречия воспротивился Эсхин, возбудив против Ктесифонта судебный иск характера γραφὴ παρανόμων. Иными словами, он заявлял, что предложение, о котором идет речь, является противозаконным.

Венок Демосфену вручен не был, а процесс затянулся: судебное заседание состоялось лишь в 330 г. до н.э., и мы к нему еще вернемся. А пока заметим: ведь не случайно, следует полагать, весьма расчетливый Демосфен инициировал поднятие вопроса о своем собственном награждении (трудно предположить, что Ктесифонт действовал без его ведома и согласия). Опытный политик ощущал: что-то не в порядке с его положением в полисе, оно уже несколько пошатнулось. Иные фигуры выдвигались в Афинах на первые роли, оттесняя прославленного оратора (впрочем, видными ораторами были и эти его конкуренты).

* * *

Власть в Македонии унаследовал двадцатилетний сын Филиппа Александр III, вошедший в историю под именем Александра Македонского, или Великого. Именно этому молодому человеку предстояло с блеском свершить то, что замышлял его отец. Впрочем, разумеется, в тот момент его будущих блистательных деяний никто еще не мог предвидеть. Ясно было только одно – что бразды правления в македонском царстве находятся теперь в руках сущего юноши, который уже тем самым не мог вызывать к себе большого уважения. «Мальчишкой» (Plut. Demosth. 23) презрительно называл его Демосфен (самому ему тогда было 48 и он действительно годился престолонаследнику в отцы).

Александр горел желанием продолжить дело родителя и отправиться в поход на восток, на Персию. Но в то же время он прекрасно понимал, что вначале необходимо обеспечить тылы, укрепить собственное положение у власти. Полтора года ему пришлось потратить на усмирение мятежей и недовольства как на границах Македонии, так и – в особенности – в греческих полисах. Не без труда удалось добиться подтверждения на очередном конгрессе в Коринфе

полномочий Александра как нового гегемона панэллинского союза, командующего греко-македонскими вооруженными силами.

Затем, в 335 г. до н.э., Александр отправился с войском в экспедицию на север, на фракийские и иллирийские племена: они были в свое время включены Филиппом II в состав своего государства, но теперь взбунтовались. Отсутствие непредвиденно затянулось, и в Элладе вновь стали пробуждаться антимакедонские настроения. Тут и возобновил свою агитацию неутомимый Демосфен. Он призывал греков сбросить чужеземное владычество, не подчиняться больше «этому мальчишке» (Александру). Его призывы находили поддержку в общественном настроении. А тут еще от города к городу поползли слухи о том, что новый македонский царь якобы погиб где-то на севере. Слухи впоследствии оказались ложными, но в тот момент об этом никто не знал.

Как пишет уже неоднократно цитировавшийся Плутарх, «снова зазвучали зажигательные увещания Демосфена, и греческие государства снова сплотились. Раздобыв с помощью Демосфена оружие, фиванцы напали на сторожевой отряд и истребили значительную его часть... Демосфен владел ораторским возвышением безраздельно» (Plut. Demosth. 23). Дабы последняя фраза не звучала двусмысленно, поясним, что под «ораторским возвышением» имеется в виду, естественно, βῆμα – трибуна для выступающих на афинском Пниксе.

В целом же здесь всё сказано верно. Действительно, первыми не выдержали фиванцы. Восстав, они оказали македонянам открытое сопротивление, изгнав из своего города поставленный еще Филиппом II гарнизон. Однако силы были неравны. Александр неожиданно вернулся в Грецию, взял Фивы и подверг их страшной каре. Один из славнейших греческих городов был стерт с лица земли, а все его население обращено в рабство[225]. Этим македонский царь хотел показать, какая участь постигнет всех непокорных. Остальные греческие полисы, потрясенные расправой, уже не помышляли о демонстративном проявлении недовольства.

«Афинян охватило страшное смятение, и Демосфен вместе с другими был отправлен послом к Александру, но, страшась его гнева, у Киферона расстался с товарищами по посольству и вернулся назад» (Plut. Demosth. 23). Да уж, беззаветное мужество уж точно никогда не входило в число главных качеств нашего героя. Впрочем, ему и было чего бояться. Разгневанный Александр действительно хотел наказать также Афины и прежде всего тамошних «главных смутьянов», среди которых, безусловно, числился и Демосфен. Он вошел в список десяти политиков, которых македонский царь через специально посланного гонца потребовал выдать ему. В составе этой «десятки» фигурировали также Ликург, полководец Харидем и ряд других. Странным образом у Плутарха

[225] Примерно через 20 лет Фивы были восстановлены, но никогда уже не достигли прежней мощи.

(именно им приведен перечень опальных: Plut. Demosth. 23) не появляется в данной связи Гиперид.

По этому поводу Демосфен, выступая в народном собрании, рассказал известную эзоповскую басню об овцах, которые выдали волкам стерегших их собак (Aesop. 153). Образ вполне ожидаемый: демагогов и вообще-то чуть ли не со времен Клеона называли сторожевыми псами демоса.

Напуганные афиняне немедленно послали к Александру послом оратора Демада, который давно уже находился в прекрасных отношениях с македонянами. Демаду удалось уговорить царя, чтобы тот пощадил Афины и их граждан. Демосфен и на этот раз не пострадал.

В 334 г. до н.э. Александр во главе греко-македонской армии переправился в Азию и начал свой великий поход на Персию. Управлять Македонией и Грецией на время своего отсутствия он оставил Антипатра – одного из самых высокопоставленных вельмож государства, опытного полководца. Никто тогда не мог даже и подумать, что Александр больше никогда не возвратится на родину.

Пока гегемон находился далеко на востоке, Афины, как и другие греческие полисы, были в основном предоставлены своей собственной судьбе. Как в эти годы складывалась судьба Демосфена? Нелегко и неоднозначно. «Демосфен был подавлен и унижен», – пишет Плутарх (Plut. Demosth. 24). Возможно, это и преувеличение; но всё же сбылись теперь опасения нашего героя, он на какое-то время вынужден был отойти несколько в тень и не имел теперь былой популярности, а на первый план в политической жизни выдвинулись иные лица – вышеупомянутый Демад, отчасти Гиперид, но в первую очередь, конечно, Ликург.

Последний стал, пожалуй, одной из последних ярких личностей в истории афинской демократии. Двенадцать лет, с 336 до 324 г. до н.э. он занимал пост верховного распорядителя финансами. А ведь правильно заметил один современный исследователь применительно к IV в. до н.э. в Афинах: «Теперь, когда времена были трудными, управление финансами государства могло превратиться в управление самим государством»[226]. В случае с Ликургом именно так и получилось, он едва ли не достиг на определенное время такого положения в полисе, какое занимал век назад Перикл.

Строго говоря, должность, занимая Ликургом[227], официально называлась, судя по всему, ὁ ἐπὶ τῇ διοικήσει, что можно понимать просто как «отвечающий за управление» (сразу вспоминаются могущественные диойкеты в элли-

[226] *Schaps D.M.* The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece. Ann Arbor, 2004. P. 137.

[227] О проблемах, связанных с этой должностью, см.: *Lewis D.M.* Selected Papers in Greek and Near Eastern History. Cambridge, 2002. P. 212–230.

нистических государствах, и можно лишний раз удостовериться, что мы сейчас стоим «на пороге нового мира», как гласит подзаголовок данной книги, а если выражаться строго-научно – говорим о времени, характеризовавшемся процессами предэллинизма). Эта должность, возможно, была создана специально «под Ликурга» (хотя вопрос не получил пока однозначного решения); в любом случае ясно, что она объединила в себе главенство над отдельными ранее существовавшими денежными фондами (как военный и зрелищный)[228].

Соответственно, лицо, которому всё это поручалось, должно было пользоваться просто-таки колоссальным доверием демоса. Такую «супермагистратуру» (которую, кстати, занимал один гражданин, sine collegis, и занимал ее в течение четырех лет, – правда, без права переизбрания[229]) в свое время не создали ни для Евбула, ни для Демосфена; это означает, что им, очевидно, сограждане не доверяли в такой степени, как Ликургу. В чем-то это понятно: репутация того же Демосфена была достаточно противоречивой, а вот Ликург производил более цельное и благоприятное впечатление. Не так-то уж и много известно о его личности и жизни, но известного вполне достаточно, чтобы вполне оправдать его характеристику как «настойчивого и жесткого, равно как и *безупречного* (курсив наш – И.С.) политика», данную ему блестящим знатоком Афин этого времени Х. Хабихтом[230]. Очевидно, именно эта его безупречность (Ликург, напомним, был по происхождению человеком «голубых кровей», этаким лордом в палате общин) к нему и располагала: афиняне были уверены, что он, в отличие от Демосфена, государственные деньги в свой карман не положит. И такое их мнение было вполне оправданным.

Помимо прочего, Ликург выглядел какой-то очень веской персоной. Это, кстати, чувствуется и при чтении того наследия, которое он оставил как оратор. Дошла от него полностью, увы, одна только речь «Против Леократа», произнесенная в 331/330 г. до н.э. (то есть как раз в период первенства Ликурга в полисе), и в ней весомость любого высказывания просто-таки физически ощутима.

Увеличивая доходы государства, очень рационально расходуя имеющиеся в казне средства, Ликург добился укрепления экономического и военно-политического положения Афин в условиях македонского владычества. Он принадлежал к противникам Македонии, но прекрасно понимал: в изменившейся исторической обстановке не время для авантюрных и непродуманных демар-

[228] Ко всей этой проблематике см. весьма ценные наблюдения в: *Rhodes P.J.* The Organization... P. 221 ff.

[229] Или, во всяком случае, без права немедленного переизбрания. Относительно Ликурга нет полной ясности: занимал ли он официально должность ὁ ἐπὶ τῇ διοικήσει один срок (336–332 гг. до н.э.) или два срока (336–332 и 328–324 гг. до н.э.). В любом случае он реально контролировал эту должность на протяжении всех двенадцати лет (посредством того, что на ней находился если не он сам, то кто-либо из его сторонников).

[230] *Хабихт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 16.

шей. Немедленно поднять восстание – означало обречь себя на неминуемое поражение: Афины ослабели после неудачи при Херонее, да и моральный дух граждан был сильно подорван. Чтобы когда-нибудь, в будущем, рассчитывать на успех, нужно было копить силы. Этим Ликург и занимался, улучшая обороноспособность города как на суше, так и на море. В частности, при нем в составе афинского флота наряду с традиционными триерами появились более крупные военные суда.

На Агоре появилось несколько новых храмов, посвященных Аполлону, Зевсу и Афине. Там же, на главной городской площади, был возведен комплекс зданий для работы судов присяжных. Был сильно перестроен и приобрел более импозантный вид театр Диониса. Соорудили стадион для проведения состязаний в дни праздника Панафиней. В Пирее расширили корабельные доки, верфи и арсенал... Одним словом, афинский полис как бы показывал всем, что он возрождается[231], не намерен довольствоваться той незавидной ролью, которая отведена ему в новой системе межгосударственных отношений, и когда-нибудь бросит вызов этой системе, вызов Македонии.

Как было сказано выше, прежде всего именно на фоне Ликурга несколько отодвинулся на второй план Демосфен. Впрочем, нельзя сказать, что он совсем утратил популярность и уважение сограждан. В нем по-прежнему чтили непреклонного борца за свободу Афин. В 330 г. до н.э. дошло до стадии непосредственного разбирательства в гелиее дело о венке, в свое время инициированное Эсхином. Есть тут некая загадка... Ну какой уже смысл имело двум выдающимся политикам судиться из-за дела, предмет которого давно был в прошлом? Тут, видимо, никак не обойтись без учета агонального духа греков. «Великий агон» между Демосфеном и Эсхином, когда-то начатый, еще продолжался, и он должен был чем-то закончиться.

Так из-за малого, в общем-то, повода состоялся едва ли не самый знаменитый судебный процесс в древнегреческой истории[232]. От него до нас опять же дошли речи обеих тяжущихся сторон (Aeschin. III; Demosth. XVIII). Эсхин обвинял Ктесифонта, внесшего предложение о награде Демосфена, но в основном именно этот последний, а не его малоизвестный соратник, стал основным предметом эсхиновских нападок. Со своей стороны, и Демосфен в защитительной речи говорил не столько о Ктесифонте, сколько о себе; он превратил свое выступление в «отчет во всей, кажется, частной жизни и в общественно-политической деятельности»[233] (Demosth. XVIII. 8).

---

[231] О строительной программе Ликурга (почти сопоставимой по масштабу со строительной программой Перикла, но куда менее известной неспециалистам) см.: *Knell H.* Überlegungen zur offentlichen Architektur des IV. Jahrhunderts in Athen // AD. S. 475–514.

[232] *Schuller W.* Der Kranzprozeß des Jahres 330 v.Chr. oder: Der Abgesang auf die klassische Polis // GPAA. S. 190–200.

[233] В таком построении речи он был отнюдь не оригинален, – напротив, следовал уже

Демосфен в этом важном процессе нанес полное поражение своему главному политическому противнику. При подсчете голосов присяжных оказалось, что Эсхин не собрал в свою пользу даже пятой их части. В подобных случаях неудачливого обвинителя официально объявляли сикофантом[234], и он согласно афинским законам подвергался достаточно суровым санкциям: частичной атимии, включавшей запрет впредь обвинять на суде и заниматься государственными делами, а также штрафу в тысячу драхм. Именно такая судьба теперь ждала и Эсхина.

Уж штраф-то, надо полагать, Эсхин заплатил бы: он не бедствовал, а сумма не выглядит огромной. А вот атимия ставила крест на его дальнейшей политической карьере, и он прекрасно понимал, что в Афинах ему делать больше нечего, а кроме того, несомненно, ощущал себя опозоренным. Оратор навсегда покинул пределы афинского полиса и переселился на Родос, где, кстати говоря, основал и возглавил риторическую школу, которая позже, в эпоху эллинизма, имела репутацию, пожалуй, лучшей в греческом мире (в ней довелось поучиться и Цицерону, и Цезарю...).

Как бы то ни было, Демосфен избавился и от этого своего врага. Вообще говоря, исход дела о венке выглядит несколько неожиданным. Много лет два соперника боролись на равных, и вдруг один из них не просто победил другого, а победил, используя современную боксерскую терминологию, «нокаутом, а не по очкам». Как же это Эсхин умудрился так провалиться? При том, что его речь на суде, как уже упоминалось, сохранилась, и она отнюдь не производит впечатления слабой, неудачной. Напротив того, из нее можно заключить, что Эсхин – мастер красноречия почти демосфеновского уровня.

Возможно, его ошибка, заставившая сограждан-присяжных отвернуться от него, состояла в самом том факте, что он никак не хотел отступиться, отозвать свой иск и добился-таки того, что суд состоялся – лет через шесть после того, как имел место повод к этому суду. К тому моменту, наверное, уже и перипетии дела успели сильно подзабыться, и многие дикасты возмущенно недоумевали: и чего это, дескать, Эсхин сутяжничает, вспомнил о каком-то венке, который в свое время хотели вручить, да так и не вручили?

В любом случае победа над Эсхином еще не означала для Демосфена возвращения к былому первенству в государстве. Напротив, его влияние продолжало падать, что через несколько лет окончательно подтвердил еще один громкий политический судебный процесс с его участием – на сей раз в роли обвиняе-

сложившемуся в Афинах обычаю (в связи с которым см.: *Маринович Л.П.* «Вся прожитая мною жизнь» // Μνῆμα. Сборник научных трудов, посвященный памяти проф. В.Д. Жигунина. Казань, 2002. С. 183–194.

[234] Об этом понятии см.: *Кудрявцева Т.В.* Сикофанты и афинская демократия // ВДИ. 2007. № 2. С. 174–184.

мого. Речь идет о так называемом «деле Гарпала»[235]. Да, вот тут уж Демосфен оказался замешан в крайне неприятную историю.

В 324 г. до н.э. в Афинах неожиданно появился Гарпал – главный казначей (и когда-то друг) Александра Македонского. Оказалось, что он, похитив из казны огромную сумму (около 5 тысяч талантов), бежал от своего царя. Теперь македонянин прибыл в Аттику с несколькими кораблями, наполненными деньгами и драгоценностями, и, раздавая направо и налево взятки, пытался побудить афинский демос поднять восстание против Александра. Ведь только развязав войну в Элладе, он мог надеяться, что не будет схвачен македонскими властями и подвергнут заслуженной каре. В числе прочих политиков богатые «подарки» получил от Гарпала и Демосфен.

Восстание афиняне, конечно же, не подняли: это было бы безумием. Но в то же время и не выдали Гарпала Антипатру, наместнику Македонии, хоть он того и требовал. Проворовавшемуся казначею позволили безнаказанно скрыться. Демосфен во всей этой ситуации вел себя как-то двусмысленно (Plut. Demosth. 25): вначале сурово выступал против Гарпала, а потом как-то резко смягчился по отношению к нему. Поползли слухи, что он получил от проворовавшегося казначея взятку. Молве такой никто отнюдь не удивлялся, поскольку, как упоминалось выше, все и раньше знали, что наш герой отнюдь не принадлежит к неподкупным бессребреникам.

Гарпал, покинув Афины, вскоре все равно погиб, а его сокровища остались храниться на афинском Акрополе. Их нужно было вернуть Александру, чтобы не усугубить его гнев. Но когда деньги стали считать, выяснилось, что их количество изрядно, примерно наполовину, поубавилось. В Афинах разразился грандиозный скандал. Совет Ареопага начал расследование дела о пропаже денег. В ходе расследования выяснилась причастность к ней Демосфена.

На этот раз он как-то очень уж сильно и грубо себя скомпрометировал. Даже бывшие союзники от него отвернулись. Например, Гиперид просто-таки ополчился против него, был в числе его обвинителей и произнес в связи с этим речь, фрагменты которой ныне издаются по найденному в Египте папирусному тексту. В этой речи, в частности, говорится: «Неужели, клянусь Зевсом, для одного Демосфена не имеют силы ни законы города, ...ни псефисмы народа, в соответствии с которыми вы (судьи – И.С.), согласно вашей присяге, будете голосовать; но ведь эти псефисмы внес не какой-либо враг Демосфена, но он сам... Обратите внимание, граждане судьи, на следующее. Народ обвинил тебя, Демосфен, что ты взял двадцать талантов противозаконно и вопреки интересам государства. Ты отрицал это, утверждая, что не брал, и, написав заявление, внес его в виде псефисмы в народное собрание, предлагая передать имеющиеся против тебя обвинения Ареопагу...» (Hyper. V. fr. 1).

[235] О котором см.: *Landucci Gattinoni F.* Demostene e il processo arpalico // PPMA. P. 93–106.

Сказанное здесь коррелирует со свидетельством Плутарха: «Тут Демосфен... предложил, чтобы разбором дела занялся Ареопаг и все, кого он признает виновным, понесли наказание. Но в числе первых Ареопаг объявил виновным его самого» (Plut. Demosth. 26). Известно, что к этому времени в Афинах действительно резко интенсифицировал свое влияние древний Ареопаг[236] (как обычно – и, в общем, справедливо – считается, в результате агитации Исократа в его речи-памфлете «Ареопагитик»). Демосфен, таким образом, выбрав для рассмотрения возбужденного против него процесса этот авторитетнейший орган, жестоко просчитался.

При чтении выступления Гиперида создается впечатление, что тот был искренне возмущен подобной беспринципностью коллеги, бросавшей тень на афинских политических деятелей в целом. Еще одна речь против Демосфена, дошедшая до нас от данного процесса, была написана логографом Динархом (Dinarch. I). Но сам он ее никак не мог произносить, поскольку, будучи уроженцем Коринфа, являлся в Афинах метэком. Для кого конкретно из десяти общественных обвинителей, выступавших в суде, он ее составлял – неизвестно. Данная речь тоже отличается жесткостью тона: «Этот демагог, афиняне, сам предложивший покарать его смертью, в случае если будет доказано, что он хоть что-нибудь получил от Гарпала, с очевидностью был изобличен теперь в том, что он получил взятку от людей, против которых, как он утверждал, он выступал до сего времени» (Dinarch. I. 1). Впрочем, в отличие от искренней, прочувствованной и серьезной речи Гиперида, речь Динарха производит впечатление крайне тенденциозной, фальшивой по тону, изобилующей передержками и прямыми инсинуациями.

Итак, в конечном счете наш герой был уличен в том, что попользовался богатствами Гарпала или, во всяком случае, был в числе тех лиц, кто это сделал. Демосфена приговорили к колоссальному штрафу в 50 талантов, выплатить который ему было просто не под силу. Соответственно, он оказался в статусе государственного должника и был заключен в тюрьму[237]. Великому оратору ничего не оставалось, как бежать из Афин. «...Часть караульных удалось обмануть, другие же сами помогли ему скрыться... Передают, что, покидая Афины, он простер руки к Акрополю и промолвил: “Зачем, о Владычная хранительница града сего, ты благосклонна к трем самым злобным на свете тварям – сове, змее и народу?”» (Plut. Demosth. 26). Сова и змея действительно считались священными символами богини Афины; что же касается народа, то подобное высказывание – если перед нами, конечно, не анекдот – в весьма интересном свете рисует пресловутый «демократизм» Демосфена.

[236] См. хотя бы: *Schubert Ch.* Der Areopag: Ein Gerichtshof zwischen Politik und Recht // GPAA. S. 50–65.

[237] О практике тюремного заключения в Афинах (в целом нечастой) см.: *Allen D.* Imprisonment in Classical Athens // ClQ. 1997. Vol. 47. No. 1. P. 121–135.

Разлуку с родиной он переносил очень тяжело. Поселившись на острове Эгина, откуда открывался вид на Аттику, Пирейскую гавань, а на горизонте можно было разглядеть сами Афины, он ежедневно проливал слезы, мечтая о возвращении. Но это был еще не конец его политической деятельности...

В 323 г. до н.э. Александр Македонский в расцвете сил (ему было 33 года), в самый разгар своей кипучей деятельности внезапно заболел и умер в Вавилоне. Демосфен пережил и этого своего врага! Весть о кончине великого властелина, дойдя до Греции, немедленно всколыхнула новую волну антимакедонских настроений. Эллины (во всяком случае, многие из них) решили, что вот тут-то настал самый подходящий момент избавиться наконец от гегемонии северного соседа.

Неугомонный Демосфен в который уже раз проявил огромную активность. Его ничуть не останавливало даже то, что на родине он был осужден и находился «в бегах». Когда из Афин в другие греческие полисы отправилось посольство, оратор к нему присоединился, и помощь его, конечно, была неоценимой благодаря присущему ему дару красноречия.

Разъезжая по городам Эллады, Демосфен убеждал их жителей «дружно напасть на македонян и изгнать врага из Греции» (Plut. Demosth. 27), иными словами, призывал эти города вступать в военный союз, направленный против Македонии. И его увещевания имели успех. Союз, объединивший целый ряд государств, был создан, во главе его стали Афины, и афинский стратег Леосфен был назначен главнокомандующим союзными вооруженными силами.

Сам Демосфен, естественно, получил реабилитацию и торжественно возвратился в родной полис. «Когда он поднимался из Пирея в город, навстречу вышли не только все власти и все жрецы, но и остальные граждане, чуть ли не до последнего человека, и восторженно его приветствовали» (Plut. Demosth. 27). Возникала ассоциация с возвращением Алкивиада в 407 г. до н.э. Но тот сумел восстановить симпатии сограждан своими военными заслугами, а Демосфен – исключительно силой ораторского слова.

Правда, над ним по-прежнему тяготел невыплаченный штраф; афиняне решили эту проблему своеобразным способом. «Существовал обычай, принося жертву Зевсу Спасителю, платить деньги тем, кто сооружал и убирал алтарь, и не сей раз афиняне поручили эту работу Демосфену за вознаграждение в пятьдесят талантов, которые и составляли сумму штрафа» (Plut. Demosth. 27).

Сторонники Македонии, напротив, подверглись опале. Демад был лишен политических прав. Не обошли стороной даже жившего в Афинах философа Аристотеля, припомнив, что он когда-то был учителем Александра, да и потом оставался в дружбе с ним. Против него возбудили судебный процесс, воспользовавшись, как это часто бывало (вспомним суд над Сократом), придирками

религиозного характера[238]. Аристотель не стал дожидаться приговора (он вполне мог бы оказаться смертным) и покинул Афины. Вскоре философ скончался.

Македонии была объявлена война, известная под названием Ламийской[239]. Вначале военные действия развивались успешно для греков. Их силы выдвинулись на север и заняли Фермопилы. Навстречу им выступил из Пеллы наместник Македонии Антипатр, но в происшедшей битве потерпел поражение и был осажден в находившейся неподалеку крепости Ламия.

Однако успехи оказались эфемерными. На помощь Антипатру прибыли из Азии другие македонские полководцы со своими войсками. Тут-то и стало ясно, что историческая ситуация полностью изменилась и эпоха побед полисных ополчений отошла в прошлое. Греки потерпели ряд серьезных поражений как на суше, так и на море. Ламийская война оказалась недолгой, и уже в 322 г. Афины вынуждены были капитулировать[240].

Антипатр продиктовал суровые условия мира, полностью ставившие афинский полис под контроль победившей стороны. В Пирее (в его районе, прилегавшем к гавани Мунихии) был размещен македонский гарнизон, что стало особенно болезненным ударом по самолюбию афинян: присутствие чужих солдат самим своим фактом показывало, что Афины больше не независимы ни в каком отношении. С морским могуществом «города Паллады» было тоже покончено – и на этот раз навсегда, без возможности возрождения.

Антипатр – и это особенно важно – сделал то, на что в свое время не пошли ни Филипп II, ни Александр Македонский. Он официально ликвидировал афинскую демократию и установил в побежденном городе олигархическое правление[241]. Таким образом, именно эту дату – 322 г. до н.э. – следует назвать роковым рубежом в истории демократических Афин: политический строй, просуществовавший немногим менее двух веков, строй, с которым были связаны все самые впечатляющие достижения афинского полиса классической эпохи и который стал образцом для сторонников народовластия в последующие века, прекратил существование. В первой главе этой книги мы, вкратце обозрев последующую афинскую историю, отметили, что и в дальнейшем, не раз случалось, государство это неоднократно именовало себя демократией, но подобное обозначение было, в сущности, фикцией. От демократии осталась лишь «пустая оболочка», под ее маской функционировала отныне нормальная олигархия.

---

[238] О судебных процессах религиозного характера в Афинах этого времени см.: *O'Sullivan L.-L.* Athenian Impiety Trials in the Late Fourth Century // ClQ. 1997. Vol. 47. No. 1. P. 136–152.

[239] О ней см.: *Маринович Л.П.* Конец классической Греции (Ламийская война) // ЭЭПК. С. 103–140.

[240] *Bosworth B.* Why did Athens Lose the Lamian War? // MiA. P. 14–20.

[241] *Baynham E.* Antipater and Athens // MiA. P. 23–29.

Те афинские политики, которые имели репутацию непримиримых врагов Македонии, сторонников демократии, и которых ее наместник считал главными виновниками развязывания войны, были приговорены к смерти. В первую очередь это касалось Демосфена и Гиперида (Ликурга к тому времени уже не было в живых). Инициатором смертного приговора, кстати, был Демад (Plut. Demosth. 28). Гиперида схватили уже вскоре – он прятался на Эгине – и после пыток (ему вырвали язык) казнили.

Демосфен бежал из Афин еще до вступления македонян в город и некоторое время скрывался от разыскивавших его повсюду врагов. Наконец, посланный на его поиски отряд настиг свою добычу: оратор был обнаружен в храме Посейдона на Калаврии – одном из островков у восточного побережья Пелопоннеса. Он, похоже, специально выбрал местечко «поглуше» – в надежде, что а вдруг да не найдут... Но пора уже окончить «скороговорку» и подробнее рассказать о смерти Демосфена – одной из самых красивых смертей в мировой истории (если так вообще можно выразиться). Или, во всяком случае, одной из самых эффектных.

Отрядом «карателей», посланным на отлов беглецов, командовал некто Архий родом из Фурий – то ли бывший актер, то ли бывший оратор (Plut. Demosth. 28). Если верен последний вариант, то ситуация весьма пикантна: коллега, истребляющий коллег. Усилиями именно этого отряда был пойман вначале Гиперид, а теперь вот добрались и до Демосфена.

Итак, Архий застал нашего героя укрывшимся в храме. Вообще говоря, насильно вытаскивать людей из святилищ считалось страшным кощунством (потому-то они часто использовались как убежища теми, кто опасался преследований), но Архию было не привыкать: незадолго до того он, как сообщает Плутарх (Plut. Demosth. 28), на Эгине «силою выволок из храма Эака» Гиперида и нескольких его соратников.

Тем не менее сперва он все-таки «стал уговаривать Демосфена выйти из храма и вместе поехать к Антипатру, который, дескать, не сделает ему ничего дурного... Выслушав пространные и вкрадчивые разглагольствования Архия, он (Демосфен – И.С.)... взглянул на него и сказал: “Вот что, Архий, прежде неубедительна была для меня твоя игра[242], а теперь столь же неубедительны твои посулы”. Взбешенный Архий разразился угрозами, и Демосфен заметил: “Вот они, истинные прорицания с македонского треножника, а раньше ты просто играл роль[243]. Обожди немного, я хочу послать несколько слов своим”. Затем,

[242] Упоминание об «игре» вроде бы вносит ясность в вопрос о том, кем же был Архий – актером или оратором. Но это только на первый взгляд. В оригинале употреблена форма глагола ὑποκρίνομαι, употреблявшегося применительно как к актерской игре, так и к произнесению ораторами речей.

[243] И опять в оригинале форма глагола ὑποκρίνομαι, так что можно понять и как «произносил речь».

удалившись в глубину храма, он взял листок[244], словно бы для письма, поднес к губам тростниковое перо и прикусил конец, как делал всегда, обдумывая фразу. Так он сидел несколько времени, потом закутался в плащ и уронил голову на грудь. Думая, что он робеет, стоявшие у дверей копейщики насмехались над ним, бранили трусом и бабою. Снова подошел Архий и предложил ему встать... Демосфен, который уже чувствовал силу разлившегося по жилам яда, откинул плащ, пристально взглянул на Архия и вымолвил: "Теперь, если угодно, можешь сыграть Креонта из трагедии и бросить это тело без погребения[245]. Я, о гостеприимец Посейдон, не оскверню святилище своим трупом, но будь свидетелем, что Антипатр и македоняне не пощадили даже твоего храма!". Сказавши так, он попросил поддержать его, ибо уже шатался и дрожал всем телом, но, едва миновав жертвенник, упал и со стоном испустил дух» (Plut. Demosth. 29).

Мы не удержались от того, чтобы дословно процитировать этот пассаж. Лишь об очень немногих знаменитых деятелях античности мы можем сказать, что нам в таких деталях известны их последние минуты и даже последние слова. К ним, помимо Демосфена, относится, например, Сократ, – но только благодаря тому, что у него оказался такой ученик, как Платон, написавший о кончине наставника диалог «Федон». А вот уже о том, как умирал сам Платон, мы ничего достоверного сказать не можем. Равным образом – и о том, как умирал Аристотель (который, кстати, ушел из жизни в том же 322 г. до н.э., что и наш герой, но от болезни).

Кстати, об этих последних словах Демосфена. Они, конечно, не отличаются такой же рельефностью, как знаменитое "Tu quoque, Brute!" Цезаря или, допустим, просьба того же Сократа принести петуха в жертву Асклепию за выздоровление. Они не вошли в число сентенций, которые знает мир. Но в то же время они весьма характерны. Демосфен и при смерти оставался прежде всего оратором, желал произвести впечатление каким-нибудь удачным приемом и нашел в результате более или менее удачно употребленный софокловский образ. Заметим, далее, то озлобление по отношению к македонянам, которое сохраняет в себе Демосфен, даже уходя...

А ушел он, конечно, по собственной воле. Пусть потом его племянник Демохар распространял версию, согласно которой «Демосфен умер не от яда, но... боги взыскали его наградою и попечением, вырвав из жестоких когтей македонян и даровав кончину скорую и безболезненную» (Plut. Demosth. 30). Блажен, кто верует; но не приходится сомневаться, что таковую кончину он да-

[244] На самом деле, конечно, свиток папируса (βιβλίον).

[245] Аллюзия из «Антигоны» Софокла. Но вот на основании этих слов, кажется, можно уже без колебаний утверждать, что Архий являлся все-таки бывшим актером. Обратим внимание также и на не очень обычное для древних греков безразличие умирающего Демосфена к судьбе собственного тела.

ровал себе сам, дабы не попасть в руки Антипатра. Он, несомненно, знал о судьбе, постигшей Гиперида, и прекрасно понимал, что попади он живым в руки врагов – тоже будет перед казнью подвергнут мучительным пыткам. Тем не менее самоубийство – всегда тяжелый выбор, и уж точно для античного грека, который от загробного существования не ожидал ничего особенно доброго[246].

Покончил с собой он, приняв яд, который всегда при себе держал. По наиболее распространенной и, видимо, верной версии (Plut. Demosth. 30), хранил он его в том самом каламе – палочке, какими писали и какая имелась у всякого образованного человека. Хранил, видимо, на всякий случай.

«Афинский народ... воздал ему почести по достоинству: он воздвиг бронзовое изображение Демосфена и предоставил старшему из его рода право кормиться в пританее. На цоколе статуи была вырезана известная каждому надпись:

Если бы мощь, Демосфен, ты имел такую, как разум,
Власть бы в Элладе не смог взять македонский Арей».
(Plut. Demosth. 30)

Здесь привычная грекам игра схоже звучащими словами γνώμη – ῥώμη. И может создаться впечатление, что здесь перед нами намек на физическую немощь Демосфена. С этим вроде бы коррелируют и дошедшие до нас скульптурные изображения великого оратора, на которых он предстает каким-то очень тощим, чахлым...

Но, с другой стороны, не исключено и то, что сами такие изображения создавались исходя из ложно понятой характеристики в приведенной выше эпитафии (а она, судя по словам Плутарха, имела широкое хождение в Элладе, была «известна каждому»). Выше упоминалось, что Демосфен в юности действительно имел проблемы со здоровьем. Но что с того? Часто такие проблемы проходят по достижении мужчиной зрелости. Сам тот факт, что человек в возрасте за шестьдесят, как бешеный, метался по Элладе, рекрутируя союзников в борьбе против Македонии, никак не говорит в пользу того, что это был слабый и хилый человек.

Подозреваем, что смысл процитированной эпитафии – другой. Не на физические недостатки Демосфена она призвана была недовольно намекнуть, а наоборот – гиперболически подчеркнуть мощь его слова. Настолько он был мощен своей мыслью и речью, говорит нам дистих, что будь он настолько же могуч своей телесной силой – в одиночку победил бы всех македонян.

Подведем предварительный итог. Вот так трагично закончилась судьба последнего выдающегося деятеля демократических Афин[247]. Глубоко символично,

[246] *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 325.

[247] О смерти Демосфена см. также: *Worthington I.* Demosthenes of Athens... P. 335 ff.

что его гибель относится к тому же 322 г. до н.э. Демосфен окончил свои дни вместе с демократией. Кстати, имя оратора в переводе с древнегреческого означает «сила народа» или (скорее) «сильный народом».

* * *

Начинали мы писать эту главу, не скроем, с неприязнью к Демосфену – «политикану и адвокату». А теперь вот, как ни парадоксально, не хочется ее заканчивать, расставаться с ее героем. Не потому ли глава и разрослась значительно больше по сравнению с тем объемом, который мы первоначально планировали?

Да, Демосфен – деятель из тех, что называют проигравшими (англоязычные граждане употребляют тут термин losers). Классический полис не мог возродиться. Уже Исократ – учитель учителя Демосфена – как-то ощущал это. А сын оружейника, тем не менее, продолжал бороться за «устаревшие» ценности и в конечном счете отдал за них жизнь. Аберрация? Возможно. Но такая аберрация, ради которой гибнут.

Демосфен как будто весь соткан из противоречий. Беззаветный борец за свободу Афин – и закоренелый коррупционер. Убежденный сторонник демократии – и человек, способный сказать о демосе весьма горькие слова, уподобить его, допустим, змее (см. выше). Весьма состоятельный афинянин – и в то же время готовый при удобном случае гневно обрушиться на богачей… Каждый желающий, подумав об этой фигуре, найдет еще гораздо большее количество не менее острых контроверз. Демосфен для нас как будто символ всей этой – и в целом-то крайне противоречивой – эпохи, эпохи кризиса классического полиса и нарастающих тенденций предэллинизма. Он ушел, и с ним ушла эпоха.

Из крупных политических деятелей, остававшихся еще в позднеклассических Афинах, Демосфена пережили только Демад и Фокион, да и они ненадолго. Первый погиб в 319 г. до н.э., второй – в 318 г. до н.э. Выше по ходу книги мимоходом об этом упоминалось, но теперь, естественно, следует подробнее обрисовать нюансы событий.

Мы уже знаем, что в 322 г. до н.э. Антипатр свергнул в Афинах классическую демократию. Установился олигархический режим, опорой которого выступал стоявший в Пирее македонский гарнизон. Полноправными гражданами были объявлены лишь те, чье состояние превышало 2000 драхм (таких в афинском полисе насчитывалось около 9 тысяч человек, в то время как общее гражданское мужское население на момент переворота составляло примерно 25–30 тысяч[248]). Иными словами, бедная часть афинян, как это и ранее бывало при господстве олигархов, отстранялась от участия в политической жизни.

[248] Демографические проблемы в классических Афинах мы рассмотрели в: *Суриков И.Е.* Остракизм… С. 473 слл.

Во главе государства при олигархии стояли именно те два политика, в которых македонский наместник видел своих надежных сторонников: Демад и Фокион. Странная это была пара, участники которой ни в чем не напоминали друг друга. Между безупречно честным Фокионом, человеком строгих моральных правил, и беспринципным политиканом Демадом имелась, пожалуй, только одна точка соприкосновения: оба понимали, что необходимо считаться с реалиями новой эпохи, что, как говорится, «плетью обуха не перешибешь» и остается одно – подчиняться сильнейшему, коль скоро сопротивление бессмысленно. Ни один из них не был предателем родины, но сама жизнь сделала обоих коллаборационистами.

В 319 г. до н.э. Демад отправился послом в Пеллу, но там был арестован. Его обвинили в тайных интригах против Антипатра и казнили. Плутарх как будто бы даже с некоторым злорадством пересказывает этот эпизод (Демада херонейский биограф не любил даже гораздо сильнее, чем Демосфена): «Демад недолго наслаждался своей черною славой – мстящая за Демосфена Справедливость привела его в Македонию, и те самые люди, перед которыми он так подло заискивал, предали его заслуженной казни. Он... оказался неопровержимо уличенным в измене... Коринфянин Динарх обвинил его перед Кассандром[249], и тот, вне себя от ярости, приказал убить его сына в объятиях отца, а потом – и самого Демада, который ценою величайших, непоправимых несчастий убедился, наконец, сколь справедливы были частые, но тщетные предостережения Демосфена, что первыми предатели продают себя самих» (Plut. Demosth. 31).

Престарелый Фокион, уже переступивший порог восьмидесятилетия, тоже не слишком-то прочно держал бразды правления в своих руках. И уже в 318 г. до н.э. он был свергнут и казнен в результате государственного переворота, организованного по инициативе македонского полководца Полисперхонта и знаменовавшего якобы восстановление демократии в Афинах. Дальнейшее (чреда переворотов) было вкратце охарактеризовано в главе I нашей книги.

А среди афинских политических деятелей следующего поколения, кстати, видную роль играл Демохар, племянник Демосфена (отметим тот же корень δημ-, в его имени, характерный для всей этой семьи в целом). Это тот самый Демохар, который, как упоминалось выше, настолько почитал своего знаменитого дядю, что даже верил (или делал вид, что верит) в особое отношение к нему богов. Между прочим, именно по инициативе Демохара Демосфену была воздвигнута в Афинах статуя[250], а также назначены другие посмертные почести;

[249] Кассандр – сын Антипатра. Что же касается Динарха, уже упоминавшегося выше, этот коринфянин несколькими годами ранее писал речи против Демосфена, а теперь вот – против его закоренелого врага Демада. До невозможности сложна была тогдашняя афинская внутриполитическая жизнь...

[250] Об этой статуе см.: *Koch H.* Zur Statue des Demosthenes // Festschrift für F. Zucker zum 70. Geburtstage. B., 1954. S. 219–225.

в частности его потомки получили права на бесплатный обед в Пританее, как когда-то потомки тираноубийц Гармодия и Аристогитона. Соответствующее постановление было принято в 280/279 г. до н.э.[251] А когда через десять лет скончался сам Демохар, аналогичные почести получил от сограждан и он.

О Демохаре, впрочем, никак нельзя сказать, что он достиг известности, хотя бы в какой-то степени сопоставимой с той, которую имеет Демосфен. Имя последнего знакомо абсолютно любому образованному человеку; о Демохаре же слышал мало кто даже из профессиональных антиковедов (не считая, конечно, узких специалистов по истории эллинистических Афин). И это отнюдь не потому, что его деятельность не была активной и даже бурной; напротив. Этот политик в полной мере продолжал линию дяди. Он выступал против промакедонской марионеточной тирании Деметрия Фалерского[252], установившейся в 317 г. до н.э. Сразу после изгнания этого правителя в 307 г. до н.э. Демохар внес в народное собрание весьма продуманный проект постановления о срочном приведении в порядок оборонительных сооружений Афин (включая укрепления Пирея и «Длинные стены»), которые на протяжении нескольких предыдущих десятилетий находились в пренебрежении. Тогда же он выступил одним из инициаторов такой меры, как постановка философских школ под контроль государства. Данный демарш направлялся прежде всего против перипатетиков, чья причастность к олигархическому режиму 322–318 гг. до н.э. и к тирании Деметрия Фалерского (он ведь сам являлся выходцем из этой школы) ни для кого не была секретом.

Впрочем, уже вскоре Демохар, уж слишком язвительно бичевавший в своих речах Стратокла (характеристика этого последнего как «лакейской креатуры новых повелителей»[253] совершенно правомерна), был отправлен в изгнание, в котором пробыл весьма долго (с 303/304 до 286/285 г. до н.э.). Потом вернулся и вновь осуществлял какие-то политические акции...

Но, по большому счету, насколько незначительный интерес вызывает уже всё это! Причем это не какая-то наша аберрация. Тот же Демохар и современные ему афинские политики (Стратокл, Олимпиодор и др.), если и были в каком-то смысле крупными, то разве что на чисто «местечковом» уровне. Да, в сущности, греческие полисы теперь и стали некими «местечками» в колоссально расширившейся ойкумене... Воистину, порог нового мира был переступлен.

---

[251] *Хабихт Х.* Ук.соч. С. 140.

[252] О котором см.: *Williams J.* Ideology and the Constitution of Demetrius of Phalerum // PaP. P. 327–346.

[253] *Хабихт Х.* Ук.соч. С. 76. Под «новыми повелителями имеются в виду Деметрий Полиоркет и его отец Антигон Одноглазый.

Вместо заключения

Александр Македонский и конец классической Греции

Весь наш цикл о «политиках в контексте эпохи» вырос (как мы и оговаривали в предисловии к его первой книге[1]) из курса лекций, читавшегося еще в 1990-е годы. Разумеется, тексты глав весьма значительно изменились – разрослись, пополнились ссылками на новую литературу и т.д. – по сравнению с первоначальными текстами соответствующих лекций; однако же, естественно, что-то осталось и от них.

Та лекция, которая легла в основу данного заключительного раздела, была последней и в курсе; открывали мы ее словами в том духе, что она по своей структуре отличается от предыдущих. В ней не ставится задача дать детализированную биографию Александра Македонского. Это было бы и никак невозможно на нескольких десятках страниц: грандиозность фигуры Александра требовала бы для сколько-нибудь полноценного освещения его деятельности формата книги. И, разумеется, каждый знает, что такие книги существуют, и даже в очень большом количестве. Александр никогда не был обделен вниманием ученых, любящих работать в биографическом жанре, и литература о нем необъятна (по большому счету, его жизнеописанием был уже первый том «Истории эллинизма» Дройзена), перечислять ее здесь нет ровно никакого смысла.

Безусловно, без некоторых кратких сведений об Александре нельзя будет обойтись; вещей основополагающих коснуться придется. Но в целом здесь перед нами иная задача: попытаться поразмыслить, почему именно с этой личностью связан грандиозный и «судьбоносный» переход от одной эпохи к другой и более того – фактически от одного мира к другому, совсем не похожему на тот, который он сменил: от мира классических греческих полисов к эллинистическому миру. Эти «рубежные» события и процессы, собственно, интересовали нас на протяжении всей книги (да отчасти и предшествующей, третьей), а теперь настала пора подводить некий обобщающий итог.

[1] АГ-1. С. 5.

Для обобщений же необходимо в форме хотя бы краткого экскурса суммировать то основное, о чем говорилось ранее. IV в. до н.э. – хронологически это поздняя классика – в содержательном плане являлся для эллинского мира, с одной стороны, временем кризиса классического полиса, с другой же – временем, когда набирали силу процессы, совокупность которых мы обозначаем как «предэллинизм» (см. выше, в главе I). В экономической области ситуация, в общем, не была катастрофической, имели место даже элементы развития, пусть и не приобретавшего устойчивый характер. Внутриполитическая жизнь большинства важнейших государств Греции отличалась в большей мере стабильностью, нежели смутами и беспорядками (не то чтобы совсем не наблюдалось кровавых эксцессов, но повседневной нормой они явно не стали). Культура продолжала плодоносить и порождать шедевры; достаточно вспомнить о том, что именно к IV в. до н.э. относится наивысший расцвет античной философской мысли (Платон, Аристотель), или о том, что и лучшие ораторы появились тогда же (Лисий, Исократ, затем – Демосфен и вся «когорта» его соратников и соперников).

Итак, вроде бы «всё спокойно в Датском королевстве». Однако же при всём том даже у современников событий, у самих эллинов IV в. до н.э. (во всяком случае, у тех из них, кто не жил исключительно интересами сегодняшнего дня, а пытался как-то осмыслить суть происходящего) господствовало в мироощущении совершенно однозначное впечатление этакого «закатного» бытия, уходящей великой эпохи, на смену которой грядет что-то новое, совсем иное (и совсем не обязательно доброе). Отсюда – тревога, неуверенность в завтрашнем дне...

Не можем удержаться от (вероятно, довольно дерзкой) параллели с началом XX века как в Западной Европе, так и в России. Тогда тоже – если смотреть на вещи с чисто внешней стороны, – кажется, следовало бы констатировать всесторонний расцвет, а уж никак не упадок. Прогресс в науке, технике, промышленности шел семимильными шагами. В математике, физике, химии, биологии были совершены значительнейшие, «прорывные» открытия, несшие колоссальные последствия. Электричество, телефон, радио, автомобиль, самолет за кратчайшие по историческим меркам сроки властно ворвались в жизнь, необыкновенно изменив весь ее облик по сравнению с тем патриархальным укладом, какой она повсеместно имела еще совсем недавно. В сфере культуры – будь то литература, театр, архитектура, изобразительное искусство, философия – шла напряженнейшая и плодотворнейшая работа.

И, несмотря на всё это, духовная атмосфера людей начала XX века буквально пронизана – это невозможно не заметить – тревожным ощущением заката. Им пропитаны произведения символистов, – повторим, и в России, и на Западе[2].

[2] «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...» – какое душное, даже удушающее стихотворение!

Получает широчайшее распространение глубоко пессимистическое философское учение недавно скончавшегося Ницше. Шпенглер пишет свой нашумевший «Закат Европы» ("Die Untergang des Abendlandes", то есть точнее было бы переводить название книги как «Закат западного мира») – именно потому и нашумевший, что в нем этот самый закат был в полный голос провозглашен, причем не декларативно, а с подробнейшей наукообразной аргументацией. Тогда-то и Фрейд выдвигает теорию о бессознательном – о темных, стихийных, разрушительных глубинах человеческой психики, рвущихся наружу, но сдерживаемых тонкой пленкой культуры, цивилизации, готовой вот-вот, не выдержав, порваться и дать свободу разгулявшемуся хаосу.

Итак, перед нами – душная, сгущающаяся, предгрозовая атмосфера. Как будто над еще вполне благополучным обществом (в той же России 1913 год был в экономическом отношении эталонным, таким, с которым даже и по сей день сравнивают все показатели – и не в пользу нынешних цифр) нависла некая тень от надвинувшейся тучи – мрачным предчувствием чего-то грандиозного и ужасного своей абсолютной новизной, неведомостью.

Наверное, мы сейчас все-таки не вспомним, кто из мыслителей замечательно сказал, что великие события, как огромные предметы (например, горы), отбрасывают тень не только за собой, но и перед собой: они еще не наступили, но мы их уже предчувствуем, уже интуитивно видим каким-то мысленным взором...

Очень похожая ситуация была в Греции на протяжении IV в. до н.э. Чего-то как будто с опаской ждали и что-то как будто с грустью провожали. При том, что долгое время казалось: серьезных причин для беспокойства нет, дела идут в целом неплохо, мир эллинских полисов предстает жизнеспособным, полнокровным, в меру стабильным социумом. Разумеется, со своими проблемами и трудностями – но бывают ли общества без проблем и трудностей? Господь както попробовал создать одно такое – состоящее всего из двух человек и местом обитания имеющее райский сад. Но и там всё кончилось громким скандалом.

В то, что полис (причем именно в своем классическом облике – то есть полис суверенный) незыблем, свято верили такие могучие умы, как Платон и Аристотель. А разве у нас в начале XX века не верило подавляющее большинство населения, что незыблема Российская империя? Один из виднейших интеллектуалов того времени М.О. Гершензон, человек взглядов достаточно левых, в статье, вошедшей в ставшие одиозными «Вехи», призывал своих радикальных единомышленников одуматься и понять, что только самодержавие штыками своими охраняет их, интеллигентов, от разрушительного народного бунта. Не прошло и десяти лет, как штыки обернулись против самодержавия, итог известен.

А почитаем писавшего в то же время Рильке – и увидим, что у него те же ощущения присутствуют едва ли не в большей степени, чем у Блока.

Вернемся «к нашим баранам», то бишь к грекам, как раз тогда постепенно начавшим превращаться в стада баранов, предводительствуемые львами. Коллега А.С. Балахванцев – еще в ту давнюю пору, когда мы с ним были однокурсниками в МГУ, – привел нам старинную грузинскую пословицу: «Лучше стадо баранов во главе со львом, чем стадо львов во главе с бараном». Тогда он вряд ли мог догадываться, что логика пути ученого со временем приведет его в стан исследователей эллинизма.

Итак, у греков IV в. до н.э., повторим и подчеркнем, постоянно присутствовало ощущение заката, упадка, влекущее ностальгию[3]. Каких бы авторов этого времени мы ни начали читать – философов или историков, поэтов или ораторов, сторонников демократии или ее противников, – у всех у них это прозвучит, и, конечно, не случайно: случайными такие вещи не бывают.

Был ли Исократ ретроградом? Этого никто не скажет; напротив, его обычно подают как «провозвестника грядущего», отца панэллинизма (хотя см. в связи с этим некоторые наши оговорки ближе к концу первой главы данной книги). Был ли Демосфен ретроградом? Нет, как можно такое вымолвить о великом, Гротом воспетом[4], борце за свободу и демократию?

А на самом деле, конечно, оба они были – при всех своих разногласиях – ретроградами или, во всяком случае (употребим менее негативный термин, означающий, в сущности, то же самое), консерваторами. Нам не раз уже приходилось писать[5]: в Афинах консерваторами (то есть «охранителями», сторонниками существующего порядка) являлись как раз приверженцы демократии – постольку, поскольку именно демократию представлял собой этот существующий порядок[6]. Демосфен был демократом искренним, Исократ – скорее маскирующимся (прочтем «Ареопагитик»), но оба понимали: чтить демократию – значит чтить то, что есть (или то, что было), а протестовать против оного есть ересь.

И у Исократа, и у Демосфена (а также и у многих других, но этих двух мы тут упомянули намеренно, в порядке контрастной ассоциации) ностальгические нотки весьма нередки. Да и вообще как часто нам теперь придется говорить о ностальгии по ушедшему! В частности, чрезвычайно распространенным

[3] Об этой ностальгии, проявлявшейся едва ли но всех сферах бытия – от внешней политики до литературы и искусства, – мы ранее писали (АГ-3. С. 15), приводя соответствующие ссылки, так что теперь повторять их не будем.

[4] Понимание греческой античности в современной англосаксонской науке однозначно зиждется на идеях банкира, политика-либерала и антиковеда-любителя Дж. Грота. К общей оценке построений Грота см.: *Momigliano A.D.* Studies in Historiography. N.Y., 1966. P. 56 ff.

[5] Последний раз – в статье: *Суриков И.Е.* Судьба оппозиционного интеллектуала: афинянин Антифонт – оратор, софист, правовед, политик // ВДИ. 2014. № 2. С. 13–33.

[6] Эта идея подробнее развита нами в: *Суриков И.Е.* Солнце Эллады... С. 119 слл. См. также: *Trevett P.* Coinage and Democracy at Athens // MUAGW. P. 23–34.

становится в рассматриваемую эпоху представление о том, что эпоха эта куда хуже, бледнее, скуднее и скучнее, чем предыдущая, чем то блистательное время, которое мы определяем ныне как «Периклов век» (в самом широком смысле).

Фиксируется, скажем, канон великих драматургов (применительно к трагедии – Эсхил, Софокл, Еврипид); создается аутентичный, государством проверенный сборник их главных творений (этот сборник позже египетские Птолемеи хитростью залучили из Афин в Александрийскую библиотеку). Самим действием подобного рода уже подспудно подразумевается мысль «Теперь так уже не пишут»... Ликург проводит свою строительную программу как бы в подражание программе Перикла. И стремление подражать, имитировать – тоже симптом того, что все четко представляют: раньше было лучше.

Эта тоска по «великому прошлому» тоже, кстати, навевает невольные ассоциации с началом XX столетия. Ведь не случайно сама эта эпоха устами своей интеллигенции назвала себя «серебряным веком». Почему серебряным? А потому, что золотой, значит, уже миновал.

Если V в. до н.э. как бы обращен вперед, любуется будущим величием, то следующее столетие – время, «смотрящее назад», зачарованное величием уже бывшим. Античная культура, следует оговорить, ностальгична в принципе: в ней, начиная с Гесиода, всегда сильны были идеи регресса, общего ухудшения (а не улучшения) в каждом наступающем эоне. Вот слова величайшего римского лирика Горация (во многом грека по духу – его талант был вдохновлен именно архаической эллинской поэзией), жившего лет на семьсот позже Гесиода:

Чего не портит пагубный бег времен?
Отцы, что были хуже, чем деды, – нас
Негодней вырастили; наше
Будет потомство еще порочней.
(Hor. Carm. III. 6. 45–48)

Пессимистический взгляд на историю был, таким образом, скорее нормой, нежели исключением. Кстати говоря, циклизм, столь характерный для античной философии истории, в сущности, является порождением той же идеи регресса. Государство, некогда едва ли не идеальное, деградирует, деградирует, скатывается до любых возможных «низов», доходит, так сказать, до предела падения – а потом начинается новый цикл и всё вновь идет, можно сказать, так же. С максимальной ясностью мы видим это у Полибия; но Полибий – наследник долгой традиции[7].

[7] О его месте в этой традиции см. совсем недавнюю работу: *Mehl A.* Geschichte in Fortsetzung: Wie, warum und wozu haben Autoren wie Polybios und Thukydides/Xenophon auf ein Ziel hin geschriebene Geschichtswerke Fortgesetzt? // Polybios und seine Historien. Stuttgart, 2013. S. 25–48.

Был, правда, период (не особенно длительный), когда в целом чуждая эллинам идея прогресса – движения от худшего к лучшему, от низших форм к высшим – получила у них определенное распространение. И это был, конечно, тот самый «Периклов век». Точнее, Пентеконтаэтия (480–431 гг. до н.э.), которую (во всяком случае, применительно к Афинам) резоннее было бы называть веком *Кимона и Перикла*. Мы, со своей стороны, еще любим характеризовать это пятидесятилетие как эпоху «великого проекта».

Это было подлинно оптимистическое время! И причины для оптимизма, безусловно, имелись более чем подобающие. Фантастическая, уму непостижимая победа над колоссальной Персидской державой создала в умах греков громадную уверенность в завтрашнем дне. «Золотой век» как бы переместился из прошлого в настоящее и в будущее, сулившее, казалось, еще более богатые перспективы.

Вот именно тогда-то (и, кажется, только тогда) встречаем мы в Элладе (преимущественно опять-таки в Афинах) прогрессистские концепции исторического развития. Они звучат у Эсхила, у Протагора, позже – у Еврипида. У Софокла – с сильными оговорками (нужно снова и снова перечитывать его Πολλὰ τὰ δεινά... – знаменитый первый стасим «Антигоны»[8]).

И, повторим, продолжалось это недолго. Греческий ум как бы сам убоялся той перспективы, которая перед ним развернулась. Как мы только что заметили, уже Софокл – самый осторожный и самый мудрый из афинских драматургов V в. до н.э. – всерьез колебался: прогресс-то он, конечно, налицо, но следует ли ему обязательно радоваться? Чего он несет больше – счастья или проблем? Не к гибели ли ведет этот постоянный «путь вверх»?

А ужасы Пелопоннесской войны – неизбежного детища предшествовавшего развития событий – еще более подорвали в мировоззрении эллинов эту только-только наметившуюся идею прогресса. Хорош прогресс, но только вот кончается всеобщей резней... И в IV в. до н.э. «лучшие времена» опять начали искать в прошлом. В области политической мысли это выразилось, в частности, в лозунгах возвращения к «отеческому государственному устройству» (πάτριος πολιτεία)[9]. О последнем вовсю рассуждали уже в конце V в. до н.э. Никто толком не представлял себе, в чем оно заключается, и каждый мыслил его по-своему. Для кого-то отеческое государственное устройство ассоциировалось (если взять Афины) с клисфеновскими порядками, для кого-то – с солоновскими, для кого-то – с досолоновскими... Все были солидарны только в од-

[8] См. к этому: *Суриков И.Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э. М., 2002. С. 150–151.

[9] Об этом концепте см.: *Fuks A.* The Ancestral Constitution: Four Studies in Athenian Party Politics at the End of the Fifth Century B.C. Westport, 1971; *Finley M.I.* The Ancestral Constitution. Cambridge, 1971.

ном: этот строй был лучше «теперешнего» (по отношению к участникам дискурса) – лучше уже потому, что он являлся старинным, завещанным предками.

Как известно, греческими мыслителями, политическими теоретиками, чутко откликавшимися на запросы современности, был предложен в IV в. до н.э. целый ряд проектов общественного переустройства, выхода из кризиса[10]. Кстати, характерно, что ранее чего-либо подобного мы не обнаруживаем; наблюдателю со стороны становится совершенно ясно, что перед нами опять-таки симптом тяжелого времени. Эпохи, когда люди удовлетворены условиями собственного существования, не отличаются изобилием попыток его улучшения.

Основой большинства таких проектов было укрепление полисного единства и солидарности – именно тех качеств, которые в первую очередь рушились в ходе кризиса. Теоретические построения, можно сказать, были намертво привязаны к идее полиса как наилучшего типа государственности (а также к напрямую вытекавшей из нее идеи эллинского превосходства. Так, автором двух концепций «идеального государства» (в трактатах «Государство» и «Законы») стал Платон. Эти концепции, отличаясь друг от друга, при этом в равной мере предусматривали создание условий, при которых будут невозможны внутренние распри, путем полного отказа от демократии[11] с передачей власти «избранным», духовной элите, и строжайшей регламентации всей жизни граждан, как общественной, так и частной, правителями (в «Государстве») или законами (в одноименном трактате), которые для этого следовало провозгласить божественными и неизменными. Именно такого рода построения побудили Карла Поппера охарактеризовать Платона как отца тоталитаризма[12]. Впрочем, думается, дело здесь не столько в Платоне лично. Просто греческий полис как таковой был в чем-то тоталитарной организацией[13] – в том плане, что в нем в норме коллективистские (тотальные) начала преобладали над индивидуалистическими. Поэтому совершенно не удивительно, что в его рамках и рождались такого рода проекты.

Ученик Платона – Аристотель – тоже не избежал выхода на проблему «идеального государства» (в трактате «Политика»). Его «рецепты» выглядят не

---

[10] Подробнее, со ссылками, см.: АГ-3. С. 45 слл. Здесь же мы лишь кратко резюмируем.

[11] Ср.: *Панченко Д.В.* Платон и Атлантида. Л., 1990. С. 125 слл.; *Rowe C.J.* Killing Socrates: Plato's Later Thoughts on Democracy // JHS. 2001. Vol. 121. P. 63–76.

[12] Этой характеристике целиком посвящен первый том одной из самых прославленных книг XX века: *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М., 1992. Критику подобных взглядов (правда, с иных по сравнению с нашими позиций) см.: *Чернышов Ю.Г.* Платон – «теоретик тоталитаризма»? // Античный мир: Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 261–269.

[13] *Суриков И.Е.* Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008. С. 329 слл.

столь жестко-тоталитарными, как платоновские[14], но, впрочем, может быть, это и иллюзия: роль государственного принуждения в них тоже очень велика. Аристотель делал упор на всемерную поддержку государством своей главной опоры – «среднего» общественного слоя, зажиточных земледельцев. Также подчеркивал он необходимость автаркии для полисного бытия.

Выдвигались и более радикальные проекты (Гипподам Милетский, Фрасимах Халкедонский); некоторые из них предполагали даже полное обобществление имущества, ликвидацию частной собственности, проведение в жизнь коммунистических начал Пародия на подобного рода теории, несомненно, содержится в комедии Аристофана «Женщины в народном собрании», поставленной в 392 г. до н.э. (хотя совершенно не обязательно считать – как порой делается – и даже маловероятно, что это отклик конкретно на платоновское «Государство», хотя подобную сомнительную идею иные даже пытаются использовать для датирования начала работы Платона над этим трактатом, который, как известно, создавался на протяжении многих лет. С другой стороны, на уровне обсуждения мер более частного характера Ксенофонт в небольшом сочинении «О доходах» пытается нечто говорить об экономической политике, наиболее выгодной для полиса (прежде всего для Афин) в новую, кризисную эпоху, давать в данной связи какие-то советы[15].

Заметим здесь: Ксенофонт особенно часто фигурирует в исследованиях как тот автор, который из древних греков будто бы стоит наиболее близко к современному понятию «экономиста»[16]. Но это аберрация, возникшая только потому, что в богатом наследии чрезвычайно плодовитого эллинского писателя мы находим и трактаты, казалось бы, вполне экономические по тематике («Домострой» – Οἰκονομικός; «О доходах»[17]). В действительности же Ксенофонт был, в сущности, эссеистом и писал по всем многочисленным темам, которые его интересовали, по-дилетантски поверхностно.

---

[14] Хотя см.: *Heuß A.* Aristoteles als Theoretiker des Totalitarismus // Antike und Abendland. 1971. Bd. 17. Ht. 1. S. 1–44.

[15] *Schütrumpf E.* Politische Reformmodelle im vierten Jahrhundert. Grundsätzliche Annahmen politischer Theorie und Versuche konkreter Lösungen // AD. S. 293 ff.

[16] См. хотя бы: *Талашова Н.С.* Экономическая теория Ксенофонта // АПК. С. 28–34; *Amemiya T.* Economy and Economics of Ancient Greece. L. – N.Y., 2007. P. 117 ff.

[17] Именно небольшой трактат Ксенофонта «О доходах» преподносится в литературе как особенно интригующий, его (крайне спорными) «экономическими» данными и идеями пользуются в самой разной связи (см. хотя бы: *Schütrumpf E.* Op.cit. S. 293 ff.; *Gauthier P.* Xenophon's Programme in the *Poroi* // Xenophon. Oxf., 2010. P. 113–136; *Mansouri S.* Athènes vue par ses métèques (Ve – IVe siècle av. J.-C.). P., 2011. P. 39). Это, безусловно, ценный источник. Но между понятиями «ценный источник» и «важный памятник экономической мысли» – все-таки, как говорится, дистанция огромного размера.

В частности, он не имел ни малейшего понятия о процессах инфляции и дефляции (а может ли вообще называться экономистом человек, игнорирующий столь важные феномены?). Характерный пример: в представлениях Ксенофонта, скажем, цена серебра (а в Греции его времени серебро было практически синонимом денег) не зависит от количества этого металла, которое доступно и находится в обращении; соответственно, он призывал к всемерному наращиванию его добычи, к резкой активизации эксплуатации Лаврийских рудников[18]. «Великий экономист» совершенно не отдавал себе отчета в том, что подобная экономическая политика неизбежно вызовет инфляционные эффекты. Будущие события, после походов Александра, продемонстрировали это.

Впрочем, Ксенофонт разделял указанное заблуждение со своим не менее известным современником, Исократом[19]. Идеи, традиционно ассоциируемые с последним (называть ли совокупность этих идей концепцией панэллинизма или как-либо иначе[20]), предполагали, во всяком случае, что, когда будет завоевана Азия, оттуда хлынут потоком золото и серебро и это, дескать, спасет нищую Грецию. Драгоценные металлы (в виде начеканенной из ахеменидских запасов и разными способами пущенной в оборот монеты) после похода Александра в Элладу действительно хлынули, однако это привело, в конечном счете, не к улучшению, а только к ухудшению экономической ситуации. Резко увеличившаяся денежная масса без подобающего подкрепления каким-то материальным обеспечением (а никакого нового материального обеспечения старая бедная Греция дать не способна была) ничего, кроме инфляции, породить не могла. Это, бесспорно, разочаровало бы и Ксенофонта, и Исократа как явное свидетельство конечной порочности предлагавшихся ими рецептов; но обоих уже не было в живых, когда результаты, отнюдь не предвиденные ими, сказались в своей полной силе.

---

[18] На что справедливо обращается внимание в работе: *Patronis V.* Economic Ideas of Ancient Greek Philosophers: Assessing their Impact on the Formation of the World Economic Thought // HD. P. 13.

[19] Рассмотрение идей Ксенофонта и Исократа как некоего единого комплекса, в общем, принято в историографии (см. как характерный пример: *Фролов Э.Д.* Огни Диоскуров: Античные теории переустройства общества и государства. Л., 1984. С. 135 слл.).

[20] Однозначную характеристику Исократа как идеолога панэллинизма, помимо только что упомянутой работы Э.Д. Фролова, см. также хотя бы в: *Исаева В.И.* Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. С. 154 слл. В западной историографии последнего времени есть склонность «отчуждать» Исократа от панэллинизма, а то и просто отрицать реальность самой идеи панэллинизма. Указывают на то, что термин «панэллинизм» как таковой не встречается у Исократа (да и у какого бы то ни было античного автора). Это, конечно, так (любой желающий теперь может проверить это по электронному TLG). Безусловно, термин «панэллинизм» – некая конструкция, созданная историографией Нового времени. Но она всё же отражает реалии тогдашнего дискурса, пусть и выражавшиеся иными лексемами.

Так или иначе, одни из выдвигавшихся в IV в. до н.э. проектов выглядели более реалистическими, другие – более фантастическими. Но именно выглядели. В действительности же все они, как радикальные, так и относительно умеренные, являлись утопическими и невыполнимыми. Дело в том, что они были как бы намертво привязаны к полису. Главным их пороком было стремление к искусственной консервации, несмотря ни на что, полисных принципов (прежде всего автономии и автаркии), которые уже не соответствовали изменившимся историческим условиям[21]. Они во всех своих особенностях исходили из идеи полиса как чего-то само собой разумеющегося; а феномен полиса уже умирал, – во всяком случае, в своей классической форме. И, соответственно, на подобных «антикризисных» программах тоже лежала некая тень смерти.

Не приходится сомневаться в том, что Стагирит, преподавая своему царственному ученику, политическую теорию, всячески подчеркивал эту первичность полиса (равно как и идею превосходства греков над варварами[22]). Однако как раз эти взгляды своего наставника Александр – это хорошо известно – не воспринял. Может быть, в числе прочего и потому, что для Македонии сам феномен полиса был не столь уж и органичен. По сути, полисы в этой стране начали складываться лишь в IV в. до н.э.[23], то есть ко времени Александра они были там еще достаточно новым явлением.

В связи с политическими проектами IV в. до н.э., пожалуй, нужно акцентировать еще одну их интересную особенность. Исходя, как говорилось выше, из полисных реалий, многие из них тем не менее характеризовались значительно более позитивным отношением к монархическим формам правления, нежели было мыслимо, скажем, для теорий последующего столетия. Эта черта тоже уже упоминалась выше по ходу изложения, причем неоднократно и в различных контекстах. Кто-то из мыслителей начал испытывать симпатии к монархии рано и в более выраженных формах (самый яркий пример – Ксенофонт); кто-то, как говорится, созревал для них дольше и однозначного отношения к ним так до конца и не выработал, как те же Платон и Аристотель. Но и для последних, следует согласиться, царская власть стала в конечном счете мыслиться вполне достойной формой государственного устройства[24].

Весьма симптоматичны в данном отношении, в частности, некоторые пассажи из «Политики» Аристотеля, которые, пожалуй, заслуживают того, чтобы процитировать их in extenso (а наиболее важные места в них мы выделим курсивом):

---

[21] Ср.: *Ehrenberg V.* Der Staat der Griechen. Teil 1: Der hellenische Staat. Lpz., 1957. S. 78 ff.

[22] Об этой идее см.: *Маринович Л.П.* Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // АЦВ. М., 2006. С. 5–29.

[23] *Кузьмин Ю.Н.* Аристократия Берои в эпоху эллинизма. М., 2013. С. 37 слл.

[24] В связи с Аристотелем см.: *Mulgan R.G.* Aristotle and Absolute Rule // Antichthon. 1974. Vol. 8. P. 21–28.

Arist. Pol. III. 1284a4 sqq.: «Если *кто-либо один* или несколько человек, больше одного, но все-таки не настолько больше, чтобы они могли заполнить собой государство, *отличались бы таким избытком добродетели, что добродетель всех остальных и их политические способности не могли бы идти в сравнение с добродетелью и политическими способностями указанного одного или нескольких человек, то таких людей не следует и считать составной частью государства*: ведь с ними поступят вопреки справедливости, если предоставят им те же права, что и остальным, раз они в такой степени неравны с этими последними своей добродетелью и политическими способностями. *Такой человек был бы все равно что божество среди людей*. (2) Отсюда ясно, что и в законодательстве следует иметь в виду равных и по их происхождению, и по способностям, а *для такого рода людей и законов не нужно, потому что они сами – закон*. Да и в смешном положении оказался бы тот, кто стал бы пытаться сочинять для них законы: они сказали бы, пожалуй, то, что, по словам Антисфена[25], львы сказали зайцам, когда те произносили речи в собрании животных и требовали для всех равноправия. На этом основании государства с демократическим устройством устанавливают у себя остракизм: по-видимому, стремясь к всеобщему равенству, они подвергали остракизму и изгоняли на определенный срок тех, кто, как казалось, выдавался своим могуществом, опираясь либо на богатство, либо на обилие друзей, либо на какую-нибудь иную силу, имеющую значение в государстве. Согласно мифологическому преданию, по той же самой причине аргонавты покинули Геракла: корабль Арго не пожелал везти его вместе с прочими пловцами, *так как он намного превосходил их*... Остракизм имеет в известной степени то же значение – именно посредством изгнания выдающихся людей подрезывать в корне их могущество... Разве может допустить художник, чтобы на его картине живое существо было написано с ногой, нарушающей соразмерность, хотя бы эта нога была очень красива? Или разве выделит чем-либо кораблестроитель корму или какую-нибудь иную часть корабля? Разве позволит руководитель хора участвовать в хоре кому-нибудь, кто поет громче и красивее всего хора?.. Недаром же там, где дело идет *о неоспоримом превосходстве*, мысль об остракизме находит некое справедливое оправдание... При наилучшем же виде государственного устройства большое затруднение возникает вот в чем: как нужно поступать в том случае, если кто-нибудь будет превосходить других не избытком каких-либо иных благ, вроде могущества, богатства, или обилием друзей, но *будет отличаться избытком добродетели*? Ведь не сказать же, что такого человека нужно устранить или удалить в изгнание; с другой стороны, *нельзя себе представить, чтобы над таким человеком властвовали, потому что в таком случае получилось бы приблизительно то же самое, как если бы, распределяя государственные должности, потребовали власти и над Зевсом. Остается*

[25] Antisth. fr. 66 Mullach.

одно, что, по-видимому, и естественно: всем охотно повиноваться такому человеку, так что такого рода люди оказались бы в государстве пожизненными царями».

Arist. Pol. III. 1288a15 sqq. «Когда случится так, что либо весь род, либо *один из всех будет отличаться и превосходить своей добродетелью добродетель всех прочих, вместе взятых, тогда по праву этот род должен быть царским родом, а один его представитель – полновластным владыкой и монархом*: как уже ранее было сказано, это будет согласно с тем правовым началом, на которое опираются те, кто обосновывает аристократический, олигархический и даже демократический вид государственного устройства; ведь они всюду признают право за превосходством, но не за любым превосходством, а за таким, какое мы обрисовали выше. *Такого выдающегося мужа действительно непростительно было бы убивать, или изгонять, или подвергать остракизму, равно как и требовать от него хотя бы частичного подчинения, ведь части несвойственно быть выше целого, а таким целым и является в нашем случае человек, имеющий такого рода превосходство. Следовательно, остается одно: повиноваться такому человеку и признавать его полновластным владыкой без каких-либо ограничений*».

Имеет ли здесь в виду Аристотель под безусловно выдающимся, «божественным» мужем, которому необходимо повиноваться, конкретно Александра (так нередко считают) или же он говорит в более отвлеченном духе – этот вопрос вряд ли вообще подлежит однозначному решению. Важнее иное – сам характер рассуждения. Философ как бы сам находится в недоумении, ощущает определенное противоречие в постановке вопроса. С одной стороны, от самой идеи полиса он ни в коей мере отказываться не намерен: ведь эта идея – краеугольный камень всех его построений в политической теории. С другой стороны, он уже готов примирить с идеей полиса идею полной и неограниченной монархии.

По мысли Стагирита, если кто-либо из граждан выделяется среди остальных своими достоинствами, возможно лишь два способа поведения по отношению к нему: либо избавиться от такого лица (например, посредством остракизма), либо добровольно подчиниться ему, поставить его выше всех законов и, таким образом, предоставить ему единоличную, абсолютную власть. Или остракизм, или монархия – фактически такая альтернатива выдвигается Аристотелем[26].

Но как согласовать полис – структуру республиканскую по определению – и монархию? Получается так, что монарх, «идеальный герой», просто стоит за рамками полиса. Напомним: «таких людей не следует и считать составной частью государства», «такой человек был бы все равно что божество среди людей». Монарх – величина отдельная, причем величина сопоставимая с полисом как таковым. Можно быть одновременно гражданином полиса и подданным

[26] *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 29–30, 423–424.

монарха. Социально-психологический процесс «от гражданина к подданному» тут прямо-таки у нас перед глазами, мы присутствуем при зарождении категории «граждан-подданных» и, таким образом, стоим у истоков эллинистической политической теории (и практики).

* * *

Традиционно считается (и, видимо, в целом справедливо), что наиболее реалистично мыслил о политических перспективах Эллады Исократ. Правда, имеет смысл напомнить определенные оговорки, сделанные выше, в главе I, в связи с распространенным представлением об этом авторе как «отце панэллинизма». С одной стороны, слово «панэллинизм» у Исократа не встречается, и это вообще не античный термин. С другой стороны, панэллинские тенденции существовали в Элладе, наряду с партикуляристскими, уже с архаической эпохи. Исократ лишь применил представление об эллинском единстве к политической сфере. Да и тут не следует считать, что он призывал отказаться от идеи полиса – такого не было.

Тем не менее все-таки Исократ в своих памфлетах, издававшихся в форме речей (во всяком случае, в некоторых из них) действительно высказывал мысли о необходимости преодоления раздробленности и призывал к объединению греков. Принципиально новыми были, пожалуй, два момента. Во-первых, Исократ не просто предлагал объединяться, но ясно и четко формулировал цель, ради которой это нужно делать. Последнее чрезвычайно важно, ибо объединяться просто ради объединения, понимаемого как самоцель, полисы, конечно не стали бы, поскольку суверенитетом своим очень дорожили.

Цель же, выдвигаемая Исократом, действительно должна была представляться высокой и священной. Создание панэллинского единства мыслилось в этой программе как предпосылка для совместного похода против Персии и ее сокрушения[27]. Это грандиозное мероприятие – Исократ не сомневался – завершится успехом, приведет, как минимум к завоеванию Малой Азии, что уже обозначало бы присоединение к греческому миру новых территорий, обширных и богатых. С точки зрения своей осуществимости нападение на Ахеменидскую державу и вправду не представлялось чем-то утопичным после действий греческих наемников Кира Младшего в самом ее сердце, о которых во всех подробностях поведал компатриотам современник Исократа – Ксенофонт, – а также после кампаний Агесилая Великого против тех же персов.

С последними, как выяснилось, можно победоносно бороться на их собственной территории, вести против них наступательную войну, а не только

[27] См. к этому: *Allen K.H.* Philobarbarism: A Study in Greek Interchanges with the Non-Greeks in the Fourth Century BCE. Diss. Princeton, 2002. P. 170 ff.

оборонительную. Правда, столь же ясно было и другое: никакому отдельно взятому полису это не под силу. Таким образом, именно для того, чтобы одержать верх над восточными «варварами», и нужно было объединяться, действовать совместными усилиями. И ведь действительно, чрезвычайно логичная и притом простая конструкция, которая уже поэтому должна была представляться убедительной. Идея «священной мести» персам придавала высокий смысл акции, которая иначе выглядела бы просто как банальный агрессивный и даже грабительский поход.

А чисто прагматических выгод от атаки на Персию Исократ, естественно, тоже не скрывал. Войну, охватившую Грецию, заявлял ритор, следует перенести в Азию, а богатства Азии – в Европу (Isocr. IV. 187); это решит проблему бедности, вызовет отток незанятого населения на новые земли, избавит Элладу от терзающих ее гражданских смут[28]. Разумеется, в рамках своих построений Исократу приходилось сильно акцентировать представление о вековом, тотальном противостоянии Запада и Востока (хотя сам он, конечно, не был человеком, впервые предложившим данную идею, она зародилась гораздо раньше и четко прослеживается уже у Геродота[29]), мира эллинской культуры и свободы и мира восточного варварства и рабства. Этого ритора и публициста даже иногда называют «отцом геополитики». Безусловно, если выразиться в том духе, что Исократ был идейным вдохновителем деяний Филиппа II и Александра, подобное суждение прозвучит слишком уж прямолинейным преувеличением. Тем не менее полностью отрицать какую-либо связь между теоретической программой Исократа и практическими шагами названных македонских царей тоже, видимо, нет никакого резона.

Итак, цель для объединительного движения поставлена (как мы уже говорили выше, объединяться просто ради объединения никто в греческом мире не стал бы). Но кто же возглавит это объединение эллинов? И тут мы хотели бы констатировать то, что представляется нам вторым важным новым нюансом, звучащим у Исократа. Панэллинское объединение мыслилось ему в форме гегемониальной симмахии, а не в форме равноправного союза полисов федеративного типа (а между тем федерации в Греции во времена Исократа и Аристотеля уже вполне существовали[30]), под эгидой какого-нибудь сильного

[28] Подробный анализ этого круга идей у Исократа см.: *Исаева В.И.* Античная Греция... С. 157–162.

[29] Подробнее см.: *Суриков И.Е.* Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. С. 260 слл. В целом о чертах сходства между Геродотом и Исократом см.: *Maass E.* Untersuchungen zur Geschichte der griechischen Prosa // Hermes. 1887. Bd. 22. S. 566–572.

[30] *Сизов С.К.* Аристотель и греческие федерации (к истолкованию Aristot. Polit. 2. 1261 a 29) // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12: Из истории античности и нового времени: Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2013. С. 226–236; *Funke P.* Staatenbünde und Bundesstaaten. Polis-über-

лидера. Соответственно, для объединения необходим был объединитель, гегемон, в роли какового, скорее всего, должен быть выступить не полис, а конкретная личность[31].

Таким образом вопрос ранее не ставился. Ранее претендовали на гегемонию в Элладе, боролись за нее именно полисы – Афины, Спарта, Фивы... И в конце концов, истощив себя и друг друга, оказались уже не способными добиться этой цели. Вот тут Исократ и предлагает иной угол зрения. И это, между прочим, тоже проявление описанных нами выше тенденций предэллинизма, социально-психологической трансформации «от гражданина к подданному», влекшей усиление позиций монархической идеологии.

Да, Исократ в свете своих планов присматривается прежде всего к монархам – тиранам и царям. Ему интересны такие личности, как кипрские владыки – Евагор и его сын Никокл, – как Ясон Ферский, Дионисий Сиракузский... Но афинского ритора, прожившего почти столетнюю жизнь, ожидало разочарование за разочарованием. «Кипрский проект» окончился ничем, остров вернулся под полный персидский контроль[32]. Ясону судьба даровала лишь недолгое правление. Дионисий был далеко и не выказывал особого интереса к гегемонии в Балканской Греции...

Всем, конечно, прекрасно известно, что в конечном счете Исократ возложил свои упования на Филиппа II – при этом предостерегая того, чтобы он не пытался управлять эллинами деспотически, настаивая на том, что царь Македонии должен стать не царем Греции, а тем самым долгожданным гегемоном, не господином, а спасителем.

Исократовская программа, порождение практического идеолога, конечно, была явлением не одного порядка с «великими проектами» общего характера, которые были выдвинуты философами-теоретиками. А, кстати, само уже рождение таких проектов в немалом количестве именно в IV в. до н.э. является существенным доказательством кризиса классических полисных структур. Дело в том, что не от хорошей жизни пишутся утопии[33]. Для политической мысли

---

greifende Herrschaftsorganisationen in Griechenland und Rom // Unity and Units in Antiquity. Athens, 1994. P. 125–136. Впрочем, явление это было тогда еще относительно новым. Так, относительно Аркадского союза было продемонстрировано, что в V в. до н.э. он еще не существовал: *Nielsen T.H.* Was there an Arkadian Confederacy in the Fifth Century B.C.? // MSAGP. Stuttgart, 1996. P. 39–61.

[31] Ср. к этому: *Фролов Э.Д.* Явление федерализма в политической жизни античной Греции // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 7. СПб., 2008. С. 13–22.

[32] *Суриков И.Е.* Афины и греческий мир в эпоху Платона: политическая история и тенденции в идейной жизни // Платоновский сборник. Т. 2. М. – СПб., 2013. С. 160.

[33] О жанре утопии в Греции в данном контексте см.: *Гуторов В.А.* Античная социальная утопия: Вопросы истории и теории. Л., 1989; *Фрейденберг О.М.* Утопия // Вопросы

V в. до н.э., когда кризисные явления еще не ощущались, было характерно совсем иное – панегирики прогрессу и демократии.

Вернемся к Филиппу. Он, как опять же известно, внял призывам Исократа, – а, может быть, действовал и независимо от них – и утвердил свой контроль над Элладой. Притом он занял именно позицию гегемона – главы панэллинской симмахии – и акцентировал свое невмешательство во внутренние дела полисов. Старая эпоха (полисная классика) кончилась, а новая (эллинизм) еще не наступила. Полисный мир остался полисным миром, хоть и под рукою одного человека. В этом плане Филипп II с полным основанием может быть назван фигурой переходного характера. «Отцом» же эллинизма стал его великий сын, хотя, – надеемся, наша позиция уже стала вполне ясной тем, кто дочитал книгу до этого места, – сам эллинизм долго вызревал во чреве греческой (именно греческой!) цивилизации. Таким образом, если Александр Македонский – «отец» эллинизма, то «мать» его – Эллада.

Во всех предыдущих главах мы обязательно предваряли собственно биографические сведения о том или ином политическом деятеле более или менее детальной характеристикой состояния источниковой базы, дающей информацию о его жизни и деятельности. Совершенно отступать от этой традиции нам и в данном случае не хотелось бы; с другой стороны, писать здесь очерк «Источники об Александре» было бы чистым безумием. Тем более что в очерках подобного рода и без того дефицита отнюдь не ощущается[34]. Поэтому оптимальное решение, очевидно, должно заключаться в том, чтобы ограничиться некоторыми краткими замечаниями.

Некоторые из таких замечаний, кстати, просто-таки напрашиваются. Например, поневоле лезут в голову мысли о φθόνος θεῶν. Как будто древнегреческие небожители, воистину возненавидев Александра, возжаждавшего с ними уравняться, сделали всё для того, чтобы мы знали о нем как можно меньше. Это, конечно, шутка; но отнюдь не шутка, а факт (крайне прискорбный факт) – то, что весьма обильная литература, созданная об Александре людьми, которые его еще застали, погибла безвозвратно. Среди людей этих были персоны самого различного калибра (от Птолемея I и Неарха до Онесикрита и Аристобула), но совершенно ясно, что труды всех их, сохранись они, были бы буквально на вес золота. Увы...

философии. 1990. № 5. С. 148–166; *Bichler R.* Zur historischen Beurteilung der griechischen Staatutopie // Grazer Beiträge. 1984. Bd. 11. S, 179–206; *Dawson D.* Cities of the Gods: Communist Utopias in Greek Thought. Oxf., 1992; *Laks A.* L'utopia legislative di Platone // Polis e cosmo in Platone. Milano, 1997. P. 65–83; *Cartledge P.* Utopia and the Critique of Politics // GT. P. 163–179.

[34] В отечественной историографии вполне достойным примером очерка такого рода является: *Маринович Л.П.* Время Александра Македонского // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 22–65.

В результате все, кто изучает res gestae Александра, вынуждены изучать их с опорой (если говорить о нарративных источниках) на пресловутую «пентаду», включающую Диодора, Трога – Юстина, Курция Руфа, Плутарха и Арриана. Кто из нас когда-то всем этим не зачитывался! Но ведь перечисленные литераторы все, без исключения, жили и писали несколько веков спустя.

Плутарх сопоставил Александра с Цезарем, и с тех пор, в общем-то, нормой стала апелляция к этой паре, к двум величайшим людям античности. Но насколько разнится применительно к этим двоим источниковая ситуация! О жизни Цезаря писал и сам он, и его современники; в результате для каких-то хронологических отрезков мы можем отслеживать его судьбу буквально по дням. Реальную судьбу реального человека. А Александр? Этот сразу предстаёт для нас какой-то предельно мифологизированной фигурой. Оно и верно, что он сам себя еще при жизни усиленно мифологизировал, словами и делами, завоеваниями и распоряжениями[35]. Но всё же, дойди до нас, скажем, труд Неарха – и перед нами, смутно опасаемся, предстал бы какой-нибудь совсем другой Александр.

Нам трудно уйти от этой тяжелой, болезненной темы. Перикла яркими, живыми красками изобразил лично видевший его Фукидид. Из героев этой нашей книги чего-то подобного удостоились Агесилай и (в меньшей мере) Эпаминонд: о них писал Ксенофонт, их современник. О Демосфене уж не говорим: он своими речами exegit monumentum себе самому. И вот – Александр, который, возможно, стоил всех перечисленных, вместе взятых. А мы вынуждены изучать его деяния только на основании свидетельств достаточно поздних авторов. И всей правды о нем, наверное, никогда не узнаем.

Как нам уже не раз доводилось замечать в другой связи, для эпохи эллинизма вообще характерен какой-то историографический «провал». Имеем труд Полибия (да и то далеко не в идеальной сохранности), а от остального – только какие-то ничтожные фрагменты. А ведь тогда работали еще (во всяком случае, на протяжении первой половины эллинистической эпохи) очень крупные историки, не компиляторы, а исследователи, хранившие заветы, что оставили им Геродот с Фукидидом. Иероним Кардийский, бесспорно, был таковым; мы бы не стали недооценивать и Дурида Самосского. Как интересно было бы обладать их трудами (и трудами их менее известных коллег). Как будто бы «огнь истребляющий» прошелся по их наследию... Процесс, о котором мы сейчас говорим, был, разумеется, многофакторным, и хочется со временем посвятить ему отдельное исследование. А пока не можем отделаться от впечатления, что есть тут нечто мистическое, какая-то damnatio memoriae со стороны самих богов, возмущенных вторжением «чужака» в их среду...

[35] Ср.: *Badian E.* Alexander the Great between Two Thrones and Heaven: Variations on an Old Theme // Subject and Ruler: The Cult of the Ruling Power in Classical Antiquity. Ann Arbor, 1996. P. 11–26.

* * *

Александр III Македонский (356–323 гг. до н.э.) был по отцу Аргеадом, тем самым Темендом, тем самым Гераклидом. Таким образом, по мужской линии он возводил свой род к величайшему из героев Эллады и мог в этом плане «тягаться» даже со спартанскими царями – знатнейшими аристократами греческого мира. По матери же, эпирской уроженке Олимпиаде, он считался потомком Ахилла – еще одного славного представителя мира мифологических и эпических героев. Кажется, происхождение от Ахилла льстило Александру (влюбленному в эпос Гомера, в котором Ахилл на первом плане, а Геракл где-то «на обочине») даже больше, чем происхождение от Геракла. От последнего он в какой-то момент ничтоже сумняшеся отрекся, продекларировав, что подлинный его отец – не Филипп II, а Аммон. Ахилла же уважал всегда; хрестоматиен эпизод с посещением Александром Трои в самом начале его похода на Персию, с насмешливым требованием, обращенным к жрецу, – вынести и показать лиру Ахилла, а не Париса...

В 343 г. до н.э. Филипп, подыскивая учителя для сына, остановился на кандидатуре Аристотеля, который и был приглашен в Пеллу, дабы взять на себя общее руководство процессом преподавания наук престолонаследнику. В этом акте часто видят нечто символическое. Величайший из философов, «учитель тех, кто знает», как называл его Данте, в качестве наставника величайшего из полководцев... Впрочем, оценивая ситуацию, нужно помнить, что Стагирит был в то время еще человеком достаточно молодым, сорокалетним, и никак не мог успеть прославиться по всей Элладе как знаменитый мыслитель. Да, в кругу афинской Академии его потенциал, конечно, прекрасно понимали, но вряд ли за ее пределами. Да и говорить приходится на тот момент, подчеркнем, именно только о потенциале, которому еще предстояло быть реализованным. Аристотель, конечно, на тот момент, уже был автором какого-то количества трудов (кстати, как раз они-то до нас и не дошли[36]), но основные его достижения были впереди. А описываемое здесь время вообще было для философа не лучшим. Он после смерти Платона вынужден был покинуть Академию и проживал (фактически прозябал) в захолустном Атарнее, при дворе тирана-евнуха Гермия, чью племянницу он даже взял в жены.

Так что же, македонский царь оказался провидцем, уже предощущавшим будущее величие еще мало кому известного стагирского уроженца? Не похоже, чтобы он был компетентен в философии. Нам думается, что для выбора, сделанно-

[36] Мы допускаем (и даже с немалой долей вероятности), что некоторые из поздних диалогов платоновского корпуса в действительности написаны молодым Аристотелем (в том числе даже знаменитый «Парменид», ср.: *Суриков И.Е.* Сократ. М., 2011. С. 73). Но данный вопрос, безусловно, не может быть рассмотрен в рамках этой книги.

го Филиппом II, просто не могло не иметь значение следующее обстоятельство. Как уже указывалось выше, Никомах Старший, отец Аристотеля, был «врачом и другом» (Diog. Laert. V. 1) Аминты III, отца Филиппа. Соответственно, он должен был в этот период проживать (и полагаем, с семьей) в Пелле, а не в родных Стагирах. Если продолжить этот ход мысли, то следует припомнить, что Аристотель и Филипп II – примерно ровесники. Учитывая близкие отношения их отцов, зафиксированные в нарративной традиции, можно без особых натяжек предположить, что и сами они были друзьями детства.

А затем их жизненные пути резко разошлись. Судьба Филиппа (которого, следует учитывать, не готовили в престолонаследники, поскольку он являлся младшим сыном Аминты) оказалась достаточно сложной. В ней были и заложничество в Фивах, и участие в затянувшейся междоусобной смуте в Македонии, и, наконец, достижение вершин власти в родной стране – вначале в качестве регента, потом в качестве царя. Ну, а Аристотель учился, потом учил... Личные связи между двумя сверстниками на это время, наверное, даже прервались. Но Филипп, полагаем, не забывал, что у него есть былой приятель, получивший столь блистательное образование, а самое главное – в Афинах. В Македонии особенно высоко ставили именно афинскую ученость, да и вообще всё афинское: достаточно напомнить, что языком официальной документации в этом государстве был сделан аттический диалект. И теперь вот Стагирит пригодился.

Выше уже говорилось отчасти о знаменитой коллизии «Аристотель – Александр». Учитель и ученик. Наставник, который под конец стал едва ли не врагом тому, кого он когда-то наставлял (не случайно ведь позже сложилась традиция об участии Аристотеля в отравлении Александра, какой бы беспочвенной эта традиция ни была). Нет сомнения, что царственный отпрыск почерпнул из уроков умудренного мужа много нужного и полезного, но две вещи, относившиеся к числу интегральных элементов аристотелевских взглядов, не нашли в душе юноши никакого отклика, – напротив, пожалуй, вызвали отторжение. Речь идет, понятно, о понимании полиса как единственно возможной для нормальных людей формы жизни, а также о воззрении, согласно которому этими самыми нормальными, полноценными людьми, людьми в строгом смысле слова, созданными для свободы и господства, являются только эллины, в отличие от разного рода «варваров», которые потому полисами и не живут.

В данном плане Аристотель был в высшей степени характерным представителем классической греческой мысли, отковавшим характерные для нее представления в предельно четкие формулировки: (Pol. I. 1252b5 sqq.): «У варваров... отсутствует элемент, предназначенный по природе своей к властвованию. У них бывает только одна форма общения — общение раба и рабыни... Варвар и раб по природе своей понятия тождественные» (Arist. Pol. I. 1252b5 sqq.). Парадоксальным образом эта категоричная сентенция прозвучала на самом

пороге эпохи эллинизма, когда уже и идея полиса пришла к самоисчерпанию, и грань между эллинами и «варварами», казалось бы, ставшая незыблемой, начала медленно, но необратимо стираться – процесс этот в конечном счете нашел кульминацию в известных апостольских речениях, согласно которым «нет ни эллина, ни иудея»...

Здесь следует остановиться, хотя бы вкратце, на одном немаловажном вопросе. Нередко в исследовательской литературе в связи с проблемой «эллины – варвары» можно встретить утверждение, согласно которому сформировавшееся со временем презрение греков к «варварам» (то есть, подчеркнем, всем не-грекам, всем иноплеменникам) есть не что иное, как признак расизма. Если выражаться совсем точно, в самое последнее время в науке предпочитают употреблять более мягкий термин «проторасизм» [37].

Нам весь этот дискурс представляется в корне неверным[38] и являющим собой модернизацию античной ситуации, ее грубый и некорректный перевод в сферу представлений, характерных для наших дней. Ничего специфически расового в отношении греков к «варварам» не было. Как известно, расизм – в какой бы то ни было форме – исходит из того постулата, что одни люди качественно уступают другим по происхождению, «по крови»; в результате от рождения есть люди «первого сорта», «второго сорта», и т.д., и т.п.

Нет ничего более чуждого мировоззрению греков! Они не считали и не могли считать «варваров» людьми, уступающими им самим по происхождению, «по крови». А не могли они так считать по той простой причине, что возводили себя и «варваров» к одним и тем же первопредкам.

Как известно, расизм предполагает сегрегацию. Последняя в крайних случаях (возьмем, например, ЮАР эпохи апартеида) распространяется даже на сферу политической практики. Но даже для тех, кто разделяет расизм только как течение мысли, признать единство происхождения всех людей (ведь это в конечном счете подразумевает их равенство) практически невозможно: такова уж неизбежная логика данной идеологии.

А что же у греков? Согласно их воззрениям, например, персы происходят от прославленного эллинского героя Персея (через его сына, которого так и звали – Перс). Близкие персам мидяне – от Меда, сына афинского царя Эгея от колхидянки Медеи[39]. Родоначальниками египтян признавались Эпаф, Бел

[37] Обоснование данного термина см.: *Isaac B.H.* The Invention of Racism in Classical Antiquity. Princeton, 2006.

[38] Подробнее см.: *Суриков И.Е.* Роль категории полиса в формировании дихотомии «цивилизация – варварство» в античной Греции // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт. М., 2012. С. 47–66. На выкладки, сделанные в этой работе, в значительной мере опирается изложение в нескольких следующих абзацах.

[39] Поскольку сыном того же Эгея (от другого брака) был, согласно мифам, Тесей – самый прославленный афинский герой, так сказать, воплощение Афин par excellence, полу-

и Египт, – соответственно, сын, внук и правнук греческой (аргосской) царевны Ио, соблазненной самим Зевсом. Первопредком скифов считался Геракл[40], и т.д., и т.п. Примеры можно было бы продолжать, но в этом уже нет особого смысла: основная тенденция обозначена[41]. Для всех варварских народов создавалась греческая мифологическая генеалогия!

Как это получилось? Не столь давно (в 2011 г.), на очередных Чтениях памяти В.Т. Пашуто в ИВИ РАН, мы, выступая в дискуссии по докладу М.В. Скржинской, посвященному сопряженной проблематике[42], высказали следующие соображения по этому поводу. Не случайно в семиотике сближают миф и язык. Между этими феноменами действительно есть много общего. Миф в ряде отношений, вне сомнения, является языком и в схожих ситуациях схожим образом «ведет себя» (сознательно употребляем терминологию, подходящую для «виртуальных организмов»).

Так, если язык сталкивается с какой-либо реалией, ранее ему неизвестной, он немедленно создает для нее определение (лексему), чаще всего по принципу аналогии. Равным образом и миф, столкнувшись с чем-то чуждым, немедленно «осваивает» это чуждое, создавая соответствующую мифологему. Цель действия в обоих случаях заключается в том, чтобы вписать новый феномен в существующую картину мира.

Что же касается происхождения «варварских» этносов от эллинских героев, кто-то, возможно, возразит: уже самой подобной парадигмой вроде бы задается «вторичность» варваров по сравнению с эллинами. В понимании греков, варвары происходят от них, а не наоборот!

Однако смеем заверить: случаев «наоборот» тоже более чем достаточно. Самый знатный древнегреческий род – Персеиды (впоследствии назывался Гераклидами, Темендами)[43] – вел свое происхождение, согласно традиции,

---

чается, что, по греческим воззрениям, афиняне и мидяне – эти исконные протагонисты – имели предками единокровных братьев.

[40] Филигранный (хотя во многом спорный) анализ этой греческой мифологемы и ее возможных скифских корней см.: *Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры: Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. М., 1985.

[41] Ссылок не даем во избежание загромождения аппарата, поскольку достаточно просто открыть любое издание «Мифологической библиотеки» Аполлодора и смотреть по указателю.

[42] Тезисы ее доклада см.: *Скржинская М.В.* Идеологическое обоснование права существования античных государств на территории Скифии // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011. С. 258–260.

[43] Об этом роде см.: *Молчанов А.А.* Персеиды–Гераклиды–Темениды: идея непрерывной династической легитимности в официальных родословных античных монархов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 151–159.

из Египта, от упоминавшихся Эпафа и Бела. Древнейшая царская династия такого крупного центра, как Фивы (Кадмиды–Лабдакиды) возводилась к финикийцу Кадму, а к его сестре Европе – первая династия критского Кносса. Наконец, если говорить о таком еще более значительном центре, как Микены (наиболее важном в Греции II тыс. до н.э.), родоначальником последней и знаменитейшей из правящих там династий – Атридов (именно к ней принадлежали Агамемнон, Орест и др.[44]) – считался Тантал, правивший в Малой Азии; его сын Пелоп, согласно легендарной традиции, перебрался в Грецию и стал там владыкой чуть ли не всего Пелопоннеса (собственно, название этого полуострова и означает «остров Пелопа), а уже сыном Пелопа был Атрей, внуками – Агамемнон и Менелай, и т.д.

Подобного же рода примеры постулировавшихся «варварских» корней многих славных героев Эллады можно было бы множить и множить[45]. Но, думается, сказанного уже достаточно. Разумеется, перед нами – чисто мифологический дискурс, имеющий мало общего с эмпирическими фактами. Понятное дело, что античные греки не занимались сравнительной лингвистикой (особенно учитывая их утрированную нелюбовь к изучению чужих языков) и не могли компетентно судить, какие из «варварских» этносов реально родственны им в большей степени, какие в меньшей и т.п.[46]

Но речь сейчас не об этом. Важнее сам характер описываемого мифологического дискурса[47], его общая направленность, которая выражена вполне четко. Перед нами предстает «ментальный космос» (свойственный в наибольшей степени архаической эпохе), в котором «эллинство» и «варварство» предстают как органично связанные между собой части единого мира, а не как отдельные и изолированные миры[48]. Причем связи, о которых идет речь, имеют еще не иерархический, а вполне равноправный характер.

Итак, что же именно (коль скоро это было не происхождение) в глазах грека делало эллина эллином, а «варвара» – «варваром»? Ответ достаточно ясен. Обычно указывают (и с полным основанием) на критерий цивилизо-

---

[44] Об отражении имен самого Атрея (безусловно) и Агамемнона (возможно) в хеттских источниках, что подтверждает существование этих царей как исторических лиц, см.: *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.

[45] См., в частности, другие примеры: *Молчанов А.А.* Отношение к варварам в общеахейской династической традиции // АЦВ. С. 30–46.

[46] Так, с лингвистической точки зрения, например, те же персы или скифы, будучи индоевропейцами, естественно, в большей степени могли считаться «родственниками» греков, нежели египтяне или финикийцы, принадлежавшие к иной языковой семье.

[47] О том, в какой степени определял он собой всё мышление греков, см. хотя бы: *Hartog F.* Le miroir d'Hérodote. P., 2001; *Вен П.* Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. М., 2003.

[48] Ср. *Purcell N.* Mobility and the Polis // GC. P. 29–58.

ванности, – но именно в греческом понимании последней[49]. Иными словами, для грека варваром является тот, кто не приобщен к той самой эллинской παιδεία, включавшей определенный тип культуры и порождаемый им образ жизни. Считалось, что если привезти «варвара» в Элладу, там воспитать его по-эллински, да если он еще вполне воспримет это воспитание, обучится нормально говорить на греческом языке, заживет по греческим обычаям, иными словами, ассимилируется, – то он уже вовсе не будет «варваром», а, напротив, вполне полноценным эллином.

Более того, такой человек мог даже стать видным деятелем эллинской культуры. Вспомним, например, об одной карийской по происхождению (то есть, казалось бы, «варварской») семье, обитавшей в Галикарнассе, причем именно в негреческом, карийском квартале этого города – Салмакиде. К V в. до н.э. эта семья настолько эллинизовалась, что выдвинула из своей среды таких ярких личностей, как «отец истории» Геродот и выдающийся эпический поэт Паниасид[50].

В жилах Геродота, несомненно, текла «варварская» кровь, но у кого повернулся бы язык назвать его варваром? Он был ярким представителем рафинированной эллинской интеллигенции, свободно владел как дорийским, так и ионийским (скорее всего, также и аттическим) диалектами древнегреческого языка. В своем труде Геродот однозначно позиционирует себя как эллин; именно таково его цивилизационно-этническое самосознание. Варвары для него – отнюдь не «свои», а «чужие» (хотя он, разумеется, не мог не знать, что его собственные предки – карийцы, а не «чистокровные» греки).

И vice versa: если человек, являвшийся по этническому происхождению греком, живя на чужбине, забывал греческие обычаи (или по каким-либо причинам не приобщался к ним), он для других греков становился уже «варваром». Приведем характерный пример из Геродота (VI. 41). Когда в ходе подавления персами Ионийского восстания афинский аристократ Мильтиад (будущий победитель при Марафоне) бежал, спасаясь от преследующих его врагов, его старший сын Метиох не успел спастись, был захвачен в плен и доставлен к персидскому царю Дарию. «Дарий не причинил ему, однако, никакого зла. Напротив, царь сделал пленнику много добра: он пожаловал ему дом, поместье и персиян-

[49] У тех же народов Востока понимание цивилизованности было в достаточной мере иным, и с их точки зрения сами греки могли представляться варварами. Подробнее см.: *Суриков И.Е.* На периферии великих цивилизаций Востока: античные греки как варвары // Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством. Вып. 2. М., 2013. С. 42–64.

[50] Паниасид, насколько можно судить, являлся одновременно дядей Геродота по материнской линии и его двоюродным братом по отцовской линии. Об этом, а также в целом об истории семьи см.: *Суриков И.Е.* Закон с родины Геродота и его исторический контекст // ВЭ. Вып. 4. М., 2010. С. 63–81.

ку в жены. От этой женщины у Метиоха родились дети, *которые считались уже персами*» (курсив наш – И.С.)[51].

Наверное, имеет смысл подчеркнуть: дети Метиоха считались персами вовсе не потому, что их мать была персиянкой. Греков в эпоху, о которой идет речь, ни в малейшей мере не интересовало происхождение матерей тех или иных личностей; вполне достаточно было, чтобы отец являлся эллином. Упомянем, в частности, что матерью знаменитого афинского полководца V в. до н.э. Кимона (кстати, он – единокровный брат только что упоминавшегося Метиоха) была фракиянка Гегесипила. Принижало ли это его хоть в какой-то степени? Конечно, нет. Значение имело только то, что отцом Кимона был высокородный эллин Мильтиад. Кстати, велика вероятность того, что и у не менее знаменитого Фемистокла мать тоже не являлась гречанкой[52].

Отметим еще один интересный нюанс. В эпоху Великой греческой колонизации эллины, отправляясь основывать колонии, зачастую вообще не брали с собой женщин, отбывали чисто мужскими коллективами. Считалось, что семьями они без проблем обзаведутся «на месте», взяв в жены представительниц местных «варварских» этносов. Именно так они и поступали[53]. Дети, рождавшиеся от таких смешанных браков, в генетическом плане были метисами, но в плане цивилизационном воспринимались как чистые эллины, поскольку отцы, разумеется, давали им воспитание античного греческого типа. Повторим и подчеркнем еще раз мысль, которая представляется нам исключительно важной и принципиальной: греки не были расистами, пресловутые «вопросы крови» их совершенно не волновали. Эллином считался тот, кто живет как эллин, а «варваром» – тот, кто живет как «варвар». Именно поэтому у Геродота дети Метиоха и названы персами: потому что они родились, росли и жили не в мире греческих полисов, а в Персидском царстве, получили соответствующее воспитание и т.п.

Сказанное применимо к уровню отдельных индивидов. Что можно сказать о критериях, применявшихся на более крупном уровне – на уровне социумов? Что делало для грека то или иное общество, государство эллинским или «варварским»?

В этой сфере первостепенным, ключевым событием было появление вполне типичного для Греции, но в мировом масштабе уникального феномена полиса, полисного типа социума и государственности. Пожалуй, именно наличие полиса было тем главным критерием цивилизованности, которого греки не находили у «варваров» (вне зависимости от того, какие это были «варвары» – полудикие фракийцы или культурнейшие египтяне).

[51] В связи с этим эпизодом см.: АГ-1. С. 306–307.

[52] См. к проблеме: АГ-2. С. 150–152.

[53] См., например: *Coldstream J.N.* Geometric Greece: 900–700 BC. 2nd ed. L. – N.Y., 2003. P. 395.

Интересно в связи со сказанным, что, когда греки впервые столкнулись с римлянами, они долго спорили, считать ли их варварами или нет, и не могли прийти к единому мнению (отголоски этих споров см., например, у Полибия: IX. 37. 5; IX. 38. 5; XI. 5. 6; XVIII. 22. 8). В конце концов они все-таки остановились на том мнении, что римляне варварами не являются (а поскольку признать их эллинами тоже было невозможно, то пришлось создать для них особую «нишу» в своем «ментальном космосе»). И решили греки именно так, насколько можно судить, по той причине, что признали наличие у римлян полисной организации (последнее соответствовало действительности[54]).

Знакомясь, начиная с архаического периода, с государствами Востока и сравнивая их со своими собственными, греки, разумеется, сразу же замечали ряд принципиальных отличий. Бросалось в глаза, что древневосточные государственные образования полисами ни в каком отношении не являются. Хотя бы уже из-за своих размеров.

Для Аристотеля образцовое государство должно быть таким, чтобы его территория была легко обозрима, а все граждане лично знали друг друга (см. соответствующий пассаж: Arist. Pol. VII. 1326a – 1327a; к этому же пассажу относятся и далее приводимые цитаты). Иными словами, образцовым государством в его понимании определенно является полис, и ничто иное. Ясно, что указанные здесь критерии были никак не применимы к государствам Востока, которые были значительно крупнее и в территориальном отношении, и по населению. Аристотель иронизирует по этому поводу: «...Кто станет военачальником такого до чрезвычайных размеров возросшего множества, кто будет глашатаем, если он не обладает голосом Стентора?»

Закономерно Стагирит заключает: «Государство с чрезмерно большим населением, правда, является самодовлеющим (αὐτάρκης) в отношении удовлетворения насущных потребностей, однако же оно скорее племенная единица, нежели государственная (ἔθνος, ἀλλ' οὐ πόλις), так как ему нелегко иметь какое-либо правильное устройство». Как видим, для греческого философа «варварская» государственность фактически даже не является государственностью: он употребляет по отношению к ней не привычный термин πόλις, а термин ἔθνος, относившийся обычно к племенным объединениям[55]. Хотя мы с нашей современной точки зрения, конечно, никак не назвали бы, например, Египетское царство или Ахеменидскую державу племенными объединениями: это совершенно полноценные государства[56]. Однако с точки зрения Аристотеля

[54] *Дементьева В.В., Суриков И.Е.* Античная гражданская община: греческий полис и римская civitas. Ярославль, 2010.

[55] Об этом термине и вкладывавшемся в него смысле см. наиболее подробно: *Morgan C.* Early Greek States beyond the Polis. L. – N.Y., 2003.

[56] Ныне имеет место скорее противоположная крайность: некоторые ученые (правда, в основном политологи, а не историки-антиковеды) заявляют, что античный полис не яв-

(и, пожалуй, любого грека) «для величины государства, как и для всего прочего – животных, растений, орудий, существует известная мера». И он приводит известное сравнение: корабль размером в два стадия (около 360 метров) уже не будет кораблем.

Впрочем, не только в размерах дело. Полисный тип социума неразрывно связан с категориями гражданина, гражданственности, политической свободы, сопряженной с властью закона[57]. Нигде, кроме как у себя в эллинском полисном мире, греки этих категорий не обнаруживали. В других странах они сталкивались либо с обществами, состоящими из подданных, либо с племенной свободой-«волей». Ни то ни другое, разумеется, не имело ничего общего с подлинной политической свободой, что и давало грекам повод считать «варварами» всех остальных, кроме самих себя[58].

Особенно связанной с пресловутым «варварством» казалась грекам именно категория подданства, причем они отождествляли последнюю с категорией рабства. Как им представлялось, «варвары», то есть жители восточных государств, – вечные рабы, «рабы по природе» (этот мотив, соответственно, также настойчиво звучит у Аристотеля).

Приведем в связи со сказанным две цитаты из Геродота. Первая – слова, обращенные к персидскому владыке Ксерксу опальным спартанским царем Демаратом. Греки характеризуются Демаратом следующим образом: «Бедность в Элладе существовала с незапамятных времен, тогда как доблесть приобретена врожденной мудростью и суровыми законами. И этой-то доблестью Эллада спасается от бедности и тирании... Они (эллины, в данном случае прежде всего спартанцы – И.С.) свободны, но не во всех отношениях. Есть у них владыка – это закон, которого они страшатся гораздо больше, чем твой народ тебя. Веление закона всегда одно и то же: закон запрещает в битве бежать перед любой военной силой врага, но велит, оставаясь в строю, одолеть или самим погибнуть» (Herod. VII. 102–104).

Вторая цитата – слова, сказанные двумя другими знатными спартанцами, Сперфием и Булисом, персидскому вельможе Гидарну. Перс, встретившись с ними, высказал недоумение (а дело происходило во время Греко-персидских войн): почему же греки так решительно сопротивляются, не хотят подчиниться «Великому царю» (так греки традиционно именовали владыку персов)? Ведь

лялся государством, поскольку он не имел бюрократии, а это, дескать, обязательный признак государственности. Полемику с данной (безусловно неверной) точкой зрения см., например: *Медведев А.П.* Был ли греческий полис государством? // АМА. 2006. Вып. 12. С. 17–32 (отметим только, что идеи в данной работе вполне верные, а вот аргументация – несколько неумелая).

[57] См. в связи с этим: *Суриков И.Е.* Геродот. М., 2009. С. 40–42.

[58] Ср. об антитезе «греки – варвары»: *Cartledge P.* The Greeks: A Portrait of Self and Others. Oxf., 1993. P. 11.

тот умеет ценить доблесть, и под его властью не так уж и плохо живется. Греки ответили: «Гидарн! Твой совет, кажется, не со всех сторон одинаково хорошо обдуман. Ведь ты даешь его нам, имея опыт лишь в одном; в другом же у тебя его нет. Тебе прекрасно известно, что значит быть рабом, а о том, что такое свобода – сладка ли она или горька, ты ничего не знаешь. Если бы тебе пришлось отведать свободы, то, пожалуй, ты дал бы нам совет сражаться за нее не только копьем, но и секирой» (Herod. VII. 135).

Итак, позиция, которую мы встречаем здесь, вполне ясна. Она заключается в следующем: главное отличие эллинов от варваров в том, что варвары – все, даже знатные, богатые, доблестные – живут в условиях постоянного рабства. Они всецело во власти царя, обязаны подчиняться и терпеть любой его произвол.

А мир эллинов – это мир свободы. Но не только: если выражаться совсем точно, это мир *свободы и закона*[59]. Варварам, людям Востока, чуждо и то, и другое. Именно потому они – не просто иные по сравнению с греками, а представляют себе настоящую противоположность им. Так считал Геродот, так считали и его современники, прочие жители эллинского мира, проводя грань между двумя «культурными мирами», на которые, по их мнению, разделялась вся обитаемая земля, именно по этой линии: свобода и закон – рабство и произвол. Именно такова позиция еще и Аристотеля. И в ней нельзя не заметить наличия внутренней согласованности и последовательности: признание полиса оптимальной, едва ли не идеальной формой общежития должно было автоматически влечь за собой отношение к «варварам» как к людям «второго сорта».

Но, как отмечалось выше, Александру весь этот круг идей, этот, если угодно, эллинский «шовинизм» или даже «расизм» (хотя, как отмечалось выше, последний термин здесь неприемлем по принципиальным причинам) был совершенно чужд. И убежденным адептом идеи полиса будущий «владыка полумира» так никогда и не стал. Вне всякого сомнения, подобные разногласия были в числе факторов, способствующих дальнейшему обострению отношений между учеником и учителем[60].

Да и в целом было ли определяющим влияние Стагирита на формирование личности Александра? Скорее нет, чем да. На взрастающего героя гораздо более сильное впечатление должна была оказывать повседневная жизнь македонского двора – с ее пьяными кутежами[61], интригами, необузданным порой насилием...

---

[59] В связи с упомянутыми двумя категориями см. два классических труда, прекрасно дополняющих друг друга: *Ostwald M.* Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy. Oxf., 1969; *Raaflaub K.* Die Entdeckung der Freiheit: Zur historischen Semantik und Gesellschaftsgeschichte eines politischen Fundbegriffes der Griechen. München, 1985.

[60] Ср.: *Mikroyannakis E.* Aristotle and Alexander: On the Gradual Deterioration of their Relationship // MiA. P. 37–39.

[61] Этим македонским попойкам недавно была посвящена целая серия в статей в одном

* * *

После гибели Филиппа II Александр, конечно, унаследовал престол, хотя не сказать чтобы совершенно без проблем. Не могло не помниться, что у него был разлад с отцом в последний период жизни последнего. Отношения испортились из-за развода Филиппа с Олимпиадой, матерью Александра[62]. Царевич повел себя, как повел бы любой нормальный человек в подобной ситуации: стал, естественно, защищать родительницу перед несправедливо поступившим с ней супругом. Филиппа – при его-то нелегком характере – подобные «выпады» только сильнее раздражили; он удалил от себя Александра и не стеснялся публично намекать на то, что, если у него родится сын от новой жены – молодой Клеопатры, – он-то и будет назначен новым наследником взамен вышедшего из милости отпрыска. Может быть, это и была лишь «пустая болтовня» с его стороны, но тем не менее не исключено даже, что именно она-то и стоила ему жизни. Насчет последнего сразу заметим: мы отнюдь не намекаем на обязательную личную причастность Александра к гибели отца. Сама Олимпиада оставалась сильной и властолюбивой женщиной, готовой для достижения нужной ей цели (в данном случае воцарения на македонском престоле именно ее сына, а не чьего-либо иного) идти буквально на всё что угодно, как показала вся ее последующая судьба. И пусть она на тот момент отбыла на родину в Эпир; но связи при пелльском дворе, надо полагать, у нее оставались. Да даже и помимо бывшей царицы: высшие македонские вельможи, – во всяком случае, те из них, кто испытывал реальное желание печься о дальнейшей судьбе страны, – не могли не задумываться о том, кто предпочтительнее в качестве следующего правителя: юноша в полном расцвете сил, уже зарекомендовавший себя в делах военных и государственных с самой лучшей стороны, или же только имеющий родиться ребенок, из которого непонятно что со временем выйдет (тем более что, как было всем известно, Филипп уже успел произвести на свет одного умственно неполноценного сына – Арридея).

Впрочем, любые разговоры о подоплеке насильственной кончины Филиппа II приходится оставить как гадательные. А здесь заметим еще, что у Александра имелся и конкурент действительно сильный с точки зрения легитимности (но, впрочем, только с этой) – его двоюродный брат Аминта IV, этот «македонский

и том же издании: *Beneker J.* Drunken Violence and the Transition of Power in Plutarch's *Alexander* // SPhP. P. 193–200; *Molina Marín A.I.* Política y confrontación en los banquetes macedonios en la obra de Plutarco // SPhP. P. 201–209; *Gomez P., Mestre F.* The Banquets of Alexander // SPhP. P. 211–222.

[62] Об отношениях между Филиппом II и Олимпиадой в целом см.: *Greenwalt W.* Philip II and Olympias on Samothrace: A Clue to Macedonian Politics during the 360s // Macedonian Legacies: Studies in Ancient Macedonian History and Culture in Honor of E.N. Borza. Claremont, 2008. P. 79–106.

Иоанн Антонович». Он ведь уже успел и побывать царем (правда, лишь номинально), и принадлежал к более старшей ветви Аргеадов. Всё, что мы знаем об этом Аминте, ярко свидетельствует против того, чтобы считать его человеком амбициозным. Тем не менее, очевидно, какая-то группа македонской аристократии постаралась втянуть его в некий заговор (Curt. VI. 9. 17) – или, скорее, затеять заговор, просто используя его имя, вне сомнения, достаточно громкое в Македонии? Как бы то ни было, Александр достаточно быстро устранил Аминту физически.

Были и претенденты рангом поменьше, – как правило, на локальном уровне, в отдельных областях страны, то есть сепаратисты. Александр так или иначе расправлялся и с ними, подавлял мятежи на границах, отражал вторгающиеся извне племена, упрочивал свою позицию в качестве гегемона эллинов... Всё это прекрасно известно, и существуют достаточно детальные описания упомянутых тут событий – в любой приличной монографии об Александре Македонском или о Македонии в целом. О каких-то из фактов, пришедшихся на полтора-два года между воцарением Александра и началом похода на Восток, упоминалось и у нас, выше (в главе, посвященной Демосфену).

Равным образом на военном аспекте его деятельности в Персии, куда он вторгся в 334 г. до н.э., останавливаться здесь неуместно. Может быть, не будет излишней разве что «телеграфная сводка». Поражение ахеменидских войск в трех генеральных сражениях (Граник, Исс, Гавгамелы), из которых в последних двух персидским войском командовал сам «царь царей» Дарий III. В промежутке – овладение Финикией и богатым Египтом. После Гавгамел – захват крупнейших центров Персидской державы: Вавилона, Суз, Персеполя, Экбатан. Попытка Дария бежать в восточные сатрапии, дабы набрать силы для продолжения борьбы; его убийство собственными приближенными. Александр в статусе полноправного преемника Дария и нового «царя царей»[63] движется с войском дальше на восток, действуя теперь уже в ином ключе – не как завоеватель, а как законный правитель, подавляющий сепаратизм мятежных сатрапов. Примерно двухлетняя задержка в Средней Азии[64], вызванная партизанской борьбой местного населения во главе со Спитаменом (именно тут, пожалуй, впервые Александр начал сталкиваться с серьезными трудностями, в то время как он проходил через области Персидского царства буквально «как нож сквозь масло»). Некоторое нарастание негативных настроений по отношению к Александру в связи с сознательным восприятием им персидских

[63] *Nawotka K.* Alexander the Great: King of Persia // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12: Из истории античности и нового времени: Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2013. С. 187–199.

[64] В том числе в Маргиане (*Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.Н.* Александр Македонский в Маргиане // ВДИ. 2000. № 1. С. 3–15), где автору этих строк в 1980-х гг. довелось поработать лопатой.

обычаев и ценностей; несколько заговоров против него, не приведших, впрочем, к успеху[65]. Поход в Индию в страстном желании дойти «до конца земли»; покорения ряда территорий в долине Инда и последующее возвращение назад вследствие отказа войска продолжать движение.

В конце концов Александр обосновался в Вавилоне, решив сделать этот древний и славный город столицей своей огромной державы. В Македонию, откуда был начат Восточный поход, в родную Пеллу царь никогда уже больше не возвратился. Ощущая себя в расцвете сил, он планировал продолжить завоевательные мероприятия, буквально «горя» новыми планами. Царь готовил поход на Аравию, а в дальнейшем помышлял об экспедиции на запад, на Карфаген, Италию, Сицилию, мечтая дойти до «Геракловых столпов» (Гибралтарского пролива). Однако в самый разгар военных приготовлений Александр внезапно тяжело заболел. Болезнь развивалась стремительно, не помогали никакие лекарства, в 323 г. до н.э. великий полководец скончался в Вавилоне в возрасте 33 лет.

Смерть его была настолько неожиданной, что в войске немедленно поползли слухи об отравлении (как отмечалось выше, называлось и имя Аристотеля). Вряд ли когда-нибудь ученым удастся раскрыть истинные причины кончины Александра. Можно сказать только, что предположение о естественной смерти от болезни не кажется невероятным, несмотря на молодость царя. Ведь следует учитывать, что в течение всей своей жизни он совершенно не щадил себя, участвовал в битвах в первых рядах войска, неоднократно получал тяжелейшие ранения, после которых ему чудом удавалось остаться в живых. Все это не могло не подорвать его здоровья, равно как и, постоянные кутежи на пирах, неумеренный образ жизни.

Практически сразу после того, как «покоритель мира» сошел в могилу, в только что созданной им колоссальной державе началась ожесточенная борьба за власть между его полководцами – диадохами («преемниками»). Все они были опытными, закаленными в битвах воинами, одаренными, сильными, жестокими и донельзя амбициозными людьми. Каждый из диадохов стремился к власти, к расширению подконтрольных ему территорий, к утверждению превосходства над соперниками, и они постоянно вступали друг с другом в междоусобные распри. Борьба между диадохами вылилась в сорокалетнюю почти непрерывную серию кровопролитных войн. И Греция, и Ближний Восток на протяжении всего этого времени были ареной военных действий. Лишь к концу первой четверти III в. до н.э. наступила (относительная!) стабилизация и можно было подводить определенные итоги.

Итоги же эти были таковы. Держава Александра распалась. Сами диадохи

[65] *Руденко М.Н.* Македонская армия и массовая оппозиция Александру Великому в 334–323 гг. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008.

почти все погибли в ходе борьбы, а их преемники теперь правили в возникших на месте былого кратковременного единства нескольких новых мощных государственных образованиях – эллинистических монархиях. Среди последних обычно выделяют три «сверхдержавы»: государство Селевкидов, охватившее бóльшую часть азиатских владений Александра (то есть основную территорию бывшей Персии), государство Птолемеев, находившееся в Египте, но включавшее в себя также и некоторые другие регионы за пределами этой страны[66], а также Македония Антигонидов.

На периферии этих крупнейших монархий существовали меньшие по размеру и политической роли государства; одними из них управляли потомки менее значительных участников войн диадохов, в других у власти остались старые династии, сохранившиеся еще с ахеменидского времени и теперь в той или иной степени приобщившиеся к греческому образу жизни. Особая ситуация сложилась в Балканской Греции, где по-прежнему сохранялись полисы, но в значительной своей части они фактически утратили свой государственный суверенитет и в основном шли в фарватере политики крупных царств. Как бы то ни было, в ходе борьбы диадохов и после ее окончания все четче очерчивались контуры новой эпохи античной истории – эпохи эллинизма. Занималась заря этой эпохи, и заря, надо сказать, кровавая...

А для самой «старой Эллады» походы Александра и их последствия стали роковыми, нанесли по ней удар, от которого трудно было оправиться. Колыбель греческой цивилизации – юг Балканского полуострова и регион Эгейского моря – в новых исторических условиях утратила почти все былые позиции. В областях материковой Эллады происходил постепенный упадок экономической, социальной, политической жизни, главные центры которой сместились на эллинистический Восток.

В чем же причины этого парадокса? Ведь восточный поход фактически явился претворением в жизнь политической программы Исократа, который был твердо уверен, что предлагаемое им военное мероприятие принесет с собой только хорошее. Но он, если применить шахматную терминологию, смотрел на один ход вперед, а не на два. Потому-то конечные результаты происшедших процессов и оказались во многом иными, не столь радужными, как представлялось этому идеологу поздней классики.

Действительно, отток на завоеванные восточные земли значительной части греков (Исократ это предсказывал) первоначально несколько разрядил внутренние противоречия, снизил земельный голод, бывший следствием перенаселения, и социальную напряженность. Однако затем продолжавшееся

[66] См. перечисление этих внеегипетских владений Птолемеев на момент их наибольшего расширения (при Птолемее III) в: *Ханиотис А.* Война в эллинистическом мире: Социальная и культурная история. СПб., 2013. С. 101.

уменьшение количества жителей стало, напротив, одним из факторов упадка, поскольку это в конечном счете приводило к настоящему запустению страны. Следует учитывать еще и то, что на Восток уходили лучшие людские силы, самые энергичные и предприимчивые граждане, то есть налицо были не только количественные, но и качественные потери.

С другой стороны, приток огромных денежных средств из завоеванной Персии тоже предусматривался программой Исократа, но и он вызвал весьма неоднозначные последствия. Поскольку количество денег в обороте резко возросло, а производимых в греческих полисах товаров, естественно, не стало больше, то (как уже говорилось несколько выше) дали о себе знать инфляционные эффекты; произошли падение платежеспособности монеты и значительный рост цен на всю продукцию сельского хозяйства и ремесла.

Греция всегда была бедной, скудной по своим ресурсам страной, но теперь эта бедность стала особенно заметной на фоне богатства эллинистических держав Востока. Каких-то принципиально новых явлений в организации сельскохозяйственного и ремесленного производства не наблюдалось. Как в социально-экономической, так и в политической сферах кризис полисной системы, начавшийся еще в конце классической эпохи, продолжался, усугублялся и, не находя выхода, переходил в полный застой.

Из региона передового во всех отношениях Балканская Греция постепенно превращалась в глухую провинцию эллинистического мира, овеянную ореолом своей прежней славы, но уже не игравшую, как прежде, значительной исторической роли. В военном отношении армии греческих полисов теперь тоже, конечно же, не могли на равных противостоять мощным вооруженным силам эллинистических монархий. Отсюда проистекал переход этих маленьких государств в ту или иную степень политической зависимости от более сильных правителей.

Только в исключительных случаях отдельным полисам удавалось приспособиться к новой ситуации, сохранить суверенитет и даже добиться процветания. В сущности, в данной связи можно, пожалуй, назвать лишь Родос. Этот остров в юго-восточной части Эгейского моря, в конце V в. до н.э. ставший посредством синойкизма единым полисом, на протяжении классической эпохи, в общем-то, не находился в числе передовых центров Эллады[67]. Но теперь, в эллинистическом мире, его значение чрезвычайно возросло. Родос сумел отстоять независимость в период войн диадохов и в дальнейшем оставался само-

[67] О его общем положении в это время см.: *Berthold R.M.* Fourth Century Rhodes // Historia. 1980. Bd. 29. Ht. 1. S. 32–49; *Westlake H.D.* Conon and Rhodes: The Troubled Aftermath of Synoecism // GRBS. 1983. Vol. 24. No. 4. P. 333–344; *Антонов В.В.* Родос между Спартой и Афинами на рубеже V–IV вв. до н.э. // ИИАО. Вып. 11. Нижний Новгород, 2008. С. 57–68.

стоятельным государством, республикой с умеренно-олигархическим устройством. Остров стал сильнейшей морской державой в бассейне Эгеиды, одним из главных экономических, политических, культурных центров новой эпохи, равноправным партнером эллинистических владык. В это время родосцы владели также и материковыми землями на побережье Малой Азии.

Процветание Родоса следует считать скорее исключением. Что же касается большинства греческих полисов материка, то их положение на протяжении эпохи эллинизма было совсем незавидным. Многие города находились под властью Македонии, поставившей в них свои гарнизоны. Так, важнейшей опорой македонского владычества в Элладе был Коринф, удобный своим стратегическим положением на Истме (контроль над ним позволял отрезать Южную Грецию от Средней) и располагавший прекрасно укрепленным акрополем. Другими опорными пунктами македонян в Греции были Халкида на острове Эвбея и Деметриада – город в Фессалии, основанный Деметрием Полиоркетом. «Оковами Эллады» называли эти три крепости противники македонской гегемонии.

Некогда блестящие политические центры – Афины, Фивы (восстановленные в 316 г. до н.э. диадохом Кассандром) – утратили свою былую роль. Теперь они по большей части были вынуждены отказаться от самостоятельности на межгосударственной арене и в основном шли в фарватере эллинистических монархий, лавируя между ними и таким способом пытаясь получить те или иные выгоды для себя. Изменить ситуацию оказывалось уже невозможным. Так, в 267–262 гг. до н.э. ряд греческих полисов во главе с Афинами вел при поддержке птолемеевского Египта так называемую Хремонидову войну против Македонии. Греки, естественно, потерпели поражение, и в Афинах был поставлен македонский гарнизон. Но, как отмечалось уже в главе I, даже если бы война оказалась успешной для начавших ее полисов, это не сделало бы их фактически независимыми, а лишь перевело бы их из македонской зоны влияния в египетскую.

В Афинах имели место имитирование демократии и тихое превращение в «город-музей», славный лишь громкими деяниями прошлого, в этакую «туристскую Мекку». Едва ли не единственным греческим полисом, который по-прежнему не желал отказываться от своих традиционных военно-политических амбиций, оставалась Спарта[68]. Однако эти амбиции было всё труднее претворять в жизнь, тем более что спартанский полис, как мы видели, еще с IV в. до н.э. находился в состоянии тяжелого кризиса. После Агесилая Великого продолжало возрастать имущественное неравенство, едва ли не более быстрыми темпами, чем ранее, происходил распад гражданского коллектива спартиатов.

[68] Об этом периоде ее истории см.: *Cartledge P., Spawforth A.* Hellenistic and Roman Sparta: A Tale of Two Cities. 2 ed. L. – N.Y., 2002.

Если после «реформ Ликурга», в эпоху архаики, существовало 9000 спартиатских хозяйств, то в середине III в. до н.э., в Спарте насчитывалось лишь 700 полноправных граждан, владевших участками земли, а остальные спартиаты совершенно разорились и обнищали.

Реформы Агида IV и Клеомена III могли бы, наверное, вдохнуть новую жизнь в «лакедемонскую политию», кабы время было иное, но теперь – поздно, поздно... После неудачи и гибели царей-реформаторов спартанский полис уже окончательно утратил свою уникальность (сохранились – даже до римского времени – разве что некоторые элементы знаменитой ἀγωγή, да и то, боимся, опять же скорее для привлечения туристов, которым, безусловно, было интересно посмотреть, как на алтаре Артемиды бичуют мальчиков). Спарта даже обзавелась оборонительными стенами! Прервалась традиция двойной царской власти – этого интегральнейшего института спартанского государственного устройства. Управление находилось в руках сменявших друг друга тиранов. Последний из этих тиранов, Набид, правивший на рубеже III–II вв. до н.э., действовал еще более радикальными методами по сравнению даже с Агидом и Клеоменом[69]: предоставлял гражданские права не только периэкам, но даже и илотам, а также воинам-наемникам, насильственно конфисковывал имущество аристократов. В правление Набида произошел последний, весьма краткий, военно-политический подъем Спарты. Однако совокупными усилиями его противников в Греции, поддержанных на этот раз Римом, он в конце концов был разбит. Звезда Спарты навсегда закатилась.

Новым явлением в политической жизни эллинистической Греции стало большое развитие «федераций», глубоко интегрированных симмахий негегемониального типа, построенных на основе равноправия полисов-членов (обычно говорят в данном контексте об Ахейском союзе и Этолийском союзе). Но уже в главе I этой книги нами было высказано наше принципиальное мнение об этих «федерациях» (в принципе, кавычки без ущерба можно было бы и снять, но что от этого изменится?), предпринято некоторое смещение акцентов по сравнению с тем, как пишут о них обычно (с трудом скрывая радость от того, что, дескать, эллины наконец-то начали осознанно объединяться!). Начали-то начали, но всё из-за подрыва интегральных полисных принципов.

А самое главное – в том, что теперь мы обсуждаем уже какие-то периферийные события. Для V в. до н.э. и Греко-персидские войны, и даже Пелопоннесская война относились, бесспорно, к главным, определяющим событиям тогдашней *мировой* истории. Равным образом относились к таковым для следующего столетия и кризисные процессы в ведущих греческих полисах, и – уж точно! – походы Александра с соответствующими последствиями. А кто отнесет к собы-

[69] Сопоставительный анализ их деятельности см.: *Ласи Р.М.* Применимость понятия революции к реформам Агида, Клеомена и Набида в Спарте // ВДИ. 2000. № 4. С. 79–85.

тиям сопоставимого масштаба, если брать III в. до н.э., деятельность Арата по расширению и укреплению Ахейского союза, или реформы Агида и Клеомена в Спарте, или попытки Афин избавиться от стоящего в Пирее македонского гарнизона (попытки, в конечном счете увенчавшиеся успехом)?

Плутарх, конечно, отнесет (и часть перечисленных событий эксплицитно отнес). Но взгляд Плутарха – это взгляд позднего потомка, почтительно рассматривающего портреты предков в фамильном кабинете и не ощущающего между этими предками особой разницы. Так и Пушкин гордился равно и тем, что

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил, –

и тем, что его прадед по другой линии полтысячелетия спустя был «арапом Петра Великого» и чуть ли не выходцем из рода эфиопских негусов.

Но нас, профессиональных историков, чье становление в профессии пришлось все-таки на рубеж XX–XXI веков, жизнь приучила смотреть на вещи исторически. Чем бы там ни баловались жители Балканской Греции в III, II или I в. до н.э., – для нас совершенно ясно, что подлинно *мировые* события свершались тогда не в этом регионе, а либо восточнее, либо уж западнее. Если история – некое грандиозное театральное действо, то сменилась сама основная сцена этой постановки.

С Филиппом II греческий полисный мир не пришел еще к окончательному краху; перспективы, в принципе, были поливариантны. Крах случился чуть позже. Перспективными представляются нам размышления о «точках бифуркации», каковые, в сущности, являются моментами выбора. Во времена Александра и его преемников выбор был сделан.

Кто делает выбор подобного рода? Александр был фигурой такого масштаба, что с ним, как говорится, на равных общалась сама Судьба. Он более, чем кто-либо, подходил для роли «того, кто выбирает». И он выбрал. Его выбор дальнейшего пути был совершенно «анти-аристотелевским». Вместо полиса как абсолюта – мировая держава, в которой со временем должны просто «раствориться» полисы. Не «эллины» и «варвары» – а единый мир подданных единого царя.

Александр в 334 г. до н.э. покидал Европу как гегемон греков, подтвердивший условия, принятые его отцом, который обязался не вмешиваться во внутренние дела полисов. Но впоследствии он перестал считать себя связанным этими обязательствами и, таким образом, в отношениях с греческими полисами отошел от традиций Филиппа II, стал вести себя с ними не как гегемон Эллады, а как неограниченный властелин, царь. Он по своему произволу вмешивался во внутренние дела греков и этим грубо нарушал решения Коринфского конгресса 337 г. до н.э.

В частности, в 324 г. до н.э. он издал указ, предписывавший всем полисам принять обратно граждан, подвергнутых изгнанию, и эллинам пришлось, затаив недовольство, подчиниться этому распоряжению. Особенно болезненно это распоряжение было для афинского полиса: их обязывали предоставить независимость острову Самосу, которым Афины владели уже давно (с 365 г. до н.э.) и на котором находилась клерухия афинских граждан[70]. Теперь клерухи должны были покинуть Самос и вернуться в Аттику; естественно, вставали проблемы, где их размещать, откуда взять для них земельные наделы и т.д.

Другой указ требовал от греческих городов признать божественный статус Александра. Пришел этот рескрипт и в Афины. Скрепя сердце, афиняне вынуждены были опять же повиноваться. Демад написал законопроект, народное собрание приняло его, и Александр был провозглашен богом. Вполне естественно, что на великого македонянина смотрели со смесью самых различных чувств – восхищения, страха, даже ненависти.

На просторах империи Александра места для независимых полисов не было. Всем известно, что в ходе своих военных кампаний он основал на завоеванных землях десятки городов. Часть из них основывались сразу как полисы; другие, видимо, вначале имели статус военных колоний, но потом тоже переродились в полисы. Однако всё это были уже полисы эллинистического типа, в которых, в отличие от полисов классических, традиционных, отсутствовал ключевой принцип полного политического суверенитета: они подчинялись царям (самому Александру, а впоследствии – его преемникам).

Довольно своеобразные политические организмы представляли собой эти греческие полисы внутри эллинистических монархий. В них сложилась, (хотя, насколько можно судить, так и не была до конца осознана) категория «гражданина-подданного»: граждане эллинистических полисов Востока одновременно являлись подданными тех монархов, на чьей территории эти полисы были расположены, то есть имели, так сказать, двойной статус.

Следует сказать, что это не было чем-то совершенно новым и невиданным; подобные ситуации могли складываться и до начала периода эллинизма. Так, по сути дела, аналогичными «гражданами-подданными» были жители греческих полисов Малой Азии, находившиеся под властью персидских царей в классическую эпоху. То же (хотя в меньшей степени и не столь категорично, а с оговорками) можно сказать о полисах, которые входили в состав «территориальных держав»[71], созданных некоторыми тиранами (сицилийская держава

[70] *Cargill J.* IG II² 1 and the Athenian Kleruchy on Samos // GRBS. 1983. Vol. 24. No. 4. P. 321–332; *Касаткина Н.А.* Афинское поселение на Самосе в IV в. до н.э. // Боспор и античный мир. Нижний Новгород, 1997. С. 148–155.

[71] «Территориальная держава», «территориальное государство» – мы не в восторге от этой терминологии (разве бывают не-территориальные государства, то есть государства без территории), но поневоле вынуждены ею пользоваться, поскольку под влиянием словоупо-

Дионисия, Боспорское царство). Но если ранее подобное явление в греческом мире было скорее периферийным, нетипичным, то теперь оно получило широкое распространение.

Эллинистические полисы по-прежнему конституировались как гражданские общины с соответствующими органами управления, имевшими по традиции выборный характер. Но главное заключалось в том, что теперь они уже не были независимыми государствами, в отличие от полисов предшествующих столетий. Верховным сувереном над ними становился царь. Как бы ни пытались эллинистические монархи затушевать этот неприятный для греческого свободолюбия факт, давая полисам различные привилегии, даруя им земли, населенные местными жителями, тем не менее новая реальность эпохи постоянно давала о себе знать: полисы отныне ни в какой мере не решали вопросы внешней политики, и их гражданские коллективы занимались лишь внутренним, в сущности, муниципальным самоуправлением.

Ранее античная греческая цивилизация зиждилась на противопоставлении полисного эллинского мира всему остальному, «варварскому», и эту систему координат увековечил своими чеканными формулами Аристотель. А его царственный ученик сломал это противостояние, задался целью смешать в гигантском «плавильном тигле» победителей и побежденных, сотворить (выражаясь современным языком) из двух цивилизаций одну грандиозную греко-восточную. С какого-то о момента он и сам стал как бы «един в двух лицах» – образованный грек и восточный владыка.

Впрочем, о его знаменитой «политике слияния народов» мы здесь говорить не будем. Во-первых, она проводилась на эллинистическом Востоке; нас же в рамках данного цикла книг интересует собственно Греция, где отсутствовал «варварский» компонент, который можно было бы употребить в процессе такого «слияния». Во-вторых, преемники Александра, эллинистические правители, отнюдь не стали его последователями в подобного рода политике, и в результате никакого «слияния», в общем-то, так и не получилось.

* * *

Итожа, заметим (вкратце повторяя то, что уже неоднократно говорилось в той или иной связи по ходу изложения): новая эпоха была концом полисного республиканизма, полисной демократии, полисного суверенитета. И пусть нас наверняка упрекнут за чрезмерную категоричность, но мы упорно стоим на своем: в сущности, это был конец полисного мира и рождение мира нового – с решительным преобладанием в политической жизни абсолютных монархий, с формированием культа правителей (обожествление царей), с торжеством

требления в западном антиковедении она закрепилась и в отечественной науке.

психологии подданного над психологией гражданина... Сказанное не означает, конечно, что мы отрицаем большую живучесть полисного уклада, полисных структур, полисных ценностей. Нет, всё это оказалось неистребимым и в эллинистическое, и даже в римское время[72] – вплоть до конца античности. Но полис как система, как стройная, напоминающая произведение искусства система, возникшая и развившаяся до логических пределов на протяжении предыдущих нескольких столетий, больше не существовал. От этой распавшейся системы оставались лишь disiecta membra, а на смену ей сформировалась система совершенно иная, тоже по-своему стройная и многим нравящаяся. Почитателей эллинизма и среди антиковедов нашей страны более чем достаточно.

Они, кстати, вполне согласятся, что эллинизм был принципиально иной эпохой по сравнению с предыдущими. Но будут, скорее всего, утверждать, что это был шаг «вперед и выше». Не умаляя достижений эллинистического периода, – безусловно, имевших место, – подчеркнем: всё зависит от «позиции наблюдателя», как выражался Эйнштейн. Мы смотрим на античность с «колокольни» полисного эллинского мира. И в этой перспективе то, что имело место после его крушения, нам видится даже не как «эллинизм» (не слишком удачный, но прижившийся термин Дройзена), а скорее как *постклассика*.

[72] См.: *Махлаюк А.В.* Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата // АП. С. 176–226.

Эпилог

к циклу книг «Античная Греция: политики в контексте эпохи»

21 января 2014 г.

Iamque opus exegi. Конечно, осталась еще последняя стадия, в основном чисто техническая: неизбежное «авторедактирование», вычитка текста на предмет поиска опечаток (какие-то из них, тем не менее, всё равно останутся – с этим уж приходится смириться), учета новейшей литературы (как-никак даже данная конкретная работа «рождалась» почти пять лет, срок достаточно значительный, за который успело появиться немалое количество исследований[73]) и т.п. Тем не менее основное сделано.

Прошло более десяти лет с тех пор, как автор этих строк приступил к работе над первой монографией цикла (лекции, легшие в его основу, были естественно, составлены еще раньше, но в связи с ними можно говорить лишь о черновых набросках текста[74]). Тогда нам даже в голову не могло прийти, что на свет появится именно цикл (да еще такой обширный – тетралогия); на самом начальном этапе наши планы не выходили за пределы написания одной книги. Логика изложения привела к иному.

Omnia mutantur... На протяжении достаточно длительного хронологического промежутка, о котором идет речь, менялись, само собой, и наши взгляды (хотя все-таки не принципиально, не до такой степени, чтобы «сжечь то, чему поклонялся, поклониться, что прежде сжигал»), и – в гораздо большей степени – наши намерения.

---

[73] Подчеркнем, что мы отнюдь не стремимся «угнаться» за всем этим потоком литературы. Нашу позицию по данному вопросу мы изложили, даже заостренно, ранее (АГ-1. С. 17), и повторяться не будем. Тем не менее те работы, которые попадали в наше поле зрения и представлялись в какой-либо связи интересными, не учесть было нельзя.

[74] Отметим, в частности, что в курсе этом не было специальной лекции, посвященной Эпаминонду (тогда мы еще не в полной мере осознавали масштаб этой личности, молодой ученый не может претендовать на исчерпывающее постижение эпохи). Глава о великом фиванце была написана позже, специально для данной книги.

Так, размышляя в первой книге цикла об особенностях греческого общества в архаическую эпоху, могли ли мы хоть в малейшей степени предполагать, что в четвертой (той, которую сейчас держит читатель) пресловутая логика изложения заставит нас обосновывать концепцию предэллинизма, полемизировать с теми, кто ее не приемлет? А ведь именно так оно и получилось. И – при всём различии тематики, хронологии, действующих лиц – некую неразрывную концептуальную нить, мы надеемся, нам удалось протянуть через всю тетралогию. Ведь то, что мы пишем здесь (выше) о нашем понимании предэллинизма (то есть прежде всего эллинизма, а уже через это – предэллинизма), напрямую обусловлено тем определением полиса, которое мы впервые предложили, кажется, именно в первой книге данного цикла[75], а в дальнейшем неоднократно повторяли, разъясняли, обосновывали и так или иначе совершенствовали[76].

Кстати, о предэллинизме. В конце первой главы этой монографии мы подняли вопрос: как можно будет определить отношение рассматривающихся здесь политических деятелей к предэллинистическим (или постклассическим, исходя из того, что было сказано чуть выше) тенденциям, которые мы обнаруживаем в Греции IV в. до н.э.? Надеемся, нам удалось продемонстрировать, что ни Агесилай, ни Эпаминонд, ни – в особенности – Демосфен не являлись выразителями идеи предэллинизма (в том смысле, в котором мы эту идею понимаем).

Это важно. Это означает, что процесс, обозначаемый нами как предэллинизм («от гражданина к подданному») шел вне зависимости от воли отдельных – даже выдающихся – личностей. Соответственно, следует говорить однозначно об объективной исторической закономерности. Характер же этой закономерности был освещен детальнее выше, в главе I, так что не будем повторяться.

Каждую предыдущую книгу цикла мы завершали краткой общей характеристикой «персонального состава» ее героев и (начиная с АГ-2) сопоставлением этих героев с рассмотренными ранее. Это уже само по себе позволяло делать какие-то выводы. Не будем нарушать традицию и в этом случае.

Хотя на сей раз перед нами «пестрая» картина: спартанец, фиванец, афинянин (Александра не берем в расчет, поскольку, строго говоря, ему посвящена не глава, а текст иного рода, биографическими данными не изобилующий).

В предыдущих монографиях, где почти все «главные герои» являлись гражданами Афин, легче было производить сравнения, выводить из них заключения, главным из которых было наблюдение о постепенном закате аристократического лидерства, на афинском материале подтверждающееся предельно четко. Пожалуй, каким-то завораживающе новым подобный тезис не прозвучит.

[75] АГ-1. С. 38.

[76] Наиболее подробно см.: *Суриков И.Е.* Греческий полис архаической и классической эпох // АП. С. 8–54.

О чем-то в аналогичном духе в отечественной историографии давно уже писал, например, Э.Д. Фролов[77]. Нам же интереснее было не декларировать важное положение, а показать – и показать в деталях, со всеми нюансами, – *как* это произошло. Потому-то и потребовалось написать по вопросу не статью, а несколько книг.

Здесь перед нами картина иная. Из трех подробно освещенных в книге персонажей два – Агесилай и Эпаминонд – были знатнейшими аристократами. Первый мог возводить свое происхождение прямо-таки к Гераклу (resp. к его отцу Зевсу). Второй, напротив, был не «потомком неба»[78], а уж скорее «потомком земли», – в том смысле, что его предком считался один из «спартов» (посеянных), в сущности, зуб дракона, брошенный в почву финикийцем Кадмом.

Однако ясно, что характер развития общества был в Спарте и в Фивах совершенно не таким, как в Афинах. Что же касается последних, то на примере прошедшего перед нашими глазами их яркого представителя – Демосфена – мы можем убедиться, что в афинском полисе прослеженная нами ранее тенденция к полному избавлению от аристократизма оставалась в полной силе и достигла логического предела. Действительно, мы имели возможность наблюдать на материале предыдущих книг, как эта тенденция крепла и крепла (желающий может просмотреть послесловия к соответствующим монографиям[79]). «На выходе» имеем Демосфена, абсолютно чуждого всему аристократическому, не имеющего с ним ровно ничего общего – возьмем ли мы происхождение, взгляды или весь образ жизни, поведение, приемы, использовавшиеся в политической борьбе, да и всё, что угодно.

И последнее. Дальнейшая работа должна, очевидно, сосредоточиться на том, чтобы детальнее, в монографическом формате, осветить деятельность тех персон (не всех, конечно), о которых мы более или менее конспективно писали в главах этих книг. Самоцелью мы это не делаем, да и жизнь не безгранична. Но о ком-то из этих политиков все-таки хотелось бы поговорить «во всех подробностях». Первым на очереди – Солон, который и в данном цикле книг, кстати, тоже был первым, о ком персонально зашла речь.

---

[77] Писал он об этом неоднократно, но вот, пожалуй, самый яркий пример (по краткости работы, сочетающейся с отточенностью выводов): *Фролов Э.Д.* Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 6–22.

[78] Зевс, конечно, именно бог неба. Это уже неоднократно продемонстрировано, с указанием на индоевропейскую этимологию самого его имени. См. выразительный пассаж: *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 148.

[79] АГ-1. С. 325; АГ-2. С. 354–356; АГ-3. С. 289–290.

Библиография

1. *Аверинцев С.С.* Плутарх и античная биография: К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М., 1973.
2. *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
3. *Агбунов М.В.* Античная лоция Черного моря. М., 1987.
4. *Алёхин В.П.* Роль Пелопоннесской войны в трансформации греческого общества // Antiquitas Iuventae. Саратов, 2007. С. 44–62.
5. *Андреев В.Н.* Структура частного богатства в Афинах V–IV вв. до н.э. // ВДИ. 1981. № 3. С. 21–48.
6. *Андреев Ю.В.* Спарта как тип полиса // Античная Греция: Проблемы развития полиса. Т. 1: Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 194–216.
7. *Андреев Ю.В.* Спартанский эксперимент: «община равных» или тоталитарное государство? // Античность и современность: Доклады конференции. М., 1991. С. 12–16.
8. *Андреев Ю.В.* Спартанская гинекократия // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 44–62.
9. *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998.
10. *Андреев Ю.В.* Архаическая Спарта. Искусство и политика. СПб., 2008.
11. *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
12. *Антонов В.В.* Финансовые и судебные полномочия синедриона во Втором Афинском морском союзе // АКРА. Сборник научных трудов. Нижний Новгород, 2002. С. 14–24.
13. *Антонов В.В.* О межполисных отношениях во Втором Афинском морском союзе // ИИАО. Вып. 8. Нижний Новгород, 2003. С. 3–14.
14. *Антонов В.В.* Полисы Эгеиды, Северное Причерноморье и возрождение Афинской морской державы в IV в. до н.э. // Проблемы антиковедения и медиевистики. Вып. 2. Нижний Новгород, 2006. С. 35–51.
15. *Антонов В.В.* Анталкидов мир и трансформация внешней политики Афин //

ИИАО. Вып. 9–10. Нижний Новгород, 2007. С. 246–263.
16. *Антонов В.В.* Родос между Спартой и Афинами на рубеже V–IV вв. до н.э. // ИИАО. Вып. 11. Нижний Новгород, 2008. С. 57–68.
17. *Антонов В.В.* Античная традиция о рождении и смерти Эвагора I // ИИАО. Вып. 13. Нижний Новгород, 2010. С. 93–105.
18. *Ассуирова Л.В.* Топосы как смысловые модели порождения речи. М., 2002.
19. *Баклер Дж.* Спарта, Фивы, Афины и равновесие сил в Греции (457–359 гг. до н.э.) // МГОДА. Ч. 1. С. 75–94.
20. *Баранов Д.А.* Политическая и социальная история Ликии в V–IV вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2012.
21. *Безрученко И.М.* Древнегреческая Киренаика в VII–IV вв. до н.э. // ПИФК. 1999. Вып. 7. С. 61–166.
22. *Белох Ю.* 2009. Греческая история: в 2 т. 3 изд. Т. 2: Кончая Аристотелем и завоеванием Азии. М., 2009.
23. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
24. *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-на-Дону, 1997.
25. *Бондарь Л.Д.* Афинские литургии V–IV вв. до н.э. СПб., 2009.
26. *Борухович В.Г.* Афины, Персия и Египет в период от Союзнической войны до завоевания Египта Артаксерксом III в 343 г. до н.э. // АМА. 1990. Вып. 8. С. 3–11.
27. *Брагинская Н.В.* Примечания [к «Никомаховой этике»] // *Аристотель.* Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1984. С. 687–752.
28. *Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI–II вв. до н.э. М., 1963.
29. *Буассье Г.* Собрание сочинений. Т. 1. Цицерон и его друзья: Очерк о римском обществе времен Цезаря. СПб., 1993
30. *Вейнберг И.П.* Предэллинизм на Востоке // История древнего мира. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ. 3 изд. М., 1989. С. 183–197.
31. *Вен П.* Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. М., 2003.
32. *Видаль-Накэ П.* Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001.
33. *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989.
34. *Габелко О.Л.* Еще раз о проблеме «предэллинизма» // ПИИРЭМ. С. 171–181.
35. *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.–Л., 1949.
36. *Гаспаров М.Л.* Примечания // *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т. 2. М., 1994. С. 579–608.
37. *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.
38. *Гиро П.* Частная и общественная жизнь греков. М., 1994.
39. *Глускина Л.М.* Эйсфора в Афинах IV в. до н.э. // ВДИ. 1961. № 2. С. 23–38.
40. *Глускина Л.М.* Предэллинизм на Западе: Греция и Македония в IV в. до н.э. // История

древнего мира. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ. 3 изд. М., 1989. С. 218–244.
41. *Глускина Л.М.* Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н.э. по судебным речам демосфеновского корпуса // *Демосфен.* Речи: В 3 т. Т. 2. М., 1994. С. 405–467.
42. *Грибанов Д.В.* Левкон I, Мемнон и Аркадия: к вопросу о месте Боспора в международной политике периода фиванской гегемонии // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб., 2013. С. 92–96.
43. *Грималь П.* Цицерон. М., 1991.
44. *Гуторов В.А.* Античная социальная утопия: Вопросы истории и теории. Л., 1989.
45. *Гуторов В.А.* Универсальная царская власть и «альтернативная модель конституций» в «Политике» Аристотеля // MOΥΣΕΙΟΝ: Профессору А.И. Зайцеву ко дню семидесятилетия. СПб., 1997. С. 128–137.
46. *Дементьева В.В., Суриков И.Е.* Античная гражданская община: греческий полис и римская civitas. Ярославль, 2010.
47. *Дементьева В.В., Цымбал О.Г.* Эвбул: новый тип политика классических Афин // Человек в контексте эпохи. Личность. Культура. Образование. Ярославль, 2008. С. 126–129.
48. *Дэвис Дж.К.* Демократия и классическая Греция. М., 2004.
49. *Ефремов Н.В.* Династия Гекатомнидов в современных им греческих надписях // ВЭ. Вып. 4. М., 2010. С. 82–164.
50. *Жебелев С.А.* Демосфен. Берлин, 1922.
51. *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.–Л., 1953.
52. *Жигунин В.Д.* Эллинизм и общие проблемы древней истории // АВ. Вып. 4–5. Омск, 1999. С. 4–26.
53. *Жмудь Л.Я.* Пифагор и ранние пифагорейцы. М., 2012.
54. *Завойкин А.А.* Периодизация торговых связей по керамической таре и некоторые вопросы ранней истории Фанагории: вторая половина VI–V вв. до н.э. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 260–269.
55. *Завойкин А.А.* Σάτυρος Динарха (I. 43 Blass) и satyrus Плиния (NH. XXXIV. 64) (к вопросу о культе правителя на Боспоре) // ДБ. 2008. Т. 12. Ч. 1. С. 196–323.
56. *Завойкин А.А.* Эллинизм и Боспор // ПИИРЭМ. С. 227–236.
57. *Зайков А.В.* Спартанская община *одинаковых* в аспекте сословной семантики // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург, 2000. С. 315–321.
58. *Зайков А.В.* К вопросу о специфике спартанской экономики // ИИАО. Нижний Новгород, 2001. С. 5–14.
59. *Зайков А.В.* «Кривда» и конституционные процедуры в архаической Спарте // Античная древность и средние века. Вып. 34. Екатеринбург, 2003. С. 23–33.
60. *Зайков А.В.* К вопросу о статусе лакедемонских периэков. I // Исседон. 2003. Т. 2. С. 16–44.

61. *Зайков А.В.* К вопросу о статусе лакедемонских периэков. II // Исседон. 2005. Т. 3. С. 69–85.
62. *Зайков А.В.* Общество древней Спарты: основные категории социальной структуры. Екатеринбург, 2013.
63. *Зелинский Ф.Ф.* Религия эллинизма. Томск, 1996.
64. *Зелінський А.Л.* Александрійскі фараони та їхні піддані: Зміцнення влади перших Птолемеїв. Київ, 2010.
65. *Зельин К.К.* Основные черты эллинизма (социально-экономические отношения и политическое развитие рабовладельческих обществ Восточного Средиземноморья в период эллинизма) // ВДИ. 1947. № 4. С. 145–156.
66. *Исаева В.И.* Идеологическая подготовка эллинизма // ЭЭПК. С. 59–87.
67. *Исаева В.И.* Греческая идеология IV в. до н.э. и эллинизм // AAASH. 1990–1992. T 33. P. 267–271.
68. *Исаева В.И.* Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994.
69. *Каллистов Д.П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949.
70. *Карпюк С.Г.* Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003.
71. *Касаткина Н.А.* Афинское поселение на Самосе в IV в. до н.э. // Боспор и античный мир. Нижний Новгород, 1997. С. 148–155.
72. *Клейменов А.А.* Варварское и эллинское в македонском военном деле эпохи Филиппа II и Александра Македонского // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт. М., 2012. С. 220–231.
73. *Климов О.Ю.* Политическая система эллинистических государств: власть в условиях империализма // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 6. СПб., 2007. С. 77–88.
74. *Кондратюк М.В.* Коринфская лига и ее роль в политической истории Греции 30–20-х гг. IV в. до н.э. // ВДИ. 1977. № 2. С. 25–42.
75. *Кошеленко Г.А.* Эллинизм: к спорам о сущности // ЭЭПК. С. 7–13.
76. *Кошеленко Г.А., Гаибов В.А., Бадер А.Н.* Александр Македонский в Маргиане // ВДИ. 2000. № 1. С. 3–15.
77. *Кудрявцева Т.В.* Сикофанты и афинская демократия // ВДИ. 2007. № 2. С. 174–184.
78. *Кудрявцева Т.В.* Народный суд в демократических Афинах. СПб., 2008.
79. *Кудрявцева Т.В.* Процессы стратегов по исангелии в IV в. до н.э. и афинская демократия // ИМПСО. С. 166–182.
80. *Кудрявцева Т.В.* Тяжущиеся на беме: речи и поведение сторон в афинском народном суде // ВДИ. 2008. № 1. С. 3–18.
81. *Кудрявцева Т.В.* Женщина и полис: афинская горожанка в народном суде // ГАС. Ч. 2. С. 14–17.
82. *Кузищин В.И.* Советская историография античности // Историография античной истории. М., 1980. С. 325–372.

83. *Кузищин В.И.* Историография истории Древней Греции // История Древней Греции. М., 1986. С. 19–33.
84. *Кузнецов В.Д.* Афины и Боспор: хлебная торговля // Российская археология. 2000. № 1. С. 107–120.
85. *Кузьмин Ю.Н.* Введение в историю древней Македонии. Самара, 2005.
86. *Кузьмин Ю.Н.* «В тени Олимпа»: послесловие // *Борза Ю.Н.* История античной Македонии (до Александра Великого). СПб., 2013. С. 551–561.
87. *Кузьмин Ю.Н.* Аристократия Берои в эпоху эллинизма. М., 2013.
88. *Ладынин И.А.* Египетские идеологические представления в сообщениях Плутарха об Александре Македонском (Alex. 27; Apopht. reg. et imp. 180d) // АПК. С. 34–40.
89. *Лаптева М.Ю.* У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н.э. СПб., 2009.
90. *Ласи Р.М.* Применимость понятия революции к реформам Агида, Клеомена и Набида в Спарте // ВДИ. 2000. № 4. С. 79–85.
91. *Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. Ч. 1: Государственные и военные древности. СПб., 1997.
92. *Лебедев А.В.* Филолай // Философский энциклопедический словарь. 2 изд. М., 1989. С. 694.
93. *Левек П.* Эллинистический мир. М., 1989.
94. *Линк Ш.* Между царской властью и эфоратом: к вопросу об основах принятия политических решений в Спарте // Народ и демократия в древности. Ярославль, 2011. С. 17–25.
95. *Лосев А.Ф.* История античной философии в конспективном изложении. М., 1989.
96. *Маринович Л.П.* Время Александра Македонского // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма). М., 1982. С. 22–65.
97. *Маринович Л.П.* Конец классической Греции (Ламийская война) // ЭЭПК. С. 103–140.
98. *Маринович Л.П.* Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М., 1993.
99. *Маринович Л.П.* Мидий и его друзья, или Демосфен против плутократов // ВДИ. 1998. № 2. С. 19–31.
100. *Маринович Л.П.* Античная и современная демократия: новые подходы. М., 2001.
101. *Маринович Л.П.* «Вся прожитая мною жизнь» // Μνῆμα. Сборник научных трудов, посвященный памяти проф. В.Д. Жигунина. Казань, 2002. С. 183–194.
102. *Маринович Л.П.* Второй Афинский морской союз // МГОДА. Ч. 2. С. 82–113.
103. *Маринович Л.П.* Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // АЦВ. С. 5–29.
104. *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Уроки античной демократии // Античная демократия в свидетельствах современников. М., 1996. С. 319–330.
105. *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Причины и обстоятельства падения «Ликургова строя» в Спарте // ПИФК. 2002. Вып. 13. С. 5–21.

106. *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Был ли Аристотель противником рыночных отношений? // Эмбатерион. Сборник статей по искусствознанию, филологии, истории. М., 2011. С. 328–335.
107. *Махлаюк А.В.* Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата // АП. С. 176–226.
108. *Махлаюк А.В., Суриков И.Е.* Античная историческая мысль и историография. М., 2008. С. 100–101.
109. *Медведев А.П.* Был ли греческий полис государством? // АМА. 2006. Вып. 12. С. 17–32.
110. *Мельников О.Н.* Нимфей, скифский вождь Саммак и «измена Гилона» // Нумізматика і фалеристика. 2001. № 2. С. 34–38; 2001. № 3. С. 11–18.
111. *Мойзи Р.А.* Греко-персидские отношения в 367–360 гг. до н.э. // МГОДА. Ч. 1. С. 136–158.
112. *Молев Е.А.* Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н.э. Нижний Новгород, 1997.
113. *Молчанов А.А.* Персеиды–Гераклиды–Темениды: идея непрерывной династической легитимности в официальных родословных античных монархов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 151–159.
114. *Молчанов А.А.* Отношение к варварам в общеахейской династической традиции // АЦВ. С. 30–46.
115. *Монева С.* Подкупничество и наказания в условията на Атинската демокрация // Laurea. К 80-летию проф. В.И. Кадеева. Харьков, 2007. С. 77–82.
116. *Моссе К.* Демосфен как тип афинского политика // ВДИ. 1996. № 2. С. 20–25.
117. *Немировский А.А.* Где была столица Аххиявы? «Письмо Тавагалавы» и политические центры Микенской Греции // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. М., 2006. С. 335–338.
118. *Нефёдкин А.К.* Тактика и вооружение афинской конницы в IV в. до н.э. // Scripta antiqua. Т. 2. М., 2012. С. 238–256.
119. *Нефедов К.Ю.* Культ правителей и коронация диадохов // ИИАО. Вып. 12. Нижний Новгород, 2009. С. 92–122.
120. *Никитюк Е.В.* Афины после свержения тирании Тридцати в 403 г. до н.э. // ИМПСО. С. 152–165.
121. *Павловская А.И.* «От гражданина к подданному» – имел ли место этот процесс в Греции в IV в. до н.э.? // ВДИ. 1998. № 4. С. 15–29.
122. *Панченко Д.В.* Платон и Атлантида. Л., 1990.
123. *Парфенов В.Н.* Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001.
124. *Пёльман Р. фон.* Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1999.
125. *Печатнова Л.Г.* Лисандр и спартанский полис // ИИАО. Горький, 1988. С. 11–25.
126. *Печатнова Л.Г.* Спартанские мофаки // Античный полис: Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. СПб., 1995. С. 89–103.

127. *Печатнова Л.Г.* Кризис политической системы в Спарте в конце V – начале IV в. // Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции. СПб., 2000. С. 273–291.
128. *Печатнова Л.Г.* Спартанские цари. М., 2007.
129. *Печатнова Л.Г.* Эволюция спартанского эфората в период классики и эллинизма // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12: Из истории античности и нового времени: Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2013. С. 69–80.
130. *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М., 1992.
131. *Рабинович Е.Г.* Риторика повседневности: филологические очерки. СПб., 2000.
132. *Рабинович Е.Г.* Заметки о марафонской мифологии // Аристей. 2012. Т. 6. С. 91–120.
133. *Радциг С.И.* Демосфен – оратор и политический деятель // *Демосфен.* Речи: В 3 т. Т. 3. М., 1996. С. 405–484.
134. *Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры: Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. М., 1985.
135. *Ранович А.Б.* Эллинизм и его историческая роль. М., 1950.
136. *Руденко М.Н.* Македонская армия и массовая оппозиция Александру Великому в 334–323 гг. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008.
137. *Рунг Э.В.* Спарта и проблема малоазийских греков // АВ. Вып. 3. Омск, 1995. С. 114–120.
138. *Рунг Э.В.* Агесилай в Малой Азии (396–394 гг. до н.э.) // Античность: история и историки. Казань, 1997. С. 63–75.
139. *Рунг Э.В.* Эпиликов мирный договор // ВДИ. 2000. № 3. С. 87–88.
140. *Рунг Э.В.* Дипломатические отношения греков и Персии в 370–343 гг. до н.э. // МГОДА. Ч. 2. С. 114–140.
141. *Рунг Э.В.* Феномен мидизма в политической жизни классической Греции // ВДИ. 2005. № 3. С. 14–35.
142. *Рунг Э.В.* Неофициальная дипломатия Персии по отношению к грекам и роль персидского золота в греко-персидских межгосударственных отношениях // АМА. 2006. Вып. 12. С. 66–77.
143. *Рунг Э.В.* Дипломатическое выражение персидского империализма: обычай требования земли и воды и позиция греков // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 6. СПб., 2007. С. 41–60.
144. *Рунг Э.В.* Практика предоставления земли и воды в греко-персидских отношениях // ВДИ. 2007. № 4. С. 3–26.
145. *Рунг Э.В.* Анталкидов мир // ВДИ. 2008. № 3. С. 23–48.
146. *Рунг Э.В.* Греция и Ахеменидская держава: История дипломатических отношений в VI–IV вв. до н.э. СПб., 2008.
147. *Рунг Э.В.* Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда. Казань, 2009.

148. *Рунг Э.В.* О договоре Филиппа II и Артаксеркса III Оха // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 9. СПб., 2010. С. 61–74.
149. *Рунг Э.В.* Κάρανος/*kārana* в военно-административной системе Ахеменидской империи // Иран и античный мир: Политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций. Казань, 2011. С. 18–19.
150. *Рунг Э.В.* Тиссаферн и Гидарниды в контексте политической истории Ахеменидской державы в V в. до н.э. // ВДИ. 2012. № 1. С. 16–39.
151. *Рунг Э.В.* Агесилай против Тиссаферна (битва при Сардах 395 г.до н.э.) // АМА. 2013. Вып. 16. С. 56–66.
152. *Рунг Э.В.* Панэллинизм и мидизм в истории Фив классического периода // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12: Из истории античности и нового времени: Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2013. С. 81–98.
153. *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
154. *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 11–35.
155. *Саракински В.* Persomacedonica: Македонија и Персија пред Александар. Скопје, 2013.
156. *Светилова Е.И.* Образование Фессалийского союза // АВ. Вып. 1. Омск, 1993. С. 91–97.
157. *Светилова Е.И.* Халкидский союз в Пелопоннесской войне // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1996. № 2. С. 38–51.
158. *Светлов Р.В.* Сократ и «Спартанский мираж» // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 10. СПб., 2011. С. 363–374.
159. *Семенов Ю.И.* Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003.
160. *Сен-Виктор П. де.* Боги и люди. М., 1914.
161. *Сизов С.К.* Аристотель и греческие федерации (к истолкованию Aristot. Polit. 2. 1261 a 29) // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12: Из истории античности и нового времени: Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2013. С. 226–236.
162. *Скржинская М.В.* Идеологическое обоснование права существования античных государств на территории Скифии // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011. С. 258–260.
163. *Стрелков А.В.* К вопросу об уточнении времени принятия решения об эмиссии афинских золотых монет конца V в. до н.э. // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. М., 2002. С. 10–12.
164. *Стрелков А.В.* Аристофан, «Лягушки», строки 718–730: нумизматический комментарий к литературному тексту и литературный комментарий к нумизматическому материалу // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. М., 2009. С. 9–11.

165. *Строгецкий В.М.* Полис и империя в классической Греции. Нижний Новгород, 1991.
166. *Строгецкий В.М.* Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии: Геродот, Фукидид, Ксенофонт. Ч. 1: Геродот. Нижний Новгород, 2010.
167. *Суриков И.Е.* Новая концепция афинской истории IV в. до н.э. // ВДИ. 1996. № 4. С. 235–245.
168. *Суриков И.Е.* Историко-географические проблемы понтийской экспедиции Перикла // ВДИ. 1999. № 2. С. 98–114.
169. *Суриков И.Е.* О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // ДП. 1999. № 2 (5). С. 34–42.
170. *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000.
171. *Суриков И.Е.* Камень и глина: К сравнительной характеристике некоторых ментальных парадигм древнегреческой и римской цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход). М., 2000. С. 273–288.
172. *Суриков И.Е.* Алкивиад: афинский денди или первый «сверхчеловек»? // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 5. Специальный выпуск: Историческая биография и персональная история. М., 2001. С. 198–225.
173. *Суриков И.Е.* Два очерка об афинской внешней политике классической эпохи // МГОДА. Ч. 1. С. 95–112.
174. *Суриков И.Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э. М., 2002.
175. *Суриков И.Е.* Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 175–188.
176. *Суриков И.Е.* Изучение феномена полиса в западной историографии на рубеже XX–XXI вв.: Копенгагенский центр М. Хансена // SH. Т. 4. М., 2004. С. 164–176.
177. *Суриков И.Е.* Остракa и афинская просопография // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия История. 2004. Вып.1 (3). С. 51–65.
178. *Суриков И.Е.* «Солон» Плутарха: некоторые источниковедческие проблемы // ВДИ. 2005. № 3. С. 151–161.
179. *Суриков И.Е.* Status versus charisma: сакрализация правителя в Греции и греческом мире I тыс. до н.э. // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. 2–3. М., 2005. С. 7–34.
180. *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005.
181. *Суриков И.Е.* Просопографическая заметка об афинской аристократии эллинистической эпохи // AAe. 2005. Вып. 1. С. 122–130.

182. *Суриков И.Е.* Сумерки «олимпийца»: о «развенчании» Перикла в одной недавней книге // SH. Т. 5. М., 2005. С. 171–179.
183. *Суриков И.Е.* ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // ВДИ. 2005. № 1. С. 15–33.
184. *Суриков И.Е.* Antiphontea I: Нарративная традиция о жизни и деятельности оратора Антифонта // SH. Т. 6. М., 2006. С. 40–68.
185. *Суриков И.Е.* Аристид «Справедливый»: политик вне группировок // ВДИ. 2006. №1. С. 18–47.
186. *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. М., 2006.
187. *Суриков И.Е.* Была ли Сицилийская экспедиция авантюрой? // ААе. 2007. Вып. 2. С. 30–39.
188. *Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадиально-типологический контекст // ИИАО. Вып. 9–10. Нижний Новгород, 2007. С.140–156.
189. *Суриков И.Е.* Antiphontea III: Друзья и враги Антифонта (просопографический этюд) // SH. Т. 8. М., 2008. С. 67–95.
190. *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 2008.
191. *Суриков И.Е.* Державный демос – правитель и подданный (власть и социокультурная норма в демократических Афинах V в. до н.э.) // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. М., 2008. С. 67–80.
192. *Суриков И.Е.* Солнце Эллады: История афинской демократии. СПб., 2008.
193. *Суриков И.Е.* Antiphontea IV: Фрагменты речей Антифонта как исторический источник (перевод и комментарий) // SH. Т. 9. М., 2009. С. 1–27.
194. *Суриков И.Е.* Геродот. М., 2009.
195. *Суриков И.Е.* Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // ДБ. 2009. Т. 13. С. 393–413.
196. *Суриков И.Е.* Новые наблюдения в связи с ономастико-просопографическим материалом афинских остраконов // ВЭ. 2009. Вып. 3. С. 102–127.
197. *Суриков И.Е.* О некоторых памятниках афинского искусства, имеющих отношение к Боспору // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 2009. С. 85–88.
198. *Суриков И.Е.* Эпаминонд // Исторический лексикон. Древний мир. В 2-х книгах. М., 2009. Кн. 2. С. 713–718.
199. *Суриков И.Е.* Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин) // АМА. 2010. Вып. 14. С. 20–48.
200. *Суриков И.Е.* Греческий полис архаической и классической эпох // АП. С. 8–54.
201. *Суриков И.Е.* Демократия и достоинство: к характеристике некоторых аспектов

правовой и политической культуры граждан классических Афин // ИИАО. Вып. 13. Нижний Новгород, 2010. С. 37–60.
202. *Суриков И.Е.* Закон с родины Геродота и его исторический контекст // ВЭ. Вып. 4. М., 2010. С. 63–81.
203. *Суриков И.Е.* О принципах наименования новоосновываемых городов в греческом мире архаической и классической эпох // ГАС. Ч. 1. С. 9–15.
204. *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М., 2011.
205. *Суриков И.Е.* От «демотевта» – к демагогу? (Афинские триерархи V в. до н.э. и их «электорат») // ВДИ. 2011. № 3. С. 30–52.
206. *Суриков И.Е.* Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011.
207. *Суриков И.Е.* Сократ. М., 2011.
208. *Суриков И.Е.* Винкельман – Ницше – Гитлер: «Немецкая античность» и складывание нацистской идеологии // История и современность. 2012. № 1. С. 192–207.
209. *Суриков И.Е.* Война как фактор политогенеза в архаической и классической Греции: к вопросу о направленности воздействия // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 240–245.
210. *Суриков И.Е.* Перикл, Ламах и Понт Евксинский. Историческая география и ономастика: о пользе комбинированного использования данных // Историческая география. Т. 1. М., 2012. С. 51–67.
211. *Суриков И.Е.* Полис, логос, космос: мир античного эллина. Категории древнегреческой культуры. М., 2012.
212. *Суриков И.Е.* Роль категории полиса в формировании дихотомии «цивилизация – варварство» в античной Греции // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт. М., 2012. С. 47–66.
213. *Суриков И.Е.* Афины и греческий мир в эпоху Платона: политическая история и тенденции в идейной жизни // Платоновский сборник. Т. 2. М. – СПб., 2013. С. 140–164.
214. *Суриков И.Е.* На периферии великих цивилизаций Востока: античные греки как варвары // Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством. Вып. 2. М., 2013. С. 42–64.
215. *Суриков И.Е.* Некоторые проблемы истории древнегреческих городов в регионе Черноморских проливов // АМА. 2013. Вып. 16. С. 24–38.
216. *Суриков И.Е.* О возможном историко-географическом контексте сюжета обсценного изображения на «вазе Евримедонта» (малоизвестный эпизод греко-персидских войн) // Аристей. 2013. Т. 7. С. 46–57.
217. *Суриков И.Е.* Пифагор. М., 2013.
218. *Суриков И.Е.* Спартанец по преимуществу: некоторые штрихи к биографии Агесилая Великого // Историк в историческом и историографическом времени. Казань, 2013. С. 92–95.

219. *Суриков И.Е.* Судьба оппозиционного интеллектуала: афинянин Антифонт – оратор, софист, правовед, политик // ВДИ. 2014. № 2. С. 13–33.
220. *Талашова Н.С.* Экономическая теория Ксенофонта // АПК. С. 28–34.
221. *Трухина Н.Н.* Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1984.
222. *Туманс Х.* Идеологические аспекты власти Писистрата // ВДИ. 2001. № 4. С. С. 12–45.
223. *Туманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.). СПб., 2002.
224. *Туманс Х.* Псевдо-Ксенофонт – «Старый олигарх» или демократ? // ВДИ. 2004. № 3. С. 14–27.
225. *Туманс Х.* Перикл на все времена // Вестник РГГУ. 2010. № 10 (53). С 117–154.
226. *Тюряхин И.Н.* Взаимоотношения Мегалополя со Спартой в IV–I вв. до н.э. // ИИАО. Вып. 12. Нижний Новгород, 2009. С.74–91
227. *Уколова В.И., Немировский А.И.* Ареал распространения, периодизация и материальная основа античной цивилизации // Всемирная история: В 6 т. Т. 1: Древний мир. М., 2011. С. 403–406.
228. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. СПб., 1997.
229. *Фрейденберг О.М.* Утопия // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 148–166.
230. *Фролов Э.Д.* Монархическая идея у Исократа // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1969. С. С. 3–20.
231. *Фролов Э.Д.* Из предыстории младшей тирании (Столкновение личности и государства в Спарте на рубеже V–IV столетий до н.э.) // ВДИ. 1972. № 2. С. 22–39.
232. *Фролов Э.Д.* Коринфский конгресс 338/7 г. до н.э. и объединение Эллады // ВДИ. 1974. № 1. С. 45–62.
233. *Фролов Э.Д.* Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Л., 1983. С. 6–22.
234. *Фролов Э.Д.* Огни Диоскуров: Античные теории переустройства общества и государства. Л., 1984.
235. *Фролов Э.Д.* Предэллинизм на Западе: кризис полисной демократии и «младшая тирания» в греческих полисах // История древнего мира. [Кн. 2]. Расцвет древних обществ. 3 изд. М., 1989. С. 245–260.
236. *Фролов Э.Д.* Исторические предпосылки эллинизма // ЭЭПК. С. 14–58.
237. *Фролов Э.Д.* Античный империализм: понятие, этапы развития, идеологическое обрамление, значение в жизни античного общества // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 6. СПб., 2007. С. 15–22.
238. *Фролов Э.Д.* Явление федерализма в политической жизни античной Греции // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 7. СПб., 2008. С. 13–22.
239. *Хабихт Х.* Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999.

240. *Ханиотис А.* Война в эллинистическом мире: Социальная и культурная история. СПб., 2013.
241. *Холод М.М.* Беотийский союз и Филипп II после битвы при Херонее (338 г. до н.э.) // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 7. СПб., 2008. С. 47–58.
242. *Цымбал О.Г.* Роль «зрелищных денег» в классических Афинах // Экономика. Политика. Культура: Проблемы всемирной истории. Ярославль, 2008. С. 3–7.
243. *Цымбал О.Г.* Пирей как центр деловой активности Афин // ГАС. Ч. 2. С. 64–66.
244. *Цымбал О.Г.* Коллегия управляющих фондом теорикона в системе афинских финансовых магистратур IV в. до н.э. // Античная цивилизация: политические структуры и правовое регулирование. Ярославль, 2012. С. 76–86.
245. *Чернышов Ю.Г.* Афины и Спарта: «открытое» и «закрытое» общества? // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 61–65.
246. *Чернышов Ю.Г.* Платон – «теоретик тоталитаризма»? // Античный мир: Проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 261–269.
247. *Шарнина А.Б.* Эллинское единство и общегреческие празднества // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 11. СПб., 2012. С. 257–272.
248. *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956.
249. *Шелов Д.Б.* История // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 8–22.
250. *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984 год. М., 1985. С. 5–187.
251. *Шишко Е.П.* Представления Платона о единоличной власти // Античное государство: Политические отношения и государственные формы в античном мире. СПб., 2002. С. 81–88.
252. *Шишко Е.П.* Образ идеального правителя в политической литературе позднеклассической Греции (к становлению монархической идеи). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
253. *Шишова И.А.* Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991.
254. *Шофман А.С.* Распад империи Александра Македонского. Казань, 1984.
255. *Шофман А.С.* Последние дипломатические акции Филиппа II // Античность: события и исследователи. Казань, 1999. С. 18–24.
256. *Штаерман Е.М.* Эллинизм в Риме // Эллинизм: восток и запад. М., 1992. С. 140–176.
257. *Штраус Л.* О тирании. СПб., 2006.
258. *Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // ЭЭПК. С. 249–309.
259. *Aalders G.J.D.* City State and World-Power in Hellenistic Political Thought // Actes du VIIe Congrès de la Féderation Internationale des Associations d'Études Classiques. Vol. 1. Budapest, 1984. P. 293–301.

260. *Adak M.* Metöken als Wohltäter Athens: Untersuchungen zum sozialen Austausch zwischen ortsansässigen Fremden und der Bürgergemeinde in klassischer und hellenistischer Zeit (ca. 500–150 v. Chr.). München, 2003.
261. *Adams C.D.* Demosthenes and his Influence. N.Y., 1963.
262. *Allen D.* Imprisonment in Classical Athens // ClQ. 1997. Vol. 47. No. 1. P. 121–135.
263. *Allen K.H.* Philobarbarism: A Study in Greek Interchanges with the Non-Greeks in the Fourth Century BCE. Diss. Princeton, 2002.
264. *Amemiya T.* Economy and Economics of Ancient Greece. L. – N.Y., 2007.
265. *Andrewes A.* The Generals in the Hellespont, 410–407 B.C. // JHS. 1953. Vol. 73. P. 2–9.
266. *Andrewes A.* Spartan Imperialism? // IAW. P. 91–102.
267. *Anson E.M.* Greek Ethnicity and the Greek Language // Glotta. 2009. Bd. 85. S. 5–30.
268. *Archibald Z.H.* Space, Hierarchy, and Community in Archaic and Classical Macedonia, Thessaly, and Thrace // AltA. P. 212–233.
269. *Arenz A.* Herakleides Kritikos "Über die Städte in Hellas": Eine Periegese Griechenlands am Vorabend des Chremonideischen Krieges. München, 2006.
270. *Aroulay V.* La gloire et l'outrage: heurs et malheurs des statues honorifiques de Démétrios de Phalère // Annales: Histoire, sciences sociales. 2009. Vol. 69. Fasc. 2. P. 303–340.
271. *Asheri D.* Studio sulla storia della colonizzazione di Anfipoli sino alla conquista macedone // Rivista di filologia e d'istruzione classica. 1967. Vol. 95. P. 5–30.
272. *Aymard A., Auboyer J.* L'Orient et la Grèce antique. P., 1953.
273. *Badian E.* From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore, 1993.
274. *Badian E.* The Ghost of Empire. Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century B.C. // AD. S. 79–106.
275. *Badian E.* Alexander the Great between Two Thrones and Heaven: Variations on an Old Theme // Subject and Ruler: The Cult of the Ruling Power in Classical Antiquity. Ann Arbor, 1996. P. 11–26.
276. *Bakker M.P. de.* Demosthenes // Space in Ancient Greek Literature: Studies in Ancient Greek Narrative. Leiden – Boston, 2012. P. 393–412.
277. *Balot R.K.* Greek Political Thought. Oxf., 2006.
278. *Baltrusch E.* Sparta: Geschichte, Gesellschaft, Kultur. München, 1998.
279. *Baynham E.* Antipater and Athens // MiA. P. 23–29.
280. *Bearzot C.* Anomalie procedurali ed elusione del "nomos" nei processi per alto tradimento: "eisanghelia" e "asebeia" // CISA. 1996. Vol. 22. P. 71–92.
281. *Beneker J.* Drunken Violence and the Transition of Power in Plutarch's *Alexander* // SPhP. P. 193–200.
282. *Bengtson H.* Griechische Staatsmänner des 5. und 4. Jahrhunderts v.Chr. München, 1983.
283. *Berthold R.M.* Fourth Century Rhodes // Historia. 1980. Bd. 29. Ht. 1. S. 32–49.
284. *Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967.
285. *Bianco E.* Chabrias Atheniensis // Rivista storica dell'antichità. 2000. Vol. 30. P. 47–72.

286. *Bichler R.* Zur historischen Beurteilung der griechischen Staatutopie // Grazer Beiträge. 1984. Bd. 11. S, 179–206.
287. *Blois L. de.* Plutarch's Solon: A Tissue of Commonplaces or a Historical Account? // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches. Leiden – Boston, 2006. P. 429–440.
288. *Blok J.* Women in Herodotus' *Histories* // Brill's Companion to Herodotus. Leiden – Boston – Köln, 2002. P. 242.
289. *Blok J.H.* Perikles' Citizenship Law: A New Perspective // Historia. 2009. Bd. 58. Ht. 2. S. 141–170.
290. *Bons J.A.E.* Gorgias the Sophist and Early Rhetoric // CGR. P. 37–46.
291. *Borbein A.H.* Die bildende Kunst Athens im 5. und 4. Jahrhundert v.Chr. // AD. S. 429–467.
292. *Bosworth B.* Why did Athens Lose the Lamian War? // MiA. P. 14–20.
293. *Braund D.* Friends and Foes: Monarchs and Monarchy in Fifth-century Athenian Democracy // AltA. P. 103–118.
294. *Braund D.* The Bosporan Kings and Classical Athens: Imagined Breaches in a Cordial Relationship (Aisch. 3.171-172; [Dem.] 34.36) // The Cauldron of Ariantas: Studies Presented to A.N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday. Aarhus, 2003. P. 197–208.
295. *Braund D.* The Sindians of the Taman Peninsula c. 400 BC: Polyaenus' Tirgitao, Numismatics and Demosthenes' Grandfather // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э. СПб., 2006. С. 20–26.
296. *Braund D.* Gylon, Athens and the Bosporus // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб., 2011. С. 7–11.
297. *Bringmann K.* Rhetorik, Philosophie und Politik um 400 v.Chr.: Gorgias, Antiphon und die Dissoi Logoi // Chiron. 2000. Bd. 30. S. 489–503.
298. *Brüggenbrock C.* Die Ehre in den Zeiten der Demokratie: Das Verhältnis von athenischer Polis und Ehre in klassischer Zeit. Göttingen, 2006.
299. *Buck R.J.* A History of Boeotia. Edmonton, 1979.
300. *Buck R.J.* Group Voting in Boiotia // Ancient History Bulletin. 1990. Vol. 4. No. 3. P. 61–64.
301. *Buck R.J.* Boiotia and the Boiotian League, 432–371 B.C. Edmonton, 1994.
302. *Buckler J.* Plutarch and the Fate of Antalkidas // GRBS. 1977. Vol. 18. No. 2. P. 139–145.
303. *Buckler J.* Aegean Greece in the Fourth Century BC. Leiden – Boston, 2003.
304. *Buckler J., Beck H.* Central Greece and the Politics of Power in the Fourth Century BC. Cambridge, 2008.
305. *Buckley T.* Aspects of Greek History 750–323 BC: A Source-Based Approach. L. – N.Y., 1996.
306. *Burckhardt L.* Söldner und Bürger als Soldaten für Athen // AD. S. 107–133.
307. *Cahill N.* Household and City Organization at Olynthus. New Haven, 2002.

308. *Calame C.* Thésée et l'imaginaire athénien: Légende et culte en Grèce antique. Lausanne, 1990.
309. *Carawan E.M.* Eisangelia and Euthuna: The Trials of Miltiades, Themistocles, and Cimon // GRBS 1987. Vol. 28. No. 2. P. 167–208.
310. *Cargill J.* IG II² 1 and the Athenian Kleruchy on Samos // GRBS. 1983. Vol. 24. No. 4. P. 321–332.
311. *Carlier P.* Démosthène. P., 1990.
312. *Carlier P.* La notion de pambasileia dans la pensée politique d'Aristote // AA. P. 103–118
313. *Carlier P.* The Idea of Imperial Monarchy in Xenophon's *Cyropaedia* // Xenophon. Oxf., 2010. P. 327–366
314. *Carney E.D.* Women and *Dunasteia* in Caria // AJPh. Vol. 126. P. 65–91.
315. *Cartledge P.* Spartan Wives: Liberation or Licence // ClQ. 1981. Vol. 31. No. 1. P. 84–105.
316. *Cartledge P.* Agesilaos and the Crisis of Sparta. L., 1987.
317. *Cartledge P.* The Greeks: A Portrait of Self and Others. Oxf., 1993.
318. *Cartledge P.* Utopia and the Critique of Politics // GT. P. 163–179.
319. *Cartledge P.* Sparta and Lakonia: A Regional History 1300–362 BC. 2 ed. L. – N.Y., 2002.
320. *Cartledge P., Spawforth A.* Hellenistic and Roman Sparta: A Tale of Two Cities. 2 ed. L. – N.Y., 2002.
321. *Cawkwell G.* Thucydides and the Peloponnesian War. L. – N.Y., 1997.
322. *Cawkwell G.* The Greek Wars: The Failure of Persia. Oxf., 2005.
323. *Christ K.* Griechische Geschichte und Wissenschaftsgeschichte. Stuttgart, 1996. S. 59–77.
324. *Christ M.R.* Theopompus and Herodotus: A Reassessment // ClQ. 1993. Vol. 43. No. 1. P. 47–52.
325. *Clemenceau G.* Démosthène. P., 1926.
326. *Clinton K.* The Eleusinian Mysteries and Panhellenism in Democratic Athens // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 161–172.
327. *Cloché P.* Démosthène et la fin de la démocratie athénienne. P., 1957.
328. *Cohen D.* Demosthenes' Against Meidias and Athenian Litigation // Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 154–164.
329. *Cohen D.* The Rule of Law and Democratic Ideology in Classical Athens // AD. S. 227–244
330. *Cohen D.* Crime, Punishment, and the Rule of Law in Classical Athens // The Cambridge Companion to Ancient Greek Law. Cambridge, 2005. P. 211–235.
331. *Cohen E.E.* Banking as a "Family Business": Legal Adaptations Affecting Wives and Slaves // Symposion 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 239–265.
332. *Cohen E.E.* Athenian Economy and Society: A Banking Perspective. Princeton, 1997.

333. *Cohen E.E.* The Athenian Nation. Princeton, 2000.
334. *Cohen E.E.* The Elasticity of the Money-Supply at Athens // The Monetary Systems of the Greeks and Romans. Oxf., 2008. P. 66–83.
335. *Coldstream J.N.* Geometric Greece: 900–700 BC. 2nd ed. L. – N.Y., 2003. P. 395.
336. *Cole T.* Who was Corax? // ORAO. P. 37–59.
337. *Connor W.R.* The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971
338. *Conwell D.H.* Connecting a City to the Sea: The History of the Athenian Long Walls. Leiden – Boston, 2008.
339. *Corrigan D.M.* Riders on High: An Interdisciplinary Study of the Macedonian Cavalry of Alexander the Great. Diss. Austin, 2004.
340. *Cuff P.J.* The Trials of Epaminondas // Athenaeum. 1954. Vol. 32. Fasc. 1/2. P. 259–264.
341. *Dalby A.* Greeks Abroad: Social Organisation and Food among the Ten Thousand // JHS. 1992. Vol. 112. P. 16–30.
342. *Davies J.K.* Athenian Propertied Families 600–300 B.C. Oxf., 1971.
343. *Davies J.K.* The Fourth Century Crisis: What Crisis? // AD. S. 29–36.
344. *Davies J.K.* A Wholly Non-Aristotelian Universe: The Molossians as Ethnos, State, and Monarchy // AtA. P. 234–258.
345. *Dawson D.* Cities of the Gods: Communist Utopias in Greek Thought. Oxf., 1992.
346. Demosthenes: Statesman and Orator / Ed. by I. Worthington. Oxf., 2000.
347. *Dillery J.* Xenophon and the History of his Times. L. – N.Y., 1995.
348. *Drerup E.* Aus einer alten Advokatenrepublik (Demosthenes und seine Zeit). Paderborn, 1916.
349. *Drerup E.* Demosthenes im Urteile des Altertums (von Theopomp bis Thetzes: Geschichte, Roman, Legende). Würzburg, 1923.
350. *Dreyer B.* Wann endet die klassische Demokratie Athens? // Ancient Society. 2001. Vol. 31. P. 27–66.
351. *Duff T.* Plutarch on the Childhood of Alkibiades (Alk. 2–3) // Proceedings of the Cambridge Philological Society. 2003. Vol. 49. P. 89–113.
352. *Easterling P.* Fata libellorum: Hyperides and the Transmission of Attic Oratory // AAASH. 2008. Vol. 48. Fasc. 1/2. P. 11–17.
353. *Eder W.* Monarchie und Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Die Rolle des Fürstenspiegels in der athenischen Demokratie // AD. S. 153–173.
354. *Edwards M.* Aeschines // NNNAGL. P. 349–353.
355. *Edwards M.* Demosthenes // NNNAGL. P. 343–348.
356. *Ehrenberg V.* Der Staat der Griechen. Teil 1: Der hellenische Staat. Lpz., 1957.
357. *Engels J.* 'Der Streit um den unbeliebten Frieden': Der Gesandtschaftsprozeß 343 v.Chr. // GPAA. S. 174–189.
358. *Erasmus S.* Der Gedanke der Entwicklung eines Menschen in Xenophons Kyrupädie // Festschrift für F. Zucker zum 70. Geburtstage. B., 1954. S. 111–125.
359. *Errington R.M.* Ἐκκλησία κυρία in Athens // Chiron. 1994. Bd. 24. S. 135–160.
360. *Finley M.I.* The Ancestral Constitution. Cambridge, 1971.

361. *Finley M.I.* The Elderly in Classical Antiquity // G&R. 1981. Vol. 28. No. 2. P. 156–171.
362. *Flensted-Jensen P.* The Chalkidic Peninsula and its Regions // FSAGP. P. 121–132.
363. *Franks H.M.* Hunting the Eschata: An Imagined Persian Empire on the Lekythos of Xenophantos // Hesperia. 2009. Vol. 78. No. 4. P. 455–480.
364. *Frazier F.* À propos de la disposition du Sur l'ambassade infidèle: Stratégie rhétorique et analyse politique chez Démosthène // REG. 1994. Vol. 107. P. 414–439.
365. *Fuks A.* The Ancestral Constitution: Four Studies in Athenian Party Politics at the End of the Fifth Century B.C. Westport, 1971.
366. *Funke P.* Staatenbünde und Bundesstaaten. Polis-übergreifende Herrschaftsorganisationen in Griechenland und Rom // Unity and Units in Antiquity. Athens, 1994. P. 125–136.
367. *Funke P.* Athen in klassischer Zeit. München, 1999.
368. *Funke P.* Alte Geschichte // Erste Begegnungen mit Geschichte: Grundlagen historischen Lernens. Bd. 2. München, 1999. S. 731–740.
369. *Funke P.* Sparta und die peloponnesische Staatenwelt zu Beginn des 4. Jahrhunderts und der Dioikismos von Mantineia // Xenophon and his World. Stuttgart, 2004. P. 427–435.
370. *Gagarin M.* Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. Austin, 2002.
371. *Garnsey P.* Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis. Cambridge, 1989.
372. *Gauthier P.* Sur l'institution du misthos de l'assemblée à Athènes (Ath. pol. 41, 3) // AA. P. 231–250.
373. *Gauthier P.* Xenophon's Programme in the *Poroi* // Xenophon. Oxf., 2010.
374. *Gavrilov A.* Euripides in Makedonien // Hyperboreus. 1996. Vol. 2. Fasc. 2. P. 38–53.
375. *Gehrke H.J.* Das Verhältnis von Politik und Philosophie im Wirken des Demetrios von Phaleron // Chiron. 1978. Bd. 8. S. 149–193.
376. *Georges P.* Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore, 1994.
377. *Gofas D.C.* La vente sur échantillon à Athènes d'après un texte d'Hypéride // Symposion 1977: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1982. S. 121–129.
378. *Gomez P., Mestre F.* The Banquets of Alexander // SPhP. P. 211–222.
379. *Goodman M.D., Holladay A.J.* Religious Scruples in Ancient Warfare // ClQ. 1986. Vol. 36. No. 1. P. 151–171.
380. *Graefe F.* Die Operationen des Antialkidas im Hellespont // Klio. 1935. Bd. 28. S. 262–270.
381. *Graninger D.* Macedonia and Thessaly // CAM. P. 306–325.
382. *Gray V.J.* The Value of Diodorus Siculus for the Years 411–386 B.C. // Hermes. 1987. Bd. 115. Ht. 2. S. 72–89.
383. *Gray V.* Images of Sparta: Writer and Audience in Isocrates' *Panathenaicus* // ShS. P. 223–271.
384. *Green P.* Occupation and Co-existence: The Impact of Macedon on Athens, 323–307 // MiA. P. 1–7.

385. *Green P.* Diodorus Siculus on the Third Sacred War // CGRH. Vol. 2. P. 363–370.
386. *Greenwalt W.* Philip II and Olympias on Samothrace: A Clue to Macedonian Politics during the 360s // Macedonian Legacies: Studies in Ancient Macedonian History and Culture in Honor of E.N. Borza. Claremont, 2008. P. 79–106.
387. *Gribble D.* Alcibiades at the Olympics: Performance, Politics and Civic Ideology // ClQ. 2012. Vol. 62. No. 1. P. 45–71.
388. *Griffith G.T.* Athens in the Fourth Century // IAW. P. 127–144.
389. *Griffith-Williams B.* 'Those who Know the Facts': Witnesses and their Testimony in Isaios 9 // AAASH. 2008. Vol. 48. Fasc. 1/2. P. 253–261.
390. *Grote G.* A History of Greece: From the Time of Solon to 403 B.C. / Condensed and ed. by J.M. Mitchell and M.O.B. Caspari. With a new introduction by P. Cartledge. L. – N.Y., 2001.
391. *Gschnitzer F.* Abhängige Orte im griechischen Altertum. München, 1958.
392. *Habicht C.* Athens and the Ptolemies // ClA. 1992. Vol. 11. No. 1. P. 68–90.
393. *Habicht C.* Athens after the Chremonidean War: Some Second Thoughts // MiA. P. 52–55.
394. *Hall J.M.* Sparta, Lakedaimon and the Nature of Perioikic Dependency // FSAGP. P. 73–89.
395. *Hamilton C.D.* Agesilaus and the Failure of Spartan Hegemony. Ithaca, 1991.
396. *Hammond N.G.L.* Political Developments in Boeotia // ClQ. 2000. Vol. 50. No. 1. P. 80–93.
397. *Hammond N.G.L., Griffith G.T.* A History of Macedonia. Vol. 2: 550–336 B.C. Oxf., 1979.
398. *Hansen M.H.* The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Public Action against Unconstitutional Proposals. Odense, 1974
399. *Hansen M.H.* Eisangelia: The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians. Odense, 1975.
400. *Hansen M.H.* Nomos and Psephisma in Fourth-Century Athens // GRBS. 1978. Vol. 19. No. 4. P. 315–330.
401. *Hansen M.H.* Did the Athenian Ecclesia Legislate after 403/2 B.C.? // GRBS. 1979. Vol. 20. No. 1. P. 27–53.
402. *Hansen M.H.* Athenian Nomothesia in the Fourth Century B.C. and Demosthenes' Speech against Leptines // Classica et mediaevalia. 1980. Vol. 32. P. 87–104.
403. *Hansen M.H.* The Athenian Ecclesia: A Collection of Articles 1976–1983. Copenhagen, 1983.
404. *Hansen M.H.* Athenian Nomothesia // GRBS. 1985. Vol. 26. No. 4. P. 345–371.
405. *Hansen M.H.* The Athenian Assembly: In the Age of Demosthenes. Oxf., 1987.
406. *Hansen M.H.* The Athenian Ecclesia II: A Collection of Articles 1983–1989. Copenhagen, 1989.
407. *Hansen M.H.* The Political Powers of the People's Court in Fourth-Century Athens // GC. P. 215–243.

408. *Hansen M.H.* Die athenische Demokratie im Zeitalter des Demosthenes: Struktur, Prinzipien und Selbstverständnis. B., 1995.
409. *Hansen M.H.* The "Autonomous City-State". Ancient Fact or Modern Fiction? // Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart, 1995. P. 21–43.
410. *Hansen M.H.* Were the Boiotian Poleis Deprived of their *Autonomia* during the First and Second Boiotian Federations? A Reply // MSAGP. P. 127–136.
411. *Hansen M.H.* A Typology of Dependent Poleis // Yet More Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart, 1997. P. 29–37.
412. *Hansen M.H.* The Perioikic *Poleis* of Lakedaimon // Once Again: Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart, 2004. P. 149–164.
413. *Hansen M.H.* The Concepts of *Demos*, *Ekklesia*, and *Dikasterion* in Classical Athens // GRBS. 2010. Vol. 50. P. 499–536.
414. *Hanson V.D.* The Other Greeks: The Family Farm and the Agrarian Roots of Western Civilization. Berkeley, 1999.
415. *Harding Ph.* Androtion and the Atthis. Oxf., 1994.
416. *Harding Ph.* Athenian Foreign Policy in the Fourth Century // Klio. 1995. Bd. 77. S. 105–125.
417. *Harman R.* Viewing, Power and Interpretation in Xenophon's *Cyropaedia* // The Children of Herodotus: Greek and Roman Historiography and Related Genres. Newcastle upon Tyne, 2008. P. 69–91.
418. *Harris E.M.* Aeschines and Athenian Politics. Oxf., 1995.
419. *Harris E.M.* Antigone the Lawyer, or the Ambiguities of Nomos // The Law and the Courts in Ancient Greece. L., 2004. P. 19–56.
420. *Harris E.M.* Democracy and the Rule of Law in Classical Athens: Essays on Law, Society, and Politics. Cambridge, 2006.
421. *Harris E.M.* The Rule of Law in Athenian Democracy. Reflections on the Judicial Oath // Etica & Politica. 2007. Vol. 9. No. 1. P. 55–74.
422. *Hartog F.* Le miroir d'Hérodote. P., 2001.
423. *Harvey F.D.* Dona Ferentes: Some Aspects of Bribery in Greek Politics // Crux. Essays in Greek History Presented to G.E.M. de Ste. Croix on his 75th Birthday. Exeter, 1985. P. 76–117.
424. *Haskins E. Logos* and Power in Sophistical and Isocratean Rhetoric // ICE. P. 84–103.
425. *Haßkamp D.* Oligarchische Willkür – demokratische Ordnung: Zur athenischen Verfassung im 4. Jahrhundert. Darmstadt, 2005.
426. *Hatzopoulos M.B.* Perception of the Self and the Other: The Case of Macedonia // Ancient Macedonia VII: Macedonia from the Iron Age to the Death of Philip II. Thessaloniki, 2007. P. 51–66.
427. *Hatzopoulos M.B.* The Speech of the Ancient Macedonians in the Light of Recent Epigraphic Discoveries // Monumentum Gregorianum: Сборник научных статей памяти ак. Г.М. Бонгард-Левина. М., 2013. С. 204–221.
428. *Herman G.* Honour, Revenge and the State in Fourth-Century Athens // AD. S. 43–60.

429. *Hernández Muñoz F.G.* Demóstenes, Esquines y el teatro // Koinòs Lógos: homenaje al profesor José García López. T. 1. Murcia, 2006. P. 425–430.
430. *Herrman J.* The Authenticity of the Demosthenic Funeral Oration // AAASH. 2008. Vol. 48. Fasc. 1/2. P. 171–178.
431. *Hesk J.* Leadership and Individuality in the Athenian Funeral Orations // Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London. 2013. Vol. 56. No. 1. P. 49–65.
432. *Heskel J.* The North Aegean Wars, 371–360 B.C. Stuttgart, 1997.
433. *Heuß A.* Aristoteles als Theoretiker des Totalitarismus // Antike und Abendland. 1971. Bd. 17. Ht. 1. S. 1–44.
434. *Hopper R.J.* Trade and Industry in Classical Greece. L., 1979.
435. *Hornblower S.* The Greek World 479–323 BC. Fourth edition. L. – N.Y., 2011.
436. *Humphreys S.C.* The Family, Women and Death: Comparative Studies. L., 1983.
437. *Hunt P.* War, Peace, and Alliance in Demosthenes' Athens. Cambridge, 2010.
438. *Hurwit J.M.* The Art and Culture of Early Greece, 1100–480 B.C. Ithaca, 1985.
439. An Inventory of Archaic and Classical *Poleis*: An Investigation Conducted by the Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation / Ed. by M.H. Hansen and T.H. Nielsen. Oxf., 2004.
440. *Isaac B.H.* The Invention of Racism in Classical Antiquity. Princeton, 2006.
441. *Jaeger W.* Demosthenes: Der Staatsmann und sein Werden. B., 1939.
442. *James C.M.* Epaminondas and Philip II: A Comparative Study of Military Reorganization. Diss. Lexington, 1980.
443. *Jehre M.* Die Funktion des Berichts über die Kinadon-Verschwürung in Xenophons Hellenika // Hermes. 1995. Bd. 123. Ht. 2. S. 166–174.
444. *Jordan B.* Kings and Helots // Исседон. 2005. Т. 3. С. 46–68.
445. *Kaldellis A.* The Byzantine Role in the Making of the Corpus of Classical Greek Historiography: A Preliminary Investigation // JHS. 2012. Vol. 132. P. 71–85.
446. *Keen A.G.* Were the Boiotian *Poleis autonomoi*? // MSAGP. P. 113–125.
447. *Kirchner J.* Atrometos // RE. Bd. 2. Stuttgart, 1896, Sp. 2149.
448. *Knell H.* Überlegungen zur offentlichen Architektur des IV. Jahrhunderts in Athen // AD. S. 475–514.
449. *Koch H.* Zur Statue des Demosthenes // Festschrift für F. Zucker zum 70. Geburtstage. B., 1954. S. 219–225.
450. *Kõiv M.* Ancient Tradition and Early Greek History: The Origins of States in Early Archaic Sparta, Argos and Corinth. Tallinn, 2003.
451. *Konstan D.* Friendship in the Classical World, Cambridge, 1997.
452. *Krentz P.* Fighting by the Rules: The Invention of the Hoplite Agôn // Hesperia. 2002. Vol. 71. P. 23–39.
453. *Kulesza R.* Die Bestehung im politischen Leben Athens im 5. und 4. Jahrhundert v.Chr. Konstanz, 1995.
454. *Kyle D.G.* "The Only Woman in All Greece": Kyniska, Agesilaus, Alcibiades and Olympia // JSH. 2003. Vol. 30. No. 2. P. 183–203.

455. *LaForse B.* The Greek World, 371–336 // A Companion to the Classical Greek World. Oxf., 2006. P. 544–559.
456. *Laks A.* L'utopia legislative di Platone // Polis e cosmo in Platone. Milano, 1997. P. 65–83.
457. *Lamberton R.* Plutarch's Phocion: Melodrama of Mob and Elite in Occupied Athens // MiA. P. 8–13.
458. *Landucci Gattinoni F.* Demostene e il processo arpalico // PPMA. P. 93–106.
459. *Lane Fox R.* Aeschines and Athenian Democracy // Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis. Oxf., 1994. P. 135–155.
460. *Lanni A.M.* Spectator Sport or Serious Politics? οἱ περιεστηκότες and the Athenian Lawcourts // JHS. 1997. Vol. 117. P. 183–189.
461. *Lape S.* Race and Citizen Identity in the Classical Athenian Democracy. Cambridge, 2010.
462. *Lavency M.* The Written Plea of the Logographer // ORAO. P. 3–26.
463. *Lee J.W.I.* A Greek Army on the March: Soldiers and Survival in Xenophon's *Anabasis*. Cambridge, 2008.
464. *Lehmann G.A.* Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v.Chr. // AD. S. 139–150.
465. *Lehmann G.A.* Demosthenes von Athen: Ein Leben für die Freiheit. Biographie. München, 2004.
466. *Lendon J.E.* Spartan Honor // PaP. P. 105–126.
467. *Leppin H.* Zur Entwicklung der Verwaltung öffentlicher Gelder im Athen des 4. Jahrhundert v.Chr. // AD. S. 557–571.
468. *Leppin H.* Theophrasts "Charaktere" und die Bürgermentalität in Athen im Übergang zum Hellenismus // Klio. 2002. Bd. 84. Ht. 1. S. 37–56.
469. *Lewis D.M.* Selected Papers in Greek and Near Eastern History. Cambridge, 2002.
470. A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. by P.M. Fraser, E. Matthews. Vol. 3A: The Peloponnese, Western Greece, Sicily and Magna Graecia. Oxf., 2001.
471. *Link S.* Spartan Helotage – Character and Origins // Исседон. 2005. Т. 3. С. 36–45.
472. *Lintott A.* Violence, Civil Strife and Revolution in the Classical City 750–330 B.C. Baltimore, 1982. P. 252–253.
473. *Lippman M., Scahill D., Schultz P. Knights* 843–59, the Nike Temple Bastion, and Cleon's Shields from Pylos // American Journal of Archaeology. 2006. Vol. 110. No. 4. P. 551–563.
474. *Londey P.* Phokian Desperation: Private and Public in the Outbreak of the 3rd Sacred War // Private and Public Lies: The Discourse of Despotism and Deceit in the Craeco-Roman World. Leiden – Boston, 2010. P. 29–38.
475. *Loraux N.* L'invention d'Athènes: Histoire de l'oraison funèbre dans la cité classique. P., 1981.
476. *Loraux N.* The Invention of Athens: The Funeral Oration in the Classical City. Cambridge Mass., 1986.

477. *Luccioni J.* Démosthène et le panhellénisme. P., 1961.
478. *Luppino E.* Agesilao re di Sparta: immagine e realtà // L'immagine dell'uomo politico: vita pubblica e morale nell'antichità. Milano, 1991. P. 89–107.
479. *Luraghi N.* The Ancient Messenians: Constructions of Ethnicity and Memory. Cambridge, 2008.
480. *Luraghi N.* One-Man Government: The Greeks on Monarchy // A Companion to Ancient Greek Government. Oxf., 2013. P. 131–145.
481. *Maas P.* Zitate aus Demosthenes' Epitaphios bei Lykurgus // Hermes. 1928. Bd. 63. Ht. 1. S. 258–260.
482. *Maass E.* Untersuchungen zur Geschichte der griechischen Prosa // Hermes. 1887. Bd. 22. S. 566–572.
483. *MacDowell D.M.* Law-Making at Athens in the Fourth Century B.C. // JHS. 1975. Vol. 95. P. 62–74.
484. *MacDowell D.M.* Athenian Laws about Choruses // Symposion 1982: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 65–77.
485. *MacDowell D.M.* The Authenticity of Demosthenes 29 (Against Aphobos III) as a Source of Information about Athenian Law // Symposion 1985. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 253–262.
486. *Mansouri S.* Athènes vue par ses métèques (V^{e}–IVe siècle av. J.-C.). P., 2011.
487. *Manville P.B.* The Origins of Citizenship in Ancient Athens. Princeton, 1990.
488. *Mari M.* Atene, l'impero e le *apoikiai*. Riflessioni sulla breve vita di Anfipoli 'ateniese' // Scuola Archeologica Italiana di Atene. Annuario. 2010. Vol. 38. Serie III, 10. P. 391–413.
489. *Marincola J.* The Persian Wars in Fourth-Century Oratory and Historiography // Cultural Responses to the Persian Wars: Antiquity to the Third Millennium. Oxf., 2007. P. 105–125.
490. *Marincola J.* Universal History from Ephorus to Diodorus // CGRH. Vol. 1. P. 171–179.
491. *Marsden E.W.* Macedonian Military Machinery and its Designers under Philip and Alexander // Ancient Macedonia II: Papers Read at the Second International Symposium Held in Thessaloniki, 19–24 August 1973. Thessaloniki, 1977. P. 211–223.
492. *Mastrocinque A.* Il dono nel mondo greco: dallo 'status symbol' ai processi per corruzione // PPMA. P. 9–18.
493. *Mazon P.* De la procédure suivi par Démosthène dans l'affaire de l'ambassade // Mélanges Gustave Glotz. T. 2. P., 1932. P. 565–573.
494. *Mehl A.* Geschichte in Fortsetzung: Wie, warum und wozu haben Autoren wie Polybios und Thukydides/Xenophon auf ein Ziel hin geschriebene Geschichtswerke Fortgesetzt? // Polybios und seine Historien. Stuttgart, 2013. S. 25–48.
495. *Meißner B.* Krieg und Strategie bei den Griechen // Seminari Romani di cultura Greca. 2002. Vol. 5. Fasc. 1. P. 107–135.
496. *Mihailov G.* La Thrace et la Macédoine jusqu'à l'invasion des Celtes // Ancient Macedonia: Papers Read at the First International Symposium Held in Thessaloniki, 26–29 August 1968. Thessaloniki, 1970. P. 76–85.

497. *Mikroyannakis E.* Aristotle and Alexander: On the Gradual Deterioration of their Relationship // MiA. P. 37–39.
498. *Millett P.* Sale, Credit and Exchange in Athenian Law and Society // Nomos. Essays in Athenian Law, Politics and Society. Cambridge, 1990. P. 167–194.
499. *Millett P.* Lending and Borrowing in Ancient Athens. Cambridge, 2002.
500. *Mills S.* Theseus, Tragedy and the Athenian Empire. Oxf., 1997.
501. *Mirhady D.C.* Dicaearchus of Messana: The Sources, Text and Translation // Dicaearchus of Messana: Text, Translation, and Discussion. New Brunswick, 2001. P. 1–142.
502. *Mitchell L.G.* Tyrannical Oligarchs at Athens // AT. P. 178–187.
503. *Mitchell L.G.* The Women of Ruling Families in Archaic and Classical Greece // ClQ. 2012. Vol. 62. No. 1. P. 1–21.
504. *Mitchell L.G., Rhodes P.J.* Friends and Enemies in Athenian Politics // G&R. 1996. Vol. 43. No. 1. P. 11–30.
505. *Molina Marín A.I.* Politíca y confrontación en los banquetes macedonios en la obra de Plutarco // SPhP. P. 201–209.
506. *Momigliano A.D.* Studies in Historiography. N.Y., 1966.
507. *Montgomery H.* The Way to Chaeronea: Foreign Policy, Decision-Making and Political Influence in Demosthenes' Speeches. Bergen, 1983.
508. *Moretti L.* Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici. Roma, 1957.
509. *Moretti L.* Ricerche sulle leghe greche (Peloponnesiaca – Beotica – Licia). R., 1962.
510. *Morford M.P.O. Ethopoiia* and Character-Assassination in the *Conon* of Demosthenes // Mnemosyne. 1966. Vol. 19. Fasc. 3. P. 241–248.
511. *Morgan C.* Politics without the Polis: Cities and the Achaean Ethnos, c. 800–500 BC // AltA. P. 189–211.
512. *Morgan C.* Early Greek States beyond the Polis. L. – N.Y., 2003.
513. *Mossé C.* Métèques et étrangers à Athènes aux IVe – IIIe siècles avant notre ère // Symposion 1971. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 205–213.
514. *Mossé C.* Citoyens "actifs" et citoyens "passifs" à Athènes au IVème siècle av. J.-C. // Symposion 1977: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1982. S. 157–160.
515. *Mossé C.* Le Contre Spoudias de Démosthène et les doits économiques des femmes d'Athènes au IVème siècle // Symposion 1985. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1989. S. 215–219.
516. *Mossé C.* Démosthène ou les ambiquïtés de la politique. P., 1994.
517. *Mossé C.* La classe politique à Athènes au IVème siècle // AD. S. 67–77.
518. *Mossé C.* Plutarch and the Sicilian Tyrants // AT. P. 188–196.
519. *Muccioli F.* Gli onori divini per Lisandro a Samo. A proposito di Plutarchus, *Lysander* 18 // The Statesman in Plutarch's Works: Proceedings of the Sixth International Conference of the International Plutarch Society. Vol. 2: The Statesman in Plutarch's Greek and Roman *Lives*. Leiden – Boston, 2005. P. 199–213.

520. *Mulgan R.G.* Aristotle and Absolute Rule // Antichthon. 1974. Vol. 8. P. 21–28.
521. *Mulgan R.G.* Lot as a Democratic Device of Selection // The Review of Politics. 1984. Vol. 46. No. 4. P. 539–560.
522. *Nawotka K.* Alexander the Great: King of Persia // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12: Из истории античности и нового времени: Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2013. С. 187–199.
523. *Nielsen D.A.* Pericles and the Plague: Civic Religion, Anomie, and Injustice in Thucydides // Sociology of Religion. 1996. Vol. 57. No. 4. P. 397–407.
524. *Nielsen T.H.* Was there an Arkadian Confederacy in the Fifth Century B.C.? // MSAGP. Stuttgart, 1996. P. 39–61.
525. *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989.
526. *Ober J.* Power and Oratory in Democratic Athens: Demosthenes 21, Against Meidias // Persuasion: Greek Rhetoric in Action. L. – N.Y., 1994. P. 85–108.
527. *Ogden D.* Crooked Speech: The Genesis of the Spartan Rhetra // JHS. 1994. Vol. 114. P. 85–102.
528. *Olding G.* Myth and Writing in Aeschines' *Against Timarchus* // PO. P. 155–170.
529. *Oliver G.J.* Oligarchy at Athens after the Lamian War: Epigraphic Evidence for the *Boule* and the *Ekklesia* // MiA. P. 40–51.
530. *Oliver J.H.* The Athenian Expounders of the Sacred and Ancestral Law. Baltimore, 1950.
531. *Ollier F.* Le mirage spartiate: Étude sur l'idéalisation de Sparte dans l'antiquité grecque. Vol. 1–2. Lyon – P., 1933–1943.
532. *Osborne R.* The Demos and its Divisions in Classical Athens // GC. P. 265–293;
533. *Osborne R.* Law, the Democratic Citizen and the Representation of Women in Classical Athens // Past & Present. 1997. No. 155. P. 3–33.
534. *Ostwald M.* Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy. Oxf., 1969.
535. *Ostwald M.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens. Berkeley, 1986.
536. *O'Sullivan L.-L.* Athenian Impiety Trials in the Late Fourth Century // ClQ. 1997. Vol. 47. No. 1. P. 136–152.
537. *Papakonstantinou Z.* Alcibiades in Olympia: Olympic Ideology, Sport and Social Conflict in Classical Athens // JSH. 2003. Vol. 30. No. 2. P. 173–182.
538. *Parker V.* Sphodrias' Raid and the Liberation of Thebes: A Study of Ephorus and Xenophon // Hermes. 2007. Bd. 135. Ht. 1. S. 13–33.
539. *Paschidis P.* Between City and King. Prosopographical Studies on the Intermediaries between the Cities of the Greek Mainland and the Aegean and the Royal Courts in the Hellenistic Period (322–190 BC). Athens, 2008.
540. *Patronis V.* Economic Ideas of Ancient Greek Philosophers: Assessing their Impact on the Formation of the World Economic Thought // HD. P. 13.

541. *Perlman S.* The Politicians in the Athenian Democracy of the Fourth Century B.C. // Athenaeum. 1963. Vol. 41. P. 327–355.
542. *Perrin É.* Héracleidès le Crétois à Athènes: les plaisirs du tourisme culturel // REG. 1994. T. 107. P. 192–202.
543. *Piérart M.* Athènes et ses lois: discours politiques et pratiques institutionelles // Revue des études anciennes. 1987. Vol. 89. No. 1/2. P. 21–37.
544. *Piérart M.* Du règne des philosophes à la souveraineté des lois // AD. S. 249–268.
545. *Plass H.G.* Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen. Bremen, 1852.
546. *Plezia M.* Agesilaos und Timotheos: Zwei Staatsmännersporträts aus der Mitte des IV Jhs. // Illinois Classical Studies. 1982. Vol. 7. No. 1. P. 43–61.
547. *Poulakos J.* Rhetoric and Civic Education: From the Sophists to Isocrates // ICE. P. 69–83.
548. *Powell A.* Athens and Sparta: Constructing Greek Political and Social History from 478 BC. 2 ed. L. – N.Y., 2001.
549. *Purcell N.* Mobility and the Polis // GC. P. 29–58.
550. *Raaflaub K.* Die Entdeckung der Freiheit: Zur historischen Semantik und Gesellschaftsgeschichte eines politischen Fundbegriffes der Griechen. München, 1985.
551. *Ranke L. von.* Perikles: Die Blütezeit Athens. B., 1942.
552. *Raubitschek A.E.* Menon, Son of Menekleides // Hesperia. 1955. Vol. 24. No. 4. P. 286–289.
553. *Reden S. von.* Exchange in Ancient Greece. L., 1995.
554. *Reed C.M.* Maritime Traders in the Ancient Greek World. Cambridge, 2003.
555. *Rhodes P.J.* Εἰσαγγελία in Athens // JHS. 1979. Vol. 99. P. 103–114.
556. *Rhodes P.J.* Nomothesia in Fourth-Century Athens // ClQ. 1985. Vol. 35. No. 1. P. 55–60.
557. *Rhodes P.J.* Political Activity in Classical Athens // JHS. 1986. Vol. 106. P. 132–144.
558. *Rhodes P.J.* Ancient Democracy and Modern Ideology. L., 2003.
559. *Rhodes P.J.* The Organization of Athenian Public Finance // G&R. 2013. Vol. 60. No. 2. P. 203–231.
560. *Rhodes P.J., Lewis D.M.* The Decrees of the Greek States. Oxf., 1997.
561. *Rhodes P.J., Osborne R.* Greek Historical Inscriptions 404–323 BC. Oxf., 2007.
562. *Richardson N.J.* Innovazione poetica e mutamenti religiosi nell'antica Grecia // Studi classici e orientali. 1983. Vol. 33. P. 15–27.
563. *Roberts J.T.* Athens' So-Called Unofficial Politicians // Hermes. 1982. Bd. 110. Ht. 3. S. 354–362.
564. *Robertson N.* The Sequence of Events in the Aegean in 408 and 407 B.C. // Historia. 1980. Bd. 29. Ht. 3. S. 282–301.
565. *Roisman J.* Classical Macedonia to Perdiccas III // CAM. P. 145–165.
566. *Romilly J. de.* Magic and Rhetoric in Ancient Greece. Cambridge Mass., 1975.
567. *Roos A.G.* Chronologisches zur Geschichte der Dreißig // Klio. 1920. Bd. 17. Ht. 1/2. S. 1–15.

568. *Rotroff S.I., Camp J.M.* The Date of the Third Period of the Pnyx // Hesperia. 1996. Vol. 65. No. 3. P. 264–294.
569. *Rowe C.J.* Killing Socrates: Plato's Later Thoughts on Democracy // JHS. 2001. Vol. 121. P. 63–76.
570. *Rowe G.O.* The Many Facets of *Hybris* in Demosthenes' *Against Meidias* // AJPh. 1993. Vol. 114. No. 3. P. 397–406.
571. *Roy J.* Problems of Democracy in the Arcadian Confederacy 370–362 BC // AltA. P. 308–326.
572. *Ruberto A.* La vittoria di Serse in Grecia. Problemi, testimonianze, ipotesi // Klio. 2012. Vol. 94. No. 2. P. 300–311.
573. *Rubincam C.* The Topography of Pylos and Sphakteria and Thucydides' Measurements of Distance // JHS. 2001. Vol. 121. P. 77–90.
574. *Rutherford I.* Mestra at Athens: Hesiod fr. 43 and the Poetics of Panhellenism // The Hesiodic *Catalogue of Women*: Constructions and Reconstructions. Cambridge, 2005. P. 99–117.
575. *Ruzicka S.* The Politics of Persian Autocracy, 424–334 B.C. // AT. P. 224–237.
576. *Schachermeyr F.* Forschungen und Betrachtungen zur griechischen und romischen Geschichte. Wien, 1974.
577. *Schaps D.M.* The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece. Ann Arbor, 2004.
578. *Schepens G.* À la recherche d'Agésilas: Le roi de Sparte dans le jugement des historiens du IVe siècle av. J.-C. // REG. 2005. Vol. 118. P. 31–78.
579. *Schubert Ch.* Der Areopag: Ein Gerichtshof zwischen Politik und Recht // GPAA. S. 50–65.
580. *Schuller W.* Der Kranzprozeß des Jahres 330 v.Chr. oder: Der Abgesang auf die klassische Polis // GPAA. S. 190–200.
581. *Schütrumpf E.* Politische Reformmodelle im vierten Jahrhundert. Grundsätzliche Annahmen politischer Theorie und Versuche konkreter Lösungen // AD. S. 293 ff.
582. *Scodel R.* Lycurgus and the State Text of Tragedy // PO. P. 129–154.
583. *Seaford R.* Money and the Early Greek Mind: Homer, Philosophy, Tragedy. Cambridge, 2004.
584. *Sealey R.* A History of the Greek City States ca. 700 – 338 B.C. Berkeley, 1976.
585. *Sealey R.* Demosthenes and his Time: A Study in Defeat. Oxf., 1993.
586. *Seibert J.* Die politischen Flülchtlinge und Verbannten in der griechischen Geschichte. Darmstadt, 1979. Bd. 1–2.
587. *Semenov A.* Hypereides und Phryne // Klio. 1935. Bd. 28. S. 271–279.
588. *Shear T.L.* Tyrants and Buildings in Archaic Athens // Athens Comes of Age: From Solon to Salamis. Princeton, 1978. P. 1–19.
589. *Shipley D.G.J.* Pseudo-Skylax and the Natural Philosophers // JHS. 2012. Vol. 132. P. 121–138.
590. *Shipley G.* A History of Samos 800–188 B.C. Oxf., 1987.

591. *Shipley G.* "The Other Lakedaimonians": The Dependent Perioikic Poleis of Laconia and Messenia // The Polis as an Urban Centre and as a Political Community. Copenhagen, 1997. P. 189–281.
592. *Shipton K.* Money and the Élite in Classical Athens // MUAGW. P. 129–144.
593. *Siapkas J.* Heterological Ethnicity: Conceptualizing Identities in Ancient Greece. Uppsala, 2003.
594. *Sordi M.* Il santuario di Olimpia e la guerra d'Elide // CISA. 1984. Vol. 10. P. 20–30.
595. *Sourvinou-Inwood C.* Greek Perceptions of Ethnicity and the Ethnicity of the Macedonians // Identità e prassi storica nel Mediterraneo Greco. Milano, 2002. P. 173–203.
596. *Sprawski S.* Alexander of Pherae: *Infelix* Tyrant // AT. P. 135–147.
597. *Steinbock B.* A Lesson in Patriotism: Lycurgus' *Against Leocrates*, the Ideology of the Ephebeia, and Athenian Social Memory // ClA. 2011. Vol. 30. No. 2. P. 279–317.
598. *Strauss B.S.* Athens after the Peloponnesian War: Class, Faction and Policy 403–386 B.C. Croom Helm, 1986.
599. *Surikov I.E.* Athenian Nobles and the Olympic Games // Mésogeios. 2004. Vol. 24. P. 185–208.
600. *Sykutris J.* Der demosthenische Epitaphios // Hermes. 1928. Bd. 63. Ht. 1. S. 241–258.
601. *Taeger F.* Charisma: Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes, Bd. 1. Stuttgart, 1957.
602. *Taylor M.C.* Thucydides, Pericles, and the Idea of Athens in the Peloponnesian War. Cambridge, 2010.
603. *Thein A.* Sulla the Weak Tyrant // AT. P. 238–249.
604. *Thomas R.* Thucydides' Intellectual Milieu and the Plague // Brill's Companion to Thucydides. Leiden, 2006. P. 87–108.
605. *Thür G.* Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse? // AD. S. 321–331.
606. *Thür G.* Das Gerichtswesen Athens im 4. Jahrhundert v.Chr. // GPAA. S. 30–49.
607. *Tigerstedt E.N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. Vol. 1–2. Stockholm, 1965–1978.
608. *Trevett P.* Coinage and Democracy at Athens // MUAGW. P. 23–34.
609. *Tritle L.A.* Eretria, Argoura, and the Road to Tamynai: The Athenians in Euboia, 348 B.C. // Klio. 1992. Bd. 74. S. 131–165.
610. *Trundle M.* Greek Mercenaries: From the Late Archaic Period to Alexander. L. – N.Y., 2004.
611. *Trundle M.* Money and the Great Man in the Fourth Century BC: Military Power, Aristocratic Connections and Mercenary Service // AT. P. 65–76.
612. *Tumans H.* Pericles Forever (Short Version) // HD. P. 50–58.
613. *Tuplin C.* Xenophon, Sparta and the *Cyropaedia* // ShS. P. 127–181.
614. *Vanderpool E.* Kleophon // Hesperia. 1952. Vol. 21. No. 2. P. 114–115.
615. *Várzeas M.* Tragedy and *Philanthropia* in the *Lives of Demosthenes and Cicero* // SPhP. P. 333–340.

616. *Vernant J.-P., Vidal-Naquet P.* Mythe et tragedie en Grèce ancienne. T. 2. P., 1986.
617. *Versnel H.* Religion and Democracy // AD. S. 367–387.
618. *Walker H.J.* Theseus and Athens. Oxf., 1995.
619. *Wallner B.* Die Perioiken im Staat Lakedaimon. Hamburg, 2008.
620. *Wardman A.E.* Plutarch's Methods in the *Lives* // ClQ. 1971. Vol. 21. No. 1. P. 254–261.
621. *Wardy R.* Rhetoric // GT. P. 465–485.
622. *Warmington E.H.*. Dicaearchus // The Oxford Classical Dictionary. 2 ed. Oxf., 1970. P. 338.
623. *Watson J.* The Origin of Metic Status at Athens // The Cambridge Classical Journal. 2010. Vol. 56. P. 259–278.
624. *Welwei K.-W.* Sparta: Aufstieg und Niedergang einer antiken Großmacht. Stuttgart, 2004.
625. *Westlake H.D.* Conon and Rhodes: The Troubled Aftermath of Synoecism // GRBS. 1983. Vol. 24. No. 4. P. 333–344.
626. *Westlake H.D.* The Sources for the Spartan Debacle at Haliartus // Xenophon. Oxf., 2010. P. 457–475.
627. *Wheeler E.L.* The General as Hoplite // Hoplites: The Classical Greek Battle Experience. L., 1993. P. 153.
628. *Whitehead D.* Athenian Demes as Poleis (Thuc. 2. 16. 2.) // ClQ. 2001. Vol. 51. No. 2. P. 604–607.
629. *Wiesehöfer J.* Greeks and Persians // A Companion to Archaic Greece. Oxf., 2009. P. 162–185.
630. *Will W.* Perikles. Reinbek, 1995.
631. *Will W.* Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003.
632. *Williams J.* Ideology and the Constitution of Demetrius of Phalerum // PaP. P. 327–346.
633. *Wilson P.J.* Demosthenes 21 (*Against Meidias*): Democratic Abuse // Ancient Greek Democracy: Readings and Sources. Oxf., 2004. P. 211–231.
634. *Wolff H.J.* Demosthenes as Advocate: The Functions and Methods of Legal Consultants in Classical Athens // ORAO. P. 91–114.
635. *Wonder J.W.* The Italiote League: South Italian Alliances of the Fifth and Fourth Centuries BC // ClA. 2012. Vol. 31. No. 1. P. 128–151.
636. *Worthington I.* Rhetoric and Politics in Classical Greece: Rise of the *Rhētores* // CGR. P. 255–271.
637. *Worthington I.* Demosthenes of Athens and the Fall of Classical Greece. Oxf., 2013.
638. *Yunis H.* Politics as Literature: Demosthenes and the Burden of the Athenian Past // ORAO. P. 372–390.
639. *Ziolkowski J.* Thucydides and the Tradition of Funeral Speeches in Athens. N.Y., 1981.
640. Κριτζάς Χ.Β. Τὸ πρῶτο μεγαρικὸ ὄστρακον // ΗΟΡΟΣ. 1987. Τ. 5. Σ. 59–73.

Список сокращений

АВ – Античный вестник (Омск).

АГ-1 – *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М., 2005.

АГ-2 – *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Время расцвета демократии. М., 2008.

АГ-3 – *Суриков И.Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М., 2011.

АМА – Античный мир и археология (Саратов).

АП –Античный полис: Курс лекций. М., 2010.

АПК –Античность: политика и культура. Казань, 1998.

АЦВ –Античная цивилизация и варвары. М., 2006.

ВДИ –Вестник древней истории.

ВЭ –Вопросы эпиграфики.

ГАС –Город в античности и средневековье: общеевропейский контекст. Ч. 1–2. Ярославль, 2010.

ДБ –Древности Боспора.

ДП –Древнее право.

ИИАО –Из истории античного общества (Нижний Новгород).

ИМПСО –История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2008.

МГОДА –Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1–2. Казань, 2000–2002.

ПИИРЭМ –Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 2009.

ПИФК –Проблемы истории, филологии, культуры.
ЭЭПК –Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990.
AA –Aristote et Athènes. P., 1993.
AAASH –Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae.
AAe –Antiquitas aeterna.
AD –Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart, 1995.
AJPh –American Journal of Philology.
AltA –Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece. Oxf., 2000.
AT –Ancient Tyranny. Edinburgh, 2006.
CAM –A Companion to Ancient Macedonia. Oxf., 2010.
CGR –A Companion to Greek Rhetoric. Oxf., 2007.
CGRH –A Companion to Greek and Roman Historiography. Vol. 1–2. Oxf., 2007.
CISA –Contributi dell'Istituto di storia antica (Milano).
ClA –Classical Antiquity.
ClQ –Classical Quarterly.
DK –*Diels H., Kranz W.* Die Fragmente der Vorsokratiker.
FGrHist –*Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker.
FSAGP –Further Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart, 2000.
G&R –Greece & Rome.
GC –The Greek City: From Homer to Alexander. Oxf., 1991.
GPAA –Große Prozesse im antiken Athen. München, 2000.
GRBS –Greek, Roman and Byzantine Studies.
HD –Hellenic Dimension: Materials of the Riga 3rd International Conference on Hellenic Studies. Riga, 2012.
IAW –Imperialism in the Ancient World. Cambridge, 1978.
ICE –Isocrates and Civic Education. Austin, 2004.
IG –Inscriptiones Graecae.
JHS –Journal of Hellenic Studies.
JSH –Journal of Sport History.
MiA –The Macedonians in Athens 322–229 B.C. Oxf., 2003.
ML –*Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf., 1989.
MSAGP –More Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart, 1997.
MUAGW –Money and its Uses in the Ancient Greek World. Oxf., 2001.
NNNAGL –Narrators, Narratees, and Narratives in Ancient Greek Literature:

Studies in Ancient Greek Narrative, Vol. 1. Leiden – Boston, 2004.
ORAO – Oxford Readings in the Attic Orators. Oxf., 2007.
PaP – Polis and Polemos: Essays on Politics, War and History in Ancient Greece in Honor of D. Kagan. Claremont, 1997.
PPMA – Processi e politica nel mondo antico. Milano, 1996.
RE – Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.
REG – Revue des études grecques.
RO – *Rhodes P.J., Osborne R.* Greek Historical Inscriptions 404–323 BC. Oxf., 2007.
SH – Studia historica.
ShS – The Shadow of Sparta. L. – N.Y., 1994.
SPhP – *Symposion* and *Philanthropia* in Plutarch. Coimbra, 2009.
TLG – Thesaurus linguae Graecae.

Научное издание

Печатается по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского

И.Е. Суриков
Античная Греция: политики в контексте эпохи.
На пороге нового мира.

Редактор: *А.В. Усачева*
Дизайн макета и верстка: *И.Р. Яворский*
Дизайн обложки: *Е.А. Горева*

Русский Фонд Содействия Образованию и Науке.
119435, Москва, Малая Пироговская, 13.
www.s-and-e.ru

Подписано в печать 25.08.15. Бумага офсетная.
Формат 70×100 1/16. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Печ. л. 25,0. Тираж 1000 экз.. Первый завод 500 экз. Заказ № ????

Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6